

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

IV

2025

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 4 / 2025

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4

*Свидетельство о
регистрации*

Эл № ФС77-59844
от 17 ноября 2014

ISSN

2542-212X

Периодичность

4 раза в год

Учредитель/Издатель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образова-
ния «Кабардино-Балкарский гос-
ударственный университет
им. Х.М. Бербекова»

Е-mail редакции

caucasology.kbsu@mail.ru

URL-адрес издания

[http://www.kbsu.ru/nauchnye-iz-
daniya/zhurnal-kavkazologiya/](http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/)

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, главный научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, профессор, руководитель Центра развития цифровой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии образования, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афаковна, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллари Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Principal research fellow, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, Head of the Department of Modern and Contemporary History of the Chechen State University, Grozny, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, Professor, CEO, Lomonosov Moscow State University Digital Economy Development Center, Full Member of the Russian Academy of Education, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Professor, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Principal Research Fellow, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор
Абазов Алексей Хасанович
доктор исторических наук, доцент

Заместитель главного редактора
Кажаров Артур Гусманович
доктор исторических наук, доцент

Ответственный секретарь
Анищенко Елена Александровна

Редактор текстов на английском языке
Ашхотова Алина Пшимурзовна

Редакционная коллегия:

Акиева Светлана Исмаиловна – доктор исторических наук;
Албогачиева Макка Султан-Гиреевна – доктор исторических наук;
Аликаев Рашид Султанович – доктор филологических наук, профессор;
Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор;
Баразбиев Муслим Исмаилович – кандидат исторических наук;
Бауаев Казим Каллетович – доктор филологических наук, доцент;
Башиева Светлана Конакбиевна – доктор филологических наук, профессор;
Берберов Бурхан Абуюсуфович – доктор филологических наук;
Бижева Зара Хаджимуратовна – доктор филологических наук, профессор;
Бижоев Борис Чамалович – доктор филологических наук;
Бозиева Наима Борисовна – кандидат филологических наук;
Боров Аслан Хажисмелович – кандидат исторических наук, доцент;
Борова Асият Руслановна – доктор филологических наук;
Бухуров Мухамед Фуадович – кандидат филологических наук;
Геграев Хаким Камильевич – кандидат исторических наук;
Гутов Адам Мухамедович – доктор филологических наук, профессор;
Дзамихов Касболат Фицевич – доктор исторических наук, профессор;
Канукова Залина Владимировна – доктор исторических наук, профессор;
Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук;
Кудаева Зинаида Жантемировна – доктор филологических наук, доцент;
Кузьминов Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор;
Кучукова Зухра Ахметовна – доктор филологических наук, профессор;
Кушхабиев Анзор Викторович – доктор исторических наук, доцент;
Лобанов Владимир Борисович – кандидат исторических наук;
Мамсиров Хамитби Борисович – доктор исторических наук, профессор;
Муратова Елена Георгиевна – доктор исторических наук, профессор;
Нальчикова Елена Аниуаровна – кандидат исторических наук, доцент;
Прасолов Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент;
Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич – доктор исторических наук, профессор;
Сокаева Диана Вайнерова – доктор филологических наук;
Тамазов Муслим Султанович – кандидат исторических наук;
Тимижев Хамиша Тарканович – доктор филологических наук, профессор;
Тумов Аскер Асланбекович – кандидат исторических наук;
Узденова Фатима Таулановна – доктор филологических наук;
Улаков Махти Зейтунович – доктор филологических наук, профессор;
Хавжокова Людмила Борисовна – доктор филологических наук;
Хараева Лариса Ханбиевна – доктор филологических наук, профессор.

Editor-in-Chief

Abazov Alexey Khasanovich

doctor of science (history), associate professor

Deputy Editor-in-Chief

Kazharov Artur Gusmanovich

doctor of science (history), associate professor

Executive Secretary

Anishchenko Elena Aleksandrovna

English text editor

Ashkhotova Alina Pshimurzovna

Editorial board:

Akkieva Svetlana Ismailovna – doctor of science (history);
Albogachieva Makka Sultan-Gireevna – doctor of science (history);
Alikaev Rashid Sultanovich – doctor of science (philology), professor;
Astvatsaturova Maya Artashesovna – doctor of science (political science), professor;
Barazbiev Muslim Ismailovich – PhD (in history);
Bauaev Kazim Kalletovich – doctor of science (philology), associate professor;
Bashieva Svetlana Konakbievna – doctor of science (philology), professor;
Berberov Burkhan Abuyusufovich – doctor of science (philology);
Bizheva Zara Khadzhimuratovna – doctor of science (philology), professor;
Bizhoev Boris Chamalovich – doctor of science (philology);
Bozieva Naima Borisovna – PhD (in philology);
Borov Aslan Khazhismelovich – PhD (in history), associate professor;
Borova Asiyat Ruslanovna – doctor of science (philology);
Bukhurov Muhamed Fuadovich – PhD (in philology);
Gegraev Hakim Kamilevich – PhD (in history);
Gutov Adam Mukhamedovich – doctor of science (philology), professor;
Dzamikhov Kasbolat Fitzevich – doctor of science (history), professor;
Kanukova Zalina Vladimirovna – doctor of science (history), professor;
Ketenchiev Mussa Bakhautdinovich – doctor of science (philology);
Kudaeva Zinaida Zhantemirovna – doctor of science (philology), associate professor;
Kuzminov Petr Abramovich – doctor of science (history), professor;
Kuchukova Zukhra Akhmetovna – doctor of science (philology), professor;
Kushkhabiev Anzor Viktorovich – doctor of science (history), associate professor;
Lobanov Vladimir Borisovich – PhD (in history);
Mamsirov Khamitbi Borisovich – doctor of science (history), professor;
Muratova Elena Georgievna – doctor of science (history), professor;
Nalchikova Elena Aniuarovna – PhD (in history), associate professor;
Prasolov Dmitry Nikolaevich – PhD (in history), associate professor;
Sabanchiev Haji-Murat Alekseevich – doctor of science (history), professor;
Sokaeva Diana Vainerova – doctor of science (philology);
Tamazov Muslim Sultanovich – PhD (in history);
Timizhev Khamisha Tarkanovich – doctor of science (philology), professor;
Tumov Asker Aslanbekovich – PhD (in history);
Uzdenova Fatima Taulanovna – doctor of science (philology);
Ulakov Makhti Zeitunovich – doctor of science (philology), professor;
Khavzhokova Lyudmila Borisovna – doctor of science (in philology);
Kharaeva Larisa Khanbievna – doctor of science (philology), professor.

СОДЕРЖАНИЕ***ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ*****Общие проблемы****Боров А.Х., Дзамихов К.Ф.**Обобщающий труд по истории Кабардино-Балкарии:
концептуальные рамки

18-44

Средневековая и новая история**Кожев З.А.**Потенциальные векторы миграционной активности на Центральном
Кавказе во второй половине XVIII века: этносоциальный аспект

45-60

Дышеков М.В.Организационно-правовые особенности меновой торговли
на Кавказе в первой половине XIX века

61-72

Чочиев Г.В.Позиция и дипломатические демарши Англии в связи с исходом
черкесов в Османскую империю в 1864 году

73-89

Скрипкин Р.Д., Гугова М.Х.Проекты и реалии преобразования слободы Нальчик в город
в 80-е годы XIX века

90-103

Исмаилова А.М.Организация быта государственных крестьян Кавказского края
после проведения земельных реформ

(вторая половина XIX – начало XX века) (ретрагировано 22.04.2026 г.)

104-123

Новейшая история**Максимов М.А.**Дискуссия в британском правительстве по вопросу об интервенции
в Закавказье в декабре 1918 – марте 1919 года

124-136

Швайба Н.И.Повседневность преподавателей Донского (Северо-Кавказского)
государственного университета в 1920-е годы

137-154

Яхутль Ю.А.

Реализация политики «коренизации» в Адыгейской автономной области в 1920-х – 1930-х годах: проблемы и достижения 155-164

Кузьминов П.А., Гуртуев Р.С., Махов И.Р.

Открытие Тырныаузского вольфрамомолибденового месторождения 165-175

Татаров А.А.

Общественно-экономическое положение на Кавказе в 1930-х годах как предмет политического анализа в Соединённых Штатах Америки 176-185

Гедуев А.У.

Роль районных властей в стабилизации общественно-политического и экономического положения после нацистской оккупации: на материалах Терского района Кабардино-Балкарии в 1943 году 186-198

Этнология, антропология и этнография**Гусейнов Ю.М.**

Надгробные визуальные маскулинные символы на мужских могилах: на примере селений Гилной и Эндирей 199-211

Лакунова Д.Р.

Пространственная символика погребальных обрядов и ревитализация культа души (псэ) в похоронно-поминальной обрядности кабардинцев 212-225

Гучева А.В., Сомгурова М.А.

Экологическая природа музыки черкесов (адыгов): истоки и концепции экологического сознания 226-238

Историография, источниковедение, методы исторического исследования**Бербекова М.Х.**

Об источниках Кабардинской общественной суммы: публикация записки председателя Кавказского комитета (22 декабря 1848 года) 239-248

Жерештиев А.А.

Изучение истории Нальчикского горского словесного суда в современном кавказоведении 249-266

Слепцов А.С.

Институты государственной власти в отражении донской прессы 1914 года 267-284

Жанситов О.А.

Публикации А. Цаликова в газете «Вольный горец»
как источник по истории революционного периода в Кабарде 285-293

Сулаберидзе Ю.С.

Николай (Нико) Александрович Бердзенишвили
– исследователь грузино-русских взаимоотношений XVI-XVIII веков 294-303

Тверитинов И.А.

Историография проблем развития
Сочинской городской агломерации 304-319

Тумаков Д.В.

Действия центральных властей при урегулировании
осетино-ингушского конфликта 1992 года в оценках федеральной печати 320-339

ФИЛОЛОГИЯ

**Литература народов Российской Федерации
(литература народов Северного Кавказа)**

Атабиева А.Д.

Психологическая проза А. Биттировой: этический, социальный,
гендерный аспекты осмысления 340-356

Кадимов Р.Г.

Медитативная лирика Етима Эмина 357-367

Кажарова И.А.

Метафизика сновидения в рассказе Заура Канкулова «Светлая копоть» 368-379

Узденова Ф.Т., Толгуров Т.З.

Полистадиальность и темпоральность карачаево-балкарского романа
(на материале дилогии «Айсанат» А. Урусовой) 380-393

Хъэвжокъуэ Л.Б.

Тхъэгъэпсэу Увжыкъуэ и усыгъэр: зыхуэунэтIа лъаплэгъэхэр,
жанр зэхэлъыкIэр, гъэпсыкIэр 394-409

Ханбалаева С.Н., Бекулова Ж.С.

Аллюзивная интертекстуальность в эссе
Бориса Чипчикова «Мы жили рядышком с Граалем» 410-418

Ханинова Р.М.

Образ ковыля в калмыцкой русскоязычной лирике 419-430

Фольклористика

Кусаева З.К.

Семантическая универсалия «Час прошений» («Цыкурайы Сахат» / «Курдиаты Сахат») в «Нартиаде» и этнокультурной традиции осетин 431-440

Русский язык. Языки народов России

Абдуллабекова У.Б.

Терминологические словари советского периода в кумыкском языке (конец 1930-х гг. – 1990-е гг.) 441-451

Къумыкъу Д.М.

Зэпэщыт псалъэхэм къэбэрдей-шэрджэс жъабзэм шагъэзащIэ къалэнхэм теухуауэ: амфитезэ 452-462

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Аликаев Р.С.

Мориц Лацарус и аспекты психологической концепции языка 463-473

Губжокова Н.К.

Ландшафтный культурный код в адыгской лингвокультуре (на примере *гъогу* «дорога») 474-486

Кимов Р.С., Хатухова Л.В.

Сравнительный семантический анализ позиционных глаголов в русском, кабардинском и английском языках 487-501

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Проблемы современного общества и экономики

Апажева С.С., Нальчикова Е.А., Захохова М.Р.

Этнополитическая стабильность Кабардино-Балкарии перед лицом современных политических вызовов 502-520

Социальные процессы на Кавказе

Челпанова Д.Д.

Миграционные стратегии и адаптационные практики россиян в Армении после 2022 года (на материалах глубинных интервью 2024 года) 521-530

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Апажева Е.Х.

Нацистская оккупация Кабардино-Балкарии
в годы Великой Отечественной войны: история без срока давности 531-540

Анчабадзе Ю.Д.

Рецензия на монографию «Гусейнов Ю.М. Адат и шариат в быту
у кумыков в XIX-XXI вв. – Махачкала: Дагестанский
государственный университет народного хозяйства, 2023. – 400 с.» 541-547

НАШИ АВТОРЫ 548-552

CONTENTS

*HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY***Common problems****Borov A.Kh., Dzamihov C.F.**A Generalizing work on the history of Kabardino-Balkaria:
conceptual framework

18-44

Medieval and modern history**Kozhev Z.A.**Potential vectors of migration activity in the Central Caucasus
in the second half of the XVIII-th century: ethnosocial aspect

45-60

Dyshekov M.V.Organizational and legal features of exchange trade in the Caucasus in the
first half of the 19th century

61-72

Chochiev G.V.Position and diplomatic demarches of Great Britain in connection
with the exodus of the Circassians to the Ottoman Empire in 1864

73-89

Skripkin R.D., Gugova M.Kh.Projects and realities of transforming the village of Nalchik
into a city in the 1880s

90-103

Ismailova A.M.The organization of the lives of state peasants in the Caucasus region
after land reforms (second half of the 19th – early 20th centuries)

104-123

(Retagged on 22.04.2026)

Contemporary history**Maksimov M.A.**Discussion in the British government on the issue of intervention
in Transcaucasia in December 1918 – march 1919

124-136

Shvaiba N.I.The Don (North Caucasian State) University department staff
everyday life at the 1920s.

137-154

Yakhutl Yu.A.Implementation of the policy of "korenization" in the Adyghe
Autonomous Republic in the 1920s – 1930s: problems and achievements

155-164

Kuzminov P.A., Gurtuev R.S., Makhov I.R.

Discovery of Tyznyauz tungsten-molybdenum deposit

165-175

Tatarov A.A.The socioeconomic situation in the Caucasus in the 1930s
as a subject of political analysis in the United States

176-185

Geduev A.U.The role of local authorities in stabilizing the social, political,
and economic situation after the nazi occupation:
the Tersky district of Kabardino-Balkaria in 1943

186-198

Ethnology, Anthropology and Ethnography**Guseinov Y.M.**Tumulus visual masculine symbols on men's graves:
on the example of the village of Gilnoi and Endirei

199-211

Lakunova D.R.The spatial symbolism of funeral rites and the revitalization
of the soul cult in the funeral and memorial practices of the Kabardians

212-225

Gucheva A.V., Somgurova M.A.Circassians (adyghe) ecological nature of music:
the origins and concepts of ecological consciousness

226-238

Historiography, source studies, methods of historical research**Berbekova M.Kh.**On the sources of the Kabardian public fund: publication of a note
by the Chairman of the Caucasian Committee (December 22, 1848)

239-248

Zhereshtiev A.A.Studying the history of the Nalchik Mountain Verbal Court
in modern Caucasian studies

249-266

Sleptsov A.S.

State institutions in the don press in 1914

267-284

Zhansitov O.A.Publications of A. Tsalikov in the newspaper *Volny Gorets*
as a Source on the History of the Revolutionary Period in Kabarda

285-293

Sulaberidze Y.S.

Nikolai (Niko) Aleksandrovich Berdzenishvili is a researcher of Georgian-Russian relations in the 16th-18th centuries

294-303

Tveritinov I.A.

Historiography of the problems of development of the Sochi urban agglomeration

304-319

Tumakov D.V.

The central agency's actions in resolving the Ossetian-Ingush conflict in 1992, as perceived by the federal press

320-339

PHILOLOGY

**Literature of the peoples of the Russian Federation
(literature of the peoples of the North Caucasus)**

Atabieva A.D.

Psychological Prose by A. Bittirova: Ethical, Social, and Gender Aspects of Interpretation

340-356

Kadimov R.G.

Etim Emin's meditative lyrics

357-367

Kazharova I.A.

Metaphysics of dreaming in the story by Zaur Kankulov «Light sooth»

368-379

Uzdenova F.T., Tolgurov T. Z.

Polystadiality and temporality of Karachay-Balkar novel (based on A. Urusova's dilogy "Aisanat")

380-393

Khavzhokova L.B.

Poetic work of Uvzhuk Thagapsov: value orientations, genre paradigm, poetics

394-409

Khanbalaeva S.N., Bekulova Zh.S.

Allusive Intertextuality in Boris Chipchikov's Essay "We Lived Near the Grail"

410-418

Khaninova R.M.

The image of feather grass in kalmyk russian-language lyrics

419-430

Folklore studies**Kusaeva Z.K.**

Semantic universal "Hour of petitions" ("Tsykurayi sahat" / "Kurdiats sahat") in "Nartiada" and the ethnocultural tradition of the Ossetians 431-440

Russian language. Languages of the peoples of Russia**Abdullabekova U.B.**

Terminological dictionaries of the soviet period in the Kumyk language (late 1930s – 1990s) 441-451

Kumykova D.M.

On the semantic and stylistic possibilities of antonyms in speech: amphithesis (based on the Kabardino-Cherkes language) 452-462

Theoretical, applied and comparative linguistics**Alikaev R.S.**

Moritz Lazarus and Aspects of the Psychological Concept of Language 463-473

Gubzhockova N.K.

Landscape cultural code in Adigh linguoculture (on the example of the *gogu* «road») 474-486

Kimov R.S., Khatukhova L.V.

Comparative semantic analysis of posture verbs 'stand', 'sit', 'lie' in Russian, English and Kabardino-Circassian 487-501

MODERN PROCESSES**Problems of modern society and economy****Apazheva S.S., Nalchikova E.A., Zakhokhova M.R.**

Ethnopolitical stability of Kabardino-Balkaria in the face of modern political challenges 502-520

Social processes in the Caucasus**Chelpanova D.D.**

Migration strategies and adaptation practices of Russians in Armenia after 2022 (based on in-depth interviews conducted in 2024) 521-530

ESSAYS, NOTES, REVIEWS

Apazheva E.Kh.

The Nazi occupation of Kabardino-Balkaria during
the Great Patriotic War: A History Without a Statute of Limitations

531-540

Anchabadze Y.D.

Review of the monograph "Guseinov Yu.M. Adat and Sharia
in the Everyday Life of the Kumyks in the 19th-21st Centuries.
– Makhachkala: Dagestan State University
of National Economy, 2023. – 400 p."

541-547

OUR AUTHORS

548-552

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Общие проблемы

Научная статья

УДК 93/930(470.64)

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-18-44

EDN: ADROXY

ОБОБЩАЮЩИЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАМКИ

Аслан Хажисмелович Боров¹, Касболат Фицевич Дзамихов²

^{1,2} Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия

¹ aslan-borov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8396-6422>;

² casbolat2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4920-6221>

Аннотация: Целью статьи является привлечение внимания профессиональных историков Кабардино-Балкарии к положениям теории исторического знания, которые представляются методологически значимыми для построения обобщающего труда по истории региона, и предложить набросок концептуальной схемы такого труда как материал к обсуждению. Обобщающий нарратив представляет собой «ответ» на потребности и запросы современного общества, и обсуждение его концепции должно начинаться с определения этих потребностей и запросов. Усложняющим проблему фактором в случае Кабардино-Балкарии является сложная этноконфессиональная структура общества, множественность присутствующих в нем культурно-исторических идентичностей, способная порождать напряженность и конфликты. Преодоление связанных с этим познавательных трудностей возможно, если не замыкаться на прошлом и настоящем, а моделировать будущее, в котором страна и регион будут способны дать эффективный ответ на внешние и внутренние вызовы. Исторический нарратив, основанный на субъективно желаемом будущем, может быть интерсубъективно значимым (научным и объективным), если интегрирует в себя в качестве методического правила принцип взаимного признания и признательности различий в культуре (идентичностей). Аутентичной формой выражения преемственности и разрывов в историческом процессе является нарратив генетического типа, показывающий, как прошлые образцы деятельности трансформируются, чтобы быть включенными в современные условия. Теоретические рамки такого рода нарратива задаются сочетанием цивилизационного (социокультурного) и модернизационного подходов к интерпретации содержания исторического процесса. Объектом обобщающей истории региона выступает Кабардино-Балкария как пространственно-временная целостность, историческая область, в которой осуществляют свою жизнедеятельность и упорядочивают взаимные отношения кабардинцы, балкарцы и другие группы населения. Предметом истории региона является генезис современной Кабардино-Балкарии – становление, эволюция и смена форм социального порядка на ее территории, являвшиеся сначала продуктом исторического творчества ее народов, а затем – регулирующего и направляющего воздействия Российского государства.

Ключевые слова: Россия; Кабардино-Балкария; история; обобщающий труд; методология; концепция; основные этапы

Для цитирования: Боров А.Х., Дзамихов К.Ф. Обобщающий труд по истории Кабардино-Балкарии: концептуальные рамки // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 18-44. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-18-44. EDN: ADROXY.

© Боров А.Х., Дзамихов К.Ф., 2025

Original article

A GENERALIZING WORK ON THE HISTORY OF KABARDINO-BALKARIA: CONCEPTUAL FRAMEWORK

Aslan Kh. Borov¹, Casbolat F. Dzamihov²

^{1,2} Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

¹ aslan-borov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8396-6422>;

² casbolat2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4920-6221>

Abstract. The purpose of the article is to draw the attention of professional historians of Kabardino-Balkaria to the provisions of the theory of historical knowledge, which seem methodologically significant for the construction of a general work on the history of the region, and to offer a sketch of the conceptual scheme of such a work as material for discussion. The general narrative is a "response" to the needs and demands of modern society, and the discussion of its concept should begin with the definition of these needs and demands. A complicating factor in the case of Kabardino-Balkaria is the complex ethno-confessional structure of society, the multiplicity of cultural and historical identities present in it, which can give rise to tension and conflicts. Overcoming the cognitive difficulties associated with this is possible if we do not focus on the past and present, but model the future in which the country and the region will be able to effectively respond to external and internal challenges. A historical narrative based on a subjectively desired future can be intersubjectively meaningful (i.e. scientific and objective) if it integrates the principle of mutual recognition and acknowledgement of differences in culture (identities) as a methodological rule. An authentic form of expressing continuity and discontinuities in the historical process is a narrative of the genetic type, showing how past patterns of activity are transformed in order to be included in modern conditions. The theoretical framework of this type of narrative is set by a combination of civilizational (sociocultural) and modernization approaches to interpreting the content of the historical process. The object of the generalizing history of the region is Kabardino-Balkaria as a spatio-temporal integrity, a historical region in which Kabardians, Balkars and other groups of the population carry out their life activities and organize mutual relations. The subject of the history of the region is the genesis of modern Kabardino-Balkaria – the formation, evolution and change of forms of social order on its territory, which were first the product of the historical creativity of its peoples, and then the regulatory and guiding influence of the Russian state.

Keywords: Russia, Kabardino-Balkaria, history, a generalizing work, methodology, conception, main stages.

For citation: Borov A.Kh., Dzamihov C.F. A Generalizing work on the history of Kabardino-Balkaria: conceptual framework. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 18-44. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-18-44. EDN: ADROXY.

© Borov A.Kh., Dzamihov C.F., 2025

Введение

Единственное академическое издание Истории Кабардино-Балкарии, охватывающее период «с древнейших времен до наших дней» было приурочено к пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции и состоялось в 1967 г. [История Кабардино-Балкарской... 1967а; История Кабардино-Балкарской... 1967b]. Предмет «Истории Кабардино-Балкарской АССР» определялся в предисловии к первому тому как «история многовековой дружбы и братства близких по территории, обычаям и психологии кабардинцев и балкарцев с другими народами Страны Советов»; история их совместной с русским и другими народами борьбы в защиту родной земли от иноземных захватчиков, за социальное и национальное освобождение [История Кабардино-Балкарской... 1967а: 5]. Общий подход к предмету отражал оптимистические представления о полном преодолении социальных и национальных противоречий в советском обществе и его беспрепятственном продвижении к гарантированному светлому будущему.

Крах советской общественной и государственной системы в начале 1990-х гг. кардинально изменил культурно-идеологический контекст регионального историописания. На первый план выдвинулись интересы и притязания отдельных национальных групп. Представления об истории Кабардино-Балкарии утратили концептуальную прозрачность. Она стала выступать как поле конкуренции различных идентичностей. Попытки написания обобщающих историй региона наталкивались на двойную проблему синтеза.

Первая проблема – это проблема, условно говоря, «горизонтального», синхронного синтеза этно-национальных историй народов и национальных групп Кабардино-Балкарии в единой истории региона. Любые «перекося» в представлении этого аспекта исторического процесса чреваты общественным резонансом, несущим реальный конфликтный потенциал. Так, изданный в 1995 г. под грифом Министерства образования и науки КБР школьный учебник истории Кабардино-Балкарии и изданная в 2005 г. без официального грифа «История Кабарды и Балкарии», которую автор обозначил как учебник, рассчитанный на широкий круг учащихся, с разных сторон подверглись жесткой критике [История Кабардино-Балкарии 1995; Унежев 2005].

Вторая проблема – это проблема «вертикального», диахронного синтеза содержания различных периодов истории Кабардино-Балкарии и её народов. Она существовала уже для советской историографии, но такова была её принципиальная позиция, по крайней мере, для одного рубежа. Великая Октябрьская социалистическая революция маркировала качественный разрыв между «дооктябрьским» и советским периодами истории региона. На первых этапах постсоветского периода качественная грань проводилась зачастую между периодом независимого существования на основе собственной этносоциальной традиции и имперским колониальным периодом. Но история потому и является историей, что соединяет преемственность и разрывы в бытии какого-то объекта во времени. В отсутствие изменений она не имела бы истории, в отсутствие преемственности мы получили бы не одну, а несколько разных историй разных объектов.

Непреодолимых методологических препятствий для продуктивного решения обеих этих проблем нет. Официальный историко-политический дискурс на

общенациональном уровне также благоприятствует этому. Поворот к опоре на традиционные ценности позволяет преодолеть и разрыв между дооктябрьским и советским периодами истории, характерный для классово-идеологической советской историографии, и отторжение советского периода истории России, характерное для либерально-западнической историографии 1990-х гг. Утверждается трезвое видение преемственности всех этапов истории страны. С другой стороны, концепция России как государства-цивилизации оставляет место для «собственной» истории народов и регионов России в рамках общенационального исторического процесса, не сегрегируя их по культурным особенностям или «уровням развития». Но все равно сохраняется необходимость предварительного обсуждения концептуальных проблем построения академической обобщающей истории региона, в которой будет достигнут указанный выше двойной синтез. Слишком многообразны требования, которым должен отвечать обобщающий труд по истории Кабардино-Балкарии:

- Он должен получить общественное признание, признание народов, история которых в ней будет реконструирована и осмыслена.

- Он должен получить научное признание в рамках российской исторической науки, а значит, должен соответствовать современным научным стандартам.

- Он должен отвечать требованиям взаимного соответствия, взаимной дополнительности региональной истории и общенациональной российской истории, чтобы быть принятым большим российским обществом и государством.

- Он должен нести обобщение национального исторического опыта народов республики, которое может служить инструментом ориентации общества в современных реалиях, его эффективной интеграции в российский модернизационный проект XXI в.

Цель предлагаемой статьи – привлечь внимание к положениям теории исторического знания, которые представляются авторам методологически значимыми для построения обобщающего труда по истории Кабардино-Балкарии, и предложить набросок концептуальной схемы такого труда как материал к обсуждению в региональном сообществе профессиональных историков.

Состояние изученности проблемы. Общая проблема, к которой принадлежит предмет данной статьи, есть область взаимосвязей исторического сознания и исторического нарратива. Весьма глубокие и плодотворные идеи и положения, относящиеся к этой области, присутствуют в работах М.А. Барга, Л.П. Репиной, крупных немецких историков и методологов Г. Козеллека и Й. Рюзена [Барг 1982; Барг 1987; Репина 2011; Koselleck 2004; Рюзен 2001; Rüsen 2004; Rüsen 2005]. Комплекс этих положений составил методологическую основу данной работы.

Результаты

К процедуре обсуждения концепции обобщающего труда

Обсуждение концепции обобщающего труда по истории региона должно начинаться не с вопросов «начала» этой истории, а с определения его актуального положения и перспектив его будущего. Почему?

Конечно, историческое повествование ведется от начала к концу, но как познавательный акт всякая история по определению представляет собой ретроспективу, взгляд из некоего «настоящего» в некое «прошлое». Но предметом обобщающего труда является не какой-то фрагмент прошлого, «другой» по отношению к настоящему, и даже не «прошлое» как таковое, а целостный процесс генезиса сущего, которое открыто будущему.

Как в этом случае реализуется классический принцип научного историзма – интерпретация каждого явления в контексте и в терминах той эпохи, к которой оно принадлежит? Что является контекстом для «всей» истории народа или региона?

Можно, конечно, сказать, что таким контекстом является история более широкой пространственно-временной целостности, в которую включен изучаемый исторический объект или субъект. Но принцип историзма подразумевает, прежде всего, не пространственную, а темпоральную структуру исторической реальности. И обобщающий исторический нарратив опирается на интерпретации, «пронизывающие время» [Corfield 2010: 18].

К какой эпохе принадлежит исторический труд, «трансцендирующий» ряд исторических эпох? Видимо, к той эпохе, когда он был создан.

Здесь обнаруживается, что в общих исторических интерпретациях наряду с контекстами отдельных эпох присутствует еще один неустрашимый общий контекст. Он задается мировоззрением, познавательной установкой и определенной исторической концепцией, которыми руководствуются авторы обобщающего труда. В совокупности они формируют специфическую точку зрения, благодаря которой прошлое приобретает свой смысл как «история», и строится ясное представление об историческом контексте (синхронном и диахронном), в который помещены его современники [Cоска 1994: 50-52].

Кто эти современники для историков Кабардино-Балкарии? Это региональное общество, отмеченное сложной этноконфессиональной структурой и, соответственно, множественностью культурно-исторических идентичностей. При этом две национальные группы – кабардинцы и балкарцы – идентифицируются в общественном сознании как «коренные» и «титulyные», хотя формальная политико-правовая институционализация такого их статуса невозможна. Она вступала бы в противоречие с фундаментальным конституционным принципом равенства граждан Российской Федерации независимо от их национальной принадлежности. Кроме того, в настоящее время уже необходимо историческое осмысление и религиозного плюрализма, особенно в перспективе растущей роли исламской общины республики. Здесь проблема заключается в том, чтобы не происходило отчуждения носителей религиозного (в первую очередь, исламского) сознания от гражданского участия в общественной жизни, от государства, которое в современной России может быть только светским.

Эти вопросы нельзя трактовать как принадлежащие только к актуальной общественной реальности и не имеющие отношения к построению обобщающего исторического нарратива. Прошлое выглядит по-разному с точки зрения различных идентичностей. Если историки ограничат свои задачи поиском «корней» и реконструкцией «биографий» тех или иных частных идентичностей,

результатом будет не одна история региона, а множество разных историй, разворачивающихся в едином пространстве. Но историческое сознание никогда не имеет дела с отдельно взятым прошлым. Ориентация на прошлое, замыкание на настоящем или открытость будущему оказываются делом выбора историка.

Выбор режима историчности

Чтобы прошлое стало восприниматься как «история», оно не должно повторяться. Современное понимание истории возникло в конце XVIII в., когда историческое сознание перестало видеть будущее как симметричное прошлому, как его воспроизведение. Настоящее время теперь соотносилось не с образцами прошлого, с традицией, а с лучшим будущим, с прогрессом. И это являлось условием становления научного историзма. Если прошлое было «другим», не таким как настоящее и будущее, чтобы адекватно его понимать требовалось его исследовать, используя соответствующие познавательные процедуры [Koselleck 2004: 163, 267, 270, 274-275].

Речь идет не о том, что навсегда исчезла возможность в связке «прошлое-настоящее-будущее» акцентировать не будущее, а прошлое или настоящее. Состояния исторического сознания и историографические парадигмы, которые различаются по способам артикуляции этих категорий, было предложено обозначать как различные «режимы историчности» (ориентированный на прошлое классический или традиционный, ориентированный на настоящее «презентистский», ориентированный на будущее «футуристский») [Артог 2007: 3]. В зависимости от того, какой из этих режимов доминирует, некоторые типы историй оказываются возможными, а другие – нет [Артог 2008].

Начало работы над обобщающей историей Кабардино-Балкарии предполагает осознанный выбор того или иного режима историчности, в котором эта работа будет выполнена. Дело в том, что российско-северокавказская культурно-историческая ситуация конца XX – начала XXI в. выступает как пространство конкуренции различных режимов историчности. В 1990-е гг. сталкивались «футуристский» режим историчности в его либерально-западническом идейном облачении на общероссийском уровне и режим историчности, ориентированный на «национально-культурное возрождение», т.е. на прошлое – на этно-региональном уровне. В дальнейшем произошло сближение режимов историчности в общенациональном и региональном культурно-политическом дискурсе, и общий их сдвиг к «презентизму» в его российском варианте. В основе этого сдвига – растущее геополитическое и информационно-идеологическое давление евроатлантического сообщества на Россию. Представляется, что сегодня сложился консенсус вокруг исторического императива: защита суверенитета и культурно-исторической идентичности России на базе традиционных ценностей в сочетании с научно-технологическим и экономическим прогрессом. Но кажущаяся ясность исторических задач, стоящих перед Россией и ее регионами, не подразумевает простых решений. Гармонизация традиционных ценностей в поликультурном (в этническом и религиозном отношении) обществе это отдельная проблема. Может быть, еще важнее обеспечить реальное и эффективное соединение неформальных

традиционных институтов с инновационными практиками в научно-технологической и экономической сфере.

Изучая различные аспекты современного развития Северного Кавказа, исследователи постоянно «натываются» на унаследованные из далекого прошлого социокультурные ограничители экономических и социальных инноваций [Цуциев 2012]. Речь идет о неадекватности некоторых аспектов локального социального наследия требованиям эффективного развития. Но они оказываются вполне функциональными для получения доступа к власти и собственности и в условиях укрепления формального правопорядка и «вертикали власти» в регионе. Как пойдет развитие в ближайшем и более отдаленном будущем остается под вопросом.

Отсюда – необходимость более глубокого анализа фундаментальных проблем утверждения современной политической (гражданской) культуры в регионе. Речь идет, в частности, о концепциях «сильного гражданства» и «прямого правления» Ч. Тилли и «инфраструктурной власти» М. Манна [Tilly 1995; Mann 1993]. Слабость гражданского общества в регионе очевидна, есть основания говорить о сохранении элементов непрямого правления, которое блокирует гражданство (участие в управлении) для всех, кроме небольшой связанной правящей элиты. Отсюда и отдаленность перспектив становления в регионе инфраструктурной власти государства, т.е. его «прорастания» в общество и обратного контроля общества над государством.

Таким образом, сложность и противоречивость актуальной ситуации выливается в открытость и вариативность возможного будущего. Вряд ли для современников приобретет жизненно важное значение история, авторы которой не выбрали для себя *позиции* по фундаментальным проблемам настоящего и будущего. Но, с другой стороны, как это будет соотноситься с фундаментальным требованием *объективности* научного исторического труда?

Этот вопрос имеет профессиональное, теоретическое и практическое измерения.

Проблема объективности обобщающего нарратива: профессиональный и теоретический план

В самом общем плане выбор ориентированного на будущее режима историчности вполне согласуется с принципом научной объективности: поскольку прошлое локализовано вне того контекста, в который поместили себя историки, они могут изучать его объективно [Tamm, Olivier 2019: 9]. При этом объективность имеет по меньшей мере два измерения. Во-первых, она означает соответствие полученного знания исследуемой реальности. Во-вторых, intersубъективную значимость полученного знания, т.е. его одинаковое понимание и признание как обоснованного в научном сообществе и шире – в данной культуре.

Нет необходимости особо останавливаться на правилах и стандартах профессиональной исследовательской работы историков, которые обеспечивают соответствие ее результатов исторической реальности, фактам прошлого. В самом кратком представлении это обоснованность фактических суждений данными источников, соблюдение правил источникововедческого анализа, интерпретация

событий и явлений в контексте того времени, которому они принадлежат.

Не так просто дело обстоит с обобщающими трудами. Компетенция обобщающего нарратива как воплощения исторического сознания не сводится к адекватному представлению фактов прошлого. Она включает в себя также: а) *компетенцию общей интерпретации*, т.е. охвата всех измерений исторического времени целостной содержательной концепцией и б) *компетенцию ориентации*, т.е. использования исторического опыта как средства артикуляции (ясного осознания) идентичности и руководства к практическому действию [Rüsen 2004: 69-70]. Поэтому в случае обобщающего нарратива в качестве критерия его объективности на первый план выступает intersубъективная значимость предложенной в нем интерпретации.

Теоретический план intersубъективной значимости/объективности исторического нарратива обеспечивается использованием четко сформулированных концептуальных средств. Они придают интерпретации ясность и прозрачность, позволяют выстраивать, подтверждать либо опровергать аргументацию [Rüsen 1996].

Исходя из характера актуальных потребностей национального и общественного развития, можно предложить в качестве методологической основы предполагаемого труда синтез двух подходов к общему видению исторического процесса: цивилизационного (социокультурного) и модернизационного.

В случае региональной истории социокультурный анализ прослеживает воспроизводство во времени этнокультурных основ национальной идентичности народов Кабардино-Балкарии. Вместе с тем он отражает культурную, цивилизационную значимость сети многообразных отношений, связывающих все группы населения региона между собой и с большим российским обществом и государством. Эти отношения не следует представлять как внешние связи пространственно отделенных друг от друга социокультурных единиц. Они воплощались во все более плотном взаимодействии кабардинского, балкарского и русского населения региона, а также в правовых, социальных и культурных преобразованиях, осуществлявшихся Российским государством на территории Кабардино-Балкарии. Этот фактор привносил динамическое начало в традиционные социокультурные системы народов Кабардино-Балкарии и позволяет представить их историю как цивилизационный процесс.

Поскольку речь идет об изучении долгосрочных, вековых трендов общественно-политического развития региона, первым кандидатом на методологию их интерпретации является теория модернизации, которая и направлена на осмысление крупномасштабных исторических изменений. Региональный процесс модернизации, конечно, специфическое воплощение ее общероссийских трендов и «волн». Применительно к конкретно-историческому исследованию опыта модернизации в той или иной стране или регионе, к выделению значимых исторических этапов развития модернизационного процесса, сохраняют свое значение основоположения классической парадигмы модернизации, в частности, концепция структурно-функциональной дифференциации, призванная объяснить механизм перехода от традиционного общества к обществу модерна. Суть модели структурно-функциональной дифференциации в том, что она описывает переход функций воспроизводства общественной жизни от семьи и общины, как это имеет

место в традиционном обществе, к специализированным социальным институтам. Если ее проявления, такие как индустриализация, урбанизация, секуляризация, профессионализация, бюрократизация, не фиксируются, то нет смысла обращаться к более тонким теоретико-методологическим инструментам, характерным для новейших версий модернизационного подхода.

Общая направленность исторического процесса в контексте обозначенной методологии определяется в неидеологизированных, политически нейтральных категориях «традиция» и «современность», имеющих своеобразное конкретное содержание в применении к каждому отдельному социально-историческому организму. Это позволяет:

- отразить общее и преемственное в содержании различных стадий социально-политического развития (например, для дооктябрьского, советского и постсоветского периодов нашей истории);
- увидеть и оценить масштабы исторических изменений, исторического обновления, разрывов преемственности на больших исторических отрезках;
- выразить и культурно-цивилизационную самобытность регионального общества, и проявление общероссийских модернизационных процессов, и специфику их протекания в данном социокультурном контексте.

Проблема объективности обобщающего нарратива: практический план

Практический план достижения интересубъективной значимости/объективности исторического нарратива связан с реализацией его функций поддержания идентичности и ориентации человеческой деятельности во времени. Отсутствие интересубъективности в практической жизни и взаимодействии идентичностей означает, что какие-то группы в обществе не получают признания, что для «своих» и «чужих» применяются разные моральные стандарты. Но это и порождает напряженность и конфликты в процессе самоутверждения идентичностей. Чтобы избежать их, необходимо опираться на процедуры, привносящие в эту сферу рациональные, интересубъективно значимые принципы, дающие основу для объективного, научного изучения взаимоотношений различных идентичностей.

Поскольку всякая идентичность имеет частный характер, то только категория *равенства* привносит интересубъективность в сферу практической жизни, создает *универсальную* основу их взаимоотношений. В социальной и культурной практике она принимает форму взаимного признания и признательности носителей различных идентичностей [Рюзен 2001: 25].

Интеграция этого принципа в структуру обобщающего нарратива не может основываться только на нравственно-психологических установках историков, культурной эмпатии, религиозных или эстетических ценностях. Все это может мотивировать решение историком познавательных задач, но операциональные функции в научных исследованиях выполняют только логические структуры, вырастающие из объективных и рациональных факторов. Может показаться неожиданным утверждение, что методологическую функцию по отношению к концепции обобщающего труда по истории Кабардино-Балкарии могут выполнять нормы конституций Российской Федерации и Кабардино-Балкарской

Республики, фиксирующие права и свободы человека и гражданина. В них формально закреплён универсальный принцип равенства людей, независимо от той или иной их частной (включая этническую) идентичности. Трудно представить себе иные категории, которые поддаются рациональному обсуждению в профессиональном сообществе, которые можно использовать как объективные критерии познавательной установки и инструменты концептуального анализа текста обобщающего нарратива. По своему значению они будут равнозначны теоретическим средствам, придающим историческому нарративу аргументативную прозрачность [Rüsen 1996].

Поскольку социальная реальность современной России и Северного Кавказа далеко не в полной мере соответствует декларируемым политико-правовым принципам, правомерно видеть в них своего рода идеал-типическое воплощение «горизонта ожиданий», дистанцированного от «пространства опыта».

По отношению к текущей реальности этот «идеальный тип» выступает как основание ее критической оценки и ориентир для общественного целеполагания.

По отношению к прошлой социальной реальности функция указанного идеального типа/горизонта ожиданий иная – не критическая, а познавательная. Речь не идет о «наложении» сетки современных политико-правовых категорий на прошлую социальную реальность. Они могут, скорее, служить критериями оценки *современной интерпретации* реальностей прошлого. Соотнесение интерпретации с категорией равенства и принципом взаимного признания и признательности идентичностей создает некую «мембрану» между прошлым и настоящим, не позволяет переносить в прошлое конфликты настоящего и переносить в сегодняшний день конфликты прошлого. По сути дела, указанные конституционные положения могут работать на соблюдение классических принципов историзма: принципа различия, требующего учитывать дистанцию между прошлым и настоящим; принципа контекста, запрещающего вырывать предмет исследования из окружающей обстановки; принципа развития, понимания истории как процесса, как связи событий во времени, придающей им исторический смысл [Тош 2000: 18-20].

В какой мере эти принципы будут воплощены в обобщающем нарративе, во многом зависит от того, какую он примет *форму*.

Форма обобщающего нарратива

Проблема, которая решается при разработке концепции обобщающего исторического нарратива это, в конечном счете, проблема определения его формы – типологических характеристик, в наибольшей степени отвечающих социально-культурному контексту, в котором он строится и которому он адресован.

Если отправным пунктом в построении обобщающего нарратива станет прошлое народов Кабардино-Балкарии как культурно-языковых общностей – этносов, история республики скорее всего приобретет форму *исторического нарратива традиционного типа*. Нарратив традиционного типа характеризуется тем, что утверждает значимость прошлых образцов поведения, принимаемых в настоящем и являющихся основой для будущей деятельности. Й. Рюзен, разработавший типологию исторических нарративов, замечает, что вся человеческая

жизнь с необходимостью держится на традициях. От них невозможно отказаться полностью, иначе люди утратят почву под ногами. Традиционный нарратив формирует идентичность путем утверждения заданных, или – точнее – пред-заданных культурных форм самосознания [Rüsen 1987: 90].

В противоположность этому *исторический нарратив критического типа* отрицает значимость прошлого опыта для современности. Он основан на способности людей сказать «нет» доставшейся им традиции. Это «нет» предшествует всякому осознанному изменению форм понимания истории в культуре и расчищает место для новых форм. Отрицание значимости прошлого порождается неудовлетворенностью унаследованными от него актуальными условиями жизни. Нарратив критического типа строит идентичность на отрицании устоявшихся моделей самосознания, это идентичность «вопреки» [Rüsen 1987: 92].

Если нарратив традиционного типа утверждает извечность и неизменность традиции, то в нарративе критического типа происходит простое отрицание традиции и замещение одних социокультурных шаблонов другими. И в том, и в другом случае пропадает процесс изменений, т.е. история как таковая.

В *историческом нарративе генетического типа* логическое ядро осмысления прошлого составляет процесс изменений. Изменение выступает как сущность истории, как то, что придает ей смысл. Выстраивая нарратив генетического типа, говорит Й. Рюзен, мы не отрицаем прошлое, но интерпретируем его с современной точки зрения. Это позволяет проследить, как прошлые образцы деятельности трансформируются, чтобы быть включенными в современные условия. Генетический нарратив фиксирует направление, в котором меняется время и к которому должны приспособиться люди. Нарратив такого типа преодолевает альтернативу утверждения или отрицания, принятия или отвержения установившихся традиций и принципов. Преемственность времени выступает в нем как *развитие*. Видоизменения форм организации жизни оказываются необходимыми для их устойчивого воспроизводства. Соответственно, он формирует идентичность как результирующую взаимодействия постоянства и изменений [Rüsen 1987: 92; Rüsen 2005: 2].

В ходе подготовки обобщающей истории Кабардино-Балкарии следует помнить, что она так или иначе примет определенную нарративную форму. Дело не в том, чтобы стремиться к какому-то «чистому» типу нарратива, но необходимо отдавать себе отчет, какому из рассмотренных выше типов отдается предпочтение.

Для профессиональных историков не станет откровением напоминание об историко-генетическом методе, смысл которого усвоен ими со студенческих лет. Казалось бы, нет необходимости убеждать их в предпочтительности формы генетического нарратива для обобщающей истории Кабардино-Балкарии. Но в данном случае недостаточно профессионализма историков, понимаемого в узкоспециальном смысле. Приведенную типологию нарративов в контексте предмета данной статьи следует соотносить, во-первых, с глубинной структурой исторического сознания и, во-вторых, с практической функцией историописания.

Очевидно, что по отношению к историческому сознанию нарратив генетического типа в наиболее полной форме удовлетворяет потребность мобилизовать опыт прошлого с тем, чтобы настоящий опыт стал понятным, а ожидание

будущего – возможным.

Что касается практической функции – служить выработке осознанной ориентации человека и общества во времени, то нарратив генетического типа помогает сделать тот или иной выбор общества рационально обоснованным.

Последовательно рациональный подход к подготовке обобщающего нарратива по региональной истории предполагает эксплицитное определение его объекта и предмета.

Объект и предмет обобщающего нарратива

Предварительное определение объекта обобщающей истории Кабардино-Балкарии не является формальной процедурой. Названия «История Кабардино-Балкарской Республики», «История Кабардино-Балкарии», «История народов Кабардино-Балкарии», «История Кабарды и Балкарии» расставляют разные акценты и придают разный смысл истории, казалось бы, одного и того же объекта. Можно видеть, что общим элементом всех перечисленных вариантов является этническая номенклатура в привязке к определенной территории. На наш взгляд, обозначенным ранее в этой работе методологическим принципам в наибольшей степени отвечает «пространственный» подход к определению объекта обобщающей истории региона [Репина 2019]. Терминологически этот объект может быть обозначен как *историческая область*. В отечественной этнологии давно утвердилось понятие «историко-этнографическая (историко-культурная) область» – территория, у населения которой в силу общности исторических судеб, социально-экономического развития и взаимного влияния складываются сходные культурно-бытовые особенности. Историко-этнографические области – это *исторические категории*, возникающие, проявляющиеся и исчезающие в процессах развития конкретных этносов и их группировок на определенных территориях [Андрианов 1995]. И если этнограф интересуется культурно-бытовыми особенностями современного населения региона, то для историка на первый план выходит общность исторических судеб – длительное воспроизводство в меняющихся исторических условиях взаимосвязанного существования и развития «конкретных этносов и их группировок на определенной территории».

Именно это движение региона во времени, движение, в котором вновь и вновь воспроизводятся традиции и постоянно осваиваются инновации, формирует в итоге его современный статус и облик. Поскольку тот или иной субъект федерации имеет не только государственно-правовую легитимацию, но также укорененную в прошлом основу, то есть представляет собой сложившуюся естественноисторическим путем пространственно-временную целостность, он может быть обозначен как *историческая область*.

Объектом обобщающей истории региона выступает Кабардино-Балкария как пространственно-временная целостность, историческая область, в которой осуществляют свою жизнедеятельность и упорядочивают взаимные отношения кабардинцы, балкарцы и другие группы населения. А современная Кабардино-Балкарская Республика есть актуальная политико-административная форма этой исторической области.

Предметом истории региона является генезис современной Кабардино-Балкарии – становление, эволюция и смена форм социального порядка на её территории, являвшихся сначала продуктом исторического творчества её народов, а затем – регулирующего и направляющего воздействия Российского государства.

Можно видеть, что в определении и объекта, и предмета истории Кабардино-Балкарии входят *субъекты* этой истории – люди, выступающие как этно-социальные общности, народы, социальные группы, граждане. Их взаимоотношения формируют социальный порядок в пространстве региона, своей жизнедеятельностью они меняют его ландшафт и меняются сами.

Во взаимодействии масс и элит, общества и институтов государственной власти складываются и сменяют друг друга четыре базовые формы или модели социально-политической организации пространства исторической Кабардино-Балкарии – традиционная (или автохтонная), поддающаяся реконструкции для XVI-XVIII вв.; имперская, для «долгого XIX века» с конца XVIII и по начало XX в.; советская социалистическая, для «короткого XX века» 1917-1991 гг.; современная, насчитывающая уже более трех десятилетий с начала 1990-х гг.

Разумеется, этому предшествовал идущий из глубокой древности и завершившийся в XV в. процесс генезиса народов Кабардино-Балкарии и становления Кабарды и Балкарии как этно-социо-территориальных образований в пространстве Центрального Кавказа.

Основные этапы регионального исторического процесса

1. Период древности и средневековья – период этногенеза адыгов и карачаево-балкарцев, генезиса Кабарды и Балкарии как этно-социо-территориальных единиц в пространстве Центрального Кавказа. Сложившиеся таким образом системы хозяйства, общества и культуры кабардинцев и балкарцев и весь традиционный социальный порядок на совокупной территории Кабарды и Балкарии представляли собой результат специфической эволюции, приспособления к конкретным природно-географическим условиям и окружающей Центральный Кавказ социально-политической среды пост-золотоордынского времени.

Основные положения:

1.1. Этногенез как адыгов-кабардинцев, так и карачаево-балкарцев имеет глубоко местные корни и восходит к племенам Северного Кавказа эпохи бронзы. Современное состояние исследований в области археологии и древней истории Центрального и Северо-Западного Кавказа позволяет не сомневаться в принадлежности предков кабардинцев (адыгов) и балкарцев к одному и тому же культурно-историческому миру древности.

1.2. Этническая история Центрального Предкавказья уже с I тысячелетия до н.э. и на протяжении средневековья является чрезвычайно динамичной и насыщенной, а состояние источников не позволяет последовательно проследить место предков кабардинцев и балкарцев в этой истории. Письменные источники говорят главным образом о степных кочевых общностях, в разное время доминировавших в регионе – скифах, сарматах, аланах, гуннах, болгарях, хазарах, кипчаках, татаро-монголах. В этом смысле образование Кабарды и Балкарии является результатом

не столько этногенетического или этноисторического развития их ближайших предков, сколько политических процессов на территории Центрального Кавказа, связанных со сменой политически доминирующих здесь сил.

1.3. Коренное изменение этнополитической структуры региона происходит на рубеже XIV–XV вв., после нашествия эмира Тимура. Нанеся сокрушительный удар по Золотой Орде, Тимур не заменил ее как господствующая сила в регионе, а ушел из него, не оставив здесь ни каких-либо структур власти, ни групп какого-то нового населения. Завершается период, когда этнополитическую ситуацию равнинно-предгорной, а отчасти и горной зоны Центрального Кавказа определяли сменявшие друг друга волны степняков-кочевников. Начиная с XV в. этносоциальный облик пространства Центрального Кавказа определяется жизнедеятельностью и взаимоотношениями автохтонов региона. В том числе, с рубежа XIV–XV вв. идет становление Кабарды и Балкарии как этно-социо-территориальных единиц в пространстве Центрального Кавказа. Географические условия обусловили их тесную взаимосвязь и взаимодействие, прежде всего, в хозяйственной, и, соответственно, в социальной, культурной и политической сферах. Формы социально-политического порядка в совокупном пространстве исторической Кабарды и Балкарии определялись их географической связанностью, типом хозяйства и социальной организации.

2. Период позднего средневековья и раннего нового времени (XVI–XVIII вв.) – период функционирования и воспроизводства зрелых форм традиционной социальной организации кабардинского и балкарского обществ и институализированных механизмов их интер-социального взаимодействия. Их устойчивая территориальная, хозяйственно-экономическая, социально-политическая и культурная связанность сформировала особую пространственно-временную целостность, территориальную единицу исторического процесса со сложной внутренней этносоциальной структурой – историческую Кабардино-Балкарию.

Основные положения:

2.1. Во внутреннем для Кабарды и Балкарии плане главное содержание исторического развития состоит в оформлении их социально-политической (феодализм) и социально-территориальной (удельная система Кабарды, совокупность горских обществ Балкарии) организации.

2.2. Во взаимных отношениях кабардинского и балкарского обществ происходит институционализация системы интер-социальных связей. Природно-географические условия региона предопределили тесную и всестороннюю взаимосвязь кабардинского и балкарского обществ. Основу хозяйства и кабардинцев и балкарцев составляло отгонное скотоводство, в котором, по оценке исследователей, наиболее ярко проявлялась взаимозависимость горной и равнинной зон Северного Кавказа. Сюзеренно-вассальные отношения, покровительство, аталычество, установление родственных связей, гостеприимство и т.д. и т.п. были единственно возможными тогда формами социальных взаимодействий. Они определяли внутренний строй кабардинского и балкарского общества и естественным образом проецировались на их взаимные отношения. Таким образом, вся их

совокупная территория представляла собой область весьма однородного общинно-феодального порядка, понятного и естественного для обеих сторон.

2.3. Положение Кабарды и Балкарии в системе внешних связей и международных отношений XVI-XVIII вв. определялось соперничеством держав (Османской империи, России, Сефевидского Ирана) в регионе Северного Кавказа и агрессией Крымского ханства. В этих условиях феодальные элиты Кабарды сделали выбор в пользу сближения с Россией. С середины XVI и до середины XVIII в. между ними сохранялись тесные отношения, обусловленные совпадением внешнеполитических интересов и приобретавшее по содержанию и функциям характер военно-политического союзничества. С середины XVII в. устанавливаются непосредственные контакты российских властей с балкарскими владельцами, носившие в целом ознакомительный и дружественный характер. Балкарские владельцы, тесно связанные с кабардинскими князьями, не могли оставаться в стороне от обсуждения и решения вопросов внешнеполитической ориентации, а в особо напряженные моменты прямо участвовали в столкновениях с противниками Кабарды (как в Канжальской битве 1708 г.).

3. Особенности исторического развития России в имперский период в (XVIII – начало XX в.) связываются со спецификой процессов российской модернизации. В истории Кабардино-Балкарии конец XVIII – начало XX в. – это время перехода от самостоятельного существования на базе собственной социокультурной и социо-политической традиции к инкорпорации ее территории и народов в состав Российской империи и их интеграции в ее политико-правовую и социально-культурную систему. Это также время формирования русского населения Кабардино-Балкарии. В результате произошло радикальное изменение основ и механизмов их исторического развития. С 1860-х гг. его вектор определяется проблемой органичного включения региона в процессы российской модернизации. Традиционное общество, форма которого воплощала итоги специфической эволюции, оказывается под прямым, хотя и ограниченным по охвату и интенсивности воздействием факторов общей социальной эволюции.

Основные положения:

3.1. На протяжении XVIII в. постепенно теряют силу факторы, делавшие возможным взаимопонимание и сотрудничество кабардинских феодальных верхов и государственных структур Российской империи. Геополитические цели России и ее продвижение на юг, культурно-цивилизационные различия между государством «просвещенного абсолютизма» и народами Северного Кавказа, особенности социальной и потестарно-политической организации народов и обществ региона обусловили драматизм процесса перехода от «перекрестной» к совместной истории народов Кабардино-Балкарии и России.

3.2. С конца XVIII в. идет процесс инкорпорации территории и народов Кабардино-Балкарии в состав Российской империи. Новый импульс ему был дан деятельностью генерала А.П. Ермолова на рубеже 1810-1820-х гг. Институциональные и символические аспекты административно-территориального оформления Кабарды и Балкарии как российского региона связаны с созданием для них специального органа с судебными и административными функциями, которым

стал Кабардинский временный суд (1822–1858), с присягой балкарских владельцев на верноподданство Российской империи 11 января 1827 г., с пожалованием кабардинцам почетного знамени в 1844 г., с учреждением приставства «урусписевского, балкарского, чегемского и хуламского народов» в 1846 г.

3.3. Более жесткий военно-административный контроль над Кабардой обусловил различия в степени устойчивости традиционных обществ Кабарды и Балкарии в новых условиях. Еще в 1822 г. А.П. Ермолов воспретил «впредь называть кабардинских владельцев князьями, кроме тех, кои служа в войсках наших, таковыми признаваемы правительством». Современные исследователи говорят о всеобъемлющем кризисе традиционного кабардинского общества в первой половине XIX в. Напротив, для балкарского дореформенного общества характерны устойчивость социально-экономических структур и хозяйственного уклада. В 1853 г. было удовлетворено прошение балкарских владельцев об именовании их титулом «таубий» (горский князь) и тем самым власть таубиев приобрела новую форму легитимации со стороны высшей государственной власти.

3.4. Либерально-консервативный этап российской модернизации (1860-е – 1917 г.) имел определенный эффект на структуры и динамику этнических обществ Кабардино-Балкарии. Но либеральные реформы 1860-1870-х гг. незначительно меняли общественную жизнь и судебно-административную систему собственно северокавказских народов, включая кабардинцев и балкарцев. Развитие капиталистических отношений затронуло и местное население. Общие масштабы и глубина их воздействия на внутренний строй местных обществ, на хозяйственно-бытовой уклад и религиозную жизнь сельских общин Кабарды и Балкарии были весьма незначительны. В целом, возможности органичного и позитивного усвоения социальных и культурных инноваций оставались для кабардинцев и балкарцев ограниченными. Но и явления социально-культурной адаптации народов Кабардино-Балкарии к общественной динамике модернизирующейся России были достаточно многообразны. При этом во второй половине XIX – начале XX в. окончательно сложился многонациональный состав населения Нальчикского округа – исторической Кабардино-Балкарии. Обогащение этносоциального ландшафта ввиду роста русского и других групп населения, привнесших новые для региона формы хозяйствования и культуры было важным фактором расширения кругозора и обновления устоявшихся хозяйственных практик.

4. Советский социалистический этап российской модернизации 1920-1980-х гг. породил наиболее глубокие, поистине революционные социально-культурные трансформации на Северном Кавказе и в Кабардино-Балкарии. Это период глубокой социально-политической интеграции кабардинского и балкарского народов в большое российское общество; период реальной модернизации этнических социумов и этнонациональной консолидации современных кабардинцев и балкарцев. Модернизационные процессы советского периода неотделимы от вклада растущего русского населения республики. Одновременно, это основополагающий период в истории становления Кабардино-Балкарии как субъекта Российской Федерации. На протяжении «короткого» XX века нарастают интенсивность и масштаб воздействия на общество региона факторов общей социальной

эволюции, оно обретает к концу советской эпохи типологические характеристики современного общества.

Основные положения:

4.1. Итоги и пределы имперской модернизации выявлялись в процессе развития революций 1917 г. в ответ на порожденные ими условия и вызовы. Новые социальные группы довольно активно включились в деятельность институтов и движений, воплощавших модернистскую политическую культуру в ее умеренном (либеральном) и радикальном (социалистическом) вариантах. Со своей стороны, съезды доверенных сельских обществ в 1917–1918 гг. выражали не традиционалистскую реакцию отторжения революционного обновления, а пытались сообщить ему упорядоченную, «эволюционную» форму, избежать эксцессов гражданского противоборства. Крайняя незначительность национал-сепаратистских тенденций, ограниченные масштабы стихийного самочинного насилия, включение в революционный процесс с конструктивной программой части мусульманского духовенства также свидетельствуют о способности регионального общества воспринять назревшее социальное обновление.

4.2. В социально-политических процессах революционного периода и политико-административной реорганизации Северного Кавказа на началах советской автономии 1917-1922 гг. неустрашимым образом присутствует элемент самоопределения и исторического выбора, сделанного народами Кабардино-Балкарии. Во-первых, это был выбор в пользу государственного единства с Россией. Во-вторых, это был выбор перспективы развития, перспективы общественного и культурного прогресса, а не попыток возврата к прошлому. В-третьих, это был выбор в пользу единой для кабардинского и балкарского народов национально-государственной формы.

4.3. В широкой исторической перспективе 1920-1930-е гг. выступают как принципиально важный этап процесса социально-политической интеграции народов Кабардино-Балкарии в российское общество, время решительного подрыва базовых функций традиционной этнической культуры по регулированию общественной жизни, и вместе с тем, подготовки условий для социально-экономической модернизации общества. К концу 1930-х гг. ее реальные масштабы были весьма незначительными. Этнические общества народов Кабардино-Балкарии оставались аграрными по преимуществу. Но развитие экономики и административно-политических структур в рамках автономии расширяло возможности для социальной мобильности и преодоления обществом деревенской замкнутости. Основным фактором социальной мобильности постепенно становится получение общего и профессионального образования. Преобразование КБАО в КБА-ССР в определенной мере отразило итоги развития и усложнения общества, повышения уровня образования и культуры массовых слоев населения.

4.3. Период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. стал временем испытания на глубину и прочность интеграции народов Кабардино-Балкарии в советскую социалистическую общность. На территории КБАССР в эти годы проявили себя общие для всей страны явления: мобилизация всех сил и средств на военные нужды; героическая оборона территории республики; сопротивление оккупационному режиму и партизанское движение. Представители народов

Кабардино-Балкарии проявили мужество и героизм, участвуя в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. на фронтах и в тылу врага. Героические усилия и жертвы, страдания и трудности военных лет дали опыт сопричастности к судьбам всей советской страны. Поколение фронтовиков – кабардинцев и балкарцев стало человеческим воплощением этой сопричастности.

4.4. Черекские события 1942 г. и депортация балкарского народа в 1944 г. означали для него человеческие потери, которые не могли быть оправданы борьбой с врагом, отрыв от корней, сознание совершенной по отношению к нему несправедливости, дополнительные трудности и страдания. Все это привнесло в этносоциальный опыт балкарцев элемент исключительности, который необходимо учитывать и в осмыслении истории, и в актуальной общественно-политической практике. Находясь в Средней Азии на положении спецпереселенцев, балкарский народ сумел сохранить свою этнокультурную идентичность, вносить свой трудовой вклад в победу над врагом и послевоенное хозяйственное развитие. Он фактически отвоевал свое общественное достоинство еще до официальной реабилитации.

4.5. Кабардинская АССР за время своего существования в 1944-1957 гг. обеспечила сохранение преемственности национально-государственного развития кабардинского и балкарского народов. Годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства – это завершающая фаза освоения этническим социумом Кабарды советских социалистических форм жизнедеятельности. Созданная в Кабардинской АССР в 1940-1950-е гг. экономическая, социальная, институциональная инфраструктура стала основой успешной реинтеграции балкарского народа в единую социально-экономическую систему КБАССР, его социальной реабилитации после возвращения на родину (1957-1960).

4.6. На 1960-1980-е гг. приходится этап зрелой социалистической модернизации экономики, общества и культуры Кабардино-Балкарской АССР. Именно в эти годы происходят реальная и интенсивная индустриализация и урбанизация, разворачивается подлинная революция в уровне образования и культуре населения Кабардино-Балкарии. С одной стороны, все эти изменения были связаны с притоком квалифицированного русского населения, прежде всего, инженерно-технических кадров. С другой – изменения социально-экономических структур в этот период определяются внедрением современных социальных практик в жизнедеятельность народов самой республики. Развитие как бы «приходило» в Кабардино-Балкарию, «приводило» с собой и формировало в местном населении контингент носителей профессиональной и общей культуры, необходимой для функционирования институтов развития – предприятий, школ, вузов, конструкторских бюро, больниц, поликлиник и т.д. Наиболее важный результат советской эпохи – выравнивание и сближение социально-экономических характеристик общества Кабардино-Балкарии со структурой российского общества в целом, достижение их принципиального «стадиального» единства. Но стирания национальных граней социального пространства региона к концу советской эпохи не произошло.

5. Текущий период истории Кабардино-Балкарии (конец 1980-х – начало 2020-х гг.) это период освоения в новой – постсоветской – социально-политической реальности, преодоления угроз и трудностей переходного периода, оформления и стабилизации статуса республики как субъекта Российской Федерации. В условиях политического реструктурирования российского цивилизационного пространства Кабардино-Балкария прошла свою траекторию социально-политического развития, оставаясь в орбите общероссийского политического дрейфа.

Основные положения:

5.1. 1990-1993 гг. образуют кризисный переходный период от советской к современной государственности России. В рамках этого периода политические процессы в Кабардино-Балкарии развивались автономно и сформировали второй на протяжении XX в. опыт самоопределения ее народов. Нарастание этнополитической напряженности привело республику к концу 1991 на грань раскола. Перелом в развитии политического процесса от эскалации к деэскалации, от дезинтеграции к политической консолидации связан с выборами президента КБР в январе 1992 г. В результате, для народов Кабардино-Балкарии стал возможен исторический выбор в пользу сохранения государственного единства с Российской Федерацией; в пользу сохранения государственного единства народов республики в рамках новой демократической государственности КБР; в пользу включения республики в процессы современной российской модернизации.

5.2. 1994-2005 гг. это период институционализации политических и социально-экономических параметров современной общественной организации Кабардино-Балкарии. До конца 1990-х гг. она осуществлялась в сложных условиях экономического спада, этноконфессиональных конфликтов и террористической активности на Северном Кавказе экстремистского подполья, политической нестабильности в центральных звеньях государственно-политической системы. В этих условиях руководство и политическая система Кабардино-Балкарии сумели обеспечить стабильность во внутренних и внешних отношениях республики, что позволило с начала 2000-х гг. органично вписаться в процесс политических реформ, направленных на укрепление Российской государственности.

5.3. С 2006 г. и до начала 2020-х гг. Кабардино-Балкарская Республика активно участвует в созидательной работе по укреплению Российской государственности, развитию и модернизации ее экономики. Народы Кабардино-Балкарии сталкиваются с той же проблемой цивилизационного развития, что и Россия в целом: проблемой модернизации и эффективной интеграции в геоэкономику и геокультуру XXI в. при сохранении своей культурно-исторической идентичности. Таким образом, совместная история России и Кабардино-Балкарии представляет собой не просто реальность прошлого, которая может быть описана в историческом нарративе, но и актуальную проблему, поскольку она должна подтверждаться и видоизменяться в ответ на условия и вызовы настоящего и будущего.

Обсуждение

Кабардино-Балкария в качестве субъекта Российской Федерации существует более 100 лет, а в качестве исторической области, в которой осуществляют свою жизнедеятельность и упорядочивают взаимные отношения

кабардинский и балкарский народы – не меньше 500 лет. Она располагает сегодня своими историками, но пока не имеет своей академической истории, охватывающей весь ее путь. Авторы этой статьи попытались представить в ней свое видение концептуальных оснований такой истории.

Обобщающий нарратив представляет собой «ответ» на потребности и запросы современного общества, и обсуждение его концепции должно начинаться с определения этих потребностей и запросов.

Усложняющим проблему фактором в случае Кабардино-Балкарии является сложная этноконфессиональная структура общества, множественность присутствующих в нем культурно-исторических идентичностей, способная порождать напряженность и конфликты.

Преодоление связанных с этим познавательных трудностей возможно, если не замыкаться на прошлом и настоящем, а моделировать будущее, в котором страна и регион будут способны дать эффективный ответ на внешние и внутренние вызовы.

Исторический нарратив, основанный на субъективно желаемом будущем, может быть интерсубъективно значимым (научным и объективным), если интегрирует в себя в качестве методического правила принцип взаимного признания и признательности различий в культуре (идентичностей).

Аутентичной формой выражения преемственности и разрывов в историческом процессе является нарратив генетического типа, показывающий как прошлые образцы деятельности трансформируются, чтобы быть включенными в современные условия.

Теоретические рамки такого рода нарратива задаются сочетанием цивилизационного (социокультурного) и модернизационного подходов к интерпретации содержания исторического процесса.

В заключение сосредоточимся на двух темах, вокруг которых было построено все предыдущее изложение.

Первая фундаментальная тема – видение настоящего и будущего как исходный пункт построения регионального исторического нарратива.

Эту новую, текущую историческую реальность следует определять в соотношении с прошлым и с будущим.

Параметры традиционной социальной организации и культуры народов Кабардино-Балкарии были сформированы их *специфической эволюцией*, адаптацией к определенным условиям места и времени – природно-географической среде и социально-политическому окружению Центрального Кавказа XV-XVIII вв.

Эволюционирующий субъект региональной истории выработал к XVI в. специфические эволюционные формы социальной организации, способные сохранять устойчивость в природно-географической и социально-политической среде Центрального Кавказа вплоть до последней четверти XVIII в.; с конца XVIII в. и до середины XIX в. он обрел свое устойчивое место в политико-правовом пространстве Российской империи; в 1860-1917 гг. он сделал первые, еще едва заметные шаги по траектории общей эволюции/модернизации; в 1920-1950-е гг. он интегрировался в политическую и культурно-идеологическую систему советского общества и государства; в 1960-1980-е гг. он активно осваивал

экономические, социальные и культурные формы современного (модернизированного) общества в их советском социалистическом исполнении.

Параметры экономической и социальной системы, соответствующей требованиям сегодняшнего и завтрашнего дня, могут сложиться только в результате *общей эволюции*, обретения универсальных характеристик современного типа общества, для которого устойчивое развитие инновационного типа является способом существования в динамичном конкурентном мире.

Но динамизм и конкурентность современной действительности не оставляют обществам, государствам, регионам *эволюционного запаса времени* для достижения такого состояния. Необходимы целенаправленная стратегия, мобилизация всех ресурсов, формирование региональной системы продуктивного взаимодействия государственных, общественных и индивидуальных агентов развития, поддерживающей непрерывный поток инноваций. Построение и поддержание такой системы – это функция общества, как сознательного субъекта. Причем она охватывает столь сложную систему взаимодействующих факторов природного, экономического и социально-политического порядка, что здесь необходимо использовать компетенции всех членов общества. С этой точки зрения переход к устойчивому региональному развитию может быть представлен как процесс становления его зрелого и активного социально-политического субъекта.

В связи с этим процессом можно говорить о двойной революции: а) в истории и б) в историческом сознании. Уже произошла «объективная» революция, изменившая саму форму истории, в которую помещен регион. Вопрос заключается в том, произойдет ли «субъективная» революция – обретение гражданским обществом республики форм сознания и действия, которые могут обеспечить успешное освоение в новой исторической реальности.

Восстановление равновесия после кризиса переходного периода 1990-х гг. и «рутинизация» общественной жизни 2010-х – начала 2020-х гг. не должны затемнять масштаб и глубину исторических вызовов, стоящих перед Кабардино-Балкарией как российским регионом. Сегодня – это не вызовы со стороны ближайшего природного и социального окружения, как в период становления традиционной социокультурной системы, и не вызовы со стороны малопонятной идеологии и политики государства, как в периоды ранней имперской и ранней советской интеграции. По своему универсалистскому посылу они скорее аналогичны вызовам позднеимперского и позднесоветского развития. Но теперь глобальное развитие предъявляет прямые, непосредственные требования к научно-технологическому, экономическому и культурно-идеологическому «оснащению» региона. Республика не может себе позволить оказаться «слабым местом» государственного пространства в условиях геополитического давления со стороны Запада, несущего угрозу суверенитету и целостности России. Во внутрисоциальном плане историческая новизна заключается в том, что несмотря на внешнее давление и угрозы, Российское государство сохраняет свою демократическую природу. Таким образом, гражданское сообщество Кабардино-Балкарской Республики имеет принципиальную возможность выступить как зрелый социально-политический субъект инновационных научно-технологических и

экономических, а равно и демократических политических практик, способствующих успешному решению общенациональных задач.

Это обстоятельство радикально меняет отношение «горизонта ожиданий» к «пространству опыта», к исторической традиции. Если «настоящее» данного общества беспроblemно, а желаемое будущее гарантировано и не требует целенаправленных усилий, значит прошлое не так важно для нас. Изучать его можно просто из любопытства или для удовлетворения национального тщеславия. Поскольку же «горизонт ожиданий» несет в себе нерешенную проблему, проблематизируется и прошлое. Выявление и прочтение его смысла приобретает экзистенциальную значимость для нынешнего поколения. Вопросы, обращаемые к нему, касаются того, какая степень приближения к становлению зрелого социально-политического субъекта инновационного регионального развития достигнута к настоящему времени, и как должны трансформироваться прошлые образцы поведения, чтобы быть включенными в современные условия. Признание ценности традиции и стремление к ее сбережению в таком контексте не исключают критического отношения к определенным ее элементам.

Отсюда вторая сторона «проблемы будущего» для региона – возможность и условия сохранения его культурно-исторической идентичности. В принципе можно себе представить случаи, когда социально-политический субъект регионального развития выступает одновременно как субъект этнический, но это не случай Кабардино-Балкарии. Здесь культурно-историческая идентичность региона создана и поддерживается как раз определенной моделью сочетания частных этнических идентичностей. В современных условиях ее полиэтническое общество может эффективно функционировать только при неукоснительном следовании в идеологической и нравственно-психологической сферах своей жизнедеятельности принципу гражданского равенства и принципу *взаимного* признания и признательности различий в культуре (идентичностей). И это не может не влиять на историческую ретроспективу.

Вторая фундаментальная тема – тема Кабардино-Балкарии как исторической области, как социопространственной основы совместной истории народов региона. На наш взгляд ее преемственность и видоизменения надежно фиксируются в историческом материале.

С рубежа XIV–XV вв. одновременно и параллельно в равнинно-предгорной и горной зонах Центрального Кавказа происходило становление этносоциальных общностей, на основе которых в итоге оформились Кабарда и Балкария как социально-территориальные образования; кабардинцы и балкарцы как субэтнические единицы адыгской и карачаево-балкарской этнических общностей; кабардинский и балкарский народы как социокультурные субъекты региональной истории. Фактически это было становление исторической Кабардино-Балкарии, поскольку природно-географические условия региона предопределили тесную и всестороннюю взаимосвязь кабардинского и балкарского обществ.

В XVI–XVIII вв. функционируют и воспроизводятся зрелые формы традиционной социальной организации кабардинского и балкарского обществ и институализированные механизмы их интер-социального взаимодействия. Кабардинцы и балкарцы имели в тот период длительные отношения с другими

обществами и владениями Северного и Южного Кавказа, но ни в одном случае эти отношения не достигали той степени полноты, плотности и устойчивости, как во взаимоотношениях Кабарды и Балкарии. В дальнейшем только их взаимная связанность получила формальное закрепление в административно-территориальном устройстве Российского государства, сохранившееся и в имперский, и в советский, и в постсоветский периоды.

В процессе инкорпорации территории и народов Кабардино-Балкарии в состав Российской империи сохраняется их исторически сложившаяся связанность, которая получает теперь уже государственную легитимацию и закрепляется на рубеже 1850–1860-х гг. в единой для кабардинцев и балкарцев административно-территориальной единице имперского пространства – Кабардинском округе Терской области. Названия, территория и состав населения округов Терской области неоднократно менялись, но кабардинцы и балкарцы неизменно оставались в составе одной административной единицы – Кабардинского, Георгиевского, Пятигорского и, с 1882 г. – Нальчикского округа Терской области.

В период имперской либерально-консервативной модернизации (1860–1917 гг.) социальные преобразования в кабардинском и балкарском этнических обществах и общие изменения этносоциального ландшафта происходили в территориальных и административных рамках Нальчикского округа. Администрирование округа и реформы в нем производились с учетом специфики социального уклада и поземельных отношений различных этносоциальных сегментов, но степень их интеграции не уменьшалась, а возрастала. Возникали балкарские поселения в предгорьях, действовал единый режим использования общественных пастбищ, функционировал Съезд доверенных сельских обществ как орган окружного самоуправления. Малая Кабарда, которая в 1888–1905 гг. была административно причислена к Сунженскому отделу Терской области, сохраняла за собой участие в Съезде доверенных сельских обществ и долю в общественных пастбищах округа. Казачьи станицы на территории исторической Кабардино-Балкарии административно не входили в состав Нальчикского округа, но в хозяйственном, социальном и культурном плане были тесно связаны с остальным его населением. Росла численность неказачьего русского и других групп населения, сосредоточенного в окружном центре, ряде поселений и хуторов.

В условиях революционного перехода 1917–1922 гг. от имперской к советской государственной и общественной системе проявили себя две различные тенденции, которые в том или ином виде воспроизводились на поворотных рубежах дальнейшей истории Кабардино-Балкарии в течение XX в. С одной стороны, тенденция конституирования Кабарды и Балкарии в качестве самостоятельных этнополитических единиц. С другой – сохранение административно-территориальных и институциональных рамок протекания политических процессов (в 1917–1922 гг. – Нальчикский округ, съезды доверенных сельских обществ, съезды советов; в 1990–1993 гг. – КБАССР-КБССР-КБР, Верховный Совет, Президент).

Создание Кабардино-Балкарской автономной области в 1922 г. имело своим содержанием согласование национальных интересов Кабарды и Балкарии и выработку общей формы их институционализации. Это было не «объединение»

соседствующих народов, а новая политико-административная форма их исторически сложившейся связанности.

В условиях ослабления, а затем крушения институтов советского режима на рубеже 1980–1990-х гг. с неизбежностью развернулся процесс «переучреждения» советских автономий. К концу 1997 г. произошло формальное правовое закрепление постсоветской политической системы в новой Конституции, и завершилось формирование соответствующих ей институтов власти в соответствии с Конституцией РФ 1993 г. Действительное значение постсоветского политического перехода в Кабардино-Балкарии заключается не в обретении «суверенитета» и «повышении государственного статуса» республики, а в том, что она выступила как самостоятельный локус общероссийского переходного процесса, несший перспективу институционализации региона как субъекта современной Российской Федерации.

Таким образом, историческая Кабардино-Балкария обрела свою актуальную политико-административную форму, каковой является Кабардино-Балкарская Республика.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Андрианов 1995 – Андрианов Б.В. Историко-этнографическая область // Этнические и этно-социальные категории: Свод этнографических понятий и терминов. – Вып. 6. – М.: ИЭА РАН, 1995. – С. 31-33.

Артог 2007 – Артог Ф. Мировое время, история и написание истории // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. – Вып. 3. – Мінск: БДУ, 2007. – С. 13-23.

Артог 2008 – Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. – 2008. – № 3. [Электронный ресурс]. In: Полит.ру: сайт. URL: <https://polit.ru/article/2008/07/30/hartog/> (дата обращения 11.12.2019).

Барг 1982 – Барг М.А. Историческое сознание как историографическая проблема // Вопросы истории. – 1982. – № 12. – С. 49-66.

Барг 1987 – Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. – М.: Мысль, 1987. – 352 с.

История Кабардино-Балкарской... 1967а – История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Т. 1. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / [ред. кол.: Т.Х. Кумыков (глав. ред.) и др.]. – М.: Наука, 1967. – 483 с.

История Кабардино-Балкарской... 1967б – История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Т. 2. История Кабардино-Балкарской АССР с Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней / [ред. кол.: Г.Х. Берикетов (гл. ред.) и др.]. – М.: Наука, 1967. – 439 с.

История Кабардино-Балкарии 1995 – История Кабардино-Балкарии : Учеб. пособие для сред. шк. / [Б. М. Кереев и др.]; Под общ. ред. Т.Х. Кумыкова, И.М. Мизиева. – Нальчик: Эльбрус, 1995. – 382 с.,

Репина 2011 – Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Круг, 2011. – 560 с.

Репина 2019 – Репина Л.П. История регионов, или «территория историка» после пространственного поворота // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 69. – М.: ИВИ РАН, 2019. – С. 5-16.

Рюзен 2001 – Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 7. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 8-26.

Тош 2000 – *Тош Д.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2000. – 296 с.

Цуциев 2012 – *Цуциев А.А.* Циклическая природа кризисов на Северном Кавказе: предпосылки и общероссийский контекст // Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным центром. – М.: МАКС Пресс, 2012. – С. 7-17.

Унежев 2005 – *Унежев К.Х.* История Кабарды и Балкарии. – Нальчик: ГП КБР "Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г." Издательский центр "Эль-Фа", 2005. – 612 с.

Сокка 1994 – *Cocka J.* A Controversy Within Social History and The Need for Context // Социальная история: проблема синтеза / Отв. ред. В.В. Согрин. – М.: ИВИ РАН, 1994. – С. 46-54.

Corfield 2010 – *Corfield J.P.* Historians and the Return to the Diachronic // The New Ways of History / Ed. by G. Harlaftis et al. – L.; N.Y.: I.B. Tauris Publishers, 2010. – P. 13-30.

Mann 1993 – *Mann M.* The Sources of Social Power. Vol. 2. The Rise of Classes and Nation States, 1760–1914. – New York: Cambridge University Press, 1993. – 824 p.

Koselleck 2004 – *Koselleck R.* Futures Past: On the Semantics of Historical Time. – New York: Columbia University Press, 2004. – 344 p.

Rüsen 1987 – *Rüsen J.* Historical Narration: Foundation, Types, Reason // History and Theory. – 1987. – Vol. 26. – No 4. – P. 87–97.

Rüsen 1996 – *Rüsen J.* Narrativity and Objectivity in Historical Studies [Online resource]. In: History and the Limits of Interpretation. A Symposium. Humanities Research Center: website. URL: http://cohesion.rice.edu/humanities/csc/conferences.cfm?doc_id=369 (date of access: 06.09.2015).

Rüsen 2004 – *Rüsen J.* Historical Consciousness: Narrative Structure, Moral Function and Ontogenetic Development // Theorizing Historical Consciousness / Edited by Peter Seixas. – Toronto: University of Toronto Press, 2004. – P. 63-85.

Rüsen 2005 – *Rüsen J.* History: Narration, Interpretation, Orientation. – New York and Oxford: Berghahn Books, 2005. – 236 p.

Tamm, Olivier 2019 – *Tamm M., Olivier L.* Introduction: Rethinking Historical Time // Rethinking Historical Time. New Approaches to Presentism / Ed. by M. Tamm and L. Olivier. – L.; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2019. – P. 23-43.

Tilly 1996 – *Tilly Ch.* The Emergence of Citizenship in France and Elsewhere // Citizenship, Identity and Social History. International Review of Social History, supplement 3. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – Pp. 223-236.

REFERENCES

ANDRIANOV B.V. *Istoriko-etnograficheskaya oblast'* [Historical-ethnographic area]. IN: *Etnicheskie i etno-sotsial'nye kategorii: Svod etnograficheskikh ponyatii i terminov. Vyp. 6* [Ethnic and ethno-social categories: Collection of ethnographic concepts and terms. Issue 6.]. – М.: IEA RAN, 1995. – P. 31-33. (In Russ.).

ARTOG F. *Mirovoe vremya, istoriya i napisanie istorii* [World Time, History and the Writing of History]. IN: *Krynitsaznaŭstva i spetsyyal'nyya gistarychnyya dystsypliny: navuk. zb. Vyp. 3* – Minsk: BDU, 2007. – P. 13–23. (In Russ.).

ARTOG F. *Poryadok vremeni, rezhimy istorichnosti* [The order of time, regimes of historicity]. IN: *Neprikosnovennyi zapas*. – 2008. – № 3 (59). – P. 19-38. (In Russ.).

BARG M.A. *Epokhi i idei. Stanovlenie istorizma* [Epochs and Ideas. Formation of Historicism]. – М.: Mysl', 1987. – 352 p. (In Russ.).

BARG M.A. *Istoricheskoe soznanie kak istoriograficheskaya problema* [Historical consciousness as a historiographical problem]. IN: *Voprosy istorii*. – 1982. – № 12. – P. 49-66. (In Russ.).

СОККА J. *A Controversy Within Social History and The Need for Context*. IN: *Sotsial'naya istoriya: problema sinteza / Otv. red. V.V. Sogrin* [Social History: The Problem of Synthesis / Ed. V.V. Sogrin]. – М.: ИВИ РАН, 1994. – P. 46-54.

CORFIELD J.P. *Historians and the Return to the Diachronic* // The New Ways of History / Ed. by G. Harlaftis et al. – L.; N.Y.: I.B. Tauris Publishers, 2010. – P. 13-30.

Istoriya Kabardino-Balkarii: Ucheb. posobie dlya sred. shk. / B.M. Kerefov i dr.; pod obshch. red. T.Kh. Kumyкова, I.M. Mizieva [History of Kabardino-Balkaria: Textbook for secondary schools / B.M. Kerefov et al.; edited by T.Kh. Kumykov, I.M. Miziev]. – Nal'chik: El'brus, 1995. – 382 p. (In Russ.).

Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei. V 2 t. T. 1. Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR s drevneishikh vremen do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii / red. kol.: T.Kh. Kumykov (glav. red.) i dr. [History of the Kabardino-Balkarian ASSR from ancient times to the present day. In 2 volumes. Volume 1. History of the Kabardino-Balkarian ASSR from ancient times to the Great October Socialist Revolution / ed. board: T.Kh. Kumykov (ed. in chief) and others]. – M.: Nauka, 1967. – 483 p. (In Russ.).

Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei. V 2 t. T. 2. Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR s Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii do nashikh dnei / red. kol.: G.Kh. Beriketov (gl. red.) i dr. [History of the Kabardino-Balkarian ASSR from ancient times to the present day. In 2 volumes. Volume 2. History of the Kabardino-Balkarian ASSR from the Great October Socialist Revolution to the present day / [ed. board: G.Kh. Beriketov (ed.-in-chief) and others]] – M.: Nauka, 1967. – 439 p. (In Russ.).

KOSELLECK R. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. – New York: Columbia University Press, 2004. – 344 p.

MANN M. *The Sources of Social Power. Vol. 2. The Rise of Classes and Nation States, 1760–1914*. – New York: Cambridge University Press, 1993. – 824 p.

REPINA L.P. *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [History at the border of the XX – XXI cc: social theories and historiographical practices] – M.: Krug', 2011. – 560 p. (In Russ.).

REPINA L.P. *Istoriya regionov, ili «territoriya istorika» posle prostranstvennogo povorota* [History of the regions, or “Historian’s territory” after Spatial turn]. IN: *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii. Vyp. 69* [Dialogue with Time. Intellectual History Review. Iss. 69]. – M.: IVI RAN, 2019 –. P. 5-16. (In Russ.).

RÜSEN J. *Historical Consciousness: Narrative Structure, Moral Function and Ontogenetic Development // Theorizing Historical Consciousness / Edited by Peter Seixas*. – Toronto: University of Toronto Press, 2004. – P. 63-85.

RÜSEN J. *Historical Narration: Foundation, Types, Reason // History and Theory*. – 1987. – Vol. 26. – No 4. – P. 87–97.

RÜSEN J. *History: Narration, Interpretation, Orientation*. – New York and Oxford: Berghahn Books, 2005. – 236 p.

RÜSEN J. *Narrativity and Objectivity in Historical Studies* [Online resource]. IN: *History and the Limits of Interpretation. A Symposium*. Humanities Research Center: website. URL: http://cohesion.rice.edu/humanities/csc/conferences.cfm?doc_id=369 (date of access: 06.09.2015).

RYuZEN I. *Utrachivaya posledovatel'nost' istorii (nekotorye aspekty istoricheskoi nauki na perekrestke modernizma, postmodernizma i diskussii o pamyati)* [Losing the Order of History (Some Aspects of Historical Science at the Crossroads of Modernism, Postmodernism and the Debate on Memory)]. IN: *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii. Vyp. 7* [Dialogue with Time. Intellectual History Review. Iss. 7]. – M.: Editorial URSS, 2001. – P. 8-26. (In Russ.).

TAMM M., OLIVIER L. *Introduction: Rethinking Historical Time // Rethinking Historical Time. New Approaches to Presentism / Ed. by M. Tamm and L. Olivier*. – L.; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2019. – P. 23-43.

TILLY Ch. *The Emergence of Citizenship in France and Elsewhere // Citizenship, Identity and Social History. International Review of Social History, supplement 3*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – Pp. 223-236.

TOSH D. *Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika* [The Pursuit of History: Aims, Methods and New Direction in the Study of Modern History]. – M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2000. – 296 p. (In Russ.).

TsUTsIEV A.A. *Tsiklicheskaya priroda krizisov na Severnom Kavkaze: predposylki i obshcherossiiskii kontekst* [The cyclical nature of crises in the North Caucasus: preconditions and all-Russian context]. IN: *Respubliki Severnogo Kavkaza: etnopoliticheskaya situatsiya i otnosheniya s ėfederal'nyim tsentrom* [Republics of the North Caucasus: ethnopolitical situation and relations with the federal center]. – M.: MAKS Press, 2012. – P. 7-17. (In Russ.).

UNEZhEV K.Kh. *Istoriya Kabardy i Balkarii* [History of Kabarda and Balkaria]. – Nal'chik: GP KBR "Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g." Izdatel'skii tsentr "El'-Fa", 2005 – 612 p. (In Russ.).

Сведения об авторах

А.Х. Боров – кандидат исторических наук, доцент.

К.Ф. Дзамихов – доктор исторических наук, профессор.

Information about the authors

A.Kh. Borov – Candidate of Historical Sciences, associate professor.

C.F. Dzamihov – Doctor of Science (History), professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.08.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 13.08.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Научная статья

УДК 325.1(470.6)"18"

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-45-60

EDN: AFZYOJ

**ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВЕКТОРЫ МИГРАЦИОННОЙ
АКТИВНОСТИ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА:
ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Заурбек Анзорович Кожев

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского
научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия,
zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

Аннотация. Со второй половины XVIII в. на Центральном Кавказе начинается процесс масштабной трансформации всей системы общественных отношений, охватывавших Кабарду и ее непосредственное социальное окружение. Причины имели как эндогенный (кризис феодальных общественных институтов в Кабарде, антагонизм между интересами кабардинской аристократии и горцев Центрального Кавказа), так и экзогенный характер – изменение внешнеполитического статуса региона, усиление военно-политического давления, административного регулирования со стороны Российской империи. Итогом стала актуализация миграционных процессов, как способа разрешения кризисных явлений в системе этносоциальных отношений иерархического характера, связывавших все группы населения региона. Одним из векторов миграционной активности стало стремление части непривилегированных сословий Кабарды организовать переселение за черту институционализированной в 1777-1778 гг. границы Российской империи. Стихийное бегство в российские пределы представителей зависимых сословий Кабарды стало еще одной формой миграционной активности, угрожавшей демографической и социально-политической стабильности региона. В приграничье кабардинских удельных княжеств с горами Центрального Кавказа также происходили локальные миграции, приводившие к изменению этнических границ и формированию незаселенных зон отчуждения. К концу XVIII в. общий кризис этносоциальных отношений на Центральном Кавказе инициировал шариатское движение, как способ преодоления кризисных явлений, и начало миграционной активности кабардинцев, направленной в Восточное Закубанье.

Ключевые слова. Кабарда, Центральный Кавказ, Моздок, Азово-Моздокская кордонная линия, шариатское движение, миграции.

Для цитирования: Кожев З.А. Потенциальные векторы миграционной активности на Центральном Кавказе во второй половине XVIII века: этносоциальный аспект // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 45-60. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-45-60. EDN: AFZYOJ.

© Кожев З.А., 2025

Original article

POTENTIAL VECTORS OF MIGRATION ACTIVITY

IN THE CENTRAL CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY: ETHNOSOCIAL ASPECT

Zaurbek A. Kozhev

Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

Abstract. From the second half of the XVIII-th century, began a process of large-scale transformation of the common system of social relations in the Central Caucasus, which involved Kabarda and its immediate social environment. The reasons were both endogenous (the crisis of feudal public institutions in Kabarda, the antagonism between the interests of the Kabardian aristocracy and the highlanders of the Central Caucasus) and exogenous in nature – change in the foreign policy status of the region, strengthening of military-political pressure, administrative regulation by the Russian Empire. The result was the actualization of migration processes as a way of resolving crisis phenomena in the system of ethnosocial relations of a hierarchical nature that connected all population groups of the region. One of the vectors of migration activity was the desire of a part of the underprivileged classes of Kabarda to organize resettlement beyond the border of the Russian Empire institutionalized in 1777-1778. The spontaneous flight of representatives of the dependent classes of Kabarda to Russian territory became another form of migration activity that threatened the demographic and socio-political stability of the region. In the border areas of the Kabardian appanage principalities with the highlanders of the Central Caucasus, local migrations also occurred, leading to changes in ethnic boundaries and the formation of uninhabited exclusion zones. By the end of the XVIII-th century, the general crisis of ethnosocial relations in the Central Caucasus initiated the Sharia movement as a way to overcome the crisis phenomena and the beginning of the migration activity of Kabardians directed to the Eastern Trans-Kuban region.

Keywords. Kabarda, Central Caucasus, Mozdok, Azov-Mozdok cordon line, Sharia movement, migrations.

For citation: Kozhev Z.A. Potential vectors of migration activity in the Central Caucasus in the second half of the XVIII-th century: ethnosocial aspect. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 45-60. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-45-60. EDN: AFZY0J.

© Kozhev Z.A., 2025

Введение

Вторая половина XVIII в. очень важный период для осмысления основных тенденций общественно-политической эволюции народов Центрального Кавказа, происходившей в ходе, а во многом и в результате инкорпорации региона в состав Российской империи. Это период, когда еще сохранялась автономность региона и традиционная система этносоциальных отношений, сложившаяся в нем в период позднего средневековья и раннего нового времени, административный контроль со стороны России лишь начал формироваться, а первые эксцессы военного противостояния не переросли в тотальную эскалацию Кавказской войны. В это время резко возрастает количество и качество актового материала, отложившегося в российских архивах, нарративных источников, имеющих характер живых свидетельств современников, которые детально описывают динамику многих исторических процессов на Центральном Кавказе [АБКИЕА 1974:

179-280; Штедер 2016; РГАДА. Ф. 23. Д. 5 («Переписка начальников на Моздокской линии»), Д.9 («Переписка начальника Моздокской линии генерал-майора Ф.И. Фабрициана. 1779 г.»); РГАДА Ф. 192. Оп. 1. Карты Кавказа и др.].

Одним из таких процессов является начало экспоненциального роста миграционной активности, которая кардинально изменила этнодемографическую и социально-политическую карту Северного Кавказа уже в первой половине XIX в. Выделение основных векторов миграционной активности населения Центрального Кавказа, причин этносоциального характера, детерминировавших их направление и интенсивность, является задачей данного исследования. Историография данного вопроса, демонстрирует отсутствие целостного подхода в его изучении. Социальные, демографические, этнические аспекты миграционной активности в Кабарде, горских обществах Центрального Кавказа традиционно рассматривались вне общего исторического контекста процессов общественной эволюции всего региона в ходе его инкорпорации в состав Российской империи, либо в отрыве друг от друга [Волкова 1974; Берозов 1980; Кажаров 2014: 570-589, 698-733 и др.].

Источниковой базой исследования являются опубликованные сборники архивных материалов [Бутков 1869; КРО 1957а; КРО 1957б; МПИО 1933; РОО 1976; РОО 1984], материалы нескольких фондов РГАДА [Ф.23 (Кавказские дела). Д. 5 («Переписка начальников на Моздокской линии»), Д. 9 («Переписка начальника Моздокской линии генерал-майора Ф.И. Фабрициана. 1779 г.»); РГАДА Ф. 192. Оп. 1. Карты Кавказа], а также нарративные источники второй половины XVIII – начала XIX вв. [АБКИЕА 1974: 179-280; Султан Хан-Гирей 2009; Штедер 2016].

Основная часть

К середине XVIII в. полиэтническое население Центрального Кавказа было объединено на базе традиционных общественных отношений в системную целостность на основе тесных экономических, социально-политических, этнокультурных отношений, имевших иерархический характер. В ее центре находилась Кабарда, фактически распадавшаяся на три политических субъекта – так называемая Большая Кабарда (Къэбэрдей), а также Талостаней (Талостэней) и Джиляхстаней (Джылэхъстэней) – Малая Кабарда русских источников [Султан Хан-Гирей 2009: 131-145]. Ее непосредственное социальное окружение составляли абазины Восточного Закубанья и разнообразные горские сообщества Центрального Кавказа от Верхней Кубани до Верхней Сунжи [МПИО 1933: 31-33; КРО 1957б: 114-115, 194-196]. По архивным данным и нарративным источникам, к середине XVIII в. пространственная дистанция между населенными пунктами феодальных уделов Кабарды и горскими обществами Центрального Кавказа была минимальной [КРО 1957б: 114-115, 194-196]. Кабардинцы стремились занять выходы из ущелий своими селениями, чтобы контролировать горцев, облагавшихся натуральными налогами за пользование сезонными пастбищами и иными угодьями на равнине. Наиболее многочисленные локальные группы северокавказских абазин – так называемые абазины-тапанта, по временам полностью инкорпорировались в состав Большой Кабарды [КРО 1957б: 114]. Эта модель

взаимодействия кабардинцев с абазинами Восточного Закубанья и горцами Центрального Кавказа позволяла военно-аристократической элите Кабарды – корпорации *пиш-уорков*, поддерживать доминирующие, лидерские позиции как внутри социума, так и в регионе в целом. Ее устойчивость основывалась на демографическом и организационном превосходстве кабардинцев над разобщенным в политическом отношении и разнородным в этнокультурном плане населением высокогорной зоны Центрального Кавказа. Правительство Российской империи в середине XVIII в. признавало легитимность иерархических связей между кабардинскими князьями и зависимыми от них горцами Центрального Кавказа. В 1753 г., во время очередного конфликта между Кабардой и Крымским ханством за право налогообложения верхнекубанских абазин, Коллегия иностранных дел сделала следующее «изъяснение» правительству Османской империи:

«Абазинцы шести родов или алтыкесек называемые ... отдались в подданство оной Кабарды владельцам; и с того времени платят им подать ... Хотя река Инжик (Большой Зеленчук – *З.К.*), на которой... абазинцы живут, лежит за рекою Кубаном и впадает во оную, однако же чрез то принадлежности их к кабардинцам опровергнуть невозможно, ибо напротив того – надлежит взять в разсуждение и реку Терек, о которой известно, что течение имеет в границах Всероссийской империи, и на которой с одной стороны имеются немалые российские жилища, а с другой живут подданные е.и.в. кумыки, андreeвцы, аксайцы, брагунцы и чеченцы... А со всем тем в вершинах оной в горах сверх кабардинцев разные находятся народы..., которые Всероссийской империи не в подданстве, а... во владении у тех же кабардинских владельцев» [КРО 1957b: 188].

Достаточно комфортные внешнеполитические условия, в которых существовала Кабарда с момента заключения Белградского мирного договора (1739) и обретения нейтрального статуса, позволяли кабардинской аристократии сохранять доминирующие позиции в регионе, прилагая усилия лишь для поддержания устойчивости сложившегося этнодемографического и социального баланса. Динамика исторических изменений, в том числе геополитического контекста, в котором существовали народы Центрального Кавказа, во второй половине XVIII в., продемонстрировала уязвимость традиционной модели взаимодействия различных этнических и социальных страт населения. По заключению В.Х. Кажарова, с которым сложно не согласиться, Кабарда, как наиболее социально развитое и многочисленное сообщество Центрального Кавказа, находилась в состоянии стагнации:

«В XVII-XVIII вв. развитие кабардинского общества сводилось к бесконечному повторению прежних социальных образцов, демонстрируя свою неспособность к самообновлению и прогрессу. Предельная стандартизация и унификация всех сторон общественной жизни сочеталась с хроническими феодальными междоусобицами ... К середине XVIII в. Кабарда оказалась в социальном и политическом тупике [Кажаров 2014: 524].

Это проявилось в общественной реакции, которая имела место в Кабарде и ее ближайшем социальном окружении в связи с объективно закономерным усилением военно-политического влияния Российской империи в регионе после основания крепости Моздок (1763). Собственно само основание этой крепости

было связано с хроническими внутривнутриполитическими конфликтами в Кабарде, которые вынудили одного из кабардинских князей Джиляхстанея – Кургоко Канчокина, принять крещение и с несколькими сотнями своих поданных переселиться в урочище Моздок [КРО 1957b: 198, 201, 203-204, 209, 211-215, 218-222]. Это была первая крупная разовая миграция кабардинского населения из традиционной, наиболее комфортной с точки зрения землепользования зоны – предгорных равнин, на степное левобережье Терека. Сам Кургоко Канчокин в этом переселении, очевидно, видел средство обретения могущественного покровителя и получение нового статуса высокопоставленного имперского подданного. Однако русское правительство расценивало основание Моздока как средство распространения своего экономического, военно-политического и идеологического влияния на Центральном Кавказе. Создание в промежутке между Моздоком и Кизляром центра миграционного притяжения для горцев Центрального Кавказа предполагалось в самом сенатском докладе Екатерине II:

«Сенат по слушании всего того определил о переселении вышеозначенных, осетинцов, кишинцов (т.е. ингушей – З.К.), кабардинцов и других из тамошних горских народов, крестница желающих, на кизлярских границах; позволяя селитца с ними же и другим охотникам из христианских народов» [КРО 1957b: 219-220].

Выбор Моздока как сборной точки миграционной активности был не случаен. Судя по более ранним источникам, это урочище еще до основания там крепости было местом притяжения всех потенциальных переселенцев из Кабарды в русские владения. Еще в ноябре 1744 г. в своем письме императрице Елизавете Петровне кабардинские князья просили возвращать

«...бегающих от нас в Кизляр и в Моздок (курсив наш – З.К.) и желающих принять христианский закон оставшихся от дедов и отцов собственных наших людей также купленных нами грузинцов и армян»; не содержать в этом урочище «строение и караул» [КРО 1957b: 122, 123].

Основание в урочище Моздок полноценной крепости, было расценено в Кабарде как территориальный захват. Кроме того, это усугубило кризисные явления в Кабарде, обострив до предела отношения между привилегированными и непривилегированными сословиями. Проблема Моздока и усилившегося потока беглых холопов, которые обрели возможность быстро получить защиту в обмен на истинное или формальное обращение в христианство, стала первым серьезным поводом для обострения кабардино-русских отношений. Кабардинские князья одновременно пытались организовать убийство Кургоки Канчокина, вели переговоры с кемиргоевцами, бесленеевцами и закубанскими ногайцами о перспективах нападения на Моздок и оказывали дипломатическое давление на Петербург [КРО 1957b: 232, 235, 236, 238-239]. Позиция кабардинской аристократии была предельно проста и апеллировала к рациональному выбору в пользу объективной заинтересованности Российской империи в своих давних союзниках на Кавказе:

«Наши кабардинские холопы не желая жить здесь в Кабарде, бегут и принимают крещение, а потом не желая христианства паки бегут к нам в Кабарду... И хотя вы нас потеряли, токмо мы к стороне ея величества недоброжелательства не имеем, из беглых же кабардинских холопов в Кизлярской крепости много ль находится в службе ея величества, ибо прочие беглецы к России все отпускаются во отечества свои, то есть грузинцы в Грузию, кумычены в Кумыки, а каджара в Персию; но чрез них стороне ея величества какая прибыль имеется? ...За таких, никакой пользы казенной не касающих и вовсе пропадающих, ясырей напрасно Кабарду нашу потеряете» [КРО 1957b: 236].

Однако во всех просьбах, касавшихся ликвидации Моздока и возвращения беглых холопов, кабардинскому посольству 1764 г. было отказано [КРО 1957b: 238-239]. Стихийный и достаточно массовый отток населения за пределы Кабарды продолжился. В социальном плане «беглые холопы», по архивным данным состояли из двух основных категорий – «тукашуков» (*лъхукъуэщо* – З.К.) или «чагар», то есть лично свободных оброчных крестьян, этнических кабардинцев, и так называемых «коджаров» – пленных, либо приобретенных покупкой иноплеменников (грузин, армян, уроженцев персидских провинций и т.д.) [КРО 1957b: 236, 269-270; Думанов 1990: 152-164]. Бегство последних, лишало своих владельцев рабочих рук и подрывало феодальную экономику Кабарды. А массовое переселение «тукашуков» или «чагар» в русские пределы, кроме того, грозило деструктивными последствиями всей системе сословных отношений и существенно ослабляло военный потенциал кабардинцев. «Тукашуки» составляли до двух третей полевого кабардинского войска, формируя простую бездоспешную кавалерию [КРО 1957a: 386, 387; КРО 1957b: 369].

Попытка кабардинских князей перевести подвластное население «на кубанскую сторону» в верховья Кумы с тем, чтобы исключить бегство в русские пределы зависимых крестьян, вызвало открытое массовое выступление непривилегированных сословий Кабарды [КРО 1957b: 269-270]. Это уже было не стихийное бегство одиночек, а организованная демонстрация открытого неповиновения самой состоятельной и многочисленной категории кабардинского крестьянства. До 10 тыс. человек расположились укрепленным лагерем в урочище Бештамак, в месте впадения в Терек Малки, построили на ней мост, обеспечивавший доступ на левобережье и коммуникацию с представителями русских властей в Моздоке [КРО 1957b: 269-270]. Массовость и организованность выступления демонстрирует степень остроты социальных противоречий в Кабарде между привилегированными и непривилегированными сословиями и потенциальную готовность к миграционной активности в направлении русского приграничья. Лидеры восставших в 1767 г. сразу дали знать русским властям, что они не готовы ни креститься, ни переселяться в Моздок или Кизляр [КРО 1957b: 270]. Их целью было вынудить кабардинскую аристократию к уступкам. Они выступали против нарушения традиционных норм эксплуатации, произвольного повышения податей, насильственного обращения в холопы членов семей и т.д. Отдельным пунктом требований восставших было условие, чтобы «имеющихся у них, чагар, собственных уже их холопей, оставили в их воле, и как владельцы, так бы и уздени в них не вступались, и единственно всех своими холопами не зачисляли» [КРО 1957: 272]. Кабардинские владельцы были вынуждены, явиться в лагерь

восставших и клятвенно обещать выполнить все их требования, а переселение на Куму отложить [КРО 1957: 272-274]. Мирное разрешение конфликта стало лишь тактическим компромиссом, который не мог снять принципиальных противоречий между кабардинской аристократией и массой непривилегированных сословий. В самый острый период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. русское правительство даже пошло на уступки кабардинской аристократии. Грамота Екатерины II 9(17) августа 1771 г. «кабардинским владельцам, узденям и всему народу» гарантировала отказ от укрывательства беглых крестьян в русских владениях, обещала денежные компенсации из казны за беглецов-христиан, но отказывала в главном – уничтожении Моздока, как точки притяжения всех недовольных существующими в Кабарде социальными практиками [КРО 1957b: 299-304]. Эта Грамота была встречена кабардинцами без энтузиазма, так как ее условия не могли разрешить объективный конфликт интересов в кабардино-русских отношениях [КРО 1957b: 304-305].

Победоносное для России окончание русско-турецкой войны 1768-1774 гг., заключение Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. резко усилили военно-политическое влияние Российской империи на Центральном Кавказе. Учреждение на северных территориях Кабарды в непосредственной близости от основного массива кабардинского населения крепостей Азово-Моздокской кордонной линии (1777) не только максимально обострило проблему стихийной миграции в пределы России представителей зависимых сословий, но вывело ее осмысление на качественно новый уровень. Актовый материал подтверждает активизацию стихийной миграции из Кабарды в русские пределы после основания Азово-Моздокской кордонной линии. Значительную часть этих беглецов составляли недавно обращенные в неволю холопы христианского вероисповедания, в первую очередь грузины и армяне [РГАДА Ф.23. Д. 5 Ч.2: 71, 105, 129, 130, 140, 162, 163; Ч.3: 102, 109, 139об., 148, 194об; Ч.5: 283, 414, 434; Ч.6: 26, 45, 107, 109, 133, 412, 440, 526, 536, 543 и др.]. Однако значительную часть беглых из Кабарды составляли этнические кабардинцы, представители зависимых сословий [РГАДА Ф.23. Д. 5 Ч.1: 88, 126, 131, 199, 236, 245, 278, 323, 402; Ч.5: 364; Ч.8: 84, 93, 94, 179, 190, 227, 228, 232, 250, 251, 258, и др.]

В марте 1777 г. Г.А.Потемкин, сообщал в Коллегию иностранных дел:

«Астраханский губернатор и кавалер Якобий представляет ко мне, что он во время осмотра границ той губернии, проезжая чрез Малую и Большую Кабарду, не оставил неприкрытым образом разведать сколь утеснены тамошними начальниками подвластные жители, отчего некоторые из них и открылись ему, что естли б могли они быть твердо обнадежены со стороны российской, что по переводе во оную не отданы будут они обратно нынешним владельцам их, то бы все они давно перешли...» [КРО 1957b: 320].

Через десять лет после выступления 1767 г., осенью 1777 г. во время пребывания И.В. Якоби на кордонной линии «старейшины чорного кабардинского народа от всего подвластного общества» тайно приезжали к нему, жаловались на притеснения своих владельцев и просили о ходатайстве перед русским правительством [КРО 1957b: 323]. Демонстрируемая «старшинами черного народа» нарочитая лояльность Российской империи, готовность к переселению в русские

пределы, ссылки на свою личную свободу и исключительно поземельную зависимость от кабардинской аристократии не соблазнили Коллегию иностранных дел, которая вела по этому вопросу длительную переписку со своими администраторами в регионе [КРО 1957b: 320-326, 327-331]. Русское правительство, реально оценив все риски, возможные материальные и политические издержки, посчитало нецелесообразным решительно вмешиваться во внутренние социальные конфликты кабардинцев:

«Все сие с избытком показывает, что в каком бы положении ни находились черные кабардинские люди, коль мало они однако же заслуживают, чтоб за них приходило с кабардинскими владельцами в новую и жестокую остуду» [КРО 1957b: 331].

Оно не доверяло лояльности «старшин черного кабардинского народа» и вполне обосновано предполагало, что последние просто хотят использовать предоставившееся им окно возможностей, «...пришед во искушение свободы от приближения к их жилищам здешних крепостей» [КРО 1957b: 330]. Русское правительство в это время предпочло выжидательную тактику в надежде на то, что эскалация внутривнутриполитического конфликта в Кабарде ослабит ее военный потенциал:

«...Могут и подвластные кабардинские люди произвести бунт, владельцев своих перебить и сами врознь разойтись. Пускай все сие и случится, тут ничего не потеряется, но еще будет выигрыш, когда владельцев кабардинских убудет, или же у них подвластных действие будет собственной их судьбы» [КРО 1957b: 331]

Несмотря на отсутствие действенной поддержки со стороны русского правительства, непривилегированные сословия Кабарды проявили явную пассивность накануне и во время семимесячной русско-кабардинской войны 1779 г. В 1777 г. отказ кабардинского «чёрного народа» принять участие в нападении на строящиеся укрепления Азово-Моздокской кордонной линии сорвал планы владельцев Большой Кабарды [КРО 1957b: 324; Бутков 1869: 52]. В начале следующего 1778 г. также сорвалось нападение на крепость Павловскую кабардинских войск, которые «...кроме черни (курсив наш – З.К.) собравшись разными партиями тысяч до трех или более выступили было в степь», но, не имея возможности провести массовую мобилизацию всех наличных сил, отказались от своих намерений [КРО 1957b: 324]. В ходе семимесячной войны 1779 г. латентный конфликт и отсутствие полного доверия между кабардинской аристократией и зависимыми сословиями проявился 29 сентября в ходе битвы на Малке, решившей исход кампании. Основная часть войска (около 6000 всадников) проявила явную пассивность и отступила, не предприняв даже попытки деблокировать окруженный русскими отряд, состоявший из одних князей и дворян [Бутков 1869: 52-57]. В советское время отечественная историография пыталась в духе классового детерминизма обвинить кабардинских *пиши-уорков* в бегстве с поля боя, якобы обрекшим крестьянское ополчение на разгром, но официальный отчет о сражении Ф.И. Фабрициана и И.В. Якоби, а также мемуары очевидцев свидетельствуют о том, что ситуация была прямо противоположной [Народные наигрыши 1986: 229; Бутков 1869: 56-57; Кавказская война 2002: 25-26].

После общего обострения кабардино-русских отношений, эскалации вооруженного противостояния на Центральном Кавказе в годы антиколониального движения шейха Мансура (1785-1787) возможности организованного переселения зависимых сословий за границу русских укреплений стали эфемерны. Царские власти, напротив, проводили политику ограничения территории Кабарды правобережьем Малки и Терека. Но острота социальных противоречий в Кабарде приводила к эксцессам и массовым миграциям помимо воли русских властей и кабардинских владельцев. В конце марта 1780 г. Ф.И.Фабрициан доносил астраханскому губернатору о том, что в противодействии попыткам кабардинской аристократии сохранить свою власть путем дистанцирования от наступающей русской границы, непривилегированные сословия были готовы к самым крайним мерам:

«Малой Кабарды владельцы Тоусултановых кабаков подлинно зделали было бунт в своем народе, и хотели отдалиться на жилище в горы, а не на Кубань, и, принуждая подданных своих к тому усиленно, делали им разные притеснения, а напоследок, видя их упорство и несогласие, рубили саблями и выгоняли вон. Однако ж чернь, окрепясь и храня данную в присяге клятву, не сделала им и по той строгости послушания, а, *оставя жен и детей в их руках, перешло к Моздоку более 800 человек и просили защищения от нас* (курсив наш – З.К.) [КРО 1957b: 335-336].

К 1787 г. численность кабардинцев, перешедших в русские владения, в окрестности Георгиевской, Павловской крепостей и Моздока превосходила 1,5 тыс. человек [Волкова 1974: 57]. Большинство из них после длительных переговоров примирилось со своими владельцами и вернулось в пределы Кабарды в течение 1787 г. [Бутков 1869: 174]. Усиление колониального администрирования, учреждение в 1785 г. Кавказской губернии и общая военно-политическая напряженность с конца XVIII в. объективно снижали для кабардинцев привлекательность переселения за черту русских укреплений в сферу непосредственного управления России с ее более жесткими крепостными порядками.

Сохранение социального противостояния в Кабарде на фоне первых неудач антиколониальной борьбы вызвало всплеск общественно-политической активности, получившей в историографии название шариатского движения. Программа социальных преобразований на основе исламского права – шариата предполагала мобилизацию всех ресурсов, «...достижение определенных политических выгод в результате уравнивания прав различных сословий внутри феодального класса» [Кажаров 2014: 602]. Ограниченность этой программы, неготовность распространить ее эгалитарные принципы на все кабардинское общество не могли снять остроту социальных противоречий в Кабарде. Основным содержанием общественного кризиса второй половины XVIII в., стимулировавшего стихийный миграционный отток населения и даже попытки организованного массового переселения за черту пограничных русских укреплений, был социальный конфликт между привилегированными и непривилегированными сословиями. Шариатское же движение широко распространяя исламские нормы в сфере уголовного и семейного права, предполагало сохранение традиционных обычно-правовых отношений между привилегированными и зависимыми сословиями:

«...Всякое дело в народе решать по шариату, за исключением претензий князя с узденями, узденей с их крепостными, так как они, по желанию их, предоставлены разбирательству по древним обрядам (курсив наш. – З.К.)» [Ногмов 1994: 163].

Усиление административного контроля Российской империи, попытка введения новых судебных органов – Родовых судов и Расправ, на фоне устойчивого стремления части кабардинского общества сохранить автономность, пространственную и правовую дистанцию от институционализирующегося колониального порядка, парадоксальным образом трансформировали энергию социального творчества в новый вектор миграционной активности. В 1799-1800 гг. противники учрежденных в Кабарде подконтрольных России судебных органов во главе со своими лидерами (Адиль-Гирей Атажукин (Хатокшоко), Исхак Абуков и др.) начали переселяться в Восточное Закубанье. В долине Малого Зеленчука сформировалась первая локальная группа закубанских кабардинцев-хаджиретов численностью в 200 семей [Бутков 1869: 560-562; Султан Хан-Гирей 2009: 135; Кажаров 2014: 599-612]. Максимальная активизация западного направления миграционной активности кабардинцев падает на первые десятилетия XIX в., но все объективные условия для него созрели на протяжении второй половины XVIII в. [Султан Хан-Гирей 2009: 135-145; Кажаров 2014: 599-612].

Основание Моздока и появление перспектив получить покровительство русских властей в регионе также активизировала миграционную активность горцев Центрального Кавказа – осетин и ингушей, которые на протяжении второй половины XVIII в. последовательно пытались расширить свою этническую территорию. Горцы Осетии и Ингушетии, как и «старшины черного народа» в Кабарде, пытались выйти из-под власти своих сюзеренов или существенно ослабить их влияние, поставить под сомнение традиционную систему землепользования и налогообложения, феодальных прав и привилегий кабардинской аристократии, в первую очередь, феодальное право верховной собственности на землю. Этот социальный по содержанию конфликт осложнялся тем, что протекал в форме этнического противостояния между населением Малой Кабарды и его южными соседями.

Демографический навес горцев Осетии и вайнахских локальных родоплеменных групп Верхней Сунжи над черкесским населением Талостанея и Джиляхстанея, а также общий внутривосточный кризис в Кабарде давали горцам определенные преимущества. Вторая половина XVIII в. стала периодом начала радикального сокращения территории землепользования кабардинцев в зоне их контакта с горцами Осетии и Ингушетии. В середине XVIII в. по данным ландкарты Кабарды С.Чичагова и пояснений к ней основные поселения Джиляхстанея располагались по Сунже и ее притокам – Назрани и Эндерипсу, а Талостанея занимал предгорную равнину между левым берегом Терека и Сунженским хребтом [КРО 1957b: 196, 197]. На протяжении 60-70-х годов кризисного для Кабарды XVIII в., ситуация социально-политического противостояния кабардинских феодальных владений и горцев Центрального Кавказа стала фактором, детерминировавшим значительную в масштабах региона этнодемографическую динамику.

Еще до основания Моздока триггером в обострении кабардино-горских отношений стала деятельность Духовной комиссии, которая с 1752 г. начала миссионерскую деятельность среди осетин и ингушей, что создавало дополнительную религиозную дистанцию между ними и мусульманским населением Кабарды [МПИО 1933: 73; РОО 1974: 304, 419]. Кабардинская аристократия рассматривала проповедь христианства как инструмент усиления политического влияния России, и болезненно реагировала на это эскалацией организованного насилия против новообращенных горцев. Наиболее интенсивно, судя по источникам, разворачивался конфликт между кабардинскими князьями и ингушами. В 60-70-х годах источники фиксируют ряд крупных столкновений, в которых кабардинские феодальные войска практиковали набеги, захват скота, пленных, препятствовали ингушам использовать пашни, пастбища и сенокосы на плоскости [МПИО 1933: 152; КРО 1957b: 307; РОО 1976: 419]. На требования российских властей прекратить нападения на ингушей, кабардинцы ссылались на право войны, устоявшиеся обычаи и попытки горцев их игнорировать:

«...Ингушевский народ был издревле ими завоеван, и всегда они с них по обычаю подать брали, а ныне... не только не дают, но еще крадут у кабардинцев скот и увозят. И ... иным способом с ними зделаться не можно, кроме того, чтоб их усмирять оружием» [КРО 1957b: 308].

Несмотря на все усилия, удержаться на местах своего прежнего проживания кабардинцы не смогли. Уже в 1781 г. русский офицер Л.Л.Штедер в бывшем центре локализации владений Джиляхстаня – на правом берегу Сунжи и ее притоках, застал лишь следы старых кабардинских поселений, «...надгробные памятники, абрикосы и другие фруктовые деревья их прежних садов и т.п.» [Штедер 2016: 16-17, 31-32]. По архивным данным второй половины XVIII в. кабардинцы были вынуждены покинуть даже междуречье Сунжи и Камбилеевки, которое начали колонизировать ингуши [РГАДА Ф.192. Оп.1. Карты Кавказа. Д. 4]. Они также активно осваивали Тарскую котловину и нижнее течение Камбилеевки [МПИО 1933: 166; Волкова 1974: 158]. Примерно в 60-х гг. XVIII в. ингуши заняли оба берега Камбилеевки. Кроме того, они постепенно колонизировали земли на правом берегу Сунжи, которые ранее покинули кабардинцы [Волкова 1974: 161]. Уже по данным карты 1768 г. и источникам последней трети XVIII в., нижнее течение рр. Асса и Фортанга вплоть до слияния с Сунжей занимали ингушские родоплеменные подразделения – галгаи, галашевцы и карабулаки [РГАДА. Ф.192. Оп.1. Карты Кавказа. Д.4].

Вся южная часть Талостаня и Джиляхстаня от предгорий Большого Кавказа до Сунженского хребта в течение 60-70-х гг. XVIII в. превратилась в зону отчуждения и безопасности, что красноречиво описал Л.Л.Штедер в 1781 г.:

«Татартупская горная цепь (Сунженский хребет – З.К.) тянется за селением в сторону Кавказа. Она замыкает здесь Сунжу и образует между Сунжой и Уругом (Урухом – З.К.) большую осетинскую равнину, одну из превосходных и плодородных местностей, по которой протекают 8 больших и некоторое количество малых рек; с помощью обработки она могла превратиться в счастливейшую местность, однако она лежит необработанной вследствие обоюдной боязни кабардинцев и горцев» [Штедер 2016: 90].

По его же данным пашни и пастбища Джиляхстаня в 1781 г. располагались между Сунженским и Терским хребтами «которые проходят параллельно друг другу с востока на запад на расстоянии 8 верст, на ровной и плодородной долине» [Штедер 2016: 90]. Но даже там кабардинцы были вынуждены строить легкие древо-земляные укрепления для того, чтобы защитить себя от внезапных нападений горцев:

«На востоке, на острие полей и пастбищ занимающиеся земледелием и пастухи воздвигли себе, с целью предотвращения нападений, небольшие легкие оборонительные земляные и деревянные сооружения. Эти укрепления, непреодолимые для любых разбойных набегов, состоят из двойного плетня, идущего по кругу, высотой выше человеческого роста, между которым на четыре фута насыпана земля и который имеет отверстия для стрельбы. Внутри по кругу устроена соломенная крыша, под которой они хранят свое семейное зерно и утварь и располагаются сами на ночлег. Узкий вход закрывается их двухколесной телегой (арбой). Для пастухов у них имеются специальные сооружения из балок, расположенных одна над другой, установленных на четырех сваях, 4 сажени над землей, которые также снабжены отверстиями для стрельбы» [Штедер 2016: 14].

Таким образом, население Талостаня и Джиляхстаня в течение второй половины XVIII в. было оттеснено в северо-западном направлении – в излучину Терека на северные склоны Сунженского хребта. Как отмечал уже в нач. XIX в. Г.Ю. Клапрот, селения Малой Кабарды «подвергались набегам народов, живущих в горах» и по этой причине «отодвигались от них все более сначала к южному гребню (Сунженскому хребту. – *З.К.*) и наконец передвинулись на другую его сторону» [АБКИЕА 1974: 276-277].

Тем не менее, на протяжении всей второй половины XVIII в., до демографической катастрофы первых десятилетий XIX в., кратно сократившей численность кабардинцев, потенциальное стремление горцев Центрального Кавказа колонизировать часть Кабардинской равнины не могла реализоваться полностью. Русское правительство не было склонно, как и в случае социальных конфликтов в Кабарде, безусловно поддерживать устремления осетинских и ингушских общин. Учитывая традиционный характер сюзеренно-вассальных отношений кабардинцев с горцами Центрального Кавказа, правительство России осознавало, что если бы

«осетинцы на... кабардинские места выселились, они неминуемо и подвластными тамошним владельцам к немалому оных... усилению, учиниться были бы должны, в чем со здешней стороны и препятствовать с... означенным трактатом (Белградским договором – *З.К.*) было бы не сходно, а ежели бы против воли кабардинцев на их землях осетинцев поселивши со всем тем не допускать кабардинцев ими пользоваться, в таком случае с Портою Оттоманскою и до самой крайности легко дойти могло б» [РОО 1976: 399].

Даже после заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г., и формального присоединения Центрального Кавказа к России, имперское правительство, обещая свое покровительство всем горским обществам, присягнувшим на верность, рекомендовало им не нарушать своих обязательств по

отношению к кабардинским владельцам [РОО 1984: 265]. Коллегия иностранных дел в письме от 13 ноября 1780 г. к командующему Кавказским корпусом князю П.С. Потемкину предписывала не помогать осетинам в самовольном занятии прилегающей к горной Осетии части Кабардинской равнины:

«Жители Малой Кабарды сим поселением в своих угодьях нужных и не были б может быть утеснены, но сказать могли б, что собственность их бесспорная отнимается насильством... А чтоб сей жалобы и нарекания избыть, то переселяя осетинцев из гор на низкие места, и надлежало бы уже оставить в полной от кабардинцев зависимости, но сим... не было б также одержано здешнее намерение касательно осетинцев, чтоб их, наконец, видеть христианами и к здешней стороне без всякого изъятия и непосредственно приверженными» [МПИО 1933: 300].

На протяжении всей второй половины XVIII в. колонизационная активность осетин на плоскости реализовывалась в рамках традиционной системы сюзеренно-вассальных и клиентских отношений с кабардинской аристократией. Уже на карте Кабарды 1744 г. на р.Урух отмечено большое село дигорских феодалов Караджаевых [КРО 1957b: 114, 196]. В XVIII в. с согласия кабардинских владельцев на равнинных землях, примыкавших к Дигорскому ущелью, возникло еще 6 крупных дигорских селений [РГАДА. Ф. 23. Д. 9. Ч. 14. Л. 244]. В них, по сведениям Л.Л.Штедера, проживало более 3 тыс. человек или около 40 % всех дигорцев [РГАДА. Ф. 23. Д.9. Ч.14. Л. 242-244]. У выходов из ущелий на равнину рр. Ардон и Фиагдон алагирские и куртатинские осетины основали 8 небольших выселков [МПИО 1933: 161-166; Штедер 2016: 83-85]. Не позднее 60-х годов XVIII в. в долине Терека, также стали появляться новые поселения осетин [РГАДА. Ф. 192. Оп.1. Карты Кавказа. Д. 4]. Всего на предгорных равнинах в долине Терека в конце XVIII в. проживало уже более 200 осетинских дворов [МПИО: 165-166; Берозов 1980: 43].

Ослабление политического влияния кабардинской аристократии после поражения в семимесячной войне 1779 г. позволило имперским властям юридически обязать владельцев Большой и Малой Кабарды не препятствовать осетинам и ингушам свободно использовать землю на равнинах и не требовать от них дани [Бутков 1869: 60]. Однако вплоть до конца XVIII в. политика России, направленная на ослабление политической власти и влияния Иналидов Кабарды «пресечением их связей с соседними народами... и отнятием доходов, приобретаемых от иноплеменных народов силою их оружия еще в давности покоренных», не имела ресурсных возможностей для реализации [Бутков 1869: 61].

Заключение

Таким образом, миграционная активность населения Центрального Кавказа на протяжении второй половины XVIII в. имела несколько ярко выраженных векторов. Наиболее устойчивым оказалось демографическое давление горцев Осетии и Ингушетии на Малую Кабарду. Оно привело к уходу черкесского населения Джиляхстаня и Талостаня из предгорий Большого Кавказа на северные склоны Сунженского хребта и формированию малонаселенной зоны отчуждения между ним и выходами из горных ущелий. В рамках традиционной системы землепользования и связанных с ней сюзеренно-вассальных и клиентских

отношений, часть Кабардинской равнины между Урухом и Верхней Сунжей была колонизована осетинами и ингушами.

Общественный кризис в Кабарде, происходивший на фоне усиления военно-политического и административного давления на нее со стороны Российской империи, основание Моздока (1763), Азово-Моздокской кордонной линии (1777), учреждение Кавказской губернии (1785), стимулировали стихийные миграции из Кабарды представителей несвободных и непривилегированных сословий на подконтрольную России территорию. Попытки организованного массового переселения части непривилегированных сословий Кабарды за черту русских пограничных укреплений не встретили поддержки у колониальной администрации и были нейтрализованы усилиями кабардинской аристократии. К концу XVIII в., в противовес данному вектору миграционной активности, в целях создания пространственной и правовой дистанции между кабардинским обществом и институционализирующейся системой имперского администрирования, в Кабарде начал формироваться новый, элитарный по социальному составу, вектор миграционной активности в направлении Восточного Закубанья.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АБКНКА 1974 – *Адыгы, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.* / сост., ред. переводов, введ. и вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 636 с.

Берозов 1980 – *Берозов Б.П.* Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII–XX вв.). – Орджоникидзе: Изд-во Ир, 1980, – 240 с.

Бутков 1869 – *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. 2. – СПб.: Типография императорской Академии наук, 1869, – 628 с.

Волкова 1974 – *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XX века. – М.: Наука, 1974. – 276 с.

Думанов 1990 – *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата (первая половина XIX в.). – Нальчик: Эльбрус, 1990. – 264 с.

Кавказская война 2002 – *Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы.* Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». – СПб: Изд-во журнала Звезда, 2002, – 552 с.

Кажаров 2014 – *Кажаров В.Х.* Избранные труды по истории и этнографии адыгов. – Нальчик: Печатный двор, 2014, – 902 с.

КРО 1957а – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах. Т. I.* – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 478 с.

КРО 1957б – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах. Т. II.* – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 424 с.

МПИО 1933 – *Материалы по истории Осетии (XVIII век) / Документы собрал, введением и примечаниями снабдил Георгий Кокиев. Т. I.* – Орджоникидзе: Растзинад, 1933. – 348 с.

Народные песни 1986 – *Народные песни и инструментальные наигрыши и адыгов. Т. 3. Ч. 1.* – М.: Советский композитор, 1986. – 264 с.

Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 232 с.

РГАДА – *Российский государственный архив древних актов*

РОО 1976 – *Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сборник документов в 2-х томах. Т. I.* – Орджоникидзе: Изд-во Ир, 1976, – 512 с.

РОО 1984 – *Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сборник документов в 2-х томах. Т. 2.* – Орджоникидзе: Изд-во Ир, 1984, – 439 с.

- Султан Хан-Гирей 2009 – *Султан Хан-Гирей*. Избранные труды и документы. – Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. – 672 с.
- Штедер 2016 – *Штедер Л.Л.* Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние области Кавказа, предпринятого в 1781 году /Сост. Г.И. Цибиров. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016. – 368 с.

REFERENCES

- Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Documents] (In Russ.)
- Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestijah evropejskih avtorov XIII–XIX vv.* [Adygs, balkarians and karachais in the news of european authors of the XIII–XIX centuries] / sost., red. perevodov, vved. i vstup. stat'i k tekstam V.K. Gardanova. – Nal'chik: Jel'brus, 1974. – 636 p. (In Russ.)
- BEROZOV B.P. *Pereselenie osetin s gor na ploskost' (XVIII–XX vv.)* [Migration of Ossetians from the Mountains to the Plain (18th-20th Centuries)]. – Ordzhonikidze: Izd-vo Ir, 1980, – 240 p. (In Russ.)
- BUTKOV P.G. *Materialy dlya novoi istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god. Ch. 2* [Materials for a new history of the Caucasus, from 1722 to 1803. Part 2.]. – SPb.: Tipografiya imperatorskoi Akademii nauk, 1869, – 628 p. (In Russ.)
- DUMANOV Kh.M. *Sotsial'naya struktura kabardintsev v normakh adata (pervaya polovina XIX v.)* [The social structure of the Kabardians in the norms of adat (first half of the 19th century)]. – Nalchik: El'brus, 1990. – 264 p. (In Russ.)
- Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. T. I.* [Kabardian-russian relations in the XVI–XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes. Vol. I]. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. – 478 p. (In Russ.)
- Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. T. II.* [Kabardian-russian relations in the XVI–XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes. Vol. II]. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. – 424 p. (In Russ.)
- Kavkazskaya voyna: istoki i nachalo. 1770–1820 gody. Seriya: «Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoi voyny XIX veka»* [The Caucasian War: Origins and Beginnings. 1770–1820. Series: «Memoirs of Participants in the Caucasian War of the 19th Century»]. – SPb: Izd-vo zhurnala Zvezda, 2002, – 552 p. (In Russ.)
- KAZHAROV V.Kh. *Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov* [Selected works on the history and ethnography of the Adyghe people]. – Nal'chik: Pechatnyi dvor, 2014, –902 p. (In Russ.)
- Materialy po istorii Osetii (XVIII vek) / Dokumenty sobral, vvedeniem i primechaniyami snabdil Georgii Kokiev* [Materials on the history of Ossetia (17th century) / Documents collected, introduction and notes provided by Georgy Kokiev Vol. 1]. T.1. – Ordzhonikidze: Rastzinad, 1933. – 348 p. (In Russ.)
- Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov* [Folk Songs and Instrumental Rants of the Adygs]. Vol. 3. Part. 1. – M.: Sovetskii kompozitor, 1986. – 264 p. (In Russ.)
- NOGMOV SH.B. *Istoriya adykheiskogo naroda* [The history of the adyghe people]. – Nalchik: Elbrus, 1994. – 232 p. (In Russ.)
- Russko-osetinskie otnosheniya v XVIII v. Sbornik dokumentov v 2-kh tomakh* [Russian-Ossetian relations in the 18th century. Vol.1]. T.1. – Ordzhonikidze: Izd-vo Ir, 1976, – 512 p. (In Russ.)
- Russko-osetinskie otnosheniya v XVIII v. Sbornik dokumentov v 2-kh tomakh* [Russian-Ossetian relations in the 18th century. Vol.2]. T.2. – Ordzhonikidze: Izd-vo Ir, 1984, – 439 p. (In Russ.)
- VOLKOVA N.G. *Jetnicheskij sostav naselenija Severnogo Kavkaza v XVIII – nach. XX veka* [Ethnic composition of the population of the North Caucasus in the 18th – early 20th centuries]. – M.: Nauka, 1974. – 276 p. (In Russ.)
- SHTEDER L.L. *Dnevnik puteshestviya iz pograničnoi kreposti Mozdok vo vnutrennie oblasti Kavkaza, predprinyatogo v 1781 godu* [Diary of a journey from the border fortress of Mozdok to the interior regions of the Caucasus, undertaken in 1781] /Sost. G.I. Tsibirov. – Vladikavkaz: SOIGSI VNTs RAN, 2016. – 368 p. (In Russ.)

SULTAN KHAN-GIREY. *Izbrannye trudy i dokumenty* [Selected works and documents]. – Maikop: Poligraf-Yug, 2009. – 672 p. (In Russ.)

Информация об авторе

З.А. Кожев – кандидат исторических наук.

Information about the author

Z.A. Kozhev – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 12.09.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 12.09.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Научная статья
УДК 94+929
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-61-72
EDN: CEDQBS

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕНОВОЙ ТОРГОВЛИ НА КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Мурат Владимирович Дышеков

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, dugur1@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4659-5704>

Аннотация: В статье исследуется комплекс вопросов, связанных с организацией и функционированием института меновой торговли между Российской империей и горскими обществами Северного Кавказа в первой половине XIX в. На основе анализа архивных материалов и свидетельств современников рассматриваются ключевые центры торговли, номенклатура товаров, правовые и социальные аспекты меновых отношений. Особое внимание уделяется роли торговли как инструмента политического влияния и интеграции региона в экономическое пространство империи, а также ее трансформации в условиях Кавказской войны. Отдельно проанализирована административная структура управления, созданная согласно высочайше утвержденному «Положению о меновой торговле с горцами по Кавказской линии» 1846 г. Сделан вывод о том, что политика России в области меновой торговли на Кавказе в первой половине XIX в. прошла сложный путь развития – от стихийного соседского обмена через этап его использования как репрессивного инструмента к попытке превратить в инструмент интеграции и «мягкой силы». Однако складывавшаяся система сталкивалась с непреодолимыми вызовами: объективной экономической логикой («тайный мен», тяготение к денежным отношениям) и сложностями интеграционных практик на местах.

Ключевые слова: меновая торговля, Северный Кавказ, горцы, Российская империя, Кавказская война, меновые дворы, Главный попечитель, административная структура, экономические связи, «тайный мен», соляная торговля.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (договор № 36 от 28.01.2025 г.) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Дышеков М.В. Организационно-правовые особенности меновой торговли на Кавказе в первой половине XIX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 61-72. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-61-72. EDN: CEDQBS.

© Дышеков М.В., 2025

Original article

ORGANIZATIONAL AND LEGAL FEATURES OF EXCHANGE TRADE IN THE CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Murat V. Dyshekov

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, dugur1@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4659-5704>

Abstract. The article explores a range of issues related to the organization and functioning of the institution of barter trade between the Russian Empire and the mountain societies of the North Caucasus in the first half of the 19th century. Based on an analysis of archival materials and contemporary accounts, the article examines key trade centers, the range of goods, and the legal and social aspects of barter relations. Special attention is given to the role of trade as a tool for political influence and integration of the region into the economic space of the empire, as well as its transformation during the Caucasian War. The administrative management structure created in accordance with the 1846 «Regulations on Exchange Trade with the Highlanders along the Caucasian Line» was analyzed separately. It is concluded that Russia's policy in the field of barter trade in the Caucasus in the first half of the 19th century went through a complex development path, from spontaneous neighborhood exchange to its use as a repressive tool, to an attempt to transform it into an instrument of integration and soft power. However, the emerging system faced insurmountable challenges: the objective economic logic (secret barter, the tendency towards monetary relations) and the difficulties of integration practices on the ground.

Keywords: barter trade, the North Caucasus, the highlanders, the Russian Empire, the Caucasian War, the barter yards, the Chief Trustee, the administrative structure, economic ties, "secret barter," and the salt trade.

Acknowledgments and funding: The study was funded by an internal grant from Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov (agreement No. 36 dated January 28, 2025) as part of the Priority 2030 program.

For citation: Dyshekov M.V. Organizational and legal features of exchange trade in the Caucasus in the first half of the 19th century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 61-72. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-61-72. EDN: CEDQBS.

© Dyshekov M.V., 2025

Введение

Проблема торгово-экономических отношений Российской империи с народами Северного Кавказа долгое время оставалась на периферии академического интереса, уступая место военно-политической истории региона. Однако меновая торговля, будучи древнейшим и наиболее адаптированным к местным условиям институтом, выступала важнейшим каналом коммуникации между горскими обществами и российской администрацией. Период с конца XVIII по середину XIX в. характеризуется переходом от стихийных меновых отношений к их системной регламентации со стороны российских властей, что позволяет рассматривать данный феномен в контексте построения имперской периферии.

Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, она продиктована включенностью в дискурс «мягкой силы» (soft power) [Nye 1990], ключевой для современных международных отношений. Опыт Российской империи по использованию торговли как инструмента интеграции служит историческим прецедентом для анализа современных стратегий. Проблема эффективного управления в сложных, многоэтнических регионах остается острой, поэтому анализ двух моделей торговли – централизованной (Кавказская линия) и гибкой, децентрализованной (Черноморья) – предлагает ценные исторические

уроки унификации и адаптации к местным условиям. С другой стороны, представляет интерес реализация модели экономической кооперации в условиях конфликта, включая феномен «тайного мена». Это актуально для понимания роли неформальной экономики в современных конфликтах [Портес 2003].

При этом данная проблема так или иначе затрагивалась в историографии и представлена трудами Т.Х. Кумыкова [Кумыков 1962], Л.Д. Федосеевой [Федосеева 2005a; Федосеева 2005b], С.Н. Радионова [Радионов 2009], А.Т. Урушадзе [Урушадзе 2011], Ш.Б. Ахмадова [Ахмадов 2013], К.Г. Ачмиз [Ачмиз 2014], Т.А. Дзуганова [Дзуганов 2016], Д.С. Кидирниязова [Кидирниязов 2017], К.Ю. Сухомлиновой [Сухомлинова 2018], М.Д. Шапсуговой [Шапсугова 2018], Е.П. Кудрявцевой [Кудрявцева 2023], К.Б. Сижажева [Сижажева 2024], М.Х. Бербековой [Бербекова 2025] и др. Кроме того, некоторые формы торговых отношений затрагиваются в обобщающих трудах [История народов 1988]. Все это создает дополнительные возможности для детальной характеристики организационно-правовых особенностей меновой торговли на Кавказе в первой половине XIX в.

Основная часть

Эволюция торговой политики Российской империи на Северном Кавказе. Кавказ всегда был одним из ключевых перекрёстков мировой торговли, связывавшим Европу и Азию. Достаточно вспомнить, что в древности один из главных сухопутных маршрутов из Китая в Европу проходил через Кавказ. В XIII-XIV вв. безопасность торговых маршрутов обеспечивалась монголами. Главными посредниками в торговле между Европой и Востоком через Кавказ стали итальянские торговые республики Генуя и Венеция основавшие на черноморском побережье Кавказа свои фактории и колонии (например, Кафа в Крыму и Тана в устье Дона). В XVI-XVIII вв. значительную роль в торговле играла Османская империя и её сателлит Крымское ханство.

С конца XVIII в. доминирующее значение в регионе приобретает Россия. Как указывают Е.В. Великая и Н.Н. Великая, «после вхождения Грузии в Российскую империю (1801 г.) правительство активизировало свою политику и стало рассматривать расширение торговых отношений с горцами Северо-Восточного Кавказа как важное средство распространения среди них своего политического влияния» [Великая, Великая 2015: 51].

Анализ исторического развития торговой политики России на Кавказе, проведенный А.Т. Урушадзе, позволил ему предложить ее четкую периодизацию, выделив три ключевых хронологических этапа, которые разграничены по совокупности критериев и отражают последовательную эволюцию ее целей, методов и принципов регулирования [Урушадзе 2011: 83]:

– *Стихийный этап (1770–1801 гг.):* Торговля развивалась как форма соседской взаимопомощи между горцами и казаками при относительной поддержке властей. В 90-е гг. XVIII в. встречи на берегах Кубани были частыми и нерегулируемыми [Урушадзе 2011: 77].

– *Регулярный (закрытый) этап (1802–1845 гг.):* С присоединением Грузии империя перешла к стратегии силового подчинения. Торговля стала рассматриваться как «дисциплинирующий ресурс» и инструмент для применения

репрессивных мер и экономических санкций против «немирных» обществ [Урушадзе 2011: 78, 83]. Ярким примером служит запрет на ввоз андыйских бурок в 1832 г. [Урушадзе 2011: 78].

– *Регулярный (открытый) этап (1846–1854 гг.)*: После провала исключительно силовых методов (особенно наглядно проявившегося в Даргинском походе 1845 г.) и прихода к управлению М.С. Воронцова торговля стала видится как вариант межкультурного диалога и способ интеграции горцев в имперское пространство [Урушадзе 2011: 80–81, 83]. Именно на этом этапе и было принято ключевое «Положение» 1846 г.

Если применить данную периодизацию к истории меновой торговли на Кавказе, то она в целом совпадает с выводами советских историков, которые выделяли два периода меновой торговли: 1800–1845 гг. (создание дворов) и период с 1846 г. до конца 50-х гг. XIX в., связанный с принятием нового Положения о меновой торговле [История народов 1988: 80].

Правовые и организационные основы меновой торговли. Точкой отсчета в истории меновых дворов, как полагает Т.Х. Кумыков, следует считать 6 июля 1810 г., когда постановлением Комитета министров было санкционировано начало «менового торга с горцами». В 1811 г. на Кавказской линии было открыто 6 меновых дворов: Прохладненский, Наурский, Лащуринский, Прочноокопский, Усть-Лабинский и Константиногорский, а также 4 соляных магазина [Кумыков 1962: 27]. Правила торговли, изложенные в предписаниях генерала Тормасова, содержали ключевые элементы будущей системы: горцы освобождались от пошлин, надзор осуществлялся приставом, а обмен происходил «на собственную их волю» сторон [Кумыков 1962: 27]. При этом, как подчеркивает автор, торговля с самого начала носила колониальный характер: был запрещен ввоз золотых и серебряных монет и слитков, и горцы были вынуждены покупать соль за деньги, но сбывать свою продукцию только путем товарного обмена [Кумыков 1962: 27].

Правовой режим функционирования меновых дворов предусматривал создание разветвленной административной системы, ключевой задачей которой было обеспечение законности и безопасности. Высший надзор за торговыми операциями возлагался на особых инспекторов, которые осуществляли выборочные проверки всей Линии. Непосредственное управление на местах осуществлял смотритель менового двора, в чьи обязанности входил контроль за добровольностью сделок, качеством товаров, а также точностью применяемых мер и весов. Важнейшей прерогативой смотрителя являлось недопущение контрабандной торговли стратегически важными товарами, такими как оружие, порох, металлы и селитра. Для предотвращения злоупотреблений со стороны администрации существовал строгий запрет на причинение обид и притеснений горцам, а для разрешения конфликтов использовался институт двусторонних посредников. Внутренний порядок и внешнюю безопасность дворов обеспечивали воинские команды.

В другом регионе – в Черномории меновая торговля также существовала с 1811 г., когда херсонский военный губернатор докладывал министру внутренних дел о существовании на Кубани двух меновых дворов: одного в Екатеринодаре,

другого – в Редутском [Бербекова 2025: 84]. Осуществление торговли между российскими купцами, черкесами и абазинами на восточном побережье Черного моря было поставлено в определенные рамки после издания в 1821 г. Александром I «Правила для торговых сношений с черкесами и абазинами». Основная идея «Правил» заключалась в том, что учреждением торговли можно «приучить горские народы к выгодам общежития и образованности».

Для регулирования торговли определялся особый чиновник – попечитель торговли, состоявший в штате Министерства иностранных дел. Е.П. Кудрявцева, исследовавшая бюджет и штат Попечительства, отмечала: «Во главе встал Де Скасси с окладом в 1,5 тыс. руб., его заместителем был назначен надворный советник Д.Ф. Кодинец, по одному чиновнику было направлено в Анапу, Геленджик, Суджук-кале (совр. Новороссийск), Пшад (совр. Пшада) и Бугаз... Общий годовой объём бюджета Попечительства, утверждённый императором 17 января 1822 г., составил 17 100 руб.; из них 9 650 руб. полагалось на счёт Бугазского менового двора, в штате которого служили начальник, комиссар, лекарь и унтер-комиссар, а также работники таможни [Кудрявцева 2023: 207]. Кроме того, 3000 руб. выделялось на прием черкесских князей. Суммы, выделяемые Попечительству, постоянно возрастали и к 1826 г. достигли 28 530 руб. при этом на из этой суммы на угощения для князей уходило уже 15 000 руб. [Кудрявцева 2023: 207].

Торговля была учреждена российским правительством с чёткой целью — обеспечить лояльность горских народов через удовлетворение их экономических потребностей, тем самым стабилизируя обстановку на границе. Как показано в исследовании М.Д. Шапсуговой, Р. Скасси рассматривал торговлю не как самоцель, а как «инструмент приобретения доверия горцев к Российской империи и отвращения их от торговли с турками» [Шапсугова 2018: 49]. Его программа, включавшая беспошлинную торговлю, ценовой демпинг и обеспечение купцов необходимыми товарами (такими как соль), легла в основу первых официальных документов. Именно Скасси удалось определить ключевую зависимость черкесов от турецкой соли и предложить использовать этот товар в качестве стратегического рычага влияния.

Натуральный уклад хозяйства горских народов выступал ключевым фактором, стимулировавшим развитие менового торгова. К примеру, Ш.Б. Ахмадов, на основе архивных данных, приводит детальную номенклатуру товаров, которые чеченцы поставляли в 1812 г., включая металлическую посуду, кинжалы, ножи, бурки, ковры и даже нефть, что опровергает стереотип о сугубо аграрном характере горской экономики [Ахмадов 2013: 102]. Важнейшей статьей дохода для мирных чеченцев была продажа леса: ежегодно в Кизляр сплавлялось от 500 до 800 плотов [Ахмадов 2013: 102].

Основу меновой торговли составляла торговля солью. В жизни кавказских народов, в значительной степени специализировавшихся на животноводстве, соль играла очень важную роль. Доставка соли была под особым надзором начальника Кавказской линии, который давал смотрителю указания о рапортовании необходимого для продажи в следующем году количества соли [Сижажева 2024: 262-263].

Исследование С.Н. Радионова, основанное на детальном анализе архивных ведомостей, предоставляет точную статистику по торговле солью на двух ключевых меновых дворах Кубанской линии – Прочноокопском и Усть-Лабинском [Радионов 2009: 98]. Эти данные демонстрируют динамику и изменчивость торговли.

– *Прочноокопский меновой двор*: В 1811 г. было продано и выменяно 6500 пудов соли, в 1815 г. – 11875 пудов, но к 1825 г. продажи рухнули до 633 пудов, что было связано с ростом цен и конкуренцией со стороны казаков. После снижения цены в 1827 г. до 1 рубля за пуд последовал резкий взлет: в 1835 г. было продано 14521 пуд. Однако к 1853 г., на фоне общего упадка системы, продажи вновь упали до 1365 пудов.

– *Усть-Лабинский меновой двор*: здесь динамика была еще более показательной: с 1726 пудов в 1811 г. продажи сократились до 59 пудов в 1815 г. и 205 пудов в 1825 г. Эти цифры красноречиво свидетельствуют о неэффективности казенной монополии в отдельные периоды.

Ряд исследователей, проводивших детальный подсчет продукции на меновых дворах, пришел к выводу о статистически значимом росте доли денежного оборота на фоне падения меновой торговли. По подсчетам С.И. Радионова, в 1820 г. в Усть-Лабинском меновом дворе северокавказские народы приобретали соль на деньги уже около 50 %, а в Прочноокопском меновом дворе 80 %. Т.Х. Кумыков со ссылкой на архивные данные отмечает, что за 1834 г. в книгах Прохладненского менового двора не встречается ни одного упоминания об обмене соли. «Кабардинцы приобретали соль исключительно за деньги» – пишет автор [Кумыков 1962: 49].

Централизованная система управления по «Положению» 1846 г. Принятию «Положения» 1846 г. предшествовал период поиска эффективных инструментов регулирования на местном уровне. К концу 30-х гг. XIX в. сформировалось понимание того, что деятельность меновых дворов требует регулирования, целью которого было извлечение дополнительных доходов казны. Одной из таких мер стало введение детальных такс, а также уникальная практика коллегиального установления цен с привлечением черкесских старшин во время Покровской ярмарки в Екатеринодаре [Сухомлинова 2018: 762].

Принятие «Положения о меновой торговле с горцами по Кавказской линии» 9 декабря 1846 г. знаменовало собой кульминацию процесса систематизации, создав детализированную бюрократическую систему управления торговыми сношениями. Целью, как гласит § 1 Положения, было приобретение «доверия горцев» и ознакомление их с российскими товарами.

Ключевым элементом новой системы стало «Попечительство меновых сношений с горцами на Кавказской линии». Его структура и подчиненность были

выстроены следующим образом (§§ 6-9, 11): Главный попечитель меновых сношений с горцами¹; аппарат Главного попечителя²; смотрители меновых дворов³.

Функции созданного аппарата сводились к обеспечению безопасности и справедливости сделок, недопущению «обид, притеснения, обманов и подлогов» в отношении горцев и формированию у них «доверенности и охоты сближаться с нами» (§ 10). Для решения торговых споров между российскими промышленниками и представителями коренного населения по распоряжению попечителя при каждом меновом дворе могли быть избраны по два торговца с чистой репутацией [Бербекова 2025: 83].

Создание этой системы было неразрывно связано с общим усилением административной власти Кавказского наместничества, институт которого был окончательно оформлен в 1845 г. [Сихаджок 2011: 56]. Административная система меновой торговли была нацелена не только на регулирование товарообмена, но и на выполнение тонкой политической миссии по интеграции горского населения. Положение 1846 г. предусматривало не только создание административного аппарата, но и систему экономических стимулов. С целью привлечения участников торговли русским купцам и меценатам предоставлялись существенные льготы, включая возможность устройства лавок, получение прав 3-й гильдии без платежа повинностей и освобождение от рекрутской повинности [Дзуганов 2016: 74].

Децентрализованная модель в Черноморском казачьем войске. Унификация управления на всей территории Кавказа была осложнена наличием особых военно-административных образований, каковым являлось Черноморское казачье войско. Указ Правительствующего Сената от 1 февраля 1849 г., распространивший действие «Положения» 1846 г. на землю Черноморского войска, создал автономную модель управления. Ключевые отличия были следующими: а) Передача управления на местный уровень (весь надзор возлагался не на Главного попечителя, а на Наказного атамана и Войсковое правление (п. 5 Указа); б) Особый порядок финансирования и комплектования штатов (содержание управленческого аппарата и меновых дворов в Черномории относилось за счет доходов самого войска от этой торговли (п. 4)); в) Ограниченная локализация торговли (в целях безопасности, меновые дворы учреждались только на кордонной линии Черномории, а не за ее пределами, хотя частным промышленникам и дозволялась более рискованная торговля впереди линии (п. 2)); г) Сохранение элементов субординации (несмотря на автономию, отношения между новой черноморской структурой и общекавказским Главным попечителем должны были быть детально определены в особой инструкции, разрабатываемой Главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом (п. 6)). Таким образом, в Черномории была создана не централизованная бюрократическая пирамида, а

¹ М.Д.: Центральная фигура, назначавшаяся Наместником Кавказским с последующим Высочайшим утверждением. Он подчинялся непосредственно Наместнику и находился в ведении Начальника Кавказской области. На него возлагалась общая ответственность за всю организацию торговли.

² М.Д.: В его непосредственном подчинении находились помощники, письмоводитель и переводчики, игравшие критически важную роль в обеспечении коммуникации.

³ М.Д.: Низшее, но ключевое звено администрации, назначавшееся на каждый конкретный меновой пункт. Они осуществляли непосредственный надзор за ходом торговли, разрешали мелкие споры и следили за порядком

децентрализованная, самофинансируемая модель под контролем военизированной казачьей администрации, что показывает гибкость имперского подхода.

Экономические механизмы, товарооборот и «тайный мен». Номенклатура товаров и структура обмена по Положению 1846 г. Структура товарооборота ярко отражала хозяйственную специализацию сторон. «Положение» 1846 г. (§ 4) законодательно закрепляло сложившуюся номенклатуру, отсылая к соответствующим статьям Свода таможенных уставов.

Со стороны горцев поступали: продукция сельского хозяйства (зерно (пшено, ячмень), скот (овцы, лошади, крупный рогатый скот), кожи, шерсть, продукция промыслов (самодельное сукно (черкески), бурки, войлок, оружие (шашки, кинжалы), седла, продукция природного происхождения (лес, мед, воск). Со стороны Российской империи обменивались соль, ткани, металлы и изделия из них (железо, сталь, чугунные котлы, сельскохозяйственные орудия), предметы роскоши и быта (серебряные галуны, зеркала, бумага, чай, сахар). Например, как указывает Д.С. Кидирниязова на Червленский двор в 1851 г. представлялись не только скот и шерсть, но и «сундуки, одеяла, салфетки, скатерти, писчая бумага, мыло, свечи» [Кидирниязов 2017: 38-39].

Курс мены был подвижным и зависел от конъюнктуры, качества товара и политической обстановки. Российская администрация, используя созданный административный аппарат, могла целенаправленно манипулировать поставками (особенно соли и металла) для поощрения лояльных и наказания враждебных аулов. Особо следует отметить, что в Черномории, как следует из Указа 1849 г., товарооборот был существенно изменен за счет монополии войска на торговлю солью.

«Тайный мен» и откупная система. Одной из ключевых причин упадка официальной торговли стал масштабный «тайный мен» между линейными казаками и горцами. Эта практика была экономически более выгодной для обеих сторон. Казаки продавали соль по цене вдвое ниже казенной [Радионов 2009: 3]. В 1827 г. смотритель Прочноокопского менового двора доносил, что казаки продают за Кубань «железо и порох, а соль так возами» [Радионов 2009: 3]. Власти боролись с этим явлением, но искоренить его было невозможно. Как констатировал Главный попечитель в 1853 г., даже установление льготной цены на соль для горцев не остановило их обращаться за солью в казачьи станицы [Радионов 2009: 4]. «Свободные» формы торговли оказались устойчивее государственной монополии.

Параллельно с официальной системой меновых дворов существовала мощная неформальная сеть торговли, контролируемая армянскими купцами. Как показывают расчеты современников, приведенные К.Ю. Сухомлиновой, доходы войсковой казны от официальной торговли были крайне невелики: за три года (1838–1840 гг.) чистая прибыль составила лишь 1504 руб. ассигнациями [Сухомлинова 2018: 759]. Армянские же купцы, используя доверительные отношения с горцами и неофициальные меры веса (топы, кантари), создали гибкую и экономически эффективную альтернативу громоздкой казенной системе.

Государство пыталось бороться с контрабандой снижением цен и ужесточением контроля, но это не принесло желаемого результата. В итоге, убедившись

в неэффективности казённой торговли, власти передали меновые дворы в откупное содержание частному лицу. Как отмечает Д.С. Кидирниязов, уже в 1811 г. два меновых двора на Северо-Западном Кавказе были отданы на откуп купцам Сыромятникову и Антиномову, что свидетельствует о раннем использовании откупной системы, ещё до принятия Положения 1846 г. [Кидирниязов 2017: 43].

Передача торговли в руки откупщиков (например, Посполитаки) привела к злоупотреблениям, грабежу горцев и упадку официальной меновой торговли. Л.Д. Федосеева указывает, что «Пользуясь отсутствием над собой какого бы то ни было контроля, он буквально грабил адыгские племена при обмене» [Федосеева 2005b: 41]. С 1853 г. меновые дворы были отданы на откуп купцу первой гильдии Крутицкому [История народов 1988: 82.]

Практика откупа была одним из свидетельств кризиса казенной модели управления. Исследование К.Ю. Сухомлиновой на основе архивных данных показывает, что передача меновых дворов частным купцам была для войска гораздо доходнее, чем их самостоятельное содержание. Например, Екатеринодарский и Редутский дворы, сданные в откуп, приносили войску 16 000 и 18 000 руб. в год соответственно, что в десятки раз превышало доходы от казенной торговли [Сухомлинова 2018: 760].

Заключение

Таким образом, организация меновой торговли с горцами в первой половине XIX в. прошла путь от стихийной практики к созданию сложных административных систем. Российское законодательство, пройдя путь от частных инициатив (проект Скасси) до детальных нормативных актов («Правила» 1821 г. и «Положение» 1846 г.), создало правовую основу для использования экономических рычагов в целях геополитического влияния, где мена товаров была лишь формой для «обмена» на лояльность и доверие местного населения. Анализ «Положения» 1846 г. и Указа 1849 г. позволяет говорить о двух моделях управления: централизованно-бюрократической (для Кавказской линии) и децентрализованно-автономной (для Черноморского войска). Обе модели преследовали цели обеспечения безопасности, приобретения доверия горцев и их интеграции. Однако методы различались: в первом случае через создание специализированного имперского аппарата (Главного попечителя), а во втором – через делегирование полномочий местной военизированной администрации (наказному атаману) с предоставлением ей ключевых экономических рычагов (монополия на соль). Однако складывавшаяся система сталкивалась с некоторыми вызовами: объективной экономической логикой («тайный мен», тяготение к денежным отношениям) и сложностями интеграционных практик на местах. Меновая торговля стала не просто инструментом политического влияния, но и мощным катализатором глубинных социально-экономических изменений в регионе. Даже принимая прогрессивные, на первый взгляд, нормативные акты (такие как «Положение» 1846 г. или коллегиальный порядок установления такс), имперская администрация сталкивалась с объективными экономическими сложностями. Неформальная торговля, представленная армянскими купцами, и практика откупа, которую власти были вынуждены допускать, демонстрировали, что «свободные» формы

товарообмена оказывались устойчивее и эффективнее централизованной бюрократической системы, что в итоге и предопределило ее упадок. Несмотря на это, меновая торговля в 40-50-е гг. XIX в. стала одним из каналов интеграции Северного Кавказа в общероссийский рынок, а ее внутренняя противоречивость предопределила упадок официальной системы меновых дворов после окончания Кавказской войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Nye 1990 – *Nye J.S. Jr. Soft Power // Foreign Policy*. – 1990. – No. 80. – P. 153–171
- Ахмадов 2013 – *Ахмадов Ш.Б.* Роль меновых дворов в развитии торговли Чечни с народами Северного Кавказа и России в первой половине XIX века // *Известия Чеченского государственного педагогического университета*. – 2013. – № 1(7). – С. 100-108.
- Ачмиз 2014 – *Ачмиз К.Г.* К вопросу о характере русско-адыгских торговых отношений в годы Кавказской войны // *Вестник АГУ*. – 2014. – № 4. – С. 43-52.
- Бербекова 2025 – *Бербекова М.Х.* Некоторые особенности организации меновой торговли на Кавказской линии в 40-х – первой половине 50-х годов XIX века // *Электронный журнал «Кавказология»*. – 2025. – № 3. – С. 82-90.
- Великая Е., Великая Н. 2015 – *Великая Е.В., Великая Н.Н.* Мирные формы интеграции Северо-Восточного Кавказа в состав российской империи (1801-1859 гг.). – Армавир: РИО АГПУ, 2015. – 252 с.
- Дзуганов 2016 – *Дзуганов Т.А.* Начало интеграции рынка сельскохозяйственной продукции Северного Кавказа в общероссийский (40 – 50-е гг. XIX в.) // *Успехи современной науки*. – 2016. – № 4. – Том 4. – С. 73-75.
- История народов 1988 – *История народов Северного Кавказа конец XVIII в.-1917.* Отв. Ред. А.Л. Нарочинский. – М.: «Наука», 1988. – 400 с.
- Кидирниязов 2017 – *Кидирниязов Д.С.* Развитие торговых отношений на Северном Кавказе в первой половине XIX в. // *Вестник Академии наук Чеченской Республики*. – 2017. – № 4 (37). – С. 36-43
- Кудрявцева 2023 – *Кудрявцева Е.П.* Русская торговля на Черном море в первой трети XIX в. // *Вестник МГИМО-Университета*. – 2023. – 16(3). – С. 199-221.
- Кумыков 1962 – *Кумыков Т.Х.* Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. – Нальчик: Эльбрус, 1962. – 200 с.
- Портес 2003 – *Портес А.* Неформальная экономика и ее парадоксы // *Электронный журнал «Экономическая социология»*. – 2003. – Т. 4. № 5. – С. 34-53.
- ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XXI. № 19708. Положение «О меновой торговле с горцами по Кавказской линии» от 9 декабря 1846 г.
- Радионон 2009 – *Радионон С.Н.* Торговля солью на Кубанской линии в первой половине XIX в. // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. – 2009. – № 10-2. – С. 94-99.
- Сижажева 2024 – *Сижажева К.Д.* Прохладненский меновой двор как место торговли между горцами и русским населением в 1810-1820е-е гг. // *Народы Кавказа в XVIII-XXI вв.: история, политика, культура. Материалы XI Международного форума историков-кавказоведов, посвященного 100-летию принятия первой союзной Конституции и образования Северо-Кавказского края*. – Ростов-на-Дону, 2024. – С. 261-264.
- Сихаджок 2011 – *Сихаджок З.Р.* Становление административного аппарата Кавказского наместничества (1845-1867) // *Северо-Кавказский юридический вестник*. – 2011. – № 1. – С. 55-58.
- Сухомлинова 2018 – *Сухомлинова К.Ю.* Регулирование торговых отношений между казаками и горцами в первой половине XIX в. // *Вестник РУДН. Серия: История России*. – 2018. – Т. 17. № 4. – С. 752–768.

Урушадзе 2011 – *Урушадзе А.Т.* Торговля в политике Российской империи на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX вв. // *Journal of Economic Regulation*. – 2011. – Т. 2, № 1. – С. 75-84.

Федосеева 2005а – *Федосеева Л.Д.* Меновая торговля с горским населением на восточном берегу Черного моря в первой половине XIX в. // *Вестник Адыгейского государственного университета*. – 2005. – № 3. – С. 40-43.

Федосеева 2005б – *Федосеева Л.Д.* Способы наказания и поощрения горцев в разгар Кавказской войны // *Вестник Адыгейского государственного университета*. – 2005. – № 1. – С. 53-57.

Шапсугова 2018 – *Шапсугова М.Д.* Правовое регулирование меновой торговли с черкесами в законодательстве Российской империи в первой половине XIX века // *Северо-Кавказский юридический вестник*. – 2018. – № 3. – С. 48-51.

REFERENCES

NYE J.S. Jr. Soft Power. In: *Foreign Policy*. – 1990. – No. 80. – P. 153–171. (In Eng.).

AKHMADOV SH.B. *Rol' menovyykh dvorov v razvitiy torgovli Chechni s narodami Severnogo Kavkaza i Rossii v pervoi polovine XIX veka* [The role of exchange yards in the development of Chechnya's trade with the peoples of the North Caucasus and Russia in the first half of the 19th century]. In: *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. – 2013. – № 1(7). – P. 100-108. (In Russ.).

ACHMIZ K.G. *K voprosu o kharaktere russko-adygskikh torgovyykh otnoshenii v gody Kavkazskoi voyny* [On the nature of Russian-Adyghe trade relations during the Caucasian War]. In: *Vestnik AGU*. – 2014. – № 4. – P. 43-52. (In Russ.).

BERBEKOVA M.KH. *Nekotorye osobennosti organizatsii menovoi torgovli na Kavkazskoi linii v 40-kh – pervoi polovine 50-kh godov XIX veka* [Some features of the organization of exchange trade on the Caucasian Line in the 1840s and the first half of the 1850s]. In: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2025. – № 3. – P. 82-90. (In Russ.).

VELIKAYA E.V., VELIKAYA N.N. *Mirnye formy integratsii Severo-Vostochnogo Kavkaza v sostav Rossiiskoi imperii (1801-1859 gg.)* [Peaceful forms of integration of the North-Eastern Caucasus into the Russian Empire (1801-1859)]. – Armavir: RIO AGPU, 2015. – 252 p. (In Russ.).

DZUGANOV T.A. *Nachalo integratsii rynka sel'skokhozyaistvennoi produktsii Severnogo Kavkaza v obshcherossiiskii (40 – 50-e gg. XIX v.)* [The beginning of the integration of the North Caucasus agricultural market into the all-Russian market (1840s-1850s)]. In: *Uspekhi sovremennoi nauki*. – 2016. – № 4. – Tom 4. – P. 73-75. (In Russ.).

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza konets XVIII v.-1917. [History of the peoples of the North Caucasus from the late 18th century to 1917.]. In: *Otv. Red. A.L. Narochinskii*. – M.: «Nauka», 1988. – 400 p. (In Russ.).

KIDIRNIYAZOV D.S. *Razvitiye torgovyykh otnoshenii na Severnom Kavkaze v pervoi polovine XIX v.* [Development of trade relations in the North Caucasus in the first half of the 19th century]. In: *Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki*. – 2017. – № 4 (37). – P. 36-43. (In Russ.).

KUDRYAVTSEVA E.P. *Russkaya torgovlya na Chernom more v pervoi treti XIX v.* [Russian trade in the Black Sea in the first third of the 19th century]. In: *Vestnik MGIMO-Universiteta*. – 2023. – 16(3). – P. 199-221. (In Russ.).

KUMYKOV T.KH. *Vovlechenie Severnogo Kavkaza vo vs Rossiiskii rynek v XIX v.* [The involvement of the North Caucasus in the all-Russian market in the 19th century]. – Nal'chik: El'brus, 1962. – 200 p. (In Russ.).

PORTES A. *Neformal'naya ekonomika i ee paradoksy* [The Informal Economy and Its Paradoxes]. In: *Elektronnyi zhurnal «Eko-nomicheskaya sotsiologiya»*. – 2003. – Т. 4. № 5. – P. 34-53. (In Russ.).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. *Sobr. 2-e*. Т. XXI. № 19708. *Polozhenie «O menovoi torgovle s gortsami po Kavkazskoi linii» ot 9 dekabrya 1846 g.* (In Russ.).

RADIONOV S.N. *Torgovlya sol'yu na Kubanskoi linii v pervoi polovine XIX v.* [Salt Trade on the Kuban Line in the First Half of the 19th Century]. In: Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy. – 2009. – № 10-2. – P. 94-99. (In Russ.).

SIZHAZHEVA K.D. *Prokhladnenskii menovoi dvor kak mesto trgovli mezhdu gortsami i russkim naseleniem v 1810-1820e-e gg.* [The Prokhladny Exchange as a Place of Trade between the Highlanders and the Russian Population in the 1810s and 1820s]. In: Narody Kavkaza v XVIII-XXI vv.: istoriya, politika, kul'tura. Materialy XI Mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov, posvya-shchennogo 100-letiyu prinyatiya pervoi soyuznoi Konstitutsii i obrazovaniya Severo-Kavkazskogo kraia. – Rostov-na-Donu, 2024. – P. 261-264. (In Russ.).

SIKHADZHOK Z.R. *Stanovlenie administrativnogo apparata Kavkazskogo namestniche-stva (1845-1867)* [The Formation of the Administrative Apparatus of the Caucasian Viceroyalty (1845-1867)]. In: Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik. – 2011. – № 1. – P. 55-58. (In Russ.).

SUKHOMLINOVA K.YU. *Regulirovanie torgovykh otnoshenii mezhdu kazakami i gortsami v pervoi polovine XIX v.* [Regulation of Trade Relations between the Cossacks and the Highlanders in the First Half of the 19th Century]. In: Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii. – 2018. – T. 17. № 4. – P. 752–768. (In Russ.).

URUSHADZE A.T. *Torgovlya v politike Rossiiskoi imperii na Severnom Kavkaze v kontse XVIII – pervoi polovine XIX vv.* [Trade in the Russian Empire's policy in the North Caucasus in the late 18th and early 19th centuries.]. In: Journal of Economic Regulation. – 2011. – T. 2, № 1. – P. 75-84. (In Russ.).

FEDOSEEVA L.D. *Menovaya trgovlya s gorskim naseleniem na vostochnom beregu Chernogo morya v pervoi polovine XIX v.* [Barter trade with the mountain population on the eastern coast of the Black Sea in the early 19th century]. In: Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2005. – № 3. – P. 40-43. (In Russ.).

FEDOSEEVA L.D. *Sposoby nakazaniya i pooshchreniya gortsev v razgar Kavkazskoi voyny* [Methods of punishing and rewarding the highlanders during the height of the Caucasian War]. In: Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2005. – № 1. – P. 53-57. (In Russ.).

SHAPSUGOVA M.D. *Pravovoe regulirovanie menovoi trgovli s cherkesami v zakonodatel'stve Rossiiskoi imperii v pervoi polovine XIX veka* [Legal regulation of barter trade with the Circassians in the legislation of the Russian Empire in the early 19th century]. In: Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik. – 2018. – № 3. – P. 48-51. (In Russ.).

Информация об авторе

М.В. Дышеков – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

M.V. Dyshekov – candidate of science (History), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.10.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 17.10.2025 y.; approved after reviewing 15.12.2025 y.; accepted for publication 30.12.2025 y.

Научная статья
УДК 94(560)+94(47)
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-73-89
EDN: CKOVIZ

ПОЗИЦИЯ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ДЕМАРШИ АНГЛИИ В СВЯЗИ С ИСХОДОМ ЧЕРКЕСОВ В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ В 1864 ГОДУ

Георгий Витальевич Чочиев

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева ВНЦ РАН, Владикавказ, Россия, georg-choch@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8082-7806>

Аннотация. В статье на основе главным образом документов британской дипломатической переписки изучаются подходы и шаги Форин-оффиса в связи с проблемой массового исхода черкесов в Османскую империю в 1863-1864 гг. Основное внимание уделяется прояснению фактологии, мотивов, характера и результатов имевшего место в мае-июне 1864 г. относительно активного формулирования британскими дипломатами в Турции и России предложений по данному вопросу и их попыток его постановки в международную повестку дня. Делается вывод о двойственной природе реакции официального Лондона на черкесский миграционный кризис и гуманитарную катастрофу, обусловленной общей логикой и реалиями англо-русского соперничества на османском Востоке с его вариативностью «жесткой» и «мягкой» линий. Выявляются причины отказа в конечном счете английского правительства как от педалирования темы моральной и финансовой ответственности Петербурга за «нецивилизованные» методы экспансии на Кавказе, так и от кредитования черкесской колонизации в Анатолии, и ограничения лишь отправкой в Османскую империю умеренной гуманитарной помощи для беженцев. С другой стороны, рассмотренная корреспонденция полностью подтверждает и дополняет данные других источников о крайней неадекватности мер, принятых российскими и османскими властями для организации, соответственно, отправки и приема черкесов и обусловленных этим высоких уровнях смертности и страданий людей. В целом работа способствует лучшему пониманию роли британского фактора в процессах миграции и поселения северокавказцев в османских пределах.

Ключевые слова: черкесский исход 1863-1864 гг.; Российская империя; Османская империя; Британская империя; миграционный кризис; гуманитарная катастрофа; дипломатия

Для цитирования: Чочиев Г.В. Позиция и дипломатические демарши Англии в связи с исходом черкесов в Османскую империю в 1864 году // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 73-89. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-73-89. EDN: CKOVIZ.

© Чочиев Г.В., 2025

POSITION AND DIPLOMATIC DEMARCHES OF GREAT BRITAIN IN CONNECTION WITH THE EXODUS OF THE CIRCASSIANS TO THE OTTOMAN EMPIRE IN 1864

Georgy V. Chochiev

V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the
Vladikavkaz Scientific Centre of RAS, Vladikavkaz, Russia, georg-choch@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8082-7806>

Abstract. The article, based mainly on documents of British diplomatic correspondence, studies the approaches and moves of the Foreign Office in connection with the problem of the mass exodus of Circassians to the Ottoman Empire in 1863-1864. The main attention is paid to clarifying the facts, motives, nature and results of the relatively active formulation of proposals on this issue by British diplomats in Turkey and Russia during May-June 1864 and their attempts to put it on the international agenda. A conclusion is made about the dual character of the reaction of official London to the Circassian migration crisis and humanitarian catastrophe, conditioned by the general logic of the Anglo-Russian rivalry in the Ottoman East with its variability of the “hard” and “soft” lines. The reasons for the British Government’s ultimate refusal to both peddle the theme of St. Petersburg’s moral and financial responsibility for the “uncivilized” methods of expansion in the Caucasus and to finance Circassian colonization in Anatolia, as well as to limit itself to sending only moderate humanitarian aid to the refugees in the Ottoman Empire, are revealed. On the other hand, the examined correspondence fully confirms and supplements the data of other sources on the extreme inadequacy of the measures taken by the Russian and Ottoman authorities to organize, respectively, the dispatch and reception of Circassians and the high levels of mortality and human suffering caused by this. Overall, the work contributes to a better understanding of the role of the British factor in the processes of migration and settlement of North Caucasians within the Ottoman borders.

Keywords: Circassian exodus of 1863-1864, Russian Empire, Ottoman Empire, British Empire, migration crisis, humanitarian catastrophe, diplomacy.

For citation: Chochiev G.V. Position and diplomatic demarches of Great Britain in connection with the exodus of the Circassians to the Ottoman Empire in 1864. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 73-89. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-73-89. EDN: CKOVIZ.

© Chochiev G.V., 2025

Введение

Одним из итогов Кавказской войны стало «очищение» царским режимом от коренного населения значительной части Северо-Западного Кавказа¹. Еще в мае 1862 г. Александром II было утверждено разработанное Кавказским комитетом² постановление, в соответствии с которым «непокорные», по имперской классификации, общества горной и приморской зон Закубанья подлежали либо перемещению на низины левого берега р. Кубань, либо выселению в Османскую империю, а освобождаемая таким образом территория – колонизации казачьим элементом [Положение 1862]³. В течение следующих двух лет подразделения

¹ Хотя во многих дореволюционных официальных документах и верноподданнической историографии эта акция именуется «окончательным покорением» или «умиротворением» Кавказа, осуществившие ее военные в своей служебной переписке не считали нужным прибегать к подобным эвфемизмам и называли вещи своими именами. Так, командующий войсками Кубанской области Николай Евдокимов в своем итоговом отчете об операции 1863-1864 гг. более двадцати раз употребляет глагол «очищать» (в разных формах) для описания действий подчиненных ему войск в отношении «неприятельных туземцев» [см.: Кумыков 2003: 170-194], невольно предвосхищая тем самым появление в конце XX в. характеризующего подобные явления термина «(этническая) чистка».

² Кавказский комитет – особый межведомственный орган, созданный в 1840 г. царским правительством для решения вопросов, связанных с включением Кавказа в состав Российской империи.

³ Совершенно очевидно при этом, что разработчики плана отдавали предпочтение второй альтернативе, недвусмысленно записав в постановлении, что «чем больше окажется таких (не пожелавших переместиться на плоскость и удалившихся в Турцию. – Г.Ч.) переселенцев, тем меньше затруднений мы будем иметь при дальнейшем устройстве покоренного края» [Положение 1862: 264]. В глазах же самих выселяемых оба варианта релокации – «домашний» и «заморский» – едва ли принципиально отличались друг от друга, так как равным образом ассоциировались с утратой родины и проистекающими из этого лишениями. Как справедливо замечает Ирина Тхамокова, прикубанские равнины являлись для жителей горной Черкесии «почти такой же чужой землей, как Турция» [Тхамокова 2021: 56].

Кавказской армии под командованием великого князя Михаила Романова осуществили масштабную военно-депортационную операцию, в ходе которой все черкесские (преимущественно адыгские, но также убыхские, абазинские и абхазские) группы на пространстве от Белой и ее притоков до Черного моря – оценочно не менее 0,5 млн чел. – были вытеснены со своих земель и, за исключением поселившегося в Прикубанье в окружении казачьих станиц абсолютного меньшинства, в форсированном порядке согнаны к морскому побережью для удаления в османские пределы [Кумыков 2003: 170-194; Берже 1882: 349-352]. Важно отметить, что данные мероприятия проводились с применением весьма жестких и изощренных методов подавления и устрашения, включая разрушение жилищ и селений и «истребление» хозяйственной и продовольственной базы населения, что уже на начальной стадии миграции создало предпосылки для тотального обнищания и физического истощения депортантов.

Особенно драматическую форму исход принял с конца осени 1863 г., когда в береговой полосе от Анапы до Гагры стали скапливаться многотысячные массы людей, видевших в уходе, а фактически бегстве в султанские владения единственное спасение от постигшего их погрома¹. Большинство черкесов при этом устремлялось в еще не занятые войсками участки побережья в надежде переправиться за море на легально или нелегально входивших в российские воды турецких каботажных судах – кочермах и сандалах². Однако их повсеместная нехватка и чрезвычайно низкая платежеспособность беженцев, зачастую достигавших берега «без продовольствия, без денег и даже без одежды», существенно затрудняли отплытие, что вело к усилению скученности и быстрому распространению голода и инфекционных заболеваний в созданных самими черкесами или властями лагерях [Берже 1882: 349, 352].

Еще более тяжелые испытания ожидали изгнанников в ходе многодневного, а порой и многонедельного морского перехода. Так, по имеющимся свидетельствам, из-за давки, холода, болезней, недостатка пищи и пресной воды на борту упомянутых судов, а также в результате вызванных их перегрузкой крушений погибло до 1/3 всех пассажиров [см., напр.: Кравцов 1886: 45; Дроздов 1877: 457; Нарочницкий 1988: 209].

В силу названных обстоятельств основная масса черкесов ступала на землю своей новой «родины» в состоянии почти полного материального, физического и морального коллапса. Поскольку же нараставшее давление царских войск выталкивало с Кавказа все новые общины, обстановка на побережье Северо-Восточной Анатолии, прежде всего в окрестностях Трабзона, где, как правило, стихийно высаживались беженцы, стремительно приобрела характер миграционного кризиса, а затем и гуманитарной катастрофы.

Следует подчеркнуть, что в рассматриваемый период Османская империя, страдавшая от хронического бюджетного дефицита и все глубже увязавшая во

¹ Как «погром», «беспримерный в истории погром», «неслыханный разгром» и т.п. превозносит кампанию 1863-1864 гг. ее участник и рьяный апологет генерал Ростислав Фадеев [см.: Фадеев 2010: 227, 229, 239, 397, 399].

² Кочерма (вероятно, от тур. *гёчерме* «перевоз, перемещение») – название одно- или двухмачтовых парусных судов длиной до 15 и шириной до 3,5 метров, широко использовавшихся в XIX в. в Черном море турецкими моряками, рыбаками, торговцами и т.д. Сандал (тур.) – лодка.

внешних долгах¹, совершенно не была готова к единовременному приему такого количества нуждающихся в основательной социально-экономической реабилитации людей и не только не поощряла, но и по мере своих возможностей пыталась дипломатическим путем воспрепятствовать их притоку². Лишь с конца 1863 г. Порты, будучи поставлена действиями России перед фактом массовой черкесской иммиграции, приступила к экстренной, но далеко не эффективной мобилизации своих финансовых и административных ресурсов для решения этой проблемы.

Врасплох были застигнуты и власти на местах, на что указывает докладная записка губернатора Трабзонского эялета Эмин-паши в правительство от 3 декабря 1863 г. о прибытии за последние две недели в провинциальный центр в состоянии «невыносимой для сердец» нищеты примерно 5 тыс. черкесов, включая немало детей, и больших трудностях в их обеспечении жильем, одеждой, питанием и лекарствами [BOA. İ.MMS 27/1189-3]. К середине февраля 1864 г., по данным османского Карантинного совета³, число беженцев в регионе удвоилось, при том что 3 тыс. из них к этому времени уже умерли от оспы и тифа. С наступлением же весны исход принял лавинообразный характер. Так, в течение марта и первой декады апреля в Трабзон прибыло более 40 тыс. чел., а с середины апреля черкесы стали высаживаться также в Самсуне и других анатолийских портах и пристанях, где фиксировались те же проявления масштабного человеческого бедствия на фоне беспомощности официальных служб. К началу июня общее количество иммигрантов в местах их временного содержания приближалось к 200 тыс. при смертности до 300-400 и более человек в день [Чочиев 2019: 123-128].

Несмотря на то, что описываемые трагические события нашли широкий отклик в западной прессе, вызвав видимый всплеск прочеркесских и, соответственно, антироссийских настроений в общественном мнении [Karpat 1985: 69]⁴, они не стали поводом для какой-либо официальной реакции в основных европейских столицах, где, хотя и отслеживали через свои консульства ситуацию, но явно были склонны трактовать перемещение черкесов как вопрос двусторонних российско-османских отношений, а организацию приема, натурализации и размещения иммигрантов во владениях султана – как сугубо внутреннюю проблему Порты, с чем последняя, опасавшаяся любых иностранных вмешательств в свои дела, изначально, похоже, также была принципиально согласна.

¹ Краткую характеристику социально-экономического положения османского государства в период после Крымской войны см. в: Еремеев, Мейер 1992: 213-214.

² Порты обращалась к российской стороне с просьбами о приостановке или отсрочке эмиграции в декабре 1863 г. [BOA. İrade. Meclis-i Mahsus (далее – İ.MMS) 27/1189; Кумыков 2001: 235-236, 238; АВПРИ. Ф. Канц. министра иностр. дел. Оп. 469. Д. 36. Л. 170], январе [РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 448. Л. 2], апреле [Кумыков 2001: 267] и декабре 1864 г. [Кумыков 2001: 329, 345-346].

³ Совет по карантину (тур. *Меджлис-и тахаффуз*) или, в европейских источниках, Совет по здравоохранению (фр. *Conseil de santé*) – учрежденный в 1838 г. султанским указом специализированный орган по борьбе с инфекционными заболеваниями в Османской империи.

⁴ К примеру, автор статьи «Черкесский исход» в лондонской «Таймс» за 9 мая 1864 г. описывал положение черкесов как «страшную катастрофу,... превосходящую по степени лишений и ужасов все, что мне когда-либо приходилось видеть зафиксированным на бумаге относительно человеческих страданий». А известный писатель и политик Лоренс Олифант в письме в ту же газету от 12 мая отмечал, что героическая борьба и судьба черкесов «не могут не найти отзвук в сердце каждого англичанина», призывая читателей «не отказывать в симпатиях и деньгах, которые могут облегчить несчастья этих 300 тысяч людей» [Exodus 1864].

Ведущая мировая держава эпохи Великобритании, в прошлом порой прибегавшая к закулисному стимулированию сопротивления черкесов российской экспансии, однако неизменно (вне периода Крымской войны) воздерживавшаяся от их прямой поддержки во избежание конфронтации с Петербургом¹, также заняла откровенно дистанцированную позицию в связи с победоносным утверждением России на Северо-Западном Кавказе и исходом оттуда противостоявшего царским войскам населения, что лишний раз высвечивало подчиненную роль Черкесии в системе английских приоритетов на османском Востоке, нацеленной в первую очередь на обеспечение контроля над проливами и путями в Индию. Тем не менее, на наиболее напряженном, пиковом этапе кризиса определенные обстоятельства все-таки подвигли некоторых высокопоставленных чиновников британского внешнеполитического ведомства в Стамбуле, Петербурге и Лондоне на несколько более заинтересованное и открытое, но при этом далеко не единообразное, формулирование подходов к проблеме черкесских беженцев, что даже (или едва не) вынесло ее на очень короткий срок, ограниченный, в сущности, маем и началом июня 1864 г., в международную повестку дня.

Целью настоящей статьи является выяснение как фактологии, так и причин, природы и последствий этой непродолжительной активности, что может способствовать лучшему пониманию роли британского фактора в процессе миграции и последующей колонизации северокавказцев в османских пределах. Данный заднеплановый сюжет черкесского изгнания, ранее не становившийся объектом специального исследования в отечественной историографии, рассматривается ниже главным образом на основе документов британской дипломатической переписки [Memorandum 1877; Papers 1864] и написанных с их использованием научных работ, содержащих также публикации оригинальных материалов [Çiçek 2009; Şaşmaz 1998].

План «спасения черкесов» посла Булвера

Практически с самого начала массового притока черкесов в Трабзон английский консул в этом городе Фрэнсис Стивенс информировал о ходе миграции посла ее величества в Стамбуле Генри Булвера и главу Форин-оффиса Джона Рассела. Так, в его донесении от 21 декабря 1863 г. сообщалось о концентрации в городе около 7 тыс. бедствующих людей, из которых «порядка двадцати или тридцати умирают каждые двадцать четыре часа» [Memorandum 1877: 3]. В составленном 17 февраля 1864 г. следующем отчете по данному вопросу Стивенс обращал внимание на значительное ускорение иммиграции и создаваемую этим серьезную угрозу общественному здоровью. Несколько лапидарно, но с заметной тревогой он, в частности, констатировал: «За три истекших дня высадилось приблизительно 3 тысячи черкесов... Среди добравшихся [живыми] сотни страдают от болезней, вызванных пережитыми ими до отплытия голодом и нуждой... Недуг распространяется устрашающими темпами среди черкесов и местных; смертность растет; паника велика и всеобща, и все готовятся покинуть город. Из

¹ Подробнее о вовлеченности Англии в международное политическое, военное и дипломатическое соперничество вокруг Черкесии в контексте «восточного вопроса» в 1830-х – первой половине 1860-х гг. см., напр.: Панеш 2006; Дегоев 2009; Касумов, Касумов 1992.

трех европейских врачей, на которых возлагались надежды, один, французский подданный, сегодня умер от тифа... Некоторые сотрудники паши, по долгу службы контактировавшие с черкесами, заразились, несколько умерли...». По мнению Стивенса, несмотря на то, что губернатор Эмин-паша делал все, что было в его силах, для облегчения участи «этих несчастных людей», имевшиеся в распоряжении провинциальной администрации средства были крайне ограничены, а «распространенные среди турецких чиновников взяточничество и казнокрадство» существенно усугубляли положение¹. В подробностях описав тяжелую санитарно-эпидемическую обстановку в городе², консул предрекал расширение в самом ближайшем будущем масштабов бедствия, «если незамедлительно не будет принята какая-либо мера» [Papers 1864: 1; Çiçek 2009: 65].

Весной, когда прогнозы Стивенса полностью подтвердились и миграция перешла в обвальную форму, привлечь внимание Англии к положению своих соотечественников попытались, похоже, и представители черкесской политической эмиграции, с 1830-х гг. лоббировавшей в турецких и западных дипломатических и правительственных кругах идею независимости Черкесии³. Именно от них, по всей видимости, исходила датированная 9 апреля 1864 г. петиция «народа Черкесии» королеве Виктории, врученная Булверу⁴. Авторы данного документа, констатируя факт «более чем восьмидесятилетнего» самоотверженного сопротивления черкесов «незаконным усилиям русского правительства покорить и присоединить к своим владениям» их страну, сетовали, что в «последние один или два года» враг, воспользовавшись вызванной произведенными им опустошениями и засухой нехваткой продовольствия, смог нанести значительный урон обороняющимся, вследствие чего множество людей погибло «в сражениях, от голода в горах, от лишений на берегу и от неопытности на море». Ввиду этого к британскому правительству и народу – «стражам гуманности и средоточию справедливости» – обращалась просьба о посредничестве и содействии в «отражении жестоких атак русского правительства... и совместном спасении нашей страны и нашей нации», а в случае невозможности этого – в «предоставлении средств для перевозки в безопасное место наших беззащитных и несчастных детей и женщин, гибнущих от свирепых нападений врага и последствий голода». Очевидно, не питая больших надежд на выполнение этих требований, петиционеры пафосно, но обреченно завершали свое послание заверением, что, даже если их народу, несмотря на все апелляции к «милосердию правительств», суждено

¹ В качестве примера такого злоупотребления приводился факт направления Портой в Трабзон для иммигрантов старого военного обмундирования и медикаментов. Если первый вид помощи пришелся весьма кстати, то второй оказался бесполезен, так как «поставщики, как всегда, преследовали в первую очередь собственные, а не правительственные интересы и вместо действительно нужных дешевых и простых лекарств прислали импортированные из Европы чрезвычайно дорогие, но неэффективные в борьбе с нынешней эпидемией препараты, покрыв, естественно, и комиссионные сборы из государственного бюджета».

² Стивенс, в частности, писал: «Кварталы вблизи кладбищ стали непригодны для проживания из-за небрежной манеры погребения покойников и скверных последствий этого, и целые семьи покидают свои жилища. Главный акведук, питающий фонтаны города, заражен: несколько дней назад в нем нашли плавающим труп черкеса. Улицы и площади находятся в отчаянно грязном состоянии; продовольствие становится все скуднее и дороже, а топливо полностью отсутствует, что усугубляет нищету и способствует распространению болезней».

³ Подробнее об этой деятельности см., напр.: Панеш; Дегоев; Köremezli.

⁴ О том, каким образом обращение было передано Булверу, сведения отсутствуют. Из текста, однако, явствует, что его копии были представлены также в посольства других держав и в султанское правительство.

будет «полностью исчезнуть», они продолжают «взывать о его правах перед лицом Повелителя Вселенной» [Papers 1864: 2-3].

12 апреля Булвер препроводил петицию Расселу вместе со своей депешей, в которой указывал на почти поголовный исход населения из Черкесии из-за продолжающегося продвижения царских войск, угрозу, создаваемую «скоплением огромных масс этих людей, не имеющих никаких производственных навыков,... здоровью и спокойствию любой местности», и «шокирующую для человечества» смертность среди отчаянно стремящихся спастись от своих завоевателей изгнанников [Papers 1864: 2]¹.

Обеспокоенность Булвера была, по-видимому, только усилена датированным 15 апреля донесением от Стивенса, в котором сообщалось об ожидающейся вскоре в Трабзоне стотысячной волне иммигрантов из накануне занятых русскими районов Вардана и Сочи и обусловленной этим опасности «банкротства» города в случае ненаправления туда Портой в срочном порядке материальных и кадровых резервов [Çiçek 2009: 67]. Эта информация, как можно предположить, окончательно подсказала послу необходимость принятия в связи с развернувшимся кризисом более радикальных и далеко идущих мер, которые и были изложены им в пространном послании Расселу от 3 мая.

В этом письме, в частности, отмечалось, что черкесы, «ценившие больше родины лишь свободу», теперь вынуждены «бежать с берегов, обессмерченных их сопротивлением, и искать убежище в соседней империи», что создало ситуацию, характеризуемую Булвером формулой «Черкесия погибла, остается спасти черкесов». Османское правительство, при всем своем желании предоставить гостеприимство кавказским изгнанникам, смогло к рассматриваемому моменту выделить для их поддержки, по сведениям посла, лишь «сравнительно небольшую» сумму, соответствующую примерно 200 тыс. фунтов стерлингов. Кроме того, Порта избрала «самый дешевый, но наихудший» путь размещения новых подданных на своей территории, предполагавший их распределение по турецким селам в различных провинциях с передачей одной черкесской семьи на попечение четырех турецких, что усугубило бы и без того бедственное положение местных крестьян и обрекло самих черкесов на жалкое существование, при том что «сила этих почти непобедимых воинов оказалась бы раздроблена, растрочена и потеряна». Между тем «благоприятный и для Турции, и для Европы» способ поселения черкесов заключался в их сосредоточении в виде военных колоний на пространстве между Черным морем и Эрзурумом – «в стране, лежащей напротив той, что они покинули, и до некоторой степени напоминающей ее», где они могли бы не только «отдохнуть от своих несчастий», но и образовать дополнительный источник пополнения османской армии². К тому же в этом случае часть

¹ Временный поверенный в делах России в Стамбуле Евгений Новиков в донесении министру иностранных дел Александру Горчакову от 26 апреля утверждал, ссылаясь на конфиденциальное «признание» Булвера, якобы последний отказался принять петицию, которой «живущие в Константинополе черкесские предводители хотели заинтересовать его судьбой своих соотечественников» [АВПРИ. Ф. Канц. министра иностр. дел. Оп. 469. Д. 30. Л. 419; Берже 1882: 175]. Как следует из цитируемого британского документа, эта информация не соответствует действительности.

² Именно такой вариант колонизации северокавказцев в османском государстве, объективно наиболее благоприятный для перспектив их этнонационального выживания, был по военно-стратегическим причинам

поселенцев могла быть задействована в строительстве «крайне необходимой для турецкой торговли» дороги между Трабзоном и Эрзурумом¹. Однако, поскольку в османской казне отсутствовали требуемые для реализации этого плана средства, Булвер полагал целесообразным развернуть в Европе «нечто вроде движения» по привлечению кредитов и пожертвований на нужды черкесов, для чего в Лондоне и Париже должны были быть учреждены специальные комитеты, а в Стамбуле – комиссия из «османских подданных известного характера» с включением в нее «какого-нибудь европейского делегата». Предоставленного Порте под невысокий процент и под ее твердые гарантии займа в размере около 1,5 млн фунтов стерлингов было бы, по убеждению Булвера, вполне достаточно для претворения в жизнь его замысла [Papers 1864: 4-5; Memorandum 1877: 6].

Помимо этого, важной составляющей плана выступал пункт о желательности побуждения также и правительства в Петербурге к частичной компенсации расходов Порты на прием и расселение покинувших Россию северокавказцев².

Данный проект поначалу был безоговорочно поддержан лондонским кабинетом [Memorandum 1877: 6]. После же беседы Булвера с его французским коллегой Франсуа де Мутье последний представил в свой МИД аналогичные предложения, также получившие полное одобрение [Papers 1864: 6].

Вслед за этим согласованные с министром иностранных дел Порты Фуад-пашой и великим везиром Али-пашой озабоченности англо-французской дипломатии относительно хода и последствий переселения черкесов были предъявлены и российской стороне.

Понимание «имперского бремени» России посла Нейпира

Согласно донесению Новикова Горчакову, цитируемому в отчете английского посла в Петербурге Фрэнсиса Нейпира в Форин-оффис от 1 июня 1864 г.³, ранее в мае де Мутье в ходе обсуждения с Новиковым миграционного кризиса на берегах Черного моря заявил ему «с горячностью и резкостью» о недопустимости возложения на Турцию всего бремени приема беженцев и высказался в том духе, что России следовало бы предложить Порте в данной связи «некую субсидию или

категорически неприемлем для российской стороны. Согласно инструкции, направленной в декабре 1863 г. начальником главного штаба Кавказской армии Александром Карцовым Новикову, единственный «интерес» России с точки зрения выбора Портой районов размещения переселенцев заключался в том, чтобы она «не отводила горцам мест для поселения вблизи границ наших закавказских владений» [Кумыков 2001: 246]. В данном отношении весьма примечателен и комментарий британского консула в Керчи Чарльза Клиппертон, содержащийся в его письме Расселу от 10 мая 1864 г.: «Черкесы в основном переправляются в Варну (с мая 1864 г. – Г.Ч.) к большому удовлетворению русского правительства, как я заключаю из замечаний, которые неоднократно слышал от русских офицеров высокого ранга, в частности о том, что Турция не понимает своих собственных интересов, размещая черкесов на низинных землях вокруг Варны; если бы, напротив, их отправили к русским границам в Малой Азии, они стали бы лучшей и надежнейшей пограничной стражей, какую только можно пожелать, так как ненависть, питаемая ими к русским, самого закоренелого свойства, а с учетом того, что в случае необходимости они всегда получали бы поддержку, казакам было бы почти невозможно соперничать с ними» [Memorandum 1877: 9].

¹ Судя по всему, данная идея сразу же нашла положительный отклик в трабзонской провинциальной администрации. По сообщению российского консула в Трабзоне Александра Мошнина от 13/25 мая, Эмин-паша намеревался отправлять вновь прибывающих в провинцию черкесов «на поселение в Трапезундский пашалык, в особенности по эрзерумской дороге» [Кумыков 2001: 283].

² Данное положение отсутствует в известной нам версии («экстракте») письма Булвера Расселу. Однако о его наличии пишет Назан Чичек, знакомя, по-видимому, с полным текстом документа [Çiçek 2009: 68].

³ По Нейпиру, Горчаков показал ему упомянутое донесение во время одной из их встреч [Çiçek 2009: 85].

денежную компенсацию». В ответ на это требование Новиков не менее категорично указал французскому послу на «спонтанный» характер переселения черкесов, «желание самой Порты принять их» и отсутствие у России каких-либо обязательств относительно участия в расходах по расселению на османской территории отвергших царское подданство кавказцев [Çiçek 2009: 85].

Еще более разочаровывающий для сторонников изложенного выше варианта решения черкесского вопроса результат имели контакты самого Нейпира в российском МИД. Как следует из его письма Расселу от 17 мая, накануне он «взял на себя смелость» привлечь внимание Горчакова к «болезненным утверждениям» в британской прессе о тяготах и лишениях черкесов на их пути с родины в Анатолию и тяжелой нагрузке на османские финансы в связи с наплывом в страну нуждающегося во всесторонней поддержке населения «оценочной численностью в 300 тысяч душ». Возражения российского министра в целом совпадали со сказанным Новиковым де Мутье в Стамбуле и сводились к тому, что «племена настояли на том, чтобы покинуть страну», отказавшись от сделанного им «достойного предложения» поселиться на равнине, что существовала абсолютная необходимость их удаления из «горных твердынь, где их хищнические и воинственные привычки были бы неизлечимы», что озвученное послом ее величества количество переселенцев было сильно преувеличено и что, разумеется, «императорское правительство сожалело» об исходе. Решительно отвергая саму постановку вопроса о материальной компенсации Порте со стороны России, Горчаков заявил, что, несмотря на то, что на нынешнем этапе османское руководство действительно вынуждено нести существенные расходы, оно вместе с тем приобретает в лице черкесов «добавление к мусульманскому населению империи, которое будет иметь значительную ценность для турецкой армии» [Papers 1864: 6]. Таким образом, официальный Петербург предлагал видеть в текущих непомерных тратах султанского правительства на иммигрантов некую выгодную инвестицию в будущее государства Османов.

В отправленных 19 мая и 1 июня в Лондон депешах Нейпир, критикуя озвученную главой российской дипломатии калькуляцию потерь и приобретений османской стороны, подчеркивал, что в действительности Порта, «великодушно, но опрометчиво» взявшая на себя всю ответственность за заботы о «мало знакомых с каким-либо видом продуктивной деятельности горцах»¹, в ближайшей перспективе была обречена на убытки, а в более отдаленной – могла рассчитывать в лучшем случае на ограниченные преимущества², тогда как истинным бенефициаром

¹ Говоря о поспешности решения Порты о приеме черкесов, Нейпир упускал из виду, что османские власти оказались по существу перед свершившимся фактом массового бегства с Кавказа в Анатолию вынужденных из гор к морю людей, отказ которым во въезде в страну был бы, согласно составленному после долгих правительственных дискуссий докладу великого везира султану от 12 декабря 1863 г., «равносилен скрытому выражению согласия на их истребление» [BOA. İ.MMS 27/1189].

² Обосновывая эту мысль, Нейпир отмечал: «Если их поселят на равнине Добруджи, несовместимой с их привычками и конституцией, они умрут от лихорадки. Если их перевезут в Болгарию, они, вероятно, стеснят христианское население своим фанатизмом или хищническим поведением. Если их поселят в Малой Азии, они дадут Порте несколько тысяч иррегулярных всадников в случае нужды, но там никогда не было недостатка в башибузуках (наемных солдатах-иррегулярах. – Г.Ч.), а они, похоже, не слишком полезны в регулярной войне против иностранных держав, которых Порте следует страшиться больше всего» [Çiçek 85]. Как можно видеть, Нейпир артикулировал гораздо более скептический взгляд на потенциальную ценность черкесов для османской армии по сравнению не только с Горчаковым (явно осознанно эту ценность преувеличивавшим), но и своим

от переселения черкесов выступала Россия, избавившаяся таким путем не только от «стойкого врага в грозной позиции», но и от расходов, которые повлекло бы расселение этой массы людей в Прикубанье [Papers 1864: 7; Çiçek 85].

Впрочем, из упомянутых отчетов не вполне ясно, были ли данные соображения высказаны послом его российскому визави или предназначались только для главы Форин-оффиса. Известно, однако, что фактически в это же время, точнее 23 и 24 мая, Нейпиром были направлены Расселу еще два послания, в которых на основе прежде всего информации, почерпнутой им из бесед с Горчаковым и военным министром Дмитрием Милютиным и публикаций в мидовском официозе «Журналь де Сент-Петербург», довольно подробно и комплиментарно излагалась точка зрения царского правительства на причины и сопутствующие обстоятельства переселения, воспроизводившая, в частности, известные тезисы российской государственной пропаганды об упорном нежелании «дикого и обособленного народа» капитулировать на условиях победителей (то есть переместиться на Прикубанскую равнину), изначальном поощрении эмиграции Портой, вполне сносном положении ожидающих отплытия на кавказском берегу под личным патронажем Михаила Романова черкесов, виновности в гуманитарной катастрофе в Анатолии исключительно османских чиновников, непревышении общим числом переселенцев 100 тыс. чел. и др. [Papers 1864: 9-11; Memorandum 1877: 7-9]¹. В депеше же от 6 июня Нейпир, по существу ставя завоевателей и завоеванных на одну доску, отмечал, что, хотя российское руководство было «виновно в жестокости и несправедливости» и не проявило «гуманности и добросовестности, свойственных высшему состоянию цивилизации», оно, тем не менее, могло провоцироваться к ответному возмездию «ужасающим (atrocious)» обращением черкесов с ранеными и пленными противника. По убеждению Нейпира, которым он считал нужным поделиться со своим начальником, со стороны русских отсутствовало «преднамеренное стремление действовать с беспощадностью и нетерпимостью по отношению к своим мусульманским врагам или подданным», а часть пережитых черкесами несчастий должна была быть отнесена на счет «их собственного упрямого патриотизма и свирепости, стечения обстоятельств и несовершенства российской системы управления». Там же посол со всей откровенностью многоопытного служащего крупнейшей колониальной империи констатировал, что политика России в данном вопросе едва ли «существенно отличалась от того, как вели бы себя в схожей ситуации Франция или Великобритания» [Çiçek 2009: 86]².

коллегой в Стамбуле Булвером, тем самым в значительной степени дезавуируя план последнего. Практика русско-турецкой войны 1877-1878 гг. действительно продемонстрировала неоднозначную роль северокавказских иррегулярных формирований, в том числе и на кавказском фронте (см., напр.: Reid 2000: 137-154; Beşikçi 2015: 112-117).

¹ Милютин в своих мемуарах с похвалой отзываясь о Нейпире за его готовность к транслированию своему правительству согласованных с российскими официальными лицами трактовок событий на Северо-Западном Кавказе – «совершенно верных сведений по этому делу» [Милютин 2003: 455]. Правда, достоверность этих сведений легко может быть поставлена под сомнение признаниями самого экс-военного министра об осуществлявшемся им лично цензуровании в российской печати информации, которая могла бы прийти «некстати при тогдашних наших объяснениях с иностранными послами относительно... переселения горцев» [Милютин 2003: 456-457].

² В другой своей депеше Нейпир шел еще дальше: «История и действия самой Британской империи не позволяют британцам читать русским наставлений по черкесскому вопросу. Захват английскими колонистами охотничьих

Несмотря на то, что в этот период в Форин-оффис поступали от британских консулов и донесения с весьма отличными оценками положения на кавказском и анатолийском побережьях¹, в целом к началу лета интерес лондонского кабинета к проекту Булвера явно угас, что было вызвано не только отказом от участия в его финансировании Петербурга, но и обнаружившейся невозможностью привлечения для этого сколько-нибудь значимых средств и от подданных ее величества². Несомненно, однако, что не менее важной причиной данной перемены было нежелание Англии идти на серьезные политико-дипломатические осложнения в отношениях с Россией из-за практически исчерпавшей себя к рассматриваемому моменту в международном контексте черкесской проблемы. Достаточно показателен в данной связи факт объяснений, которые 4 июня пришлось давать в российском МИД Нейпиру по поводу ранее сделанного Расселом в палате лордов заявления о предположительно имевших место в процессе выселения «больших варварствах»³.

Галеты вместо кредитов и кораблей для черкесов

Незадолго до окончательного провала надежд на предоставление Стамбулу займа на расселение и обустройство беженцев в Лондон поступила еще одна просьба об оказании помощи пытающейся в одиночку справиться с миграционным кризисом Порте, впервые инициированная – в отход от вышеупомянутой установки на автономность в данном вопросе – ею самой. Импульсом для этого послужила выявившаяся нехватка в султанском флоте вместительных современных судов для реализации достигнутого в конце апреля с Россией соглашения о скоординированной переправке черкесов с Кавказа в Анатолию или Румелию⁴

угодий североамериканских индейцев или возделываемых сельскохозяйственных земель маори, изгнание с насиженных мест по соображениям безопасности многих склонных к волнениям племен в Индии не сильно отличаются от того, что сделали русские в Черкесии» [Çiçek 2009: 80]. В этих нелюбимых пассажирах можно усмотреть, наряду со своего рода критической рефлексией по поводу колониальной политики собственного государства, и манифестацию представления о тяжелой моральной миссии, вынуждающей европейцев (равно как и непреложном праве, позволяющем им) прибегать к насилию в отношении «отсталых», «полуварварских» народов ради распространения «цивилизации». По мнению Чичек, сознание общности этого имперского «бремени» способствовало определенному нивелированию в глазах британских дипломатов как геополитических озабоченностей в связи с успешным продвижением России на Кавказе, так и морального шока от страданий жертв данного продвижения [Çiçek 2009: 79-80].

¹ Например, Клиппертон 10 мая сообщал из Керчи, что выселение черкесов осуществляется «самым бесчеловечным образом. Российские правительственные служащие отправлены в... различные порты на черкесском побережье для надзора за эмиграцией, но они заботятся больше о своих собственных интересах, чем об интересах черкесов, не обращая никакого внимания ни на санитарные правила, ни на мореходность судов и их способность перевозить пассажиров». Большинство черкесов, по словам консула, находилось «в самом нездоровом состоянии из-за голода, грязи и лихорадки» [Memorandum 1877: 9]. С другой стороны, Стивенс в отчете от 19 мая писал о риске «значительного ущерба», перед которым оказались «два важных коммерческих города – Трабзон и Самсун» вследствие ежедневного прибытия туда новых групп беженцев, «заражающих местность в угрожающих размерах», что уже привело к перебоям с хлебом и опасности бунта [Papers 1864: 11].

² Кемаль Карпат пишет, что предпринятая в Англии некоторыми политиками и общественными деятелями попытка сбора средств для предоставления османской стороне займа на нужды черкесских иммигрантов сорвалась из-за отказа Порты гарантировать возврат этого долга или выплату процентов по нему [Karpat 1985: 69]. В документах, на которые он ссылается [Papers 1864], нет, однако, подобной информации.

³ Посол, в частности, заверил Горчакова в том, что термин «варварство» в устах британского министра иностранных дел относился лишь к факту необычайно высокой смертности среди переселенцев, но никак не к действиям российских властей [Memorandum 1877: 11-12].

⁴ Румелия (тур. *Румели*) – османские Балканы.

на военных и торговых кораблях двух держав¹. Явно рассчитывая на получение от Англии как формальной – со времени Крымской войны – союзницы своего рода гуманитарной поддержки, Али-паша, согласно датированному 25 мая донесению Булвера в Форин-оффис, провел с ним встречу, в ходе которой, признав неспособность своего правительства, «невзирая на все предпринимаемые усилия, обеспечить необходимые транспортные средства для доставки в Турцию собравшихся на берегах Черного моря больших масс людей», просил ходатайствовать перед британским кабинетом о выделении османскому государству «в качестве акта истинной щедрости и человечности» кредита либо нескольких крупных пароходов с целью их временного задействования в указанных перевозках. Это, по словам великого везира, позволило бы отказаться от использования подвергающих значительному риску жизни пассажиров «доступных» судов (то есть кочерм и сандалов), а также принимать на борт скот и объемный скарб переселенцев и тем самым избавить османское правительство и крестьянство от «больших жертв» по наделению черкесов сельскохозяйственными животными и инвентарем заново [Şaşmaz 1998: 356].

Несмотря на то, что соответствующий запрос посла был поддержан Расселом, уже в начале июня британские казначейство и адмиралтейство выступили категорически против безвозмездного участия кораблей королевского флота в подобной «затратной» операции, не возражая, правда, против найма Портой за собственный счет английских коммерческих судов. Кабинет министров, опасавшийся давать повод для двусмысленных толкований нахождения британских кораблей в Черном море², также согласился с этим решением, после чего Али-паше не осталось ничего другого, как заняться изысканием в османской казне средств для аренды хотя бы нескольких иностранных судов [Şaşmaz 1998: 357-359]. По всей вероятности, это ему в какой-то степени удалось, поскольку 8 июня Булвер информировал Рассела об очередном обращении к нему османского правительства с просьбой об экстренном фрахте пяти-шести больших кораблей, в связи с чем в структуре английского посольства в Стамбуле предлагалось создать специальный комитет по контролю за своевременным внесением причитающихся платежей [Şaşmaz 1998: 358].

Максимальная же сумма, которую казначейство ее величества все-таки сочло допустимым пожертвовать в порядке «диктуемой гуманностью... благотворительности» на оказание помощи бедствующим черкесам, составила 5 тыс. фунтов стерлингов, на которые Булвер по распоряжению Рассела организовал закупку на базе английского флота на Мальте примерно 600 тонн галет³, до середины июля несколькими партиями доставленных в Самсун, Трабзон и другие

¹ Об этом соглашении см.: Кумыков 2001: 267-268; АВПРИ. Ф. Канц. министра иностр. дел. Оп. 469. Д. 30. Л. 418-419.

² Согласно Парижскому мирному договору 1856 г., в Черном море запрещалось нахождение военных кораблей всех государств, за исключением ограниченного числа легких российских и османских судов.

³ Выбор галет в качестве предмета помощи, видимо, был подсказан Булверу письмом английского доктора Диксона из Самсуна от 20 мая, где отмечалось, что даже в случае наличия в городе достаточного количества муки обеспечить всех беженцев хлебом все равно было бы невозможно из-за нехватки печей (поскольку булочники закрыли свои пекарни и покинули город [Papers 1864: 11]). «Нам нужны галеты. Есть люди, умирающие от голода», – взывал доктор [Çiçek 2009: 85-86].

пункты временного размещения беженцев в Анатолии [Şaşmaz 360-361; Memorandum 1877: 10-11].

В дальнейшем британская дипломатия, судя по всему, не предпринимала никаких демаршей по поводу черкесской иммиграции 1863-1864 гг., продолжая, однако, глазами своих представителей пристально наблюдать за развитием ситуации и действиями в этой сфере османских властей¹.

Заключение

Рассмотренная дипломатическая корреспонденция, с одной стороны, полностью подтверждает и дополняет данные российских, турецких и других источников о катастрофическом с точки зрения организации и, как следствие, гуманитарных итогов (с обеих сторон Черного моря) характере исхода черкесов в Османскую империю в 1863-1864 гг.

С другой стороны, она демонстрирует двойственность позиции официального Лондона в связи с проблемой черкесских беженцев, обусловленную общей логикой и реалиями англо-русского соперничества в рамках т.н. «восточного вопроса» с его неизменной вариабельностью «жесткой» и «мягкой» линий. В сущности, на протяжении довольно короткого отрезка времени британскими дипломатами в Стамбуле и Петербурге были представлены своему правительству два варианта реагирования на ставшее фактом перемещение почти всего населения Черкесии во владения султана. План посла Булвера, исходивший из традиционного настороженного восприятия любого усиления позиций России в Причерноморье как ослабляющего возможности государства Османов к противодействию вероятному вторжению с севера и, следовательно, подрывающего британо-русский баланс политических и экономических сил на Ближнем Востоке, предполагал максимально компактное (и объективно наиболее этно- и социосберегающее) размещение черкесов в их новой стране в видах их скорейшей (ре)функционализации в качестве барьера против указанной потенциальной агрессии и, шире, установление над ними неформального английского покровительства/контроля в контексте обеспечения долгосрочных интересов Лондона в регионе. В противовес этому, взгляд на ситуацию вокруг черкесского кризиса посла Нейпира не только отвергал необходимость излишне резкого осуждения стратегии российских властей на Северо-Западном Кавказе и акцентирования темы их моральной и финансовой ответственности за «нецивилизованные» методы колониальной экспансии, но и явно не был чужд некоторой имперской эмпатии к Петербургу. При этом Нейпир фактически ставил под сомнение реалистичность и целесообразность предложения Булвера о создании крупного массива черкесских военных колоний в Северо-Восточной Анатолии, несомненно, учитывая и

¹ Так, согласно отчету замещавшего Булвера секретаря английского посольства в Стамбуле Уильяма Стюарта, к 20 сентября 1864 г. Порты переправила из Трабзона и Самсуна морским путем через Босфор в различные западные провинции с целью расселения там 74 206 черкесов, из которых 1 393 умерли в пути (до Босфора), а 5 511 остались в Стамбуле (1 568 записались в рекруты, 3 494 лица рабского статуса были проданы владельцами, 449 детей определены в сиротские приюты). Благодаря этому и параллельным эвакуациям иммигрантов сухим путем в центральные и восточные районы страны в двух названных портах к указанному времени оставалось не более 10 тыс. черкесов [Memorandum 1877: 15-16]. Спустя две недели, однако, Стюарт сообщал о прибытии в Самсун из-под Анапы новой группы численностью в 2 300 чел. [Memorandum 1877: 16].

провокационность подобного «буферного» образа поселения кавказцев в глазах российского руководства. В результате, несмотря на обсуждение лондонским кабинетом в мае-июне 1864 г. обоих альтернативных подходов, предпочтение после не слишком продолжительных колебаний было отдано – и по финансовым, и по политическим соображениям – второму.

Что касается самих кавказцев, эпический масштаб страданий которых изначально послужил основанием для описанной активности, то выделенная для них британским казначейством после тщательных обдумываний и взвешиваний весьма скромная по относительным объемам, но все же достойная признания – в особенности на фоне всеобщего официального равнодушия и на Западе, и на мусульманском Востоке – гуманитарная помощь в виде галет, бесспорно, способствовала поддержанию жизней какого-то количества бедствующих людей в портах Анатолии. Кроме того, можно предположить, что так или иначе продемонстрированная на данном этапе Лондоном обеспокоенность судьбой черкесов и соответствующие демарши английских дипломатов в какой-то степени подтолкнули правительства в Петербурге и Стамбуле к более действенным и оперативным мерам по облегчению положения беженцев на обоих берегах Черного моря и упорядочению процесса их транспортировки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Берже 1882 – *Берже А.П.* Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. – Кн. II. – 1882. – С. 337-363.

Дегоев 2009 – *Дегоев В.В.* Кавказ и великие державы (1829-1864): политика, война, дипломатия. – М.: Рубежи XXI, 2009. – 560 с.

Дроздов 1877 – *Дроздов И.* Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // Кавказский сборник. – Т. II. – 1877. – С. 387-457.

Еремеев, Мейер 1992 – *Еремеев Д.Е., Мейер М.С.* История Турции в средние века и новое время. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1992. – 245 с.

Касумов, Касумов 1992 – *Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. – Нальчик: Логос, 1992. – 199 с.

Кравцов 1886 – *Кравцов И.С.* Кавказ и его военачальники (1854-1864). – СПб: тип. В.С. Балашева, 1886. – 73 с.

Кумыков 2001 – Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX в.). Сб. арх. док-тов / сост. Т.Х. Кумыков. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 496 с.

Кумыков 2003 – Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874 гг.) / сост. Т.Х. Кумыков. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 413 с.

Милютин 2003 – *Милютин Д.А.* Воспоминания (1863-1864 гг.) / ред. Л.Г. Захарова. – М.: РОССПЭН, 2003. – 688 с.

Нарочницкий 1988 – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / отв. ред. А.Л. Нарочницкий. – М.: Наука, 1988. – 659 с.

Панеш 2006 – *Панеш А.Д.* Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имамом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). – Майкоп: МГТУ, 2006. – 250 с.

Положение 1862 – Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России // Военный сборник. – Т. XXVIII. – 1862. – С. 235-284.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Тхамокова 2021 – *Тхамокова И.Х.* Выселение хакучей в Османскую империю и Кубанскую область (1864-1870): причины, основные этапы, итоги // Кавказология. – 2021. – № 3. – С. 44-62. – DOI: 10.31143/2542-212X-2021-3-44-62.

Фадеев 2010 – *Фадеев Р.А.* Государственный порядок. Россия и Кавказ / сост. С.В. Лебедев, Т.В. Линицкая. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 992 с.

Чочиев 2019 – *Чочиев Г.В.* Отчеты доктора Бароцци о черкесской иммиграции в Османскую империю в 1863-1864 гг. // Известия СОИГСИ. – 2019. – № 32. – С. 116-138. – DOI: 10.23671/VNC.2019.71.31180.

Beşikçi 2015 – *Beşikçi M.* Başbozruk Savaşından ‘Makbul’ Tebaaya: 1877-1878 Osmanlı-Rus Savaşı’nda Osmanlı Ordusunda Çerkez Muhacirler // Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi. – 2015. – No 23. – P. 85-123.

BOA – Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı Osmanlı Arşivi.

Çiçek 2009 – *Çiçek N.* “Talihsiz Çerkeslere İngiliz Peksimetî”: İngiliz Arşiv Belgelerinde Büyük Çerkes Göçü (Şubat 1864 – Mayıs 1865) // Ankara Üniversitesi Siyasal Bilimler Fakültesi Dergisi. – C. LXIV. – 2009. – No 1. – P. 57-88.

Exodus 1864 – The Circassian Exodus // New Zealand Spectator and Cook’s Strait Guardian. – August 17, 1864 (перепечатано из The Times, May 9, 1864).

Karpat 1985 – *Karpat K.H.* Ottoman Population (1830-1914): Demographic and Social Characteristics. – Madison: The University of Wisconsin, 1985. – 242 p.

Köremezli 2004 – *Köremezli İ.* The Place of the Ottoman Empire in the Russo-Circassian War (1830-1864). Unpublished MA Thesis. – Ankara: Bilkent University, 2004. – 112 p.

Memorandum 1877 – United Kingdom. The National Archives. Foreign Office. Confidential. No 881/3065 (Memorandum respecting Circassian Emigrants in Turkey. Printed for the use of the Foreign Office. January 1877). – 28 p.

Papers 1864 – Papers respecting the Settlement of Circassian Emigrants in Turkey. Presented to the House of Commons by Command of Her Majesty, in pursuance of their Address dated June 6, 1864. – London: Harrison and Sons, 1864. – 15 p.

Reid 2000 – *Reid J.J.* Crisis of the Ottoman Empire: Prelude to Collapse (1839-1878). – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. – 517 p.

Şaşmaz 1998 – *Şaşmaz M.* Immigration and Settlement of Circassians in the Ottoman Empire on British Documents (1857-1864). // Ankara Üniversitesi Osmanlı Tarihi Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi. – 1998. – No 9. – P. 331-366.

REFERENCES

Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].

Arkhivnye materialy o Kavkazskoi voine i vyselenii cherkessov (adygov) v Turtsiyu (1848-1874 gg.) [Archival Materials about the Caucasian War and the Eviction of the Circassians (Adygs) to Turkey (1848-1874)] / comp. by T.Kh. Kumykov. – Nalchik: El-Fa, 2003. – 413 p. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Vyselenie gortsev s Kavkaza* [Eviction of Highlanders from the Caucasus]. – IN: *Russkaya starina* [Russian Antiquity]. – Book II. – 1882. – P. 337-363. (In Russ.).

BEŞİKÇİ M. *Başbozruk Savaşından ‘Makbul’ Tebaaya: 1877-1878 Osmanlı-Rus Savaşı’nda Osmanlı Ordusunda Çerkez Muhacirler.* – IN: *Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi.* – 2015. – No 23. – P. 85-123.

CHOCHIEV G.V. *Otchety doktora Barotstsi o cherkesskoi immigratsii v Osmanskuyu imperiyu v 1863-1864 gg.* [Reports of Doctor Barozzi on Circassian Immigration to the Ottoman Empire in 1863-1864]. – IN: *Izvestiya SOIGSI.* – 2019. – No 32. – P. 116-138. (In Russ.).

ÇİÇEK N. “Talihsiz Çerkeslere İngiliz Peksimetî”: İngiliz Arşiv Belgelerinde Büyük Çerkes Göçü (Şubat 1864 – Mayıs 1865). – IN: *Ankara Üniversitesi Siyasal Bilimler Fakültesi Dergisi.* – Vol. LXIV. – 2009. – No 1. – P. 57-88.

DEGOEV V.V. *Kavkaz i velikie derzhavy (1829-1864). Politika, voyna, diplomatiya* [Caucasus and the Great Powers (1829-1864): Politics, War, Diplomacy]. – Moscow: Rubezhi XXI, 2009. – 560 p. (In Russ.).

DROZDOV I. *Poslednyaya bor'ba s gortsami na Zapadnom Kavkaze* [The Last Fight with the Highlanders in the Western Caucasus]. – IN: *Kavkazskii sbornik* [Caucasian Collection]. – Vol. II. – 1877. – P. 387-457. (In Russ.).

EREMEEV D.E., MEIER M.S. *Istoriya Turtsii v srednie veka i novoe Vremya* [History of Turkey in the Middle Ages and Modern Times]. – Moscow: Moscow University, 1992. – 245 p. (In Russ.).

FADEEV R.A. *Gosudarstvennyi poryadok. Rossiya i Kavkaz* [State Order. Russia and the Caucasus] / comp. by S.V. Lebedev, T.V. Linitskaya. – Moscow: Institute of Russian Civilization, 2010. – 992 p. (In Russ.).

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.) [History of the Peoples of the North Caucasus (late 18th c. – 1917)] / ed.-in-chief A.L. Narochitskii. – Moscow: Nauka, 1988. – 659 p. (In Russ.).

KARPAT K.H. *Ottoman Population (1830-1914): Demographic and Social Characteristics*. – Madison: University of Wisconsin, 1985. – 242 p.

KASUMOV A.KH., KASUMOV KH.A. *Genotsid adygov. Iz istorii bor'by adygov za nezavisimost' v XIX veke* [Genocide of Adygs. From the History of the Struggle of the Adygs for Independence in the 19th c.]. – Nalchik: Logos, 1992. – 199 p. (In Russ.).

KÖREMEZLİ İ. *The Place of the Ottoman Empire in the Russo-Circassian War (1830-1864)*. Unpublished MA Thesis. – Ankara: Bilkent University, 2004. – 112 p.

KRAVTSOV I.S. *Kavkaz i ego voenachal'niki (1854-1864)* [The Caucasus and Its Military Leaders (1854-1864)]. – St. Petersburg: V.S. Balashev Press, 1886. – 73 p. (In Russ.).

MILYUTIN D.A. *Vospominaniya (1863-1864 gg.)* [Memories (1863-1864)] / ed. by L.G. Zakharova. – Moscow: ROSSPEN, 2003. – 688 p. (In Russ.).

Ottoman Archives of the Directorate of State Archives of the Presidency of the Republic of Turkey.

PANESH A.D. *Zapadnaya Cherkesiya v sisteme vzaimodeistviya Rossii s Turtsiei, Anglii i imatom Shamilya v XIX v. (do 1864 g.)* [Western Circassia in the System of Interaction of Russia with Turkey, England and Shamil's Imamate in the 19th Century (until 1864)]. – Maykop, Maykop State Technological Institute, 2006. – 250 p. (In Russ.).

Papers respecting the Settlement of Circassian Emigrants in Turkey. Presented to the House of Commons by Command of Her Majesty, in pursuance of their Address dated June 6, 1864. – London: Harrison and Sons, 1864. – 15 p.

Polozhenie o zaselenii predgorii zapadnoi chasti Kavkazskogo khrebtu kubanskimi kazakami i drugimi pereselentsami iz Rossii [Regulations on the Settlement of the Foothills of the Western Part of the Caucasus Ridge by Kuban Cossacks and Other Settlers from Russia]. – IN: *Voennyi sbornik* [Military Collection]. – Vol. XXVIII. – 1862. – P. 235-284. (In Russ.).

Problemy Kavkazskoi voyny i vyselenie cherkesov v predely Osmanskoi imperii (20-70-e gg. XIX v.). *Sbornik arkhivnykh dokumentov* [Problems of the Caucasian War and the Eviction of the Circassians to the Ottoman Empire (20-70s of the 19th c.). Collection of Archival Documents] / comp. by T.Kh. Kumykov. – Nalchik: Elbrus, 2001. – 496 p. (In Russ.).

REID J.J. *Crisis of the Ottoman Empire: Prelude to Collapse (1839-1878)*. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. – 517 p.

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archives].

ŞAŞMAZ M. *Immigration and Settlement of Circassians in the Ottoman Empire on British Documents (1857-1864)*. – IN: *Ankara Üniversitesi Osmanlı Tarihi Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi*. – 1998. – No 9. – P. 331-366.

The Circassian Exodus. – IN: *New Zealand Spectator and Cook's Strait Guardian*. – August 17, 1864 / reprinted from *The Times* of May 9, 1864.

TKHAMOKOVA I.Kh. *Vyselenie khakuchei v Osmanskuyu imperiyu i Kubanskuyu oblast' (1864-1870): prichiny, osnovnye etapy, itogi* [Khakuchi Forced Migration to Ottoman Empire and

Kuban Region (1864-1870): Causes, Main Phases and Results]. – IN: *Caucasology*. – 2021. – No 3. – P. 44-62. (In Russ.).

United Kingdom. The National Archives. Foreign Office. No 881/3065.

Сведения об авторе:

Г.В. Чочиев – кандидат исторических наук.

Information about the author

G.V. Chochiev – candidate of Sciences (History).

Статья поступила в редакцию 13.08.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 13.08.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Научная статья
УДК 93/930(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-90-103
EDN: CWLJLR

ПРОЕКТЫ И РЕАЛИИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЛОБОДЫ НАЛЬЧИК В ГОРОД В 80-Е ГОДЫ XIX ВЕКА

Роман Дмитриевич Скрипкин¹, Марина Хабасовна Гугова²

^{1,2} Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия

¹ roman.skripkin97@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5574-6736>

² Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, gugowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3461-3011>

Аннотация. Статья посвящена анализу проекта преобразования слободы Нальчик в город в 1884–1899 гг. Особое внимание уделено роли местной администрации и общественных институтов в подготовке и реализации проекта, процедурным аспектам получения городского статуса, а также дискуссиям вокруг этого решения. Исследование истории данного проекта выявляет сложный процесс взаимодействия местного самоуправления и имперской администрации. В ходе изучения истории вопроса дан историографический обзор даты возникновения Нальчика как населенного пункта и как военной крепости, отражающий историю его развития, в рамках которого исследуется заявленная проблема. Цель исследования – на основе привлеченных документальных материалов и научных публикаций рассмотреть вопрос о ходатайствах населения слободы Нальчик изменить ее правовой статус, проанализировать выявленные архивные источники для реконструкции событий, связанных с попыткой слобожан получить экономические преференции за счет получения от российского государства иного юридического статуса. В статье сделана попытка сочетать изучение реконструкции модернизационного проекта с реальными социально-экономическими условиями жизни населения слободы: демографической динамикой, транспортной доступностью, земельно-правовым режимом, хозяйственной практикой. Поданный проект демонстрирует стремление жителей к городскому образу жизни, желание получить льготы, предоставляемые горожанам Российской империи, но он не сопровождался глубокой профессиональной проработкой юридических и финансовых последствий такой трансформации. В силу этого, столкнувшись с экономическими сложностями изменения правового положения слободы, горожане отозвали представленный проект.

Ключевые слова: Северный Кавказ, слобода Нальчик, проект, город, общероссийская идентичность, социокультурные механизмы.

Для цитирования: Скрипкин Р.Д., Гугова М.Х. Проекты и реалии преобразования слободы Нальчик в город в 80-е годы XIX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 90-103. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-90-103. EDN: CWLJLR.

© Скрипкин Р.Д., Гугова М.Х., 2025

Original article

PROJECTS AND REALITIES OF TRANSFORMING THE VILLAGE OF NALCHIK INTO A CITY IN THE 1880S

Roman D. Skripkin¹, Marina Kh. Gugova²^{1,2} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia¹ roman.skripkin97@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5574-6736>² Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, gugowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3461-3011>

Abstract. The article analyzes the project to transform the village of Nalchik into a city in 1884-1899. Special emphasis is placed on the role of local authorities and public institutions in both preparing and implementing the project, along with procedural aspects of gaining town status and debates concerning this decision. A study of the history of this project reveals a complex process of interaction between local self-government and the imperial administration. In the course of studying the history of the issue, a historiographical review of the date of Nalchik's emergence as a settlement and as a military fortress is provided, reflecting the history of its development, within which the stated problem is examined. The goal of the study is to explore, using documented evidence and scholarly works, whether there existed among the population of the Nalchik settlement a desire to alter its legal standing. Additionally, archival sources are analyzed to reconstruct events linked to attempts by residents seeking economic advantages via acquisition of alternative legal status from the Russian government. The paper seeks to integrate analysis of modernization project reconstructions with real socioeconomic circumstances prevalent in the settlement, taking into account factors like demographics, transportation access, land-use regulations, and economic practices. Submitted proposals demonstrate the aspirations of locals toward adopting an urban way of life and securing privileges available to city dwellers during the Russian Empire era. However, these efforts were not accompanied by thorough professional evaluation of legal or financial implications arising from such transformations. Consequently, when faced with economic challenges tied to altering the settlement's legal status, the proposal was withdrawn by the townsfolk. Actual conversion of the settlement into a town occurred later, within a distinct sociopolitical framework.

Keywords: North Caucasus, Nalchik sloboda, project, city, historical memory, all-Russian identity, sociocultural mechanisms.

For citation: Skripkin R.D., Gugova M.Kh. Projects and realities of transforming the village of Nalchik into a city in the 1880s. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 90-103. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-90-103. EDN: CWLJLR.

© Skripkin R.D., Gugova M.Kh., 2025

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами: во-первых, коллективным обсуждением проекта преобразования слободы в город Нальчик в середине 80-х гг. XIX в.; во-вторых, возможностью на этом примере изучить сложные процессы модернизации и урбанизации на Северном Кавказе в имперский период; в-третьих, глубже понять специфику взаимодействия имперской власти и местного самоуправления, особенности формирования городской идентичности в многонациональной среде, развитию слободы Нальчик и ее интеграции в общероссийское социально-экономическое пространство.

Город – это ремесленный, торговый, политический, административный, военный, религиозный и т.д. центр района, округа, области, края, который становится локомотивом развития данной местности. Но города не появляются сразу. Ему предшествует долгий период накопления сил и ресурсов, прежде чем данный населенный пункт становится городом. Действие «Городового положения» 1870 г. было распространено всего на 707 городов Российской империи [История России 2001: 56].

История и дата основания крепости, форпоста, селения, станицы всегда имеет существенное значение для его жителей, поскольку процесс его создания во многом определяет последующие события. В XVIII–XIX вв. на Северном Кавказе были образованы сотни новых российских поселений, включая Нальчик, которые развивались и постепенно меняли свой правовой статус.

Исследование проблем изменения правового статуса населенных пунктов (например, как в случае с появлением проектов преобразования слободы Нальчик в город в 1880-е гг.) актуализируют и вопросы о датировках их основания или первого упоминания в источниках. В связи с чем, отметим, что в отечественной историографии вопрос о возникновении Нальчика остается дискуссионным. Полагаем, что к этому вопросу следует относиться с учетом того, что берется за точку отчета – упоминание в источниках поселения на месте современного Нальчика, функционирование его как политического центра Кабарды до начала российского влияния в регионе, строительства военного укрепления и т.п. Так, наиболее ранняя датировка упоминания населенного пункта на месте современного Нальчика была определена в начале 90-х гг. XX в. и принадлежала Х.М. Думанову. При этом он предлагал несколько версий к определению этой даты. Так, изначально, по его мнению, Нальчик в документах впервые фиксируется в 1745 г., что дало ему основание предложить считать ее началом его истории [Думанов 1990; Думанов 1991a: 150–153; Думанов 1991b]. Позднее Х.М. Думанов пересмотрел свою позицию и на основе выявленных документов предложил в качестве даты основания Нальчика считать 1724 г., отметив, что данная местность была центром «кашкатавской партии» во время междоусобной борьбы политических группировок кабардинских князей, ссылаясь на наличие здесь усадьбы главного князя Кабарды Арсланбека Кайтукина, [Думанов, Мамбетов 1997; Думанов, Гугов, Мамбетов 1998; Думанов 2004]. Поэтому «с 2004 года официальной датой основания Нальчика считается 1724 год. Такое решение принято сессией горсовета по инициативе директора Кабардино-Балкарского НИИ гуманитарных исследований профессора Хасана Думанова»¹. При этом сам Х.М. Думанов еще в 1991 г. относился к такой датировке дифференцированно и уточнял, что «Нальчик имеет три даты [основания]: как поселение – 1745 г.; как административно-политический центр – 1807 г.; как военная крепость царской администрации на Северном Кавказе – 1822 г.» [Думанов 1991].

Еще ранее в 1950 г. краевед А.С. Кабанов предлагал принять в качестве официальной даты основания Нальчика 1818 г., т.к. в этом году были основаны крепость Грозная и военное укрепление на р. Нальчик, а также ряд других российских поселений по р. Малка [Кабанов 1950: 17–18]. В монографии, опубликованной С.К. Бушуевым в 1956 г., также отмечается 1818 г. как год основания Нальчикской крепости [Бушуев 1956: 112]. Развивая эту мысль, Д.Н. Прасолов утверждает, что крепость Нальчик была возведена в 1818 г. в ходе военно-политического покорения Кабарды А.П. Ермоловым [Прасолов 2016: 54]. Эта дата чаще упоминается и в делопроизводственной документации имперского периода, отложившейся в фондах

¹ Электронный ресурс. Режим доступа: www.rbc.ru/society/13/10/2005/5703c5209a7947dde8e0d04c (дата обращения 17.08.2025)

Архивной службы КБР [См., например: УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 206. Т. 1. Л. 8, 319].

Однако в историографии есть и другие версии о дате образования Нальчика. Например, Л.И. Лавров оспаривал утверждение А.С. Кабанова и утверждал, что мнение об основании Нальчика в 1818 г. неверно, так как «согласно документам, перед 1822 г. никакого постоянного поселения здесь не было» [Лавров 2005: 80]. Т.Х. Кумыков также доказывал, что Нальчик основан командующим Отдельным Кавказским корпусом и управляющим по гражданской части на Кавказе и в Астраханской губернии А.П. Ермоловым во время его пребывания в Кабарде летом 1822 г. [Кумыков 1969: 34–35]. Этому же мнению придерживался С.Н. Бейтуганов, который писал, что укрепление Нальчик основано в 1822 г. генералом А.П. Ермоловым одновременно с внедрением в Кабарде русского управления [Бейтуганов 1993: 230]. Аналогичная точка зрения принадлежит и Е.Г. Битовой, которая подчеркнула, что «в 1822 г. после завершения военной экспедиции в Кабарде А.П. Ермолов заложил Урухское, Пришибское, Нальчикское, Чегемское, Баксанское и Каменномостское укрепления [Битова 2005: 33]. Однако, в 2007 г. С.Н. Бейтуганов предложил считать датой основания Нальчика 1809 г., так как именно с этого времени «в переписке князей Кабарды и военных властей упоминается Нальчик» [Бейтуганов 2007: 496].

В 2010 г. актуальный для своего времени историографический итог основания Нальчика подвела в диссертационном исследовании К.Р. Соблирова, констатируя сосуществование различных датировок: 1724 и 1745 гг. (Х.М. Думанов); 1809 г. (С.Н. Бейтуганов); 1818 г. (А.С. Кабанов); 1822 г. (Т.Х. Кумыков, В.Я. Пеннер), но собственную позицию не обозначила [Соблирова 2011: 16].

Крайняя по времени точка зрения по этому вопросу принадлежит Р.К. Кармову, который заявил, что «крепость Нальчик была основана в 1818 г. (по другим данным в 1822 г.) для укрепления позиций России на Кавказе. В ней размещались штаб-квартира командующего войсками Центра Кавказской линии и командующего Кабардинского егерского полка, здесь же проходили заседания Временного кабардинского суда, действовала аманатская школа [Кармов 2025]. То есть проблема определения основания Нальчик по-прежнему остается дискуссионной, в связи с чем повышается научный интерес к дальнейшему его развитию как населенного пункта, попыткам и механизмам изменения его правового статуса, преобразования в город и т.п.

Основная часть

В середине XX в. А.С. Кабанов писал: «более века назад на месте современного города располагалась небольшая крепость, окруженная деревянными стенами, земляным валом и глубоким рвом. Центральные здания крепости, некоторые из которых сохранились до наших дней, служили резиденцией командования Центра Кавказской линии, начальства крепости и Временного Кабардинского суда. Рядом располагались казармы гарнизона и деревянная церковь» [Кабанов 1960: 25-29]. Несмотря на военное предназначение, Нальчик, с момента возведения, играл важную роль культурного центра.

При этом следует обратить внимание на то, что вопросы образования города Нальчик рядом с военной крепостью поднимались общественностью еще в конце

20-х гг. XIX в. Так, в 1829 г., оценивая возможное культурное значение крепости, кабардинский князь, просветитель и военный Ф. Бекович-Черкасский подал проект «Замечание касательно просьбы кабардинского народа и средств улучшения благосостояния оно́го» командующему Отдельным Кавказским корпусом И.Ф. Паскевичу, в котором предложил основать город рядом с Нальчикской крепостью [АКАК. Т. 7: 871]. Ф. Бекович-Черкасский рассматривал будущий город и крепость как относительно самостоятельные структуры, находящиеся под управлением разных ведомств: гражданского и военного соответственно, что сформировало бы сложную систему управления регионом, и подчеркивал необходимость создания развитой гражданской инфраструктуры. В основе проекта лежала идея о приобщении населения региона к русской культуре путем развития образования, торговли и промышленности. Автор «Записки» предлагал открыть в Нальчике ряд учебных заведений с последующей отправкой наиболее способных учеников в российские высшие учебные заведения. Для стимулирования развития промышленности планировалось поощрение ремесленников денежными наградами и орденами. Ф. Бекович-Черкасский обосновывал необходимость развития торговли, которая должна была привлечь в Нальчик товары из различных регионов и способствовать сближению кабардинского народа с русским. Таким образом основной смысл его проекта сводился к тому, что «город должен стать экономическим, политическим и цивилизующе-культурным центром адыгов» [Прасолов 2014: 38].

Особого внимания заслуживает заключительная часть проекта, где Бекович-Черкасский пытался связать возведение города с укреплением российской власти на Северном Кавказе и интеграцией кабардинского народа в российское административно-правовое пространство. Он полагал, что предоставление кабардинцам прав и проведение реформ, направленных на повышение их благосостояния, послужит эффективным инструментом для установления мира и порядка в крае. Проект Ф. Бековича-Черкасского не был реализован из-за продолжавшейся Кавказской войны и политического курса императора Николая I. Несмотря на это, проект остается важным свидетельством поисков просветителями путей интеграции Северного Кавказа в состав Российской империи, и использования градостроительства для достижения этой цели.

С конца 50-х гг. XIX в. на Северном Кавказе начались преобразования с утверждением 10 декабря 1857 г. положения Кавказского комитета «О некоторых изменениях в управлении покорными племенами Кавказа» [Административная практика 2012: 183]. После пленения Шамиля в августе 1859 г. Кавказская линия была упразднена. Вместо Левого фланга Кавказской линии в 1860 г. была образована Терская область с центром в г. Владикавказ. Высочайший указ императора Александра II от 26 ноября 1861 г. обусловил процесс перехода от военного к административному управлению населением, проживающим вокруг крепостей, и предусматривал передачу населенных пунктов в ведение гражданской власти.

Происходящие изменения в стране и крае затронули и Нальчик. После завершения военных действий в регионе Нальчикская крепость утратила первоначальное назначение. «Прилегающее к ней поселение в 1862 г. было преобразовано в слободу, ставшую центром Кабардинского округа» [Прасолов 2016: 55]. В соответствии с новым правовым статусом, жители слободы могли выбирать своих старост и представителей в местные органы самоуправления, создавались реальные

условия для роста ремесленного производства и торговли, открывая возможности для экономического развития региона. В документах зафиксированы сведения о том, в 1862 г. из военного поселения и еврейского поселка возникла слободка, управляемая на основании положения, утвержденного императорским указом от 26 ноября 1861 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 206. Т. 2. Л. 320]. А в следующем, 1863 г., к ней присоединилась Александровская немецкая колония [Дзагов 2015: 2]. Следующим важным шагом было мнение Государственного Совета, утвержденное императором 30 декабря 1869 г., согласно которому Нальчик и другие населенные пункты подобного рода были переданы в ведение гражданских властей [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 206. Т. 1. Л. 20].

После получения статуса слободы открылись новые перспективы для ее социально-экономического и культурного развития. Однако, несмотря на предоставленные возможности, жители слободы Нальчика не смогли в полной мере ими воспользоваться. Д.Н. Прасолов, освещая экономическое положение слободы в середине 1860-х гг., приводит цитату из заключения председателя комиссии по личным и поземельным правам коренного населения Терской области Д. Кодзокова, который отмечал, что «хозяйственные занятия нальчикских жителей очень ограничены: вывоз на линию делового леса, колес, осей, деревянной посуды, угля, лесных плодов, дров из кабардинских лесов, отдача внаем квартир должностным лицам и приезжающим по делам кабардинцам, продажа им сена, печеного хлеба – вот источники их существования» [Прасолов 2016: 56]. Не случайно, Терское областное начальство ставило вопрос об обеспечении в кратчайшие сроки устойчивого роста «благополучия населения» и способствовании «развитию предпринимательства» [Дзуганов 2021: 89].

Со временем Нальчик стал развиваться и как ремесленный центр региона, налаживалось производство продуктов питания и строительных материалов. Уже к 1884 г. в Нальчике функционировали три кирпично-черепичных завода, один маслодельный завод, две гончарные мастерские и четыре водяных мельницы на реке Нальчик [Дзагов 2014: 90]. Социальная структура населённого пункта заметно усложнилась. М.З. Саблиров подчёркивал появление в регионе новых профессиональных групп: каменщики, плотники, кузнецы, слесари, сапожники-кустарники, представители городской буржуазии – торговцы и ремесленники [Саблиров 2001: 27–28]. К концу XIX в. постепенное социокультурное развитие народов Северного Кавказа, заметный экономический рост слободы стимулировал развитие культурно-просветительских организаций [Кузьминов 2024: 100–109] и политического сознания, способствовал появлению новых потребностей у населения и желания активнее участвовать в управлении своим поселением.

В 1884 г. на слободском сходе жители выразили желание, а потом подготовили проект преобразования слободы Нальчик в город [УЦГА АС КБР. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3]. Документ не только фиксировал факт ходатайства о желании изменить статус населенного пункта, но и раскрывал важные детали, позволяющие проанализировать этот процесс. В то время население слободы составляло 1635 человек, «не считая жителей горско-еврейского поселка. Кроме отставных солдат, в это число входили мещане, крестьяне, дворяне, купцы, духовенство и лица податного сословия, не имеющие оседлости» [Тхамокова 2018: 102]. Прошение слобожан было поддержано начальниками округа и области, вице-директором канцелярии

главноначальствующего гражданской частью на Кавказе Владимиром Петровичем Рогге, что, по нашему мнению, свидетельствует об общественно-политической значимости слободы Нальчик для кавказской администрации и достижении достаточно высокого уровня развития, позволяющего претендовать на новый административный статус города. Основные аргументы ходатайствующих заключались в том, что «общий характер занятий и жизнь поселившихся в Нальчике не сельский, а преимущественно городской» [Прасолов 2016: 56].

Ходатайство содержало не только просьбу о преобразовании, но и предлагало проект упрощенного общественного городского управления, включающий в себя наличие административного штата и полиции [УЦГА АС КБР. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]. Это указывает на готовность населения перейти к более сложной системе самоуправления. Интересно, что в ходатайстве выражено желание получить льготы, аналогичные предоставленным городу Грозному на 15-летний срок, который получил статус города 30 декабря 1869 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 1. Л. 1].

Внимание к Городовому положению 1870 г. было неоднозначным. Оно привлекало жителей слободы, своими привилегиями, ведь в городах разрешалось вводить городское самоуправление в интересах развивающегося купечества и промышленников, заменялась сословная дума всесословной, в которую могли входить представители разных сословий. Статус города открывал новые возможности, улучшалась инфраструктура для жителей, например, в городах при наличии средств, проводилась вода, уличное освещение, постройка мостов и др. [Край наш Ставрополье 1999: 142]. Это позволяет предположить, что слобожане стремились обеспечить благоприятные условия для дальнейшего развития города/курорта Нальчика, используя опыт других кавказских городов.

Описание географического положения и природных условий слободы Нальчик, содержащееся в докладной записке начальника Терской области в канцелярию Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе А.М. Дондукова-Корсакова, также имеет существенное значение. Плодородная для земледелия почва, наличие строительных материалов (известняк, глина), чистая вода реки Нальчик и близость к транспортным артериям Пятигорска, Георгиевска, Владикавказа и железной дороги [УЦГА АС КБР. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 1. Л. 2], указывает на благоприятные условия для экономического роста. Прекрасные климатические условия региона усиливали аргументы жителей слободы в пользу преобразования Нальчика в город.

Однако, ходатайство слобожан не было реализовано, в то время слобода так и не была преобразована в город. Выявленные нами документы из Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 404] дают возможность установить причины отказа в присвоении Нальчику статуса города. В источниках отмечалось, что чтобы получить статус города, требовался постоянный контроль за населением, ведь слобода ежегодно принимала значительное количество гостей-курортников с весны до поздней осени. Начальник 2-го участка Нальчикского округа, в состав которого входила и слобода, часто и надолго отлучавшийся по службе в отдаленные районы, не мог эффективно контролировать ситуацию в слободе, оставляя бремя ответственности за порядок в поселении слободскому старшине. В связи с этим, вступивший в должность в 1888 г. начальник Нальчикского округа, подполковник Д.А. Вырубов [Ахматова, Мура-

това 2021: 22] предложил учредить в Нальчике должность помощника полицейского пристава, финансируемую за счет средств слободы. Он аргументировал это предложение растущей необходимостью в дополнительных полицейских силах, подчеркивая, что это станет важным шагом на пути присвоения Нальчику статуса города [ЦГА РСО–Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 404. Л. 1–2].

Несмотря на признание необходимости усиления полицейского контроля в связи с растущей популярностью Нальчика как курорта и увеличения числа приезжих, слободское общество отказалось от финансирования должности помощника полицейского пристава в размере 800 руб. ежегодно за счет общественных средств. Введение данной должности, по мнению слобожан, имело бы несомненный положительный эффект для жителей слободы, однако, возложение соответствующих расходов считалось невозможным ввиду ограниченных финансовых возможностей и отсутствия устойчивых источников дохода [ЦГА РСО–Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 404. Л. 2].

Финансовое состояние слободы было крайне слабым, что отчетливо проявляется при анализе таблицы № 1, содержащей детальные сведения о доходах и расходах общественной кассы слободы Нальчик за период с 1896 по 1898 гг., что, по нашему мнению, отчасти отражает и ситуацию в слободе в 80-е гг. XIX в. Данные подтверждают крайнюю финансовую слабость местного сообщества, неспособного самостоятельно поддерживать даже минимальные расходы на общественный порядок и развитие транспортной инфраструктуры [ЦГА РСО–Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 404. Л. 6–7].

Таблица 1

	За 1896 год	За 1897 год	1898 год
	Р К	Р К	Р К

На приход поступило всего. От главных источников.	8740	30	9983	42	7453	“
От отдачи торговли питиями.	6675	“	8037	“	5700	“
От отдачи в аренду базарной площади.	1175	“	1481	50	1371	“
От отдачи в аренду общественной бойни.	280	“	233	“	261	“
От других предвиденных источников.	610	30	212	92	121	“
Израсходовано всего.	8474	9	8367	16	7857	66
Из них главные статьи расхода: На содержание должностных лиц слободского правления, учителей, духовенства, полицейских служителей и сторожей.	4424	75	4287	72	4565	10
На канцелярские расходы слободского правления, учебные пособия, лирической слободской школы и на пособие школы благотворительного общества.	721	72	741	29	652	18
На ремонт зданий, принадлежащих обществу, отопление и освещение их, освещение улиц и ремонт пожарного инструмента.	1705	53	1612	3	888	16
На остальные потребности: ремонт оград вокруг бульваров, исправление и мощение улиц, устройство и ремонт лавок базарной площади, и другие расходы...	1922	9	1726	12	1752	22

В 1899 г. через 15 лет с момента подачи ходатайства о преобразовании слободы Нальчик в город, власти предложили населению решить вопрос об учреждении должности помощника полицейского пристава в слободе и выделении средств на его содержание, для чего было необходимо ежегодно дополнительно собирать со слобожан 800 руб. 7 марта 1899 г. этот вопрос был вынесен на общественное обсуждение слободского управления. После небольшой дискуссии был составлен приговор, подписанный 162 домовладельцами, имеющими право голоса. Общество единогласно отказалось от принятия финансовой ответственности на содержание помощника пристава из-за недостатка средств [ЦГА РСО–Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 404. Л. 10].

Таким образом, иницируемый слобожанами вопрос о присвоении слободе статуса города был жителями коллективно «провален». После этого вопрос о присвоении слободе Нальчик статуса города был рассмотрен и областным правлением. Начальник Нальчикского округа представил в правление общественный приговор жителей слободы, выражавший несогласие с изменением статуса. Вследствие этого областное правление вынесло постановление, рекомендовав-

шее оставить слободу Нальчик в её существующем положении и не присваивать ей городской статус [ЦГА РСО–Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 404. Л. 12].

Заключение

Несмотря на многообразие точек зрения о дате основания Нальчика, следует отменить, что он прошёл длительный путь развития от военного укрепления с рубежа 1810-1820 гг. до слободы, ставшей в начале 60-х гг. административным и культурным центром Кабардинского (Нальчикского) округа. Исследование проектов преобразования слободы Нальчик в город в середине 80-х гг. XIX в. дает возможность расширить наши представления о сложном процессе взаимодействия местного самоуправления и имперских властей. Анализ архивных документов показывает не только стремление жителей слободы к городскому образу жизни, желание получить льготы, предоставляемые горожанам Российской империи, но и то, что оно не сопровождалось глубоким пониманием юридических и финансовых последствий такой трансформации. Неготовность нести возросшее налоговое бремя стала ключевым фактором, который привел к отказу от идеи преобразования слободы в город.

Примечательно, что окружная, областная и кавказская администрации, в целом, поддержали инициативу слобожан, что свидетельствует о потенциальной выгоде такого преобразования для региона. Этот нереализованный проект обнажает противоречия в общественном сознании жителей слободы, с одной стороны, проявляется стремление к самоорганизации и решению вопросов самоуправления по общероссийскому образцу; и выявляет неготовность к принятию сопутствующих финансовых и юридических обязательств, с другой.

Таким образом, несмотря на поддержку администрации, инициатива жителей Нальчика в середине 80-х гг. XIX в. о преобразовании слободы в город оставалась профессионально не проработанной. Потенциальные преимущества трансформации слободы в город, такие как ускорение экономического и социокультурного развития, более эффективная интеграция в общероссийское пространство, остались нереализованными. Проанализированный в статье общественный приговор схода жителей слободы Нальчик от 1899 г., выражавший их несогласие с изменением статуса, и последующее постановление областного правления оставили существующее положение Нальчика в статусе слободы. Этот исторический эпизод подчеркивает сложность модернизационных процессов на периферии Российской империи, где взаимодействие местных инициатив и государственной политики не всегда приводило к ожидаемым результатам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ахматова, Муратова 2021 – *Ахматова А.З., Муратова Е.Г.* Начальник нальчикского округа терской области Д.А. Вырубов: штрихи к портрету // «История и культура народов Юга России» (Грозный, 2021). Всероссийская научно-практическая конференция студентов и молодых ученых «История и культура народов Юга России», 31 марта ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет». – Грозный: Издательство ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», 2021. – С. 59–69.

Административная практика 2012 – Административная практика российской империи на центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии). Сборник документов. / Сост. Е.И. Кобахидзе. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 554 с.

- АКАК – Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Тифлис, 1878 г. Т. 7. XII. – 1011 с.
- Бейтуганов 1993 – *Бейтуганов С.Н.* Кабарда и Ермолов. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 304 с.
- Бейтуганов 2007 – *Бейтуганов С.Н.* Кабарда: история и фамилии. Нальчик: Эльбрус, 2007. – 782 с.
- Бушуев 1956 – *Бушуев С.К.* Из истории русско-кабардинских отношений. – Нальчик: Кабардинское княжеское издательство, 1956. – 192 с.
- Битова 2005 – *Битова Е.Г.* Модели интеграции этнополитических образований Кабарды и Балкарии в политико-административную систему Российской империи (первая половина XIX в.) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2005. – № 1. – С. 30–34.
- Волова 2017 – *Волова Л.А.* Международная коммуникация на Северном Кавказе. Русская культура как системообразующий фактор межнационального взаимодействия на Северном Кавказе: сб. науч. тр. – М.: Институт Наследия, 2017. – С. 101–130.
- Думанов 1990 – *Думанов Х.* Сколько лет Нальчику // Советская молодежь. 1990. 1 июня.
- Думанов 1991a – *Думанов Х.М.* Нальчику 246 лет // Адыги. – 1991. – № 2. – С. 150–153.
- Думанов 1991b – *Думанов Х.* Из истории г. Нальчика // Советская молодежь. 1991. 22 ноября.
- Думанов, Мамбетов 1997 – *Думанов Х., Мамбетов Г.* Нальчик значительно старше // Кабардино-Балкарская правда 1997. 19 сентября.
- Думанов, Гугов, Мамбетов 1998 – *Думанов Х., Гугов Р., Мамбетов Г.* Какого возраста мой город? // Кабардино-Балкарская правда 1998. 8 сентября.
- Думанов 2004 – *Думанов Х.* Нальчику – 280 лет // Кабардино-Балкарская правда 2004. 4 марта.
- Дзагов 2015 – *Дзагов Р.Н.* Полиэтническое население Нальчика: опыт экономической адаптации и интеграции (XIX – начало XX в.) // Социально-политические и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI–XX в.: направления и динамика интеграционных процессов. Сборник научных статей по материалам региональной научной интернет-конференции (г. Нальчик 19–30 октября 2015г.). – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – С. 164–175.
- Дзагов 2014 – *Дзагов Р.Н.* Традиции хозяйственно-экономического взаимодействия полиэтнического населения Нальчика // Город в этнокультурном пространстве народов Кавказа. Материалы X Конгресса этнографов и антропологов России. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2014. – С. 81–93.
- Дзуганов 2023 – *Дзуганов Т.А.* Очерки истории торговли и предпринимательства в Нальчикском округе. – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2023. – 196 с.
- Дзуганов 2021 – *Дзуганов Т.А.* Предпринимательские практики в слободе Нальчик (вторая половина XIX – начало XX в.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 3. – С. 82–110.
- История России 2001 – История России. XIX век. В 2-х ч. / Под ред. В.Г. Тюкавкина. М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 2001. Ч. 2. – 352 с.
- Край наш Ставрополье 1999 – Край наш Ставрополье: Очерки истории/ проф. Д. В. Кочура и проф. В.П. Невская. – Ставрополь: Шат-гора, 1999. – 528 с.
- Кабанов 1950 – *Кабанов А.С.* Нальчик – столица Кабарды. – Нальчик: Кабгоиздат, 1950. – 170 с.
- Кабанов 1960 – *Кабанов А.С.* Нальчик – столица советской Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Кабардино-балкарское кн. изд-во, 1960. – 124 с.
- Кармов 2025 – *Кармов Р.К.* Найден фрагмент карты крепости Нальчик // Кабардино-Балкарская правда. – 2025. – № 32 (25891). – 15 марта. – С. 12.
- Кармов 2013 – *Кармов Р.К.* Нальчик – от аула до крепости // Кабардино-Балкарская правда. – 2013. – № 27 (23569) 27 (23569). – 14 февраля. – С. 3.
- Кумыков 1969 – *Кумыков Т.Х.* Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX века. – Нальчик: Эльбрус, 1969. – 272 с.

Кузьминов 2024 – Кузьминов П.А. Становление культурно-просветительских организаций в Кабарде в конце XIX – начале XX вв. на страницах периодической печати Терской области // Роль империй нового времени в истории и судьбах народов Кавказа (к 250-летию Кючук-Кайнарджийского мирного договора): материалы международной научно-практической конференции (Ставрополь, 26–27 сентября 2024 г.). – Ставрополь: Ставропольское издательство «Параграф», 2024. – С. 100–109.

Лавров 2005 – Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Балкария: Страницы прошлого. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2005. – С. 17–114.

Прасолов 2014 – Прасолов Д.Н. Город как фактор этнокультурных трансформаций в традиционном кабардинском обществе // Город в этнокультурном пространстве народов Кавказа: Материалы X Конгресса этнографов и антропологов России / Российская академия наук, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – Москва, 2014. – С. 34–47

Прасолов 2016 – Прасолов Д.Н. Нальчик и кабардинское общество в XIX – начале XX в. // Уральский исторический вестник. – 2016. – № 3. – С. 52–61.

Саблиров 2001 – Саблиров М.З. Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX в. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 176 с.

Тхамокова 2018 – Тхамокова И.Х. Этносоциальный облик Нальчика по материалам переписи населения 1897 г. // Философия и культура. – 2018. – № 8. – С. 103–107.

Тютюнина 2018 – Тютюнина Е.С. Екатериноградская: страницы истории (1722–2017). – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфис и Т»), 2018. – 104 с.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

Урушадзе 2014 – Урушадзе А.Т. Нальчикская школа: трудный путь к открытию // Город в этнокультурном пространстве народов Кавказа. Материалы X Конгресса этнографов и антропологов России / Отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2014. – С. 322–327.

ЦГА РСО–Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия–Алания.

REFERENCES

AKHMATOVA A.Z., MURATOVA E.G. *Nachal'nik nal'chikskogo okruga terskoi oblasti D.A. Vyubov: shtrikhi k portretu* [D.A. Vyubov, Head of the Nalchik District of the Terek Region]. In: «Istoriya i kul'tura narodov Yuga Rossii» (Groznyi, 2021). Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya studentov i molodykh uchenykh «Istoriya i kul'tura narodov Yuga Rossii», 31 marta FGBOU VO «Chechenskii gosudarstvennyi universitet». – Groznyi: Izdatel'stvo FGBOU VO «Chechenskii gosudarstvennyi universitet», 2021. – P. 59–69. (In Russ.).

Administrativnaya praktika rossiiskoi imperii na tsentral'nom Kavkaze s kontsa XVIII v. do 1870 g. (na materiale Osetii) [Administrative practice of the Russian Empire in the Central Caucasus from the end of the 18th century to 1870 (based on the material of Ossetia)]. Sbornik dokumentov / Sost. E.I. Kobakhidze. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2012. – 554 p. (In Russ.).

Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. V 12 t. Tiflis, 1878 g. T. 7. XII. – 1011 p. (In Russ.).

BEITUGANOV S.N. *Kabarda i Ermolov* [Kabarda and Yermolov]. – Nal'chik: El'brus, 1993. – 304 p. (In Russ.).

BEITUGANOV S.N. *Kabarda: Istoriya i Familii* [Kabarda: History and Family Names]. Nal'chik: Elbrus, 2007. – 782 p. (In Russ.).

BUSHUEV S.K. *Iz istorii russko-kabardinskikh otnoshenii* [From the history of Russian-Kabardian relations]. – Nal'chik: Kabardinskoe knyazheskoe izdatel'stvo, 1956. – 192 p. (In Russ.).

BITOVA E.G. *Modeli integratsii etnopoliticheskikh obrazovaniy Kabardy i Balkarii v politiko-administrativnuyu sistemu Rossiiskoi imperii (pervaya polovina XIX v.)* [Models of integration of the ethnopolitical entities of Kabarda and Balkaria into the political and administrative system of the Russian Empire (first half of the 19th century)]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki.* – 2005. – № 1. – P. 30–34. (In Russ.).

- DUMANOV KH.M. Nal'chiku 246 let [Nalchik is 246 Years Old]. In: Adygi. – 1991. – № 2. – P. 150–153. (In Russ.).
- DUMANOV KH. 1900 – Dumanov Kh. Skol'ko let Naltchiku [How Old is Nalchik]? Sovetskaya molodezh', June 1, 1990. (In Russ.).
- DUMANOV KH. 1901 – Dumanov Kh. Iz istorii g. Naltchika [From the History of Nalchik City]. Sovetskaya molodezh', November 22, 1991. (In Russ.).
- DUMANOV KH., MAMBETOV G. 1997 – Dumanov Kh., Mambetov G. Naltchik znachitel'no starshe [Nalchik Is Much Older]. Kabardino-Balkarskaya Pravda, September 19, 1997. (In Russ.).
- DUMANOV KH., Gugov R., Mambetov G. 1998 – Dumanov Kh., Gugov R., Mambetov G. Kakogo vozrasta moy gorod? [What Is My City's Age]? Kabardino-Balkarskaya Pravda, September 8, 1998. (In Russ.).
- DUMANOV KH. 2004 – Dumanov Kh. Naltchiku – 280 let [Nalchik Turns 280 Years Old]. Kabardino-Balkarskaya Pravda, March 4, 2004. (In Russ.).
- DZAGOV R.N. *Polietnichnoe naselenie Nal'chika: opyt ekonomicheskoi adaptatsii i integratsii (XIX – nachalo XX v.)* [The Polyethnic Population of Nalchik: Experience of Economic Adaptation and Integration (19th – Early 20th Centuries)]. In: Sotsial'no-politicheskie i kul'turnoe prostranstvo Tsen-tral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza v XVI-XX v.: napravleniya i dinamika integratsion-nykh protsessov. Sbornik nauchnykh statei po materialam regional'noi nauchnoi internet-konferentsii (g. Nal'chik 19–30 oktyabrya 2015g.). – Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2015. – P. 164–175. (In Russ.).
- DZAGOV R.N. *Traditsii khozyaistvenno-ekonomicheskogo vzaimodeistviya polietnicheskogo naseleniya Nal'chika* [Traditions of Economic Cooperation among the Polyethnic Population of Nalchik]. In: Gorod v etnokul'turnom prostranstve narodov Kavkaza. Materialy KH Kongressa etnografov i antropologov Rossii. – M.: Institut etnologii i antropologii RAN, 2014. – P. 81–93. (In Russ.).
- DZAGOV R.N. *Polietnichnoe naselenie Nal'chika: opyt ekonomicheskoi adaptatsii i integratsii (XIX – nachalo XX v.)* [The Polyethnic Population of Nalchik: Experience of Economic Adaptation and Integration (19th – Early 20th Centuries)]. In: Sotsial'no-politicheskie i kul'turnoe prostranstvo Tsen-tral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza v XVI-XX v.: napravleniya i dinamika integratsion-nykh protsessov. Sbornik nauchnykh statei po materialam regional'noi nauchnoi internet-konferentsii (g. Nal'chik 19–30 oktyabrya 2015g.). – Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2015. – P. 164–175. (In Russ.).
- DZUGANOV T.A. *Ocherki istorii trgovli i predprinimatel'stva v Nal'chikskom okruge* [Essays on the History of Trade and Entrepreneurship in the Nalchik District]. – Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2023. – 196 p. (In Russ.).
- DZUGANOV T.A. *Predprinimatel'skie praktiki v slobode Nal'chik (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Entrepreneurial Practices in the Village of Nalchik (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2021. – № 3. – P. 82–110. (In Russ.).
- HISTORY OF RUSSIA 2001 – Istoriya Rossii. XIX vek. V 2-h ch. [History of Russia. The 19th Century. In two parts]. Ed. by V.G. Tyukavkin. Moscow. Humanitarian Publishing Center VLA-DOS, 2001. Part 2. 352 pp. (In Russ.).
- Krai nash Stavropol'e: Ocherki istorii* [Our Region is Stavropol] / prof. D. V. Kochura i prof. V.P. Nevskaya. – Stavropol': Shat-gora, 1999. – 528 p. (In Russ.).
- KABANOV A.S. *Nal'chik – stolitsa Kabardy* [Nalchik is the Capital of Kabarda]. – Nal'chik: Kabgoizdat, 1950. – 170 p. (In Russ.).
- KABANOV A.S. *Nal'chik – stolitsa sovetskoi Kabardino-Balkarii* [Nalchik is the Capital of Soviet Kabardino-Balkaria]. – Nal'chik: izd-vo, 1960. – P. 25–29. (In Russ.).
- KARMOV R.K. *Naiden fragment karty kreposti Nal'chik* [The culture of the peoples of Kabarda and Balkaria in the late 19th – early 20th centuries]. In: Kabardino-Balkarskaya pravda. – 2025. – № 32 (25891). – 15 marta. – P. 12. (In Russ.).
- KARMOV R.K. *Nal'chik – ot aula do kreposti* [Nalchik – from a village to a fortress] // Kabardino-Balkarskaya pravda. – 2013. – № 27 (23569) 27 (23569). – 14 fevralya. – P. 3. (In Russ.).
- KUMYKOV T.KH. *Kul'tura, obshchestvenno-politicheskaya mysl' i prosveshchenie Kabardy vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [Culture, Social and Political Thought, and Education in

Kabarda in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries]. – Nal'chik: El'brus, 1969. – 272 p. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A. *Stanovlenie kul'turno-prosvetitel'skikh organizatsii v Kabarde v kontse XIX – nachale XX vv. na stranitsakh periodicheskoi pechati Terskoi oblasti* [The Emergence of Cultural and Educational Organizations in Kabarda in the Late 19th and Early 20th Centuries in the Periodical Press of the Terek Region]. In: Rol' imperii novogo vremeni v istorii i sud'bakh narodov Kavkaza (k 250-letiyu Kyuchuk-Kainardzhiiskogo mirnogo dogovora): materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', 26–27 sentyabrya 2024 g.). – Stavropol': Stavropol'skoe izdatel'stvo «Paragraf», 2024. – P. 100–109. (In Russ.).

LAVROV L.I. *Karachai i Balkariya do 30-kh godov XIX v.* [Karachay and Balkaria before the 1830s]. In: Balkariya: Stranitsy proshlogo. – Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2005. – P. 17–114. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *Gorod kak faktor etnokul'turnykh transformatsii v traditsionnom kabardskom obshchestve* [The City as a Factor in Ethnocultural Transformations in Traditional Kabardian Society]. In: Protsessy urbanizatsii i formirovanie novykh territorial'nykh struktur na Severnom Kavkaze: Materialy X Kongressa etnografov i antropologov Rossii [Proceedings of the X Congress of Russian Ethnographers and Anthropologists: The City in the Ethnocultural Space of the Peoples of the Caucasus]. Russian Academy of Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maklai. In: Moscow, 2014. Pp. 34–47. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *Nal'chik i kabardinskoe obshchestvo v XIX – nachale XX v.* [Nalchik and the Kabardian society in the 19th – early 20th centuries A fragment of the Nalchik fortress map has been found]. In: Ural'skii istoricheskii vestnik. – 2016. – № 3. – P. 52–61. (In Russ.).

SABLIROV M.Z. *Kul'tura narodov Kabardy i Balkarii v kontse XIX – nachale XX v.* [The ethnosocial image of Nalchik based on the 1897 census data]. In: – Nal'chik: El'brus, 2001. – 176 p. (In Russ.).

SOBLIROVA K.R. *Mesto i rol' provintsial'nogo goroda v rossiiskom sotsiokul'turnom prostranstve: na materialakh g. Nalchik 20-kh gg. XIX – 30-kh gg. XX v.* [Place and Role of Provincial City in Russian Socio-Cultural Space Based on Materials from Nalchik City of the 1820s to the 1930s]. Vladikavkaz: 2011. 22 pp. (In Russ.).

TKHAMOKOVA I.KH. *Etnosotsial'nyi oblik Nal'chika po materialam perepisi naseleniya 1897 g.* [Ekaterinogradskaya: pages of history (1722–2017)]. In: Filosofiya i kul'tura. – 2018. – № 8. – P. 103–107. (In Russ.).

TYUTYUNINA E.S. *Ekaterinogradskaya: stranitsy istorii (1722–2017)* [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh (ООО «Poligrafis i T»), 2018. – 104 p. (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Nalchik School: A Difficult Path to Discovery]. (In Russ.).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russ.).

Сведения об авторах

Р.Д. Скрипкин – ассистент кафедры.

М.Х. Гугова – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

R.D. Skripkin – an assistant professor.

M.Kh. Gugova – Candidate of Sciences (History), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.09.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 10.09.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Ретрагировано 22.04.2026 г.

Научная статья
УДК 94 (479.22) : 18/19''
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-104-123
EDN: ECUCCV

Ретрагировано 22.04.2026 г.

ОРГАНИЗАЦИЯ БЫТА ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН
КАВКАЗСКОГО КРАЯ ПОСЛЕ ПРОВЕДЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ
РЕФОРМ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Алмаз Мусаевна Исмаилова

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия, almaz.ismailova@mail.ru, [https:// orcid.org/0000-0003-3562-3032](https://orcid.org/0000-0003-3562-3032)

Ретрагировано 22.04.2026 г.

Аннотация. В статье анализируются сложные положения аграрных реформ в Кавказском крае, оказавших дальнейшее влияние на жизнь и быт государственных крестьян региона, отмечаются отдельные изменения в их жизни. Указываются причины, определившие необходимость проведения крестьянской реформы в крае, а также введения новых правил в наделенно-земельных отношениях. На основе архивных источников и литературы рассматриваются последствия реформ на экономическую жизнь государственных крестьян Кавказского края в исследуемый период. Отмечается также, что первые русские поселения в Кавказском крае сыграли большую роль в хозяйственной, социально-экономической и политической жизни региона. Выходцы из центральных районов страны слились с населением края, и их дальнейшее развитие проходило во взаимовлиянии во всех сферах жизни и деятельности. В статье предпринимается попытка проследить социально-экономическое положение государственных крестьян. От степени материального обеспечения этой огромной массы непосредственных производителей во многом зависело более или менее правильное и нормальное поступление государственных податей.

Ретрагировано 22.04.2026 г.

Ключевые слова: Кавказский край, государственные крестьяне, «Записки», крестьянская реформа, губернии, социально-экономическое развитие, феодально-крепостнические пережитки, усадебная оседлость.

Ретрагировано 22.04.2026 г.

Для цитирования: Исмаилова А.М. Организация быта государственных крестьян Кавказского края после проведения земельных реформ (вторая половина XIX – начало XX века) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 104-123. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-104-123. EDN: ECUCCV.

Ретрагировано 22.04.2026 г.

© Исмаилова А.М., 2025

Original article

Ретрагировано 22.04.2026 г.

THE ORGANIZATION OF THE LIVES OF STATE PEASANTS
IN THE CAUCASUS REGION AFTER LAND REFORMS
(SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

Almaz M. Ismailova

Dagestan State University, Russia, Makhachkala, almaz.ismailova@mail.ru,
[https:// orcid.org/0000-0003-3562-3032](https://orcid.org/0000-0003-3562-3032)

Ретрагировано 22.04.2026 г.

Abstract. The article analyzes the main provisions of the agrarian reforms in the Caucasus region, which had a further impact on the lives and daily routines of the region's state peasants, and highlights certain changes in their lives. The article also identifies the reasons that necessitated the implementation of the peasant reform in the region and the introduction of new rules in land relations. Based on archival sources and literature, the article examines the impact of reforms on the economic life of state peasants in the Caucasus region during the study period. It also notes that the first Russian settlements in the Caucasus region played a significant role in the economic, social, and political life of the region. The settlers from the central regions of the country merged with the local population, and their further development was influenced by various factors in all aspects of life and activities. The article attempts to trace the socio-economic situation of the state peasants. The more or less correct and normal collection of state taxes largely depended on the level of material support for this vast mass of direct producers.

Keywords: Transcaucasian region, state peasants, "Note", peasant reform, provinces, socio-economic development, feudal-serfdom remnants, estate settlement.

For citation: Ismailova A.M. The organization of the lives of state peasants in the Caucasus region after land reforms (second half of the 19th – early 20th centuries). In: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 104-123. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-104-123. EDN: ECUCCV.

© Ismailova A.M., 2025

Ретрагировано 22.04.2026 г.

Ретрагировано 22.04.2026 г.

Ретрагировано 22.04.2026 г.

Ретрагировано 22.04.2026 г.

Ретрагировано 22.04.2026 г.

Ретрагировано 22.04.2026 г.

Ретрагировано 22.04.2026 г.

Ретрагировано 22.04.2026 г.

Ретрагировано 22.04.2026 г.

Ретрагировано 22.04.2026 г.

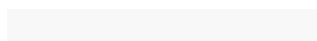
Ретрагировано 22.04.2026 г.

Ретрагировано 22.04.2026 г.

Ретрагировано 22.04.2026 г.

Ретрагировано 22.04.2026 г.

Ретрагировано 22.04.2026 г.

Ретрагировано 22.04.2026 г.

Ретрагировано 22.04.2026 г.

Ретрагировано 22.04.2026 г.

Ретрагировано 22.04.2026 г.

Научная статья

УДК 94(410).083/94(479.24)

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-124-136

EDN: ERRXOF

ДИСКУССИЯ В БРИТАНСКОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ ПО ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРВЕНЦИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ В ДЕКАБРЕ 1918 – МАРТЕ 1919 ГОДА

Михаил Александрович Максимов

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, maximovmgimo@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-7613-5491>

Аннотация. Статья посвящена событиям в Закавказье после поражения в Первой мировой войне Германии и Османской империи. Показана дискуссия в Военном совете и Имперском Военном совете по вопросу о выработке политики Великобритании в Закавказье в декабре 1918 г. – марте 1919 г. В конце 1917 г. Великобритания и Франция разделили сферы влияния на территории бывшей Российской империи, Закавказье стало входить в сферу геополитических интересов Великобритании. Ситуация в Закавказье осложнялась началом на территории бывшей Российской империи Гражданской войны и необходимостью для бывших союзников по Антанте определить свое отношение к поддержке российских антибольшевистских сил. Основные споры в английском правительстве по поводу военного участия в антибольшевистской борьбе в России развернулись между премьер-министром Д. Ллойд-Джорджем, предполагавшим совместное решение этой проблемы на мирных конференциях и назначенным им в январе 1919 г. государственным секретарем по военным делам У. Черчиллем, отстаивавшим позицию немедленной помощи Белому движению. На фоне сложных внутренних отношений между различными политическими силами в Закавказье и наличием проблем в самой Великобритании, политика Антанты в Закавказье была нерешительной, противоречивой и непоследовательной, что вылилось в марте 1919 г. в решении о выводе английских войск из региона. В выигрыше от этого оказалась Советская Россия, сумевшая разбить противников по всем фронтам и восстановить в Закавказье границы бывшей Российской империи.

Ключевые слова: Первая мировая война; Азербайджанская демократическая республика; Грузинская демократическая республика; английская интервенция в Закавказье; лорд Керзон; У. Черчилль; Д. Ллойд-Джордж; генерал У. Томсон.

Для цитирования: Максимов М.А. Дискуссия в британском правительстве по вопросу об интервенции в Закавказье в декабре 1918 – марте 1919 года // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 124-136. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-124-136. EDN: ERRXOF.

© Максимов М.А., 2025

Original article

DISCUSSION IN THE BRITISH GOVERNMENT ON THE ISSUE OF INTERVENTION IN TRANSCAUCASIA IN DECEMBER 1918 – MARCH 1919

Mikhail A. Maksimov

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, maximovmimo@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-7613-5491>

Abstract: The article is devoted to the events in Transcaucasia after the defeat of Germany and the Ottoman Empire in the First World War. The discussion in the Military Council and the Imperial Military Council on the development of British policy in Transcaucasia in December 1918 – March 1919 is shown. At the end of 1917, Great Britain and France divided their spheres of influence on the territory of the former Russian Empire, and Transcaucasia began to enter the sphere of Britain's geopolitical interests. The situation in Transcaucasia was complicated by the outbreak of Civil War in the territory of the former Russian Empire and the need for the former Entente allies to determine their attitude towards supporting Russian anti-Bolshevik forces. The main disputes in the British government over military involvement in the anti-Bolshevik struggle in Russia unfolded between Prime Minister D. Lloyd George, who envisioned a joint solution to this problem at peace conferences, and Secretary of State for Military Affairs appointed by him in January 1919. Churchill, who defended the position of immediate assistance to the White Movement. Against the background of complex internal relations between various political forces in Transcaucasia and the presence of problems in Great Britain itself, the Entente's policy in Transcaucasia was indecisive, contradictory and inconsistent, which resulted in the decision to withdraw British troops from the region in March 1919.. Soviet Russia benefited from this, having managed to defeat its opponents on all fronts and restore the borders of the former Russian Empire in Transcaucasia

Keywords: World War I, Azerbaijan Democratic Republic, Georgian Democratic Republic, British intervention in Transcaucasia, Lord Curzon, W. Churchill, D. Lloyd-George, General W. Thompson.

For citation: Maksimov M.A. Discussion in the British government on the issue of intervention in Transcaucasia in December 1918 – march 1919. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 124-136. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-124-136. EDN: ERRXOF.

© Maksimov M.A., 2025

Окончание Первой мировой войны застало врасплох британское правительство и военное командование, которые еще летом 1918 г. разрабатывало планы военной кампании на 1919 г. Развал Русской армии и сепаратный мир большевиков с Германией и ее союзниками в Брест-Литовске до крайности усложнили армиям Антанты достижение их цели на главном – германском – фронте. Премьер-министр Д. Ллойд-Джордж в августе-сентябре даже всерьез рассматривал предложение известного оружейного торговца В. Захарова (Б. Захароффа) о сепаратном мире с Османской империей через Энвера-пашу [Ллойд-Джордж 1957: 170]. Захват турецко-азербайджанской армией Баку 15 сентября 1918 г. и ее быстрое продвижение в Дагестан лишь усилили опасения англичан относительно затягивания военных действий на всех фронтах Мировой войны [Михайлов 2011: 27-28]. Тем не менее, стремительное падение Болгарии, последовавший за ним кризис в Османской империи, завершившийся подписанием Мудросского перемирия 30 октября и, наконец, поражение Германии в ноябре, перевернули все планы и расчеты военных и политиков Антанты. Перед ними встала задача овладения плодами своей внезапной победы, что в условиях мирового масштаба конфликта оказалось делом непростым.

Закавказье не входило в непосредственную зону проведения боевых действий Великобритании, поэтому после распада Российской империи в конце 1917 г. военные и политики не смогли сразу определить свое отношение к закавказским постимперским новообразованиям – Закавказскому комиссариату и Сейму – и образованным в мае 1918 г. независимым государствам – Азербайджанской, Грузинской и Армянской республикам. Для противодействия турецким силам на Кавказе, которые после развала русского Кавказского фронта начали продвижение на захваченные в ходе войны Россией территории, угрожая всему Закавказью, британский Генеральный штаб решил в декабре 1917 г. послать военных советников для помощи в организации местных антитурецких сил. Поскольку официальная позиция правительства в отношении большевистского правительства была еще не определена, все операции на Кавказе велись секретно и исключали участие британских военных в любых боевых действиях. При этом условия материальной помощи стран Антанты Белому движению хорошо иллюстрирует декабрьское заявление французского генерала Ф. Д'Эспере, который предложил не только совместно платить за вербовку Белых армий, но и гарантировать русский рубль, за что союзники должны будут «в качестве обеспечения получить все ресурсы страны» [Ллойд-Джордж 1957: 298]. Это предложение, по сути, и предопределило негласно политику всех дальнейших усилий стран Антанты по «наведению порядка» на территории бывшей Российской империи.

В январе 1918 г. английский военный агент в Тифлисе полковник Д.Д. Пайк получил задание использовать финансовую помощь Закавказскому комиссариату для организации грузинских и армянских добровольческих отрядов и частичной реставрации антитурецкого Кавказского фронта. Суммы, направленные Д.Д. Пайку и которыми он мог распоряжаться по своему усмотрению, составляли 5 млн. рублей, из которых 150 тысяч были отправлены на Кубань генералу Л.Г. Корнилову, который начал вести антибольшевистскую борьбу [Лобанов 2022b: 231]. Английские деньги для Грузии оказались потраченными напрасно, поскольку весной 1918 г. грузинские лидеры начали переговоры о протекторате и военной помощи с Германией, что вылилось в заключение в конце мая соответствующего германо-грузинского договора и прибытии в Грузию германских вооруженных сил. Миссия Д.Д. Пайка была вынуждена бежать из Тифлиса во Владикавказ, где Д.Д. Пайк продолжил более тесное сотрудничество с терскими антибольшевистскими силами.

В августе 1918 г. полковник Д.Д. Пайк был убит случайной пулей во время взятия терской столицы терско-осетинскими силами. Несколько членов его миссии были захвачены большевиками и перевезены в Москву, где стали участниками процесса Б. Локкарта. Сам шпионский процесс обострил англо-большевистские отношения, ускорив начало прямой военной интервенции Великобритании в России. 6 августа 1918 г. английские войска высадились в Архангельске. На Кавказ также была направлена из Персии миссия генерала Л. Денстервилля, однако ее малочисленность не позволила отстоять в сентябре Баку [Михайлов 2006: 202-205], и до окончания Мировой войны британские военные не участвовали в закавказских событиях.

Первая относительно четкая позиция английского правительства по отношению к российским событиям была представлена в меморандуме от 13 ноября

1918 г. главы британского Генерального штаба генерала Г. Уилсона, представленном правительству 16 ноября. Г. Уилсон предложил три различные политические и военные линии. Первая состояла в том, чтобы вывести с российской территории все английские и союзнические войска, но при этом, создать на западных и южных границах большевистской России «санитарный кордон» из независимых государств. Эта линия, по мнению Г. Уилсона, была сопряжена с опасностью победы большевизма в России и его дальнейшего распространения. Вторая линия предполагала прямую военную интервенцию с целью свержения власти большевиков. Г. Уилсон при этом сделал замечание, что проведение этой линии потребует от Антанты значительных ресурсов, что делает ее малореализуемой, особенно в условиях наступающей зимы. Третья (наиболее реалистичная, по мнению генерала) линия состояла в финансовой и материальной поддержке Белого движения и выводе союзных сил из России после того, как антибольшевистские силы станут способны самостоятельно решить свою основную задачу по взятию власти.

В отношении Северного Кавказа и Закавказья Г. Уилсон указывал на наличие значительных антибольшевистских сил на Северном Кавказе и на Дону, нуждавшихся в боевой технике, оружии и боеприпасах, для переправки которых требовался захват черноморских портов. Английские силы в Закаспии Г. Уилсон предлагал немедленно и полностью вывести, поскольку с открытием Черного моря опасность для Каспия и «индийского транзита» будет устранена. Замечательна мысль генерала, что «дружественная нам Турция станет эффективным барьером против экспансии Центральных держав на восток». Возможность «угрозы Каспию» со стороны Советской России, то есть Астрахани и большевистского флота на Каспии Г. Уилсон почему-то совершенно упустил, как и принципы отношений с фактически отделившимися от России закавказскими республиками.

Основные споры в английском правительстве по поводу военного участия в антибольшевистской борьбе в России развернулись между премьер-министром Д. Ллойд-Джорджем и назначенным им в январе 1919 г. государственным секретарем по военным делам У. Черчиллем [Михайлов 2017: 170]. У. Черчилль в основном поддерживал Д.Н. Керзон, и, частично, А. Бальфур, премьер-министр имел более массовую поддержку, однако, четырехлетняя война привела к тому, что высшее военное командование могло часто принимать оперативные решения, не ожидая правительственного подтверждения. У. Черчилль вполне воспользовался этой возможностью, так что английская антибольшевистская интервенция, после ее неутешительного окончания, была названа в английской прессе «личной войной Черчилля» [Kopisto 2011: 67], а Роберт Сесиль назвал в Палате общин воинственный антибольшевизм – «черчиллианизмом».

Д.Н. Керзон, по словам Д. Ллойд-Джорджа, «особенно был поглощен заботой о том, чтобы уберечь Грузию от заражения большевизмом. Особую любовь он проявлял к Кавказу... и до конца боролся, чтобы английские войска остались в Грузии» [Ллойд-Джордж 1957: 282-282]. Кроме того, Д.Н. Керзон был самым ярким сторонником окончательного решения вопроса «угрозы Индии», которое он полагал осенью 1918 г. в осуществлении четырех пунктов послевоенного

устройства на Востоке: 1. восстановление Персии в качестве буферного государства; 2. отторжение от Турции Константинополя и района Проливов; 3. поддержка независимости новых государств Закавказья и 4. сохранение сильного британского контингента в Батуми [Nicolson 1934: 32].

Однако позиция Д.Н. Керзона могла вступить в противоречие с союзными требованиями в отношении как османского наследства, так и «равноправием» в других частях Ближнего и Среднего Востока. А. Бальфур поддерживал желание французских лидеров создать «санитарный кордон» на границах России, и с этой стороны он стоял за признание закавказских новообразований. Но это сталкивало его позицию как с желанием У. Черчилля всемерно сотрудничать с А.И. Деникиным, П.Н. Красновым и А.В. Колчаком, так и с позицией Д. Ллойд-Джорджа, который также не спешил с признанием Закавказья, больше ориентируясь на позицию союзников по Антанте. В результате обсуждения проблемы на заседании Военного совета 14 ноября 1918 г., было принято двойственное решение: послать в Закавказье войска для захвата железнодорожной линии Баку-Батум, с одной стороны, и послать миссию для установления прямого военного сотрудничества с генералом А. Деникиным, с другой.

Это решение привело к тому, что в Баку из Персии был направлен с небольшой военной миссией генерал У. Томсон, задачей которого было сохранение гражданского порядка в важном «нефтяном» районе до того времени, когда страны Антанты смогут выработать свою политику в регионе, в том числе, учитывая революционные события в России, что в условиях начавшейся Гражданской войны, было делом нелегким. 17 ноября 1918 г. войска под командованием У. Томсона вошли в Баку [Михайлов 2006: 18], а 21 ноября для очищения от турок Батума сюда была направлена 27-я дивизия под началом генерала Д. Форресте-Уолкера из состава месопотамской армии генерала Д. Милна, которая прибыла в Батум 27 декабря [Sargent 2004: 60]. Общее число британских военных в Закавказье в январе 1919 г. составило около 20 тысяч человек. Англичане полностью взяли на себя полицейскую и пограничную службу, охрану железных дорог и портов, под контроль были взяты Каспийская военная флотилия [Лобанов, Михайлов 2019: 38] и Черноморский флот. При этом, британское присутствие в Закавказье изначально рассматривалось как временное.

В декабре 1918 г. Военный совет послал к А.И. Деникину военную миссию во главе с генерал-майором Ф. Пулом, прибывший в Новороссийск 20 января 1919 г. Во время торжественной встречи с лидерами Добровольческой армии Ф. Пул заявил: «У нас с вами одни и те же стремления, одна и та же цель – воссоздание Единой России... Я послан своей страной, чтобы узнать, как и чем вам можно помочь...» [Деникин 1925: 37]. Ф. Пул сразу же начал бомбардировать свое правительство запросами о присылке значительных сил, причем, его данные о количестве деникинских войск разительно отличались от данных разведки и даже от тех, которые он сам представлял А.В. Колчаку. Так, Ф. Пул сообщал, что в январе 1919 г. под ружьем у А.И. Деникина было 130 000 человек, и за месяц это количество может быть удвоено. На основании этих цифр Ф. Пул требовал от своего правительства соответствующего количества амуниции и вооружения. При этом, по сведениям французской разведки, в Вооруженных силах Юга России в это время

было около 50 000 человек и 83 орудия, из которых лишь половина была в рабочем состоянии. Эти противоречия в данных, а также неумеренные обещания, раздаваемые им лидерам Белого движения от имени британского правительства, привели к отъезду Ф. Пула в феврале 1919 г.

С самого начала английская политика в Закавказье оказалась перед необходимостью сотрудничать в двух взаимоисключающих направлениях: поддержки независимых закавказских новообразований, с одной стороны, и поддержки антибольшевистской борьбы Белого движения, отстаивавшего принцип единой и неделимой России, с другой.

В Закавказье политическая и военная ситуация складывалась слишком не просто, чтобы малыми силами разрешить все противоречия. В конце 1918 г. здесь шли армяно-грузинская война за несколько районов со смешанным населением, грузино-деникинская война в Черноморской губернии, были образованы Кавказско-Каспийское правительство Л.Ф. Бичерахова, которое считало Баку своим регионом, Карская и Араз-тюркская мусульманские республики, Ленкоранская советская республика. Обострились традиционные азербайджано-армянские Карабахская и Нахичеванская проблемы, армянские требования в отношении Турции по созданию Западной Армении также осложнили взаимоотношения союзников-победителей. Наиболее показателен пример отношений англичан с Л.Ф. Бичераховым.

19 октября 1918 г. созданный Л.Ф. Бичераховым съезд делегатов от Дагестана, Терека, Закаспия и Мугани утвердил положение о Кавказско-Каспийском союзе областей, в состав которого вошли девять представителей (двое от Терского Казачье-Крестьянского правительства, двое от Закаспийского исполнительного комитета, двое от Мугани и Ленкорани и по одному от городов Петровска и Дербента и Армянского национального совета)... Здесь же было объявлено об избрании Временного Союзного правительства» [Безугольный 2011: 140-141], которое позже чаще всего именовалось Кавказско-Каспийским правительством. Основным «делопроизводителем» правительства стал выдающийся российский дипломат, историк и этнограф В.Ф. Минорский, автор множества исследований о народах Кавказа, Персии и Азербайджана, который составил «основные учредительные документы нового правительства» [Безугольный 2011: 144]. Позиция Л.Ф. Бичерахова была удивительной. Будучи по национальности осетином, он являлся нестигаемым патриотом России, при этом, сохранив отряд для продолжения борьбы с турками в Закавказье, после «самодемобилизации Кавказской армии, он вошел в сношения с англичанами, получив от них весной 1918 г. звание английского генерала и полное материальное обеспечение своих войск для продолжения войны с Турцией и другими врагами британской короны в регионе.

После захвата Баку азербайджано-турецкой Армией ислама, он решил отстаивать российские интересы в каспийском регионе и Баку, однако, создание многочисленных «правительств» и «государств» в Дагестане и на Северном Кавказе, ориентированных на российских большевиков, белых лидеров, турок, страны Антанты, а также на «самоопределение» создали такую сложную военно-политическую обстановку, в которой найти хоть какое-либо единство было невозможно. В Баку генерал У. Томсон, сперва заявивший русскому сообществу города о

приверженности лозунгу «единой и неделимой», вскоре осознал, что эта платформа является слишком шаткой для «умиротворения» городских беспорядков, более того, создает условия для новых противостояний. Уже в январе он фактически входит в официальные сношения с правительством Азербайджанской демократической республики [Абдуллаев, Лобанов, Михайлов 2018: 84], обещая ему до решения мирной конференции противодействовать любым попыткам российских патриотов воссоздать старые властные формы в Закавказье. Л.Ф. Бичерахов, сперва приглашенный У. Томсоном в качестве военного представителя, был отстранен от выполнения этой работы, под благовидным предлогом приглашения посетить Великобританию, Л.Ф. Бичерахов 16 января 1919 г. был вынужден сложить с себя командование своим отрядом и подчиниться «почетному приглашению» [Безугольный 2011: 180].

В самой Великобритании также было политически очень беспокойно. В декабре 1918 г. прошли парламентские выборы, на которых 59 мест в Палате общин получили лейбористы, которые протестовали против интервенции в России. Хотя большинства они не получили, но, вместе с традиционной оппозицией в лице левых либералов, могли оказывать большое влияние на принятие решений. Консервативное большинство теперь было вынуждено учитывать это обстоятельство, особенно, перед лицом возможной «большевизации» парламентской оппозиции и ее союза с трейд-юнионами в случае прямой конфронтации в Палате общин [Kelly 2003: 157-158]. В результате Д. Ллойд-Джордж выработал, как ему казалось, безошибочную стратегию в отношении к России и ее «осколочных» новообразований: ссылаться при любом случае на будущие решения мирной конференции, как стратегические, оставляя за правительством тактические мероприятия, которые, по большей части, диктовались военными авторитетами и могли осуществляться без широкого общественного обсуждения и согласия.

При этом, на начавшейся Парижской мирной конференции перед ее участниками встало столь огромное количество трудноразрешимых вопросов, связанных с поражением Германии и ее союзников, репарациями, дележом германских колоний, распределением между победителями огромного австрийского и особенно османского территориального наследства, что приведение к согласию союзников лишь по этим вопросам требовало огромное количество времени и усилий дипломатии. Кроме того, все победившие страны столкнулись с чрезвычайно сложными вопросами демобилизации огромных армий, переводом экономики и общественной жизни на мирные рельсы, и все это на фоне идеологического наступления революционного большевизма, волновавшего рабочие и крестьянские массы лозунгами социальной справедливости и материального равенства. Начавшиеся с конца 1918 г. массовые забастовки английских рабочих, а также начало ирландской «освободительной революции» показали, что большевистская идеология обладает реальной политической и экономической силой не только в Европе, но даже в Великобритании.

Неудивительно, что Закавказье на этом фоне оказалось в самом далеком «дипломатическом» углу европейских проблем. В январе 1919 г. был расформирован Восточный комитет, работавший в рамках Имперского Военного Совета, формально, в связи с поражением Османской империи и отсутствием военной

угрозы для Индии. Впрочем, даже не слишком сильное в военном отношении и не слишком уверенное в политическом отношении присутствие Великобритании в Закавказье имело большое влияние на местную ситуацию. Несмотря на сильное желание большевиков вернуть себе бакинскую нефть, жизненно необходимую для Красной армии и флота, Закавказье, обеспеченное английским прикрытием, стало для них недостижимым.

У. Черчилль, влияние которого на Военный совет было чрезвычайно велико, в первую очередь, желал поражения большевикам, поэтому независимость Закавказья не была для него приоритетной задачей. Озабоченный материальным снабжением Белого движения, он рассматривал отвлечение сил и средств на обеспечение безопасности в Закавказье как бремя. Ему также импонировало мнение генерала Г. Уилсона об Османской империи как возможном союзнике Великобритании в борьбе с большевизмом в Азии. При этом, У. Черчилль, как и Г. Уилсон, совершенно упускал из виду возможность большевистского «ответного удара». Реальность большевистской угрозы на востоке показал случай с Афганистаном, когда после смерти эмира Хабибулы, его преемник Аманулла немедленно вступил в соглашение с большевиками и, под лозунгами панисламизма и большевистского декрета «освобождения Востока» сделал в мае 1919 года вылазку на Британскую Индию. Британские войска из Закаспия, которые могли бы одним своим присутствием остановить Аманулла, к этому времени были выведены, сохранив лишь маленький отряд в Красноводске [Sargent 2004: 33]. Но зимой 1919 г. У. Черчилль спешил высвободить силы для основного удара по большевикам, который, как он полагал, должны были нанести армии А.И. Деникина и А.В. Колчака.

В феврале 1919 г. У. Черчилль и Д. Ллойд-Джордж пришли к общему согласию в вопросе о выводе английских войск из Закавказья и замене их союзными контингентами, которые, по общему мнению англичан, должны были поучаствовать в обеспечении временного порядка на окраинах бывших Российской и Османской империй. При этом цели премьер-министра и военного министра были прямо противоположными. У. Черчилль хотел использовать политические и материальные выгоды вывода войск для снабжения и прямого военного участия в антибольшевистской борьбе в России. Д. Ллойд-Джордж, напротив, думал использовать вывод войск в целях снижения напряжения внутри страны и доказательства неучастия Великобритании в интервенции в России, поскольку лозунг «Руки прочь от России!» уже прозвучал в рядах политической оппозиции по поводу северной экспедиции англичан в Архангельске и Мурманске. 18 января 1919 г. в Лондоне был образован комитет с соответствующим названием. Нежелание премьер-министра иметь дело с белыми в качестве военных союзников показывает его выступление в апреле в Палате общин, когда он в своей речи назвал А.В. Колчака генералом, а другого антибольшевистского лидера, которому Великобритания предоставила помощь, он назвал по имени города – «генералом Харьковым», очевидно, неправильно прочитав фамилию бывшего донского атамана П.Н. Краснова, которому британцы не помогали из-за его прогерманской позиции.

Так или иначе, премьер сообщал английской общественности о невмешательстве в российские дела до их обсуждения на мирной конференции и

публично обвинял У. Черчилля в «авантюризме», который уже привел британскую армию к галлиполийскому поражению, тем более что, по его мнению, рапорты из России имели совершенно неопределенный характер.

В свою очередь, У. Черчилль упрекал Д. Ллойд-Джорджа за пренебрежение российским вопросом и продолжал действовать за спиной правительства через Генеральный штаб. Так, командующему черноморскими силами генералу Д. Милну в начале февраля 1919 г. было передано предписание направить постоянную военную миссию для связи и координации действий с деникинскими Вооруженными силами Юга России, для чего в Екатеринодар был отправлен генерал-лейтенант Ч. Бриггс. Сообщение было организовано так, что сначала Ч. Бриггс должен был передавать данные Д. Милну в Константинополе, после чего информация о событиях в деникинских войсках шла из Константинополя в Лондон. Так У. Черчилль маскировал следы своего прямого участия в антибольшевистской борьбе на Кавказе и юге России. Более того, выбор главы миссии тоже несет следы конспирации, поскольку боевой кавалерийский генерал Ч. Бриггс ранее командовал корпусом в Салоникском союзном контингенте, он никогда не был в России, не знал русского языка, и своим назначением главой полутайной миссии был чрезвычайно удивлен. Очевидно, имея в виде негативный опыт генерала Ф. Пула, Ч. Бриггс осторожно вел себя в отношении белых генералов, не обещая им лишнего и не преувеличивая их возможностей перед своими шефами. По воспоминаниям П.Н. Краснова, встречавшегося с Ч. Бриггсом в январе-феврале 1919 г., на любой конкретный вопрос он отвечал: «Об этом я снесусь с Константинополем» [Краснов 1922: 18].

Еще хуже была позиция Ч. Бриггса для независимых закавказцев. 23 мая 1919 г. на встрече с представителями Грузии в Тифлисе Ч. Бриггс очень ясно выразил свое отношение к грузинской независимости. Из реплик генерала становится ясно, что основанием его позиции в отношении Грузии стало дурное поведение грузинских войск в Сочи и недовольство населения Сухумского округа: «Грузины поступают там хуже большевиков: отнимают дома, земли, производят социализацию и национализацию имущества» – сказал генерал... малые государства слишком слабы, они должны не враждовать, а наоборот – соединяться. Вам, вероятно, видно, что отдельная финансовая система разорительна, также будет и во всем остальном» [Морозова 2015: 117].

Это отношение не вызывает удивления, поскольку сам Д. Милн, бывший в Батуме и встречавшийся с лидерами закавказских республик, вынес из общения с ними самое негативное впечатление. В январе 1919 г. он писал в Лондон Генри Уилсону о том, что он уверен, что вывод британских войск приведет к анархии, но не считает, что мир много от этого потеряет, поскольку все, населяющие этот регион, только тем и занимаются, что режут друг другу глотки. Никто здесь не стоит жизни хотя бы одного британского солдата. Грузины едва ли являются противниками большевиков. Армяне – как и всегда – непредсказуемы. Азербайджанцы лучше их всех, хотя мало цивилизованы.

6 марта 1919 г. на очередном заседании Военного совета обсуждались проблемы британских войск на Кавказе и поддержка антибольшевистской борьбы А.И. Деникина. Обсуждался предложенный премьером и военным министром

двойной вопрос: вывод войск со всей территории Закавказья и осуществляемый «в качестве компенсации» набор мер по снабжению войск А.И. Деникина военными материалами и военной миссией. Д.Н. Керзон предложил дополнить программу пунктом, который предполагал создать условия такой поддержки генерала А.И. Деникина, которые воспрепятствовали бы его вмешательству в дела Грузии и других независимых государств на Кавказе. При этом Д.Н. Керзон настаивал на сохранении контингента в Закавказье, указывая на возможное начало хаоса в регионе вследствие напряженных отношений между местным населением, а также он выразил сомнения в отношении исключительно антибольшевистской направленности А.И. Деникина. Он считал, что генерал, получив британскую помощь, будет сражаться с большевиками, однако, он показывает намерения повернуть к югу и атаковать государства по другую сторону Кавказа, поскольку они являются более слабыми целями. А.И. Деникин представляет собой тип старорежимного генерала, который видит свою естественную роль в возвращении кавказских государств под российское владычество.

Поэтому, в дополнение к сохранению британского присутствия в Закавказье Д.Н. Керзон полагал сделать условием получения А.И. Деникиным материальной помощи договор, согласно которому белые войска будут сражаться исключительно в северном направлении, т.е. с большевиками, и прекратят всякую военную активность в южном направлении. С этим последним пунктом был согласен и У. Черчилль, который в ряду задач британской военной миссии включил такое распределение помощи, которое обеспечивало бы исключительно антибольшевистские операции деникинских войск.

Желание же Д.Н. Керзона сохранить в Закавказье достаточный для установления британского влияния в регионе военный контингент натолкнулось на противодействие не только У. Черчилля и Д. Ллойд-Джорджа, но и лорда Р. Сесия, который в письме Д. Фишеру писал 9 марта: «Я знаю, что некоторая часть нашего правительства считает, что Кавказ является одними из ворот в Индию, полагая, что Каспийский регион, Закавказье и Афганистан – это открытая улица, ведущая напрямую к индийским границам. Но, даже, если принять эту фантастическую теорию, нам надо исследовать вопрос, какая потенциально враждебная сила способна вторгнуться в Индию на современной стадии мировой истории» [Kelly 2003: 47]. Д.Н. Керзон позже упрекал правительство в ведении на Востоке «политики величественного бездействия» [Nicolson 1934: 58-59], однако в тот момент повлиять на решение о выводе войск с Закавказья и Закаспия он не смог. Небольшой контингент все же было решено оставить в Батуми, однако и он был эвакуирован в июле 1920 г., так что британские военные никак не помогли народам Закавказья противостоять наступлению большевиков.

Британская политика вызвала чрезвычайное разочарование азербайджанцев, грузин и деятелей Горской республики [Лобанов 2022а: 52], и серьезно повлияла на доверие этих народов и их веру в британское правительство. Эти названные республики, как они полагали, были отданы на откуп российским реакционерам. Их насущные интересы стоили для англичан очень малого, их будущее – почти ничего, такая политика деморализовала армии этих государств и упростила их падение перед большевистскими силами.

Поддержка Белого движения несла те же противоречия и несогласованность целей и задач союзников, что, впрочем, характеризовало и позиции самих лидеров антибольшевистской борьбы на юге России. Так или иначе, в выигрыше оказалась Советская Россия, сумевшая разбить противников по всем фронтам и восстановить в Закавказье границы бывшей Российской империи. Случайно, или нет, но именно в марте 1919 г., когда в Лондоне было принято решение об эвакуации британских войск из Баку, в городе снова начала работу большевистская партия. При участии направленных из Астрахани активистов, подпольно начал работу Бакинский комитет РКП (б) под фактическим руководством А.И. Микояна, освобожденного англичанами из ашхабадской тюрьмы и прибывшего в Баку 6 марта [Микоян 1971: 154]. При бюро была организована боевая группа, начавшая сбор оружия и подготовку боевых отрядов для поддержки рабочих выступлений [Мустафа-заде 2006: 60-61].

Также в это время из Владикавказа в Тифлис переехал Кавказский Краевой комитет РКП (б), воссоздавший уничтоженный Тифлисский комитет РКП (б), и уже 24 марта 1919 года организовавший забастовку рабочих и служащих Тифлисской городской управы. То, что стачку провели работники органа власти, говорит о слабости новообразованного грузинского правительства, которое усугубила британская оккупация, вырвавшая из рук грузин, в частности, полицейскую службу, упростив большевикам их работу по саботажу государственной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуллаев, Лобанов, Михайлов 2018 – *Абдуллаев Я.С.О., Лобанов В.Б., Михайлов В.В.* Азербайджанская демократическая республика в борьбе за сохранение территориальной целостности в 1918-1920 гг. // Современная научная мысль. – 2018. – № 6. – С. 81-88.

Безугольный 2011 – *Безугольный А.Ю.* Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Известные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919. – М.: Центрполиграф, 2011. – 348 с.

Деникин 1925 – *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 4. – Берлин: Слово, 1925. – 244 с.

Краснов 1922 – *Краснов П.Н.* Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции. Т. 5. – Берлин: изд. Г.В. Гессен, 1922. – 372 с.

Ллойд-Джордж 1957 – *Ллойд-Джордж Д.* Правда о договорах. Т. 1. – М.: Изд-во ин-стр.лит-ры, 1957. – 656 с.

Лобанов 2022а – *Лобанов В.Б.* От Терской области к Горской АССР: Терек в 1917-1921 гг. // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 1. – С. 48-60.

Лобанов 2022б – *Лобанов В.Б.* Последнее дело генерала М.В. Алексеева // Российская история. – 2022. – № 3. – С. 230-233.

Микоян 1971 – *Микоян А.И.* Дорогой борьбы. – М.: Политическая литература, 1971. – 590 с.

Михайлов 2006 – *Михайлов В.В.* Российские и британские вооруженные соединения в сражениях против турок при обороне Баку в 1918 г. // Клио. – 2006. – № 1 (32). – С. 196-207.

Михайлов 2011 – *Михайлов В.В.* 1918 год в Азербайджане: из предыстории британской оккупации Баку // Клио. – 2011. – № 1 (52). – С. 26-30.

Михайлов 2017 – *Михайлов В.В.* Русская революция и переговоры английского премьер-министра Дэвида Ллойда Джорджа о сепаратном мире с Османской империей в 1917–1918 гг. (по материалам английских архивов) // Клио. – 2017. – № 4 (124). – С. 166-173.

Морозова 2015 – *Морозова О. М.* Британское присутствие на Кавказе в 1918-1919 гг. // Британцы и народы Юга России: проблемы взаимовлияния. – Краснодар: ООО «Экоинвест», 2015. – С. 111-120.

Мустафа-заде 2006 – *Мустафа-заде Р.* Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918-1922 гг. – М.: МИК, 2006. – 355 с.

Овчинников 1982 – *Овчинников В.В.* Причастность к теме // Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию... – М.: Прогресс, 1982. – 192 с.

Kelly 2003 – *Kelly S.* «Britannia has ruled here»: Transcaucasia and Considerations of Imperial Defense in Lord Curzon's Search for a Near Eastern Settlement, 1918-1923. Thesis submitted in Partial Fulfillment... Degree of Masters of Arts in the Department of History. – Simon Frazer Univ, October, 2003.

Kennedy 1981 – *Kennedy P.* The Realities Behind Diplomacy: Background Influences on British External Policy, 1865-1980. – London-Glasgow: Allen and Unwin & Fontana Books, 1981. – 416 p.

Kopisto 2011 – *Kopisto L.* The British Intervention in South Russia 1918-1920. Academic Dissertation Faculty of Arts. – University of Helsinki, April, 2011.

Nicolson 1934 – *Nicolson H.* Curzon, The Last Phase, 1919-1925. A Study of Post-War Diplomacy. – London: Constable, 1934. – 416 p.

Sargent 2004 – *Sargent M.* British Military Involvement in Transcaspia (1918-1919) // Conflict Studies Research Centre, Caucasus Series. – April, 2004. – 54 p.

REFERENCES

ABDULLAEV YA.S.O., LOBANOV V.B., MIKHAILOV V.V. *Azerbajdzhanskaya demokraticeskaya respublika v bor'be za sohranenie territorial'noj celostnosti v 1918-1920 gg.* [The Azerbaijan Democratic Republic in the struggle for the preservation of territorial integrity in 1918-1920]. IN: Modern scientific thought. – 2018. – No. 6. – Pp. 81-88. (In Russ.).

BEZUGOL'NYJ A.Yu. *General Bicherahov i ego Kavkazskaya armiya. Neizvestnye stranicy istorii Grazhdanskoj vojny i intervencii na Kavkaze. 1917–1919.* [General Bicherakhov and his Caucasian Army. Unknown Pages of the History of the Civil War and Intervention in the Caucasus. 1917–1919]. – М.: Centrpoligraf, 2011. – 348 p. (In Russ.).

DENIKIN A.I. *Oчерки russkoj smuty.* [Essays on the Russian Troubles]. Vol. 4. – Berlin: Slovo, 1925. – 244 p. (In Russ.).

KELLY S. «Britannia has ruled here»: Transcaucasia and Considerations of Imperial Defense in Lord Curzon's Search for a Near Eastern Settlement, 1918-1923. Thesis submitted in Partial Fulfillment... Degree of Masters of Arts in the Department of History. Simon Frazer Univ, October, 2003. (In English). (In English).

KENNEDY P. *The Realities Behind Diplomacy: Background Influences on British External Policy,* 1865-1980. – London-Glasgow: Allen and Unwin & Fontana Books, 1981. – 416 p. (In English).

KOPISTO L. *The British Intervention in South Russia 1918-1920. Academic Dissertation Faculty of Arts at the University of Helsinki,* April, 2011. (In English).

KRASNOV P. N. *Vsevelikoe Vojsko Donskoe* [The All-Great Don Cossack Army]. IN: *Arhiv russkoj revolyucii* [Archive of the Russian Revolution]. Vol. 5. – Berlin: G.V. Gessen Publ., 1922. – 372 p. (In Russ.).

LOBANOV V.B. *Terskoj oblasti k Gorskoj ASSR: Terek v 1917-1921 gg.* [From the Tersk region to the Gorsky ASSR: The Terek in 1917-1921]. IN: Electronic journal "Kavkazologiya". – 2022. – No. 1. – pp. 48-60. (In Russ.).

LOBANOV V.B. *Poslednee delo generala M.V. Alekseeva* [The last case of General M.V. Alekseev]. IN: Russian history. 2022. No. 3. pp. 230-233. (In Russ.).

LOBANOV V.B., MIKHAILOV V.V. *Belogvardejskaya flotiliya na Kaspii v 1919-1920 gg.* [The White Guard flotilla in the Caspian Sea in 1919-1920]. IN: Military Historical Journal. 2019. No. 9. pp. 38-42. (In Russ.).

LLOJD-GEORGE D. *Pravda o dogovorah* [The Truth about Treaties]. Vol. 1. – М.: Izd-vo instr.lit-ry, 1957. – 656 p. (In Russ.).

- MIKOYAN A.I. *Dorogoj bor'by* [The Road of Struggle]. – М.: Politicheskaya literatura, 1971. – 590 p. (In Russ.).
- МИHAJLOV V. *1918 god v Azerbajdzhane: iz predystorii britanskoj okkupacii Baku* [1918 in Azerbaijan: From the Prehistory of the British Occupation of Baku]. IN: Klio. – 2011. – № 1 (52). – P. 26-30. (In Russ.).
- МИHAJLOV V. *Gallipoli 1915: mogila russkoj mechty i britanskih soldat* [Gallipoli 1915: The Grave of the Russian Dream and the British Soldiers]. – SPb.: «Nestor», 2010. – 268 p. (In Russ.).
- МИHAJLOV V. *Porazhenie Turcii v Pervoj mirovoj vojne i sud'ba pervoj nezavisimoy Demokraticeskoy Azerbajdzhanskoj Respubliki* [The Defeat of Turkey in the First World War and the Fate of the First Independent Democratic Republic of Azerbaijan]. IN: Klio. – 2008. – № 3 (42). – P. 17-19. (In Russ.).
- МИHAJLOV V. *Rossijskie i britanskije vooruzhennye soedineniya v srazheniyah protiv turok pri oborone Baku v 1918 g.* [Russian and British Armed Forces in the Battles Against the Turks during the Defense of Baku in 1918]. IN: Klio. – 2006. – № 1 (32). – P. 196-207. (In Russ.).
- МИHAJLOV V. *Russkaya revolyuciya i peregovory anglijskogo prem'er-ministra Devida Lloyda Dzhordzha o separatnom mire s Osmanskoj imperiej v 1917 – 1918 gg. (po materialam anglijskih arhivov)* [The Russian Revolution and the Negotiations of British Prime Minister David Lloyd George on a Separate Peace with the Ottoman Empire in 1917-1918 (Based on Materials from British Archives)]. IN: Klio. – 2017. – № 4 (124). – P. 166-173. (In Russ.).
- MOROZOVA O. M. *Britanskoe prisutstvie na Kavkaze v 1918-1919 gg.* IN: *Britancy i narody Yuga Rossii: problemy vzaimovliyaniya* [The British Presence in the Caucasus in 1918-1919 // The British and the Peoples of Southern Russia: Problems of Mutual Influence]. – Krasnodar: ООО «Ekoinvest», 2015. – P. 111-120. (In Russ.).
- MUSTAFA-ZADE R. *Dve respubliki. Azerbajdzhano-rossijskie otnosheniya v 1918-1922 gg.* [Mustafa-zade R. Two Republics. Azerbaijani-Russian Relations in 1918-1922]. – М.: МИК, 2006. – 355 p. (In Russ.).
- NICOLSON H. *Curzon, The Last Phase, 1919-1925. A Study of Post-War Diplomacy.* – London: Constable, 1934. – 416 p. (In English).
- OVCHINNIKOV V.V. *Prichastnost' k teme* [Involvement in the Topic]. IN: *Rotshtejn E. Kogda Angliya vtorglas' v Sovetskuyu Rossiyu...* [When England Invaded Soviet Russia...]. – М.: Progress, 1982. – 192 p. (In Russ.).
- SARGENT M. *British Military Involvement in Transcaspia (1918-1919).* IN: *Conflict Studies Research Centre, Caucasus Series.* – April, 2004. – 54 p. (In English).

Сведения об авторе:

М.А. Максимов – старший преподаватель кафедры.

Information about the author:

M.A. Maksimov – Senior lecturer of the Department.

Статья поступила в редакцию 31.07.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 31.07.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Научная статья
УДК 94(47).084.5+378
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-137-154
EDN: ETDAFZ

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ДОНСКОГО (СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО) ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1920-Е ГОДЫ

Надежда Ивановна Швайба

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
shvaiba@sfedu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2582-0391>

Аннотация. Статья посвящена исследованию повседневности преподавателей Донского, а с 1925 г. – Северо-Кавказского государственного университета. Хронологически исследование охватило период первого советского десятилетия на Юге РСФСР. Повседневность рассматривается как важная характеристика жизни преподавателей и как культурный феномен конкретного университетского сообщества. Выделяется внеуниверситетская, бытовая повседневность. Выявлены условия жизни, рассмотрены продовольственные и жилищные проблемы преподавателей. Установлено, каким образом эти проблемы влияли на работу донских преподавателей.

Также рассматривается академическая повседневность. Изучаются ее составляющие: ежедневные учебные занятия, заседания научных кружков и предметных комиссий, научные исследования. Определены устойчивые практики университетского сообщества: юбилеи, вечера памяти ученых СКГУ и др. Описаны явления университетской повседневности («семейственность» в клиниках медфака), охарактеризован ряд факторов, влияющих на научную работу преподавателя в 1920-е гг. Проведенное исследование выявило механизмы адаптации преподавателей к тяготам повседневной жизни, а также к университетским переменам. Многие составляющие академической повседневности свидетельствовали о попытках поддержать прежние университетские традиции (научные общества, кружки, публичные лекции, чествование профессоров-юбиляров). Вместе с тем усиливалось влияние на повседневную жизнь преподавателя со стороны центральных государственных организаций: КУБУ, СНР, а на местах – месткомов. К концу 1920-х гг. советский преподаватель должен был стать активным участником общественной жизни.

Ключевые слова: высшая школа, Донской университет, повседневность, преподаватели, Северо-Кавказский государственный университет, университетские исследования.

Для цитирования: Швайба Н.И. Повседневность преподавателей Донского (Северо-Кавказского) государственного университета в 1920-е годы // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 137-154. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-137-154. EDN: ETDAFZ.

© Швайба Н.И., 2025

Original article

**THE DON (NORTH CAUCASIAN) STATE UNIVERSITY
DEPARTMENT STAFF EVERYDAY LIFE AT THE 1920s**

Nadezhda I. Shvaiba

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, shvaiba@sfedu.ru,
<https://orcid.org/0009-0009-2582-0391>

Abstract. The article is devoted to the study of the everyday life of the lecturer of the Don University, and from 1925, the North-Caucasus State University. Chronologically, the study covers the period of the first Soviet decade in the South of the RSFSR. Everyday life is considered an important characteristic of the lecturer's life and a cultural phenomenon of a specific university community. Extracurricular, everyday life outside the university is highlighted. Living conditions are identified, and the food and housing problems of the lecturer are examined. It is established how these problems affected the work of the Don lecturer.

Academic routine is also considered. Its components are studied: daily classes, meetings of scientific circles and subject commissions, and scientific research. Stable practices of the university community have been identified: anniversaries, commemorative evenings for SKGU scholars, and others. Phenomena of everyday university life have been described ("family-like" atmosphere in the medical faculty clinics), and a number of factors influencing the scientific work of lecturers in the 1920s have been characterized. The research conducted revealed the mechanisms by which lecturers adapted to the hardships of everyday life as well as to university changes. Many components of academic daily life indicated attempts to maintain previous university traditions (scientific societies, clubs, public lectures, honoring professors on jubilees). At the same time, the influence of central state organizations – KUBU, SNR, and locally, the local committees – on lecturer's everyday life was increasing. By the end of the 1920s, a Soviet lecturer was expected to become an active participant in social life.

Key words: higher school, Don University, everyday life, department staff, North-Caucasian State University, university research.

For citation: Shvaiba N.I. The Don (North Caucasian) State University department staff everyday life at the 1920s. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 137-154. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-137-154. EDN: ETDAFZ.

© Shvaiba N.I., 2025

Введение

Актуальность. Советская повседневность 1920-х гг. во многом остается перспективной темой для современных историко-антропологических исследований. Советской повседневности было посвящено немало основательных работ за последние десятилетия. Отметим комплексное исследование быта эпохи нэпа и, шире – повседневности 1920-х – 1930-х гг. Н.Б. Лебиной [Лебина 1999; Лебина 2015]. Заслуживает внимания проект, посвященный повседневности советского человека в условиях социальных трансформаций 1920-х – 1940-х гг. [Кринко, Тажидинова, Хлынина 2011], работы С.В. Журавлева, А.К. Соколова, Н.Н. Козловой, И.Б. Орлова, Е.А. Осокиной, А.Ю. Рожкова и многих других исследователей.

Интерес к повседневности продиктован не только развитием междисциплинарного и антропологического подходов, но и социальной истории, культурной истории, истории ментальности и т.д. Изучение повседневности позволяет лучше понять не только саму эпоху и человека, проживающего в реалиях конкретного времени, но и выделить его привычки, паттерны поведения, стратегии, применяемые в различных ситуациях на работе и дома, в узком семейном кругу,

в обществе. Повседневные жизненные ситуации (от рутинных до непредвиденных) требуют от человека внимания, определенных реакций и действий, траты ресурсов, во многом детерминируя его духовную сферу, формируя культурные и профессиональные ценности. Когда же в центре внимания находится конкретная профессиональная группа, то анализ её повседневности позволяет изучить условия жизни, работы, научного творчества как отдельных ее представителей, так и самой группы. Более понятными, тем самым, становятся повороты в карьерах конкретных преподавателей, траектории их индивидуальных биографий.

Изучение повседневности видится нам особенно важным в таком направлении, как *университетские исследования*, которые, по мнению ряда историков, медленно, но верно обретают научность, трансформируясь в самостоятельную научную субдисциплину [Вишленкова, Парсамов 2014: 164]. Более глубокое, чем ранее считалось в историографии, понимание истории университетской жизни предполагает расширение границ исследования и обращения к самым различным её проявлениям. Академическая повседневность помогает обратить внимание на специфические проблемы академического сообщества, увидеть составляющие его развития, кризисов, выйти за рамки традиционных юбилейных университетских нарративов [Репина 2017]. Автор статьи разделяет мнение о том, что «большие истории» отдельных университетов, истории правительственной политики в области высшего образования и исследования культурных феноменов академической жизни обладают равными статусами [Вишленкова, Парсамов 2014: 170].

На сегодняшний день историкам хорошо знаком общий ход образовательного процесса в советских вузах 1920-х гг., включая определяющие его факторы: идеологизация, пролетаризация, борьба со «старой профессурой», новые учебные планы, внедрение института выдвиженцев и т.д. Однако, малоизученным является вопрос, насколько данные факторы соотносились с повседневным течением академической жизни, в т.ч. на уровне региональных вузов. В центре нашего внимания – Донской университет, который функционировал в г. Ростове-на-Дону с 1915 г. Основу педагогического коллектива Донского, а затем – Северо-Кавказского государственного университета (СКГУ), составляли профессора и доценты, оказавшихся на юге Российской империи в связи с эвакуацией в Ростов-на-Дону Варшавского императорского университета в ходе Первой мировой войны.

Наша задача – попытаться установить, каким образом повседневность 1920-х гг. повлияла на жизнь и работу преподавателей Донского университета (1920–1925 гг.), а в следующее пятилетие – преподавателей СКГУ (1925–1930 гг.). Рассмотрим повседневность конкретных акторов университетской жизни.

Результаты исследования

Предметом исследования выступает повседневность преподавателей и ученых Донского (Северо-Кавказского государственного) университета. Основными источниками исследования стали архивные документы фонда Р-46 Государственного архива Ростовской области (ГАРО). В основном это документы делопроизводственного характера, часть которых (письма, заявления, «обращения

во власть», адресованные структурам университета) содержит уникальную информацию. Иногда это документированный «крик души» о глубоком переживании ситуаций, связанных с повседневностью, свидетельства о ее аномалиях.

Говоря о внеуниверситетской *бытовой повседневности*, можно выделить ключевые проблемы, с которыми столкнулись многие преподаватели в 1920-е гг. На Юге России в начале 1920-х гг. на повседневность многих людей влияли всеобщий экономический упадок, продовольственный кризис, сложная эпидемиологическая обстановка, последствия Гражданской войны.

Профессор математики Донского (Северо-Кавказского) университета Д.Д. Мордухай-Болтовской отмечал спустя годы в своей автобиографии: «Все мое имущество было уничтожено немцами... вследствие чего я... не получая ни зарплаты, ни пенсии, и не будучи в состоянии что-либо продавать, находился в состоянии крайней нужды, страдал от болезней, и от холода, и от голода...» [Пырков 2015: 183]. Вряд ли положение ростовских преподавателей в начале 1920-х гг. было существенно лучше той картины, которую описывает в своих воспоминаниях Пителим Сорокин. В его записках 1919–1922 годы озаглавлены как «Жизнь в царстве смерти». Бытовые реалии университетского преподавателя выглядели следующим образом: неотапливаемое жилье, очереди за плохим хлебом, вода, зараженная тифом, неисправная канализация, голод, смерть университетских коллег от тифа, гриппа, воспаления легких, холеры, истощения, суицидальные случаи, аресты [Сорокин 1992: 129–132].

Пожалуй, самый острый вопрос начала 1920-х гг. был вызван *продовольственным кризисом*. В городе не хватало продуктов и товаров первой необходимости. Тогда же Донской университет был вынужден включиться в организацию помощи своим работникам. В 1920 г. Комитет Донского университета запрашивал разрешение у продотдела Городской управы на покупку и провоз из Таганрогского округа съестных продуктов (мука, масло, сало, яйца и др.) для 472 служащих университета [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 39. Л. 2]. На страницах университетского делопроизводства в 1920 г. появляется понятие *академического пайка* для квалифицированных специалистов, работающих в высшей школе [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 3]. Но до ноября 1920 г. ученые Донского университета, за исключением незначительных выдач медикам, пайков не получали. Ректор сообщал в своем обращении в Донисполком, что в таких условиях ученые вынуждены существовать на 8 250 руб., что было по тем временам весьма скромной суммой.

К распространенной в те годы практике – продаже своих вещей на базаре или обмену их на продукты – могли прибегнуть далеко не все преподаватели. В 1915 г. эвакуация многих из них проходила в считанные часы, значительная часть варшавского имущества была утрачена [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 39. Л. 20–21 об.]. Ректор вуза, апеллируя в т.ч. к этому факту, пытался решить судьбу академического пайка для 78 профессоров. Уполномоченные от университета не один месяц обивали пороги различных инстанций в Москве и в Ростове-на-Дону: в Донисполкоме, Донпродкоме, Совтрударме. Борьба университета шла за академический паек в объеме, какой получали столичные преподаватели, а не их скромный паек 1-й категории (в месяц выдавалось: 45 фунтов (ф.) хлеба, 1 ф.

постного масла, 0,5 ф. сахара, 1 ф. соли, 0,25 ф. горчицы, 0,5 ф. мыла, 2 коробки спичек, 300 папирос, 5 ф. керосина) [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 39. Л. 27].

К декабрю 1920 г. ситуация с пайками и с продовольствием усугубилась; в университете были вынуждены констатировать, что профессора не имеют возможности всецело посвятить себя работе, т.к. получаемое содержание не обеспечивает их в материальном отношении, вынуждая искать «побочные» заработки. Чтобы избежать голодного существования, профессора и доценты вели занятия в других учебных заведениях, либо на стороне, «оплачиваемые натурой». В итоге страдало преподавание, качественно готовиться к чтению лекций в таких условиях было некогда. О дополнительной работе вне университета преподавателей историко-филологического факультета в 1920–1921 уч. год известно следующее: практически все профессора (А.М. Евлахов, И.И. Замотин, И.П. Козловский, Н.Н. Сретенский, Е.А. Черноусов) вели занятия в Донском Археологическом институте. Помимо этого, они преподавали в трудовых школах, в техникуме водного транспорта, в бывшем реальном училище и в гимназии Берберовой, на курсах народных учителей, на рабфаке, вели русский язык на дошкольных курсах [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 65. Л. 47–47 об.]. Многие преподаватели продолжали выступать с публичными лекциями.

В январе 1921 г. ректор Донского университета охарактеризовал положение служащих, вследствие материальной и продовольственной необеспеченности, как весьма критическое. Нередки были случаи заболеваний на почве недоедания [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 39. Л. 73]. Лишь в сентябре 1921 г. вопрос о регулярной выдаче Донисполкомом академических пайков был положительно решен. При этом заработная плата в университете, по расчётам профессора В.П. Вельмина, составила за ноябрь 1921 г. по факту лишь 22 % от необходимой денежной выдачи (204 млн руб.) и 26,5 % от продуктовой, а долг за государством оставался в размере 51,5 % (478 млн руб.) [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 39. Л. 101].

На этом фоне в 1921 г. преподаватели игнорировали заседания университетского месткома. Последнее расценивалось председателем месткома как признак «несостоятельности университетской жизни» и отказ от возможности добывать мыло, уголь, пиво, дрожжи и другие продукты через профсоюзы и ЕПО (Единое потребительское общество) [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 10. Л. 127]. Преподаватели попросту не воспринимали местком как эффективную структуру. Тем не менее, в условиях продовольственного кризиса университет включался в решение вопросов, связанных с продуктовым обеспечением его сотрудников, активно взаимодействовал с другими инстанциями, чтобы в условиях городской дороговизны, отсутствия многих товаров и продуктов помочь, в буквальном смысле, выжить многим преподавателям.

На преподавателей Донского университета стала распространяться с 1922 г. помощь местной Юго-Восточной Комиссии по улучшению быта ученых (ЮВКУБУ). По каждому преподавателю необходимо было согласовать разряд (для определения объема оказываемой помощи), определить круг людей, которым полагался академический паек (в октябре 1922 г. его получали 300 чел.) [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 91. Л. 179–181]. Для сравнения – преподаватели Саратовского

университета стали получать академические пайки только с февраля 1923 г. [Абубикерова 2012: 120].

ЮВКУБУ планировала создать и курировать Отдел снабжения на кооперативных началах, организовать жилищные товарищества, курировала хозяйственную комиссию, отвечающую за улучшение быта всех научных работников вуза. В сфере ее деятельности находилась защита жилищных прав ученых (уплотнения, выселения), оказание помощи больным, многосемейным, семьям умерших сотрудников, устройство Дома отдыха, распределение направлений в санатории Кавказа, Крыма, Подмосковья. Иногда эта помощь проявлялась в элементарном распределении дефицитных товаров для ростовских преподавателей («отрез материи получил») [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 91. Л. 133].

Работа ЮВКУБУ все же не могла системно улучшить бытовое положение профессорско-преподавательского состава. Особенно сложно приходилось возрастным преподавателям. В 1924 г. историк русской литературы и общественной мысли, философ, профессор Е.А. Бобров обращался за помощью к университетскому начальству: «Дорогой Алексей Иванович, по старой дружбе помогите мне. Я слег в брюшном тифу, нужны сахар, вино, молоко, яйца – а в доме ни копейки ни у кого. Нельзя ли получить хоть что-нибудь из КУБУ или секции научных раб. или от Правления (иногда давали, например Ефременко на лечение), сегодня как раз заседание. Я в апреле получил 7 черв., половину отослал жене и остался... Что же делать? Приходится нищенствовать и попрошайничать, вчера исполнилось 36 лет моей греко-литературной деятельности и вот результаты – что заработал с 1888 года, лежу тяжело больной в жару и без гроша денег. Ваш Е.А. Бобров. 21.V.24» [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 489. Л. 51]. Следующее письмо тот же профессор адресовал члену Правления университета (затем – ректору) Л.М. Ефременко, в котором звучал тот же печальный мотив: «...и вот результат, что я выработал себе целой жизнью труда над книгами... нищий, больной, без гроша денег» [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 489. Л. 50]. Известно, что в течение мая-июня 1924 г. 11 преподавателей (преимущественно профессора, включая Е.А. Боброва) получали дополнительное месячное пособие (40–100 руб.) от Секции научных работников [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 489. Л. 57].

В это же время преподавательский быт зачастую был сопряжен с влиянием различных заболеваний. В 1918–1921 гг. эпидемия сыпного тифа («сыпняк») охватила огромные регионы бывшей Российской империи, включая Ростов-на-Дону и его окрестности [Миронова 2020: 139; 299]. В условиях Гражданской войны и невозможности оперативно наладить медицинскую помощь болезнь выкашивала военные части, население городов, сёл и станиц; избежать заражения было практически невозможно. В таких условиях, когда смерть в буквальном смысле превращалась в неотъемлемый атрибут течения городской жизни, отдельные преподаватели составляли завещания, многие умирали. В последующие годы вдовы умерших профессоров вступали в переписку с университетом в попытке установить полагающуюся им пенсию.

В личном деле преподавателя и историка Л.Н. Беркута имеется «духовное завещание», составленное им еще в 1917 г. Тогда 38-летний преподаватель Донского университета завещал все свои книги и научные пособия Кабинету

всеобщей истории, а денежную сумму (1800 руб.) – на учреждение премии за лучшее сочинение по всеобщей истории [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 3. Д. 74. Л. 17–18]. Впрочем, самые тяжелые годы Л.Н. Беркут пережил, уехав в 1922 г. из Ростова-на-Дону в связи с избранием на должность профессора в один из киевских вузов.

Не менее важным для преподавателей Донского университета был *жилищный вопрос*. Многие из них не имели собственного жилья в Ростове-на-Дону в связи с переездом из Варшавы и других городов. Известно, что историк Г.Г. Писаревский проживал с семьей по адресу «пер. Соборный, 17», в меблированной комнате №15. В личной учетной карточке профессора Н.И. Напалкова местом проживания был указана «ул. Пушкинская, 144» [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 426. Л. 15]. Некоторые сотрудники проживали прямо в университетских зданиях. Квартира профессора П.М. Ерохина в 1920-е гг. находилась в здании физического университетского корпуса. В его же квартире проживал с семьей (отец, мать, сестра) доцент кафедры политэкономии М.Е. Подтягин [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 426. Л. 26]. Неизвестно, являлось ли такое совместное проживание следствием политики уплотнения, либо же имели место другие основания.

Страшной и вполне реальной, особенно в начале 1920-х гг., была угроза выселения из занимаемого жилья. В ноябре 1920 г. упоминаемый выше Л.Н. Беркут сообщал о ситуации, глубоко задевающей его как «человека, гражданина и профессора». В течение нескольких дней преподавателя посещали незнакомые лица без каких-либо мандатов, желающие выселить его из квартиры [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 10. Л. 51]. Обеспокоенный Л.Н. Беркут заявлял декану, что теперь он не может аккуратно читать лекции по романо-германскому отделению. Под влиянием сильнейших нервных потрясений у него обострилась болезнь правой руки, профессор Никольский (преподаватель медицинского факультета) диагностировал у Л.Н. Беркута «туберкулезное поражение кожи на почве недоедания» [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 10. Л. 104]. Таким образом, общая неблагоприятная обстановка подрывала возможность вести нормальную преподавательскую деятельность, а отдельные бытовые случаи воспринимались преподавателями как прямая угроза жизни и здоровью.

В феврале 1928 г. ректор СКГУ Л.М. Ефременко обращался в горсовет, намереваясь решить жилищный вопрос хотя бы для части преподавателей – ценных «научных работников-общественников, не имеющих квартир вовсе, временно проживающих в кабинетах педфака» [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 282. Л. 81]. Среди таковых были перечислены профессора П. Аржанов, А.Н. Бартенев, С.Г. Лозинский, доценты Егоров и Каменев [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 282. Л. 82]. Вопрос о закреплении за университетом одного из недавно выстроенных домов в Нахичевани (по ул. Нольной) [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 282. Л. 84] оставался открыт еще в последующие годы.

Преподаватели нередко затягивали с оплатой за проживание в университетских корпусах. В 1928 г. ряд должников ходатайствовал о сложении с них долгов за квартплату. Профессор Е.А. Черноусов просил об освобождении его от квартплаты в связи с безвозмездным исполнением обязанностей коменданта здания [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 32]. В конце 1928 г. была организована специальная комиссия СКГУ для выяснения условий проживания работников в

университетских корпусах. Комиссия констатировала: в здании химического корпуса в двух светлых комнатах (38,5 кв.м. и 23,5 кв.м.) проживал профессор Н.Н. Стасевич, одну из комнат профессор заставил вещами и назвал кухней. Комиссия рекомендовала выселить профессора из учебного корпуса [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 348. Л. 18]. В том же здании в отдельных комнатах проживали ассистент Попов (15 кв.м.), ассистент Дионисьев (две комнаты по 31,5 кв.м. каждая), некто П.Т. Соколов (9 кв.м. полутемной комнаты с окном, выходящим на соседнюю стену) [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 18]. В итоге только дворник был освобожден от квартплаты. Данное положение распространялось и на другой технический персонал (сторожа, швейцары) в связи с крайне низкой оплатой его труда.

Доцент экономического факультета С.П. Осинский избежал «уплотнения» своей жилплощади. Однако, в 1930 г. во время его перевыборов в СКГУ заявился некий гражданин Григорьев и довел до сведения общественности историю их квартирного конфликта. Доцент обвинялся в том, что, проживая в 5-комнатной квартире площадью 85 кв.м., всячески сопротивлялся уплотнению: занял руководящую должность в ЖАКТе, часть квартиры закрепил за тещей, что оценивалось Григорьевым как уловка [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 394. Л. 80–81]. Подобные казусы свидетельствовали о противоречивом, нередко – тяжёлом, положении дел в сфере обеспечения преподавателей жильем. Квартирный вопрос варьировался от минимального обеспечения (съёмный угол или комната в университетском корпусе) до отдельной изолированной квартиры, но с риском «уплотнения», либо выселения. Вести квалифицированную подготовку студентов, реагировать на запросы времени, работать с полной отдачей становилось в подобных обстоятельствах весьма проблематично.

Далее обратимся к *академической повседневности*, тесно связанной с общеуниверситетскими процессами. К её проявлениям можно отнести как сугубо рутинные учебные явления (занятия со студентами, заседания научных кружков и предметных комиссий, всевозможные отчеты), так и устойчивые практики академического сообщества (чествование университетских юбиляров, вечера памяти ученых СКГУ и др.). Повседневность преподавателя – это его расписание и занятия (преподавательская деятельность), а с середины 1920-х гг. еще и обязательное участие в общественной жизни. К тому же 1920-е гг. – период интенсивной трансформации университетского образования, реорганизации факультетов, создания новых структурных подразделений (рабфак, ФОН), поиска оптимальной модели управления университетом.

Учебный процесс следовало наладить, решив для начала вопросы хозяйственные. На историко-филологическом факультете в 1920–1921 гг. не хватало помещений, в аудиториях и кабинетах часто прерывалось или отсутствовало освещение, не было налажено отопление, а сами занятия нередко проводились в холодных комнатах [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 65. Л. 40 об.]. К тому же, в начале 1920-х гг. произошло резкое увеличение набора студентов: с 2 тыс. чел. в 1922 г. до 5 тыс. чел. в 1925 г. Как следствие – преподаватели оказывались перегружены аудиторной работой, встал вопрос о т.н. параллельных курсах [Шандулин 2017: 136]. Тема переработок в кабинетах Педфака оставалась актуальной на

протяжении всех 1920-х гг. В 1928 г. занятия в факультетских кабинетах, несмотря на запрет, велись подряд в течение 11,5 час. [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 183].

Каковы же были условия учебной работы? Первое занятие в расписании преподавателя, как, например, у профессора И.И. Ягодинского, могло стоять с 5.30 до 7.00 утра, а последнее – с 20.00 до 21.20. И.И. Ягодинский в 1920 г. читал курсы психологии, введения в философию, истории наук, теории знания, эстетики – по 9 занятий в неделю [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 10. Л. 94]. Принятие зачета по предмету у всего курса из-за увеличения количества студентов превращалось в целую проблему. В своем заявлении в краевую комиссию по проверке качественного состава студентов А.Г. Задера, студентка ФОНа, подробно описала обстоятельства, послужившие поводом для отчисления. В 1923 г. у А.Г. Задеры (ставшей в будущем к.и.н. и доцентом исторического факультета РГУ) образовалось две задолженности по двум зачетам (логика и психология). «Профессор Ягодинский... принимал 2 раза в неделю по 10–15 чел. в день, в то время как число желающих доходило до 80–100 чел. в день в одну очередь, т.к. он принимал зачеты от студентов четырех курсов Педфака. Эта огромная очередь была настолько беспорядочной и неорганизованной, что студенты вынуждены были обратиться к декану...» [Казарова 2024: 216]. Вопрос вынесли на общее факультетское собрание, время принятия зачетов было продлено, порядок приема – урегулирован (каждый рабочий день – зачеты у 20 чел. по списку). Каково же было самому преподавателю работать в сложившихся условиях – история умалчивает...

Высокой была нагрузка и у членов университетского Правления. В мае 1928 г. профессор П.И. Бухман обращался в Правление СКГУ с заявлением об освобождении его от обязанностей члена Правления. Работа в комиссии по заграничным закупкам, редактирование «Известий СКГУ» и прочие заботы «вредно» отражались на его научной, учебной работе. П.И. Бухману удалось освободиться лишь от работы в «нервной» комиссии по заграничным закупкам [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 173]. В отчете о своей учебной деятельности в декабре 1921 г. профессор и опытнейший преподаватель С.И. Живаго [Краковский 2021], отмечал: посещаемость курсов с середины ноября заметно упала. Причина – полное отсутствие отопления в аудиториях при температуре на улице до -20°. На фоне остальных формальных отчетов С.И. Живаго, как преподаватель курса «Государство и церковь» и семинара общественных наук (для всех курсов по 2 часа в неделю), фиксирует реальные условия своего труда: «пробыть в промерзлом помещении с 5 до 10.15 часов вечера сопряжено с прямой опасностью для жизни и здоровья и требует со стороны учащихся прямого самопожертвования, а со стороны учащихся большой выносливости и любви к приобретению знаний». Посещать же занятия «на последних часах» (20.50–22.15) виделось С.И. Живаго без преувеличения неразумным [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 426. Л. 123 об.]. Но такие критические голоса оказывались единичными, а сама преподавательская повседневность была сопряжена с крайне ограниченными ресурсами университета.

Лишь к 1926 г. ситуация в университете значительно улучшилась. В отчете ректора Л.М. Ефременко 1925–1926 ак. год был назван годом значительного укрепления университета во всех отношениях. Во всяком случае, бюджет СКГУ

вырос на 67,1 % [Ефременко 1927: 113]. При этом отмечалось, что Правление СКГУ слабо администрировало академическую работу, очень мало было сделано в области активизации и совершенствования методов преподавания (пытались внедрять лабораторный метод ведения занятий), некоторые кафедры не были укомплектованы преподавательским составом, мало осуществлено научных командировок, не был урегулирован вопрос доставки научной литературы из-за границы [Ефременко 1927: 115].

Материально-техническая сторона преподавательской работы, казалось, должна была улучшиться. Напротив, в ноябре 1928 г. декан педфака Гофман обращался в Правление с заявлением о необходимости срочной замены проводки в Главном здании университета, а пожарная охрана и ГЭС снимали с себя ответственность за возможное возникновение пожара [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 341 об.]. Немногим лучше обстояли дела в клиниках медицинского факультета. В феврале 1928 г. профессор Хирургической клиники СКГУ Н. Напалков пытался донести до члена Правления А.В. Парабучева «воплъ работников» в связи с отказом установить нормальное освещение в лаборатории клиники и о холоде из-за отсутствия отремонтированных оконных рам [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 297. Л. 60]. На отдельных кафедрах медфака имелись проблемы с исправностью «водоканализации».

На преподавателях сказывались не только вышеописанные условия труда, но и сокращение штатов. В первую очередь, сокращения коснулись технического персонала подразделений университета. В 1928 г. директор Анатомического института К.З. Яцута рапортовал декану медфака, что у кафедры биологии «отняли» даже служителя, работа парализована, «неужели ассистент должен сам ловить тараканов, собак и умерщвлять их для занятий со студентами» ... «Занятия по биологии прекратились, умирают они и по анатомии из-за отсутствия средств» [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 343. Л. 156]. В другом обращении К.З. Яцута, один из ведущих советских анатомов того времени, просил Правление СКГУ выделить полагаемые средства для трупной комиссии, т.к. невозможно заготавливать и доставлять трупы для институтов Нормальной анатомии и Оперативной хирургии, а учебный план находится под угрозой срыва [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 297. Л. 52]. Но в целом складывается впечатление, что, за исключением редких попыток активного воздействия на руководство университета, либо привлечения внимания Секции научных работников (СНР), большинство преподавателей стоически принимали условия своей работы.

Традиционной составляющей академической повседневности 1920-х гг. являлись юбилейные практики. 1920-е гг. – период, когда многие представители университетской профессуры встречали свои 30–40-летние юбилеи научной и преподавательской деятельности. Причем в первой половине 1920-х гг. юбилейная тематика в университетской документации встречается редко, а вот со второй половины 1920-х гг. юбилеи как будто обретают особый символизм и значимость. Чествование юбиляров напоминало о вкладе отдельных ученых в развитие науки, подтверждало значимость профессуры в пространстве советской высшей школы. В условиях резкого идеологического размежевания «старого» и «нового» [Парсамов 2018: 122], юбилей означал общественное признание заслуг конкретного

ученого для университета, науки, государства. Для многих преподавателей юбилей был важен и как способ поддержания академических традиций.

Юбилеи организовывали по более-менее общей схеме. Например, 15 мая 1928 г. торжественно отмечался юбилей 30-летней научной и педагогической деятельности профессора Д.Д. Мордухай-Болтовского. В этом же году состоялся юбилей 35-летней деятельности профессора медфака СКГУ А.И. Ющенко. Работал представительный оргкомитет, готовился юбилейный сборник, обсуждались вопросы о присуждении звания заслуженного деятеля науки и о наименовании Психоневрологической клиники именем юбиляра [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 125]. Университет планировал начать подготовку к юбилею профессора Н.Н. Любовича, специалиста по всеобщей истории, преподавателя Варшавского университета с 1880 г., члена-корреспондента Академии наук с 1924 г. [Казарова 2019]. Впрочем, сам профессор был вынужден уточнять, что «юбилей мой может быть отнесен лишь к 1930 г., а никак не к 1928!» [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 3. Д. 460. Л. 305]. В преддверии солидной даты Н.Н. Любовича волновали более насущные вопросы – ученый просил улучшить его жилищные условия. В мае 1928 г. университет делегировал этот вопрос Краевому Бюро СНР [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 155]. Имели место исключения, когда юбиляры отказывались от публичных мероприятий и откровенно писали о том, что предпочтут материальное вознаграждение за их труды с учетом их плачевного нынешнего состояния (профессор Е.А. Бобров).

Определенными «местами памяти» для университетского сообщества становились вечера, посвященные недавно умершим коллегам. В 1928 г. в СКГУ готовились к мемориальному вечеру, посвященному профессору-юристу, члену Правления университета, бывшему декану ФОНа и проректору по учебной части, коммунисту И.Т. Филиппову (умер в 1927 г.) [Белозеров 1959: 165]. Планировалось заслушать доклады по праву, педагогике и философским взглядам профессора, а также выпустить труды И.Т. Филиппова объемом 10 п. л., продолжалась подписка на сооружение памятника профессору [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 98 об.]. Внимание к фигуре И.Т. Филиппова была не случайным – ученый-марксист и деятельный участник советизации университета.

В том же 1928 г. планировалось провести вечер к 100-летию со дня рождения Л.Н. Толстого, а также массово привлечь студенчество и преподавателей к чествованию в СКГУ 60-летия историка-марксиста М.Н. Покровского [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 296. Л. 400, 420]. Юбилейные практики становятся инструментом конструирования важных событий для советского университета.

Отдельной составляющей академической повседневности являлась *научная работа*. Многие преподаватели столкнулись с проблемой утраты личных библиотек. В условиях поспешной эвакуации в Москву (22–23 июня 1915 г.) фундаментальная библиотека Императорского Варшавского университета была эвакуирована в Ростов-на-Дону лишь частично; по подсчетам А.Г. Данилова удалось вывезти менее 1 % ее фондов [Данилов 2005: 31]. Продолжать свои научные исследования на фоне утраты личной варшавской библиотеки приходилось и профессору математики Д.Д. Мордухай-Болтовскому. Библиотеку удалось вернуть в Ростов-на-Дону лишь со временем в качестве дара Донскому университету.

Профессор Е.А. Бобров, преодолевая все сложности своего положения и здоровья, с 1924 по 1927 гг. занимался перевозом за счет университета своей личной библиотеки из г. Юрьев., а также её описанием и систематизацией. Уникальную библиотеку ученый преподнес в дар Донскому университету: «...закончив разбор своей библиотеки, пожертвованной университету, я должен констатировать, что недоставленный 33-й ящик (вероятно, утерян при транспортировке. – М.Т.) с книгами заключал в себе большое количество важных и старых книг и рукописей. В нём была вся моя переписка лет за 30 – учёная и семейная. (У меня не осталось даже ни одного письма моих покойных родителей)» [Тарасова 2006: 190].

С большим трудом через университет заказывались иностранные издания и журналы, необходимые преподавателям для научных исследований. С перебоями работала Академическая библиотека. Её директором на протяжении 1921–1928 гг. был историк, профессор Е.А. Черноусов. Многие книги, судя по его отчетам, оставались не разобранными, процесс каталогизации шёл медленно, не хватало сотрудников для нормальной организации работы читального зала [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 75 об., 130]. Этот и ряд других факторов сдерживали развитие научной деятельности преподавателей в 1920-е гг.

В отдельных случаях преподавателям удавалось съездить с докладами на конференцию или съезд (весьма активны тут были университетские медики), историки получали командировки в центральные архивы и библиотеки [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 282. Л. 357], на съезд историков-марксистов от СКГУ была утверждена кандидатура коммуниста Дорофеева.

Благодаря исследованиям В.Е. Пыrkова, в научный оборот введены многие документы, связанные с именем выдающегося математика, профессора Донского университета Д.Д. Мордухай-Болтовского (1876–1952 гг.). Наше внимание привлекли письма ученого 1920-х гг., адресованные профессору Московского университета А.В. Васильеву. В письмах (не позднее 1925 г.) ученый делится информацией о том, как меняется его реальность: «...чувствуется как бы толстая стена, отделяющая нас от Западно-Европейской Науки. Мною послано много статей в иностранные журналы, но судьба только нескольких мне известна» [Пыrkов 2015: 186]. В частной переписке первой половины 1920-х гг. ученый сообщал следующее о своей научной работе: «В период правда очень тяжелый в материальном отношении, в период разрухи и голода, научная жизнь не скажу, чтобы процветала, но во всяком случае её живой источник не иссякал. ... очень интенсивно работало Философское Общество, которое пользовалось огромной популярностью и доклады в котором привлекали до 500 слушателей... Но с началом борьбы на идеологическом фронте, философское общество совершенно прекратило свою деятельность: проф. И.И. Ягодинский чуть не вылетел из Университета, проф. А.М. Ладыженский подвергся отчаянной травле и всяким неприятностям, я меньше других пострадал. По назначении меня деканом Педфака, я был выброшен с этой должности вследствие телеграммы, посланной из Ростова, указывающей на неподходящее мое мировоззрение, выразившееся в докладах. Попытки издать мои доклады мне не удалось, цензура, не смотря на их полную аполитичность, их не пропустила» [Пыrkов 2015: 186]. Академическая жизнь в оценках Д.Д. Мордухай-Болтовского противоречива, полна конфликтов и угроз.

Складывается впечатление, что ученый работал не столько благодаря, сколько вопреки внешним обстоятельствам. Сохранять исследовательский дух в условиях такой повседневности получалось далеко не у всех преподавателей.

Университетские будни мог нарушить серьезный конфликт. В 1928 г. такой случился в клинике профессора Н.И. Напалкова. Николай Иванович Напалков (1868 г.р.), ученик выдающегося хирурга, профессора П.И. Дьяконова, работал в Ростовском университете и руководил Факультетской хирургической клиникой с 1915 г. Организовав клинику с нуля и расширив её к 1930 г. до 60 коек, профессор наладил работу амбулатории, образцового музея и кафедральной библиотеки. Под руководством Напалкова для научных исследований было собрано более 6 тыс. стационарных историй болезней [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 404. Л. 186], организован Хирургический кружок, в последствии – Хирургическое Донское общество. Сотрудники клиники (профессора, ассистенты, ординаторы) опубликовали за 15 лет 120 работ, сделали 311 докладов, участвовали во всех хирургических съездах, включая Ленинградский съезд, проходивший под председательством самого Н.И. Напалкова [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 404. Л. 187]. Свой коллектив профессор воспитывал в идеях неустанного труда. Из его клиники вышли приват-доценты, впоследствии профессора: В.П. Вознесенский, Н.В. Парийский, А.С. Кечек, И.Я. Сендульский, И.Н. Чижов. В 1926–1927 гг. Н.И. Напалков был деканом медицинского факультета, членом Горсовета, членом правления Дома ученых. Фигура для университета знаковая и важная во всех смыслах.

В 1928 г. ординаторы его клиники, боясь сокращения, обвинили профессора Н.И. Напалкова в поощрении т.н. семейственности. На административных постах в клинике работал его сын, ассистент П.Н. Напалков. По делу клиники была создана специальная комиссия. Обсуждение итогов ее работы свидетельствовало о полярности позиций университетской администрации. На заседании Правления СКГУ К.З. Яцута (от имени профессуры медфака) просил передать этот вопрос на внутреннее факультетское рассмотрение. Профессор А.И. Ющенко, как представитель СНР, заявлял, что «с семейственностью нужно бороться, уделяя большое внимание общественности». Декан педфака Б.Ф. Гофман счел нужным придать конфликту идеологический характер, увидев в нем результат столкновения старой формы административного управления с новой формой – советской [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 339]. Ректор Л.М. Ефименко, сторонник решения конфликта на уровне Правления СКГУ, формально поддержал ординаторов: «они начали прямо и откровенно высказываться о тех ненормальностях, которые создались в клинике» [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 340].

В этом конфликте явление «семейственности» проявилось как элемент университетской жизни, характерный и для других клиник медфака. Конфликт, в условиях его раздувания, грозил перерасти в крупный скандал с репутационными потерями. В процессе урегулирования конфликта сработали академические и, возможно, личные связи. Профессор П.И. Эмдин считал, что бороться с семейственностью «до конца» не нужно, достаточно показательного решения по одной клинике. Также он указывал на то, что ординаторы, инициировавшие конфликт, неверно осветили вопрос отношения к больным и техперсоналу в

клинике. Работа Хирургической клиники в целом поставлена образцово. Ассистент Напалков, по его мнению, является ценным работником и нет нужды карать его и директора клиники, тем более – прерывать научную работу ассистента, достаточно отстранить сына профессора от всех административных вопросов.

Член правления СКГУ А.Ф. Вишневский считал, что не только сын, а все ученики должны быть достойны своего учителя, и все должны на равных основаниях пользоваться духовным капиталом профессора Напалкова, в независимости от родства... Но, если будет снят ассистент Напалков, существует угроза развала клиники, а это уже «контрреволюция» [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 340]. В итоге Правление СКГУ сочло необходимым уволить ассистента П.Н. Напалкова по возвращению из отпуска. Ординаторов клиники сократить по деловому принципу не удалось: местком и профессор Н.И. Напалков предложили разные кандидатуры. Из характерной приметы времени отметим критику ассистентов клиники за их устранение от общественно-организующей роли, какую они должны были сыграть в «советской действительности». В университетской повседневности наблюдалось явное смещение ролей и новая расстановка сил. Ослабевали позиции «старой профессуры», активнее продвигались позиции представителей общественных организаций (СНР, месткомов) и партийных работников.

Важнейшим фактором, влияющим на многомерную академическую повседневность, была общая повестка, диктовавшаяся университету сверху. Перед Всероссийским ректорским совещанием в апреле 1929 г. для подготовки сопутствующей вузовской выставки были обозначены главные, по мнению Главпрофобра, темы [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 345. Л. 23]:

- классовый состав вузов за последние 3–5 лет;
- рост и упорядочение учебной жизни, научно-исследовательской работы;
- усиление марксистско-материалистического крыла в среде профессоров и преподавателей;
- вопросы использования фабрично-заводских лабораторий в работе вузов;
- материальное положение преподавательского и студенческого состава.

В процессе подготовки к Всероссийскому ректорскому совещанию (1929 г.), по условиям учебной работы на педфаке в СКГУ выяснилось, что многие проблемы к концу 1920-х гг. остались созвучны проблемам 6–9 летней давности: недостаточно книг в кабинетах литературы, диалектического материализма, физики, математики и др., неудовлетворительно техническое оборудование, кабинет литературы профессора Беляева находился в сыром подвальном помещении, не хватало средств для ведения практических занятий по физике, не хватало аудиторий для занятий в химическом корпусе и т.д. [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 345. Л. 32].

Заключение

В первой половине 1920-х гг. Донской университет находился в крайне тяжелых условиях, что не могло не сказаться на жизни его преподавателей. Недостаток средств, продуктов, проблемы со здоровьем, жилищный вопрос, постоянные реорганизации учебного процесса, зачастую некомфортные условия труда –

все это требовало от преподавателя работы на пределе человеческих ресурсов, выживания в условиях хаоса и постоянной неопределенности. Последнее не могло не повлиять на активность и результаты научной деятельности большинства преподавателей.

В условиях реформы высшей школы, преобразования Донского университета в СКГУ преподаватели испытывали регулярные трудности в связи с перегрузкой, изменением учебных планов и методики преподавания, параллельной работой в других учреждениях. Преподаватель был вынужден адаптироваться под меняющийся контингент студентов (когда в связи с пролетаризацией вуза обычная лекция не воспринималась большей частью учащихся), создавать «с нуля» учебные кабинеты, формировать библиотеки, открывать музеи, искать способы их наполнения литературой и оборудованием. В отличие от быта, усугубляемого социально-экономическими причинами, университетская повседневность осложнялась постоянными трансформациями университетских структур. Многие составляющие академической повседневности свидетельствовали о попытках поддержать прежние университетские традиции (научные общества, кружки, публичные лекции, обсуждение докладов, чествование профессоров-юбиларов). Вместе с тем заметно усиливалось влияние на академическую жизнь таких организаций как КУБУ, СНР, партийных и комсомольских ячеек.

Основу ростовского университетского сообщества составлял профессорский и доцентский контингент «старой» школы. Многие его представители, при вполне лояльном отношении к советской власти, несмотря на все испытания повседневной жизни, находили силы для активной университетской работы. До конца 1920-х гг. некоторые представители ростовской профессуры сохраняли убеждение, что наука аполитична [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 404]. Впрочем, уже в 1930 г. такие заявления были чреваты потерей работы. К концу 1920-х гг. от университетского преподавателя власть ожидала активного участия в общественной жизни университета, города, страны. Ряды университетских преподавателей постепенно пополнялись преподавателями нового типа: выпускниками Коммунистической академии и выдвиженцами. Университетская повседневность приобретала все более выраженный советский характер. Резкое противопоставление «старой» профессуры «новому» советскому работнику высшей школы задало тон последующему десятилетию университетской жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абубикерова 2012 – *Абубикерова Э.Ф.* Профессиональная повседневность научно-педагогических работников Саратова в 1920-е годы // Известия Саратовского университета. – 2012. – Т. 12. Сер. История. Международные отношения. – Вып. 2. – С. 119–122.

Белозеров 1959 – *Белозеров С.Е.* Очерки истории Ростовского университета. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета. – 1959. – 362с.

Вишленкова, Парсамов 2014 – *Вишленкова Е.А., Парсамов В.С.* Университетские истории в России: генезис жанров // Вестник СПбГУКИ. – 2014. – № 3 (20) сентябрь. – С. 164–172.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Данилов 2005 – *Данилов А.Г.* Варшавский университет в Ростове-на-Дону (1915–1917 гг.). Часть 1. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2005. – № 3. – С. 29–34.

Ефременко 1927 – *Ефременко Л.М.* Северо-Кавказский государственный университет в 1925–26 акад. году. / Отдельный оттиск из журнала «Известия СКГУ». – Ростов-на-Дону. – 1927. – Т. I (XII). – С. 111–192.

Казарова 2019 – *Казарова Н.А.* Любавич Николай Николаевич / Историки Ростовского университета: сборник биографических очерков. Сост. Н.А. Казарова, С.А. Кислицын. – Ростов-на-Дону, Таганрог: Южный Федеральный университет, 2019. – С. 11–17.

Казарова 2024 – *Казарова Н.А.* Ангелина Григорьевна Задера: историк и педагог // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы исторической науки (к105-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): материалы всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (21–22 марта 2024 г., г. Ростова-на-Дону) – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство ЮФУ. – 2024. – С. 212–219.

Краковский 2021 – *Краковский К.П.* Счастливая находка. По страницам биографий профессоров В.А. Савальского и С.И. Живаго // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2021. – Т. 8, № 3. – С. 67–73. – DOI: 10.18522/2313-6138-2021-8-3-11.

Кринко, Тажидинова, Хлынина 2011 – *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН. – 2011. – 360 с.

Лебина 1999 – *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. – Санкт-Петербург: Журн. "Нева", Летний Сад, 1999. – 320 с., илл.

Лебина 2015 – *Лебина Н.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 488 с.

Миронова 2020 – *Миронова Н.А.* Великая эпидемия: сыпной тиф в России в первые годы советской власти. – Москва: Университет Дмитрия Пожарского. – 2020. – 315 с.

Парсамов 2018 – *Парсамов В.С.* Борьба за университет в большевистской России 1917–1921 гг. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2018. – № 6 (39). – С. 121–146. DOI: 10.28995/2073–6355-2018-6-121-146

Пырков 2015 – *Пырков В.Е.* Эпистолярное наследие Д.Д. Мордухай-Болтовского: переписка с отечественными и зарубежными математиками // Материалы I Международной научной конференции «Осенние математические чтения в Адыгее». – Майкоп: Изд-во АГУ. – 2015. – С. 182–189.

Репина 2017 – *Репина Л.П.* Юбилейные истории университетов как жанр современной российской историографии // Диалог со временем. – 2017. – Вып. 60. – С. 142–152. – EDN: ZGFODV.

Сорокин 1992 – *Сорокин П.А.* Дальняя дорога: автобиография / пер. с англ., общ. ред., сост., предисл. и примеч. А.В. Липского. – Москва: Изд. центр "Терра": Московский рабочий. – 1992. – 302 с.

Тарасова 2006 – *Тарасова М.Н.* «В пользу читающей публике» // Донской временник. Год 2007-й / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов-на-Дону. – 2006. – Вып. 15. – С. 187–190.

Шандулин 2017 – *Шандулин Е.В.* Университетская трансформация в 1920-е гг. в СССР как отражение государственной политики реформирования системы высшего образования (по материалам Донского университета) // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – Выпуск №1. – С. 135–140.

REFERENCES

ABUBIKEROVA E.F. *Professionalnaia povsednevnost nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov Saratova v 1920-e gody* [The Professional Daily Life of Research and Teaching Staff in Saratov in the 1920s]. In: *Izvestiia Saratovskogo universiteta*. – 2012. – Т. 12. Ser. Isto-riia. Mezhdunarodnye otnosheniia. – Vyp. 2. – P. 119–122. (In Russ.).

BELOZEROV S.E. *Ocherki istorii Rostovskogo universiteta* [Essays on the history of Rostov University]. – Rostov-na-Donu: Izda-telstvo Rostovskogo universiteta. – 1959. – 362 p. (In Russ.).

VISHLENKOVA E.A., PARSAMOV V.S. *Universitetskie istorii v Rossii: genesis zhanrov* [University Stories in Russia: the Genesis of Genres]. In: Vestnik SPbGUKI. – 2014. – № 3 (20) sentiabr. – P. 164–172. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [The State Archive of the Rostov region]. (In Russ.).

DANILOV A.G. *Varshavskii universitet v Rostove-na-Donu (1915–1917 gg.). Chast 1.* [Warsaw University in Rostov-on-Don (1915–1917). Part 1.]. In: Izvestiia vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki. – 2005. – № 3. – P. 29–34. (In Russ.).

EFREMENKO L.M. *Severo-Kavkazskii gosudarstvennyi universitet v 1925–26 akad. godu.* [North Caucasus State University in 1925–26 Academy of Sciences. year]. In: Otdelnyi ottisk iz zhurnala «Izvestiia SKGU». – Rostov-na-Donu. – 1927. – T.I (XII). – P. 111–192. (In Russ.).

KAZAROVA N.A. *Liubovich Nikolai Nikolaevich* [Lyubovich Nikolay Nikolaevich]. In: Istoriiki Rostovskogo universiteta: sbornik biograficheskikh ocherkov. Sost. N.A. Kazarova, S.A. Kislytsyn. – Rostov-na-Donu, Taganrog: Iuzhnyi Federalnyi universitet, 2019. – P. 11–17. (In Russ.).

KAZAROVA N.A. *Angelina Grigorevna Zadera: istorik i pedagog* [Angelina Grigorievna Zadera: historian and teacher]. In: Nauchnoe nasledie professora A.P. Pronshteina i aktualnye problemy istoricheskoi nauki (k105-letiiu so dnia rozhdeniia vydaiushchegosia rossiiskogo uchenogo): materialy vserossiiskoi (s mezhduna-rodnyim uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii (21–22 marta 2024 g., g. Rostova-na-Donu) – Rostov-na-Donu; Taganrog: Izdatelstvo IuFU. – 2024. – P. 212–219. (In Russ.).

KRAKOVSKII K.P. *Schastlivaia nakhodka. Po stranitsam biografii professorov V.A. Savalskogo i S.I. Zhivago* [A lucky find. Biographies of Professors V.A. Savalsky and S.I. Zhivago]. In: Vestnik Iuridicheskogo fakulteta Iuzhnogo federalnogo uni-versiteta. – 2021. – T. 8, № 3. – P. 67–73. – DOI: 10.18522/2313-6138-2021-8-3-11. (In Russ.).

KRINKO E.F., TAZHIDINOVA I.G., KHLYNINA T.P. *Povsednevnyi mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-kh gg.: zhizn v usloviakh sotsialnykh transformatsii* [The Everyday World of the Soviet Man in the 1920s–1940s: Living in a Time of Social Transformation]. – Rostov n/D: Izd-vo IuNTs RAN. – 2011. – 360 p. (In Russ.).

LEBINA N.B. *Povsednevnaia zhizn sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920–1930 gody* [The Everyday Life of the Soviet City: Norms and Abnormalities. The 1920s–1930s]. – Sankt-Peterburg: Zhurn. Neva, Letnii Sad, 1999. – 320 s., ill. (In Russ.).

LEBINA N. *Sovetskaia povsednevnost: normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bolshomu stilu* [Soviet Everyday Life: Norms and Abnormalities. From War Communism to Big Style]. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. – 488 p. (In Russ.).

MIRONOVA N.A. *Velikaia epidemiia: synnoi tif v Rossii v pervye gody sovetskoi vlasti* [The Great Epidemic: Typhus in Russia during the Early Years of Soviet Power]. – Moskva: Universitet Dmitriia Pozharskogo. – 2020. – 315 p. (In Russ.).

PARSAMOV V.S. *Borba za universitet v bolshevistskoi Rossii 1917–1921 gg.* [The Struggle for the University in Bolshevik Russia, 1917–1921]. In: Vestnik RGGU. Serii «Istoriia. Filologii. Kulturologii. Vostokovedenie». – 2018. – № 6 (39). – P. 121–146. DOI: 10.28995/2073–6355-2018-6-121-146. (In Russ.).

PYRKOV V.E. *Epistoliarnoe nasledie D.D. Mordukhai-Boltovskogo: perepiska s otechestvennymi i zarubezhnymi matematikami* [The Epistolary Heritage of D.D. Mordukhai-Boltovsky: Correspondence with Russian and Foreign Mathematicians]. In: Materialy I Mezhdunarodnoi nauchnoi konfe-rentsii «Osenne matematicheskie chteniia v Adygee». – Maikop: Izd-vo AGU. – 2015. – P. 182–189. (In Russ.).

REPINA L.P. *Iubileinye istorii universitetov kak zhanr sovremennoi rossiiskoi istoriografii* [Anniversary stories of universities as a genre of modern Russian historiography]. In: Dialog so vremenem. – 2017. – Vyp. 60. – P. 142–152. – EDN: ZGFODB. (In Russ.).

SOROKIN P.A. *Dalniaia doroga: avtobiografiia* [A long journey: an autobiography] / per. s angl., obshch. red., sost., predisl. i primech. A.V. Lipskogo. – Moskva: Izd. tsentr Terra: Moskovskii rabochii. – 1992. – 302 p. (In Russ.).

TARASOVA M.N. «*V polzu chitaiushchei publike*» ["For the benefit of the reading public"]. In: Donskoi vremennik. God 2007-i / Don. gos. publ. b-ka. Rostov-na-Donu. – 2006. – Vyp. 15. – P. 187–190. (In Russ.).

SHANDULIN E.V. *Universitetskaia transformatsiia v 1920-e gg. v SSSR kak otrazhenie gosudarstvennoi politiki reformirovaniia sistemy vysshego obrazovaniia (po materialam Donskogo universiteta)* [University transformation in the 1920s in the USSR as a reflection of the state policy of reforming the higher education system (based on the materials of the Don University)]. In: *Gumanitarnye i iuridicheskie issledovaniia*. – 2017. – Vypusk №1. – P. 135–140. (In Russ.).

Информация об авторе:

Н.И. Швайба – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

N.I. Shvaiba – candidate of sciences (History), associate professor.

Статья поступила в редакцию 08.09.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 08.09.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Научная статья
УДК: 94(470.621)''1920/1930''
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-155-164
EDN: GEKXKY

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ «КОРЕНИЗАЦИИ» В АДЫГЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ В 1920-Х – 1930-Х ГОДАХ: ПРОБЛЕМЫ И ДОСТИЖЕНИЯ

Юрий Асланбиевич Яхутль

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, a075ca@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

Аннотация. После образования союзного государства в 1922 г. большевики развернули активную работу по реализации политики «коренизации». Она была одной из составляющих национальной политики РКП(б), обеспечивавшая ей поддержку нацменьшинств бывшей Российской империи. На начальном этапе это вылилось в практическую реализацию лозунга «право нации на самоопределение», а в последующем развитию национальных культур, подготовке национальных кадров и др. Тем самым партия большевиков не только демонстрировала уважение к традициям народов, но и стремилась утвердить свои властные полномочия в национальных республиках и областях. Для каждой национальной республики, автономии или округа она приобретала свои характерные черты. Первые шаги были сделаны на XII съезде РКП(б) в 1923 г., когда приняли решение о целенаправленной подготовке национальных кадров. Съезд предложил активизировать работу по привлечению в административные, партийные органы и учреждения национальных республик и областей кадры, знающие язык, быт и культуру соответствующих народов. Это означало, что приоритет при подготовке и расстановке кадров будет отдаваться представителям национальных меньшинств. Статья посвящена подготовке национальных кадров сферы образования и здравоохранения Адыгейской автономной области в годы первой пятилетки. На основании архивных материалов изучено содержание политики «коренизации», дана оценка эффективности реализуемых планов по подготовке национальных кадров для образовательных учреждений и здравоохранения Адыгеи.

Ключевые слова: Адыгейская автономная область; коренизация; национальные кадры; национальная политика; здравоохранение; образование

Для цитирования: Яхутль Ю.А. Реализация политики «коренизации» в Адыгейской автономной в 1920-х – 1930-х годах: проблемы и достижения // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 155-164. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-155-164. EDN: GEKXKY.

© Яхутль Ю.А., 2025

Original article

IMPLEMENTATION OF THE POLICY OF "KORENIZATION" IN THE ADYGHE AUTONOMOUS REPUBLIC IN THE 1920 S – 1930 S: PROBLEMS AND ACHIEVEMENTS

Yuri A. Yakhutl

Kuban State University, Krasnodar, Russia, a075ca@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

Abstract. After the formation of the Union state in 1922, the Bolsheviks began active work on the implementation of the policy of "korenization". It was one of the components of the national policy of the Russian Communist Party (b), which provided it with the support of national minorities of the former Russian Empire. At the initial stage, this resulted in the practical implementation of the slogan "the nation's right to self-determination", and subsequently the development of national cultures, the training of national personnel, etc. Thus, the Bolshevik Party not only demonstrated respect for the traditions of the peoples, but also sought to assert its authority in the national republics and regions. For each national republic, autonomy, or district, it acquired its own characteristic features. The first steps were taken at the XII Congress of the Russian Communist Party (b) in 1923, when it was decided to purposefully train national personnel. The Congress proposed to intensify efforts to attract personnel who know the language, way of life and culture of the respective peoples to the administrative, party bodies and institutions of the national republics and regions. This meant that priority in the training and placement of personnel would be given to representatives of national minorities. The article is devoted to the training of national personnel in the field of education and healthcare of the Adygea Autonomous Region during the first five-year plan. Based on archival materials, the content of the "korenization" policy has been studied, and the effectiveness of the implemented plans for training national personnel for educational institutions and healthcare in Adygea has been assessed.

Keywords: Adygea Autonomous Region; korenization; national personnel; national policy; healthcare; education

For citation: Yakhutl Yu.A. Implementation of the policy of "korenization" in the Adyghe Autonomous Republic in the 1920s – 1930s: problems and achievements. In: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 155-164. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-155-164. EDN: GEKXKY.

© Yakhutl Yu.A., 2025

Введение

Опыт формирования и реализации национальной политики в Советском Союзе в современной России вызывает не только научный, но и практический интерес. Обращение к политике «коренизации» как составной части национальной политики большевиков даёт возможность понять и оценить её результаты для большинства малочисленных народов входивших в состав СССР. Наиболее ярко и эффективно она проявилась в процессе формирования национальных кадров для партийных и советских структур, как приоритетного направления в национально-кадровой политики РКП(б)–ВКП(б). Но не менее существенными были изменения в подготовке национальных кадров для экономики и социальной сферы. В данной статье затронут один из аспектов этой модели – коренизация учреждений социальной сферы Адыгейской автономной области. Политика «коренизации» имела свои особенности на Северном Кавказе, обусловленные историческим прошлым и сложными процессом интеграции в единое российское политическое пространство. Массовая коренизация на Северном Кавказе началась позже остальных регионов страны, и официально была объявлена Северо-Кавказским крайисполкомом весной 1929 г. Как отмечают исследователи, она

сопровождалась «перегибами и издержками», но она выполнила своё главное предназначение [Хлынина 2014: 110].

Ещё на X съезде РКП(б) в 1921 г. в сфере национальных отношений предлагалось считать приоритетной задачей помощь национальным меньшинствам в подготовке кадров, развитии делопроизводства на родном языке в органах государственной власти, народного хозяйства, прессы, школьном образовании и театре [Коммунистическая партия Советского Союза Т. 2... 1984: 360–370]. Впервые термин «коренизация» как комплекс практических мероприятий прозвучал на III Всесоюзном съезде Советов в 1925 г.

Индустриализация в Советском Союзе способствовала коренным изменениям в обществе и экономике. Необходимым условием выполнения первых пятилетних планов было решение проблемы подготовки и обучения кадров для народного хозяйства страны. Ситуация актуализировалась в период первой пятилетки, когда кадровые проблемы стали одной из причин неудач. В ходе решения вопросов по подготовке управленческих кадров, специалистов для экономики, сферы образования и здравоохранения ВКП(б) стала вносить существенные изменения в национально-кадровую политику. Политика «коренизации» требовала создания льготных условий для выдвижения представителей коренных наций [Туфанов 2017: 86]. Большинство современных российских исследователей воспринимают её как возможность подготовки национальных кадров для местной экономики и структур государственного управления [Туфанов, Кравченко 2021; Маркелова 2017].

О существенных изменениях в национальной политике было заявлено ещё на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. И.В. Сталин в своём выступлении на партийном форуме заявил: «Для того, чтобы Советская власть стала и для инонационального крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт. Только тогда, и только постольку Советская власть, до последнего времени являвшаяся властью русской, станет властью не только русской, но и межнациональной, родной для крестьян ранее угнетённых национальностей, когда учреждения и органы власти в республиках этих стран заговорят и заработают на родном языке. В этом одна из основ национального вопроса вообще, в обстановке советской в особенности» [Двенадцатый съезд РКП(б) 1923: 482]. По итогам работы съезд партии рекомендовал национальным республикам и областям активно привлекать для работы в различные структуры местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов. А также требовалось создать правовую базу, обеспечивающую использование родного языка во всех государственных органах и учреждениях [Коммунистическая партия Советского Союза Т. 3... 1984: 86].

Обращаясь к опыту Российской империи, следует отметить, что документов, содержащих основные принципы национальной политики царизма, не существовало, а национальная политика получила своё фрагментарное развитие, в котором присутствовали в большей мере ограничительные функции. По мнению некоторых российских исследователей, формально законодательство империи «почти не знало правовых ограничений по национальному признаку».

Законом были ущемлены в правах евреи, а с 1864 г. поляки-католики. На уровне подзаконных актов существовали ограничения татар-мусульман» [Дякин 1998: 15, 16]. Вместе с тем, в отношении этнических меньшинств в области образования накладывались определённые запреты. Поэтому большевикам приходилось исходить из собственного опыта, основанного на классовых принципах. В этой связи один из аспектов модели национальной политики, а именно «коренизация» сферы образования и здравоохранения Адыгейской автономной области представляет наибольший научный интерес, в которой была в полной мере реализована национальная политика большевиков. Методы реализации и оценка её последствий могут быть использованы в ходе формирования концепции национальной политики современной России.

Теоретико-методологической основой исследования являются базовые принципы объективности и историзма. Используются положения «новой локальной истории», что даёт возможность гармонично рассматривать региональную историю в контексте развития общероссийского исторического процесса.

Реализация политики «коренизации» в образовании и здравоохранении Адыгейской автономной области

На начальном этапе советская власть отменила все ограничения предшествующего периода в области использования национальными меньшинствами родного языка. Большевики активно поддерживали развитие национальной культуры. Таким образом они способствовали развитию национальной школы, где обучение велось на родном языке, это было одним из требований многих народов, которое игнорировалось правительством империи. В последующем именно новая советская школа станет основой для формирования национальных кадров. Немаловажным фактором было то, что именно в этот период около 46 этносов Кавказа, не имевших до этого письменности, получили свой алфавит. Кроме того, Советское правительство требовало вести официальный документооборот и издавать учебную литературу на национальных языках. Но в 1920-х гг. мероприятия не получали широкой поддержки из-за отсутствия подготовленных национальных кадров и высокого уровне безграмотности среди детей школьного возраста и взрослого населения большинства национальных образований. Это явление было характерным для Адыгейской автономной области в 1920-х гг. на начальном этапе национально-государственного строительства. Насколько значимыми были преобразования для Адыгеи можно судить по её результатам. Период 1920-х – 1930-х гг. стал отправной точкой по формированию управленческих кадров и национальной интеллигенции автономии. В тексте статьи этнонимы «адыги» и «черкесы» используются как взаимозаменяемые: «адыги» – внутренний этноним, «черкесы» – традиционный внешний, присвоенный в годы советской власти. На Кубани использовали ещё термин «горцы», что равнозначно адыгам или черкесам. Начало коренных изменений в черкесском обществе было положено с окончательным установлением советской власти на Кубани и созданием в 1920 г. Горской секции в составе Кубано-Черноморского ревкома. Утверждение Черкесской (Адыгейской) автономной области как самостоятельного субъекта РСФСР ознаменовало качественно новый этап в развитии

малочисленного народа Северо-Западного Кавказа [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 39. Д. 49. Л. 369]. Менее чем через два месяца, 24 августа 1922 г. Президиум ВЦИК переименовал область в Адыгейскую (Черкесскую) [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 39. Д. 56. Л. 90]. Очередное организационное решение Президиум ВЦИК в отношении области принял 13 августа 1928 г., когда утвердил окончательное название – Адыгейская автономная область [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 43. Д. 63. Л. 107]. Заседание Президиума вёл Я.В. Полуян, который в 1920 г. возглавлял Кубано-Черноморский областной ревком и считал нецелесообразным выделение черкесов из состава области как самостоятельное государственное образование.

Одной из приоритетных задач политики «коренизации», получившей своё развитие после решений XII съезда РКП(б), была подготовка национальных кадров для проведения социалистической реконструкции экономики страны. Но эта проблема была характерна не только для национальных образований СССР, но в целом для страны. Недостаток различных специалистов, особенно в образовании и здравоохранении ощущался повсеместно, однако среди нацменьшинств он более заметен. Этот показатель во многом зависел от доли представителей нацменьшинств в образовательных учреждениях, поэтому до середины 1930-х гг. административный нажим в этой сфере не ослабевал. В Адыгейской автономной области, которая переживала коренные изменения в экономике и социальной сфере, этот процесс проходил в годы первой пятилетки (1928–1933 гг.). Одной из особенностей населения Адыгеи была её национальная неоднородность, оказывавшая влияние на политику «коренизации» в сфере образования и здравоохранения. На территории ААО проживали представители 30 национальностей, в том числе черкесов – 44,5 %, русских – 26 %, украинцев – 22,2 % и 6,3 % прочих народностей [Яхутль, Касьянов, Брантов 2022а: 248]. Уровень грамотности среди коренного населения региона при численности 65 583 чел. составлял лишь 4 % [НАРА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 40. Л б/н]. В национальных областях Северо-Кавказского края по итогам переписи 1926 г. такой уровень грамотности населения был характерным явлением [НАРА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 209. Л. 1]. Следовательно, отсутствие грамотных национальных кадров мешало реализации намеченных планов РКП(б) по «коренизации» в национальных областях и республиках, сохраняя свою актуальность последующее десятилетие.

На момент национально-государственного самоопределения черкесов в 1922 г. в г. Краснодаре (временная столица Адыгеи) функционировала одна областная больница, а в трёх сельских округах вели приём 6 врачебных участков. Но среди медицинского персонала не было адыгов, имевших специальное образование, что во многом препятствовало комплексному обслуживанию населения. С учётом особенностей обычаев и положения черкешенок в адыгском обществе оказание им акушерской помощи было не только затруднено, а практически невозможно. В 1925 г. на основании решения областного комитета ВКП(б) первая группа адыгов была направлена на учёбу в ветеринарно-фельдшерские школы и зоотехнические курсы за пределы области.

В дореволюционное время на территории с компактным проживанием горцев работали лишь 12 школ, содержавшихся за счёт государственного финансирования. С момента окончательного установления советской власти на Кубани и

учреждения Горской секции в составе Кубано-Черноморского областного ревкома число черкесских школ достигло 40 [НАРА. Ф. Р-419. Оп. 1. Д. 20. Л. 12, 20]. Существенных изменений, которые могли бы свидетельствовать о коренных преобразованиях, в последующие семь лет в сфере образования и здравоохранения Адыгеи не произошло. В 1926–1927 гг. в 118 школах I ступени, в том числе 55 расположенных в аулах, работали 238 педагогов, из которых только 66 учителей черкесов.

Во второй половине 1920-х гг. на территории автономной области функционировали 5 больниц на 250 койко-мест, 14 врачебно-участковых амбулаторий, 9 фельдшерских пунктов, малярийная станция и туберкулёзный диспансер, детская консультация, в которых было занято 343 медицинских работника [НАРА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 48. Л. 11, 16]. Поэтому с началом социалистической реконструкции экономики страны Адыгея, как аграрный регион с низким уровнем товарности горных хозяйств, столкнулась с кадровыми проблемами для местной экономики и социальной сферы. В первой половине 1920-х гг. рост представителей коренной национальности в учреждениях здравоохранения был только по техническим должностям: 1926 г. – 26 чел., т. е. 11,3 %; 1927 г. – 39 чел., т. е. 13,3 %; 1928 г. – 50 чел., т. е. 18,9 % [НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 296. Л. 38]. С целью решения кадрового вопроса в 1928 г. группа черкесов в количестве 101 чел. были направлены на учёбу в Москву, Ростов-на-Дону, Ленинград, Новочеркасск, Владикавказ и Краснодар.

На уровне Северо-Кавказского края для эффективного руководства партийными организациями автономий крайком РКП(б) 31 июля 1924 г. учредил комиссию по национальной политике партии на Северном Кавказе во главе с секретарём крайкома РКП(б) А.И. Микояном. Комиссия осуществляла контроль и координацию по реализации национальной политики, развитию экономики, подбору и расстановке кадров в автономных областях. Одним из значимых событий стал пленум Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б), состоявшийся в декабре 1929 г., на котором рассмотрели основные направления подготовки специалистов высшей и средней квалификации [НАРА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 1]. План включал подготовку кадров для промышленности, сельского хозяйства, образования и здравоохранения. Но к этому времени на повестку дня выдвигались задачи социалистической модернизации, прежде всего – выполнение плана хлебозаготовок и колхозного строительства, а вопросы национальной политики отходили на второй план, что оказывало существенное влияние на реализацию плана «коренизации».

Северо-Кавказский краевой комитет партии установил для каждого национального образования региона квоты в вузы и средние специальные учебные заведения. Для Адыгеи выделили 65 мест в высшие учебные заведения и 193 в средние – специальные. Область не смогла обеспечить исполнение квоты по выделенным местам, необходимого количества национальных кадров для поступления в учебные заведения СССР. Решить эту проблему можно было за счёт открытия дополнительных подготовительных курсов и увеличения количества школ – семилеток, которых в Адыгее было незначительное количество. В повышенных школах в 1929/30 учебном году обучалось 444 ученика, а в следующем

учебном году – 1620 чел. Этого было явно недостаточно для конкурентного отбора учеников – адыгов для последующего обучения в высших учебных заведениях страны. К 1930 г. по признанию Северо-Кавказского комитета ВКП(б), 60 % сотрудников начальной школы Адыгейской автономной области были представлены коренными жителями. Всего же в системе школьного образования разных уровней было занято до 2000 учителей, в том числе 326 адыгов-преподавателей [НАРА. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 45. Т. 1. Л. 256, 186].

К концу первой пятилетки процесс «коренизации» в образовательных учреждениях Адыгейской автономной области, или «черкесизации», как его определяла областная партийная организация, значительно ускорился [НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 230. Л. 48]. Во-первых, увеличилось число средних школ с 7 до 26, во – вторых, выросло число адыгов – учеников с 489 до 910, что составляло практически 54 % от общего числа учащихся. Это позволило расширить возможности по отбору талантливой, грамотной адыгской молодёжи для последующего обучения. Произошли изменения в национальном составе учителей: доля черкесов – учителей в начальной школе выросла с 27,2 % (1929 г.) до 53 % (1933 г.). Особенно за этот период увеличилось число учителей-черкешенок с 7,4 % до 23,5 %. Но уровень их профессиональной подготовки оставался невысоким, так как большинство имели начальное образование и необходимо было в последующем проходить обучение на краткосрочных курсах повышения квалификации.

Развитие здравоохранения было определено успехами коллективизации, которые потребовали изменения приоритетов в реализации традиционных форм медицинского обслуживания населения. В этот период получило своё развитие районное звено, которое максимально приблизило медицинские учреждения к населению. При этом дефицит национальных кадров в целом по Северо-Кавказскому краю составлял 365 врачей и медсестёр, что оказывало существенное влияние на качество медицинского обслуживания сельского населения. Это потребовало подготовки дополнительных кадров для больниц и фельдшерских пунктов. В 1932 г. при Краснодарском медицинском техникуме организовали курсы медсестёр исключительно для обслуживания черкешенок. Такое решение, как мы отмечаем, было обусловлено своеобразием бытовых условий и традициями коренного населения области [НАРА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 420. Л. 16, 17, 28]. Государственное финансирование позволило увеличить количество лечебных учреждений в Адыгее в 2,5 раза, а общее число больничных коек с 1 310 до 7 950. Сформировался кадровый состав медицинских учреждений: в 1922 г. было 7 врачей всех специальностей, а в 1940 г. – 148 врачей; количество врачей на 10 тыс. чел. в 1922 г. – 0,3, а в 1940 г. – 5 [Яхутль, Касьянов, Брантов 2022b: 29].

Таким образом процесс коренизации в регионе, который отличался наличием религиозного и языкового многообразия, отсутствием развитой экономики и социальной сферы проходил сложно и не был реализован в полной мере. Это было обусловлено не только особенностями самого региона, но изменениями в содержании национальной политики правящей партии в середине 1930-х гг.

Выводы

Советская политика «коренизации», которая включала комплекс мероприятий от перевода делопроизводства на родной язык и подготовки национальных кадров до вовлечения представителей нацменьшинств в органы управления, заслуживает изучения и обобщения. Её цель заключалась в создании национальных кадров в производственной и социальной сферах. Она была одной из составляющих национальной политики РКП(б) по распространению марксистской идеологии и формированию единой социалистической общности. Признавая наличие существенных недостатков и всевозможных «административных перегибов», политика «коренизации» позволила сформировать в Адыгейской автономной области национальную интеллигенцию. Если первые годы её реализации на территории области сопровождались организационными проблемами, то в последующем активная практика исполнения просветительских и образовательных проектов позволила достичь промежуточных положительных результатов. Этот проект большевиков оказался позитивным и способствовал социально-экономическому и культурному развитию адыгов. Но начавшийся в 1935 г. поворот в национальной политике свёл на нет многие достижения предшествующего периода. При этом принцип выдвижения национальных кадров сохранялся весь период существования СССР как один из основополагающих в национальной политике коммунистов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Двенадцатый съезд РКП(б) 1923 – Двенадцатый съезд РКП(б) 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчёт. – М.: Политиздат, 1968. – 903 с.
- Дякин 1998 – *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XX – начало XX вв.). – СПб.: «ЛИСС», 1998. – 1000 с.
- Коммунистическая партия Советского Союза 1984 – Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в Т. 2. М.: Политическая литература, 1984. – 606 с.
- Коммунистическая партия Советского Союза 1984 – Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М.: Политическая литература, 1984. – 494 с.
- Маркелова 2017 – *Маркелова А.А.* К вопросу о национальной политике СССР // Научный вестник ВФ РАНХиГС. Сер. Политология и социология. – 2017. – № 3. – С. 94–98.
- НАРА – Национальный архив Республики Адыгея.
- Туфанов 2017 – *Туфанов Е.В.* Коренизация как инструмент формирования региональной номенклатуры на материалах Северного Кавказа в 1920–1930-е гг. // Научная мысль Кавказа. – 2017. – № 3. – С. 84–89.
- Туфанов, Кравченко 2021 – *Туфанов Е.В., Кравченко И.Н.* Партийно-государственная номенклатура и процесс индустриализации в Северокавказском регионе // Вестник Калмыцкого университета. – 2021. – № 49 (1). – С. 31–38.
- Хлынина 2014 – *Хлынина Т.П.* Коренизация и решение национального вопроса на Северном Кавказе в 1920-е – 1930-е гг. // Вестник Южного научного центра РАН. – 2014. – Т. 10. – № 3. – С. 106–111.
- Яхутль, Касьянов, Брантов 2022а – *Яхутль Ю.А., Касьянов В.В., Брантов А.И.* Адыгейская автономная область в условиях экономической и социальной модернизации. 1933–1941 гг.: документы и материалы (к столетию образования Адыгейской (Черкесской) автономной области). – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. – 237 с.

Яхутль, Касьянов, Брантов 2022b – Яхутль Ю.А., Касьянов В.В., Брантов А.И. Национально-государственное строительство Адыгеи. 1920–1930-е гг.: документы и материалы (к столетию образования Адыгейской (Черкесской) автономной области). – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. – 267 с.

REFERENCES

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. (In Russ.).

Dvenadtsati s'ezd RKP(b) 17–25 aprelya 1923 goda. Stenograficheskii otchet. [The Twelfth Congress of the Russian Communist Party (b) on April 17–25, 1923. Verbatim report] – М.: Politizdat, 1968. – 903 p. (In Russ.).

DYAKIN V.S. *Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XX – nachalo XX vv.)* [The national question in the internal policy of Tsarism (XX – early XX centuries)]. – SPb.: «LISS», 1998. – 1000 p. (In Russ.).

Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza 1984 – Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TSK: T. 2. [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee: vol. 2.] – М.: Politicheskaya literatura, 1984. – 606 p. (In Russ.).

Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza 1984 – Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TSK. T. 3. [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee: vol. 3.] – М.: Politicheskaya literatura, 1984. – 494 p. (In Russ.).

MARKELOVA A.A. *K voprosu o natsional'noi politike SSSR* [To the question of the USSR national policy]. IN: *Nauchnyi vestnik VF RANKhiGS. Ser. Politologiya i sotsiologiya*. – 2017. – No. 3. – P. 94–98. (In Russian)

Natsional'nyj arhiv Respubliki Adygeya. [The National Archive of the Republic of Adygea]. (In Russ.).

TUFANOV E.V. *Korenizatsiya kak instrument formirovaniya regional'noi nomenklatury na materialakh Severnogo Kavkaza v 1920–1930-e gg.* [Korenization as a tool for the formation of regional nomenclature based on the materials of the North Caucasus in the 1920s and 1930s.]. IN: *Nauchnaya mys' Kavkaza*. – 2017. – No. 3. – P. 84–89. (In Russ.).

TUFANOV E.V., KRAVCHENKO I.N. *Partiino-gosudarstvennaya nomenklatura i protsess industrializatsii v Severokavkazskom regione* [Party-state nomenclature and the process of industrialization in the North Caucasus region]. IN: *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. – 2021. – No. 49 (1). – P. 31–38. (In Russian)

KHLYNINA T.P. *Korenizatsiya i reshenie natsional'nogo voprosa na Severnom Kavkaze v 1920-e – 1930-e gg.* [The Korenization and resolution of the national question in the North Caucasus in the 1920 s – 1930 s.]. IN: *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2014. – T. 10. – № 3. – P. 106–111. (In Russ.).

YAKHUTL' YU.A., KAS'YANOV V.V., BRANTOV A.I. *Adygeiskaya avtonomnaya oblast' v usloviyakh ekonomicheskoi i sotsial'noi modernizatsii. 1933–1941 gg.: dokumenty i materialy (k stoletiyu obrazovaniya Adygeiskoi (Cherkesskoi) avtonomnoi oblasti)* [The Adygea Autonomous Region in the context of economic and social modernization. 1933–1941: documents and materials (on the centenary of the formation of the Adyghe (Circassian) Autonomous Region)]. – Krasnodar: Kubanskii gos. un-t, 2022. – 237 p. (In Russ.).

YAKHUTL' YU.A., KAS'YANOV V.V., BRANTOV A.I. *Natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo Adygei. 1920–1930-e gg.: dokumenty i materialy (k stoletiyu obrazovaniya Adygeiskoi (Cherkesskoi) avtonomnoi oblasti)* [National-state building of Adygea. 1920s–1930s: documents and materials (on the centenary of the formation of the Adyghe (Circassian) Autonomous Region)]. – Krasnodar: Kubanskii gos. un-t, 2022. – 267 p. (In Russ.).

Ю.А. Яхутль – доктор исторических наук, доцент

Information about the author

Y.A. Yakhutl – doctor of historical sciences, associate professor

Статья поступила в редакцию 03.09.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 03.09.2025 г.; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Научная статья
УДК 94(470)"19/..." +553.4: 553.046
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-165-175
EDN: HUBKYK

ОТКРЫТИЕ ТЫРНЫАУЗСКОГО ВОЛЬФРАМОМОЛИБДЕНОВОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ

Петр Абрамович Кузьминов¹, Расул Салихович Гуртуев²,
Инал Расулович Махов³

^{1,2,3} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

¹ petrakis_hist@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5767-1484>

² rasul.gurtuev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0092-0742>

Аннотация. Тырныаузский вольфрамомолибденовый комбинат (ТВМК) – ключевое горнометаллургическое предприятие Советского Союза на Северном Кавказе, сыгравшее значительную роль в обеспечении оборонной промышленности редкими металлами. В статье рассматривается история открытия геологами Б. Орловым, В. Флеровой и др. крупнейшего в стране вольфрамомолибденового месторождения в 1930-е годы. На основе корпуса архивных материалов и опубликованных источников обоснованы этапы геологоразведки района Приэльбрусья, борьба вокруг принятия решения о строительстве комбината в среде столичных геологов и позиция по этому вопросу, занятая партийным руководством КБАО. Вопрос был решен только после личного вмешательства народного комиссара тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе (1937 г.). Анализируется роль советских геологов и ученых в теоретическом обосновании наличия крупных залежей минералов в районе Тырныауза, которое находилось в пределах Эльбрусского района КБАО, на водоразделе широтного хребта Тырны-Ауз, являющегося восточным отрогом Эльбруса.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Тырныаузский комбинат, Орлов, Флерова, вольфрам, молибден, геологоразведка.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного Фонда № 25-28-20355.

Для цитирования: Кузьминов П.А., Гуртуев Р.С., Махов И.Р. Открытие Тырныаузского вольфрамомолибденового месторождения // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 165-175. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-165-175. EDN: HUBKYK.

© Кузьминов П.А., Гуртуев Р.С., Махов И.Р., 2025

Original article

DISCOVERY OF TYRNYAUZ TUNGSTEN-MOLYBDENUM DEPOSIT

Petr A. Kuzminov¹, Rasul S. Gurtuev², Inal R. Makhov³

^{1,2,3} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

¹ petrakis_hist@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5767-1484>

² rasul.gurtuev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0092-0742>

Abstract: Tyrnyauz Tungsten-Molybdenum Plant (TTMP) is a key mining and metallurgical enterprise of the Soviet Union in the North Caucasus, which played a significant role in providing the defense industry with rare metals. The article examines the history of the discovery by geologists B. Orlov, V. Flerova and others of the country's largest tungsten-molybdenum deposit in the 1930s. Based on the corpus of archival materials and published sources, the stages of geological exploration of the Elbrus region, the struggle around the decision to build a plant among metropolitan geologists and the position on this issue taken by the party leadership of the KBAR were substantiated. The issue was resolved only after the personal intervention of the People's Commissar of Heavy Industry G.K. Ordzhonikidze (1937). The role of Soviet geologists and scientists in the theoretical justification of the presence of large mineral deposits in the Tyrnyauz region, which was located within the Elbrus region of the KBAR, on the watershed of the latitudinal ridge Tyrny-Auz, which is the eastern spur of Elbrus, is analyzed.

Keywords: Tyrnyauz combine; Orlov; Flerova; tungsten; molybdenum; geological exploration; industrialization; Caucasus; defense industry.

Acknowledgments and funding: The study was funded by the Russian Science Foundation, project number 25-28-20355.

For citation: Kuzminov P.A., Gurtuev R.S., Makhov I.R. Discovery of Tyrnyauz tungsten-molybdenum deposit. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 165-175. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-165-175. EDN: HUBKYK.

© Kuzminov P.A., Gurtuev R.S., Makhov I.R., 2025

Введение

С конца 1920-х гг. в Советском Союзе активно занимались поиском, разведкой и добычей стратегически важного сырья для оборонной промышленности. Обширные геологические исследования, начатые еще в дореволюционное время, получили в первые десятилетия советской власти мощнейший импульс и централизованное государственное финансирование, стали основой открытия новых месторождений и их энергичной разработки. Возведение Тырныаузского вольфрамомолибденового комбината (ТВМК) в Кабардино-Балкарии стало одним из важных проектов в этой области. Комбинат, построенный в кратчайшие сроки в условиях высокогорья Кавказа, стал ярким примером форсированной индустриализации, реализации множества уникальных технических решений, преодоления значительных природных и организационных сложностей. Несмотря на трудности, предприятие оперативно начало производство концентратов редких металлов и внесло значительный вклад в военную экономику СССР, поставляя важные материалы для броневой стали, жаропрочных сплавов и снарядов с вольфрамовым сердечником, пробивающих броню любых танков.

В истории цивилизационного освоения Северного Кавказа, изучение истории открытия и разработки ТВМК является актуальной проблемой, которая определяется современным курсом на возрождение и развитие, в первую очередь, оборонной промышленности, и связанной с ней минерально-сырьевой базы. Наша страна в конце 1920-х–1930-е гг. продемонстрировала выдающиеся достижения в разведке и комплексном освоении месторождений полезных ископаемых, создании индустрии их переработки полного цикла. Этот опыт

необходимо знать, углублять и развивать. Одной из составляющих этого процесса был поиск вольфрама и молибдена в Приэльбрусье.

Реалии сегодняшнего дня требуют от профильного научного и промышленного сообщества учета этого опыта для выработки базы долговременного стабильного роста реальной экономики Российской Федерации. Этот вопрос напрямую связан с изучением вопросов организации горнорудной промышленности в предвоенный период, а также в ходе военных действий в районе деятельности крупных промышленных объектов.

Несмотря на значимость исследуемой проблемы в региональной историографии тема открытия Тырныаузского вольфрамомолибденового месторождения отечественными геологами остается слабо исследованной. Существуют краеведческие работы, мемуарные публикации и исследования, посвященные первым открывателям месторождения, воспоминания геологов, отдельные фрагменты о поисках и находках различных экспедиций. Однако комплексное исследование проблемы практически отсутствует.

Настоящая статья представляет собой одно из первых научных исследований по данной теме. В ходе подготовки статьи мы обращались к широкому спектру источников для реконструкции процесса геологического исследования месторождения. Сюда вошли архивные документы: приказы, отчёты, законы, отложившиеся в фонде «Тырныаузский ордена Трудового Красного Знамени горно-металлургический комбинат Министерства цветной металлургии СССР» [ЦГА АС КБР. Ф. Р-1051], отчеты геологов А.С. Федоренко и Н.А. Хрущева, внесших существенный вклад в геологическое изучение Приэльбрусья и Тырныаузского месторождения, в частности. Эти материалы, сосредоточенные в Краеведческом музее им. О.М. Отарова Эльбрусского муниципального района. «Основной фонд. КМОФ–1374», впервые вводятся в научный оборот и раскрывают сложный механизм поиска залежей молибдена и вольфрама в восточных отрогах Эльбруса и напряженную борьбу со столичными чиновниками за выделение материальных ресурсов на промышленную разработку этих минералов. Задействованы опубликованные документальные материалы, такие как мемуары, периодическая печать и статистические данные [Варданянц, Орлов 1934; Орлов 1935; Орджоникидзе 1957; Этапы 1965; Тырныаузские вертикали 1971; Муллаев 1988; Воспоминания 2010 и др.].

Важную роль в раскрытии темы сыграли статьи специалистов различных областей, связанных с поиском и разработкой месторождений минералов. В их число вошли геологи, экологи, географы, инженеры и другие [Баканов 1959; Ломако 1985; Родзянко 1973; Жамойда 2003; Потравный 2025 и др.]. В них рассматривались вопросы выявления месторождений вольфрама и молибдена геологами, подсчеты запасов минералов, планы добычи руды и др.

В исследовании использована совокупность методологических принципов историзма и системности, историко-сравнительный и проблемно-хронологический методы, которые позволили исследовать проблемы принятия решений об углубленном изучении региона геологами, задействовании всех инструментов воздействия на руководство наркомата тяжелой промышленности для подготовки приказа об углубленной разработке месторождения, влияние областных

хозяйственных и партийных органов на процессы геологического изучения месторождения, роль личных отношений руководителей республиканского и союзного уровня в организации производственной деятельности комбината и др.

Принцип объективности дал возможность детализировать процесс освоения месторождения, показать героизм жителей республики и соседних регионов при возведении первых объектов. Применение историко-экономического анализа позволило выявить связь между государственными решениями (например, приказами Наркоматов), потребностями обороны и социальными процессами в Кабардино-Балкарии [Воспоминания 2010]. Статья выстроена хронологически и тематически.

Геологические изыскания (1934–1936)

Предпосылки геологического характера, приведшие к выявлению Тырныаузского месторождения полиметаллических руд, формировались задолго до открытия месторождения 1930-х гг. В середине XIX в. академик Г.В. Абих исследуя геологическое строение Кавказского региона обратил внимание на возможное наличие полезных ископаемых в верховьях Баксана. В его отчете упоминается гора «Кургушин-Тау» в Баксанском ущелье, и «долины Чегем, Хулам, Балкар, Дегон (Дигор)» [Абих 1852: 445; 454].

Первые образцы молибденита на Кавказе были обнаружены в 1858-м, а затем повторно в 1898 гг. в местности Сангути-Дон в верховьях р. Урух в Северной Осетии, в 1912 г. по Черeku Хуламскому, в 1915 г. в моренах ледника Дых-Су [Орлов 1935: 307].

Местные жители, охотники, в поисках свинцового сырья для производства пуль и дроби, находили в горах куски породы, напоминающие руду, содержащую свинец – галенит или графит, но не плавящиеся при обычных для выплавки этого металла температурах, за что их прозвали «плохим свинцом» («аман-коргашин» на балкарском языке). Это и был, как впоследствии выяснилось, молибденит, для плавления которого требуется температура свыше 2620 °С [Михайлова 2021: 13].

В 1898 г. во время так называемой «горной лихорадки» на Северном Кавказе [Муратова 2019] житель с. Урусбиево К. Искандеров и врач П.Х. Грамматиков подали прошение в управление Владикавказского горного округа о разрешении изысканий руды «серебро-свинцового блеска» в районе Кирхожана (современный Тырныауз)¹, но тогда интереса эти сведения не вызвали.

Следует отметить, что «до Октябрьской социалистической революции горнорудная промышленность развивалась медленно и была наиболее отсталой отраслью промышленного хозяйства царской России... Руды алюминия, олова, вольфрама, молибдена, никеля, титана и др., в досоветской России практически не добывались» [Баканов 1959: 10; 13]. Ученые России высказывали предположение о том, что в предгорьях Эльбруса возможны залежи вольфрама. Организованная в 1915 г. при Российской Академии наук Комиссия по изучению

¹ Так зарождался город Тырныауз // Эльбрусонд. URL: <http://www.elbrusoid.org/articles/karachay-balkar/359192/> (дата обращения 10.07.2025)

естественных производительных сил (КЕПС) ставила вопрос о проведении научно-исследовательских работ, которые помогли бы решить проблему поиска дефицитных видов сырья. Геологи установили ряд месторождений шеелитовольфрамовой руды на северном склоне Кавказского хребта, но, по воспоминаниям академика А.Е. Ферсмана, средств на это не было выделено [Тырныаузские вертикали 1971: 11].

В 1928 г. экспедиция Северо-Кавказского геологоразведочного треста под руководством И.Н. Ситковского обнаружила в Приэльбрусье ряд рудных проявлений, включая мышьяково-полиметаллические жилы и сурьмяное месторождение. Отдельные прожилки молибденита также были отмечены, но основное внимание в тот момент уделялось поискам свинцово-серебряных руд. Свои наблюдения Ситковский опубликовал только в 1934 г. [Федоренко, Хрущев 1937: 5], поэтому эта информация затерялась в потоке новых находок геологов.

В соответствии с планами Геологического комитета ВСНХ СССР, преобразованного в 1929 г. в Главное геологоразведочное управление (ГГРУ) [Жамойда 2003: 262], изыскания на Кавказе были интенсифицированы.

В 1932 г. район посетил старший геолог ЦНИГРИ – С.П. Соловьев, который в докладной записке, поданной на имя уполномоченного Наркомтяжпрома по КБАО, а с сентября 1934 г. – управляющего «Каббалкредмета» Г.К. Гурского – указал на необходимость углубленных геолого-поисковых работ в районе Тырны-Ауза и, в частности, на наличие здесь молибденита [Федоренко, Хрущев 1937: 6].

В 1930-1933 гг. Северо-Кавказский геологоразведочный трест, расположенный в Новочеркасске, подготовил и реализовал программу поиска цветных металлов в регионе. В 1934 году начался этап углубленного геологоразведочного обследования верховьев реки Баксан, для чего в этот район прибыла геологическая партия под руководством инженера Б.В. Орлова в составе студентов 3-го курса Новочеркасского индустриального/политехнического института Понамарева, Садовского и Флеровой. В состав геологической партии Орлова на месте были приняты рабочими местные жители Махмуд Теммиев, Махмуд Абдулаев, Харун Абачиев, Хамид Тебердиев и Асхат Геккиев [Этапы 1965].

В августе 1934 г. младший коллектор экспедиции Вера Флёрва обнаружила обломки кварца с вкраплениями блестящего минерала, оказавшегося молибденитом. 30 сентября 1934 г. коренной выход молибденовой руды был обнаружен рабочими экспедиции А. Геккиевым и Х. Тебердиевым на горе Коргашинли-тау [Михайлова 2021: 13]. Эта находка стала основой для открытия крупного месторождения молибдена.

В 1934 г. Б. Орлов составил геологическую карту месторождения, общие схемы строения и исторического развития сложнейшего в геологическом отношении на Кавказе района. На основании проведенных работ он первым дал промышленную оценку месторождения и энергично отстаивал ее [Тырныаузские вертикали 1971: 13].

Результаты поисковых работ в 1934 г. были одобрены ленинградским ученым, профессором Л.А. Варданянцем, крупным специалистом по геологии и металлогении Северного Кавказа, который дал положительную оценку результатам

работы экспедиции и перспективам месторождения. В совместной статье профессора Л.А. Варданянца и инженера Б.В. Орлова в журнале «Геология на фронте индустриализации», был дан литологический анализ местности в районе реки «Тарынауз-су» (так в тексте статьи. – прим. авт.) [Варданянц, Орлов 1934], высказаны принципиально новые версии геологических образований в этом районе в древности и возможные направления дальнейших геологических работ.

На основании представленного отчета в 1935 г. на месторождении под руководством Б.В. Орлова, были произведены небольшие разведочные работы. [Федоренко, Хрущев 1937: 4]. Озвучил первые итоги геологических исследований в этом районе Б.В. Орлов на I Северо-Кавказской краевой геологической конференции, которая проходила 21–26 марта 1935 г. в г. Пятигорске. «Период последних трех лет настолько обогатил Северный Кавказ новыми находками молибденита, что он вполне может считаться молибденовой провинцией. Количество отдельных пунктов, где имеется молибден, достигает теперь 35. Особенно много новых месторождений обнаружено в Кабардино-Балкарской автономной области, где были поставлены систематические геолого-съёмочные и поисковые работы системой ГГУ и местными организациями», – говорилось в докладе [Орлов 1935: 307]. Одним из выводов выступления была констатация необходимости усиления геолого-разведочных работ по молибдену в комплексе с другими редкими металлами.

Однако в 1934 г. специалисты комиссии «Главредмета» во главе с профессором В.М. Крейтером дали негативную оценку промышленного значения Тырныаузского месторождения и возможностей его разработки с рекомендацией сосредоточиться на разведке сурьмяного месторождения на Гитче Тырныаузе [Хрущев 1955: 11; Тырныаузские вертикали 1971: 15].

В научных кругах того времени господствовало убеждение, что за Кавказским хребтом хороших рудных перспектив нет. Считалось, что район сложен древнейшими гранито-гнейсами и, что, если и были здесь рудные месторождения, то они размыты и остались только незначительные их «корни». «Теоретическое обоснование возможных перспектив нахождения рудных месторождений было обосновано знатоком Кавказа, опытным геологом Варданянцем Леоном Арсеновичем». Своими работами он доказал, что «среди древних гранито-гнейсов и вмещающих их метаморфических сланцев палеозойского периода есть небольшие интрузии самых молодых гранитов, которые в отличие от древних гранитных массивов назывались неинтрузивными. Один из таких массивов был вскрыт в отвесных скалах, возвышающихся над рекой почти на 1500 м в местности Эльджурт, от которой этот массив получил название Эльджуртинский, а возраст его был определен Варданянцем как неинтрузивный», – вспоминал впоследствии главный геолог Тырныаузского комбината Н.А. Хрущев [Хрущев 1955: 8].

Потребовалось вмешательство руководителя КБАО Бетала Калмыкова и поддержка наркома тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе [Воспоминания 2010, Тырныаузские вертикали 1971: 15], чтобы работы по разведке месторождения были продолжены и ускорены. Была создана специализированная геологоразведочная организация «Каббалкредмет» во главе с Георгием Гурским.

Для непосредственной организации работ в КБАО был командирован специалист по молибденовым месторождениям Н.А. Хрущев, который оформил материалы предварительной разведки и обосновал необходимость дальнейших разведочных работ [Федоренко, Хрущев 1937: 4]. К 1936 г. геологам и представителям наркомата стало ясно, что в Приэльбрусье открыто комплексное месторождение молибдена и вольфрама.

Были увеличены суммы финансирования геологических работ на месторождении – «в 1936 году только на разведочные работы израсходовано 1.079.000 рублей. Взгляд на наличие разобщенных рудных тел скарнов отпал благодаря произведенной геологической съемке 1/2000 и масштаба 1.500 с инструментально нанесенными на последней контурами пород и рудных тел. Проведение такой съемки, вместе с разведочными работами обеспечило прирост запасов этого года по отдельным участкам в 50-55 раз по сравнению с выявленными запасами 1935 года, кроме того, намного увеличились перспективы всего месторождения в целом» [Федоренко, Хрущев 1937: 5–6].

Открытое месторождение находилось в пределах Эльбрусского района КБАО, на водоразделе широтного хребта Тырны-Ауз, являющегося восточным отрогом Эльбруса.

Площади, непосредственно примыкающие к месторождению, и смежные районы в 1932 г. были тщательно изучены старшим геологом ЦНИГРИ С.П. Соловьевым. В частности, он подготовил планшеты геологической карты масштаба 1:50.000, а площадь, непосредственно примыкающая к месторождению, заснята им в масштабе 1:16.000. Летом 1936 г. близлежащая к месторождению площадь была покрыта геосъемкой в масштабе 1:2000 инженером-геологом Б.В. Орловым [Федоренко, Хрущев 1937: 15–16].

По мнению геологов, основная масса молибденитового оруденения сосредоточена была в двух, главных и различных по вмещающим породам телам – в скарне и в лейкократовом гранит-порфире, на которых и были сосредоточены все разведочные работы 1935 и 1936 г. [Федоренко, Хрущев 1937: 15–16].

Данные геосъемочных работ, подтвержденные разведочными шурфами дали основание утверждать, что «мощность рудного скарна увеличивается с запада на восток, при этом промышленная мощность рудного тела на различных горизонтах будет отодвигаться на восток, по мере погружения всей структуры складки» [Федоренко, Хрущев 1937: 17]. Такое расположение предопределило позднее географию расположения шахт и цехов комбината.

После разведки месторождения было принято решение о проектировании и строительстве крупного горно-обогатительного комбината. Исключительную роль в промышленном освоении Тыныаузского месторождения сыграл нарком тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе, который был детально знаком с проблемами/перспективами Тыныауза. Он одобрил планы работ по доразведке месторождения и выделил дополнительные ассигнования, издал приказ о строительстве и пуске первой очереди комбината [Тыныаузские вертикали 1971: 19].

Значимую роль в организации геологических исследований месторождения, а затем строительства комбината сыграл первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) Б.Э. Калмыков, который «неоднократно бывал в

Тырныаузе, помогал геологам техникой, создал в республике геологоразведочную организацию «Каббалкредмет»» [Этапы 1965].

Для возведения комплекса объектов на месторождении в 1937 г. был создан строительный трест «Севкавтяжстрой», который в 1938 г. был реорганизован в специализированный трест «Тырныаузстрой»

Биография рудника «Молибден» начиналась нелегко. Все работы проводились вручную. На высоту трех тысяч надо было поднимать лебедки, рельсы, крепежный лес. Доставка компрессора на Кургашинли-Тау обходилась дороже его стоимости. Главные силы строителей и горняков были брошены на прокладку дороги к руднику, ставшей артерией, питающей рудник «Молибден» всем необходимым [Тырныаузские вертикали 1971: 16]. Позднее были сооружены две подвесные канатные дороги длиной 4,8 километра.

В сентябре 1940 г. строительство первой очереди комбината было закончено.

Так, менее чем за три года, в центре Главного Кавказского хребта были построены и сданы в эксплуатацию самый высокогорный в СССР рудник, самая длинная канатная дорога и наиболее механизированная обогатительная фабрика.

Много труда, знаний и опыта в детальную разведку месторождения вложили геолог Н.А. Хрущев, горный инженер Е.Г. Абакумов, уполномоченный наркомата тяжелой промышленности Г.К. Гурский, ученые: профессор Л.А. Вardanянц, доктор геолого-минераловедческих наук Н.П. Русаков, член-корреспондент Академии наук СССР Д.И. Щербаков, теоретически обосновавшие возможность открытия молибденового месторождения.

История возникновения Тырныаузского вольфрамомолибденового предприятия в период с 1930 по 1942 г. – это показательный пример советской индустриализации, осуществлявшейся в чрезвычайно сложных обстоятельствах, который отражает тесное взаимодействие передовых инженерных разработок, государственных стратегических целей и человеческих судеб.

Обнаружение Тырныаузского месторождения, содержащего вольфрам и молибден, является одним из важнейших достижений советской геологии 30-х гг. XX в. Этот успех стал возможным благодаря упорной работе молодых ученых и геологов, таких как В.А. Флерова, Б.В. Орлов, Н.А. Хрущев и другие, которые, преодолев первоначальный скептицизм союзных профильных организаций, смогли доказать геологическую и экономическую ценность месторождения. Решение правительства о строительстве комбината было вполне закономерным: молибден и вольфрам являлись стратегически важными материалами для оборонной промышленности, необходимыми для изготовления броневой стали и специальных сплавов.

Возведение ТВМК в период с 1937 по 1940 г. стало выдающимся техническим достижением своего времени. В течение короткого промежутка времени в высокогорном районе Приэльбрусья была создана масштабная система добычи и обогащения руды, включающая уникальную канатную дорогу, промышленный поселок и полноценную инфраструктуру жизнеобеспечения. К концу 1940 года ТВМК достиг запланированной производственной мощности и стал одним из

крупнейших производителей редких металлов в Советском Союзе. Таким образом, предприятие оправдало вложенные в его создание средства и инвестиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абих 1852 – *Абих Г.В.* Объяснение геологического разреза северной покатости Кавказского кряжа от Эльбруса до Бештау // Кавказский календарь на 1853 год. – Тифлис: в типографии Канцелярии Наместника Кавказского, 1852. – С. 440–471.

Баканов 1959 – *Баканов Г.Е.* Развитие горнорудной промышленности СССР за 40 лет // Известия Томского ордена Трудового Красного знамени политехнического института им. С.М. Кирова. – 1959. – Т. 103. – С. 11–20.

Варданянц, Орлов 1934 – *Варданянц Л.А., Орлов Б.В.* Новые выходы неинтрузий в долине р. Баксан // Геология на фронте индустриализации. – 1934. – № 9–10. – С. 5–9.

Воспоминания 2010 – *Воспоминания работников ТВМК* // Роснедра. URL: <https://skfo.rosnedra.gov.ru/data/Files/File/6218.pdf> (дата обращения 1.11.2025)

Жамойда 2003 – *Жамойда А.И.* Ключевые события истории ЦНИГРИ – ВСЕГЕИ // Записки Горного института. – 2003. – Т. 153. – С. 262–267.

Ломако 1985 – *Ломако П.Ф.* Цветная металлургия в годы Великой Отечественной войны. – М.: Металлургия, 1985. – 256 с.

Михайлова 2021 – *Михайлова Н.А.* «Молибден будет разведан, и это сделаем мы!» (Вера Флерова и Борис Орлов) // Донской временник. – Ростов-на-Дону. – 2021. – С. 5–18.

Муллаев 1988 – *Муллаев Ш.Я.* Дорога за горизонт. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 144 с.

Муратова 2019 – *Муратова Е.Г.* Балкарские горские общества в условиях имперской модернизации России: этносоциальная консолидация и развитие // Кавказология. – 2019. – №2. – С. 12–36. – DOI 10.31143/2542-212X-2019-2-12-36

Орджоникидзе 1957 – *Орджоникидзе Г.К.* Статьи и речи. В 2 т. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 2. – 837 с.

Орлов 1935 – *Орлов Б.В.* Молибденовые месторождения Северо-Кавказского края / Природные богатства Северо-Кавказского края. На основе материалов 1-й Северо-Кавказской Краевой Геологической конференции 21-26 марта 1935 г. Под редакцией Федорова П.Я., Осмова И.В., Тамбовцева Н.И., Мхитарова Н.К., Аксельрода А.М. – М.-Пятигорск: Северо-Кавказское краевое государственное издательство, 1935. – С. 307–309.

Потравный и др. 2025 – *Потравный И.М., Ширитов А.А., Хатухова Д.В., Чиндина А.И.* Возрождение и развитие Тырныаузского вольфрамомолибденового месторождения: эколого-экономический аспект // Горный журнал. – 2025. – № 10. – С. 45–50.

Родзянко 1973 – *Родзянко Н.Г.* Редкометальные скарны Тырныауза / М-во цвет. металлургии СССР. Тырныауз. горнометаллург. комбинат. – Москва: Недра, 1973. – 215 с.

Тырныаузские вертикали 1971 – *Тырныаузские вертикали* / Сост. Я.К. Карпов. – М.: Изд-во «Металлургия», 1971. – 237 с.

УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051 – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. Р-1051 «Тырныаузский ордена Трудового Красного Знамени горно-металлургический комбинат Министерства цветной металлургии СССР». Оп. 1.

Федоренко, Хрущев 1937 – *Федоренко А.С., Хрущев Н.А.* Отчет и подсчет запасов металлов. 1937 г. Краеведческий музей им. О.М. Отарова Эльбрусского муниципального района. Основной фонд. КМОФ–1374.

Хрущев 1955 – *Хрущев Н.А.* Страницы незаконно забытой истории (1935–1955). Краеведческий музей им. О.М. Отарова Эльбрусского муниципального района. Основной фонд. КМОФ–1375.

Этапы 1965 – *Этапы 25-летнего пути* // Цветные металлы. 29.06.1965

REFERENCES

- ABIKH G.V. Ob'yasnenie geologicheskogo razreza severnoi pokatosti Kavkazskogo kryazha ot El'brusa do Beshtau [Explanation of the geological section of the northern slope of the Caucasian ridge from Elbrus to Beshtau.]. In: Caucasian calendar for 1853. – Tiflis, 1852. – P. 440–471. (In Russ.)
- BAKANOV G.E. Razvitie gornorudnoi promyshlennosti SSSR za 40 let [Development of the USSR mining industry over 40 years]. In: Izvestiya Tomskogo ordena Trudovogo Krasnogo znameni politekhnicheskogo instituta im. S.M. Kirova. – 1959. – Vol. 103. – P. 11–20. (In Russ.)
- ETAPY 25-letnego puti [Stages of the 25-year journey]. In: Tsvetnye metally. 29.06.1965. (In Russ.)
- FEDORENKO A.S., KHRUSHCHEV N.A. Otchet i podschet zapasov metallov. 1937 g. [Report and estimate of metal reserves. 1937 y.] Museum of local lore named after O.M. Otarov Elbrus municipal district. Core fund. KMOF–1374. (In Russ.)
- KHRUSHCHEV N.A. Stranitsy nezakonno zabytoi istorii (1935–1955) [Pages of Illegally Forgotten History (1935–1955)]. Museum of local lore named after O.M. Otarov Elbrus municipal district. Core fund. KMOF–1375.
- LOMAKO P.F. Tsvetnaya metallurgiya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Non-ferrous metallurgy during the Great Patriotic War]. – Moscow: Metallurgiya, 1985. – 256 p. (In Russ.)
- MIKHAILOVA N.A. «Molibden budet razvedan, i eto sdelaem my!» (Vera Flerova i Boris Orlov) ["Molybdenum will be scouted and we will do it!" (Vera Flerova and Boris Orlov)]. In: Donskoi vremennik. – Rostov-on-Don. – 2021. – P. 5–18. (In Russ.)
- MULLAEV SH.YA. Doroga za gorizont [The road beyond the horizon]. – Nal'chik: El'brus, 1988. – 144 p. (In Russ.)
- MURATOVA E.G. Balkarskie gorskie obshchestva v usloviyakh imperskoi modernizatsii Rossii: etnosotsial'naya konsolidatsiya i razvitie [Balkarian mountain societies in the conditions of imperial modernization of Russia: ethnosocial consolidation and development]. In: Kavkazologiya. – 2019. – № 2. – P. 12–36. – DOI 10.31143/2542-212X-2019-2-12-36 (In Russ.)
- ORDZHONIKIDZE G.K. Stat'i i rechi. [Articles and speeches] V 2 t. – Moscow: Gospolitizdat, 1957. – Vol. 2. – 837 p. (In Russ.)
- ORLOV B.V. Molibdenovye mestorozhdeniya Severo-Kavkazskogo kraia [Molybdenum deposits of the North Caucasus region]. In: Prirodnye bogatstva Severo-Kavkazskogo kraia. Na osnove materialov 1-i Severo-Kavkazskoi Kraevoi Geologicheskoi konferentsii 21-26 marta 1935 g. Edited by Fedorov P.YA., Os'mov I.V., Tambovtsev N.I., Mkhitarov N.K., Aksel'rod A.M. – Moscow-Py- atigorsk, 1935. – P. 307–309. (In Russ.)
- POTRAVNYI I.M., SHIRITOV A.A., KHATUKHOVA D.V., CHINDINA A.I. Vozrozhdenie i razvitie Tyrnyauzskogo vol'framo-molibdenovogo mestorozhdeniya: ekologo-ekonomicheskii aspekt [Revival and development of the Tyrnyauz tungsten-molybdenum deposit: ecological and economic aspect]. In: Gornyi zhurnal. – 2025. – № 10. – P. 45–50. (In Russ.)
- RODZYANKO N.G. Redkometal'nye skarny Tyrnyauza [Rare metal skarns of Tyrnyauz]. In: M-vo tsvet. metallurgii SSSR. Tyrnyauz. gornometallurg. kombinat. – Moscow: Nedra, 1973. – 215 p. (In Russ.)
- TYRNYAUZSKIE Vertikali [Tyrnyauz verticals]. In: Sost. YA.K. Karpov. – Moscow: «Metallurgiya», 1971. – 237 p. (In Russ.)
- VARDANYANTS L.A., ORLOV B.V. Novye vykhody neointruzii v doline r. Baksan [New exits of neointrusions in the Baksan river valley]. In: Geologiya na fronte industrializatsii. – 1934. – №. 9–10. – P. 5–9. (In Russ.)
- VOSPOMINANIYA Rabotnikov TVMK [Memories of TTMP employees]. In: Rosnedra: website. URL: <https://skfo.rosnedra.gov.ru/data/Files/File/6218.pdf> (date of access: 1.11.2025) (In Russ.)
- ZHAMOIDA A.I. Klyuchevye sobytiya istorii TSNIGRI – VSEGEI [Key events in the history of TsNIGRI – VSEGEI]. In: Zapiski Gornogo instituta. – 2003. – Vol. 153. – P. 262–267. (In Russ.)

Сведения об авторах

П.А. Кузьминов – доктор исторических наук, профессор.

Р.С. Гуртуев – кандидат исторических наук.

И.Р. Махов – ассистент кафедры.

Information about the authors

P.A. Kuzminov – Doctor of Science (History), professor.

R.S. Gurtuev – Candidate of Historical Sciences, associate professor.

I.R. Makhov – an assistant at the department.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.10.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 09.10.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Научная статья
УДК 94(470)+327(73)
DOI:10.31143/2542-212X-2025-4-176-185
EDN: HVPEPE

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НА КАВКАЗЕ В 1930-Х ГОДАХ КАК ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Азамат Амурович Татаров

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, traveller9090@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3626-3913>

Аннотация. Статья посвящена анализу восприятия Кавказа в американском политическом и экспертном дискурсе 1930-х гг. С опорой на материалы Национального архива США (NARA) рассматривается формирование американского аналитического подхода к кавказскому региону как к стратегически важной части СССР, обладающей значительным ресурсным потенциалом и сложной этнополитической структурой. Особое внимание уделено проблеме модернизации, протестным явлениям и социально-экономическим процессам, отраженным в дипломатических отчетах, меморандумах и экспертных записках Госдепартамента. В публикации прослеживается эволюция интереса США к Кавказу – от экономического сотрудничества и концессионных проектов 1920-х гг. до систематического сбора разведывательной и политической информации о положении в регионе. Показано, что в документах американские аналитики видели столкновение советской модернизации на Кавказе с устойчивым сопротивлением, и считали, что этноконфессиональные противоречия усиливают внутреннюю нестабильность СССР. Отчеты характеризует сочетание статистического и качественного анализа, внимание к нефтяной промышленности, аграрным реформам и национальной политике. Делается вывод, что американские оценки Кавказа 1930-х гг. во многом отражали идеологические установки эпохи и представление о Советском Союзе как о «колоссе на глиняных ногах», но в то же время заложили фундамент для будущих стратегических исследований региона.

Ключевые слова: Кавказ, США, аналитические документы, экономика, политическое положение.

Для цитирования: Татаров А.А. Общественно-экономическое положение на Кавказе в 1930-х годах как предмет политического анализа в Соединённых Штатах Америки // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 176-185. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-176-185. EDN: HVPEPE.

© Татаров А.А., 2025

Original article

US POLITICAL ANALYSIS OF THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION IN THE CAUCASUS IN THE 1930S

Azamat A. Tatarov

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, traveller9090@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3626-3913>

Abstract. The article is devoted to analyzing the perception of the Caucasus in the American political and expert discourse of the 1930s. Based on materials from the U.S. National Archives (NARA), it examines the formation of an American analytical approach to the Caucasian region as a strategically important part of the USSR, possessing significant resource potential and a complex ethnopolitical structure. Special attention is paid to the issues of modernization, protest movements, and socio-economic processes reflected in diplomatic reports, memoranda, and expert notes of the U.S. Department of State. The publication traces the evolution of U.S. interest in the Caucasus – from economic cooperation and concession projects of the 1920s to the systematic collection of intelligence and political information about the situation in the region. The study shows that American analysts viewed Soviet modernization in the Caucasus as facing persistent resistance and believed that ethno-religious contradictions amplified the USSR's internal instability. The reports combined statistical and qualitative analysis, focusing on the oil industry, agrarian reforms, and national policy. It is concluded that American assessments of the Caucasus in the 1930s largely reflected the ideological context of the era and the perception of the Soviet Union as a “colossus with feet of clay,” while simultaneously laying the foundation for future strategic studies of the region.

Key words: Caucasus, USA, analytical documents, economy, political situation.

For citation: Tatarov A.A. The socioeconomic situation in the Caucasus in the 1930s as a subject of political analysis in the United States. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 176-185. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-176-185. EDN: HVPEPE.

© Tatarov A.A., 2025

Введение

Изучение американского восприятия советского Кавказа позволяет глубже понять истоки формирования образа стратегически чувствительного региона, ранних приоритетов разведки и внешнеполитического анализа в США в отношении СССР. В контексте методологии политического анализа представляется важным изучение формирования «аналитического продукта» в условиях крайне ограниченного доступа к информации.

Целью статьи является реконструкция и системный анализ подходов, методов и содержания политического анализа, проводившегося официальными и экспертными кругами США в 1930-е гг. в отношении общественно-экономических процессов на Кавказе.

Методологическую основу статьи составляет источниковедческий анализ в отношении англоязычных материалов из фондов Национального архива США (NARA).

Советские исследования обращались к проблемам советско-американским отношениям 1920-1930-х гг., но не выделяли кавказскую специфику. В современной отечественной историографии заметно расширился спектр вопросов по политике США в отношении сфер советской общественной жизни. Ряд исследователей рассмотрели проблему кавказской нефти в свете влияния американских технологий на советскую промышленность. Вместе с тем период 1930-х гг. в особенности годы между установлением дипломатических отношений и началом Второй мировой войны во многом выпадают из исследований с точки зрения изучения политического и экономического анализа кавказского вопроса американскими современниками.

Советские исследования, обращавшиеся к проблематике советско-американских отношений 1920–1930-х гг. [Вальков 1965; Касьяненко 1989], как

правило, не выделяли кавказскую специфику в качестве самостоятельного предмета анализа. В современной отечественной историографии спектр вопросов, связанных с политикой США в различных сферах общественной жизни Советского Союза, заметно расширился [Шпотов 2013; Шпотов 2015; Журина 2013; Петаченко, Шабасова 2023]. Ряд исследователей рассмотрели проблему кавказской нефти в контексте влияния американских технологий на развитие советской промышленности [Шпотов 2006; Джаббаров 2009; Сергеева 2012]. Вместе с тем период 1930-х гг., в особенности годы между установлением дипломатических отношений и началом Второй мировой войны, остается недостаточно изученным с точки зрения того, как американские современники осуществляли политический и экономический анализ кавказского вопроса.

Результаты

Вопреки устоявшемуся представлению, согласно которому судьба Кавказа накануне Второй мировой войны волновала преимущественно Германию, готовившуюся к захвату его нефтяных источников, и Великобританию, стремившуюся не допустить прорыва вермахта на Ближний Восток, регион находился в поле стратегического интереса и других держав. Вовлеченность Соединенных Штатов в эти процессы выражалась в форме систематического мониторинга общественно-политической ситуации в регионе.

Приход А. Гитлера к власти в январе 1933 г. дестабилизировал обстановку в Европе, что закономерно привлекло пристальное внимание к континенту со стороны США. Другим значимым событием того года для американской внешней политики стало дипломатическое признание СССР. Установление отношений сопровождалось углубленным интересом американских политиков и экспертов к внутренним процессам в советском государстве, включая его национальные регионы. В части американских политических кругов этот интерес был связан с идеями дезинтеграции СССР, которые, в отличие от более радикальных европейских проектов, облекались в сравнительно мягкую риторику поддержки демократических институтов и права наций на самоопределение.

Иллюстрацией подобных взглядов служит позиция А.Д. Марголина (эмигрант, бывший посол Украинской республики в США), который в письме государственному секретарю (далее «госсекретарь» – А.Т.) К. Халлу в марте 1933 г. утверждал, что единственной надеждой для СССР, окруженного двумя враждебными блоками (во главе с Францией, с одной стороны, и Германией с Италией – с другой), являются Соединенные Штаты, не вовлеченные в европейские конфликты. Однако, по его мнению, помощь из-за океана должна быть обусловлена движением советского правительства в сторону демократии. Следовательно, Москве следовало принять во внимание «сильные сепаратистские тенденции на Украине, Кавказе и в Туркестане» и провести там референдумы по вопросу о независимости [NARA. T1249. R. 15. NAID 75357455. P. 4-5.].

Кавказ, обладавший значительным ресурсным потенциалом, неизменно привлекал внимание мировых держав, и Соединенные Штаты не являлись исключением. Интерес американского бизнеса и правительства к региону формировался в эпоху концессий 1920-х гг. Показательно, что У.А. Гарриман, в годы

Второй мировой войны представлявший интересы президента Ф.Д. Рузвельта в странах-союзниках, ранее, в 1920-е гг., был совладельцем марганцевой концессии в Грузии. Этот опыт, по его собственным воспоминаниям, стал «первым прямым контактом с Советским Союзом» [Harriman 1971: 2].

На протяжении 1930-х гг. американскими дипломатическими и аналитическими службами составлялись многочисленные справки, фиксирующие социально-экономические параметры и их динамику в СССР. В этих документах Кавказский регион отмечался как значимый игрок в общесоюзном аграрном секторе, а также в добыче стратегически важных металлов – свинца, молибдена, марганца, меди, хрома и др. Помимо статистических данных, формированию представлений о регионе способствовали личные наблюдения высокопоставленных американских представителей. Так, в 1934 г. Л. Хендерсон, второй секретарь посольства США в СССР, имел возможность посетить Тбилиси и сделать выводы про проблемы местного продовольственного снабжения [Henderson 1986: 290].

Ключевое внимание в аналитических справках уделялось советской нефтяной промышленности, занимавшей в тот период второе место в мире после США. К сбору и анализу подобной информации привлекались «советологи» – эксперты из различных ведомств, а также дипломаты, обладавшие опытом работы в СССР и глубоким пониманием местных реалий. Характерной фигурой в этой сфере был Дж.Ф. Кеннан, который, владея русским языком, составил в 1932 г. «Отчет о состоянии российской нефтяной промышленности» [NARA. T1249. R. 64. NAID: 75414751. P. 801-816]. Впоследствии именно он стал одним из наиболее влиятельных идеологов антикоммунизма в эпоху «холодной войны».

На протяжении 1930-х гг. отношения между СССР и ведущими международными нефтяными компаниями, включая американскую Standard Oil Company, оставались напряженными на фоне обострившейся экономической конкуренции и идеологических разногласий. Стремясь ограничить влияние советской нефти на мировом рынке, эти корпорации косвенно подталкивали Москву к поиску альтернативных каналов сбыта.

В данной ситуации США также активно накапливали разносторонние сведения о советской нефтяной отрасли, включая переводы русскоязычных публикаций, касающиеся инфраструктуры, логистики и динамики добычи на Кавказе. Особый интерес проявлялся к технологическому аспекту. Примером глубины проработанности такой информации служит направленный в Государственный департамент в 1935 г. «Меморандум о копировании американского оборудования и причинах низкой нефтедобычи в Баку» [NARA. T1249. R. 64. NAID: 75414751. P. 831-839], который демонстрирует фокус на детальном анализе производственных проблем региона.

Основой для документа послужили сведения от П. Чемберса, американского металлурга, в течение года работавшего по контракту в тресте «Азнефть» в Баку. Информатор, имевший за плечами 27 лет опыта работы на машиностроительных заводах и в нефтяных промыслах, за время контракта работал в качестве консультанта по вопросам систематизации двух литейных и механических заводов треста «Азнефть», заводов им. Рыкова и Шмидта, а также привлекался как эксперт для содействия в повышении качества и количества производства устройств для предприятий заводов Бакинского района.

П. Чемберс дал низкую оценку уровню самодостаточности завода имени Шмидта, хотя при этом признавал его самым совершенным из всех, что ему доводилось видеть. По его оценке, оборудование американского производства или его советские копии составляли примерно 70 % механического оснащения предприятия, причем ни один из этих агрегатов не был старше четырех лет [NARA. T1249. R. 64. NAID: 75414751. P. 832].

По мнению информатора, несмотря на отличное внешнее состояние литейного и механического производства, предприятие работало плохо: «Инструменты, частично из-за низкого качества стали, имеют крайне ограниченный срок службы. Рабочие на промыслах, особенно буровики, испытывают уныние из-за высокого процента поломок оборудования. Их угнетает мысль, что за аварии и неудачи, в которых на самом деле виновато низкое качество оборудования, их часто считают ответственными. Неготовность скважины часто приводит к аресту или изгнанию всей буровой бригады, либо занесению их имен в черный список лиц, которым может быть запрещено трудоустройство в любой организации на срок до шести месяцев. Последнее наказание почти так же страшно, как изгнание» [NARA. T1249. R. 64. NAID: 75414751. P. 832-833].

Описывая положение на заводе им. Шмидта, информатор отметил, что еще одной причиной производственного отставания является недостаточная эффективность советской копий американских устройств и «неспособность советских рабочих овладеть высоким уровнем навыков американских механиков при эксплуатации оборудования, с которым изготавливаются детали и сами машины» [NARA. T1249. R. 64. NAID: 75414751. P. 835].

В письме наркому тяжелой промышленности СССР П. Чемберс категорично писал: «На самом деле никогда не было предпринято попытки улучшить устаревшее оборудование, которое у вас есть и которое вы все еще используете» [NARA. T1249. R. 64. NAID: 75414751. P. 839]. Вопреки картине, обрисованной американским информатором, в 1925-1938 гг. рост добычи нефти в СССР, прежде всего в Бакинских, Грозненских, Майкопских месторождениях шел наиболее быстрыми темпами среди мировых лидеров рынка (Таблица 1).

Таблица 1. Добыча сырой нефти в мире (тыс. тонн) [Darmstadter 1971: 185-216].

	1925 г.	1929 г.	1933 г.	1937 г.	1938 г.	Суммарный рост (1925-1938 гг.)
МИР В ЦЕЛОМ	148688	205823	197385	280083	273416	83.89%
в том числе						
США	104622	138104	122536	178865	164107	56.86%
СССР	7086	13689	21557	28693	30415	329.23%
Румыния	2317	4837	7377	7153	6594	184.59%
Иран	4652	5549	7200	10331	10359	122.68%
Индонезия и Борнео	3679	5998	6146	8048	8308	125.82%
Латинская Америка (Колумбия, Мексика, Венесуэла, Аргентина, Перу, Эквадор)	22822	33351	28157	39313	40836	78.93%

С точки зрения политического анализа, Кавказ нередко воспринимался как нестабильный регион, где проводимая советской властью модернизация встречала ожесточенное сопротивление. Так, в апреле 1930 г. вице-консул США в Тегеране Г.С. Виллард сообщал госсекретарю о положении в Закавказье: «Мусульмане Кавказского региона, судя по всему, находятся в числе лидеров новых восстаний, главным образом из-за нехватки продовольствия и якобы религиозных преследований со стороны советских властей, а также сурового отношения к персидским купцам, что в некоторых случаях является дополнительной причиной... [В]олнения особенно выражены среди представителей так называемого зажиточного крестьянского класса, которые, как сообщается, уничтожают свои продукты и скот, вместо того чтобы подвергать их коллективному распределению» [NARA. T1249. R.1. NAID: 75342381. P. 199].

Были и другие прямые каналы получения информации. Так, директор иностранного отдела Фонда Ближнего Востока Л. Арчер курировал образовательные учреждения в Тбилиси, Ереване и Ленинакане. К моменту своего закрытия в 1931 г. они выпустили свыше 3800 специалистов в области сельскохозяйственных наук, педагогики, торговли и медицины [NARA. T1249. R. 31. NAID: 75375460. P. 6]. В рамках этой работы американцы имели возможность фиксировать положение в Закавказье.

Достаточно много внимания американцы уделяли контактам с антисоветскими силами. Отдел восточноевропейских дел Госдепартамента во главе с непримиримым антикоммунистом Р.Ф. Келли поддерживал связь с эмигрантскими комитетами, в том числе с «Объединенным советом Дона, Кубани и Терека». В декабре 1931 г. лидеры данной организации написали письмо президенту Г. Гуверу, указывая на жестокость советской политики на Северном Кавказе, в рамках которой большевики якобы «применили отравляющий газ против местного населения» [NARA. T1249. R. 26. NAID: 75370813. P. 162].

Дипломатические миссии в Польше и странах Прибалтики служили каналом получения информации, зачастую преувеличивавшей масштабы повстанческих настроений на Кавказе. Например, в переводе справки МИД Эстонии от февраля 1932 г. утверждалось: «Советские лидеры не смогли найти способ уничтожения индивидуалистических черт беспокойных горных племен ... и превращения их в безликую массу государственных работников» [NARA. T1249. R. 1. NAID: 75342381. P. 496]. В августе того же года представительство США в Риге подготовило очередной документ на основе переводных материалов, в котором констатировалось резкое снижение показателей призыва в армию и приема в партию на Северном Кавказе [NARA. T1249. R. 1. NAID: 75342381. P. 646].

В декабре 1932 г. дипломаты в Риге подготовили девятистраничный «Меморандум об Армянской ССР», содержащий детальный обзор состояния сельского хозяйства, ирригационных систем, электрификации, промышленности, транспорта, коммунального хозяйства и культуры. Примечателен широкий круг использованных источников, куда вошли: справочники по административно-территориальному делению СССР и Закавказской СФСР, издание, посвященное первому пятилетнему плану, свежие выпуски журналов «Советское строительство» и «Революция и национальности», а также газет «Заря Востока», «Московская правда» и «Экономическая жизнь» [NARA. T1249. R. 1. NAID: 75342381. P. 760].

Политический анализ, проводившийся американскими экспертами, отличался тщательностью и включал в себя мониторинг деятельности ВКП(б), отслеживание численности ее членов по регионам, выявление кризисных аспектов легитимности власти, а также анализ статистики репрессированных в территориальном разрезе. Источниковая база для таких исследований формировалась как из открытых материалов – официальных газет и законодательных актов, – так и из данных, полученных через информантов. Характерным примером служит отчет 1933 г. для Государственного секретаря США, в котором фиксировалась критика со стороны Москвы в адрес коммунистов Северного Кавказа, обвиненных в предполагаемом сговоре с кулаками [NARA. T1249. R. 11. NAID: 75352665. P. 830].

Критические замечания американских аналитиков нередко касались состояния и перспектив советской экономической политики. Профессор экономики Университета Дьюка К.Б. Гувер, посетивший СССР в 1929-1930 гг., подготовил по итогам поездки меморандум для Госдепартамента с политическими замечаниями (1933 г.). Касательно Северного Кавказа он отмечал, что там «наблюдается очень сильная нехватка продовольствия» и «существует состояние партизанской войны» [NARA. T1249. R. 39. NAID: 75385525. P. 274].

«Большой террор» 1937-1938 гг. вызвал пристальный интерес американских политтехнологов, сосредоточившихся на анализе национальной политики и ситуации в советских регионах. В марте 1938 г. был выпущен 68-страничный «Меморандум о национальном вопросе в СССР и политической ситуации в советских автономных республиках, краях и областях» [NARA. T1249. R. 3. NAID: 75344893. P. 387-456]. Этот документ представлял собой детальный обзор внутриполитического положения СССР – тенденция, характерная и для других держав в конце 1930-х гг. Растущая глобальная напряженность подталкивала архитекторов внешней политики к тщательному сбору и актуализации данных.

В меморандуме СССР предстает как обширная территория, где национальная политика сталкивается с многочисленными вызовами. По мнению аналитиков, удержание единства страны основывается на принципе уступок национальным меньшинствам, а переход к авторитарным методам интеграции, особенно в период коллективизации, повышает внутреннюю уязвимость государства. Все эти тезисы коррелируют с архетипическим представлением о России/СССР как о «колоссе на глиняных ногах». Данный пример вновь демонстрирует тенденцию к игнорированию достижений советской модернизации и позитивных аспектов национальной политики.

В разделе «Политические условия в Закавказье» отмечается: «Гетерогенный характер населения Закавказья всегда был источником волнений в этом регионе. Три наиболее важные национальности, населяющие Закавказье, – армяне, азербайджанские турки и грузины – отделены друг от друга глубокой пропастью, благодаря разнообразию веры и культуры. Армяне, одна из самых культурных народностей на Кавказе, – христиане, и грузины также, в свою очередь, сравнительно высококультурный народ. Азербайджанские турки, с другой стороны, магометане и очень отличаются в культурном отношении. И армяне, и грузины, которые в далеком прошлом знали дни могущества и процветания, лелеют мечты о господстве над Закавказьем. Азербайджанские турки, между тем, надеются на

верховенство Турции, к которой они сильно тяготеют. Эти противоположные устремления, естественно, вызывают национальную вражду и смуту» [NARA. T1249. R. 3. NAID: 75344893. P. 413].

В меморандуме подчеркивается, что для решения сложной задачи поддержания мира между многочисленными национальностями Закавказья советское правительство избрало тактику максимального ограничения их независимости, что было реализовано в рамках проекта Закавказской СФСР в 1922-1936 гг. С другой стороны, ослабление сепаратистских настроений достигалось путем создания автономных национальных единиц в рамках общесоюзной структуры. В данном контексте в документе отдельно оценивается положение и демографическая ситуация в таких ключевых точках, как Нагорный Карабах и Нахичевань.

Значительное внимание в отчете уделено анализу подпольной деятельности, связанной с националистическими движениями и противниками коллективизации. В частности, отмечается: «В Грузии националисты ориентировались на Запад и боролись против большевистской аграрной политики. Они также требовали денационализации Батумских нефтяных резервов и их сдачи в аренду компании Standard Oil» [NARA. T1249. R. 3. NAID: 75344893. P. 418].

В меморандуме имеется отдельный раздел по текущей политической ситуации в южнокавказских республиках, чей «пестрый этнический состав ... всегда являлся источником нестабильности» [NARA. T1249. R. 3. NAID: 75344893. P. 413]. Это, с одной стороны, объясняется религиозными различиями, проявлением национализма грузин, армян и азербайджанцев, «глубокой пропастью» между ними, а с другой стороны усилением проникновения государства и его политики интеграции (унификации). Считается «маловероятным, что вековая национальная вражда, достаточно сильная, чтобы допускать вооруженные конфликты, могла бы за два-три года превратиться в чувства братства и дружбы» [NARA. T1249. R. 3. NAID: 75344893. P. 424]. Еще одна характерная черта зарубежных справок, классификация народов по политическому капиталу и уровню культуры, встречается и здесь. Христинам, армянам и грузинам, отдается предпочтение и большой шанс на преобладание в Закавказье. Однако у азербайджанцев есть козырь – турецкая поддержка [NARA. T1249. R. 3. NAID: 75344893. P. 413].

Заключение

На основе анализа архивных материалов можно заключить, что в годы, предшествовавшие Второй мировой войне, Кавказ являлся объектом пристального и систематического политического анализа со стороны официальных и экспертных кругов США. Интерес к региону формировался вокруг его стратегического экономического потенциала, особенно нефтяной промышленности и добычи критически важных металлов. Аналитические отчеты, составляемые дипломатами и привлеченными экспертами, включая тех, кто в течение длительного времени пребывал в СССР и на Кавказе, сочетали сбор статистических данных с глубоким качественным анализом производственных и социальных проблем. При этом в поле зрения США находилась и социально-политическая динамика, включая протестные настроения и состояние межнациональных отношений. Американские аналитики зачастую интерпретировали Кавказ как внутренне

нестабильный регион, где советская модернизация встречает сопротивление, а вековые этнические и религиозные противоречия создают потенциал для дезинтеграции. Эта оценка опиралась на широкий круг источников – от открытых советских публикаций до информации от осведомителей. Доминировал образ СССР как «колосса на глиняных ногах», чье единство поддерживается лишь жесткими авторитарными методами, а национальная политика порождает внутреннюю уязвимость. Таким образом, к концу 1930-х гг. в США был накоплен значительный массив знаний о Кавказе, который, несмотря на определенные стереотипы и идеологизированные оценки, заложил основу для формирования стратегических подходов к региону в последующий период Второй мировой войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Вальков 1965 – *Вальков В.А.* СССР и США (Их политические и экономические отношения). – М.: Наука, 1965. – 396 с.
- Джаббаров 2009 – *Джаббаров Ф.Р.* Кавказская нефть во внешней политике США (1920-1922 гг.) // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2009. – № 4. – С. 29-36.
- Журина 2013 – *Журина Е.Н.* Советский Союз и США: движение навстречу друг другу: вторая половина 1920-х-1933 годы: дисс. ... к.и.н. – Брянск, 2013. – 241 с.
- Касьяненко 1989 – *Касьяненко В.И.* Страна Советов и США: опыт и уроки сотрудничества в 20-х-нач. 30-х гг. – М.: Знание, 1989. – 62 с.
- Петаченко, Шабасова 2023 – *Петаченко Г.А., Шабасова М.А.* Эволюция форм советско-американского экономического сотрудничества в 1920-х – начале 1930-х гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2023. – № 4. – С. 63-72.
- Сергеева 2012 – *Сергеева З.Х.* Борьба за нефть, теоретические дискуссии и становление советской модели управления нефтяной отраслью 1910-1940-е гг. // Вестник Казанского технологического университета. – 2012. – Т. 15. – № 5. – С. 154-162.
- Шпотов 2006 – *Шпотов Б.М.* Использование опыта США в реконструкции советской нефтяной промышленности в 1920-30-е гг. // Российский журнал менеджмента. – 2006. – Т. 4. – № 1. – С. 163-178.
- Шпотов 2013 – *Шпотов Б.М.* Американский бизнес и Советский Союз в 1920-1930-е годы: лабиринты экономического сотрудничества. – М.: Либроком, 2013. – 320 с.
- Шпотов 2015 – *Шпотов Б.М.* Советско-американские экономические связи 1920-1930-х гг.: теоретические аспекты и уроки истории // Экономическая история. – 2015. – № 1 (28). – С. 69-74.
- Darmstadter 1971 – *Darmstadter J.* Energy in the World Economy: A Statistical Review of Trends in Output, Trade, and Consumption Since 1925. – Baltimore: Johns Hopkins Press, 1971. – 876 p.
- Harriman 1971 – *Harriman W.A.* America and Russia in a Changing World: A Half Century of Personal Observation. – Garden City, NY: Doubleday, 1971. – 218 p.
- Henderson 1986 – *Henderson L.W.* A Question of Trust: The Origins of US-Soviet Diplomatic Relations (The Memoirs of Loy Henderson). – Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1986. – 579 p.
- NARA – National Archives and Records Administration.

REFERENCES

- VAL'KOV V.A. *SSSR i SShA (Ikh politicheskie i ekonomicheskie otnosheniya)* [USSR and USA (Their Political and Economic Relations)]. – Moscow: Nauka, 1965. – 396 p. (In Russ.).
- DZHABBAROV F.R. *Kavkazskaya neft' vo vneshnei politike SShA (1920-1922 gg.)* [Caucasian Oil in the US Foreign Policy (1920-1922)]. IN: *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2009. – № 4. – P. 29-36. (In Russ.).

ZHURINA E.N. *Sovetskii Soyuz i SShA: dvizhenie navstrechu drug drugu: vtoraya polovina 1920-kh-1933 gody: diss. ... k.i.n.* [The Soviet Union and the USA: Moving Towards Each Other: The Second Half of the 1920s-1933]. – Bryansk, 2013. – 241 p. (In Russ.).

KAS'YANENKO V.I. *Strana Sovetov i SShA: opyt i uroki sotrudnichestva v 20-kh-nach. 30-kh gg.* [The Land of the Soviets and the USA: Experience and Lessons of Cooperation in the 1920s-Early 1930s]. – Moscow: Znanie, 1989. – 62 p. (In Russ.).

PETACHENKO G.A., SHABASOVA M.A. *Evolutsiya form sovetsko-amerikanskogo ekonomicheskogo sotrudnichestva v 1920-kh – nachale 1930-kh gg.* [Evolution of Forms of Soviet-American Economic Cooperation in the 1920s – Early 1930s]. IN: *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya.* – 2023. – № 4. – P. 63-72. (In Russ.).

SERGEEVA Z.Kh. *Bor'ba za neft', teoreticheskie diskussii i stanovlenie sovetskoi modeli upravleniya neftyanoi otrasl'yu 1910-1940-e gg.* [The Struggle for Oil, Theoretical Discussions and the Formation of the Soviet Model of Oil Industry Management in the 1910s-1940s]. IN: *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta.* – 2012. – T. 15. – № 5. – P. 154-162. (In Russ.).

SHPOTOV B.M. *Ispol'zovanie opyta SShA v rekonstruktsii sovetskoi neftyanoi promyshlennosti v 1920-30-e gg.* [Using US Experience in the Reconstruction of the Soviet Oil Industry in the 1920s-30s]. IN: *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta.* – 2006. – T. 4. – № 1. – P. 163-178. (In Russ.).

SHPOTOV B.M. *Amerikanskii biznes i Sovetskii Soyuz v 1920-1930-e gody: labirinty ekonomicheskogo sotrudnichestva* [American Business and the Soviet Union in the 1920s-1930s: Labyrinths of Economic Cooperation]. – Moscow: Librokom, 2013. – 320 p. (In Russ.).

SHPOTOV B.M. *Sovetsko-amerikanskie ekonomicheskie svyazi 1920-1930-kh gg.: teoreticheskie aspekty i uroki istorii* [Soviet-American Economic Relations in the 1920s-1930s: Theoretical Aspects and Lessons of History]. IN: *Ekonomicheskaya istoriya.* – 2015. – № 1 (28). – P. 69-74. (In Russ.).

DARMSTADTER J. *Energy in the World Economy: A Statistical Review of Trends in Output, Trade, and Consumption Since 1925.* – Baltimore: Johns Hopkins Press, 1971. – 876 p. (In English)

HARRIMAN W. A. *America and Russia in a Changing World: A Half Century of Personal Observation.* – Garden City, NY: Doubleday, 1971. – 218 p. (In English)

HENDERSON L.W. *A Question of Trust: The Origins of US-Soviet Diplomatic Relations (The Memoirs of Loy Henderson).* – Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1986. – 579 p. (In English)
National Archives and Records Administration. (In English)

Сведения об авторе

А.А. Татаров – кандидат исторических наук, доцент кафедры.

Information about the author

A.A. Tatarov – candidate of sciences (History), associate professor of the department.

Статья поступила в редакцию 06.10.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 06.10.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Научная статья
УДК 94(47).084.8
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-186-198
EDN: HZBNQP

РОЛЬ РАЙОННЫХ ВЛАСТЕЙ В СТАБИЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПОСЛЕ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ: НА МАТЕРИАЛАХ ТЕРСКОГО РАЙОНА КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В 1943 ГОДУ

Анзор Уматиевич Гедуев

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик,
Россия, anzor.geduev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5645-4853>

Аннотация. Статья посвящена анализу роли районных властей в стабилизации общественно-политической и экономической жизни на примере Терского района Кабардино-Балкарии в 1943 году после нацистской оккупации. На основе архивных материалов исследуются ключевые направления деятельности местных органов власти: восстановление разрушенного хозяйства, организация весеннего сева, обеспечение социальной поддержки населения, борьба с последствиями эпидемии тифа и нормализация работы социальной сферы. Особое внимание уделяется механизмам проведения инвентаризации и реколлективизации, а также взаимодействию с республиканскими органами власти. Выявлены основные трудности: нехватка ресурсов, проблемы в отчетности колхозов, медленное восстановление инфраструктуры. Делается вывод об эффективности сочетания жесткой административной вертикали с местными инициативами для преодоления последствий оккупации в условиях общего экономического кризиса.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, Терский район, восстановление экономики, районный комитет партии, районный исполнительный комитет.

Для цитирования: Гедуев А.У. Роль районных властей в стабилизации общественно-политического и экономического положения после нацистской оккупации: на материалах Терского района Кабардино-Балкарии в 1943 году // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 186-198. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-186-198. EDN: HZBNQP.

© Гедуев А.У., 2025

Original article

THE ROLE OF LOCAL AUTHORITIES IN STABILIZING THE SOCIAL, POLITICAL, AND ECONOMIC SITUATION AFTER THE NAZI OCCUPATION: THE TERSKY DISTRICT OF KABARDINO-BALKARIA IN 1943

Anzor U. Geduev

Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, anzor.geduev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5645-4853>

Abstract. The article analyzes the role of local authorities in stabilizing socio-political and economic life using the example of the Tersky District of Kabardino-Balkaria in 1943 after the Nazi occupation. Based on archival materials, the study examines key areas of activity: restoration of destroyed economy, organization of spring sowing, social support for the population, combating the consequences of a typhus epidemic, and normalization of the social sphere. Special attention is paid to the mechanisms of inventory and re-collectivization, as well as interaction with republican authorities. The main challenges are identified: lack of resources, reporting problems in collective farms, and slow infrastructure recovery. The conclusion is made about the effectiveness of combining a strict administrative vertical with local initiatives to overcome the consequences of occupation in conditions of general economic crisis.

Key words: Kabardino-Balkaria, Tersky District, economic recovery, district party committee, district executive committee.

For citation: Geduev A.U. The role of local authorities in stabilizing the social, political, and economic situation after the nazi occupation: the Tersky district of Kabardino-Balkaria in 1943. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 186-198. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-186-198. EDN: HZBNQP.

© Geduev A.U., 2025

Введение

В историографии, посвященной изучению Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны, преобладает региональный подход. Исследования, как правило, фокусируются на общих процессах, происходивших в масштабах всей республики, таких как мобилизация ресурсов, деятельность партизанских отрядов, общий экономический ущерб и направления восстановительных работ, определяемые центральными и республиканскими органами власти. Эти аспекты на примере Кабардино-Балкарии были рассмотрены достаточно подробно в работах советских авторов [Бербеков 1958; Давыдов 1961; Очерки истории 1971; Хакуашев 1978]. Но при этом ими игнорировались недостатки действий органов власти, что не позволяло оценить проблему с разных сторон.

На современном этапе развития исторической науки исследователи получили доступ к ранее закрытым архивным фондам, что позволило перейти к более сбалансированному анализу политики восстановления Кабардино-Балкарии в 1943-1945 гг. Ряд авторов, работая с новым комплексом источников, смогли осветить как достижения, так и системные недостатки этого процесса на общереспубликанском уровне [Бечелов 2004; Тетуев 2019; Тетуев 2022]. Параллельно в историографии наметилась тенденция к углубленному изучению проблемы на примере отдельных районов, подвергшихся нацистской оккупации [Кузнецов, Махчиева 2015; Салказанов 2015].

Таким образом, существующая историография проблемы Кабардино-Балкарии в 1941-1945 гг. оставляет лакуну в изучении механизмов функционирования низового звена власти – районного уровня, который непосредственно реализовывал директивы центра на местах и сталкивался с практическими трудностями. Анализ на уровне отдельного района, такого как Терский, позволяет перейти от общих формулировок к конкретике: как именно принимались решения, как распределялись дефицитные ресурсы, как взаимодействовали местные органы

власти с населением и какова была реальная эффективность управленческих мер в конкретных условиях. Такой микроисторический ракурс не только углубляет наше понимание прошлого, но и делает историческую реконструкцию более объемной и репрезентативной, демонстрируя, как большая история складывалась из множества локальных и зачастую разнородных практик.

Цель статьи – на примере Терского района Кабардино-Балкарии проанализировать деятельность местных (районных) органов власти по стабилизации общественно-политической и экономической жизни и преодолению последствий нацистской оккупации в 1943 г. Исследование направлено на выявление конкретных механизмов, проблем и эффективности управленческих решений в условиях острого дефицита ресурсов. Хронологические рамки обусловлены спецификой первого года после освобождения Кабардино-Балкарии от оккупации в январе 1943 г., так как для этого времени характерны: стремительный переход от чрезвычайных условий оккупации и боевых действий к режиму восстановления советской власти, обострение всех видов дефицита, формирование первоочередных практик восстановления, высокая социально-политическая нестабильность, интенсивное взаимодействие районных властей с вышестоящими инстанциями.

Гипотеза данного исследования формулируется следующим образом: в 1943 г. местные власти Терского района сыграли решающую роль в первоначальной стабилизации, которая, однако, носила мобилизационно-кризисный характер. Автор исходит из предположения, что их деятельность была наиболее результативна в сфере административно-политического контроля и оперативного реагирования на гуманитарные угрозы. В то же время, в экономической сфере их возможности были крайне ограничены, и успех здесь в большей степени зависел от способности мобилизовать инициативу снизу (на уровне колхозов, сельсоветов) и добиться поддержки из центра.

Методология статьи основана на принципах историзма, системности и объективности. В работе применяется комплекс традиционных научно-исторических методов (историко-генетический, проблемно-хронологический, статистический), а также метод микроисторического анализа.

Источниковая база включает протоколы заседаний бюро Терского районного комитета (райкома) ВКП (б) и районного исполнительного комитета (райисполкома), постановления Совета народных комиссаров и Верховного Совета Кабардино-Балкарии, материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений оккупантов за 1943 г. Основной массив использованных документов выявлен в архивном Центре документации новейшей истории и Центральном государственном архиве Кабардино-Балкарии.

Результаты

Битва за Кавказ 1942-1943 гг. не только продемонстрировала многонациональный вклад войск Красной армии и населения в оборону страны, но и особенности деятельности областных и районных партийных организаций в экстремальных условиях. Кабардино-Балкария в течение трех месяцев была разрезана линией фронта, а к началу ноября 1942 г. практически полностью оказалась в зоне нацистской оккупации. Возвращению республики в советский тыл в январе

1943 г. сопутствовали сложные задачи по восстановлению хозяйства и общественного порядка, достижение которых зависело от организационного потенциала, объема экономического и символического капитала и уровня легитимности власти.

В 1941-1942 гг. население Терского района, как и всей республики, активно включилось в такие процессы, как военная и трудовая мобилизация, обеспечение фронта продукцией, движение сопротивления, в котором участвовал Терско-Курпский партизанский отряд. Иллюстрацией этих тенденций служит выдержка из газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария» от 23 июня 1941 г. сообщала: «Быстро облетела все колхозы Терского района весть о гнусной бандитской вылазке зарвавшихся гитлеровцев. Колхозники, рабочие и служащие района, проникнутые патриотическим чувством, горят желанием стать грудью на защиту социалистического Отечества... Все колхозники, как один, обязуются еще крепче сплотиться вокруг партии Ленина и повседневно своей работой бороться за повышение урожайности на колхозных полях, продуктивности животноводства, за укрепление обороноспособности страны» [Шнайдер 2007: 202-203]. В августе-сентябре 1942 г. в Терском районе КБАССР развернулись упорные бои за подступы к территории Северной Осетии, захват которой германское командование считало необходимым для прорыва к грозненской нефти и Закавказью. К началу ноября 1942 г. советские войска были вынуждены оставить Терский район полностью.

После освобождения района от оккупации в январе 1943 г. предстояло провести огромную работу по восстановлению тыла и его повторной мобилизации для продолжения борьбы с немецко-фашистской агрессией.

Общий ущерб, нанесенный колхозам Кабардино-Балкарии от вражеской оккупации, составил свыше 14281106 тыс. руб. (из них строениям колхозов – около 175666 тыс. руб.), промышленности и общественным учреждениям – 193569 тыс. руб., населению – 646682 тыс. руб. В общей сложности потери народного хозяйства превысили 2268361 тыс. руб. [Кабардино-Балкария 1975: 244-247]. Однако в 1943 г. расходы на восстановление народного хозяйства на территориях, подвергшихся нацистской оккупации, сдерживались общим экономическим кризисом по стране. Как отмечает Н.А. Вознесенский, в 1943-1944 гг. капиталовложения составили 17 млрд. руб., но из них лишь 3 млрд. пришлось на 1943 г. [Вознесенский 1948: 61].

С другой стороны, показатели по восстановлению хозяйства, поставкам на фронт, исполнением запросов и ответственных задач из Центра, эффективность социальной политики на региональном уровне зависели от положения в районах, которое варьировалось в зависимости от конкретных обстоятельств и времени. Терский район оказался одним из наиболее пострадавших от оккупации среди 15 районов КБАССР с точки зрения материального ущерба жителей. Согласно документальным данным, жителям Терского района был причинен ущерб на сумму 147330826 руб. Также было уничтожено и повреждено жилых домов и хозяйственных построек общим объемом 41 тысяча кубометров. Значительный урон понесло колхозное хозяйство: захватчики конфисковали 1681 голову крупного рогатого скота (включая коров и молодых), 331 свинью, 1958 овец и коз, а также

73667 голов домашней птицы. Кроме того, оккупантами было изъято 12603,7 центнеров различных сельскохозяйственных продуктов [УЦГА АС КБР. Ф. Р-292. Оп. 1. Д. 5. Л. 4 об].

Оккупация уничтожила 994 га фруктовых садов, 262 га виноградников, практически все насаждения ягодников по республике. Особая ответственность в их восстановлении лежала на соседних Урожайненском и Терском и Лескенском районах [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1379. Л. 67]. Экономический удар по усугубила эпидемия сыпного тифа, начавшаяся в период оккупации. Район оказался в зоне немецких бомбардировок в период Нальчикской оборонительной операции рубежа октября-ноября 1942 г.: только за это время было разрушено до 500 домов [УЦГА АС КБР. Ф. Р-292. Оп. 1. Д. 20. Л. 2]. В ходе оккупации пострадал организационный потенциал района. Многие коммунисты погибли, в том числе 45 руководителей сельсоветов и колхозов [УЦГА АС КБР. Ф. Р-193. Оп. 2. Д. 3. Л. 2].

Вопросы восстановления организационного потенциала района были рассмотрены на первых заседаниях Терского райкома ВКП(б) 2 и 22 января, 12 февраля 1943 г. В первую очередь, был подобран состав руководителей колхозов, предприятий, МТС и других учреждений из числа ответственных граждан. Обсуждались пути реализации решений обкома ВКП(б) об усилении политической агитации, улучшении организационной работы райкомов и политических отделов учреждений. Среди первых мер Терского райкома, помимо процедур должностных назначений, были такие меры, как восстановление радио- и телефонной связи, помощь семьям военнослужащих пособиями, составление плана посевов, развитие огородничества [УЦДНИ АС КБР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9. Л. 1-5, 15-17, 100-103].

Схема 1.

Карта задач райисполкома после оккупации. 13-я сессия Терского Райсовета депутатов трудящихся, 20 апреля 1943 г.

Составлено по: УЦГА АС КБР. Ф-193. Оп. 2. Д. 2. Л. 1 об. – 2.

После освобождения Кабардино-Балкарии председателем Терского райисполкома был назначен Т.О. Гуважоков, его заместителем, заведующим отделом по гособеспечению семей военнослужащих и заведующим финансового отдела (РайФО) – Х. Шوماхов (до июля 1943 г.), председателем районной плановой комиссии – П. Хапачев, заведующим земельного отдела (РайЗО) – Дуков, заведующим отдела народного образования (РайНО) – Е. Хапов, отдела торговли (РайТОРГ) – Е. Титова, отдела здравоохранения (РайЗДРАВ) – Т. Карашаев. Перед руководством района лежал набор первоочередных задач, которые обсуждались на официальных собраниях 1943 г. (Схема 1).

С освобождением района от оккупации одной из первоочередных задач была нормализация выплаты налогов населением. В феврале 1943 г. единая ставка военного налога по району была установлена в размере 160 рублей. При этом, для колхозников и единоличников сел. Верхний Курп, наиболее пострадавшего от оккупации, предусматривалась скидка в 50 % [УЦГА АС КБР. Ф. Р-193. Оп. 2. Д. 3. Л. 10].

Еще в январе-феврале 1943 г. нескольким десяткам семей расстрелянных оккупантами граждан и пострадавших выдали единовременные пособия в размере 1000 тыс. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-193. Оп. 2. Д. 3. Л. 13]. При райисполкомх продолжали работу отделы гособеспечения и бытового устройства семей военнослужащих. В конце октября 1943 г. аналитическая оценка Верховного Совета КБАССР определила, что в Терском районе эта работа в основном была построена. Однако большое количество вовлеченных акторов было сопряжено с появлением таких просчетов, как переплата, неправильное оформление документов, несвоевременная выплата пособий. Списки семей военнослужащих готовились в сельских советах, районное отделение связи следило с исполнением сроков выплат, в Райфо готовились справки о необлагаемости налогами (наличие одного военнослужащего снимало 50 %, а двух 100 % обложения [Гритчина 2015: 59]). Помимо этого, райисполком должен был подключить к обеспечению бытовых нужд и трудоустройству членов указанных семей различные хозяйственные и общественные организации. Дополнительно Президиум Верховного Совета КБАССР привлек к работе по обеспечению нуждающихся школьников из семей фронтовиков одеждой и обувью отдел Гособеспечения при Совнарком и наркомат торговли КБАССР [УЦГА АС КБР. Ф. Р-193. Оп. 2. Д. 1. Л. 31-31 об].

Первая половина 1943 г. выявила сложности в работе некоторых колхозов. Так, в октябре 1943 г. в республиканском Совнарком обратили внимание на недостатки в отчетности, приходорасходных сметах, инвентарных описях в колхозах. Это препятствовало планированию. В колхозе «Джулат» учетные данные по численности крупного и мелкого рогатого скота превышали фактическое положение. Проблемы должна была решаться за счет усиления ревизионной работы, а также большей вовлеченности наркомата земледелия, райисполкома, руководителей РайЗО, МТС, и районного представительства Госбанка [УЦГА АС КБР. Ф. Р-193. Оп. 2. Д. 1. Л. 27-28].

14-я сессия Терского райсовета депутатов трудящихся (30 июня 1943 г.) значительно отличалась от предыдущей в плане строгости критики и принятых кадровых переустановок. Каждый послеоккупационный месяц сопровождался

скоплением зафиксированных недочетов, и теперь районные власти обращали внимание не только на успехи весеннего сева, но и на неудовлетворительные стороны результатов – снижение темпов прополки посева яровых культур, распространение сорняков в садах и виноградниках, срыв 100-процентного выхода колхозников на работу в некоторых колхозах. Основными виновниками объявлялись председатели сельсоветов и правлений колхозов, которые не обеспечивают работу всех колхозников «от зари до зари» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-193. Оп. 2. Д. 2. Л. 6-9].

Другим направлением ускоренного действия была инвентаризация. Районные власти были неудовлетворены тем, что она охватила преимущественно скот, сельскохозяйственные машины, имущество колхозов и МТС, но без учета птицеводства, пчеловодства и некоторых видов инвентаря. Были намечены повторные мероприятия по инвентаризации.

Все взятое населением в ходе битвы за Кавказ имущество колхозов – эта практика получила распространение в период эвакуации, когда власти отдавали населению часть невывезенных колхозных ресурсов для укрытия от оккупантов – изымалось районной милицией при участии хозяйственных руководителей, а охранники и сторожи проверялись на причастность к расхищениям. Нарушителям грозила уголовная ответственность по закону от 7.08.1932 г. «Об охране социалистической собственности» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-193. Оп. 2. Д. 3. Л. 12].

Документы районного уровня дают нам ценную информацию, скрытую в часто цитируемых материалах по работе республиканских партийных и советских органов власти. Первые месяцы после освобождения Кабардино-Балкарии отмечены заметным кризисом организации работы властей. Так, 12 марта 1943 г. в Терском районе состоялось совещание председателей и секретарей сельских исполкомов, руководителей предприятий и учреждений из районного центра, на котором были сделаны выводы о неудовлетворительном уровне организационно-массовой работы местных советов. Был выстроен план действий на основе предписаний Президиума Верховного Совета КБАССР от 1 марта 1943 г., включавший такие пункты как скорейшее восстановление пострадавшего от оккупации хозяйства, своевременное выполнение полевых работ и производственных задач, укрепление трудовой дисциплины и выполнение военных поставок, организацию противовоздушной и противохимической обороны и охраны стратегических объектов, оказание материальной помощи семьям военнослужащих и пострадавшим от оккупации [УЦГА АС КБР. Ф. Р-193. Оп. 2. Д. 10. Л. 3].

В некоторых колхозах района критически пострадали базовые общественные блага. Так, 2 апреля 1943 г. СНК КБАССР постановил восстановить водоснабжение в колхозах «Красный Восток» и «10 лет КБАО» в селе Верхний Курп. План предусматривал временное предоставление стационарных двигателей на насосных установках, тракторов и горючего, а также ссудного кредита в размере 60 тыс. руб. Одновременно из местного бюджета выделялось 15 тыс. руб. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-193. Оп. 2. Д. 1. Л. 4].

20 апреля 1943 г. состоялась 13-я сессия Терского Райсовета депутатов трудящихся, на которой было отмечено, что руководители местных советов, правлений колхозов, МТС и предприятий должны еще более серьезно подойти к

проведению весенних полевых работ и сбора продовольственных поставок. По сути, в постоккупационных районах развернулась реколлеktivизация в сфере животноводства, о чем свидетельствуют критические замечания о недопущении «расхищения и разбазаривания скота» [УЦГА АС КБР. Ф. Р – 193. Оп. 2. Д. 2. Л. 1-1 об.]. Для дополнительной координации восстановления района в разных сферах были при Райсове создавались постоянно действующие комиссии: сельскохозяйственная, финансово-бюджетная, оборонная, культурно-бытовая, торгово-заготовительная, по благоустройству и дорогам и др.

Посевные работы стали одним из наиболее ответственных и контролируемых процессов. Еще на X пленуме обкома ВКП (б) 29 января 1943 г. нарком земледелия Ж.Д. Хужоков отметил: «Нужно немедленно восстановить разрушенное немецко-фашистскими войсками хозяйство, нужно в короткий срок образцово подготовить к весеннему севу для сбора весеннего урожая» [Лики войны 1996: 192].

Несмотря на все сложности, колхозы республики выполняли общий план к середине мая 1943 г. [История 1967: 280]. Но некоторые хозяйства не выполняли промежуточные требования. В Терском районе на начало мая колхоз «Джулат» реализовал план на 51 %, «10 лет КБАО» – 55 %, «2-я пятилетка» – 54 %. Отчасти это признано результатом недостаточной работы местных МТС, которые не обеспечивали надлежащий ремонт техники. Так, в колхозе «Джулат» в рабочем состоянии было лишь 7 из 15 тракторов. Райком ВКП(б) постановил срочно поправить вопрос с тракторами и их бригадами [УЦДНИ АС КБР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 11. Л. 4]. В целом республика справилась со сложной задачей: согласно данным за декабрь 1943 г., планы по уборке урожаев подсолнуха, картофеля, овощей и кукурузы были полностью реализованы [Кабардино-Балкария 1975: 624]. Это было достигнуто за счет постоянного улучшения эффективности посевной кампании весной 1943 г.

Другим фактором влияния на весенний сев была проблема орошения. Терский район до войны превратился в один из главных узлов гидромелиорации Кабардино-Балкарии в ходе создания Мало-Кабардинской оросительной системы. После нацистской оккупации часть этой системы была разрушена, особенно в районе сел. Верхний Курп. Потребовалось восстановление водоснабжения ряда хозяйств. В апреле 1943 г. Совнарком КБАССР специальным постановлением выделил колхозам «10-лет КБАО» и «Красный Восток» денежный кредит и техническую помощь для восстановления водоснабжения [УЦГА АС КБР. Ф. Р-193. Оп. 2. Д. 1. Л. 4].

Постепенно улучшалось положение торговли. В первые месяцы после оккупации ощущалась нехватка столовых и торговых точек, в результате чего хлеб и другие продукты выдавались с перебоями и в очередях. План товарооборота за первый квартал 1943 г. был выполнен лишь на четверть, но конкретно за апрель уже на 70 %. Для дальнейшего улучшения ситуации власти запланировали несколько мер: организацию рыболовных бригад в селениях, борьбу со злоупотреблениями пользователей талонов, создание специальной лаборатории для проверки молочной продукции, пересмотр кадров торговых организаций [УЦДНИ АС КБР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 11. Л. 1-2].

В первые недели после освобождения района обком ВКП(б) запустил проверку качества организационных аспектов в школьной системе – работы профсоюзов, комсомольских и пионерских собраний, случаев хулиганства. Наступление лета актуализировало решение проблемы с техническим обеспечением образования. На 5 июля 1943 г. общая численность школьных учащихся республики была оценена в 49773 чел. Терский район входил в тройку районов с самыми большими показателями численности школьников (4886 чел. в 22 начальных, неполных средних и средних школах) [УЦГА АС КБР. Ф. Р-193. Оп. 2. Д. 1. Л. 19 об]. Распределение учеников приведено в таблице 1.

Таблица 1.

Численность учащихся школ Терского района, 5.07.1943 г.

Район	Учащиеся			Школы		
	1-4 кл.	5-7 кл.	8-10 кл.	Начальн.	Начальн сред- ние	Средние
Терский	3115	1540	231	8	8	6

Составлено по: УЦГА АС КБР. Ф. Р-193. Оп. 2. Д. 1. Л. 19 об. – 20.

Нацистская оккупация нанесла огромный ущерб этой сфере. На 5 июля 1943 г. план по количеству необходимых для начала учебного года школ в республике составлял 223 здания, однако к 1 сентября восстановили лишь 168 школ [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1379. Л. 94-95]. Во многом, на это влияло требование больших средств и их перераспределение из других сфер. На ремонтное восстановление лишь трех школ Терского района в июле 1943 г. пришлось выделить свыше 86 тыс. руб. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-193. Оп. 2. Д. 1. Л. 15]. Другая проблема состояла в необходимости нормализации посещения школ. Родителям и попечителям воспрещалось удерживать детей от посещения школ под «предлогом хозяйственных работ» с угрозой административного штрафа до 100 руб. либо исправительно-трудовых работ до 1 месяца. Кроме того, следовало открыть школы в населенных пунктах, «отстоящих от школы на расстоянии более 2-х километров и имеющих не менее 15 детей школьного возраста» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-193. Оп. 2. Д. 1. Л. 21 об]. Документы свидетельствуют о нехватке поддержанных учебников. В июне 1943 г. Терский райисполком обратился к наркомату просвещения КБАССР с просьбой направить в район не менее 50 учителей 5-10 классов, а к Совнаркому КБАССР – выделить 300 тыс. рублей на восстановление школ в сел. Верхний Курп, Хамидие, Арик, Куян [УЦГА АС КБР. Ф-193. Оп. 2. Д. 2. Л. 11].

Одним из источников по проблеме образования по району служит записка заместителя наркома просвещения КБАССР Воронкова первому секретарю Терского райкома от 14 июля 1943 г. Она была составлена по итогам посещения республиканской комиссией школ в селах Терек, Верхний Акбаш, Дейское, Плановское, Тамбовское, Арик, Куян с целью проверки готовности к новому учебному году. Были выявлены общие проблемы с проведением ремонта (внутренняя и внешняя отделка, починка крыш и полов), обеспечением мебелью, заготовкой топлива, недостаточной активностью комсомольцев. Имелись и положительные

моменты. Быстрыми темпами шло приспособление здания сельского клуба в селе Арик ввиду полного разрушения прежней школы. В сел. Верхний Акбаш учащиеся привлекались к полевым работам с питанием. Для оптимизации положения Районно обязали разбить район на участки ответственности для контроля восстановительных работ и удерживать кадры от ухода в колхозы и другие организации. Довольно часто применявшаяся в то время в разных сферах практика еженедельных отчетов охватила директоров школ [УЦДНИ АС КБР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5. Л. 7-8].

Оккупация Терского района породила вспышку сыпного тифа. В феврале 1943 г. республиканские власти предложили ряд мер для нормализации санитарного положения: поиск захороненных тел мирных жителей и бойцов Красной армии, введение декадника чистоты для очистки разрушенных улиц и зданий от мусора, мобилизация колхозного транспорта и людских сил, открытие новых бань [УЦДНИ АС КБР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5. Л. 2-2 об.]. Однако этих мер было недостаточно. Совнарком КБАССР отметил, что в районе не были предприняты решительные действия, и, хотя общая опасность снизилась, в марте было зафиксировано 96 случаев заболевания [УЦДНИ АС КБР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5. Л. 3].

Ветеринарная служба также имела свои проблемы. К середине марта 1943 г. Терский район не направил ни одного работника на прохождение курсов ветеринарных фельдшеров при наркомате здравоохранения [УЦДНИ АС КБР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6. Л. 5]. Это сказалось на медленном восстановлении животноводческого фонда. Так за июнь падеж конского поголовья составил 52 голов [УЦДНИ АС КБР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5. Л. 9].

Заключение

Анализ деятельности районных властей Терского района Кабардино-Балкарии в 1943 г. позволяет сделать вывод об их ключевой роли в стабилизации общественно-политической и экономической жизни после нацистской оккупации. Несмотря на колоссальный материальный ущерб, ограниченность ресурсов и общий экономический кризис в стране, местные органы власти организовали системную работу по восстановлению хозяйства и нормализации повседневной жизни. Деятельность райисполкома и райкома ВКП(б) была сфокусирована на решении первоочередных задач: восстановлении организационного потенциала власти, проведении весенней посевной кампании, обеспечении социальной поддержки наиболее пострадавшего населения и семей военнослужащих. Важнейшим достижением стало проведение инвентаризации и реколлеktivизации, позволившее восстановить контроль над колхозным имуществом и остановить его разбазаривание. Однако процесс восстановления сопровождался значительными трудностями: нехваткой техники, проблемами в отчетности колхозов, медленными темпами восстановления социальной инфраструктуры, особенно школ и медучреждений. Эпидемия сыпного тифа дополнительно осложнила ситуацию в районе. Жесткий административный контроль, постоянное давление со стороны центра и кадровые перестановки стали ключевыми инструментами преодоления кризиса. Несмотря на все сложности, к концу 1943 г. Терскому району, как и всей республике в целом, удалось в основном выполнить плановые задания по уборке

урожая и стабилизировать ситуацию, что демонстрирует эффективность сочетания жесткой вертикали управления с инициативами на местном уровне в экстремальных условиях после оккупационного восстановления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Бербеков 1958 – *Бербеков Х.М.* Очерки истории Советской Кабардино-Балкарии. – М.: Госполитиздат, 1958. – 160 с.
- Бечелов 2004 – *Бечелов З.Ш.* Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Махачкала, 2004. – 22 с.
- Вознесенский 1948 – *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. – М.: Госполитиздат, 1948. – 192 с.
- Гритчина 2015 – *Гритчина М.Н.* Налоговая политика в годы Великой Отечественной войны // Региональная экономика: теория и практика. – 2015. – № 40. – С. 58-62.
- Давыдов 1961 – *Давыдов И.В.* Партийная организация Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1961. – 172 с.
- История 1967 – История Кабардино-Балкарской АССР: в 2-х томах. Т. 2. / Гл. ред. Х.Г. Берикетов. М.: Наука, 1967. 440 с.
- Кабардино-Балкария 1975 – *Кабардино-Балкария* в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов / Отв. ред. М.Х. Шекихачев. – Нальчик: Эльбрус, 1975. – 798 с.
- Кузнецов, Махчиева 2015 – *Кузнецов Т.И., Махчиева Н.С.* Восстановление и деятельность колхозов Моздокского района в 1943-1945 годах // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2015. – № 2 (186). – С. 70-74.
- Лики войны 1996 – *Лики войны*. Сборник документов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) / Отв. ред. А.Х. Каров. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 498 с.
- Очерки истории 1971 – *Очерки истории* Кабардино-Балкарской организации КПСС / Отв. ред. В.К. Тлостанов. – Нальчик: Эльбрус, 1971. – 395 с.
- Салказанов 2015 – *Салказанов З.Г.* Восстановление социально-экономического потенциала в освобожденных от оккупации районах Северной Осетии (1943-1953 гг.): дис. ... канд. истор. наук. – Владикавказ, 2015. – 143 с.
- Тетуев 2019 – *Тетуев А.И.* Восстановление народного хозяйства Кабардино-Балкарии в условиях военного времени: опыт и проблемы // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 3. – С. 163-179. <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-3-163-179>.
- Тетуев 2022 – *Тетуев А.И.* Трудовая повседневность населения Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). // История, археология и этнография Кавказа. – 2022. – Т. 18. – № 3. – С. 642-663.
- УЦГА АС КБР – Управление Центрального Государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.
- УЦДНИ АС КБР – Управление Центра документации новейшего времени Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.
- Хакуашев 1978 – *Хакуашев Е.Т.* Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 320 с.
- Шнайдер 2007 – *Шнайдер В.Г.* Советское нациестроительство на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия. – Армавир: АГПУ, 2007. – 416 с.

REFERENCES

BERBEKOV Kh.M. *Ocherki istorii Sovetskoi Kabardino-Balkarii* [Essays on the History of Soviet Kabardino-Balkaria]. – Moscow: Gospolitizdat, 1958. – 160 p. (In Russ.).

BECHELOV Z.Sh. *Narodnoe khoziaistvo Kabardino-Balkarskoi ASSR nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: avtoref. diss. ... kand. istor. nauk* [The National Economy of the Kabardino-Balkarian ASSR on the Eve and During the Great Patriotic War]. – Makhachkala, 2004. – 22 p. (In Russ.).

VOZNESENSKII N.A. *Voennnaia ekonomika SSSR v period Otechestvennoi voyny* [The War Economy of the USSR during the Patriotic War]. – Moscow: Gospolitizdat, 1948. – 192 p. (In Russ.).

GRITCHINA M.N. *Nalogovaia politika v gody Velikoi Otechestvennoi voyny* [Tax Policy during the Great Patriotic War]. IN: *Regionalnaia ekonomika: teoriia i praktika*. – 2015. – № 40. – P. 58-62. (In Russ.).

DAVYDOV I.V. *Partiinaia organizatsiia Kabardino-Balkarii v period Velikoi Otechestvennoi voyny 1941-1945 gg.* [The Party Organization of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War of 1941-1945]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatelstvo, 1961. – 172 p. (In Russ.).

Istoriia Kabardino-Balkarskoi ASSR: v 2-kh tomakh. T. 2. [History of the Kabardino-Balkarian ASSR: in 2 volumes. Vol. 2] / Ed. by Kh.G. Beriketov. – Moscow: Nauka, 1967. – 440 p. (In Russ.).

Kabardino-Balkariia v gody Velikoi Otechestvennoi voyny. Sbornik dokumentov i materialov [Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War: Collection of Documents and Materials] / Ed. by M.Kh. Shekikhachev. – Nalchik: Elbrus, 1975. – 798 p. (In Russ.).

KUZNETSOV T.I., MAKHTSIEVA N.S. *Vosstanovlenie i deiatelnost kolkhozov Mozdokskogo raiona v 1943-1945 godakh* [Restoration and Activities of Collective Farms in the Mozdok District from 1943 to 1945]. IN: *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. 2015. № 2 (186). P. 70-74. (In Russ.).

Liki Voyny. Sbornik dokumentov po istorii Kabardino-Balkarii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941-1945 gg.) [Faces of War: Collection of Documents on the History of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War (1941-1945)] / Ed. by A.Kh. Karov. – Nalchik: Elbrus, 1996. – 498 p. (In Russ.).

Ocherki istorii Kabardino-Balkarskoi organizatsii KPSS [Essays on the History of the Kabardino-Balkarian Organization of the CPSU] / Ed. by V.K. Tlostanov. – Nalchik: Elbrus, 1971. – 395 p. (In Russ.).

SALKAZANOV Z.G. *Vosstanovlenie sotsialno-ekonomicheskogo potentsiala v osvobozhdennykh ot okkupatsii raionakh Severnoi Osetii (1943-1953 gg.): dis. ... kand. istor. Nauk* [Restoration of Socio-Economic Potential in the Liberated Districts of North Ossetia (1943-1953)]. – Vladikavkaz, 2015. – 143 p. (In Russ.).

TETUEV A.I. *Vosstanovlenie narodnogo khoziaistva Kabardino-Balkarii v usloviakh voennogo vremeni: opyt i problemy* [Restoration of the National Economy of Kabardino-Balkaria in War-time Conditions: Experience and Problems]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2019. – № 3. – P. 163-179. – DOI: 10.31143/2542-212X-2019-3-163-179. (In Russ.).

TETUEV A.I. *Trudovaia povsednevnost naseleniia Kabardino-Balkarii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941-1945)* [Labor Daily Life of the Population of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War (1941-1945)]. IN: *Istoriia, arkheologiya i etnografiia Kavkaza*. – 2022. – Vol. 18. – № 3. P. 642-663. (In Russ.).

Upravlenie Tsentralnogo Gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi respubliki [Central State Archive Administration of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

Upravlenie Tsentra dokumentatsii noveishego vremeni Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi respubliki [Contemporary Documentation Center Administration of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

KHAKUASHEV E.T. *Kabardino-Balkarskaia ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voyny* [The Kabardino-Balkarian ASSR during the Great Patriotic War]. – Nalchik: Elbrus, 1978. – 320 p. (In Russ.).

SHNAIDER V.G. *Sovetskoe natsiostroitelstvo na Severnom Kavkaze (1917 – konets 1950-kh gg.): zakonmernosti i protivorechiia* [Soviet Nation-Building in the North Caucasus (1917 – late 1950s): Patterns and Contradictions]. – Armavir: AGPU, 2007. – 416 p. (In Russ.).

Сведения об авторе:

А.У. Гедуев – аспирант.

Information about the author

A.U. Geduev – graduate student.

Статья поступила в редакцию 01.09.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 01.09.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Научная статья

УДК 39

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-199-211

EDN: JSSXJJ

**НАДГРОБНЫЕ ВИЗУАЛЬНЫЕ МАСКУЛИНЫЕ СИМВОЛЫ
НА МУЖСКИХ МОГИЛАХ:
НА ПРИМЕРЕ СЕЛЕНИЙ ГИЛНОЙ И ЭНДИРЕЙ**

Юсуп Магомедович Гусейнов

Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала, Россия, g.usup@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-5028-0871>

Аннотация. В статье на основе обширного полевого этнографического материала освещается проблема раскрытия понятий визуальных маскулиных символов (оружия, газыри, копья и др.) на примере двух селений – Эндирей (Хасавюртовский район Республики Дагестан) и Гиляны (Ножай-Юртовский район Чеченской Республики). Еще при жизни готовилось завещание (васият), в котором прописывались все требования к захоронению и совершению похоронно-поминальной обрядности. Обычно в завещании указывали скромные похороны с малыми материальными затратами, а все оставшиеся деньги просили раздать милостыню бедным (садакъя). Присущая скромность в похоронно-поминальной обрядности была характерна практически для всех мусульманских народов. Однако при всем сходстве обрядов имелись отличия. В частности, в селении Гиляны на надгробных камнях высекались (вырисовались) разные изображения, которые характеризовали жизнь усопшего. Подобные изображения отсутствовали в селении Эндирей.

Статья написана на основе полевой этнографической экспедиции, совершенной автором в селения Эндирей и Гиляны в октябре-ноябре 2025 года. В ходе данной экспедиции было опрошено более 20 старожилых этих селений. Также были посещены кладбища этих селений. Полученные материалы внесут определенный вклад в некрополистику Северного Кавказа.

Ключевые слова: кумыки, чеченцы, эпитафии, надгробные камни, ислам, Эндирей, Гиляны

Благодарности и финансирование: Статья опубликована в рамках гранта Российского научного фонда № 25-28-00758 «Феномен маскулинности на Северном Кавказе: исследования гендера и мужественности в контексте безопасности».

Для цитирования: Гусейнов Ю.М. Надгробные визуальные маскулиные символы на мужских могилах: на примере селений Гилной и Эндирей // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 199-211. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-199-211. EDN: JSSXJJ.

© Гусейнов Ю.М., 2025

Original article

**TUMULUS VISUAL MASCULINE SYMBOLS ON MEN'S GRAVES:
ON THE EXAMPLE OF THE VILLAGE OF GILNOI AND ENDIREI**

Yusup M. Guseinov

Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russia,
g.usup@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-5028-0871>

Abstract. Based on extensive field ethnographic material, the article highlights the problem of revealing the concepts of visual masculine symbols (weapons, gazys, spears, etc.) using the example of two villages – Endiray (Khasavyurt district, Republic of Dagestan) and Gilany (Nozhai-Yurtovsky district, Chechen Republic).

During his lifetime, a will (vasiyat) was being prepared, which spelled out all the requirements for burial and funeral rites. Usually, the will indicated a modest funeral with low material costs, and all the remaining money was asked to give alms to the poor (sadaqa).

The inherent modesty in funeral and memorial rituals was characteristic of almost all Muslim peoples. However, with all the similarities of the rituals, there were differences. In particular, in the village of Gilany, various images were carved (outlined) on tombstones that characterized the life of the deceased. There were no similar images in the village of Andy.

The article is based on field ethnographic expeditions to the villages of Andy and Gilany in October-November 2025. During this expedition, more than 20 old-timers of the villages were interviewed. The cemeteries of two villages were also visited. The materials obtained will make a definite contribution to the necropolistics of the North Caucasus.

Keywords: Kumyks, Chechens, epitaphs, tombstones, Islam, Andy, Gilyany

Acknowledgements and funding: The article was published as part of the Russian Science Foundation grant No. 25-28-00758 "The Phenomenon of Masculinity in the North Caucasus: Research on Gender and Manhood in the Context of Security".

For citation: Guseinov Y.M. Tumulus visual masculine symbols on men's graves: on the example of the village of Gilnoi and Endirei // Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 199-211. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-199-211. EDN: JSSXJJ.

© Guseinov Y.M., 2025

Введение

Смерть является неотъемлемой и окончательной частью человеческого существования. Кладбища и надмогильные «камни», как места памяти и почитания усопших, служат важным элементом культурного наследия любого народа. Кумыки и чеченцы – народы, обладающие богатым культурным наследием, которое, в свою очередь, находит отражение в их погребальных практиках. Надмогильные плиты, выполненные из камня или других материалов, служат не только для обозначения места захоронения, но и как носители информации о жизни и смерти человека, его статусе и достижениях.

Каждый элемент, будь то орнамент, надпись или форма самой плиты, несет в себе определенный смысл и может поведать нам о жизни и интересах усопшего, его заслугах и семейных связях.

Слабая ориентированность исследований надмогильных плит и эпитафий на кладбищах кумыков и чеченцев представляют собой актуальную тему, особенно в свете глобализации и изменения культурных практик. Несмотря на это исследованиям эпитафий и надмогильных плит у кумыков и чеченцев были посвящены определенные работы дагестанских и чеченских авторов. Среди них весомое место занимают работы С.Ш. Гаджиевой [Гаджиева 1961], которая в своих трудах подробно описывала процесс похорон, послепохоронные обряды,

религиозные песнопения. Особенно большой интерес представляет совместная работа С.Ш. Гаджиевой и А.М. Аджиева [Гаджиева, Аджитиев 1980] «Похоронный обряд и причитания у кумыков», где кроме похоронных обрядов, приводятся народные кумыкские причитания по усопшим. Влияние адата и шариата на похоронные обряды кумыков отмечается в работах Ю.М. Гусейнова [Гусейнов 2018; Гусейнов 2023].

Большое внимание дагестанским и чеченским эпиграфическим памятникам уделяется в работах Л.И. Лаврова [Лавров 1968] и В.И. Марковина [Марковин 1994], которые исследовали надгробные эпитафии Дагестана и Чечни. Полученные данные авторов позволяют сравнить надписи и изображения из различных селений Дагестана и Чечни.

Изучению дагестанской некрополистики и эпитафий на надгробных камнях уделяли большое внимание Ш. Шихалиев [Мусаев, Шихалиев, Шехмагомедов 2020], П.И. Тахнаевой [Тахнаева 2021], Т.М. Айтберов и Ш.М. Хапизов [Айтберов, Хапизов 2016]. В фокусе исследовательского внимания Ш.М. Хапизова и Т.М. Айтберова были в основном горные и предгорные кладбища, а также эпиграфические источники по распространению ислама в Дагестане и Чечне. П.И. Тахнаева изучала эпиграфика мюридов Кавказской войны, в частности с. Дашни-Ведено [Тахнаева 2021]. Эпиграфическим памятникам Чечни, посвящена статья З.А. Тасаева «Эпиграфические памятники Чечни (на примере надмогильных стел в середине XIX – первой трети XX вв.)» [Тасаев 2022].

Статья написана на основе полевой этнографической экспедиции, совершенной автором в селения Эндирей и Гиляны в октябре-ноябре 2025 г. В ходе данной экспедиции было опрошено более 20 старожилов этих селений. Также были посещены кладбища этих селений. Полученные материалы внесут определенный вклад в некрополистику Северного Кавказа. Методологической и теоретической базой статьи явились основные принципы исторической науки: объективность, научность и историзм.

Результаты исследования

Похоронно-поминальные обряды в селениях Эндирей и Гиляны. Жители селения Эндирей (Хасавюртовский район, Республика Дагестан) и Гиляны (Ножай-Юртовский район, Чеченская Республика) издавна имели тесные социокультурные торгово-экономические и политические связи. Население Эндирея по переписи населения 2021 г. составляет более 9 тысяч человек, население Гиляны – более 1,5 тысячи человек.

Специальная литература, а также полевой этнографический материал позволяют утверждать, что оба селения соединял торговый путь, который шел от каспийской низменности в центральные районы Чечни и Западного Кавказа.

В ходе исламизации региона оба селения охотно приняли исламскую религию. В селении Эндирей даже располагалось одно из крупных исламских медресе – «Медресе Тафтазани», деятельность которого простиралась далеко за пределы Дагестана [Челяби 1979: 167-169]. По такому поводу Т.Х. Кумыков отмечал: «Если Мулла или эфенди заканчивал Эндирейское медресе, то это было успешной аттестацией его подготовки в области ислама» [Кумыков 1991: 69].

Согласно турецкому путешественнику Эвлия Челяби, в Эндирее имелось три крупных медресе, где обучались представители из разных регионов Северного Кавказа [Челяби 1979: 167-169]. Таким образом, Эндирей как и Гиляны являлись крупными населенными пунктами в Терско-Сулакском междуречье, население которых исповедовало ислам суннитского толка.

Исламская религия предписывает человеку ряд требований, которые он должен соблюдать в течение всей жизни. Эти требования подробно изложены в ряде сур и аятах священного писания (Корана), а также в многочисленных хадисах пророка [Гусейнов 2023]. По исламским воззрениям смерть человека предопределена до его рождения. По такому поводу в одном из аятов священного Корана сказано: «Мы предопределили вам смерть». Исходя из этого мусульманин с наступлением своего совершеннолетия (примерно 15 лет) умел совершать намаз, соблюдал исламские столпы, готовился к загробной жизни.

Согласно полевым этнографическим материалам, собранным в указанных селениях, люди еще задолго до своей смерти готовили «Васият» (завещание), где подробно описывали, кроме всего прочего, процесс похорон [Гусейнов 2018: 31]. Чаще всего жители просили скромные похороны, без громкого плача и причитания. Однако согласно полевым этнографическим сведениям, подобные предписания редко соблюдались. Так, в селении Эндирей была даже специальная группа плакальщиц, которые посещали тазияты (похоронный обряд), где громко с причитанием отмечали достоинства покойного [ПМА 2].

Так, в совместной работе «Похоронный обряд и причитания у кумыков» С.Ш. Гажиева и М. Аджиев, отмечая плач и причитания у кумыков, приводили следующую народное причитание:

Экинниде кюлей гелген къыз эдинг,
Танг белгиге сени уьюнг бузуллу.
тюнгиюлукден чыкыгъган сени тютюнюнг
Булутлагъа ете-етемей уьзюлдю
Балавуздай балчыкъалар баса эдинг;
Парс гюзгюдей отавлар ясай эдинг;
Интелеринг – гюмюш, йибинг ал эди;
Авзунг сени – шекер, тилинг бал эди...
(Ты пришла невесткой радостная под вечер,
К рассвету твой дом разрушился.
Дым твоего очага оборвался
Оборвался, не доходя до облаков...
Глину, подобную воску ты месила;
Ты так убирала дом, что он блестел, как персидское зеркало;
Иглы твои – из серебра, нитки красные были;
Уста твои словно сахар, язык твой подобно меду были...)
[Гажиева, Аджиев 1980: 15].

По сведениям информатора Абдула Топаева, в городе Хасавюрт была группа специальных плакальщиц, которые, причитая, раздирали себе лицо руками, тем самым заставляя проявлять скорбь всех присутствующих. Причем,

причитания и плач были более интенсивными и громкими во время прихода в дом соболезнующих [ПМА 1].

Согласно специальной этнографической литературе, особенно громкие причитания были в случаях смерти молодого человека или убийством жителя селения. В последнем случае плакальщицы проклинали убийцу и возвышали убитого.

Надгробные визуальные маскулинные символы на мужских могилах. Возвращаясь к фронтальной теме исследования, отметим, что в своем завещании покойный часто упоминал о размерах установления могильного камня. У чеченцев он именуется «чурты», у кумыков – «синтаж». Анализ собранных в ходе полевых этнографических экспедиций сведений показывает, что эпиграфика надгробных камней имеет ряд особенностей на надмогильных плитах в указанных селениях. В ходе полевой этнографической экспедиции мы посетили в селении Эндирей два кладбища, а в селении Гиляны – три. Следует отметить, что в селении Гиляны имеется кладбище, которое именуется «Газават», где похоронены отдавшие жизнь за исламскую религию.

Фото 1. Кладбище «Газават», сел. Гиляны. (Фото автора)

Изучая надгробную эпиграфику камней в селении Гиляны, нами была обнаружена надпись на одном камне (фото 2). Захоронение, согласно сведениям информаторов, дотируется серединой XIX в. Надпись гласит:

Смерть – это чаша, и каждый выпьет из нее.
Могила – это дверь, и каждый войдет в нее.

Фото 2. Камень на кладбище «Газават». Сел. Гиляны (Фото автора)

Однако, нам не удалось выявить, кто и когда был похоронен под этим надмогильным камнем. Следует отметить, что аналогичная надпись была на могиле кумыкского шамхала Будая, который погиб в 1556 г. в военном походе в Кабарду и был посмертно удостоен титула «Счастливый мученик». В эпитафии Будай шаухала говорится:

«Могила – дверь, и все люди входят в нее. Это могила Будай шамхала б. Амал-Мухаммада, – да будет прощение им обоим и потомству их обоих!».

Следует отметить, что данная надпись является цитатой из хадиса Аль-Кудси в исламе и гласит:

«Смерть – это дверь, и все люди войдут в нее.
Смерть – это чаша, и все люди выпьют из нее».

Аналогичные надписи говорят о том, что захоронный в селении Гиляны также погиб в военном походе и был после смерти приравнен к исламским миссионерам.

Также в селении Гиляны на кладбище «Газават» имеются надгробные камни с поломанными круглыми изголовьями, которые, в представлениях наших информаторов символизировали голову человека [ПМА 3]. Согласно сведений нескольких наших информаторов, таким образом гилянцы хотели показать потомкам, что перед смертью они были обезглавлены. Несколько иную трактовку по

такому поводу дают исследователь В.И. Марковин, который объяснял такое «обезглавие» – местом захоронения женщины [Марковин 1994]. Это подтверждает и то, что «обезглавленные» надгробные камни (фото 3, 4) расположены рядом с целыми чуртами. Подобные захоронения могут быть объяснены исламскими традициями – хоронить жену рядом с мужем. Такие примеры захоронений можно неоднократно наблюдать на кладбищах в селении Эндирей.

Однако, вопреки указанным доводам В.И. Марковина, а также личными наблюдениями автора, перевод эпитафии (фото 3), гласит: «Здесь похоронен уважаемый человек, да простит его Аллах Мирзахан сын... (далее текст не разборчивый)». Это подтверждает рассказы информаторов селения Гиляны, которые утверждали, что перед смертью человек мог быть обезглавлен. Всего на данном кладбище мы обнаружили несколько таких могил. По датировкам они преимущественно относятся к XIX в.

Фото 3,4. Надмогильные памятники кладбища «Газават», сел. Гиляны (Фото автора)

Следует отметить, что в селении Эндирей подобные кладбища отсутствуют. Однако, по сведениям информаторов, в Эндирее имеются более 40 святых зияратов. Также в Эндирее имеется большое количество женских зияратов. Одним из почитаемых считается зиярат Святой Хамис (Хамис пир). Жизнь этой девушки тесно связана с исламом. Основным ее занятием была уборка мечети в родном селе, так как ее дом располагался рядом с мечетью. Она не вышла замуж и все свободное время работала в мечети. Во время нашествия монголо-татар она была убита выстрелом стрелы в мечети. Похоронена там же в Эндирее. По сведениям информатора Сайпудина Сайпудинова, на ее пир (зиярат) приходило множество людей, особенно это было заметно в советское время [ПМА 2].

Другой зиярат в Эндирее посвящен святой Патимат. Он располагается на окраине селения Эндирей. Патимат жила в советское время. Она обучала девушек основам ислама, Корану. После ее смерти она была причислена к святым.

Фото 5,6. Паломники у зияратов Святой Хамис и Зайнап, селение Эндирей (Фото автора)

В ходе этнографической экспедиции в селении Гиляны нами зафиксированы несколько жизненных фактов, которые изображались на надгробных камнях усопших. На надгробном камне покойного по имени Ашахан сын Гойтемира изображена трость. Трость изображалось только, когда покойный был имамом мечети или владел исламскими знаниями.

На кладбище в селении Гиляны были обнаружены несколько десятков надгробных камней с изображением трости.

Фото 7. Надмогильный памятник Ашахана сына Гойтемира, общее кладбище сел. Гиляны (Фото автора)

Согласно сведениям наших информаторов из селения Гиляны [ПМА 3], в случаях, когда на надгробном камне изображался кувшин, то это означало, что покойный при жизни совершал намаз и был глубоко верующим человеком. З.А. Тасаев объяснял этот факт изображением атрибутики мусульманских обрядов [Тасаев 2022: 63-65].

Фото 8. Центральное кладбище селения Гиляны (Фото автора).

На отдельных надгробных камнях были обнаружены изображения мусульманских четок. Данное изображение подтверждало, что усопший при жизни совершил хадж. Наш информатор подтвердил, что изображение двух четок – показывали, что покойный был в хадже дважды [ПМА 3].

На отдельных надгробных камнях были обнаружены изображения холодного оружия и газырей. Такие изображения часто констатировали, что покойный был воином или погиб в военном походе. Некоторые информаторы из селения Эндирей также отмечали, что подобные изображения у них изображались у абреков. Стоит отметить, что подобную версию не получила своего подтверждения в селении Гиляны. Вероятней всего подобные случаи были характерны для отдельных селений, но не всего географического расселения народа.

Фото 9, 10. Надмогильные памятники кладбища «Газават», сел. Гиляны
(Фото автора)

Следует отметить, что в ходе этнографической экспедиции в селение Эндирей подобные надписи и изображения не были зафиксированы. В то же время в Эндирее, в отличие от Гиляны, такие надписи были обнаружены на могильных камнях фотографии захороненных людей.

Заключение

Таким образом, селения Эндирей и Гиляны, расположенные по соседству, имели ряд схожих аспектов, присущих и чеченцам, и кумыкам. Так, оба народа селений объединяла одна религия, общие торгово-экономические и культурные связи. Похоронные обряды кумыков и чеченцев практически не отличались. Однако, несмотря на тесное сотрудничество и просветительский диалог, между ними имелись некоторые отличия. Например, изображения и эпитафии надмогильных камней резко отличались в селениях. Так, у кумыков селения Эндирей практически не встречаются изображения на надмогильных камнях. В отличие от эндиреевцев гилноевцы изображали определенные рисунки. Надмогильные плиты и эпитафии на кладбищах представляют собой феномен, который выражает определенные характеристики, присущие усопшим при жизни, сочетает элементы исламской культуры и местные традиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Айтберов, Хапизов 2016 – *Айтберов Т.М., Хапизов Ш.М.* Эпиграфические источники по распространению ислама в Дагестане и Чечне (XVI–XIX вв.) // Известия СОИГСИ. – 2016. – № 15. – С. 15-24.

Гаджиева 1961 – *Гаджиева С.Ш.* Кумыки: ист.-этногр. исслед. / С.Ш. Гаджиева. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 288 с.

Гаджиева, Аджиев 1980 – *Гаджиева С.Ш., Аджиев А.М.* Похоронный обряд и причитания кумыков // Семейный быт народов Дагестана. – Махачкала, 1980. – С.17–22.

Гусейнов 2023 – *Гусейнов Ю.М.* Эволюция и корреляция шариата и адата у кумыков в XVIII–XXI вв.: дис док. ист. наук. – Саранск, 2023. – 435 с.

Гусейнов 2018 – *Гусейнов Ю. М.* Адат и шариат в похоронно-поминальной обрядности у кумыков в XIX–XX вв. // Проблемы востоковедения. – 2018. – № 2. – С. 30–33.

Кумыков 1991 – *Кумыков Т.Х.* Культура и общественно-политическая мысль Кабарды. Первой половины XIX в. – Нальчик: «Эль,рус», 1991. – 176 с.

Лавров 1968 – *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2. Надписи XVIII–XX вв. – М. Наука: 1968. – 268 с.

Марковин 1994 – *Марковин В.И.* Каменная летопись вайнахов. – М.: «Русская книга», 1994. – 200 с.

Мусаев, Шихалиев, Шехмагомедов 2020 – *Мусаев М.С., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М. Г.* Надмогильные стелы конца XIII – начала XVIII в. кладбища в с. Шири // Вестник Московского университета. Серия 13. – Востоковедение. – 2020. – №. 2. – С. 107–126.

ПМА 1 – Полевой материал автора. Информатор: Абдула Топаев, г. Хасавюрт, 1949 г.р.

ПМА 2 – Полевой материал автора. Информатор: Сайпудин Сайпудинов. Сел. Эндирей, 1964 г.р.

ПМА 3 – Полевой материал автора. Информатор: Мукаев Абдуллах, сел. Гиляны 1982 г.р.

Тахнаева 2021 – *Тахнаева П.И.* Атрибуция и эпиграфика памятников шахидов Кавказской войны кладбища Дышни-Ведено (1845–1857 гг.) // Эпиграфика Востока. – Т. 36. – № 3–4. – 2021. – С. 22–28.

Тасаев 2022 – *Тасаев З.А.* Эпиграфические памятники Чечни (на примере надмогильных стел середины XIX – первой трети XX в.) // Genesis: исторические исследования. – 2022. – №. 10. – С. 59–70.

Челяби 1979 – *Челяби Э.* Книга путешествия. Выпуск II. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. – М.: «Наука», 1979. – 286 с.

REFERENCES

AITBEROV T.M., KHAPIZOV SH.M. *Epigraficheskie istochniki po rasprostraneniyu is-lama v Dagestane i Chechne (XVI–XIX vv.)* [Epigraphic sources on the spread of Islam in Dagestan and Chechnya (16th–19th centuries)]. In: Izvestiya SOIGSI. – 2016. – № 15. – P. 15–24. (In Russ.).

GADZHIEVA S.SH. *Kumyki: ist.-etnogr. Issled.* [The Kumyks: Historical and Ethnographic Research] / S.SH. Gadzhieva. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1961. – 288 p. (In Russ.).

GADZHIEVA S.SH., ADZHIEV A.M. *Pokhoronnyi obryad i prichitaniya kumykov* [The funeral rite and lamentations of the Kumyks]. In: Semeinyi byt narodov Dagestana. – Makhachkala, 1980. – P.17–22. (In Russ.).

GUSEINOV YU.M. *Evolutsiya i korrelyatsiya shariata i adata u kumykov v XVIII–XXI vv.* [The evolution and correlation of Sharia and Adat among the Kumyks in the 18th–21st centuries]: dis dok. ist. nauk. – Saransk, 2023. – 435 p. (In Russ.).

GUSEINOV YU.M. *Adat i shariat v pokhoronno-pominal'noi obryadnosti u kumykov v XIX–XX vv.* [Adat and Sharia in the funeral and memorial rites of the Kumyks in the 19th–20th centuries]. In: Problemy vostokovedeniya. – 2018. – № 2. – P. 30–33. (In Russ.).

KUMYKOV T.KH. *Kul'tura i obshchestvenno-politicheskaya mysl' Kabardy. Pervoi polo-viny XIX v.* [Culture and socio-political thought in Kabarda in the first half of the 19th century]. – Nal'chik: «El',rus», 1991. – 176 p. (In Russ.).

LAVROV L.I. *Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persid-skom i turetskom yazykakh. CH. 2. Nadpisi XVIII–XX vv.* [Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian, and Turkish]. – M. Nauka: 1968. – 268 p. (In Russ.).

MARKOVIN V.I. *Kamennaya letopis' vainakhov* [The Stone Chronicle of the Vainakhs]. – М.: «Russkaya kniga kniga», 1994. – 200 p. (In Russ.).

MUSAEV M.S., SHIKHALIEV SH.SH., SHEKHMAGOMEDOV M.G. *Nadmogil'nye stely kontsa XIII – nachala XVIII v. kladbishcha v s. Shiri* [Tombstones of the late 13th – early 18th century cemetery in the village of Shiri]. In: Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. – Vostokovedenie. – 2020. – №. 2. – P. 107-126. (In Russ.).

Polevoi material avtora [Field material by the author]. Informator: Abdula Topaev, g. Khasavyurt, 1949 g.r. (In Russ.).

Polevoi material avtora [Field material by the author]. Informator: Saipudin Saipudinov. Sel. Endirei, 1964 g.r. (In Russ.).

Polevoi material avtora [Field material by the author]. Informator: Mukaev Abdullakh, sel. Gilyany 1982 g.r. (In Russ.).

TAKHNAEVA P.I. *Atributsiya i epigrafika pamyatnikov shakhidov Kavkazskoi voyny kladbishcha Dyshni-Vedeno (1845-1857 gg.)* [Attribution and Epigraphy of the Monuments of the Shaheids of the Caucasian War in the Dyshni-Vedeno Cemetery (1845-1857)]. In: Epigrafika Vostoka. – T. 36. – № 3-4. – 2021. – P. 22-28. (In Russ.).

TESAEV Z.A. *Epigraficheskie pamyatniki Chechni (na primere nadmogil'nykh stel se-rediny XIX – pervoi treti XX v.)* [Epigraphic Monuments of Chechnya (Based on Tomb Stelae from the Mid-19th to the First Third of the 20th Century)]. In: Genesis: istoricheskie issledovaniya. – 2022. – №. 10. – P. 59-70. (In Russ.).

CHELEBI E. *Kniga puteshestviya. Vypusk II. Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya* [The Book of Travel. Issue II. Lands of the North Caucasus, the Volga Region, and the Don Region]. – М.: «Nauka», 1979. – 286 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю.М. Гусейнов – доктор исторических наук.

Information about the author

Y.M. Guseinov – Doctor of Sciences (History).

Статья поступила в редакцию 12.10.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 12.10.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Научная статья
УДК 39(393)
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-212-225
EDN: JZDRSS

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ И РЕВИТАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТА ДУШИ (ПСЭ) В ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ КАБАРДИНЦЕВ

Диана Руслановна Лакунова

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия, anzva86@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6224-7824>

Аннотация: Статья посвящена анализу трансформаций похоронно-поминальной обрядности кабардинцев, фокусируясь на центральной роли концепта души («псэ») и её пространственной символике. Традиционная обрядность, синтезировавшая анимизм, нормы «Адыгэ Хабзэ» и ислам, рассматривается как сложный социальный институт, регулирующий отношения между мирами живых и мёртвых. Основной фокус исследования смещен на анализ пространственной организации погребально-поминальной сферы, а именно на практики создания сакрального пространства, которое структурирует взаимодействие живых с умершими и определяет соответствующие ритуальные действия и поведенческие нормы, непосредственно связанные с культом души. Данные традиционные практики формировали целостную систему, которая включала в себя приготовление специальной поминальной пищи «хьэдэIус» (кабард.-черк. – «пища покойника»), наделение ритуальных блюд глубокой символикой, неукоснительное соблюдение строгого похоронного протокола и особое, сакральное отношение к душе усопшего. В современности автор фиксирует глубокую трансформацию и десакрализацию обрядности под влиянием глобализации и реисламизации, что ведёт к отрицанию многих практик как «недозволенных действий» и внутрисемейным конфликтам. Анализ приводит к выводу, что культ псэ не исчезает, но проходит процесс ревитализации посредством перекодировки своих смыслов.

В качестве путей конструктивного преодоления потенциальных конфликтов предлагается реализация просветительских и научных проектов, применение digital-технологий, а также ведение диалога с религиозными институтами. При этом конечная цель заключается не в консервации архаичных форм, а в адаптации глубинных духовных связей для сохранения культурной идентичности кабардинцев в условиях XXI в.

Ключевые слова: погребальные обряды, псэ (душа), кабардинцы, ревитализация, пространственная символика, культ предков, культурная идентичность.

Для цитирования: Лакунова Д.Р. Пространственная символика погребальных обрядов и ревитализация культа души (псэ) в похоронно-поминальной обрядности кабардинцев // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 212-225. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-212-225. EDN: JZDRSS.

© Лакунова Д.Р., 2025

THE SPATIAL SYMBOLISM OF FUNERAL RITES AND
THE REVITALIZATION OF THE SOUL CULT IN THE FUNERAL
AND MEMORIAL PRACTICES OF THE KABARDIANS

Diana R. Lakunova

Museum of Anthropology and Ethnography named after. Peter the Great (Kunstkamera) RAS, St. Petersburg, Russian Federation, anzva86@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6224-7824>

Abstract: The article analyzes the transformations in the funeral and memorial rites of the Kabardians, focusing on the central role of the concept of the soul ("pse") and its spatial symbolism. Traditional ritual practices, which synthesized animism, the norms of "Adyghe Khabze" and Islam, are considered as a complex social institution regulating the relationships between the worlds of the living and the dead. The main focus of the research is shifted to the analysis of the spatial organization of the funerary and commemorative sphere, namely the practices of creating a sacred space that structures the interaction between the living and the deceased and determines the corresponding ritual actions and behavioral norms directly related to the cult of the soul. These traditional practices formed a holistic system that included the preparation of special memorial food "khyedeyus" (Kabardian-Cherkess – "food for the deceased"), endowing ritual dishes with deep symbolism, strict adherence to a detailed funeral protocol, and a special, sacred attitude toward the soul of the deceased. In the modern context, the author documents a profound transformation and desacralization of these practices under the influence of globalization and re-Islamization, leading to the rejection of many practices as "impermissible actions" and causing intra-family conflicts. The analysis concludes that the cult of pse is not disappearing but is undergoing a process of revitalization through the recoding of its meanings.

As ways to constructively overcome potential conflicts, the implementation of educational and scientific projects, the application of digital technologies, and dialogue with religious institutions are proposed. The ultimate goal is not the conservation of archaic forms but the adaptation of profound spiritual connections to preserve the cultural identity of the Kabardians in the 21st century.

Keywords: Funeral rites, pse (soul), Kabardians, revitalization, spatial symbolism, ancestor cult, cultural identity.

For citation: Lakunova D.R. The spatial symbolism of funeral rites and the revitalization of the soul cult in the funeral and memorial practices of the Kabardians. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 212-225. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-212-225. EDN: JZDRSS.

© Lakunova D.R., 2025

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного подхода к сохранению и развитию традиционной культуры, особенно в такой её консервативной и глубоко символической сфере, как похоронно-поминальная обрядность, требующей учёта всей совокупности исторических, социальных и культурных факторов. Для кабардинского общества, переживающего интенсивные трансформации под влиянием глобализационных процессов и религиозного возрождения, вопрос сохранения культурного кода, связанного с культом души (псэ), приобретает особую остроту.

Целью данной статьи является многоуровневый анализ пространственных аспектов концепции псэ в традиционном мировоззрении кабардинцев, детальное исследование характера, направлений и причин современных трансформаций в похоронно-поминальной обрядности и выработка на этой основе возможных путей конструктивной ревитализации культа предков как фундаментальной основы культурной идентичности в XXI в.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

- проанализировать пространственную символику погребальных обрядов, связанную с культом души;
- исследовать трансформацию ритуальных практик под влиянием современных факторов;
- выявить пути адаптации традиционных ценностей для сохранения культурной идентичности.

Похоронно-поминальные ритуалы адыгов, в частности кабардинцев, представляют собой сложный синтез архаических домонотеистических верований, исторически сложившейся этико-правовой системы Адыгэ Хабзэ и мощных наслоений мировых религий, прежде всего ислама. В их мировоззренческой основе лежит фундаментальный и многогранный культ души «*псэ*» (кабард.-черк. «душа») – комплекс представлений, уходящий своими корнями в глубокие пласты анимистических воззрений. Как справедливо отмечал в своих трудах Б.Э. Тейлор, изначальная вера в духов, способных активно влиять на жизнь живых, закономерно порождает в обществе стремление их почитать и ритуально умиловить [Тейлор 1989]. Эту мысль развивает А.С. Токарев, который прямо и однозначно связывает происхождение и развитие погребальных практик именно с анимизмом и устойчивой верой в посмертное существование души [Токарев 1990]. Однако в условиях современности мы наблюдаем нарастающий, подчас драматичный разрыв между традиционными представлениями и новыми социально-религиозными реалиями, что ведет к прогрессирующей эрозии культурного кода и утрате глубинных основ коллективной самоидентификации. В этом сложном и противоречивом свете ревитализация похоронно-поминальной обрядности предстает отнюдь не как ностальгическое или архаичное возвращение к прошлому, а как сложный, многогранный и творческий процесс адаптации традиционных ценностей к условиям современности, направленный на сохранение уникального духовного наследия народа.

Современная социальная антропология смерти предлагает рассматривать погребальные и поминальные ритуалы не как простой, рутинный набор действий для прощания с усопшим, но как сложный, многофункциональный социальный институт, регулирующий тонкие и сложные отношения между мирами живых и мертвых и структурирующий само сакральное пространство и время коллектива [Соколовский и др. 2024; Пантелеева, Хоробрых 2022; Паня 2017; Степанов 2010; Мохов 2018], ключевым элементом которого выступает культ души.

Лингвистический анализ показывает, что в адыгском языке для концепта «душа» закреплена лексема «*псэ*», подразумевающая связь человека с божественным началом. В то же время отдельное слово для обозначения безличного «духа» в современном языке отсутствует. «*Псэ*» служит общим обозначением одушевлённости всего живого, в то время как «*Хьэ*» (Дух) трактуется как фундаментальная, божественная (*Тхьэ*) первооснова бытия, первопричина вселенной [Хацукова 2004]. В адыгской культуре понятие «*псэ*» (душа) тесно связано с концептом «*гу*» (сердце), и граница между ними в ряде контекстов оказывается тонкой и подвижной. В отличие от русского религиозно-идеалистического

понимания души, адыгское «*псэ*» носит более обобщённый характер, обозначая саму суть или основу существования чего-либо [Бижева 2000].

Ключом к пониманию глубинной логики кабардинской обрядности служит целостная анимистическая картина мира, в которой душа «*псэ*» продолжает активное существование после физической смерти тела, сохраняя при этом прочную и действенную связь с миром живых и требуя особого почитания и умилования. Анимистические воззрения кабардинцев исторически охватывали не только веру в личную человеческую душу, но и веру в множество других духов, населяющих окружающее пространство (гор, рек, лесов), с которыми можно и нужно было взаимодействовать через строго регламентированные обряды. Вопрос о связи между верой в души умерших и верой в духов природы неоднократно поднимался в научной литературе. Некоторые исследователи считают, что вера в существование души является следствием появления культа умерших. В этом контексте В. Вундт подчеркивает значимость утраты физического тела для осознания духовной субстанции. Уничтожение материального носителя вынуждает общество искать новые формы связи с умершими, что в свою очередь порождает мистические ритуалы и верования, основанные на представлениях о загробной жизни [Вундт 1913:106]. Эти взаимодействия между телесным и духовным служат ключом к пониманию не только человеческой природы, но и динамики социальных отношений в разных культурах.

Сторонники теории анимизма, напротив, считали, что души умерших людей – это все природные духи. Не всегда можно провести грань между духами природы и духами умерших. С.А. Токарев привел несколько примеров того, как разные типы людей и народы называли духов умерших и духов природы. В этом контексте интересно отметить, что связь между материальным и духовным мирами в адыгских культурах предстаёт особенно глубоко. Душа, или «*псэ*», рассматривается не только как личная сущность, но и как нечто, что объединяет всё – от человека до природы.

В адыгской, и, в частности, кабардинской, культуре эта граница является особенно размытой и проницаемой: «*псэ*» воспринималась не только как сугубо индивидуальная, личная сущность, но и как часть универсальной духовной субстанции, органично связующей человека с природным космосом, определяя тем самым его ключевые пространственные и смысловые характеристики, что и находило прямое отражение в погребальной обрядности.

В адыгских диалектах термин «*псэ*» (душа) выступает многогранным символом, объединяющим понятия жизненной силы, одушевлённости и экзистенциального начала. Это качество приписывается не только человеку, но и всему сущему, способному к движению и трансформации: животным, растениям, природным стихиям. Даже земля и вода в народных представлениях наделяются «*псэ*», что проявляется в их цикличности – «замирании» зимой и «оживлении» с приходом весны. Толкование термина «*псэ*» как универсальной жизненной силы подтверждается исследованиями адыгской мифологии [Гадзаова 2005] и данными лингвистических источников [Шаов 1975]. Адыгский язык хранит уникальный пласт выражений, демонстрирующих глубинную связь между душой и повседневными практиками. Например: «*Cu псэм жулам*» (кабард.-черк. – («моя

душа подсказала») [Хатанов 2007] – интуитивное знание; «*Псэр тын*» (кабард.-черк. «отдать душу») – акт самопожертвования); «*И псэр хэхын*» (кабард.-черк. «отнять душу») – насильственное лишение жизни. Интересно, что даже слово «*псалъэ*» (кабард.-черк. «речь») этимологически восходит к «*псэ*» (кабард.-черк. «душа» и «*лъэ*» (кабард.-черк. «вместилище»), что подчёркивает сакральный статус слова, как проводника внутренней сущности¹. Адыги антропоморфизировали душу, наделяя её способностью предвидеть будущее – «*си псэм ицІэрт*» (кабард.-черк. «моя душа знала») и влиять на нравственный выбор. Эта концепция нашла отражение в пантеоне: вторым по значимости после *Тхьэихуэ* (кабард.-черк. «Верховного Бога») выступает *Псамтхьэ* – божество, персонифицирующее душу. Культ *Псамтхьэ*, как божества души, подробно описан в исследованиях религиозных представлений адыгов [Мамсилов 2003]. Культ *Псамтхьэ* отражает веру в автономность «*псэ*», которая требует сакрального покровительства и напрямую связывается с погребальными практиками.

Душа в адыгской картине мира это:

- этический компас (указывает на правильные поступки через выражения типа «*си псэр гуфІэрт*» – «моя душа радовалась»);
- индикатор жизненного статуса (ср. «*псэм еджэу тельщ*» – состояние между жизнью и смертью);
- объект метафизической заботы (практики, связанные с «возвращением» души при потере сознания – «*и псэр кыхыхьэжын*»).

Такая семантическая насыщенность термина «*псэ*» подтверждает его центральную роль в формировании адыгской идентичности. Как отмечал Б.Х. Бгажноков [Бгажноков 1999], душа выступает здесь как «нравственный компас», направляющий человека в сложных жизненных ситуациях. Дуализм души – одновременно как личностного начала и части космического порядка – отражает гармонию между человеком и природой в традиционном мировоззрении адыгов, что и формировало специфику культа предков.

Формирование подобных взглядов привело к появлению культа прародителей, ритуальная сторона которого со временем претерпела изменения. Закреплению почитания души способствовали также убеждения о бессмертии в загробном мире и уверенность в неразрывной связи усопших с их ныне живущими потомками, что и составляло суть похоронно-поминальной обрядности.

У адыгов эти верования имели первостепенное значение, проявляясь в пожизненном служении душам родных. Почтение к ушедшим предкам, их уважение ценилось превыше всего, а обещание, данное их именем, считалось наивысшей гарантией честности. Нанесение ущерба памяти предков словом или действием воспринималось как одно из самых серьезных злодеяний. Например, поминая умершего, считалось неприемлемым давать какую-то негативную оценку его действиям при жизни, вспоминать какие-то плохие его поступки. Даже в настоящее время на поминках произносят хвалебные речи в честь умершего, вспоминают благие дела его при жизни. Интересно, что, если человек при жизни

¹ Разложение «псалъэ» на «псэ» и «лъэ» подтверждается как лексикографическими (Шаов, 1975), так и сравнительно-лингвистическими (Кумахов, 1989) данными.

считался действительно хорошим, веселым и умер на старости лет, то на его поминках люди допускают шутки в его адрес, вспоминают смешные моменты и при этом смеются. По-видимому, считается, что его душа находится в умиротворении, спокойствии и, следовательно, не может причинить зла живым. В то время как душа покойника, который умер от несчастного случая либо убийства, считается неуспокоенной и в некотором смысле враждебной, что порождает страх перед покойником и ожидание его мести.

Эти анимистические представления о природе души послужили основанием для возникновения целого ряда похоронно-поминальных обрядов. Анализ ритуальных практик позволяет проследить трансформации, происходящие в обществе. В адыгской культуре обряды почитания предков исторически служили укреплению связи между поколениями, однако в современных условиях, отмеченных прагматическим мировоззрением, они приобретают новое звучание. Эти практики превращаются не только в инструмент сохранения культурного наследия, но и в способ обращения к духовным основам человеческого бытия, утрачиваемым в повседневности.

Если ранее обряды носили коллективный характер, то сегодня, в условиях изменения социальных структур, они всё чаще становятся частным делом семьи, хотя и не теряют своей роли в поддержании культурной идентичности. Важной особенностью этих практик является их способность к адаптации, что особенно ярко проявляется в контексте глобализации и реисламизации, предъявляющих новые требования к формам выражения идентичности.

Современные ритуалы не просто фиксируют традиции, но и трансформируются под влиянием социально-экономических, культурных и религиозных процессов. Это позволяет им оставаться актуальной частью обрядов жизненного цикла, сохраняя при этом глубинные ценности, связывающие поколения.

Это мировоззренческое единство, сфокусированное на культе души, находило свое яркое и конкретное выражение в системе пространственных смыслов, которые структурировали обрядовые практики. Устойчивое и широко бытующее представление о том, что душа покойного обладает способностью «забирать с собой» души живых людей (особенно уязвимых с магической точки зрения – детей, беременных женщин), напрямую структурировало и организовывало пространство ритуала. Доступ на него для этих категорий строго ограничивался [Традиционные магические... 2021: 167-172]. Это табу было действенным механизмом ограждения их от опасной, нестабильной границы между мирами, маркируя пространство вокруг умершего как насыщенное мощными, потенциально опасными силами и требующее особых мер предосторожности. Данное ограничение подчеркивало сакральный статус этого пространства и его радикальную отделенность от повседневного мира.

Другим ярким примером пространственного кодирования смыслов псэ является широко бытующий обряд с зеркалами. Убеждение в том, что душа человека может пребывать или проявляться в его отражении, привело к практике закрывать в доме, где произошла смерть, все зеркала белой тканью или разворачивать их к стене на протяжении всего символического периода в 40 дней [Лакунова 2023]. Хотя многие современные информанты затрудняются точно

сформулировать изначальную причину этого действия, наиболее распространенным остается объяснение, что в отражении можно увидеть душу усопшего, которая, в свою очередь, может увлечь за собой душу смотрящего. Таким образом, зеркало, будучи символом границы между мирами, становится потенциальным каналом проявления псэ и, соответственно, объектом, требующим обязательного ритуального «запечатывания». Одновременно плотная ткань бледного цвета, закрывающая зеркала, визуально маркирует все пространство дома как пространство глубокой скорби и ритуального перехода, настраивая всех присутствующих на соответствующий лад.

Пространственные смыслы души находили свое наиболее яркое и концентрированное выражение в конкретных ритуальных практиках, детально регламентирующих поведение живых в связи со смертью. Эти практики создавали особое, временно сакрализованное пространство, в котором миры живых и мертвых вступали в непосредственное соприкосновение. Ритуалы похоронно-поминального цикла служили не только способом прощания и выражения скорби, но и сложным механизмом интеграции души усопшего в мир предков, а также эффективным средством защиты живых от потенциально вредоносного влияния потусторонних сил. Культ души умерших органично и закономерно перерастал в комплексный культ предков, где духи-предки воспринимались как защитники и покровители рода, а их ритуальное умилоствление через систему обрядов рассматривалось как необходимое условие и залог благополучия и процветания живых.

Центральным ритуалом, выражающим заботу о душе умершего и поддерживающим с ней сакральную связь, были и остаются поминки. Они символизировали не только ритуальное «кормление» души, но и акт надежды на её последующее покровительство и поддержку оставшихся живых родственников. Согласно глубоким верованиям, умершие, подобно живым, продолжают нуждаться в пище, и в противном случае, если покойный останется голодным, он может начать досаждать живым, в частности, часто являться им во снах с соответствующими просьбами [ПМА № 1; ПМА № 2; ПМА № 3]. Поминальная трапеза, таким образом, была важнейшим актом поддержания этой связи, где само пространство за общим столом становилось живой метафорой неразрывной связи между поколениями. Расположение участников, строгий порядок подачи блюд, специальная поминальная еда – всё это имело глубокий символический смысл и было направлено на установление эффективной коммуникации с миром предков, обеспечение благополучия общины и укрепление её социальных уз. Ритуальные лепешки имели обязательную круглую форму, что, по-видимому, интуитивно ассоциировалось с архаичным культом Солнца и цикличностью бытия. В некоторых семьях бытовало устойчивое убеждение, что если после жарки лепешек в кипящее масло не добавить несколько капель воды, то «*Пам и псэм лъысынукъым жьэрымэр*» (кабард.-черк. «ритуальная пища не достигнет души умершего») [ПМА № 1; ПМА № 2; ПМА № 3]. Но в обществе происходит десакрализация поминальной пищи и поминок в целом. Акт жертвоприношения и приготовления поминальной пищи потеряли свой культурный код. Процесс приготовления «*хъэлыуэ*» (кабард.-черк. «халва из кукурузной муки», при котором душа умершего может видеть тех, кто участвует в приготовлении, семантика

традиционного и обязательного «жъэрымэ» (кабард.-черк. «лепешка, жареная в кипящем масле»), забывается в современном обществе. В настоящее время данное поверье трансформируется (или: переосмысливается, вытесняется) под влиянием исламского фактора, что особенно заметно в среде ортодоксальной молодёжи.

Архитектурно-ландшафтное оформление захоронений и мемориальных комплексов также является материальным воплощением пространственных смыслов *псэ*. Эти объекты исторически были призваны отражать традиционные представления о сакральном пространстве и символике, выступая постоянным, неизменным местом присутствия предков в топографии жизни общины. Кладбища традиционно располагались на особых, часто возвышенных и отдаленных местах, что символизировало одновременно близость к небу (трансцендентному) и радикальную отделенность от мира живых (имманентного). Использование природных материалов – камня, дерева – и традиционных орнаментов на надмогильных сооружениях подчеркивало глубокую, онтологическую связь души с природным пространством, её окончательную интеграцию в родную землю. Эти сооружения служили не просто маркерами места, но и важнейшими ориентирами в сакральном ландшафте, постоянно напоминающими о предках и регулирующими отношения между мирами.

Тщательное изучение современных ритуальных практик позволяет четко зафиксировать глубину и масштаб изменений, происходящих в кабардинском обществе. В традиционной адыгской культуре обряды, связанные с почитанием предков и культом души, изначально служили мощным механизмом укрепления сакральной связи между живыми и умершими и консолидации всего родового коллектива. Однако в современном обществе, где доминирует прагматичный, рационалистический и индивидуалистический подход к жизни, эти обряды претерпевают существенную, подчас тектоническую смысловую трансформацию. Они всё чаще становятся не столько способом поддержания мистической связи, сколько средством демонстрации культурной принадлежности и сближения с утрачиваемой духовной составляющей. Некогда сугубо коллективные по своей природе, эти практики сегодня всё больше становятся личным, приватным делом семьи. Общество, проходя через процессы глобализации, теряет связь с устоями предков. Молодежь, погруженная в современные ценности и образ жизни, часто не видит смысла в ритуалах, которые кажутся им архаичными. Смерть не воспринимается в современном обществе как нарушение социального равновесия, это не проблема общества, а самого индивида, вернее его души. Традиционные правила погребальной обрядности, которые складывались веками, состоящий из системы знаков, действий, запретов, траурной одежды, внешняя атрибутика демонстрации скорби (у мужчин отращивание бороды и ношение головного убора, у женщин ношение черных платков в течение года), потеряли свою коннотацию. Как отмечает Николай Паня «Знаки траура способствуют созданию иллюзии прозрачности и являются символическим рычагом психической аккомодации общины к смерти» [Паня 2017]. Однако сегодня мы наблюдаем явное ослабление именно этой общинной солидарности. И как отмечали информанты, отсутствие понимания значимости этих обрядов ведет к ослаблению культурной идентичности [ПМА № 1; ПМА № 2].

В последние десятилетия среди кабардинцев наблюдается переосмысление традиционных ценностей, затрагивающее как саму структуру похоронно-поминального цикла, так и отношение к нему. Исчезли такие элементы, как ритуальный плач, трехдневное регулярное посещение могилы «*кхъэдэкI*» (кабард.-черк. «посещение кладбища») после похорон, длительные трауры, со строгими правилами ношения специальной одежды, многолюдность похорон и обязательность соборезнования даже малознакомым людям [Адыги 2022]. В этом ключе мысль Паня о том, что интеграция души умершего в мир предков, которой способствуют поминальные действия, имеет не только апотропеический характер, но и общественно-организующий, который регулировал социальный порядок, идеально подходил и традиционному кабардинскому обществу. Но, потеря этих функций в современном обществе связана именно с потерей, забвением «культы души».

Это свидетельствуют о глубинной трансформации культурного кода, о размывании самой сути культа души. Пространственные практики, связанные с трауром, уступают место более сокращенным, индивидуализированным и зачастую формализованным формам выражения скорби. Это ведет к прогрессирующей десакрализации пространства смерти, утрате его коммуникативного и интегративного потенциала для общины.

Молодежь, погруженная в ценности глобализированного мира, зачастую не видит экзистенциального смысла в архаичных, с её точки зрения, ритуалах, воспринимая их как пережитки. Смерть перестала восприниматься как событие, нарушающее социальное равновесие всего общества; она всё больше становится частной проблемой индивида и его ближайшего окружения.

Наиболее значимым и конфликтогенным фактором трансформации стало влияние появления в регионе более строгих трактовок исламских догматов, что привело к серьезному расколу в интерпретациях между старшим поколением, живущим по нормам синкретичного «адыгства» (адыгэ хабзэ), и ортодоксально настроенной молодежью. Это порождает гибридные, подчас противоречивые формы обрядности и острые внутрисемейные конфликты.

Проявляется это в таких ключевых аспектах как:

- реинтерпретация и отрицание традиционных практик – многие элементы, имеющие глубокие доисламские корни и связанные с культом псэ, объявляются недозволенным в религии и пережитками «язычества»;
- изменение ритуального этикета – нарушаются традиционные нормы выражения соборезнований, которые регламентировались адыгским этикетом;
- десакрализация поминальной пищи – сакральные смыслы поминальной пищи, связанные с кормлением души, постепенно забываются, теряя свой культурный код. В семьях, где влияние «новых мусульман» сильно, от этих практик отказываются вовсе, заменяя их раздачей сырого мяса (садака) или просто отказавшись от каких-либо действий, кроме чтения Корана.

Эта трансформация затрагивает не просто внешнюю форму обрядов — она меняет самую их суть. Традиционные местные верования (такие, как культ псэ) теперь часто замещаются или смешиваются с каноническим, универсальным исламом, очищенным от местных обычаев. В результате многие ритуалы, которые

были глубоко связаны с конкретными местами и символами, теряют свой изначальный смысл, упрощаются и становятся просто формальностью.

Ревитализация похоронно-поминальной обрядности – это не консервативный призыв к простому и механическому возрождению ушедших форм. Необходимо найти такие гибкие формы, которые позволят традиционному смыслу – почтению, памяти, проявиться в современных условиях, не вступая в прямой конфликт с религиозными нормами. Безусловно, участие религиозных деятелей не просто желательно, а критически важно. Без их понимания и, в идеале, поддержки, любые адаптированные практики рискуют быть отвергнутыми верующими как несогласные с религией. Задача религиозных деятелей в этом процессе – не просто сказать «нельзя», а помочь найти те точки соприкосновения, где местная традиция почитания памяти и души может получить приемлемое, возможно, символическое, толкование в рамках религиозного учения. Только через диалог с ними можно найти тот самый консенсус, где религия и традиция перестают противостоять и начинают сосуществовать в гармонии, обогащая друг друга.

Один из возможных шагов — открытие специальных культурных или музейных центров, которые будут изучать и рассказывать о традиционных обрядах. Но важно делать это не только в стенах музеев, но и с помощью современных технологий: можно создавать онлайн-платформы, виртуальные музеи или интерактивные экспозиции, посвящённые обрядовой культуре.

Такие цифровые форматы могут стать своего рода современным продолжением традиции — местом, где память и знания передаются уже не только из уст в уста, но и через экраны, оставаясь доступными и живыми для новых поколений.

Не менее важен конструктивный и уважительный диалог с религиозными институтами. Выработка общих, взвешенных подходов между авторитетными религиозными лидерами и представителями научного и культурного сообщества может способствовать поиску разумного баланса между традиционными архаичными представлениями о душе и официальными религиозными доктринами, позволив создать синкретические, приемлемые для большинства формы обрядности, легитимные с точки зрения современного религиозного сознания.

Чтобы оживить традиции и сделать их частью современной жизни, нужны специально подготовленные люди. Этнографы, культурологи, музейные работники — именно они выступают проводниками между прошлым и настоящим. Их задача — не просто зафиксировать знания, а найти способы передать их дальше и адаптировать к нашему времени, чтобы наследие не стало архивной редкостью, а оставалось живым и значимым.

Заключение

В конечном счете, сохранение и развитие традиционной культуры в контексте похоронно-поминальной обрядности и культа души (псэ) является не просто академическим интересом, но вкладом в сохранение фундаментальных основ идентичности народа, укрепление его духовных ценностей и обеспечение передачи культурного кода будущим поколениям. Пространственные смыслы псэ, воплощенные в ритуалах, отношении к месту захоронения и организации поминального пространства, являются неотъемлемой и крайне важной частью этого

наследия. Они отражают глубокую, онтологическую связь между человеком, общиной и окружающим миром, определяют сакральное место предков в жизни потомков и служат ключевым механизмом поддержания социальной и культурной преемственности.

Анализ современной ситуации показывает, что, несмотря на глубокую трансформацию под влиянием глобализации и реисламизации, культ предков и концепция «псэ» не исчезают, а подвергаются сложному процессу ревитализации через перекодировку смыслов. Архаичные практики адаптируются к современным мировоззренческим рамкам прежде всего через их исламизацию (объяснение в парадигме шариата) и этизацию (акцент на нормах Адыгэ Хабзэ как этического кодекса). На первый план выходят новые функции ритуалов: психотерапевтические (проживание горя), социально-интегрирующие (в рамках семьи/рода) и особенно идентификационные. «В этом контексте важную роль играет анализ особенностей погребальных традиций в разных конфессиях... как показывают полевые исследования в селах, где старообрядческая традиция уже сильно размыта, похоронный обряд, тесно связанный с вероучением, нередко является практически единственным способом его выражения, а также определения верующими своей конфессиональной принадлежности как важного отличия от представителей других конфессий, проживающих в той же местности. Именно этот аспект нуждается в более тщательном рассмотрении, так как во многих современных исследованиях похоронная обрядность включается в комплекс семейного обрядового цикла, а ее идентификационная функция обычно остается за рамками рассмотрения» [Соколовский и др. 2024].

К приведённой цитате стоит добавить, что похоронно-поминальная обрядность служит способом выражения не только конфессиональной, но и этнической принадлежности, выступая одним из ключевых маркеров идентичности народа [Лакунова 2024]. Участие в обрядах, даже в измененной, адаптированной форме, становится осознанным актом утверждения адыгской культурной идентичности в глобализирующемся мире.

Таким образом, ревитализация – это не возврат к прошлому, а динамичный процесс поиска и утверждения новых форм значимости традиционных практик в изменившемся социально-культурном и религиозном пространстве современности. Этот сложный и длительный путь. Пройти его можно только сообща, объединив учёных, деятелей культуры и религиозных лидеров. И, что особенно важно, при активной поддержке и участии самого общества. Оживление глубоких пространственных и духовных связей, заложенных в понятии «псэ», должны сохранить свою жизненную актуальность и необходимость в современном мире, продолжая служить прочным связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим кабардинского народа. Этот путь требует уважения к традиции, чуткости к современности и готовности к творческому поиску, но именно он может привести к подлинному возрождению не просто форм, а смыслов, которые делают культуру живой и необходимой для каждого нового поколения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адыги 2022 – Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / А.Х. Абазов, Х.И. Баков, Б.Х. Бгажноков [и др.]. – М.: Наука, 2022. – 870 с. – (Серия "Народы и культуры"). – EDN JRZZAR.

- Бгажноков 1999 – *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 256 с.
- Бижева 2000 – *Бижева З.Х.* Адыгская языковая картина мира. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 128 с.
- Вундт 1913 – *Вундт В.* Миф и религия / [пер. с нем.]. – Санкт-Петербург: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1913. – 416 с.
- Гадзаова 2005 – *Гадзаова М.М.* Духовная культура адыгов: традиции и современность. – Майкоп: Адыгея, 2005. – 320 с.
- Лакунова 2024 – *Лакунова Д.Р.* Роль погребальных и поминальных обрядов в сохранении самобытности кабардинцев // *Кавказество*. – 2024. – № 81(8). – С. 39-47. – EDN CXHMPF.
- Лакунова 2023 – *Лакунова Д.Р.* Трансформация похоронно-погребальных обрядов и ритуалов кабардинцев Кабардино-Балкарской Республики в начале 20-х гг. XXI в // *Электронный журнал «Кавказология»*. – 2023. – № 2. – С. 143-155. – DOI 10.31143/2542-212X-2023-2-143-155. – EDN ISCHUO.
- Мамсиров 2003 – *Мамсиров Г.В.* Религиозные представления адыгов. – Нальчик: Полиграфсервис, 2003. – 208 с.
- Мохов 2018 – *Мохов С.* Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Common place, 2018. – 328 с.
- Пантелеева, Хоробрых 2022 – *Пантелеева Л.М., Хоробрых С.В.* Лингвосемиотика похоронной культуры: деревня и город [Текст]: моногр. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 205, [3] с. – ISBN 978-5-7598-2680-4 (в обл.). – ISBN 978-5-7598-2825-9 (e-book).
- Паня 2017 – *Паня Н.* Грамматика погребальной обрядности. – Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2017. – 176 с. – ISBN 978-5-88431-335-4. – EDN YMZHVB.
- ПМА № 1 – Полевые материалы автора. Дневник 1. КБР, Баксанский район (с. Баксанен; г. Баксан; с. Кишпек; с. Жанхотеко).
- ПМА № 2 – Полевые материалы автора. Дневник 2. КБР, Лескенский район (с. Аргудан; с. Старый Лескен).
- ПМА № 3 – Полевые материалы автора. Дневник 3. КБР, г.о. Нальчик.
- Соколовский, Данилко, Чеснокова 2024 – *Соколовский С.В., Данилко Е.С., Чеснокова Е.Г.* Умершие в мире живых: европейские исследования. – М.: Издательская группа "Альма Матер", ИЭА РАН, 2024. – 319 с.
- Степанов 2010 – *Степанов М.С.* Семиотика смерти в дискурсе деятельности // ЮУрГУ. – 2010. – № 1. – С. 18-23.
- Тайлор 1989 – *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура / [пер. с англ.]. – Москва: Политиздат, 1989. – 573 с. – ISBN 5-250-00179-2.
- Токарев 1990 – *Токарев С.А.* Ранние формы религии. – Москва: Политиздат, 1990. – 622 с. – ISBN 5-250-01034-1.
- Хатанов 2007 – *Хатанов А.А.* Адыгский фольклор как источник этнокультурных знаний. – Нальчик: Эльбрус, 2007. – 150 с.
- Хацукова 2004 – *Хацукова М.М.* Духовная вселенная адыгов. – Нальчик, 2004. – 440 с.
- Шаов 1975 – *Шаов Ж.А.* Адыгейско-русский словарь. – Майкоп: Адыгейский НИИ, 1975. – 704 с.

REFERENCES

- Adygi: Adygeitsy. Kabardintsy. Cherkesy. Shapsugi* [Adygi: Adygea. Kabardians. Circassians. Shapsugs] / A.Kh. Abazov, Kh.I. Bakov, B.Kh. Bgazhnokov [i dr.]. – М.: «Наука», 2022. – 870 s. – (Seriya «Narody i kul'tury»). (In Russ.).
- BGAZHNOKOV B.Kh. *Adygskaa etika* [Adyghe Ethics]. – Nalchik: El'-Fa, 1999. – 256 p. (In Russ.).
- BIZHEVA Z.Kh. *Adygskaa iazykovaia kartina mira* [The Adyghe Linguistic Worldview]. – Nalchik: El'brus, 2000. – 128 p. (In Russ.).

- GADZAEVA M.M. *Dukhovnaia kul'tura adygov: traditsii i sovremennost'* [The Spiritual Culture of the Adygs: Traditions and Modernity]. – Maikop: Adygeia, 2005. – 320 p. (In Russ.).
- KHATANOV A.A. *Adygskii fol'klor kak istochnik etnokul'turnykh znanii* [Adyghe Folklore as a Source of Ethnocultural Knowledge]. – Nalchik: El'brus, 2007. – 150 p. (In Russ.).
- KHATSUKOVA M.M. *Dukhovnaia vseennaia adygov* [The Spiritual Universe of the Adygs]. – Nalchik, 2004. – 440 p. (In Russ.).
- LAKUNOVA D.R. *Rol' pogrebal'nykh i pominal'nykh obriadov v sokhranении samobytnosti kabardintsev* [The Role of Funeral and Memorial Rites in Preserving the Identity of the Kabardians]. IN: *Kazachestvo* [Cossacks] 2024. №. 81(8). Pp. 39-47. EDN CXMTPF. (In Russ.).
- LAKUNOVA D.R. *Trasformatsiia pokhoronno-pogrebal'nykh obriadov i ritualov kabarditsev Kabardino-Balkarskoi Respubliki v nachale 20-kh gg. XXI v.* [Transformation of the Funeral and Burial Rites and Rituals of the Kabardians of the Kabardino-Balkarian Republic in the Early 1920s of the 21st Century]. IN: *Elektronnyi zhurnal "Kavkazologiya"* [Electronic Journal "Caucasology"]. 2023. No. 2. Pp. 143-155. DOI 10.31143/2542-212X-2023-2-143-155. EDN ISCHUO. (In Russ.).
- MAMSIROV G.V. *Religioznye predstavleniia adygov* [Religious Beliefs of the Adygs]. – Nalchik: Poligrafservis, 2003. – 208 p. (In Russ.).
- MOKHOV S. *Rozhdenie i smert' pokhoronnoi industrii: ot srednevekovykh pogostov do tsifrovogo bessmertii* [The Birth and Death of the Funeral Industry: From Medieval Churchyards to Digital Immortality]. – 2nd ed., rev. and add. – Moscow: Common place, 2018. (In Russ.).
- PANTELEEVA L.M. and KHOROBRYKH S.V. *Lingvosemiotika pokhoronnoi kul'tury: derevnia i gorod* [Linguosemiotics of Funeral Culture: Village and City]: monograph. – Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki 2022. – 205, [3] p. – ISBN 978-5-7598-2680-4. (In Russ.).
- PANIA N. *Grammatika pogrebnal'noi obriadnosti* [The Grammar of Funeral Rites]. – Sankt-Peterburg: Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN, 2017. – 176 p. – ISBN 978-5-88431-335-4. – EDN YMZHBV. (In Russ.).
- PMA №. 1 – *Polevye materialy avtora. Dnevnik 1. KBR, Baksanskii raion (s. Baksanenok; g. Baksan; s. Kishpek; s. Zhanhoteko)*. [Field Materials of the Author. Diary 1. KBR, Baksan District (village of Baksanenok; city of Baksan; village of Kishpek; village of Zhanhoteko)]. (In Russ.).
- PMA №. 2 – *Polevye materialy avtora. Dnevnik 2. KBR, Leskenskii raion (s. Argudan; s. Saryi Lesken)*. [Field Materials of the Author. Diary 2. KBR, Lesken District (village of Argudan; village of Saryi Lesken)]. (In Russ.).
- PMA №. 3 – *Polevye materialy avtora. Dnevnik 3. KBR, g.o. Nalchik*. [Field Materials of the Author. Diary 3. KBR, City District of Nalchik]. (In Russ.).
- SHAOV Zh.A. *Adygeisko-russkii slovar'* [Adyghe-Russian Dictionary]. – Maikop: Adygeiskii NII, 1975. – 704 p. (In Russ.).
- SOKOLOVSKII S.V., DANILKO E.S. and CHESNOKOVA E.G. *Umershie v mire zhivyykh: evropeiskie issledovaniia* [The Dead in the World of the Living: European Studies]. – Moscow: Izdatel'skaia gruppa "Al'ma Mater", IEA RAN, 2024. – 319 p. (In Russ.).
- STEPANOV M.S. *Semiotika smerti v diskurse deiatel'nosti* [The Semiotics of Death in the Discourse of Activity]. IN: *IUrGU* [South Ural State University]. 2010. No. 1. (In Russ.).
- TYLOR E.B. *Pervobytnaia kul'tura* [Primitive Culture]. – Moscow: Politizdat, 1989. – 573 p. – ISBN 5-250-00179-2. (In Russ.).
- TOKAREV S.A. *Rannie formy religii* [Early Forms of Religion]. – Moscow: Politizdat, 1990. – 622 p. – ISBN 5-250-01034-1. (In Russ.).
- WUNDT W. *Mif i religiia* [Myth and Religion]. – Sankt-Peterburg: Izd-vo Brokgauz-Efron, 1913. – 416 p. (In Russ.).

Сведения об авторе

Д.Р. Лакунова – младший научный сотрудник.

Information about the author

D.R. Lakunova – junior research assistant.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Научная статья
УДК 93/930(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-226-238
EDN: LFMRTL

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА МУЗЫКИ ЧЕРКЕСОВ (АДЫГОВ): ИСТОКИ И КОНЦЕПЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Анджела Вячеславовна Гучева¹, Марьяна Асланова Сомгурова²

¹ Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, anggucheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8683-9189>

² Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, zhiletezheva1991@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-2558-6633>

Аннотация. В настоящее время исследование системы «Человек» – «Природа» – «Общество» с позиции проблем экологии приобретает особую актуальность. Это относится, в частности, и к экологии музыки в разных аспектах: от шумового загрязнения окружающей среды до воздействия на здоровье, духовный и психико-эмоциональный мир человека.

В связи с вхождением проблем экологии в число общекультурных тем XXI в. и в систему «Человек» – «Природа» – «Общество» в музыкальном искусстве выделяется «особый» пласт музыкальных текстов, воплощающих специфическую сферу образности, связанную с экологической тематикой. Наблюдаемый в данных музыкальных текстах процесс корреляции не только на уровне содержания, но и на уровне звуковой реализации обусловили цель данного исследования – выявить истоки тембро-акустического комплекса средств и семантической реализации образно-знаковой сферы музыки в освоении природы и природного материала, что позволит определить звуковой идеал, смысловую многомерность и генетическую предопределенность истоков экологической музыки в процессе ее включенности в «резонансное пространство» «чистой» природы.

Для того чтобы выразить невыразимую связь между экологией и музыкой мы будем прибегать к методу суггестивного¹ зрительно-ассоциативного и тембро-акустического восприятия звучащей музыки в сочетании с экологическим мифологическим сознанием адыгов. В этой связи подобный стиль рассуждений порой может не соответствовать устоявшейся практике исследования.

Ключевые слова: экология; природа; музыка; музыкальный инструмент; день; ночь; пространство; небо; земля; вода

Для цитирования: Гучева А.В., Сомгурова М.А. Экологическая природа музыки черкесов (адыгов): истоки и концепции экологического сознания // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 226-238. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-226-238. EDN: LFMRTL.

© Гучева А.В., Сомгурова М.А., 2025

Original article

¹ Суггестивный (от лат. suggestio – внушение) – это термин, который описывает способность чего-либо оказывать внушающее воздействие на мысли, чувства или поведение человека. В более широком смысле «суггестивный» означает «способный вызывать определенные представления, идеи или чувства у другого человека».

CIRCIASSIANS (ADYGHE) ECOLOGICAL NATURE OF MUSIC: THE ORIGINS AND CONCEPTS OF ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS

Angela V. Gucheva¹, Maryana A. Somgurova²

¹ Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, anggucheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8683-9189>

² Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, zhiletezheva1991@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-2558-6633>

Abstract. In the conditions of the modern crisis, it is important to study the system «Man» – «Nature» – «Society» from the standpoint of environmental issues and, in particular, the ecology of music in various aspects: from noise pollution of the environment to the impact on health, the spiritual and psycho-emotional world of man.

In connection with the inclusion of environmental issues in the number of general cultural topics of the XXIst century and in the system «Man» – «Nature» – «Society» in musical art, a «special» layer of musical texts is distinguished, embodying a specific sphere of imagery associated with environmental themes. The correlation process observed in these musical texts not only at the level of content, but also at the level of sound implementation determined the goal of this study was to identify the origins of the timbre-acoustic complex of means and semantic implementation of the figurative-symbolic sphere of music in the development of nature and natural material, which will allow us to determine the sound ideal, semantic multidimensionality and genetic predetermination of the origins of environmental music in the process of its inclusion in the «resonant space» of «pure» nature.

In order to express the inexpressible connection between ecology and music, we will resort to the method of suggestive visual-associative and timbre-acoustic perception of sounding music in combination with the ecological mythological consciousness of the Adyghe. In this regard, such a style of reasoning may sometimes not correspond to the established simplicity of the study.

Keywords: ecology; nature; music; musical instrument; day; night; space; sky; earth; water.

For citation: Gucheva A.V., Somgurova M.A. Circassians (adyghe) ecological nature of music: the origins and concepts of ecological consciousness. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 226-238. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-226-238. EDN: LFMMTL.

© Gucheva A.V., Somgurova M.A., 2025

В настоящее время в современном постиндустриальном обществе тема гибели всего живого приобретает острый нравственный смысл ввиду опасности всемирного уничтожения, нависшей не только над человечеством, но и над природой Земли. Еще с древности музыка адыгов, всегда отзывчивая к миру природы, вместе с тем всегда была исполнена самых грозных предчувствий и предостережений о ее возможной гибели. Конец природы представлялся как разлад и противостояние друг против друга стихий: вода стеной встает на огонь, бушующие морские воды сражаются с небесами, разгул стихии ввергает в борьбу вихри с вихрями, тучи с тучами, огонь с землей... Если изначально это противостояние человек воспринимал как взаимодействие мощных сил мира природы, с которыми он взаимодействовал посредством особого языка – музыки, то сейчас основную угрозу для них представляет сам человек.

Значительно позже музыка приобретет несколько самостоятельный интерес в контексте природы и общества, где она выступила аллегорией различных эмоциональных потрясений, социальных процессов, военных коллизий, передавая

ужасы грядущего, связанные с промышленным развитием, загрязнением и уничтожением окружающей среды, социальными и гражданскими войнами, нравственными грехами человечества, эпидемиями и болезнями, а их поры внедрились в природу и общество, породив мрачные предчувствия будущих судеб мира и начало пессимистичных страниц в жизни человечества связанных с самоуничтожением человеком самого себя.

Ужасом вопрошает человек на краю жизни и застаёт могильный холод и мрак, угасание животворных источников света и тепла передающих покой на всей планете, тем самым возвращая нас к апокалиптической традиции ассоциирующейся с мотивом небесных знамений предупреждающих о конце, с мощными все уносящими ветрами, заветными потопами, все сжигающими на своем пути пожарами и т.д. Особое место в этой страшной картине будущего занимает музыка, которая выступает животворящей созидательной, очищающей силой и не просто откликается на голоса природы, вторит им, олицетворяет их как особый язык Вселенной, но и сама стремится стать частью природы, видя в этом для себя высшее предназначение способное спасти мир от гибели.

Музыка – это образ и акустический код традиции, культуры, искусства с высоким жизненным и эстетическим потенциалом, как бы изначально предполагающим прием развернутой и колоритной звуковой корреляции пространства и времени во взаимосвязи с определенным уровнем сознания человека. Именно «создав» музыку и музыкальный инструмент человек ощутил себя «творцом» мира природы и, предпринял множество попыток познать себя как творца. Для человека музыка стала интеллектуальным и звуковым кодом, эмоциональной средой и творческой лабораторией-коммуникацией, создающей мир вторичных образов, смыслов, знаков, систем и понятий в момент взаимодействия с природой и обществом.

Процесс познания себя как творца подвел человека к мысли о том, что он полностью не может познать себя, так как он меняется в процессе самопознания. Непостижимость человека познать себя стала «мертвой зоной», которая требовала от него запустить новый процесс мышления и поведения для познания себя, а во взаимодействии с природой и обществом, он вышел за пределы «первичных» идентичностей (национальных, религиозных, возрастных, гендерных, социальных, профессиональных) в пространство транскультуры, тем самым выдвинув себе новые проблемные сферы. Именно проективная или порождающая сила музыки стала той силой, которая запустила новые процессы в сознании человека и на основе синтеза уже имеющихся знаний и практик привели его к созданию новых форм и систем взаимодействия как с природой, так и в обществе.

Своим рождением научное направление экология музыки обязана общей экологии¹. Более 150 лет назад немецкий биолог Эрнст Геккель (1834–1919)

¹ Термин «экология» образовано то греческого «*oikos*», что означает дом (жилище, место обитания, убежище), и «*logos*» – слово, учение, наука. Впервые его ввел в научный оборот в 1866 г. немецкий биолог Эрнст Геккель, который мыслил ее как науку об организмах, обитающих в привычных для себя условиях («у себя дома»), которая требовала от человека изучения ресурсов природы, а также синхронного исследования всех взаимоотношений живого с окружающей средой. В настоящее время под экологией следует понимать комплексную науку о взаимоотношении организмов с окружающей их внешней средой, под которой мы подразумеваем все условия существования живого организма, включая человека.

(Ernst Heinrich Philipp August Haeckel) в книге «Общая морфология организмов» («Generelle Morphologie der Organismen») [Haeckel Ernst 1866] в главе «Экология и хорология» он ввел понятие «экология» и раскрыл ее содержание, предвосхитив большую часть того, что мы вкладываем в современное содержание понятие «экология». Вплоть до 1970 г. термин «экология» в научной среде фактически не использовался. Так в связи с большим приростом населения на Земле и развитием научно-технического прогресса во второй половине XX в. перед человечеством встал вопрос об экологической угрозе и необходимости заботы об окружающей природе, ее сохранности в чистом и первозданном облике, о важности поддержания чистоты в мире, что потребовало от человека и общества изменения отношения к природе и ее природным ресурсам.

Гуманитарная составляющая экологии в поиске путей сохранения природы (политика, закон, техника, защита и др.), приобрела особую практическую надстройку, которая сейчас известна как – *хоррология*, которая рассматривает механизмы саморазрушения цивилизации. Смысл этого направления направлен не на определение «конца» человека и цивилизации, а на расширение самого понятия «человек и цивилизация» и, охватывает всю совокупность «сотворенного» человеком, даже там, где он «прекращает» существование как биологический организм и активный субъект. Как бы пугающе ни выглядели перспективы исчезновения человека в нашем информационном мире, важно понять, что человек по своей природе, взаимодействуя с природой и находясь в обществе, проявляет свои «особые» способности к самотрансценденции, транслируя и реализовывая идеи из своего сознания в нечто радикально отличное от себя. Подобного рода «переносы» мы не раз могли наблюдать в мифологии многих народов мира. Мифология адыгов не стала исключением. В среде адыгов действовали строгие правила взаимодействия человека и природы, которые строились на принципах адыгской этики и этикета, где человек в облагороженной форме, создает вокруг себя особый мир, в котором все живое в природе как и сама природа с ее обитателями без особой необходимости не уничтожались, что способствовало формированию и поддержанию в обществе высокого уровня синергизма¹. Целостное постижение мира природы способствовало экологическому воспитанию и экологически чистому восприятию всего живого, согласно которого Земля и все ее обитатели представляли собой единый живой организм, регулирующий свою жизнедеятельность посредством изменения погодных условий, смене времен года, климата, природной среды, которая получила известность во влиятельных экологических кругах как «гипотеза Гая (Gaia)» и была обоснована в 1979 г. Джеймсом Лавлоком. Но не будем забывать, что человек пытался найти живое равновесие между собой, природой, животным и растительным миром и, тогда возникают фундаментальные вопросы. Одним из главных является вопрос: «Что есть человек?». С одной стороны, «Человек» является биологически неполноценным

¹ Синергия (греч. Συνεργία «сотрудничество, содействие, помощь, соучастие, сообщничество» от др. – греч. σύν «вместе» + ἔργον «дело, труд, работа, (воз)действие») – усиливающий эффект взаимодействия двух или более факторов, характеризующийся тем, что совместное действие этих факторов существенно превосходит простую сумму действий каждого из указанных факторов. Синергия — это эффект усиления, когда совместное действие двух или более элементов (людей, факторов, систем) приводит к результату, который значительно превосходит простую сумму их индивидуальных вкладов.

существом в природе, хотя, с другой стороны, он биологическое существо, которое открыто миру, лишен защиты от окружающей среды, подавлен сигналами из внешнего мира, ограничен в реализации своих инстинктов, но, несмотря на это, он создает свою окружающую среду и творит культуру с помощью музыки, звука, слова, особой пластики тела и т.д.

Исследуя многочисленный аудиальный и языковой материал из официальных линий интернета, прежде всего Facebook и Twitter мы можем выделить основные фрагменты взаимодействия мира человека и мира природы, чтобы реконструировать целую картину мира адыгов. Среди которых выделяются, во-первых, *Природа* с ее животным и растительным мирами, Земля, Вода, Воздух и др. Во-вторых, важными являются *антропологические данные человека, анатомия человека, его жесты, пластика, интеллект*.

В-третьих, мы можем выделить такие важные составляющие как *бытовые представления*, куда входят такие понятия как *жилище, стойбище, единицы измерения, меры длины, время, пространство, вес, одежда, различные трудовые процессы жизнедеятельности* (выделка шкур, обработка шерсти, посев, уборка и обработка семян, плодов и овощей), *домашняя утварь, посуда, игры, развлечения, спортивные развлечения, пища* и др. В-четвертых, *социальные отношения* (семья, родственные связи, этикет). В-пятых, *человек создал особый тип хозяйства: охота, рыболовство* и др. В-шестых, особое место во взаимодействии мира человека и мира природы *выделяется духовная культура*, которая охватывает: *а) обряды, верования, суеверия, б) религиозные представления, в) космогонические представления* и т.д. В-седьмых, *фольклор, речь, язык* и т.д.

В выделенных идеографических рубриках картины мира человека можно отметить, что в ней природная составляющая преобладает над другими компонентами и пронизывает все сферы жизнедеятельности человека. В изображенной картине мира человек не рассматривается отдельно от природы, он взаимодействует с ней и является ее важной частью.

Благодаря постоянным поискам человек осознал, что он способен подчинять первозданные природные стихии, может воздействовать на живые организмы и растения при помощи «особых» песен и наигрышей. Природа раскрывается уже не извне, не как картинка для зрения, слуха и мозга, а как особый код внутри человека хранящий жизнепорождающие знания для оживления объектов природы. Лишь позднее исследования покажут, что растения, как и животные реагируют на музыку, меняя свою скорость роста и развития. Например, при волнах частотой в 6 кГц растения развиваются быстрее, а при 7–9 кГц – медленнее, а свыше 10 кГц, они и вовсе погибают.

Еще одним важным, хотя и косвенным фактом является влияние музыки на экологию и связывают ее в первую очередь с ее способностью влиять на поведение человека, его различные эмоциональные порывы (таинственное молчание, оцепенение, страх, погруженность в себя и их контрасты и различные градации). Музыка стала мотивировать человека к более близкому контакту с миром природы, к экологичному выбору образа жизни, что привело к оформлению новых этических, правовых, социальных норм поведения и развитию нового движения нам известного как экологическое движение.

Но вернемся к истокам. Музыка выступила тем мощным инструментом, который мог влиять на сознание и поведение человека, а на определенном этапе своего развития, выработав специфические приемы, она стала оказывать влияние на природу, ее сохранность, как в своем мире, так и в мире человека. Именно тогда человек создал музыкальный инструмент – свирель (*камышь*). *Камышь* (къамыл – каб.-черк.; *Scirpus lacustris* – камыш озерный) – этой старинная адыгская свирель традиционно изготавливается из камыша, а в более позднее время из ружейного ствола; где и имя, и внешний вид отправные точки экзегезиса музыкального инструмента [Гучева 2020: 71]. Ствол камыля цилиндрический или, чаще, конусообразный, несколько сужающийся к нижнему концу, – в зависимости от материала, из которого он сделан. У нижнего конца располагаются два-три игровых отверстия. Камыль также изготавливают из тростника, дерева или железа. Деревянный камыль делают из цельного гладкого прута кустарниковой поросли, к примеру, молодой поросли фундука. Ровную ветку разрезают пополам, вынимают сердцевину (в основном сердцевину выжигают проволокой) и скрепляют обе половинки с помощью коры дикой черешни или фундука [Гучева 2020: 71].

Сам момент создания музыкального инструмента уникален. В нем запечатлен отпечаток мировоззренческого, психологического и ментального миропорядка, где божественная тайна полунедостоверностью и, так сказать, неочевидность очевидным образом позволяет человеку получить от природы природное для того, чтобы воздействовать на природу и ее стихии и, при этом, максимально не принося ей вред. Мы не случайно затронули такой аспект, как создание музыкального инструмента и, соответственно, окультуривание природного звука, который в адыгской мифологической традиции не сохранился, но нашел свое отражение в героическом эпосе «Нарты»; он повествует, будто герой нарт Ашамез во время охоты, устав, заснул под деревом в лесу. Ничто не могло разбудить героя. И только каким-то необыкновенным звукам оказалось это под силу. Звуки эти издавала сломанная ветка, в которой черви выточили сердцевину и образовали несколько дырочек в коре, сквозь которую дул ветер. Так и рождались звуки. Ашамез, срезав ветку, подул в нее, и из нее полилась музыка. С тех пор Ашамез прослыл среди нартов искусным музыкантом. Камыль Ашамеза имел белый и черный концы. Если подуть в белый конец – мир расцветал, умножались стада и возрастал урожай. Если подуть в черный конец – земля пустела, погибали звери: «...Свирель у Ашамаза была не простая. То была свирель Тхаголеджа, бога плодородия. Один конец у свирели был белый, другой – черный. Песня, что лилась через белый конец, не похожа на ту, что лилась через черный. Дует Ашамаз в белый конец, и жизнь становится цветущей, изобильной, а подул бы в черный – исчезла бы радость на земле, повяли бы травы, погибли бы люди и животные» [Нартхэр 1974: 259]:

*Ашэмэзу лы пхъашэм,
Ашэ и къуэу бжъамияцэм
И бжъамийр къызэкъуех,
Гум хыхъэ шынальгэр зэфIещIэ.*

*Щыр арыххэу мэцхуантІэ,
Жыгхэр къотІэнІ, мэгъагъэ,
Удз гъэгъахэр цхъуэкІэпльыкІэц.
ХъэкІэкхуэкІэхэр къопсэуж... [Нартхэр 1974: 283].*

*Взял Ашамез справедливый
Жизни источник – свирель,
Тихо запел свой счастливый,
Свой задушевный напев.
Он на свирели играет, –
И оживает земля, доли, поля расцветают,
Вновь улыбаются лица.
Веселы звери и птицы, снова струится река...
(Перевод с кабардинского В. Звягинцевой)*

Данный фрагмент показывает, что гибели человека предшествует уничтожение природы и всех обитателей на Земле, так как во всех этих событиях, стирающих грани между человеком и природой, ощущается первоначальная воля того, кто дал музыкальный инструмент в руки человека. Вообще между человеком и природой обнаруживается какая-то тайная общность, двойственность и противоречивость. *Ведь любой конфликт человека с миром природы заведомо был предопределен его гибелью*, поэтому он стремился к экологически мирному сосуществованию с этим миром, как и с его обитателями.

Показательно, что загадочная и животворная сила музыки, *внезапно одушевляющая природу, выдает и свою смертоносную враждебность ко всему живому*, ее цель не только оживить, возродить, дать новую жизнь, но и умертвить, оцепенеть, разрушить, забрать с собою в хаос, уничтожить все живое.

Возвращаясь к свирели, мы можем говорить о мифологической лиминальности музыкального инструмента. Камыль озвучивал каждый отрезок пространства и времени, конвенционально олицетворяя нечто иное, чем музыка. В космологической символике камыль занимал центральное место, а звучащий на нем наигрыш, нечто большее, чем может показаться, и часто значительно большее – это особая сила природы и мощных сил стихий заключенных в хрупком корпусе инструмента.

Камыль стал проводником между человеком, миром природы и ее стихиями. Благодаря свирели мы можем услышать звуки восхищения ночному небу, полночи, утренней заре, солнцу, луне, звездам, земле, речным и морским водам, различным природным явлениям и т.д. Ночью при лунном свете, как и в солнечный день на земле (поля, луга, леса и др.) под открытым небесным сводом проводились праздничные действия, посвященные божествам пантеона. Небо (уафэ) олицетворяло воздушную стихию в адыгской музыкальной традиции. Небо наиболее архаичное божество и оно одним из первых приобрело пространственные характеристики в мифологической картине мира; **являясь местом обитания** космогонических божеств, солнца (дыгъэ), луны (мазэ), звезд (вагъуэ), оно стало источником жизни, света и плодородия и под его покровительством находилась земля, природа, погода и фактически все пространство, поэтому небо изначально воспринималось в мифе хозяином верхнего мира. К небу обращались с

различными просьбами и общением с ним, могло одарить различными благами, здоровьем, силой, властью, удачей в промысле, удачей на охоте, победой над врагом, а также оно могло и покарать за неблагоприятные проступки.

Очаровательно музыкальное обращение к небу, луне и ночи мы слышим в звуках наигрыша во время вечернего ритуального «убаюкивания/усыпления» стада овец – «*Мэлгъэжей*». Здесь же мы можем обнаружить их бинарные позиции – земля, солнце и день, которые оживают во время звучания наигрыша «*Мэлегъажьэ*» в одноименном ему ритуальном выгоне отар на пастбища.

В двух наигрышах нашли живое равновесие фундаментальные вопросы, которые бесконечно ставил человек о себе, о жизни и ее возрождении после смерти, о его нахождении в мире природы. Жизнь и смерть, день и ночь, солнце и луна, свет и тьма – это смысловое двуединство мифотворения в которых человек достигает равновесия с миром природы не нарушая его, а уважая пределы, обозначающие важные исторические формы жизни человека, повышая его образ жизни и культурный уровень развития в единстве и гармонии с природой.

Звучание ритуального наигрыша «*Мэлгъэжей*» ассоциируется с ночью как завершение, рубеж, символическая смерть, гибель, но это не конец, а временной рубеж за которыми следует рождение нового, преобразование или рождение «новой» жизни.

Ассоциативно, звучащий наигрыш можно соотнести с сакральной смертью или экологической катастрофой, где каждый звук мелодии способен привести к гибели всего живого на земле, тем самым подводит человека к размышлениям об агностическом отношении к жизни и подводит к страху фатальной или реальной физической смерти. С другой стороны, многократно повторяющаяся мелодия наигрыша в низком регистре рисует нам «слухозрительную» образ-картину передавая цвета и оттенки красочного ночного неба, звуки легкого дуновения ветра и шелеста травы и листьев мира природы, в котором нет страха гибели. Наигрыш также транслирует чувство бесконечного времени в безграничного пространства через особый акустический эффект – *тембромотив*, который своими звуками обволакивает и защищает небо, землю, животных и растения от мыслимой гибели.

Невероятно, но как показывает врачевальная практика адыгов, звучащий в загоне наигрыш мог предохранить и защитить стада овец от болезней, а также от мышей и других грызунов, которые являлись переносчиками различных вирусов, инфекций и болезней. Конечно же, в XXI в. источник происхождения многих болезней и подобного «обеззараживания» утратил свою экзотичность, потерял конкретику, а многие болезни превратились в фантазмагорию, символ, но, тем не менее, мы имеем право проводить подсознательную связь с древними представлениями о примитивном врачевании в прошлом, где многие гипотезы невольно вызывают в памяти привычный набор стереотипов взаимодействия человека с миром природы и ее обитателями – от стандартного повествования о болезнях и эпидемиях, которые в современной медицине и ветеринарии облачены сейчас во множество симптомов, способов борьбы с ними, в огромном выборе средств для лечения и мер предосторожности, которые были заложены еще в древности. Несмотря на компетентность и осведомленность человека, в

любом случае и сейчас и, в древности неподготовленных болезнь застигает врасплох, хотя и те, кто соблюдает меры предосторожности, также становятся ее мишенями.

Колоритное звучание камыля в низком тембре – это своего рода криптограмма и идеография экологической музыки, которая требует и интерпретации, и расшифровки, и в данном случае – это фактически одно и то же. Это вызвано отчасти, *во-первых*, эстетико-звуковыми задачами передачи пространства, свободы в Вечности, *во-вторых*, ритуальный наигрыш, выступая вербальным текстом ритуала, должен использовать все возможности и средства музыки, как для магического лечения и средств для лечения, чтобы защитить стадо от любой напасти и болезни, и, *в-третьих*, это попытка смоделировать момент «перетекания» из одного пространства в другое для передачи сакральной идеи момента творения мифа в нейтрально-промежуточном пространстве, но при этом сохраняя собственный пульс и темп для защиты животных и природы. Это элементарная и неявная форма магии, которая продолжала жить, но так до конца и не была осознана, тем не менее, она была способна сохранить мир человека и мир природы в ее «лучшем» экологическом понимании и состоянии. Под магией мы здесь понимаем, собственно, наигрыш, звуки которого выступают в качестве особой врачевальной коммуникации способной поддерживать здоровье домашних животных, а тембр и тоновая магия звучащего инструмента может интерпретироваться, как баланс, а иногда и резонанс особой аудиальной магии приносящей добро и сохраняющей жизнь человека, природы и ее обитателей.

При анализе двух ритуальных наигрышей «Мэлгэжей» и «Мэлегъажэ» с позиции экологии музыки, мы убеждаемся в том, что в них заложено важнейшее стремление к познанию и сохранению первозданной природы в девственно «чистом» состоянии.

Приведенные выше оба ритуала, как и одноименные ритуальные наигрыши «Мэлегъажэ» и «Мэлгэжей» имеют собственную *цветосимволику* и связываются с понятиями мистической и ритуальной жизни, смерти и представлениями об умирании и возрождении. Ассоциативно ритуал «Мэлегъажэ» ассоциируют с белым цветом, в то время как ритуал «Мэлгэжей» образует антитетическую пару и связывается с черным цветом, соответственно, такая же цветовая градация относится к используемым ритуальным наигрышам.

Данные концепты цвето- и звуковосприятия обеих ритуалов и ритуальных наигрышей основаны на символической ценности и семантической оппозиции, которые входят в основу экофилософских взглядов на взаимодействие экологии и музыки и, создают чувство общности между природой и человеком. Именно экологические и экофилософские концепции лежат в основе поиска и обретения гармоничного единства музыки, человека и природы, раскрываются в процессе их динамичного взаимодействия и синтеза для обретения культурной целостности и ценности. В любом случае, всякая болезнь несла зло как человеку, так и животным, что порождало страх, было окутано таинственностью и воспринималось как заразная и всё уничтожающая, пусть и не в буквальном, но в экологическом и нравственном смысле. А контакт, как с человеком, так и животным, страдающим от недуга, всегда считался зловещим и таинственным, неизменно

воспринимался как проступок, наказание, хуже того – как нарушение табу в общении с миром природы. Возможно, поэтому оба наигрыша в адыгской традиции наделены магической таинственной властью и силой природных стихий, а их звуки обладали в не меньшей степени, чем действие и, могли как принести спасение, так и навлечь несчастье, хворь, испортить поголовье стада, помешать получению хорошего прироста стада, загрязнить природный ландшафт и т.д. Музыка не только действовала в полном согласии с воображением и выражала замысел человека, но и наделялась особой магической силой, чтобы творить добро и очищать природу. Таким образом, звучащая музыка в музыкальной традиции приобрела уже *статус экологического тотема*.

Сакральная животворящая мощь камыля по-особенному звучала и в ритуальном действе поиска души утонувшего «*Псыхэгъэ*»¹ (Обряд поиска души утонувшего), где локально-смысловые ареалы его реализации, пространство встречи и проводов души утонувшего в Вечность озвучивает инструментальный наигрыш «*Псыхэгъэ*». Этот обряд абсолютно экологичен и глубоко человечен: смерть могла прийти в любое время и нарушить сложившееся равновесие в мире человека и в мире природы. Главная идея данного действия с точки зрения экологии, заключалась в том, чтобы, как можно быстрее обнаружить тело и душу утонувшего, чтобы придать земле, тем самым «обеззаразить» водное пространство и окружающий ландшафт от продуктов распада.

Рассматривая ритуальную и магическую составляющую действия, нужно понимать, что человеку было важно выполнить все условия при взаимодействии как с природой (вода и земля), так и с миром божеств. Для этого он обращался к адыгскому богу душ Псатха (Псатхъэ), который даровал души всему живому, чья мощь и сила иногда превосходила силы Верховного бога Тха (Тхъэ), к богине речных вод Псы Гуаша (Псыхъуа Гуащэ) или к богине морских вод Хы Гуаша (Хы Гуащэ)/Хыпэ Гуащэ (Хышхогуащ). Человек обращал свои речи к ним, чтобы выпросить назад душу утопленника для дальнейшего ритуального воссоединения с телом для их погребения.

Известно, что абхазы обращались и к водяной деве «золотой владычицей воды» Дзызлан. Считалось, что ритуально «неправильное» общение с ней могло стать причиной сумасшествия человека, так как она могла вселиться в живого человека. Также считалось, что, если заболевание произошло от воды, можно было исцелиться, обратившись к ней. Для этого вся семья заболевшего переодевалась в чистое белье и, взяв белое полотно, чтоб накрыть всех членов семьи, отправлялась к речке. Там они становились на колени и врачевательница, накрыв их белым полотном произносила молитву в честь Дзызлан, чтобы она оградила семью от лихорадки и других болезней.

Подобного рода обращения в обряде «*Псыхэгъэ*» на этом не заканчиваются. В случае, если не могли «выловить» душу утопленника и ее захоронить, она могла «отделяется от тела и беспокоит своим ночным появлением уже похороненного покойника» [Инал-Ипа 2011: 66] или же она могла являться в мир

¹ Адыгское ритуальное действо поиска души утонувшего «*Псыхэгъэ*»¹ (букв.: «Плач над водой», «*псы*» – вода, «*гъын*» – плакать) – это обряд поиска души утонувшего.

человека и насыщать неизлечимые болезни. Хотя, с другой стороны, вера в сакральную смерть и Вечность породила веру в бессмертие души, а значит и в существование загробной жизни, где главным божеством выступал бог загробного мира Хадрыха Тха (Хьэдрыхэтхьэ). В любом случае, Псатха и Хадрыхатха связаны между собой, но существует и посланник-помощник Тха – душезабиратель Псэхьы (Псах), который мог забрать душу раньше срока смерти. Таким образом, поиски души утонувшего, «укладывание ее в специальный сосуд как «похороны» души утонувшего являлись важнейшим ритуальным действием, направленным на «правильное» или же «справедливое» экологическое «утилизирование» души. Для этого, человек под звуки ритуального наигрыша на камыле пытался выполнить ряд важных условий: *во-первых*, придать смерти сакрально-возвышенный и изысканный характер перед миром божеств и миром природы; *во-вторых*, как можно быстрее обнаружить тело утонувшего; *в-третьих*, «вызвать» душу погибшего и позаботиться о ее «правильном» «переселении» в специальный сосуд для дальнейшего воссоединения и «погребения» с телом с последующими ее проводами в Вечность для нового воплощения. Даже если тело было не обнаружено, ритуальное захоронение души являлось обязательным. Звучащий наигрыш, как и камыль выступали важными средствами «отделения» своего от чужого и выступали своеобразным оберегом в воображаемом пространстве коммуникации между человеком и окружающей средой, микро- и макромиром, защищая человека от бед и зла, от внешних и «чужих» сил, которые могли ему навредить.

Экологически чистой и сакрализованной территорией выступала река/море соединяя границы между внутренним и внешним пространством мира человека и мира природы и, одновременно, она становилась «входом» или «переходом» между пространствами трех миров в которой искала свой таинственный «путь» очищения и возрождения душа человека, а значит водная гладь активно участвовала в сотворении экологически чистого образа идентичностей мира человека и выполняла охранительную функцию.

Если кропотливо восстановить на первоначальном уровне все функции, накопленные в бессознательном вокруг образа свирели – камыля, то можно лучше понять символы экологии музыки, экологии жизни и экологии смерти реальной. Пусть рациональные обычаи уже давно вверяют мертвых и их души могиле, бессознательное, отмеченное знаком воды, все равно стремится по ту сторону захоронения, по ту сторону к воде, но в ее сакральном чистом первозданном состоянии. Глубинное воображение, воображение материальное, а значит звуки наигрыша, подключив свои важнейшие символические, семантические, сакральные и магические функции, вовлекали и обволакивали территорию взаимодействия и проекции трех миров для свободного «перемещения» души между мирами, где камыль и звучащий на нем наигрыш выступили – как символ сакральной чистоты, символ сакрального порядка, символ воды, символ земли, символ сакральной смерти, символ жизни всех трех миров. Важным является то, что и вода и наигрыш сыграли свойственную им роль – они сохранили для души смысл путешествия и смысл ее сакрального очищения в процессе перемещения между мирами.

Таким образом, от звучащей музыки мы обращаемся к целостному аудиальному отображению природы в системе экологической взаимозависимости человека и предметных деталей мира природы. Это целая система эстетических, акустических, врачевальных, противоэпидемиологических законов сочетания разных мотивов в реальном мире человека, в котором в единое целое собираются такие необходимые для его жизни элементы как – земля, вода, небо, день, ночь, объекты природы для создания идеальной картины мира человека. В них господствует так жизненно необходимая для человека чистая природа – реки, поля, леса, здоровые обитатели растительного и животного мира. Мы рассмотрели особую группу инструментальных наигрышей, которые до этого не изучались как «особые» наигрыши содействовавшие человеку, чтобы взаимодействовать с миром природы транслируя особый способ звукового ландшафтного запечатления дня, ночи, неба, земли, воды, а также «предельных» состояний мира, жизни, смерти и души человека, вырывающихся за грань слышимой, видимой и осязаемой сакрализованной экологически чистой природы. Такого рода «чистые» звуковые ландшафты в особенности благоприятны для изучения законов равновесия и экологического взаимодействия человека и природы, не только как воображаемые вторичные образы мира мифа, а как реальные современные образы индустриального и цифрового мира техники, общества, культуры, но и пересоздающего саму первозданность «новой» чистой природы, где человек открывает внутри себя «чистую» природу и «чистую» Землю, которую он сохранит для новых поколений.

Живое и мертвое, красивое и безобразное в природе, ее мудрость и отзывчивость к просьбам человека, родственность и враждебность цивилизации и, покорность природным стихиям – все эти темы входят в проблему экологически чистого взаимодействия человека с миром природы и заслуживают отдельного рассмотрения. Тогда как затронутая нами тема поиска истоков тембро-аудиального «очищения» и взаимодействия человека и природы, нами рассмотрена как особая форма медитации, где звучащая музыка транслирует взаимоотношения и взаимовлияния экологического сознания человека и окружающего мира, которые важно исследовать в этическом, гносеологическом, мифологическом, этномузыкалогическом и экологическом аспектах.

Таким образом, в условиях современного кризиса важными являются исследования системы «Человек» – «Природа» – «Общество» с позиции проблем экологии и, в частности, экологии музыки в разных аспектах: от шумового загрязнения окружающей среды до воздействия (этнокультурного, психологического, социального, биологического) на духовный и психико-эмоциональный мир человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Haeckel Ernst 1866 – *Haeckel Ernst*. Generelle Morphologie der Organismen. Allgemeine grundzüge der organischen formen-wissenschaft, mechanisch begründet durch die von charles Darwin reformirte descendenz-theorie. Allgemeine anatomie der organismen. – Bd. 1. – Berlin: Druck und Verlag von Georg Reimer, 1866. – 626 p. (In Eng.).

Гучева 2020 – *Гучева А.В.* Картины мира черкесов (адыгов): музыка, танец, слово. – Москва: ООО «Научтехлитиздат», 2020. – 216 с.

Нартхэр 1974 – *Нартхэр*. Адыгэ лыхъужь эпос. Нарты. Адыгский героический эпос. – Москва: Главная редакция восточной литературы издательства Наука, 1974. – 415 с.

Инал-Ипа 2011 – *Инал-Ипа Ш.Д.* Вопросы этнокультурной истории абхазов. Второе, переработанное и дополненное издание. Том III. – Сухум: Дом печати, 2011. – 688 с.

REFERENCES

HAECKEL ERNST. *Generelle Morphologie der Organismen. Allgemeine grundzüge der organischen formen-wissenschaft, mechanisch begründet durch die von charles Darwin reformirte descendenz-theorie. Allgemeine anatomie der organismen*. Bd. 1. – Berlin: Druck und Verlag von Georg Reimer, 1866. – 626 p.

GUCHEVA A.V. *Kartiny mira cherkesov (adygov) muzyka, tanec, slovo* [Pictures of the world of the Circassians Adyghe) music, dance, word]. – Moskva: Nauchtekhlitizdat, 2020. – 216 p. (In Russ.).

Narther. Adyge llyh"uzh' epos. Narty. Adygskij geroicheskij epos [Nartkher. Adyghe llykhuzh' epos. Narty. Adyghe heroic epic]. – Moskva: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva Nauka, 1974. – 415 p. (In Russ.).

INAL-IPA SH.D. *Voprosy etnokul'turnoj istorii abhazov* [Issues of the Ethnocultural History of the Abkhazians]. Vtoroe, pererabotannoe i dopolnennoe izdanie. Tom III. – Suhum: Dom pečhati, 2011. – 688 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А.В. Гучева – кандидат исторических наук, доцент.

М.А. Сомгурова – аспирант.

Information about the authors

A.V. Gucheva – candidate of Historical Sciences (PhD), assistant professor

M.A. Somgurova – graduate student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.07.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 13.07.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья

УДК 94+929

DOI:10.31143/2542-212X-2025-4-239-248

EDN: LWFUGL

ОБ ИСТОЧНИКАХ КАБАРДИНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ СУММЫ: ПУБЛИКАЦИЯ ЗАПИСКИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КАВКАЗСКОГО КОМИТЕТА (22 ДЕКАБРЯ 1848 ГОДА)

Марина Хасанбиевна Бербекова

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, yucatan_line@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3981-623X>

Аннотация. В статье публикуется текст высочайше утверждённой докладной записка председателя Кавказского Комитета «О источниках Кабардинской общественной суммы» от 22 декабря 1848 г. Отмечается, что публикуемая записка представляет собой важный источник по исследованию особенностей инкорпорации населения Центрального Кавказа в социокультурное и финансово-экономическое пространство Российской империи в середине XIX в. Делается вывод, что она отражает текущее состояние Кабардинской общественной суммы в качестве единственного в регионе финансового инструмента, аккумулировавшего собираемые с кабардинских жителей региона в виде штрафов за преступления и пошлин за вывоз леса средства и затрачиваемые по оплате жилья служащим функционировавшим в регионе военно-административных учреждений, выплату некоторым из них жалования и т.п. Отмечается, что документ публикуется в полном объеме с сохранением стилистических, орфографических и пунктуационных особенностей первоисточника. Для сопоставления текста документа с первоисточником в настоящей работе помещены оттиски оригинала.

Ключевые слова: история Кавказа, Кавказский комитет, Центр Кавказской линии, Кабардинская общественная сумма, кавказский наместник, исторический источник

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (договор № 36 от 28.01.2025 г.) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Бербекова М.Х. Об источниках Кабардинской общественной суммы: публикация записки председателя Кавказского комитета (22 декабря 1848 года) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 239-248. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-239-248. EDN: LWFUGL.

© Бербекова М.Х., 2025

Original article

**ON THE SOURCES OF THE KABARDIAN PUBLIC FUND:
PUBLICATION OF A NOTE BY THE CHAIRMAN
OF THE CAUCASIAN COMMITTEE (DECEMBER 22, 1848)**

Marina Kh. Berbekova

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, yucatan_line@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3981-623X>

Abstract. The article publishes the text of the highest-approved report by the Chairman of the Caucasian Committee, dated December 22, 1848, on the sources of the Kabardian public fund. It is noted that this report is an important source for studying the specifics of the incorporation of the population of the Central Caucasus into the socio-cultural and financial-economic space of the Russian Empire in the mid-19th century. It is concluded that the document reflects the current state of the Kabardian public fund as the only financial instrument in the region that accumulates funds collected from the Kabardian residents of the region in the form of fines for crimes and fees for the export of timber, as well as funds spent on housing for employees of military and administrative institutions operating in the region, salaries for some of them, etc. It is noted that the document is published in its entirety, preserving the stylistic, spelling, and punctuation features of the original source. To compare the text of the document with the original source, the present work includes prints of the original.

Keywords: History of the Caucasus, Caucasian Committee, Center of the Caucasian Line, Kabardian Public Fund, Caucasian Viceroy, historical source

Acknowledgments and funding: The study was funded by an internal grant from Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov (agreement No. 36 dated January 28, 2025) as part of the Priority 2030 program.

For citation: Berbekova M.Kh. On the sources of the Kabardian public fund: publication of a note by the Chairman of the Caucasian Committee (December 22, 1848). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 80-89. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-80-89. EDN: DRMCOH.

© Berbekova M.Kh., 2025

Введение

Высочайше утверждённая докладная записка председателя Кавказского Комитета «О источниках Кабардинской общественной суммы» от 22 декабря 1848 г. [ПСЗРИ. 1849. Т. XXIII. Отд. 2: 133–134] представляет собой важный источник по исследованию особенностей инкорпорации населения Центрального Кавказа в социокультурное и финансово-экономическое пространство Российской империи в середине XIX в. Несмотря на то, что записка была помещена в Полном собрании законов Российской империи за 1849 г., она до настоящего времени не была введена в научный оборот и не нашла применения в исследовательской практике. Вместе с тем ее публикация на страницах научного периодического издания дает возможность подтвердить существующие достижения историографии и дополнить наши представления о складывании российской финансово-экономической системы в регионе в то время. Документ позволяет установить источники пополнения Кабардинской общественной суммы, определить каналы расходования ее средств, уточнить порядок взаимодействия военных властей по управлению общественным капиталом в регионе и т.п.

Актуальность публикации документа усиливается на фоне повышения исследовательского интереса к проблемам складывания и функционирования общественного капитала на Центральном Кавказе во второй четверти XIX – начале XX в. В современной историографии к проблеме функционирования

Общественной суммы обращались Г. Баев [Баев 1908], И.Ф. Мужев [Мужев 1955], Д.Н. Прасолов [Прасолов 2017; Прасолов 2019], И.С. Пазов [Пазов 2019; Пазов 2021], и непосредственно определяли ее состояние во второй половине 40-х – 50-х гг. XIX в. Д.Н. Прасолов [Прасолов 2022], И.Р. Марзей (Нахушева) [Нахушева 2020; Марзей 2021], Д.М. Алхасова [Алхасова 2024], М.Х. Бербекова [Бербекова 2023a; Бербекова 2023b], А.Р. Беппаев [Беппаев 2025] и др.

Документ публикуется в полном объеме с сохранением стилистических, орфографических и пунктуационных особенностей первоисточника. Для сопоставления текста документа с первоисточником в настоящей работе помещены оттиски оригинала.

Основная часть

Ранее мы отмечали, что к середине XIX в. Кабардинская общественная сумма стала неотъемлемой частью системы управления в Центре Кавказской линией, выполняя роль значимого финансового инструмента. Этот общественный капитал, формировавшийся поэтапно, регулярно пополнялся за счет налогов с населения на вывоз леса на продажу, взыскания штрафов за правонарушения, а также поступлений от аукционной продажи имущества беглецов и бесхозных вещей. Финансирование из Суммы шло на реализацию важных социальных проектов, таких как строительство школы в крепости Нальчик, материальное стимулирование ее преподавателей, привлечение специалистов по кулинарии и приобретение портретов императора для судов и школ для визуализации государственной власти и т.п.

Вместе с тем, публикуемая в настоящей статье записка была направлена на рассмотрение императора 22 декабря 1848 г. и содержала подробные сведения об источниках Кабардинской общественной суммы по состоянию на вторую половину 40-х гг. XIX в. [ПСЗРИ. 1849. Т. XXIII. Отд. 2: 133–134]. Поводом для ее подготовки было предложение Кавказского наместника М.С. Воронцова императору об учреждении специализированной школы для детей представителей привилегированных сословий кабардинского общества по предметам, знание которых необходимо для дальнейшего поступления в кадетские корпуса. Примечательно, что наместник в качестве источника финансирования проекта (до 2200 руб. серебром в год) предлагал использовать Кабардинскую сумму и в целом возложить бремя по сбору средств на содержание школы на население Большой и Малой Кабарды. Однако высшее имперское руководство не располагало достаточными для принятия решения сведениями о размерах Кабардинской общественной суммы, каналах ее пополнения и расходования средств из нее, финансовом потенциале местного населения и механизмах принятия решений и контроля за расходованием общественных средств со стороны военной администрации в регионе.

В ответ на запрос информации Кавказский наместник отмечал, что основным источником Кабардинской общественной суммы были средства, собираемые с кабардинцев за вывоз леса за пределы линии (т.е. пошлины за продажу леса). Другим источником доходов Суммы были средства, собираемые с кабардинского населения за совершенные преступления и проступки по решению

Кабардинского временного суда. В записке отмечалось, что на момент ее составления за счет штрафов за преступления получались собрать около 9 000 руб. серебром [ПСЗРИ. 1849. Т. XXIII. Отд. 2: 133].

Сообщалось и о порядке расходования средств Суммы. Отмечалось, что она находилась в распоряжении начальника Центра Кавказской линии. Расходование средств Суммы производилось на основании разрешения командующего войсками Кавказской линии и Черномории. В свою очередь по утвержденным сметам начальник Центра выдавал специальные ордера в Кабардинский временный суд для осуществления расходов. В то время средства Суммы тратились на общественные нужды кабардинцев (уплату жителям нальчикского форштадта за сдачу в наем квартир для членов кабардинского временного суда и других служащих; жалование двум писарям Суда и т.п.). Вместе с тем отмечалось, что кроме Кабардинской общественной суммы «никаких других доходов нет ни в Большой, ни в Малой Кабарде» [ПСЗРИ. 1849. Т. XXIII. Отд. 2: 133]. В таком виде эти сведения были представлены на рассмотрение императору.

Заключение

Таким образом, публикуемая утверждённая императором докладная записка председателя Кавказского комитета «О источниках Кабардинской общественной суммы» от 22 декабря 1848 г. отражает текущее состояние Кабардинской общественной суммы в качестве единственного в регионе финансового инструмента, аккумулировавшего собираемые с кабардинских жителей региона в виде штрафов за преступления и пошлин за вывоз леса средства и затрачиваемые по оплату жилья служащим функционировавшим в регионе военно-административных учреждений, выплату некоторым из них жалования и т.п. Вместе с тем в записке отражен и ряд таких потенциальных каналов расходования денежных средств, как строительство и дальнейшее финансирование социально значимых проектов (в данном случае, школы для детей представителей привилегированных категорий кабардинского общества для подготовки к дальнейшему поступлению в кадетские корпуса). Все это дополнительно характеризует публикуемую записку председателя Кавказского Комитета от 22 декабря 1848 г. «О источниках Кабардинской общественной суммы» служит важным источником для понимания процессов включения жителей Центрального Кавказа в российское социокультурное и финансово-экономическое пространство в середине XIX в.

Текст и оттиск документа

22855. – Декабря 22 [1848 г.]. Высочайше утверждённая докладная записка Председателя Кавказского Комитета. – О источниках Кабардинской общественной суммы.

В Январе 1848 года Наместник Кавказский представил предположение своё об учреждении в станице Екатериноградской особой школы для обучения сыновей почетнейших жителей Большой и Малой Кабарды, с тем, чтобы они обучались в этой школе тем предметам, знание коих требуется от детей при определении их в Кадетские Корпуса, между прочим полагал, сумму, потребную на содержание школы и простирающуюся ежегодно до двух тысяч двухсот рублей

серебром, обратить на общественную Кабардинскую сумму и вообще на доходы Большой и Малой Кабарды.

Ваше Императорское Величество, утвердив предположение Наместника и не имея сведений о суммах, взимаемых в Кабарде, Высочайше соизволили повелеть: истребовать от Наместника Кавказского сведения: 1) как велика Кабардинская общественная сумма, каким порядком она собирается и на какой именно предмет доселе употреблялась и 2) как велики доходы Большой и Малой Кабарды, из каких источников они состоят, в чем распоряжении они находятся и на какое назначение употребляются?

Ныне Наместник Кавказский сообщает, что главный источник Кабардинской общественной суммы происходит от денег, выручаемых за вывоз Кабардинцами на линию леса. Сверх того, Члены Кабардинского Временного Суда, с давних времен, по обычаям своим, штрафовали Кабардинцев за воровство и другие шалости скотом и лошадьми, и всё получаемое в штраф, делили между собой. В последствии, по убеждению бывшего Начальника Центра, они согласились изъятый из-за штрафов скот и лошадей, половинную часть доставлять в Нальчик и, по продаже всего с аукциона, вырученные деньги вносить в общественную сумму. Таким порядком собралось её теперь до девяти тысяч рублей серебром. Сумма эта состоит в распоряжении Начальника центра; расход же из неё производится, с разрешения Командующего войсками на Кавказской линии, по ордеру Начальника центра, даваемым Кабардинскому Временному Суду, на общественные Кабардинские надобности, как например: на уплату жителям Нальчикского Форштадта за квартирование в их домах Членов Кабардинского Временного Суда и прочих Кабардинских чиновников, приезжающих в Нальчик по общественным Кабардинским делам; на выдачу двум писарям этого Суда жалованья, а в некоторых случаях с разрешения Начальника центра, как то: на выпуск для Кабардинцев бланков билетов на вывоз леса, гербовых свидетельств, удовлетворение разных лиц за угнанных у них лошадей и скот, которые продавались с аукциона в числе штрафного скота и вырученные за них деньги приобщались к этой сумме. Кроме же общественной суммы никаких других доходов нет ни в Большой, ни в Малой Кабарде.

Долгом считаю своим все сведения поданные представить на Высочайшее благоусмотрение Вашего Императорского Величества.

Резолюция. Доложить Его Императорскому Величеству [ПСЗРИ. 1849. Т. XXIII. Отд. 2: 133–134].

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

133

Декабрь.

1848

Декабрь.

если не встрѣтятся особыхъ затрудненій, одну или даже двѣ изъ ближайшихъ бригадъ по подсудности отъ Комисіи, учрежденной при 3-й бригадѣ, къ Комисіи, существующей при 7-й бригадѣ.

Государь Императоръ, такое положеніе Военнаго Совѣта, въ 22 день Декабря 1848 года, Высочайше утвердить соизволилъ.

22854.—Декабря 22. Именной, объявленный Провіантскому Департаменту Военнымъ Министромъ. — *О распространеніи на полевые управленія силы закона относительно выдачи и принятія свидѣтельств на свободную часть залоговъ.*

Военный Совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе Провіантскаго Департамента, отъ 17 Января 1848 года, о распространеніи на полевые управленія силы закона, существующаго по Военному Министерству относительно выдачи и принятія свидѣтельств на свободную часть залога, и принявъ во вниманіе, что Интендантства в полевыхъ провіантскихъ управленіяхъ нельзя считать сторонними для Военнаго Министерства въѣдомствами; ибо они также принадлежатъ къ составу военнаго управленія, положили: слѣд. ст. 566 кн. 1, ч. 4, Свода Воен. Пост. распространить на нихъ, и въ слѣдствіе сего ст. 566 дополнить слѣдующимъ примѣчаніемъ: «выдаваемые, на основаніи ст. 566 кн. 1, ч. 4, Свода, Департаментами Военнаго Министерства и подвѣдомственными имъ мѣстами свидѣтельства на свободную часть залога, дозволяется также принимать въ обезпеченіе подрядовъ по Интендантствамъ, полевымъ провіантскимъ управленіямъ Западнаго, Грузинскаго, Оренбургскаго и Сибирскаго инженерныхъ округовъ; равнымъ образомъ свидѣтельства на свободную часть залога, выдаваемые Интендантствами, полевыми провіантскими управленіями и означенными окружными инженерными управленіями могутъ быть принимаемы въ обезпеченіе подрядовъ по Департаментамъ Военнаго Министерства и подвѣдомственнымъ имъ мѣстамъ. При выдачѣ свидѣтельствъ на свободную часть залога соблюдать въ точности правила, постановленныя въ

примѣчаніи къ ст. 566 кн. 1, ч. 4, Прод. 3 **22854** Свода».

Государь Императоръ, такое положеніе Военнаго Совѣта, въ 22 день Декабря, Высочайше утвердить соизволилъ.

22855.—Декабря 22. Высочайше утвержденная докладная записка Предсѣдателя Кавказскаго Комитета. — *О источникахъ Кабардинской общественной суммы.*

Въ Январѣ 1848 года, Намѣстникъ Кавказскій, представляя предположеніе свое объ учрежденіи въ станицѣ Екатериноградской особой школы для обученія сыновей почетнѣйшихъ жителей Большой и Малой Кабарды, съ тѣмъ, чтобы они обучались въ этой школѣ тѣмъ предметамъ, званіе конхъ требуется отъ дѣтей при опредѣленіи ихъ въ Кадетскіе Корпуса, между прочимъ полагалъ, сумму, потребляемую на содержаніе школы и простирающуюся ежегодно до двухъ тысячъ двухъ сотъ рублей серебромъ, обратить на общественную Кабардинскую сумму и вообще на доходы Большой и Малой Кабарды.

Ваше Императорское Величество, утвердивъ предположеніе Намѣстника и не имѣя свѣдѣній о суммахъ, взимаемыхъ въ Кабардѣ, Высочайше соизволила повелѣть: истребовать отъ Намѣстника Кавказскаго свѣдѣнія: 1) какъ велика Кабардинская общественная сумма, какимъ порядкомъ она собирается и на какой именно предметъ доселѣ употреблялась и 2) какъ велики доходы Большой и Малой Кабарды, изъ какихъ источниковъ они состоятъ, въ чемъ распоряженіи они находятся и на какое назначеніе употребляются?

Нынѣ Намѣстникъ Кавказскій сообщаетъ мнѣ, что главный источникъ Кабардинской общественной суммы, происходитъ отъ денегъ, выручаемыхъ за вывозъ Кабардинцами на лѣню лѣса. Сверхъ того Члены Кабардинскаго Временнаго Суда, съ давнихъ временъ, по обрядамъ своимъ, штрафовали Кабардинцевъ за воровство и другія шалости скотомъ и лошадьми, и все получаемое въ штрафъ дѣлили между собою. Въ послѣдствіи, по убѣжденію быв-

22856 шихъ Начальниковъ центра, они согласились изъ штрафнаго скота и лошадей, половинную часть доставлять въ Нальчикъ и, по продажѣ всего съ аукціона, выручаемыя деньги вносить въ общественную сумму. Такимъ порядкомъ собралось ее теперь до девяти тысячъ рублей серебромъ. Сумма эта состоитъ въ распоряженіи Начальника центра; расходъ же изъ неѣ производится, съ разрѣшенія Командующаго войсками на Кавказской линіи, по ордерамъ Начальника центра, даваемымъ Кабардинскому Временному Суду, на общественныя Кабардинскія надобности, какъ наприимѣръ: на уплату жителямъ Нальчикскаго форштадта за квартированіе въ ихъ домахъ Членовъ Кабардинскаго Временнаго Суда и прочихъ Кабардинскихъ офицеровъ, пріѣзжающихъ въ Нальчикъ по общественнымъ Кабардинскимъ дѣламъ; на выдачу двумъ писарямъ этого Суда жалованья, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ разрѣшенія Начальника центра, какъ то: на выписаніе для Кабардинцевъ бланковъ билетовъ на вывозъ лѣса и карантинныхъ свидѣтельствъ, удовлетвореніе разныхъ лицъ за уворованныхъ у нихъ лошадей и скотъ, которые продавались съ аукціона въ числѣ барантоваго скота и вырученныя за нихъ деньги приобщались къ этой суммѣ. Кромѣ же общественной суммы никакихъ другихъ доходовъ нѣтъ ни въ Большой ни въ Малой Кабардѣ.

Долгомъ считаю свидѣнія сія всеподданнѣйше представить на Всеннелюбнвѣйшее благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества.

Резолюція. Доложено Его Императорскому Величеству.

22856. — Декабря 23. Именной, объявленный Главноуправляющимъ Путиами Сообщенія и Публичными Зданіями. — *О увеличеніи числа чиновъ въ Чертежной при Особенной Канцеляріи Главноуправляющаго.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Въ Чертежной при Особенной Канцеляріи Главноуправляющаго Путиами Сооб-

щенія и Публичными Зданіями, которой составъ не былъ еще опредѣленъ, имѣть съ 1 Января 1849 года: Начальника Чертежной изъ штабъ-офицеровъ Путей Сообщенія, одного архитектора, 6 кондукторовъ, одного пере-летчика и одного сторожа.

2) Содержанія сими чинамъ производить въ годъ:

	Жалов.	Столов.
Начальнику Чертежной	700 р. 50 к.	280 р. 20 к.
Архитектору	580 — 40 —	260 — 20 —
Кондукторамъ, каждому по	75 —	
Переплетчику	60 —	
Сторожи	16 — 98 —	

3) Все содержаніе означеннымъ чинамъ, составляющее 2,348 рублей 28 коп. сереб. въ годъ, какъ равно и издержку на канцелярскія и чертежныя потребности Чертежной, на отопленіе и освѣщеніе ея, продовольствіе и обмундированіе нижнихъ чиновъ, въ мѣрѣ дѣйствительной надобности, удовлетворять изъ общаго годовыхъ остатковъ строительныхъ суммъ, вѣдомству Путей Сообщенія отпускаемыхъ.

4) Архитектора Чертежной приписать по должности и мундиру къ VII разряду, а по пенсіи къ V.

22857. — Декабря 24. Именной, объявленный Министромъ Юстиціи. — *О принятіи въ Московскій Опекунскій Совѣтъ отъ Тифлискаго гражданина Мнацаканова капитала, пожертвованнаго для воспитанія въ Московскомъ Лазаревскомъ Институтѣ двухъ мальчиковъ изъ бѣдныхъ Армянъ Закавказскаго края.*

Генералъ-Адъютантъ Князь Чернышевъ отъ 24 Декабря 1848 года сообщилъ ему, Министру Юстиціи, что Тифлисскій гражданинъ Иванъ Мнацакановъ, руководимый чувствами благотворительности, предположилъ внести на вѣчныя времена въ Московскій Опекунскій Совѣтъ капиталъ въ пятнадцать тысячъ рублей серебромъ, для воспитанія, изъ процентовъ, постоянно двухъ мальчиковъ изъ бѣдныхъ Армянъ

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алхасова 2024 – *Алхасова Д.М.* Управление Центра Кавказской линии в административной системе и политической практике Российской империи в 30–50-е гг. XIX в.: диссертация... кандидата исторических наук: 5.6.1. – Ставрополь, 2024. – 224 с.

Баев 1908 – *Баев Г.В.* Народный кредит в Терской области. – Владикавказ: Тип. Сергея Назарова, 1908. – 56 с.

Беппаев 2025 – *Беппаев А.Р.* Становление основ и методов управления народным капиталом на Центральном Кавказе в конце 1840-х годов (на примере малокабардинской общественной суммы) // Электронный журнал "Кавказология". – 2025. – № 1. – С. 15-26. – DOI 10.31143/2542-212X-2025-1-15-26.

Бербекова 2023a – *Бербекова М.Х.* Общественный капитал в системе финансово-экономических отношений Нальчикского округа Терской области во второй половине XIX – начале XX в.: диссертация... кандидата исторических наук: 5.6.1. – Нальчик, 2023. – 206 с.

Бербекова 2023b – *Бербекова М.Х.* Доходы и расходы Кабардинской общественной суммы в 50-х – начале 60-х гг. XIX в. по материалам учетных книг // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2023. – № 1(111). – С. 63-70. – DOI 10.35330/1991-6639-2023-1-111-63-70.

Марзей 2021 – *Марзей И.Р.* Система приставских управлений на Северном Кавказе в 1769–1864 гг.: диссертация... кандидата исторических наук: 5.6.1. – Нальчик, 2021. – 193 с.

Мужев 1955 – *Мужев И.Ф.* 1905 год в Кабарде. – Нальчик: Кабардинское книжное изд-во, 1955. – 88 с.

Нахушева 2020 – *Нахушева И.Р.* Приставское управление в Кабарде в 1769-1858 гг.: динамика, полномочия, персоналии // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 3. – С. 60-78. – DOI 10.31143/2542-212X-2020-3-60-78.

Пазов 2019 – *Пазов И.С.* Финансы и экономика Нальчикского округа в начале XX века (1905–1917 гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – № 4. – С. 42–64. – DOI: 10.31143/2542-212X-2018-4-42-64.

Пазов 2021 – *Пазов И.С.* Структура и функции органов власти Нальчикского округа Терской области в 1888-1917 гг. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2021. – № 4 (102). – С. 55-61.

Прасолов 2017 – *Прасолов Д.Н.* Развитие местного самоуправления у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 120 с.

Прасолов 2019 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – 208 с.

Прасолов 2022 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в политической культуре кабардинцев и балкарцев. – Нальчик: Принт-Центр, 2022. – 240 с.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.

REFERENCES

ALKHASOVA D.M. *Upravlenie Tsentra Kavkazskoi linii v administrativnoi sisteme i politicheskoi praktike Rossiiskoi imperii v 30–50-e gg. XIX v.* [Management of the Caucasian Line Center in the Administrative System and Political Practice of the Russian Empire in the 1830s-1850s.]: dissertatsiya... kan-didata istoricheskikh nauk: 5.6.1. – Stavropol', 2024. – 224 p. (In Russ.).

BAEV G.V. *Narodnyi kredit v Terskoi oblasti* [People's Credit in the Terek Region]. – Vladikavkaz: Tip. Sergeya Nazarova, 1908. – 56 p. (In Russ.).

BEPPAEV A.R. *Stanovlenie osnov i metodov upravleniya narodnym kapitalom na Tsentral'nom Kavkaze v kontse 1840-kh godov (na primere malokabardinskoi obshchestvennoi summy)* [Formation of the Foundations and Methods of Managing People's Capital in the Central Caucasus in the Late 1840s (Based on the Example of the Malokabardian Public Fund)]. In: Elektronnyi zhurnal "Kavkazologiya". – 2025. – № 1. – P. 15-26. – DOI 10.31143/2542-212X-2025-1-15-26. (In Russ.).

BERBEKOVA M.KH. *Obshchestvennyi kapital v sisteme finansovo-ekonomicheskikh otnoshenii Nal'chikskogo okruga Terskoi oblasti vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Public Capital in the System of Financial and Economic Relations in the Nalchik District of the Terek Region in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries]: dissertatsiya... kandidata istoricheskikh nauk: 5.6.1. – Nal'chik, 2023. – 206 p. (In Russ.).

BERBEKOVA M.KH. *Dokhody i raskhody Kabardinskoi obshchestvennoi summy v 50-kh – nachale 60-kh gg. XIX v. po materialam uchetykh knig* [Income and Expenditure of the Kabardian Public Fund in the 1850s and Early 1860s, Based on Accounting Books]. In: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2023. – № 1(111). – P. 63-70. – DOI 10.35330/1991-6639-2023-1-111-63-70. (In Russ.).

MARZEI I.R. *Sistema pristavskikh upravlenii na Severnom Kavkaze v 1769–1864 gg.* [The system of bailiff administrations in the North Caucasus in 1769-1864]: dissertatsiya... kandidata istoricheskikh nauk: 5.6.1. – Nal'chik, 2021. – 193 p. (In Russ.).

MUZHEV I.F. *1905 god v Kabarde* [1905 in Kabarda]. – Nal'chik: Kabardinskoe knizhnoe izdvo, 1955. – 88 c. (In Russ.).

NAKHUSHEVA I.R. *Pristavskoe upravlenie v Kabarde v 1769-1858 gg.: dinamika, polnomochiya, personalii* [The bailiff administration in Kabarda in 1769-1858: dynamics, powers, and personalities]. In: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2020. – № 3. – P. 60-78. – DOI 10.31143/2542-212X-2020-3-60-78. (In Russ.).

PAZOV I.S. *Finansy i ekonomika Nal'chikskogo okruga v nachale XX veka (1905–1917 gg.)* [Finance and Economics of the Nalchik District in the Early 20th Century (1905-1917)]. In: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2018. – № 4. – P. 42–64. – DOI: 10.31143/2542-212X-2018-4-42-64. (In Russ.).

PAZOV I.S. *Struktura i funktsii organov vlasti Nal'chikskogo okruga Terskoi oblasti v 1888-1917 gg.* [The structure and functions of the authorities in the Nalchik District of the Terek Region in 1888-1917]. In: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2021. – № 4 (102). – P. 55-61. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *Razvitie mestnogo samoupravleniya u kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [The development of local self-government among the Kabardians and Balkars in the second half of the 19th and early 20th centuries]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel IGI KBNTS RAN, 2017. – 120 p. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *S"ezdy doverennykh v praktikakh mestnogo samoupravleniya kabardin-tsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Meetings of representatives of the Kabardians and Balkars in the practices of local self-government in the second half of the 19th and early 20th centuries]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel IGI KBNTS RAN, 2019. – 208 p. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *S"ezdy doverennykh v politicheskoi kul'ture kabardintsev i balkartsev* [Meetings of representatives of the Kabardians and Balkars in the political culture of the Kabardians and Balkars]. – Nal'chik: Print-Tsentr, 2022. – 240 p. (In Russ.).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. (In Russ.).

Информация об авторе

М.Х. Бербекова – кандидат исторических наук.

Information about the author

M.Kh. Berbekova – candidate of science (History).

Информация об авторе

М.Х. Бербекова – кандидат исторических наук.

Information about the author

M.Kh. Berbekova – candidate of science (History).

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Научная статья
УДК 93/94(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-249-266
EDN: MGLNCG

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ НАЛЬЧИКСКОГО ГОРСКОГО СЛОВЕСНОГО СУДА В СОВРЕМЕННОМ КАВКАЗОВЕДЕНИИ

Анзор Адальбиевич Жерештиев

Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, anzorzhereshtiev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7132-852X>

Аннотация. Статья посвящена изучению основных тенденций, проблем и перспектив современной российской историографии по теме Нальчикского горского словесного суда. В работе осуществлён анализ исследований, появившихся в постсоветский период, что позволило выявить значительный рост научного интереса к различным аспектам деятельности данного судебного института. В статье показано, что современные историки акцентируют внимание на таких важных аспектах темы, как особенности соотношения применявшихся правовых норм (адат, шариат, общероссийское законодательство), специфика рассматриваемых судом дел, организационная структура и состав суда, а также характер и формы процессуального документооборота. Рассмотренные исследования демонстрируют углублённый подход к изучению влияния деятельности суда на повседневную и правовую жизнь кабардинцев и балкарцев, позволяя реконструировать отдельные стороны их социального уклада и правовых практик. Важным выводом работы является констатация возрастающего исследовательского интереса к данной теме, что открывает возможности для более детального изучения вопросов, связанных с функционированием горского словесного суда и его местом в социально-правовой системе региона.

Ключевые слова: Нальчикский горский словесный суд, историография, адат, шариат, российское законодательство, современная историография, Северный Кавказ

Для цитирования: Жерештиев А.А. Изучение истории Нальчикского горского словесного суда в современном кавказоведении // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 249-266. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-249-266. EDN: MGLNCG.

© Жерештиев А.А., 2025

Original article

STUDYING THE HISTORY OF THE NALCHIK MOUNTAIN VERBAL COURT IN MODERN CAUCASIAN STUDIES

Anzor A. Zhereshtiev

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik,
Russia, anzorzhereshtiev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7132-852X>

Abstract. The article explores the main trends, problems, and prospects in contemporary Russian historiography related to the Nalchik Mountain Verbal Court. The study analyzes works published during the post-Soviet period, revealing a significant increase in scholarly interest in various aspects of this judicial institution. The article demonstrates that modern historians focus on key issues

such as the interaction between different legal systems (adat, sharia, and imperial Russian law), the nature of cases handled by the court, its organizational structure and composition, as well as the procedural documentation practices. The examined research reflects a deepened scholarly approach to understanding the court's influence on the everyday and legal life of the Kabardian and Balkar peoples, enabling a more nuanced reconstruction of their social structure and legal traditions. One of the article's key conclusions is the recognition of growing academic interest in the topic, which creates favorable conditions for further in-depth study of the court's functioning and its role within the socio-legal system of the region.

Keywords: Nalchik Mountain Verbal Court, historiography, adat, sharia, Russian legislation, modern historiography, North Caucasus

For citation: Zhereshtiev A.A. Studying the history of the Nalchik Mountain Verbal Court in modern Caucasian studies. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 249-266. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-249-266. EDN: MGLNCG.

© Zhereshtiev A.A., 2025

Введение

В ходе правовой трансформации на Северном Кавказе во второй половине XIX в. российская администрация первоначально внедрила окружные суды, однако уже в 1871 г. они были заменены горскими словесными судами, более адаптированными к местным условиям. Для рассмотрения споров внутри адыгских обществ были учреждены четыре таких суда: три в Кубанской области – Майкопский, Екатеринодарский и Баталпашинский, а также один в Терской области – Нальчикский горский словесный суд, действовавший в отношении кабардинцев и балкарцев. Существовавший с 1871 по 1918 год, Нальчикский суд стал важным элементом судебной системы региона, сочетая нормы адата, шариата и российского законодательства.

Если дореволюционный период характеризуется преимущественно накоплением эмпирического материала, а советская историография лишь частично обращалась к теме, то именно в постсоветское время наблюдается наибольшая исследовательская активность, направленная на осмысление функций, роли и правовой природы горских словесных судов. Основная цель настоящей статьи – представить содержательный обзор публикаций, в которых освещаются вопросы функционирования Нальчикского горского словесного суда и степень осмысления данного института в контексте современной научной мысли.

В рамках настоящей статьи объектом исследования выступает корпус научных публикаций, в которых рассматриваются различные аспекты деятельности Нальчикского горского словесного суда. Предметом анализа является обобщение и систематизация представленных в этих работах фактических сведений о составе суда, его компетенции, процессуальной практике, характере рассматриваемых дел и применяемых правовых нормах. Исследование опирается преимущественно на описательно-аналитический подход, направленный на выявление ключевых тем, затрагиваемых в современной научной литературе.

Методологическую основу исследования составляют описательный и аналитический методы, позволяющие выявить ключевые аспекты содержания изучаемых публикаций. Также использован сравнительный метод для сопостав-

ления исследовательских подходов. Подобный инструментарий позволяет представить обобщённую картину состояния научной разработки темы в постсоветский период.

Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что в центре исследования находится Нальчикский горский словесный суд, занимавший важное место в правовой системе округа и представлявший собой уникальный пример адаптации имперского судоустройства к социокультурным реалиям горских народов. Его изучение позволяет по-новому подойти к осмыслению механизмов функционирования правовой системы в условиях правового плюрализма в регионе.

Научная новизна статьи заключается в попытке представить целостную картину современного состояния изученности деятельности Нальчикского горского словесного суда на основе систематизации и анализа работ постсоветского периода, включая последние публикации, посвящённые отдельным аспектам его функционирования и роли в социокультурной жизни кабардинцев и балкарцев. Несмотря на наличие ряда фундаментальных и специальных исследований, в историографии по-прежнему ощущается недостаток обобщающих обзоров, специально ориентированных на систематизацию направлений и оценку степени проработки темы Нальчикского горского словесного суда в научной литературе конца XX – начала XXI в.

Результаты

В рамках анализа современной историографии были изучены открытые источники, содержащие результаты научной деятельности, посвящённой вопросам функционирования Нальчикского горского словесного суда. Современную, или постсоветскую, историографию целесообразно отсчитывать с 1991 г. – момента формирования Российской Федерации как самостоятельного политико-правового субъекта.

Следует отметить, что в 1990-е гг., ввиду общей социально-экономической нестабильности, объём академических исследований по многим направлениям, в том числе по заявленной теме, был крайне ограничен. Тем не менее, отдельные работы, затрагивавшие вопросы деятельности горских словесных судов, начали появляться и в современной России. Так, например, Ж.А. Калмыков в исследовании 1995 г. обращается к вопросам устройства и функционирования Нальчикского словесного суда и делает вывод о том, что: «принципы организации горских словесных судов и порядок судопроизводства в них в основном совпадали с требованиями русского Судебного устава от 20 ноября 1864 года» [Калмыков 1995: 27].

Более глубокое осмысление роли горских словесных судов в общественной жизни народов Северного Кавказа начинает наблюдаться в исследованиях первого десятилетия XXI в. В это время в научной литературе фиксируется рост интереса к вопросам региональной правовой трансформации, обусловленной Великими реформами второй половины XIX в. и спецификой функционирования правовых институтов на окраинах империи, в этой связи М.А. Хагажеев точно подмечает: «Деятельность горских словесных судов в Терской и Кубанской областях

в 1871–1917 гг. привлекает внимание исследователей в современной историографии» [Хагажеев 2023: 367].

В данный отрезок времени особого внимания заслуживает фундаментальное исследование В.Н. Мальцева, в котором анализируется процесс распространения принципов российского права на Северный Кавказ в контексте формирования имперской системы управления [Мальцев 2008: 96]. Автор подробно рассматривает особенности реформирования горского судопроизводства в регионе, структуру и полномочия словесных судов, порядок рассмотрения различных категорий дел, а также обобщает существующие в научной среде оценки их роли и правовой природы. По мнению В.Н. Мальцева, правоприменительная и административная политика российских властей на Северном Кавказе в период конца 1860-х – начала 1870-х годов демонстрирует отказ от использования внеправовых и чрезвычайных методов регулирования в пользу внедрения системных правовых преобразований, концептуально сопоставимых с теми, что проводились в центральных регионах империи. Хотя нормативные акты Российской империи действовали на кавказских территориях в модифицированной форме – с определёнными изъятиями и корректировками, тем не менее именно они стали основой для формирования обновлённого правового порядка в горском обществе, ориентированного, в частности, на демонтаж архаичных, патриархальных норм, которые воспринимались как барьер на пути проведения интеграционной стратегии империи в приграничных регионах. В то же время автор закономерно обращает внимание на неочевидную согласованность реализуемых правовых инициатив с уровнем правосознания и социально-культурными установками горского населения, подчёркивая, что выявление степени их восприятия и адаптации в локальных сообществах представляет собой самостоятельную и до конца не изученную исследовательскую тему [Мальцев 2008: 107].

В заключении, Мальцев приходит к выводу, что: «к концу XIX в. формировавшиеся российской администрацией правовые нормы горского законодательства, приемлемые в 60–70-е гг., исчерпали себя, а сам институт горского словесного суда превращался в анахронизм и подвергался справедливой критике, и в целом система правового устройства народов Северного Кавказа требовала новых кардинальных изменений» [Мальцев 2008: 107]. Отмеченное выше мнение исследователя, опирающееся на архивные материалы и научную литературу, характеризуется достаточно критическим тоном в оценке последствий имперских реформ. Впрочем, А.Т. Урушадзе также придерживается подобного мнения [Урушадзе 2019: 923]. В данной связи представляется важным рассмотреть и восприятие горского словесного суда со стороны современников его функционирования. В частности, Е.И. Кобахидзе в своих исследованиях обращается к анализу взглядов видного общественного деятеля, литератора и поэта К.Л. Хетагурова. На основе системного изучения его публицистического и художественного наследия исследователь приходит к выводу, что Хетагуров оценивал деятельность горского суда как несоответствующую интересам коренного населения. По его мнению, функционирование суда «противоречит интересам самих горцев, ущемляя их в гражданских правах» [Кобахидзе 2010а: 37]. Сама Кобахидзе также оценивает итоги реформ как «неоднозначные» [Кобахидзе 2010b: 70]. Подобного

мнения придерживаются и другие исследователи. Так, П.А. Кузьминов в своей диссертации комплексно изучает историографию реформ в данном регионе до 1870-х годов и приходит к следующему выводу: «Административно-судебные реформы на Северном Кавказе, по мнению учёных, были половинчатыми, непоследовательными» [Кузьминов 2010: 33]. При этом Пётр Абрамович также отмечает, что реформы были направлены на устранение прежнего типа социальных отношений и вовлечение горского населения в общероссийскую систему.

Суд, как важный элемент общественной жизни, неизбежно становился пространством столкновения различных правовых и культурных традиций. В этом контексте особенно остро встает вопрос о применении мусульманских правовых норм в рамках функционирования горского словесного суда, который, несмотря на определённую автономию, тем не менее входил в систему имперского правосудия православной России. Данная проблема заняла заметное место в современной историографии, поскольку она отражает более широкий конфликт между централизованной правовой моделью империи и правосознанием многоэтнического и религиозно разнородного населения Северного Кавказа. Известно, что в процессе регулирования общественных отношений среди мусульманского населения Северного Кавказа, в том числе в деятельности горских словесных судов, применялись «нормы адата, мусульманского права и положения общероссийского законодательства» [Карапетян 2009: 255].

Российское законодательство не охватывало всей совокупности преступлений и правонарушений, совершавшихся в горских районах, что обусловило сохранение в судопроизводственной практике значительной роли местных правовых традиций. Горские словесные суды продолжали рассматривать дела «на основании местных обычаев», то есть норм адата, а частично – и шариата. В то же время нормативная конструкция предполагала применение общих законов Империи в тех случаях, когда по соответствующему делу отсутствовал устоявшийся обычай. Однако данная составляющая правового регулирования в практике функционирования горских судов зачастую остаётся вне фокуса исследовательского внимания, в результате чего формируется упрощённое представление о том, будто бы деятельность этих судов сводилась исключительно к применению архаичных правовых норм и тому, что ими: «иногда использовалось общеимперское судебное законодательство» [Кудаева 2006: 265].

Также А.Х. Абазов, изучая горские словесные суды, приходит к выводу, что: «в их деятельности сочетались общероссийские принципы судостроительства с некоторыми элементами традиционного правосудия коренных народов региона» [Абазов 2015: 58]. Мальцев считает, что в горских словесных судах шариат применялся лишь в узком круге дел, в основном касающихся брака, наследства и семейных отношений. Это ограничение было сознательным: власть стремилась сократить влияние ислама на правовую систему и «постепенно заменить религиозные нормы светским имперским законодательством» [Мальцев 2008: 104]. Вопрос регулирования брачно-семейных отношений в рамках горского судопроизводства также является предметом повышенного внимания со стороны исследователей [Горковец 2010: 16].

Говоря об исламе и Нальчикской слободе того времени, важно также отметить, что «существенным препятствием длительному нахождению кабардинцев в слободской среде являлось отсутствие здесь условий для совершения религиозных обрядов» [Прасолов 2016: 57]. В 1907 г. кадии Нальчикского горского словесного суда А. Шогенов и С. Энеев обратились с прошением о строительстве мечети в слободе Нальчик, обосновав это тем, что население округа, включая постоянных жителей, приезжих и участников съездов доверенных, часто вынуждено задерживаться в центре округа, где отсутствует возможность совершать религиозные обряды, особенно в дни поста, несмотря на очевидную потребность в этом [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 723. Т. 1. Л. 112. Л. 47, 47об.]. Изучая Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей 1870 года, В.Л. Карапетян также приходит к выводу, что: «данный нормативно-правовой акт исходил из необходимости придерживаться в деятельности судов синтеза норм обычного, мусульманского права и общероссийского законодательства» [Карапетян 2016: 2]. При этом, хоть вопрос деятельности данного суда может встречать негативные оценки, в том числе из-за применения нескольких групп правовых норм, А.Г. Мисриева рассматривает введение горских словесных судов как важный и оправданный этап в процессе правовой интеграции горского населения в структуру Российской империи. По её мнению, данные суды успешно выполняли свою функцию, сочетая нормы шариата и обычного права, а со временем способствовали постепенному включению горцев в имперское правовое поле и формированию у них навыков обращения с российским законодательством [Мисриева 2016: 27].

Таким образом, в современной исторической науке право мусульман, наряду с адатами и имперским законодательством, занимало ограниченное, но институционально признанное место в деятельности горских словесных судов. Несмотря на сознательное стремление властей к постепенному вытеснению шариата из правовой практики, его нормы сохранялись в делах, касающихся брачно-семейных и наследственных отношений. Это обеспечивало формальный баланс между имперскими юридическими принципами и религиозно-правовой чувствительностью мусульманского населения. Современные исследования действительно подчёркивают, что такой правовой синтез сыграл важную роль в постепенной правовой адаптации горцев и встраивании их в институциональную систему Российской империи. Фактически, такое нормативное сосуществование отражало специфику правового поля имперской периферии, где взаимодействие и наложение различных правовых систем становилось неизбежным элементом правоприменительной практики.

Особый интерес в современной историографии представляет исследование Д.Н. Прасолова, посвящённое вопросам реорганизации судебной системы в Нальчикском округе, рассматриваемое через призму деятельности съездов доверенных кабардинцев и балкарцев. Автор показывает, что, начиная с последней трети XIX в., именно на съездах регулярно поднимались вопросы о перераспределении судебных полномочий, расширении компетенции сельских судов и реорганизации Нальчикского горского словесного суда (НГСС) в соответствии с социокультурными нормами местного населения [Прасолов 2019: 115].

Одним из наиболее значимых результатов деятельности съездов доверенных стало учреждение Временного отделения Нальчикского горского словесного суда – инициативы, отражавшей активное участие общественных представителей в вопросах судебной реорганизации и в то же время свидетельствовавшей о гибкости окружного управления в поиске адаптивных решений к правовым потребностям местного населения [Прасолов 2019: 119, 120]. Отдельное внимание уделяется вопросам территориальной и функциональной дифференциации между основным и временным составом суда, а также попыткам бюджетного разделения их содержания и иным материально-финансовым вопросам [Прасолов 2022].

Кроме того, в начале XX в. на повестке дня съездов встал вопрос о возможной полной замене горских судов на мировые учреждения. Однако несмотря на предложения о реформе и даже о ликвидации НГСС, эти инициативы не были доведены до конца [Прасолов 2019: 123]. Работа Д.Н. Прасолова демонстрирует, что интерес местного населения к трансформации судебной системы не только сохранялся, но и находил институциональные каналы выражения, что даёт основание рассматривать съезды доверенных как важный элемент правовой модернизации на Северном Кавказе.

Другим значимым направлением исследования Нальчикского горского словесного суда в рамках современной историографии, помимо анализа его институциональной роли, оценки эффективности функционирования и соотношения применяемых правовых норм, является обращение к конкретным вопросам организационной структуры суда, характеру рассматриваемых им дел и особенностям процессуальной практики. Данным вопросам посвящена заметная доля исследования В.Л. Карапетяна, который приходит к выводам о том, что в период функционирования горских словесных судов именно в уголовной сфере общероссийское законодательство дало наиболее чёткое определение их компетенции, что, в частности, закреплено в примечании 1 к статье 1256 Устава уголовного судопроизводства, применявшегося в Терской и Кубанской областях. В то же время, в отношении гражданских дел законодательная определённость была значительно менее выраженной – положения, содержащиеся в статье 1481 Устава гражданского судопроизводства для Кубанской области и Черноморской губернии, отличались недостаточной конкретикой. Таким образом, указанные нормы фактически и исчерпывали собой рамки нормативного регулирования деятельности данных судебных органов [Карапетян 2016: 2].

В.Л. Карапетян считает, что по своей юридико-институциональной природе горские словесные суды представляли собой гибридные судебно-административные органы, что, безусловно, противоречило основополагающим принципам судебной реформы 1864 г., прежде всего – принципу отделения судебной власти от административной [Карапетян 2016: 2]. На практике суды действовали на постоянной основе и включали в свой состав председателя, которым, как правило, выступали окружные начальники или атаманы казачьих отделов, назначаемые административной властью. Остальные члены суда – депутаты и кадии – избирались населением на трёхлетний срок посредством двухступенчатых выборов,

однако вступление их в должность подлежало обязательному утверждению со стороны администрации.

Несмотря на это, само наличие выборного элемента в составе суда указывает на формальное участие населения в формировании органов судебной власти, что придаёт системе определённые черты народного представительства. Делегирование полномочий суду в этом контексте воспринимается как передача народом части своей суверенной власти носителям судебной функции. Вместе с тем нельзя не учитывать несовершенство установленного порядка выборов, позволявшего попадание в состав суда лиц, не обладавших необходимыми профессиональными качествами и подготовкой.

Дополнительно заслуживает внимания и тот факт, что председатели горских судов, в подавляющем большинстве случаев являвшиеся военными чиновниками, не имели ни соответствующего юридического образования, ни практического опыта ведения судебных дел. Занятые преимущественно административной деятельностью, они объективно не могли в полной мере обеспечить защиту интересов сторон, равно как и должное представление интересов государства в судебном процессе [Карапетян 2016: 2, 3].

При обращении к теме документального наследия горских словесных судов представляется необходимым упомянуть фундаментальное исследование А.Х. Абазова, посвящённое функционированию Нальчикского округа в контексте судебной системы Терской области. В данной работе автор не только даёт системную характеристику структуры и функций суда, но и подробно классифицирует виды правовых документов, на основе которых осуществлялось судопроизводство. Как отмечает исследователь, «можно выделить следующие группы документов Нальчикского горского словесного суда, в которых так или иначе были закреплены сведения о нормах и институтах обычного права кабардинцев и балкарцев: постановления (решения) суда, исполнительные листы, протоколы заседаний, отзывы на заочные решения, отзывы канцелярии начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска, предписания начальника Терской области начальнику Нальчикского округа, учетные книги и журналы, ведомости следственных дел, рапорты представителей сельских администраций, апелляционные жалобы на решения сельских и посреднических судов, копии решений сельских судов, решения медиаторских судов, общественные приговоры съездов доверенных сельских обществ разного уровня» [Абазов 2014а: 9–10]. Подробно взаимодействие сельских и горных судов изучает также Сайдумов Д.Х. Сайдумов 2010: 132].

В более современных трудах А.Х. Абазов проводит комплексное исследование делопроизводственной практики Нальчикского горского словесного суда, акцентируя внимание на многофункциональности документации, охватывавшей судебную, административную, нотариальную, опекунскую, финансовую и коммуникационную сферы. Особое внимание уделяется структуре учетных и процессуальных документов, практике их ведения, взаимодействию суда с местными и надведомственными органами власти, а также отражению в материалах суда элементов правовой культуры кабардинцев и балкарцев. Исследование демонстрирует, что документы суда являются важным источником по истории

правового регулирования, механизмов социализации и правовой аккультурации горского населения в имперском контексте [Абазов 2022: 252].

Также А.Х. Абазов подробно рассматривает вопросы подсудности дел горских словесных судов в Нальчикском округе, опираясь на положения «Временных правил для горских словесных судов Кубанской и Терской областей». В сфере уголовного судопроизводства суды имели право рассматривать дела, совершённые горцами против горцев, включая неумышленные телесные повреждения, изнасилования, кражи при определённых условиях, а также дела, связанные с предотвращением кровной мести. Однако, если преступление совершалось против негорцев или лицом, не принадлежавшим к горскому населению, дело подлежало передаче в мировые или окружные суды. По ходатайству потерпевшего сторона также могла инициировать рассмотрение дела в окружном суде [Абазов 2014а: 27, 28]. Отдельно в современной историографии изучен вопрос дел в Нальчикском горском словесном суде о возмещении имущественного ущерба, причинённого преступлением [Байчекуева 2024а: 71]

А.Х. Абазов рассматривал архивные материалы Нальчикского горского словесного суда в качестве важного источника по изучению традиционных правовых норм кабардинцев [Абазов 2016а: 138–146]. Кроме того, им были исследованы особенности фиксации и представления сведений о социальных конфликтах среди кабардинского и балкарского населения региона в данных судебных документах [Абазов 2017а: 37–43]. Иные аспекты, связанные с деятельностью Нальчикского горского словесного суда рассмотрены в других публикациях А.Х. Абазова [Абазов 2013; Абазов 2014б; Абазов 2014в; Абазов 2014г; Абазов 2016б; Абазов, Хачеритлов 2016; Абазов 2017б; Абазов 2017в; Абазов, Байчекуева 2024].

Отдельные вопросы уголовного судопроизводства также рассматриваются рядом исследователей, например, Дабагов, Машуков и Гогия приходят к выводу, что Нальчикский горский словесный суд осуществлял юрисдикцию преимущественно в отношении гражданских и уголовных дел средней тяжести, касающихся исключительно представителей горского населения. Уголовные дела, поступавшие в суд, как правило, имели установленную процедурную форму, включавшую рапорты, прошения, протоколы заседаний и иные элементы документального сопровождения. Авторы подчеркивают, что функция суда не сводилась исключительно к реализации карательных мер. Учитывая практику примирения сторон, в том числе посредством традиционных угощений и обмена дарами, можно заключить, что важной составляющей деятельности Нальчикского горского словесного суда было содействие восстановлению общественного согласия и локальной правовой стабильности через институционализированные формы досудебного или внесудебного урегулирования конфликтов [Дабагов, Машуков, Гогия 2020: 100].

В части гражданского судопроизводства к компетенции горских судов относились споры о движимом имуществе и возмещении убытков до 500 рублей, наследственные дела, иски о владении недвижимостью и другие споры, не основанные на формальных юридических актах. В ряде случаев стороны могли добровольно передать дело в окружной суд до начала разбирательства. Жалобы и

иски подавались устно или письменно, разбирательства проходили публично и устно, а решения немедленно оглашались и фиксировались в журналах суда [Абазов 2014а: 28, 29]. Современная историография достигла результатов в изучении гражданско-правовых аспектов общественной жизни кабардинцев и балкарцев, в частности в рамках обязательственного права. Так, А.Ж. Байчекуева комплексно рассматривает механизмы исполнения долговых обязательств. Байчекуева приходит к выводу, что в традиционном обществе балкарцев долговые обязательства возникали в рамках различных имущественных отношений – от договоров займа и купли-продажи до брачных соглашений. Основной формой ответственности за их нарушение была материальная компенсация, соразмерная ущербу. Исследователь отмечает, что такие механизмы урегулирования споров были характерны и для других сфер общественных отношений, регулируемых нормами обычного права [Байчекуева 2024b: 177]. Также изучаются и иные виды правоотношений, например, М.А. Хагажаев исследует: «некоторые особенности решения имущественных и наследственных споров в горских словесных судах» [Хагажаев 2024: 100].

При этом и в уголовных, и в гражданских делах в рамках горского судопроизводства применялась практика дачи присяги, а именно: «очистительной присяги» [Хасбулатов 2007: 73]. Касаясь самого процесса, необходимо отметить, что М.С. Арсанукаева и Т.Ш. Биттирова исследуют, как во второй половине XIX – начале XX века среди горцев складывался слой присяжных поверенных, получивших хорошее образование, знавших как российское право, так и местные правовые обычаи. Они использовали свои знания для защиты интересов земляков и распространения правовой культуры [Арсанукаева, Биттирова 2015: 30].

Современная историография Нальчикского горского словесного суда демонстрирует явную тенденцию к углублённому и многоплановому осмыслению его деятельности. Важнейшим направлением исследований стало изучение институциональной природы суда, его процессуального устройства, состава, а также характера споров, рассматривавшихся в уголовной и гражданской сферах.

Вторым значимым историографическим фокусом является анализ документооборота суда. А.Х. Абазов, на основе архивных данных, проводит детальное исследование делопроизводственной практики, классифицируя судебные документы, изучая механизмы взаимодействия с местной администрацией и выявляя элементы правовой культуры кабардинцев и балкарцев. Его труды не только реконструируют структуру процессуального материала, но и служат основой для оценки специфики нормотворчества и правоприменения в условиях недавно присоединённого к империи региона.

Особое внимание уделяется уголовной юрисдикции суда. Исследователи, в том числе Дабагов, Машуков и Гогия, подчёркивают не только формальные аспекты процесса, но и традиционные формы примирения сторон, что позволяет трактовать горский суд как механизм поддержания локальной стабильности, а не исключительно как репрессивный инструмент.

Гражданско-правовые отношения также активно исследуются в трудах современных авторов. Так, А.Ж. Байчекуева и М.А. Хагажаев обращаются к вопросам исполнения обязательств, имущественных и наследственных споров,

демонстрируя устойчивость норм обычного права даже в условиях институциональной модернизации.

Интерес к вопросам судебной культуры и правового посредничества прослеживается в работах М.С. Арсанукаевой и Т.Ш. Биттировой, которые рассматривают фигуру присяжного поверенного из среды горцев как важный канал трансляции правовых норм Российской империи в традиционную среду.

Таким образом, историография последних десятилетий предлагает не просто описание функций Нальчикского горского словесного суда, но формирует разнообразные исследовательские подходы, отражающие как внутреннюю сложность самого института, так и его влияние на трансформацию правовых и социальных практик в кабардино-балкарском обществе второй половины XIX – начала XX в.

Особое внимание следует уделить источниковой базе, на которую опираются современные исследователи при изучении деятельности горских словесных судов. В первую очередь это материалы Управления Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики, содержащие значительный массив документации судебных учреждений. Кроме того, используются воспоминания, записки, дневники и иные тексты дореволюционных политических и общественных деятелей, среди которых можно выделить сенатора Н.М. Рейнке [Рейнке 1912] и публициста К.Л. Хетагурова.

Вопросы источниковой базы и её историографического осмысления получают развернутое освещение в недавнем исследовании П.А. Кузьмина и Э.З. Тлостанова, в котором авторы совершают попытку систематизации типов источников, используемых при изучении административно-судебных преобразований в регионе. В частности, ими подчёркивается, что «изучение историографических источников, представленных в дореволюционной историографии, даёт возможность, вслед за А.В. Клименко, разделить корпус историографических источников на ряд групп, расположенных в иерархической последовательности: монографии (книги), сборники документов, статьи, обобщающие труды, рецензии, справочные материалы, документы краеведческих организаций и др.» [Кузьминов, Тлостанов 2024: 227]. Помимо этого, в упомянутой работе подробно рассматриваются вопросы дефиниций историографических фактов и источников, что позволяет авторам с методологической точностью описывать основы историографического анализа административно-судебных реформ, приведших к формированию Нальчикского горского суда.

Также по мнению указанных авторов, Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ) по праву рассматривается как один из ключевых сводов систематизированных нормативных актов, имеющих фундаментальное значение для изучения административно-правовой политики империи на Кавказе. При этом отмечается высокое значение Второго и Третьего собрания законов, которые: «группа кавказоведов, под руководством профессора Д.Ю. Шапсугова, готовит их к изданию» [Кузьминов, Тлостанов 2024: 231].

Отмечается, что отдельного внимания заслуживает комплекс правовых источников, отражающих практическую реализацию государственной политики на местах. К числу таких документов относятся Всеподданнейшие отчёты

наместников Кавказа и главнокомандующих Кавказской армией, отчёты начальников областей, а также правила и инструкции для горских словесных судов, действовавших в указанных регионах. Большая часть этих материалов остаётся неопубликованной и требует профессиональной археографической обработки [Кузьминов, Тлостанов 2024: 232]. Данный корпус документальных источников обладает значительным потенциалом для научного анализа, поскольку открывает широкие возможности для изучения особенностей административно-правовой практики Российской империи на Северном Кавказе. Кроме того, данные источники позволят проанализировать специфику нормативной регламентации в условиях сложного полиэтнического и полиюридического контекста, характерного для кавказского административного пространства.

Таким образом, современные историки комплексно изучают даже самые узкие аспекты функционирования горских словесных судов и их взаимосвязь с общественными отношениями и социокультурными устоями кабардинцев и балкарцев. Такой исследовательский фокус позволяет не только рассматривать особенности жизни этих народов в широком контексте имперской правовой политики и реформ, но и анализировать локальные правовые реалии – через призму характера возникавших споров, способов их разрешения, а также типологии юридических документов, сопровождавших различные стадии судебного разбирательства.

Заключение

Обобщая современные подходы, можно утверждать, что с формированием современной российской исторической науки наблюдается существенный прогресс в изучении Нальчикского горского словесного суда. Это позволило исследователям глубже проникнуть в ключевые аспекты его функционирования, так или иначе отражающие специфику правовой и общественной жизни кабардинцев и балкарцев в конце XIX – начале XX в.

Современные авторы подробно анализируют соотношение применявшихся в суде правовых норм – адата, шариата и российского законодательства, характер рассматриваемых споров, особенности ведения судебной документации, состав суда и пределы его компетенции. Наряду с этим в научной литературе всё чаще встречаются оценки эффективности работы суда и его соответствия задачам правовой интеграции региона. В совокупности это позволяет утверждать, что современная историография даёт комплексный и разносторонний ответ на множество вопросов, связанных с деятельностью Нальчикского горского словесного суда.

Таким образом, за последние три десятилетия сформировалась весьма значительная научная база, посвящённая изучению Нальчикского горского словесного суда. Она включает не только описательные труды, фиксирующие отдельные аспекты функционирования данного института, но и исследования, в которых предлагаются самостоятельные концептуальные подходы к его пониманию и оценке. Эти подходы основаны на стремлении осмыслить суд не только как специфический элемент имперской правовой системы, адаптированной к региональным условиям, но и как институт, оказывавший влияние на социальную и правовую жизнь народов региона в исследуемую эпоху. Нальчикский суд при

этом рассматривается как уникальное выражение административно-правовых реформ Российской империи, в которых переплетались централизованные преобразования и местная специфика.

Всесторонний анализ выработанных в науке концепций требует отдельного, более углублённого исследования. Тем не менее, уже проведённый в данной статье обзор позволяет утверждать, что исследователи подходят к изучению суда с различных теоретико-методологических позиций, по-разному оценивая его функции, роль и правовую природу в контексте исторической эволюции правовых институтов на Северном Кавказе. При этом устойчивый рост интереса к теме и дальнейшее изучение архивных и иных историографических материалов создаёт благоприятные условия для дальнейшего углублённого изучения данного института, проблем его функционирования и вопроса о роли в исторической судьбе и жизни кабардинского и балкарского народов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2013 – *Абазов А.Х.* Материалы Нальчикского горского словесного суда как источник изучения обычного права кабардинцев // Государство и право народов Кавказа: проблемы методологии исследования государственно-правового развития народов Кавказа: Материалы III Международной научно-практической конференции, Нальчик, 21–22 мая 2013 года. – Нальчик: Альтаир, 2013. – С. 138–146.

Абазов 2014а – *Абазов А.Х.* Нальчикский округ в судебной системе Терской области: последняя треть XIX – начало XX в. – Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2014. – 108 с.

Абазов 2013 – *Абазов А.Х.* Материалы Нальчикского горского словесного суда как источник изучения обычного права кабардинцев // Государство и право народов Кавказа: проблемы методологии исследования государственно-правового развития народов Кавказа: Материалы III Международной научно-практической конференции, Нальчик, 21–22 мая 2013 года. – Нальчик: Альтаир, 2013. – С. 138–146.

Абазов 2014б – *Абазов А.Х.* Нальчикский Горский словесный суд в судебной системе Терской области в последней трети XIX – начале XX в // Вопросы истории. – 2014. – № 12. – С. 141–148. – EDN TQCSNB.

Абазов 2014в – *Абазов А.Х.* Некоторые особенности правоприменительной практики в горских судах Терской и Кубанской областей в последней трети XIX – начале XX в // Всеобщая история. – 2014. – № 4. – С. 60–69.

Абазов 2014г – *Абазов А.Х.* О месте и роли третейских судов в судебной системе Кабарды в конце XVIII – XIX вв. // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – № 1. – С. 47–52.

Абазов 2015 – *Абазов А.Х.* Горские словесные суды Терской и Кубанской областей в 1871–1918 гг. // История государства и права. 2015. № 23. С. 58–63.

Абазов 2016а – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. – Нальчик: Печатный двор, 2016. – 264 с.

Абазов 2017а – *Абазов А.Х.* Формы социальных конфликтов у кабардинцев в последней трети XIX – начале XX вв. (на материалах Нальчикского горского словесного суда) // История науки и техники. 2017. № 12. С. 37–43.

Абазов 2022 – *Абазов А.Х.* Документирование деятельности Нальчикского горского словесного суда: делопроизводство и обеспечение внешней коммуникации // Кавказология. 2022. № 4. С. 239–255.

Абазов, Байчекуева 2024 – *Абазов А.Х., Байчекуева А.Ж.* Ортақ и бегенда в системе регулирования имущественных и поземельных отношений балкарского населения Нальчикского округа в начале XX века // Известия СОИГСИ. – 2024. – № 52(91). – С. 62–76. – DOI 10.46698/VNC.2024.91.52.002.

Абазов, Хачеритлов 2016 – *Абазов А.Х., Хачеритлов М.Ж.* Традиционные формы решения споров и конфликтов в судебной системе Терской области в последней трети XIX – начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6-1(68). – С. 13-16.

Арсанукаева, Биттирова 2015 – *Арсанукаева М.С., Биттирова Т.Ш.* Присяжные поверенные из горцев и их роль в развитии правовой культуры народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – начало XX века) // Правовая культура. – 2015. – № 3(22). – С. 30–38.

Байчекуева 2024a – *Байчекуева А.Ж.* К вопросу о возмещении имущественного ущерба, причинённого преступлением, в обычном праве балкарцев в 1870–1917 годы (по материалам Нальчикского горского словесного суда) // Научная мысль Кавказа. – 2024. – № 2(118). – С. 71–79.

Байчекуева 2024b – *Байчекуева А.Ж.* К вопросу об исполнении долговых обязательств в системе регулирования общественных отношений у балкарцев в последней трети XIX – начале XX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 177–187.

Горковец 2010 – *Горковец Н.С.* Нормативная основа судопроизводства горских словесных судов по брачно-семейным делам // Кайгородовские чтения. Материалы региональной научно-практической конференции. Краснодар, 29 апреля 2010 г. Вып. 9–10. – Краснодар: Краснодарский гос. ун-т культуры и искусств, 2010. – С. 16–22.

Дабагов и др. 2020 – *Дабагов Р.Р., Машуков И.А., Гогия А.Р.* Особенности рассмотрения уголовных дел в Нальчикском горском словесном суде: преступления против жизни, здоровья // World Science: Problems and Innovations. Сб. статей XXXIX Междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Пенза, 30 января 2020 г. Ч. 2. – Пенза: Наука и Просвещение, 2020. – С. 98–100.

Калмыков 1995 – *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начало XX вв.). – Нальчик: Эльбрус, 1995. – 126 с.

Карапетян 2009 – *Карапетян Л.А.* Правосудие горских (окружных) словесных судов на Северном Кавказе (70-е гг. XIX – начало XX вв.): к постановке проблемы // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 1. – С. 255–264.

Карапетян 2016 – *Карапетян Л.А.* Временные правила 1870 г. – основа деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей пореформенной России // Вестник Краснодарского государственного института культуры. – 2016. – № 2 (6). – С. 12.

Кобахидзе 2010a – *Кобахидзе Е.И.* Очерк К.Л. Хетагурова "Горский словесный суд" и проблема реорганизации судопроизводства для горцев Северного Кавказа в 70-х гг. XIX – начале XX вв. // Известия СОИГСИ. – 2010. – № 4(43). – С. 37–47.

Кобахидзе 2010b – *Кобахидзе Е.И.* Специфика и итоги реформирования судебной системы на Центральном Кавказе в 60–70-х гг. XIX в. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. – 2010. – № 2. – С. 70–76.

Кудаева 2006 – *Кудаева С.Г.* Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества (XIX в.): дис. ... д-ра ист. наук. – Майкоп, 2006. – 386 с.

Кузьминов 2010 – *Кузьминов П.А.* Российская историография реформ 50–70-х годов XIX века на Северном Кавказе: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. – Майкоп, 2010. – 47 с.

Кузьминов, Тлостанов 2024 – *Кузьминов П.А., Тлостанов Э.З.* Дореволюционные историографические источники об административно-правовой политике России на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв. // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 222–247.

Мальцев 2008 – *Мальцев В.Н.* Политико-юридический аспект реформирования горских судов в Кубанской и Терской областях в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия 1. – 2008. – № 8. – С. 96–108.

Мисриева 2016 – *Мисриева А.Г.* Развитие судопроизводства у горских народов и его роль в укреплении российской административной власти во второй половине XIX века // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 11–8. – С. 24–27.

Прасолов 2016 – *Прасолов Д.Н.* Нальчик и кабардинское общество в XIX – начале XX в. // Уральский исторический вестник. – 2016. – № 3(52). – С. 52–61.

Прасолов 2019 – *Прасолов Д.Н.* Вопросы реорганизации судопроизводства в повестке дня съездов доверенных кабардинцев и балкарцев в последней трети XIX – начале XX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 3. – С. 115–128.

Прасолов 2022 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в политической культуре кабардинцев и балкарцев. – Нальчик: ОНР, 2022. – 240 с.

Рейнке 1912 – *Рейнке Н.М.* Горские и народные суды Кавказского края. – СПб.: Сенат. тип., 1912. – 71 с.

Сайдумов 2010 – *Сайдумов Д.Х.* Сельские аульные и горские словесные суды Терской области: порядок производства и решения дел в сельских судах // Европейский журнал социальных наук. – 2010. – № 3. – С. 132–137.

Урушадзе 2019 – *Урушадзе А.Т.* «Мнимая юстиция»: горские словесные суды и проблема судебно-административного реформирования Кавказского края в материалах ревизии Н.М. Рейнке // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9. – № 4. – С. 914–927.

УЦГА АС КБР– Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

Хагажеев 2023 – *Хагажеев М.А.* К вопросу о деятельности горских словесных судов Терской и Кубанской областей в 1870–1917 гг. в современной историографии // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2023. – № 6(116). – С. 366–374.

Хагажеев 2024 – *Хагажеев М.А.* Некоторые особенности решения имущественных и наследственных споров в горских словесных судах Кубанской и Терской областей в 1871–1918 гг. // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 100–111.

Хасбулатов 2007 – *Хасбулатов А.И.* Суд и судебные реформы в Чечне (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Научная мысль Кавказа. – 2007. – № 1(49). – С. 67–77.

REFERENCES

ABAZOV A.KH. Dokumentirovanie deiatel'nosti Nal'chikskogo gorskogo slovesnogo suda: deloproizvodstvo i obespechenie vneshnei kommunikatsii [Documentation of the Activities of the Nalchik Mountain Verbal Court: Records Management and External Communication]. In: Kavkazologiya. – 2022. – No. 4. – P. 239–255. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. Formy sotsial'nykh konfliktov u kabardintsev v poslednei treti XIX – nachale XX vv. (na materialakh Nal'chikskogo gorskogo slovesnogo suda) [Forms of Social Conflicts among the Kabardians in the Last Third of the 19th – Early 20th Centuries (Based on Materials of the Nalchik Mountain Verbal Court)]. In: Istoriia nauki i tekhniki. – 2017. – No. 12. – P. 37–43. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. Gorskie slovesnye sudy Terskoi i Kubanskoi oblasti v 1871–1918 gg. [Mountain Verbal Courts of the Terek and Kuban Regions in 1871–1918]. In: Istoriia gosudarstva i prava. – 2015. – No. 23. – P. 58–63. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. Nal'chikskii okrug v sudebnoi sisteme Terskoi oblasti: posledniaia tret' XIX – nachalo XX v. [Nalchik District in the Judicial System of the Terek Region: The Last Third of the 19th – Early 20th Century]. – Nalchik: IGI KBNTS RAN, 2014. – 108 p. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX v. [Peoples of the Central Caucasus in the Judicial System of the Russian Empire at the End of the 18th – Early 20th Century]. – Nalchik: Pechatnyi dvor, 2016. – 264 p. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. Materialy` Nal'chikskogo gorskogo slovesnogo suda kak istochnik izucheniya oby`chnogo prava kabardincev [Materials of the Nalchik Mountain Verbal Court as a Source of the Study of the Customary Law of the Kabardians]. In: Gosudarstvo i pravo narodov Kavkaza: problemy` metodologii issledovaniya gosudarstvenno-pravovogo razvitiya narodov Kavkaza: Materialy` III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Nal'chik, 21–22 maya 2013 goda. – Nal'chik: Al'tair, 2013. – P. 138–146. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Nal'chikskij Gorskij slovesnyj sud v sudebnoj sisteme Terskoj oblasti v poslednej treti XIX – nachale XX v* [The Nalchik Mountain Verbal Court in the Judicial System of the Terek Region in the Last Third of the 19th – Early 20th Centuries]. In: *Voprosy istorii*. – 2014. – № 12. – P. 141-148. – EDN TQCSNB. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Nekotorye osobennosti pravoprimeritel'noj praktiki v gorskix sudax Terskoj i Kubanskoj oblastej v poslednej treti XIX – nachale XX v* [Some Peculiarities of Law Enforcement Practice in the Mountain Courts of the Terek and Kuban Regions in the Last Third of the 19th – Early 20th Centuries.]. In: *Vseobshhaya istoriya*. – 2014. – № 4. – P. 60-69. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *O meste i roli tretejskix sudov v sudebnoj sisteme Kabardy v konce XVIII – XIX vv.* [On the place and role of arbitration courts in the judicial system of Kabarda in the late 18th and 19th centuries]. In: *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik*. – 2014. – № 1. – P. 47-52. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Tradicionnyye praktiki resheniya sporov i konfliktov u kabardincev i balkarcev v usloviyax integracii v pravovoe prostranstvo Rossijskoj imperii v konce XVIII – nachale XX veka* [Traditional practices of resolving disputes and conflicts among the Kabardians and Balkars in the context of integration into the legal space of the Russian Empire in the late 18th and early 20th centuries]. In: *Vestnik vosstanovitel'noj yusticii*. – 2016. – № 13. – P. 80-87. – EDN XCLFFX. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Deloproizvodstvennyye istochniki po istorii sudebnyx preobrazovanij na Central'nom Kavkaze v konce XVIII – nachale XX veka* [Administrative sources on the history of judicial reforms in the Central Caucasus in the late 18th and early 20th centuries]. In: *Kavkazskij sbornik*. Tom 10 (42). – Moskva: «Aspekt Press», 2017. – P. 62-73. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Narody Central'nogo Kavkaza v politiko-pravovom prostranstve Rossijskoj imperii: sudebnyye preobrazovaniya konca XVIII – nachala XX v.* [The Peoples of the Central Caucasus in the Political and Legal Space of the Russian Empire: Judicial Reforms of the Late 18th and Early 20th Centuries]: diss. d-ra ist. n-k. – Nal'chik, 2017. – 505 p. (In Russ.).

ABAZOV A.KH, BAJCHEKUEVA A.ZH. *Ortak i begenda v sisteme regulirovaniya imushchestvennyx i pozemel'nyx otnoshenij balkarskogo naseleniya Nal'chikskogo okruga v nachale XX veka* [Ortak and Begenda in the System of Regulating Property and Land Relations of the Balkar Population of the Nalchik District in the Early 20th Century]. In: *Izvestiya SOIGSI*. – 2024. – № 52(91). – P. 62-76. – DOI 10.46698/VNC.2024.91.52.002. (In Russ.).

ABAZOV A.KH, XACHERITLOV M.ZH. *Tradicionnyye formy resheniya sporov i konfliktov v sudebnoj sisteme Terskoj oblasti v poslednej treti XIX – nachale XX v.* [Traditional Forms of Resolving Disputes and Conflicts in the Judicial System of the Terek Region in the Last Third of the 19th and Early 20th Centuries]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. – 2016. – № 6-1(68). – P. 13-16. (In Russ.).

ARSANUKAEVA M.S., BITTIROVA T.SH. *Prisiazhnye poverennye iz gortsev i ikh rol' v razvitii pravovoi kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (vtoraia polovina XIX – nachalo XX veka)* [Sworn Attorneys from among the Highlanders and Their Role in the Development of Legal Culture of Peoples of the North Caucasus (Second Half of the 19th – Early 20th Century)]. In: *Pravovaia kul'tura*. – 2015. – No. 3(22). – P. 30–38. (In Russ.).

BAICHEKUEVA A.ZH. *K voprosu ob ispolnenii dolgovoikh objazatel'stv v sisteme regulirovaniia obshchestvennykh otnoshenii u balkartsev v poslednei treti XIX – nachale XX veka* [On the Execution of Debt Obligations in the System of Regulating Social Relations among the Balkars in the Late 19th – Early 20th Century]. In: *Kavkazologiya*. – 2024. – No. 2. – P. 177–187. (In Russ.).

BAICHEKUEVA A.ZH. *K voprosu o vozmeshchenii imushchestvennogo ushcherba, prichinennogo prestupleniem, v obychnom prave balkartsev v 1870–1917 gody (po materialam Nal'chikskogo gorskogo slovesnogo suda)* [On the Issue of Compensation for Property Damage Caused by a Crime in the Customary Law of the Balkars in 1870–1917 (Based on Materials of the Nalchik Mountain Verbal Court)]. In: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. – 2024. – No. 2(118). – P. 71–79. (In Russ.).

DABAGOV R.R., MASHUKOV I.A., GOGIA A.R. Osobennosti rassmotreniia ugovnykh del v Nal'chikskom gorskom slovesnom sude: prestupleniia protiv zhizni, zdorov'ia [Features of Criminal Case Consideration in the Nalchik Mountain Verbal Court: Crimes Against Life and Health]. In: World Science: Problems and Innovations. Proceedings of the 39th International Scientific-Practical Conference. Part 2. – Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2020. – P. 98–100. (In Russ.).

GORKOVETS N.S. Normativnaia osnova sudoproizvodstva gorskikh slovesnykh sudov po brachno-semeinym delam [Normative Basis of Mountain Verbal Courts in Marital and Family Disputes]. In: Kaigorodovskie chteniia. Materials of the Regional Scientific-Practical Conference. Krasnodar, April 29, 2010. Issue 9–10. – Krasnodar: Krasnodar State University of Culture and Arts, 2010. – P. 16–22. (In Russ.).

KALMYKOV ZH.A. Ustanovlenie russkoi administratsii v Kabarde i Balkarii (konets XVIII – nachalo XX vv.) [Establishment of Russian Administration in Kabarda and Balkaria (Late 18th – Early 20th Centuries)]. – Nalchik: Elbrus, 1995. – 126 p. (In Russ.).

KARAPETIAN L.A. Pravosudie gorskikh (okruzhnykh) slovesnykh sudov na Severnom Kavkaze (70-e gg. XIX – nachalo XX vv.): k postanovke problemy [Justice of Mountain (District) Verbal Courts in the North Caucasus (1870s – Early 20th Century): Problem Statement]. In: Rossiiskii kriminologicheskii vzgliad. – 2009. – No. 1. – P. 255–264. (In Russ.).

KARAPETIAN L.A. Vremennye pravila 1870 g. – osnova deiatel'nosti gorskikh slovesnykh sudov Kubanskoi i Terskoi oblasti poreformennoi Rossii [Temporary Rules of 1870 – Foundation of the Activities of Mountain Verbal Courts in the Kuban and Terek Regions of Post-Reform Russia]. In: Vestnik Krasnodarskogo gosudarstvennogo instituta kultury. – 2016. – No. 2(6). – P. 12. (In Russ.).

KHAGAZHEEV M.A. K voprosu o deiatel'nosti gorskikh slovesnykh sudov Terskoi i Kubanskoi oblasti v 1870–1917 gg. v sovremennoi istoriografii [On the Issue of Activities of the Mountain Verbal Courts of the Terek and Kuban Regions in 1870–1917 in Modern Historiography]. In: Izvestiia Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. – 2023. – No. 6(116). – P. 366–374. (In Russ.).

KHAGAZHEEV M.A. Nekotorye osobennosti resheniia imushchestvennykh i nasledstvennykh sporov v gorskikh slovesnykh sudakh Kubanskoi i Terskoi oblasti v 1871–1918 gg. [Some Features of Resolving Property and Inheritance Disputes in Mountain Verbal Courts of the Kuban and Terek Regions in 1871–1918]. In: Doklady Adygskoi (Cherkesskoi) Mezhdunarodnoi akademii nauk. – 2024. – Vol. 24, No. 1. – P. 100–111. (In Russ.).

KHASBULATOV A.I. Sud i sudebnye reformy v Chechne (vtoraia polovina XIX – nachalo XX vv.) [Court and Judicial Reforms in Chechnya (Second Half of the 19th – Early 20th Century)]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2007. – No. 1(49). – P. 67–77. (In Russ.).

KOBAKHIDZE E.I. b Spetsifika i itogi reformirovaniia sudebnoi sistemy na Tsentral'nom Kavkaze v 60–70-kh gg. XIX v. [Specifics and Results of Judicial System Reforms in the Central Caucasus in the 1860s–1870s]. In: Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova. – 2010. – No. 2. – P. 70–76. EDN MSUAIL. (In Russ.).

KOBAKHIDZE E.I. Ocherk K.L. Khetagurova "Gorskii slovesnyi sud" i problema reorganizatsii sudoproizvodstva dlia gortsev Severnogo Kavkaza v 70-kh gg. XIX – nachale XX vv. [K.L. Khetagurov's Essay "Mountain Verbal Court" and the Problem of Judicial Reorganization for the Highlanders of the North Caucasus in the 1870s – Early 20th Century]. In: Izvestiia SOIGSI. – 2010. – No. 4(43). – P. 37–47. (In Russ.).

KUDAEVA S.G. Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygskogo obshchestva (XIX v.) [The Adyghes (Circassians) of the Northwestern Caucasus: Processes of Transformation and Differentiation of Adyghe Society (19th Century)]. Doctoral diss. – Maikop, 2006. – 386 p. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A. Rossiiskaia istoriografiia reform 50–70-kh godov XIX veka na Severnom Kavkaze: avtoref. diss. ... d-ra ist. nauk [Russian Historiography of the Reforms of the 1850s–1870s in the North Caucasus: Doctoral Dissertation Abstract]. – Maikop, 2010. – 47 p. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A., TLOSTANOV E.Z. Dorevoliutsionnye istoriograficheskie istochniki ob administrativno-pravovoi politike Rossii na Severnom Kavkaze vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Pre-Revolutionary Historiographical Sources on Russia's Administrative and Legal Policy in the North Caucasus in the Late 19th – Early 20th Centuries]. In: Kavkazologiya. – 2024. – No. 2. – P. 222–247. (In Russ.).

MALTSEV V.N. Politiko-iuridicheskii aspekt reformirovaniia gorskikh sudov v Kubanskoi i Terskoi oblastiakh v kontse 60-kh – nachale 70-kh gg. XIX v. [Political and Legal Aspect of the Reform of Mountain Courts in the Kuban and Terek Regions in the Late 1860s – Early 1870s]. In: Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. – Seriya 1. – 2008. – No. 8. – P. 96–108. (In Russ.).

MISRIEVA A.G. Razvitie sudoproizvodstva u gorskikh narodov i ego rol' v ukreplenii rossiiskoi administrativnoi vlasti vo vtoroi polovine XIX veka [Development of Legal Proceedings among the Highland Peoples and Its Role in Strengthening Russian Administrative Power in the Second Half of the 19th Century]. In: Sovremennye tendentsii razvitiia nauki i tekhnologii. – 2016. – No. 11–8. – P. 24–27. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. Nal'chik i kabardinskoe obshchestvo v XIX – nachale XX v. [Nalchik and Kabardian Society in the 19th – Early 20th Century]. In: Uralskii istoricheskii vestnik. – 2016. – No. 3(52). – P. 52–61. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. S"ezdy doverennykh v politicheskoi kul'ture kabardintsev i balkartsev [Congresses of Entrusted Representatives in the Political Culture of Kabardians and Balkars]. – Nalchik: OPR, 2022. – 240 p. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. Voprosy reorganizatsii sudoproizvodstva v povestke dnia s"ezdov doverennykh kabardintsev i balkartsev v poslednei treti XIX – nachale XX v. [Issues of Reorganization of Judicial Proceedings on the Agenda of Congresses of Entrusted Kabardians and Balkars in the Last Third of the 19th – Early 20th Century]. In: Kavkazologiya. – 2019. – No. 3. – P. 115–128. (In Russ.).

REINKE N.M. Gorskie i narodnye sudy Kavkazskogo kraia [Highland and Popular Courts of the Caucasus Region]. – St. Petersburg: Senate Typography, 1912. – 71 p. (In Russ.).

SAIDUMOV D.KH. Sel'skie aul'nye i gorskie slovesnye sudy Terskoi oblasti: poriadok proizvodstva i resheniia del v sel'skikh sudakh [Village Aul and Mountain Verbal Courts in the Terek Region: Order of Proceedings and Resolution of Cases in Village Courts]. In: Evropeiskii zhurnal sotsial'nykh nauk. – 2010. – No. 3. – P. 132–137. (In Russ.).

URUSHADZE A.T. «Mnimaya yustitsiia»: gorskie slovesnye sudy i problema sudebno-administrativnogo reformirovaniia Kavkazskogo kraia v materialakh revizii N.M. Reinke ["Imaginary Justice": Mountain Verbal Courts and the Problem of Judicial and Administrative Reform of the Caucasus Region in the Materials of the Revision by N.M. Reinke]. In: Noveishaia istoriia Rossii. – 2019. – Vol. 9. – No. 4. – P. 914–927. (In Russ.).

Сведения об авторе:

А.А. Жерештиев – старший преподаватель.

Information about the author

A.A. Zhereshtiev – senior lecturer

Статья поступила в редакцию 31.08.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 31.08.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Научная статья
УДК 94(520).032.3/.4
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-267-284
EDN: MKZDTV

ИНСТИТУТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ОТРАЖЕНИИ ДОНСКОЙ ПРЕССЫ 1914 ГОДА

Александр Сергеевич Слепцов

Европейский университет в г. Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия,
a.sleptsov@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1438-4232>

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы репрезентации институтов государственной власти Российской империи в газетах Области Войска Донского в 1914 г. Основной фокус исследования направлен на анализ восприятия императора, Государственного совета, Государственной думы, а также Ставки Верховного главнокомандующего накануне Первой мировой войны и в первые месяцы после начала конфликта.

Региональный фокус обусловлен спецификой рассматриваемой территории. Область Войска Донского включала помимо традиционных казачьих сельскохозяйственных районов, развитые промышленные центры, такие как Ростов-на-Дону, Таганрог, Нахичевань-на-Дону и др., в которых концентрировалась буржуазия и интеллигенция. В ситуации ограниченной политической активности населения именно городские слои были заинтересованы в получении представительства в государственных институтах власти. Основным рупором буржуазии и интеллигенции являлись периодические печатные издания. Большинство из них в ОВД к 1914 г. имели умеренно-либеральную направленность, что показывает значительный дисбаланс в публичном поле Донской области.

В статье рассмотрены материалы наиболее тиражируемых газет региона, на страницах которых в условиях военного конфликта отражалась динамика в изменении отношения к государственным институтам власти в разные периоды 1914 г. Автор делает вывод, что в предвоенное время донская пресса воспринимала политическую ситуацию как кризисную, а после начала конфликта, несмотря на патриотическую риторику, сохраняла надежду на политические реформы.

Ключевые слова: периодические издания, Область Войска Донского, Первая мировая война, институты государственной власти.

Для цитирования: Слепцов А.С. Институты государственной власти в отражении донской прессы 1914 года // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 267-284. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-267-284. EDN: MKZDTV.

© Слепцов А.С., 2025

Original article

STATE INSTITUTIONS IN THE DON PRESS IN 1914

Alexander S. Sleptsov

European University in St. Petersburg, St. Petersburg, Russia,
a.sleptsov@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1438-4232>

Abstract. The article examines the representation of state institutions in the Don newspapers in 1914. The main focus is on the perception of the emperor and the royal family, the State Council, the State Duma, and the Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief before the war and in the early months of the conflict.

The regional focus is determined by the specific characteristics of the region. In addition to the traditional Cossack population, the Don Cossack Host included developed industrial centers such as Rostov-On-Don, Taganrog, Nakhichevan-On-Don, and others, where the bourgeoisie and intelligentsia were concentrated. In a situation of limited political participation, it was the urban strata that were motivated to gain political representation. The main voice of the bourgeoisie and intelligentsia was provided by periodicals. By 1914, most newspapers in the region followed a moderate-liberal agenda, indicating a significant imbalance in the print media of the Don Cossack Host.

The article examines the most widely circulated newspapers in the regions, on the pages of which attitudes towards state institutions of power changed during the military conflict. The main goal: to trace the dynamics of perception in different periods of 1914. The author concludes that in the pre-war period, the Don press perceived the political situation as a crisis. The outbreak of war, despite patriotic rhetoric, brought with it expectations of political reforms.

Keywords: periodicals, newspaper, Donskoy Army region, World War I, perception of power.

For citation: Sleptsov A.S. State institutions in the don press in 1914. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 267-284. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-267-284. EDN: MKZDTV.

© Sleptsov A.S., 2025

Введение

В современной исторической науке наблюдается новый всплеск интереса к изучению истории взаимоотношений между властью и обществом в условиях внутри- и внешнеполитических кризисов. Исследователи все чаще обращаются к анализу политического языка [Соловьев 2018; Слова и конфликты... 2022], процессов конструирования образов власти [Колоницкий 2010; Колоницкий 2012; Аксенов 2020] и трансформации публичного дискурса в периодической печати в периоды нестабильности [Гайда 2016; Котов 2023]. Эти подходы позволяют проследить, каким образом менялись структуры общественного взаимодействия и какие формы коммуникации между государством и обществом возникали в ответ на кризисные вызовы. Исследования, основанные на региональном материале, также представлены в научной литературе в значительном количестве [Терешина 2009; Шмакова 2014; Агапов 2015]. Однако их фокус зачастую остается фрагментарным. Область Войска Донского (далее ОВД) не подвергалась осмыслению в контексте реакции местного сообщества на события Первой мировой войны. До сих пор остается недостаточно изученным вопрос о том, каким образом представители политически активной части населения – члены политических партий, редакторы, корреспонденты и публицисты – воспринимали и репрезентировали институты государственной власти на страницах региональных периодических изданий.

Под «властью» в данной статье понимаются представители императорской фамилии, высокопоставленные государственные чиновники, члены государственных институций, чьи действия, решения и риторика определяли официальную линию правительственной политики, а под «обществом» – образованная

часть населения, чьи взгляды и настроения находили отражение в газетах и формировали публичный дискурс [Понятия о России 2011: 448].

Начало Первой мировой войны представляет собой качественно новый этап в развитии взаимоотношений между государственной властью и обществом. В основу настоящего исследования положено аналитическое противопоставление указанных категорий. Выбор подобной бинарной оптики обусловлен эмпирическим материалом. Именно такое противопоставление воспроизводилось самими участниками публичного дискурса, прежде всего в донских умеренно-либеральных изданиях. Подобный подход находит обоснование в работах П. Холквиста, который, анализируя политическую культуру накануне Первой мировой войны, указывал на формирование в среде городской интеллигенции особой модели политического самосознания. Она предполагала осмысление себя как выразителя интересов народа. В первую очередь малограмотных или исключенных из политического представительства социальных групп и одновременно как противостоящей самодержавной власти силы, претендующей на роль посредника в выстраивании нового общественного порядка [Holquist 2002: 13–14]. П. Холквист отмечает, что в отличие от периода русско-японской войны, когда характер взаимодействия между властью и обществом носил преимущественно конфронтационный и оппозиционный характер, с 1914 г. прослеживается формирование модели ограниченного сотрудничества между определенными сегментами общественности и государственными структурами [Holquist 2002: 46]. Речь идет, прежде всего, о либерально ориентированной городской элите, стремившейся к институционализации своей политической субъектности в условиях чрезвычайного времени. Обозначенный процесс нашел выражение в создании новых элементов общественно-государственного взаимодействия – Всероссийский земский союз (ВЗС) и Всероссийский городской союз (ВГС), учрежденных по инициативе Московской городской думы при активном участии представителей кадетской партии [Российский либерализм 2010: 331, 876]. Эти структуры выступили в качестве посредника между органами имперской администрации и обществом, демонстрируя попытку адаптации элементов либеральной повестки к условиям, когда не только военные, но и гражданские ресурсы оказались подвергнуты мобилизации.

Для донского региона тенденции обрести свою политическую субъектность имели особое значение прежде всего в среде зажиточных городских слоев. Наиболее промышленно развитые центры вошли в состав региона только в конце XIX в. После административной реформы 1887 г. в состав ОВД были включены крупные города Таганрог, Ростов-на-Дону и Нахичевань-на-Дону, в которых к началу XX в. сформировалось городское население, объединявшее как экономически влиятельные круги фабрикантов, так и широкие массы промышленного пролетариата [Высочайшее утвержденное ... 1889: 234]. К 1914 г. в регионе не функционировал институт земства, отмененный в 1882 г. Основным каналом политического участия в жизни страны были выборы в Государственную думу. От донского региона большинство депутатов было представлено членами Партии народной свободы (в Думе III созыва – 6 из 12, IV созыва – 8 из 12).

Хронологический фокус исследования – 1914 г. выбран не случайно. Это рубеж между периодом относительной политической стабильности и началом масштабных трансформаций, вызванных вступлением Российской империи в Первую мировую войну. Особое внимание в статье уделяется тому, как в условиях нарастания внешнеполитической напряженности формировались различные представления о власти в публичном поле донской периодической печати.

Газеты с максимальным тиражом и выходили в Ростове-на-Дону, в связи с чем именно там были сосредоточены цензурные органы. На момент 1914 г. Комитет по делам печати возглавлял В.А. Канский, а с началом Первой мировой войны он принял на себя обязанности и военного цензора [РГИА. Ф. 776. Оп. 22. 1912. Д. 283. Л. 149 об. – 152]. С 20 июля 1914 г. на территории Российской империи стали действовать временные меры по проверке печати, телеграфных сообщений и др. ОВД введена система частичной цензуры, что означало просмотр только международной корреспонденции и в отдельных случаях внутренних почтовых отправлений и телеграмм [Временное положение ... 1914].

К 1914 г. большинство легальных и наиболее цитируемых газет региона принадлежало крупным промышленникам, которые, пусть и не всегда напрямую выражали свои взгляды, но фактически определяли содержание и тональность публикуемых материалов.

Правая пресса к этому времени утратила самостоятельность: издание «Ростовский листок», сохраняя формальное присутствие политических тем, избегало аналитических комментариев и ограничивалось пересказом агентских новостей. Это во многом объяснялось общим кризисом правых сил в Российской империи [Гайда 2016: 300]. На Дону ситуация имела выраженную региональную специфику: националистическая риторика не получала широкой поддержки, поскольку казачество занимало особую позицию в национальном вопросе, проявляя настороженность прежде всего по отношению к переселенцам из внутренних губерний, а не к национальным меньшинствам [Корниенко 2013: 183]. Независимая казачья газета «Голос казачества» прекратила свое существование в январе 1914 г. [Корниенко 2013: 210].

Группа социал-революционеров к этому моменту не имела своей газеты в регионе и выпускала только листовки, а социал-демократы зачастую примыкали к существующим умеренно-либеральным изданиям [РГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 442. Л. 7–9]. Таким образом, в сфере периодической печати региональные политические силы оказались представлены неравномерно – основную роль в освещении общественно-политических процессов играли издания либерального направления. Дополняли их официальные правительственные газеты.

Газеты, рассмотренные в данной статье выбраны по следующим критериям. Во-первых, в 1914 г. в регионе выходило 24 газеты [Руманова 1963: 64–65]. Печатное дело было довольно рискованным и затратным занятием, поэтому зачастую издания довольно быстро закрывались или медлили с выпуском новых материалов из-за финансовых трудностей. В связи с чем были выбраны наиболее популярные газеты, которые регулярно выходили в данный период. Во-вторых, часто небольшие редакции занимались перепечатыванием столичных новостей, самостоятельно не рефлексировав над происходящим на страницах периодических

изданий. Поэтому были выбраны газеты, которые публиковали свои собственные материалы на основе, которых можно проанализировать восприятие государственных институтов. Руководствуясь двумя критериями, были выбраны следующие издания.

Одним из наиболее влиятельных либеральных изданий региона стала газета «Приазовский край», которая выходила в г. Ростове-на-Дону с 1891 по 1920 гг. Она существовала на деньги Донского акционерного общества печатного издательского дела, правление которого возглавляли табачный фабрикант Я.С. Кушнareв, горнопромышленник Г.И. Шушпанов, купцы П.Е. Хатранов, Е.Г. Кундури, К.Д. Дхсамзнтиди¹. Газета «Приазовский край» являлась наиболее популярной в ОВД. Ее ежедневный средний тираж составлял в 1914 г. – 14 751 экземпляров (из них было продано в Ростове-на-Дону – 44,5 %) [Воронцова 1994: 19]. Газета не имела формальной партийной принадлежности, однако была либерально ориентированной. Как отмечено в указателе дореволюционных донских изданий: «придерживалась умеренного буржуазно-либерального направления. В годы первой революции и столыпинской реакции – рупор кадетской партии»².

Схожей направленности была газета «Утро юга», которая также выходила в г. Ростове-на-Дону с 1913 по 1915 гг. Данное издание существовало на деньги «Издательского товарищества Обновление», правление которого возглавляли Василий Владимирович Асмолов (журналист, впоследствии председатель донского союза журналистов) и Владимир Владимирович Асмолов (фабрикант). В 1914 г. редакторами были Василий Владимирович Асмолов и мещанин П. И. Марченко [РГИА. Ф. 776. Оп. 17. 1912 г. Д. 630. Л. 1-1об.]. Газета «Утро Юга» официально заявляла о своей беспартийности, однако, как и «Приазовский край», придерживалась буржуазно-либеральной взглядов. Она неоднократно подвергалась штрафам за клевету и критику в адрес властей, в результате чего в 1915 г. была закрыта по распоряжению региональных административных органов.

Параллельно с ростовскими изданиями с 1905 по 1916 гг. в г. Новочеркасске выходила газета «Донская жизнь», редактором которой был А.И. Шепкалов, ранее возглавлявший закрытую в 1905 г. «Донскую речь» [РГИА. Ф. 776. Оп. 15. Д. 152. Л. 1]. Официально газета оставалась беспартийной, однако во многом продолжала линию прежней кадетской редакции³.

Отдельного упоминания заслуживает и другой центр публицистической активности – посад Азов, где с 1913 по 1914 гг. издавалась газета «Эхо Азова». Ее идейными вдохновителями были М.И. Мирко (учитель) и депутат II Государственной Думы (входил в трудовую группу) И.И. Ушаков. Официально газета была беспартийной. Закрыта в 1914 г. по распоряжению градоначальника за распространение ложных сведений, касающихся должностных лиц [РГИА. Ф. 776. Оп. 17 Д. 449. Л. 8–10].

¹ Периодические издания дореволюционного Дона // Донская государственная публичная библиотека URL: <http://www.donvrem.dspl.ru/archPeriodikaArtText.aspx?pid=1&id=63> (дата обращения: 28.08.2025).

² Периодические издания дореволюционного Дона // Донская государственная публичная библиотека URL: <http://www.donvrem.dspl.ru/archPeriodikaArtText.aspx?pid=1&id=63> (дата обращения: 28.08.2025).

³ Периодические издания дореволюционного Дона // Донская государственная публичная библиотека URL: <http://www.donvrem.dspl.ru/archPeriodikaArtText.aspx?pid=1&id=25> (дата обращения: 28.08.2025).

Среди правительственных изданий ОВД особое место занимала газета «Донские областные ведомости», выходившая в г. Новочеркасске с 1839 по 1917 гг. Она являлась официальным органом донской администрации, где публиковались правительственные распоряжения, указы и хроники. Издание делилось на две части: официальную, где печатались распоряжения центральных и местных властей, и неофициальную, в которой обсуждались вопросы экономики, политики и другие темы¹. В период с 1909 по 1914 гг. неофициальная часть стала площадкой для дискуссий между различными националистическими течениями, включая общеимперский (Х.И. Попов) и казачий (С.А. Холмский) дискурсы [Корниенко 2013: 200–201]. В 1914 г. редактором официальной части «Донских областных ведомостей» был назначен П.И. Севастьянов, ранее возглавлявший газету «Подъем» – печатный орган автономного отдела Ростовского общества 17 октября [Ахмадулин, Станько 2014: 247–248]. Неофициальную часть издания в это же время курировал С.А. Холмский. Однако уже с мая того же года руководство обеими частями газеты сосредоточилось в руках Севастьянова, что отразилось на общем редакционном курсе и стилистике издания.

Большинство представленных материалов – это редакционные статьи, которые располагались в самом начале номера. Поэтому авторство зачастую не указывалось в конце статьи.

Отношение к институтам государственной власти в донской прессе в январе-июне 1914 г.

В начале 1914 г. политическая ситуация в России была напряженной и неопределенной. Результаты выборов в IV Государственную думу оказались противоречивыми, не позволив сформировать четкое большинство. Это ослабило авторитет Думы в обществе. Раскол в кадетской партии, разделенной на правых, левых и центристов, еще больше дестабилизировал либеральный лагерь. В то же время прогрессисты начали набирать силу, используя растущее недовольство внутри октябрьского крыла. Правительство игнорировало Государственную думу и отказывалось обсуждать бюджет, что привело к «министерской забастовке». Эти действия, по справедливому утверждению Ф.А. Гайды, показывали стремление Николая II и его окружения укрепить старую систему власти, отказываясь от элементов конституционной монархии [Гайда 2016: 292, 297, 301–303].

В январе 1914 г. донские газеты, такие как «Донская жизнь» и «Приазовский край», традиционно подводили политические итоги прошедшего года и делали прогнозы на предстоящий. В статьях авторы подчеркивали рост политического противостояния в обществе, особенно после выборов в IV Государственную думу, которые «отразились на усилении оппозиционного настроения в стране и обнаружили недовольство даже умеренного обывателя» [Донская жизнь: 1 января 1914 г. № 1]. Однако, несмотря на это, ожидания от власти были скорее пессимистичными: «в области внутренней политики не обнаружилось намерения идти навстречу общественности» [Донская жизнь: 1 января 1914 г. № 1].

¹ Периодические издания дореволюционного Дона // Донская государственная публичная библиотека URL: <http://www.donvrem.dspl.ru/archPeriodikaArtText.aspx?pid=1&id=30> (дата обращения: 04.08.2025).

Образы, создаваемые газетами, были наполнены разочарованием и скепсисом. Государственная дума описывалась как институт, который «не мог наладить свой центр» и был раздираем противоречиями между правительством и обществом. При этом газетчики отмечали, что «надежда на уступки со стороны власти имеет мало шансов на осуществление» [Донская жизнь: 1 января 1914 г. № 1]. В то же время в «Приазовском крае» звучали более оптимистичные ноты, связанные с ростом гражданской активности (съезды, кооперативы) как основы для будущей «буржуазно-демократической России» [Приазовский край: 4 января 1914 г. № 3]. Оптимизм вызывали не государственные институты, а самоорганизация общества, хотя перспективы таких изменений оценивались сдержанно.

Смена председателя Совета министров в донских газетах освещалась по следующему принципу. В первую очередь интересовали не институция в целом, а конкретные политические деятели. Отставка В.Н. Коковцова 30 января 1914 г. и назначение на его место И.Л. Горемыкина лишь усилили ощущение политического застоя. Обозначенная кадровая перестановка была воспринята как симптом углубляющегося кризиса власти: фигура 76-летнего премьера, воспринималась неоднозначно. С одной стороны, он был известен своими либеральными инициативами 1890-х гг., но с другой, что более важно, роспуском I Государственной думы в 1906 г. Именно последнее чаще припоминали И.Л. Горемыкину, что стало для газет символом противоречивого курса правительства [Гайда 2016: 323–325]. В «Донской жизни» писали: «от Горемыкина, учитывая его возраст и консервативные взгляды, не ожидается значительных перемен» [Донская жизнь: 5 февраля 1914 г. № 29].

В газете «Утро Юга» отмечалось, что правительство продолжает проводить политику, которая «отрицательно и определенно говорит о беспочвенных стремлениях, порою совсем чуждых тем заветам и историческим устоям, которыми росла и крепла Россия» [Утро юга: 8 марта 1914 г. № 57]. Хотя официальный рескрипт представлял назначение как «развитие государственной жизни», тон публикации выдавал сомнения журналистов. Ироничная фраза: «Никто не будет удивлен характером деятельности правительства» – звучала как скрытая критика, подчеркивавшая предсказуемость и шаблонность нового курса [Утро юга: 8 марта 1914 г. № 57].

Анализ газетных публикаций свидетельствует, что авторы часто использовали завуалированные формы критики. Однако подобные аналитические статьи составляли лишь небольшую часть газетного контента. Основной корпус текстов носил информационно-новостной характер – краткие телеграфные сводки о заседаниях правительственных органов и законодательных учреждений, практически лишенные оценочной составляющей и глубокой интерпретации происходящих событий.

Отношение к Государственной думе, отраженное в донских газетах, можно характеризовать в двух основных аспектах. Во-первых, государственный орган зачастую персонифицировался через деятельность ключевых депутатов, а во-вторых, воспринимался как институт оппозиции по отношению к правительственному курсу. В контексте второго тезиса интересно отношение донских газетчиков весной 1914 г. к Государственной думе.

Институт подвергался резкой критике как неэффективный. В «Эхо Азова» подчеркивали его неспособность решать насущные вопросы и указывали на то, что Дума «ничего решительно сделать не может» и ее существование оправдано лишь как оппозиция, а не как законодательный орган» [Эхо Азова: 20 апреля 1914 г. № 33]. Особенно показательна формулировка: «Дума не нужна, но нужна оппозиция», отражавшая восприятие парламента скорее, как символа сопротивления, чем реального законодательного органа [Эхо Азова: 20 апреля 1914 г. № 33]. Так, например, «Приазовский край» указывал на утрату Думой своей ценности в глазах общества. В газете писали, что даже умеренная оппозиция готова идти на конфликты с властью, так как сохранение статус-кво больше не представляется целесообразным. Вместо этого предлагалось сосредоточиться на ярком выражении разногласий с бюрократией, что могло бы оправдать даже такие радикальные меры, как роспуск Думы» [Приазовский край: 6 февраля 1914 г. № 31].

Скептицизм, вызванный назначением нового председателя Совета министров, привел к обсуждению неэффективности Думы, причем отмечалось, что несмотря на все трудности, только этот институт мог наладить диалог между властью и обществом. В «Донской жизни» писали: «а между тем Дума, и только Дума, проявляющаяся пока все-таки ярче независимостью суждений и действий и имеющая возможность путем печати сближаться с населением, может организовать вокруг себя русские общественные силы, может дать толчок активному отношению к жизни» [Донская жизнь: 5 февраля 1914 г. № 29]. В газетах описывали политическую жизнь как «нерадостную картину», где страна пребывает в состоянии застоя, а политические институты не способны сдвинуть ситуацию с мертвой точки.

Подобный кризис восприятия касался не только Думы, но и других государственных институтов – от консервативного Государственного совета до Совета министров, обвиняемого в нежелании идти на компромиссы. Выход из тупика, однако, уже звучал в публикациях весны 1914 г. – и этим выходом, как ни парадоксально, виделась война. Ярким примером такого обсуждения является статья «Выдаются векселя», опубликованная в газете «Утро юга» от 6 марта 1914 г. Основная ее идея заключается в том, что нарастающий милитаризм в Германии и напряженные отношения между странами неизбежно приведут к войне. Редактор подчеркивал, что многие в России ожидают этого столкновения, видя в нем способ отвлечь внимание от внутренних проблем страны, таких как социальные и экономические трудности [Утро юга: 6 марта 1914 г. № 55]. И хотя сама редакция отрицательно относилась к «проклятому вопросу государственной мощи», но в то же время отмечала, что кадеты и прогрессисты с желанием России в нынешнем положении бессилия, готовы пойти на многое для будущих побед [Утро юга: 6 марта 1914 г. № 55]. Таким образом, на фоне неспособности институтов власти предложить реальные реформы, война начинала казаться если не решением, то хотя бы потенциальной возможностью перемен.

Фигура императора в прессе практически отсутствовала в контексте обсуждения актуальных политических процессов. Его имя упоминалось преимущественно в сообщениях о церемониальных мероприятиях и официальных поездках, где внимание уделялось описанию маршрутов, встреч и внешней стороны

визитов, а не анализу его политической роли. Такой характер освещения был обусловлен как особенностями цензурной политики, так и устоявшейся традицией представления монарха вне рамок повседневных дискуссий о государственной политике [Григорьев 2007: 10–11].

Этот принцип распространялся на всю монаршую семью. Наглядным примером в данном контексте служит освещение приезда Великого князя Николая Николаевича в ОВД 5 мая 1914 г. Только «Донские областные ведомости» поместили новость о его прибытии на первой полосе неофициальной части, тогда как «Приазовский край», «Утро юга», «Донская жизнь» ограничились краткими заметками в разделах местной хроники на последних страницах [Донские областные ведомости: 8 мая 1914 г. № 102; Приазовский край: 7 мая 1914 г. № 119; Утро юга: 7 мая 1914 г. № 105; Донская жизнь: 7 мая 1914 г. № 103]. Такое размещение, безусловно отражавшее существовавшие цензурные ограничения, одновременно демонстрирует важный аспект редакционной политики: даже обязательное к публикации известие о визите представителя правящей династии не рассматривалось редакциями как значимое событие, достойное вынесения на первые полосы. Этот контраст в редакционных приоритетах особенно показателен при сравнении с содержанием первых полос тех же номеров. В «Утро Юга» главное место заняла аналитическая статья об английском кабинете министров, «Донская жизнь» открывалась отчетом о заседании Думы, а «Приазовский край» поместил на первой полосе критический материал о новых ограничениях для иностранных предпринимателей, запрещавших им приобретать акции российских компаний и участвовать в собраниях акционеров [Утро юга: 7 мая 1914 г. № 105; Донская жизнь: 7 мая 1914 г. № 103; Приазовский край: 7 мая 1914 г. № 119]. В сравнении с центральными газетами в донской прессе достаточно формалистски описывали приезд Великого князя. Так, например, в либеральном «Русском слове» или умеренно-консервативном «Новом времени» описание приезда было более подробным, при чем подчеркивалось не просто приезд, но и поздравления от казачества Николая II с его днем рождения [Новое время: 7 мая 1914 г. № 13704; Русское слово: 6 мая 1914 г. № 103]. Внимание к другим событиям могут косвенно говорить нам о политических ценностях.

Таким образом, донская пресса в первой половине 1914 г. демонстрирует сложную картину общественных настроений. Несмотря на скептицизм в отношении государственных институтов, в публикациях прослеживается надежда на возможность реформ, пусть и в рамках существующей системы. В центральных газетных изданиях так же присутствовала критика исполнительной власти и всячески подчеркивалось нарастание политического кризиса. Так, на страницах «Нового времени», «Московских ведомостей» появлялись материалы оспаривающие действия правительства, но наиболее ярко высказались журналисты на страницах «Русского слова». Причины происходящего они видели в следующем: «совершенно невероятная слепота удивительная тупость» правительства [Гайда 2016: 364]. В информационном контексте донские газеты во многом отражали общеимперскую тенденцию, для которой было характерно ожидание политических реформ как способа выхода из кризиса.

***Отношение к институтам государственной власти
в донской прессе в июле-декабре 1914 г.***

С началом войны 19 июля 1914 г. в публицистическом дискурсе произошла заметная трансформация: риторика политической апатии была последовательно вытеснена нарративами общественного единения. В газете «Утро Юга» писали: «Души забыли о ежедневных мелких интересах и устремились к тому, ради чего в вечной своей жизни живет всякий человек». Приведенная фраза, скорее отражала точку зрения редакции. Реальное положение дел было намного сложнее. Разные социальные группы по-разному встретили начало войны [Аксенов 2020: 99–101]. Важно подчеркнуть, что для редакций газет «патриотическое единение» власти, народа и общества было, в первую очередь, надеждой на внутренние перемены.

Император Николай II воспринимался как фигура, символизировавшая национальное единство. В официальных «Донских областных ведомостях» говорилось: «Бог, Царь, Народ и Славяне – вот что у всех на устах, вот слова, под знаменем которых объединяются все, от мала до велика» [Донские областные ведомости: 23 июля 1914 г. № 165]. Общий тон в газетах сводился к тому, что в сложное время народ смотрит на государя как на гаранта стабильности. В «Приазовском крае» отмечалось, что власть демонстрирует готовность к диалогу с обществом: «В тяжелый момент испытаний власть вплотную подошла к народу в лице его избранных и через головы их говорила с самим народом» [Приазовский край: 29 июля 1914 г. № 197]. Для либеральных газет внимание к единению было очень важной составляющей гражданского общества [Stockdale 2016: 17]. Политическая мотивация играла не последнюю роль в выборе фокуса внимания для донских газетчиков.

Риторика «единения» соотносится и с центральными газетами. Кадетская «Речь», на которую часто ориентировались донские либерально-умеренные газеты, публиковала схожие материалы. Так, например, в самом начале войны писали: «До самых глубоких слоев всколыхнула она океан – Россию. Трудящиеся люди: крестьяне и рабочие пошли на эту войну сознательно, приняли ее как веление судьбы» [Жирков 2014: 311]. Донские частные издательства во многом продолжали риторику кадетских газет.

Внимание к Государственной думе на фоне начавшейся 26 июля 1914 г. сессии на короткий промежуток времени увеличилось. В газетах снова возрос кредит доверия к этому институту власти. В «Утро Юга» отмечалось: «Государственная дума должна найти слова и, главным образом, дела, которые помогут ей привлечь к себе внимание и симпатии страны» [Утро юга: 22 июля 1914 г. № 168]. В сравнении с весной 1914 г., риторика изменилась. Дума вместо органа оппозиции снова становится, в интерпретации донских журналистов, выразителем мнений народа. Однако, такой союз мог восприниматься как временный. Газета «Приазовский край» от 29 июля 1914 года подчеркивала, что Дума одобрила военную политику правительства, но единство власти и общества оставалось временным: «Эта гармония вызвана внешними обстоятельствами, но что будет дальше – время покажет» [Приазовский край: 29 июля 1914 г. № 197].

В первые дни войны появились публикации, намекающие на возможные реформы. В «Приазовском крае» от 23 июля 1914 г. писали: «Самый воздух насыщен потребностью в реформах, восходящих и незамедлительных». Газета приводила слухи, что правительство готовится к либеральным преобразованиям: «Московским газетам телеграфируют из Петербурга: царит необыкновенное оживление. По общему мнению, правительство, по всей видимости, решило вступить на путь либеральных реформ» [Приазовский край: 23 июля 1914 г. № 191]. Так же газета «Утро Юга» сообщала о первых шагах к примирению с обществом: «Все заметили шаги правительства, направленные на устранение разногласий с обществом, которые имели место до войны» [Утро юга: 22 июля 1914 г. № 168]. Это перекликалось с риторикой Родзянко о необходимости совместной работы власти и земств» [Утро юга: 22 июля 1914 г. № 168]. Таким образом, донская пресса, с одной стороны, демонстрировала лояльность военному курсу, а с другой – сохраняла надежды на преобразования, используя фигуру думского председателя как символический мост между официальной позицией и общественными ожиданиями.

Представители императорской семьи в условиях войны стали восприниматься принципиально иначе – их традиционные церемониальные функции наполнились новым смыслом. Даже обычные протокольные действия теперь интерпретировались как символы национального единства и стойкости монархии перед лицом военной угрозы. Во-первых, фигура Николая II становится главным символом многочисленных манифестаций. Газеты публикуют большое количество сообщений о патриотических шествиях, обязательным атрибутом которых является портрет императора. Слово «митинг» приобрело новое семантическое значение и использовалось во второй половине июля – августе 1914 г. исключительно для обозначения патриотических мероприятий. Причем их организуют самые разные возрастные, этнические и сословные группы. Например, 29 июля в Ростове-на-Дону проходит манифестация евреев, 21 июля – молодежная демонстрация в Новочеркасске, а 17 июля – манифестация ремесленников в Азове [Приазовский край: 29 июля 1914 г. № 197; Донская жизнь: 21 июля 1914 г. № 164; Эхо Азова: 18 июля 1914 г. № 41]. Обязательной частью этих мероприятий было пение гимна и наличие портрета государя. Хронологически такие акции начинаются в день объявления Австро-Венгрией войны Сербии. Демонстрации упоминаются в газетах и в конце сентября, и в октябре, что может свидетельствовать о возросшей роли образа монарха в политической жизни. В центральных газетах так же описывали разные патриотические манифестации, но упор делался на единении всех социальных, этнических и политических групп [Жирков 2014: 311].

Во-вторых, на фоне войны проявился интерес и к императрице Марии Федоровне, которую вспоминают как покровительницу Красного Креста [Таганрогский вестник: 25 июля 1914 г. № 193]. Этот факт не подвергается глубокому осмыслению, но отмечается в прессе.

26 июля 1914 г. была созвана однодневная сессия Думы. Кроме ее образа как представительного института, который должен соединить власть и общества, всячески подчеркивалось единение внутри Думы. Одним из ярких примеров,

отражающих такую консолидацию, является публикация от 30 июля в Приазовском крае: «В Зимнем дворце после Высочайшего приема Марков 2-й подошел к Милюкову, протянул ему руку и сказал: “Позвольте представиться; теперь все кончено, мы можем говорить друг с другом. Напрасно вы думали, что мы – противники народного представительства, мы всегда были только против бюрократии”» [Приазовский край: 30 июля 1914 г. № 198]. В дальнейшем Дума исчезает из фокуса внимания донских газетчиков. Следующее заседание произойдет только 27 января 1915 г. С этого момента внимание привлекали конкретные политические фигуры, например, А.Ф. Керенский. В первую очередь подчеркивалась его роль как выразителя мнений, «говорившего от имени группы, в которую входят представителей трудовых элементов страны» [Приазовский край: 29 июля 1914 г. № 197]. Или А.И. Гучкова как особо уполномоченного Красного Креста [Таганрогский вестник: 9 августа 1914 г. № 212].

В августе-сентябре 1914 г. газеты смещают фокус внимания с внутренних проблем на внешнюю политику, уделяя основное внимание процессу дегуманизации немцев. Внимание к противнику становится одной из наиболее популярных тем для публикаций. Печатаются материалы, освещающие зверства и невежество противника, а также военные успехи России. Это отражает общую тенденцию к консолидации общества вокруг идеи борьбы с внешним врагом [Ерохина 2007; Нелипович 2000; Ян 1993; Дякин 1968].

В конце октября – декабре 1914 г. донские газеты демонстрировали различное отношение к государственным институтам, что зависело от их роли и контекста. Император изображался как символ стабильности и прогресса. В «Донских областных ведомостях» подчеркивалось его значение для внутренней стабилизации: «Огромное положение России Государь Император дал спасительную опору для своего дальнейшего развития и исторического роста» [Донские областные ведомости: 28 октября 1914 г. № 246]. Газеты активно освещали его поездки в Москву, Минск, Тулу, Орел, Харьков, Тифлис и др. города [Донская жизнь: 10 августа 1914 г. № 182; Донская жизнь: 24 октября 1914 г. № 242; Донская жизнь: 23 ноября 1914 г. № 266; Донская жизнь: 24 октября 1914 г. № 242; Донская жизнь: 25 ноября 1914 г. № 268; Приазовский край: 25 ноября 1914 г. № 309; Донская жизнь: 1 декабря 1914 г. № 273]. Такое внимание к передвижениям императора свидетельствовало о росте популярности его фигуры в прессе. На материалах ОВД видно, как в связи с приездом императора в Новочеркасск подчеркивалась роль монарха как объединяющего символа в трудное военное время [Донская жизнь: 5 декабря 1914 г. № 277]. Эти визиты не только демонстрировали близость монарха к народу, но и укрепляли патриотические настроения, способствуя консолидации общества вокруг императора в условиях войны. При этом визит Николая II в Донской край был ориентирован исключительно на казачество. В Ростове-на-Дону государь пробыл менее часа и не покидал поезда. Напротив, в Новочеркасске он провел весь световой день, посетив молебн, Атаманский дворец с почетным караулом, приняв хлеб-соль от генералитета, осмотрев лазареты и наградив раненых, а также побывав в кадетском корпусе и Мариинском институте. Завершился визит выступлением в Офицерском собрании [Дубенский 1915: 106–108]. Важно отметить, что подавляющее большинство

газетных публикаций представляли собой, по-видимому, перепечатки официальных сообщений, лишенных региональной интерпретации. В результате освещение визита в прессе оказалось унифицированным, с минимальным разнообразием в подаче. Газеты не столько интерпретировали происходящее, сколько транслировали идею единения вокруг монарха.

Что же касается других институтов власти, то министерство финансов подвергалось критике в «Утро Юга» за теоретический подход и недостаточную поддержку кредитных учреждений: «Предубеждение против кредитных кооперативов... основано большей частью на теоретических предположениях» В то же время в «Донских областных ведомостях» министерства упоминались в контексте их усилий по укреплению государственной власти, особенно в Финляндии, что указывало на их важность для внутренней политики [Утро юга: 16 октября 1914 г. № 238].

Ставка Верховного Главнокомандующего пользовалась наибольшим уважением и поддержкой. Это свидетельствовало о высоком доверии к военному руководству. В «Утро Юга» также отмечались успехи Ставки: «Блестящая победа над австро-германскими армиями» и «Победа России над Австро-Германией уже совершившийся факт» [Утро юга: 26 октября 1914 г. № 246].

Заключение

Газеты демонстрировали единство вокруг государства, но с разными акцентами. Либеральные издания, такие как «Утро Юга», «Приазовский край», критиковали отдельные институты, но поддерживали идею единения общества и власти. Официальные газеты, такие как «Донские областные ведомости», подчеркивали лояльность императору и правительству, избегая глубокого анализа внутренних проблем.

Таким образом, в начале войны донские газеты демонстрируют усиление интереса к императорской семье как символу национального единства, одновременно смещая фокус с внутренних политических вопросов на внешние угрозы и военные успехи. Это свидетельствует о стремлении прессы поддерживать патристический настрой и лояльность к власти в условиях военного времени.

В период с января по декабрь 1914 г. донские газеты демонстрировали сложное и неоднозначное отношение к институтам государственной власти, которое варьировалось в зависимости от контекста и роли этих институтов. В начале 1914 г., до начала Первой мировой войны, пресса выражала скептицизм и критику в адрес Государственной думы, Государственного совета и министерств, воспринимая их как неэффективные и бюрократические структуры, неспособные к реальным реформам. Однако даже в этом контексте Дума рассматривалась как важный символ оппозиционности и организатора диалога между властью и обществом.

После начала Первой мировой войны Государственная дума, собранная в июле 1914 г., изображалась как институт, призванный объединить власть и общество, однако ее деятельность быстро отошла на второй план, и внимание прессы сместилось на внешнеполитические вопросы. Ставка, напротив,

пользовалась наибольшим уважением и поддержкой, что отражало высокое доверие к военному руководству и его успехам на фронте.

В целом, донские газеты в 1914 г. отражали двойственность общественных настроений: с одной стороны, они демонстрировали патриотизм и лояльность власти, с другой – сохраняли надежды на реформы и изменения в системе управления. Война рассматривалась как возможность выйти из политического кризиса и укрепить единство общества. Однако этот временный консенсус не исключал будущих разногласий, особенно в условиях нарастающих внутренних проблем и социальных напряжений, которые оставались в тени на фоне внешнеполитической повестки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов 2015 – *Агапов В.Л.* Газетный Мир Владивостока в период Первой мировой войны (1914-1916 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 2 (32). – С. 80–90.

Аксенов 2020 – *Аксенов В.Б.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). – Москва: Новое литературное обозрение, 2020. – 984 с.

Ахмадулин, Станько 2014 – *Ахмадулин Е.В., Станько А.И.* Региональная печать Дона и Северного Кавказа. – Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. – 372 с.

Воронцова 1994 – *Воронцова Е.Е.* Региональная газета «Приазовский край» (1891–1917 гг.): историко-типологическое исследование: автореф. дис. ... канд. филол. н-к. – Ростов н/Д, 1994. – 23 с.

Высочайшее утвержденное – *Высочайшее утвержденное* мнение Высочайшего совета за № 4466 от 19 июня 1877 г. «О присоединении Таганрогского Градоначальства и Ростовского уезда Екатеринославской губернии к области войска Донского» // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – СПб., 1889. Т. 7. № 4466.

Гайда 2016 – *Гайда Ф.А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). – Москва: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. – 604 с.

Григорьев 2007 – *Григорьев С.И.* Придворная цензура и образ Верховной власти (1831–1917). – СПб.: Алетейя, 2007. – 480 с.

Донская жизнь – газета «Донская жизнь».

Донские областные ведомости – газета «Донские областные ведомости».

Дубенский 1915 – *Дубенский Д. Н.* Его императорское величество государь император Николай Александрович в действующей армии / сост. ген.-майор Дубенский. ноябрь-декабрь 1914 г. – Петроград: М-во имп. двора, 1915-1916, 1915. – 190 с.

Дякин 1968 – *Дякин В.С.* Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война. – Москва: Наука, – 1968. – С. 227-238.

Ерохина 2007 – *Ерохина О.В.* Действие «ликвидационных законов» в немецких поселениях Области Войска Донского в 1915–1916 гг. // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.): материалы XI международной научной конференции. – Москва, 1-3 ноября 2006 г. / под ред. А.А. Германа. – С. 212-221.

Жирков 2014 – *Жирков Г.В.* Журналистика России: от золотого века до трагедии. 1900 – 1918 гг. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2014. – 382 с.

Колоницкий 2010 – *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. – Москва: Новое литературное обозрение, 2010. – 664 с.

Колоницкий 2012 – *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. – СПб.: Лики России. 2012. – 320 с.

Котов 2023 – *Котов Б. С.* Начало Первой мировой войны и участие в ней России в осмыслении российской прессы // Перспективы. Электронный журнал. – 2023. – № 4. – С. 121–127.

Нелипович 2000 – *Нелипович С.Г.* Проблема лояльности российских немцев в конфликтах XX века: историография вопроса и круг источников // Немцы России и СССР. 1901–1941: Материалы международной научной конференции. – С. 365–380

Новое время – газета «Новое время»

Понятия о России 2011 – *Понятия о России*: к исторической семантике имперского периода. Т. I. – Москва: Новое литературное обозрение, 2011. – 655 с.

Приазовский край – газета «Приазовский край».

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Российский либерализм 2010 – *Российский либерализм* середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / под ред. В.В. Шелохаева. – Москва: РОССПЭН, 2010. – 1084 с.

Русское слово – газета «Русское слово».

Слова и конфликты... 2022 – *Слова и конфликты*: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России / под ред. Б.И. Колоницкого и др. – СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2022. – 328 с.

Соловьев 2018 – *Соловьев К.А.* Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. – Москва: Политическая энциклопедия, 2018. – 351 с.

Таганрогский вестник – газета «Таганрогский вестник».

Терешина 2009 – *Терешина Е. П.* Отношение населения Поволжья к Первой мировой войне (по материалам периодической печати 1914–1917 гг.). – Набережные Челны: Фил. КГУ в г. Набережные Челны, 2009. – 189 с.

Утро юга – газета «Утро юга»

Руманова 1963 – *Руманова Д.И.* Периодическая печать дореволюционного Дона 1841–1916: Библиогр. указатель. – Ростов-на-Дону: Ростовская государственная библиотека имени Карла Маркса, 1963. – 77 с.

Шмакова 2014 – *Шмакова Н.Н.* Оренбургская пресса о милосердии и благотворительности в годы Первой мировой войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2014. – № 1(9). – С. 118–124.

Эхо Азова – газета «Эхо Азова»

Ян 1993 – *Ян Х.* Патриотические мотивы в русской культуре периода I Мировой войны /// Сб. статей РАН С.-Петерб. Фонд им. М.В. Ломоносова. – 1993. – С. 135–146.

Holquist 2002 – *Holquist P.* Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921. – London: Harvard univ. press, 2002. – 359 с.

Stockdale 2016 – *Stockdale M. K.* Mobilizing the Russian nation: patriotism and citizenship in the First World War. Cambridge: Cambridge univ. press, 2016. 284 с.

REFERENCES

AGAPOV V.L. *Gazetnyi Mir Vladivostoka v period Pervoi mirovoi voyny (1914–1916 gg.)* [The Newspaper World of Vladivostok during the First World War (1914–1916)]. In: Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke. – 2015. – № 2 (32). – P. 80–90. (In Russ.).

AKSENOV V.B. *Slukhi, obrazy, emotsii. Massovyie nastroyeniya rossiyan v gody voyny i revolyutsii (1914–1918)* [Rumors, Images, and Emotions. Mass Sentiments of Russians during the War and Revolution (1914–1918)]. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. – 984 p. (In Russ.).

AKHMADULIN E.V., STAN'KO A.I. *Regional'naya pechat' Dona i Severnogo Kavkaza* [Regional Press of the Don and the North Caucasus]. – Rostov n/D: Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo unta, 2014. – 372 p. (In Russ.).

VORONTSOVA E.E. *Regional'naya gazeta «Priazovskii krai» (1891–1917 gg.): istoriko-tipologicheskoe issledovanie* [The Regional Newspaper Priazovskiy Krai (1891–1917): A Historical and Typological Study]: avtoref. dis. ... kand. filol. n-k. – Rostov n/D, 1994. – 23 p. (In Russ.).

Vysochaishee utverzhdennoe mnenie Vysochaishego soveta za № 4466 ot 19 iyunya 1877 g. «O prisoedinenii Taganrogskogo Gradonachal'stva i Rostovskogo uezda Ekaterinoslavskoi gubernii k oblasti voiska Donskogo» [The Highest Approved Opinion of the Highest Council No. 4466 dated June 19, 1877, "On the Annexation of the Taganrog City Administration and the Rostov District of

the Yekaterinoslav Governorate to the Don Cossack Region"]. In: Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI). – SPb., 1889. T. 7. № 4466. (In Russ.).

GAIDA F.A. *Vlast' i obshchestvennost' v Rossii: dialog o puti politicheskogo razvitiya (1910–1917)* [Power and the Public in Russia: A Dialogue on the Path of Political Development (1910–1917)]. – Moskva: Un-t Dmitriya Pozharskogo, 2016. – 604 p. (In Russ.).

GRIGOR'EV S.I. *Pridvornaya tsenzura i obraz Verkhovnoi vlasti (1831–1917)* [Court Censorship and the Image of the Supreme Authority (1831–1917)]. – SPb.: Aleteiia, 2007. – 480 p. (In Russ.).

Gazeta «Donskaya zhizn'» [The Don Life Newspaper]. (In Russ.).

Gazeta «Donskie oblastnye vedomosti» [The newspaper "Donskiye Oblastnye Vedomosti"]. (In Russ.).

DUBENSKII D.N. *Ego imperatorskoe velichestvo gosudar' imperator Nikolai Aleksan-drovich v deistviyushchei armii* [His Imperial Majesty, Emperor Nicholas Alexandrovich, in the active army] / sost. gen.-maior Dubenskii. noyabr'-dekabr' 1914 g. – Petro-grad: M-vo imp. dvora, 1915-1916, 1915. – 190 p. (In Russ.).

DYAKIN V.S. *Pervaya mirovaya voyna i meropriyatiya po likvidatsii tak nazyvaemogo nemetskogo zasil'ya* [The First World War and measures to eliminate the so-called German domination]. In: *Pervaya mirovaya voyna*. – Moskva: Nauka, – 1968. – P. 227-238. (In Russ.).

EROKHINA O.V. *Deistvie «likvidatsionnykh zakonov» v nemetskiikh poseleniyakh Oblasti Voiska Donskogo v 1915–1916 gg.* [The effect of the "liquidation laws" in the German settlements of the Don Cossack Region in 1915-1916.]. In: *Rossiiskoe gosudarstvo, obshchestvo i etnicheskie nemtsy: osnovnye etapy i kharakter vzaimootnoshenii (XVIII–XXI vv.): materialy XI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. – Moskva, 1-3 noyabrya 2006 g. / pod red. A.A. Germana. – P. 212-221. (In Russ.).

ZHIRKOV G.V. *Zhurnalistika Rossii: ot zolotogo veka do tragedii. 1900 – 1918 gg.* [Russian journalism: from the Golden Age to the tragedy. 1900-1918.]. – Izhevsk: Institut komp'yuternykh issledovaniy, 2014. – 382 p. (In Russ.).

KOLONITSKII B.I. *«Tragicheskaya erotika»: Obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voyny* ["Tragic Erotica": Images of the Imperial Family during the First World War]. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. – 664 p. (In Russ.).

KOLONITSKII B.I. *Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoi kul'tury rossiiskoi revolyutsii 1917 goda* [Symbols of Power and the Struggle for Power: A Study of the Political Culture of the Russian Revolution of 1917]. – SPb.: Liki Rossii. 2012. – 320 p. (In Russ.).

KOLONITSKII B.I., GODUNOV K.V., TARASOV K.A. *Revolutsiya ili khuliganstvo? Ulichnoe nasilie v Peterburge v iyule 1914 goda v interpretatsiyakh sovremennikov* [Revolution or Hooliganism? Street Violence in St. Petersburg in July 1914 in the Interpretations of Contemporaries]. *Novoe literaturnoe obozrenie: teoriya i istoriya literatury, kritika i bibliografiya*. – Moskva. – 2024. – № 5. – P. 154-169. (In Russ.).

KOTOV B.S. *Nachalo Pervoi mirovoi voyny i uchastie v nei Rossii v osmyslenii rossiiskoi pressy* [The Beginning of the First World War and Russia's Participation in It in the Russian Press]. In: *Perspektivy. Elektronnyi zhurnal*. – 2023. – № 4. – P. 121–127. (In Russ.).

NELIPOVICH S.G. *Problema loyal'nosti rossiiskikh nemtsev v konfliktakh XX veka: isto-riografiya voprosa i krug istochnikov* [The Problem of Loyalty of Russian Germans in the Conflicts of the 20th Century: The Historiography of the Issue and the Range of Sources]. In: *Nemtsy Rossii i SSSR. 1901–1941: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. – P. 365-380. (In Russ.).

Gazeta «Novoe vremya» [The Newspaper "Novoye Vremya"]. (In Russ.).

PANCHENKO V.S., TRUSOVA E.M. *Rabochii vopros v Donskoi oblasti nakanune Pervoi mirovoi voyny* [The Workers' Question in the Don Region on the Eve of the First World War]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. – 2009. – № 6(154). – P. 53-57. (In Russ.).

Ponyatiya o Rossii: k istoricheskoi semantike imperskogo perioda [Concepts about Russia: to the historical semantics of the imperial period]. T. I. – Moskva: No-voe literaturnoe obozrenie, 2011. – 655 p. (In Russ.).

Gazeta «Priazovskii krai» [Priazovsky Krai newspaper]. (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. (In Russ.).

Rossiiskii liberalizm serediny XVIII – nachala XX veka: entsiklopediya [Russian Liberalism of the mid-18th – early 20th century: Encyclopedia] / pod red. V.V. Shelokhaeva. – Moskva: ROSSPEN, 2010. – 1084 p. (In Russ.).

RUMYANTSEV A.G. *Razгром germanskogo posol'stva v iyule 1914 goda – mify i real'nost'* [The destruction of the German Embassy in July 1914 – myths and reality]. In: *Peterburgskie voenno-istoricheskie chteniya. mezhvuzovskaya nauchnaya konferentsiya*, 20 marta 2015 g. / Otv. red. A.B. Nikolaev. – 2016. – P. 67–77. (In Russ.).

Gazeta «Russkoe slovo» [Russian Word newspaper]. (In Russ.).

SAGINADZE E. *Reformator posle reform: S. YU. Vitte i rossiiskoe obshchestvo, 1906-1915 gg.* [A Reformer After Reforms: S. Yu. Witte and Russian Society, 1906-1915.]. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. – 280 p. (In Russ.).

Slova i konflikty: yazyk protivostoyaniya i eskalatsiya grazhdanskoi voiny v Rossii [Words and Conflicts: The Language of Confrontation and the Escalation of the Russian Civil War] / pod red. B.I. Kolonitskogo i dr. – SPb.: Izd-vo EUSPb, 2022. – 328 p. (In Russ.).

SOLOV'EV K.A. *Politicheskaya sistema Rossiiskoi imperii v 1881–1905 gg.: problema zakonotvorchestva* [The Political System of the Russian Empire in 1881-1905: The Problem of Law-making]. – Moskva: Politicheskaya entsiklopediya, 2018. – 351 p. (In Russ.).

Gazeta «Taganrogskii vestnik» [The Taganrog Bulletin Newspaper]. (In Russ.).

TERESHINA E.P. *Otnoshenie naseleniya Povolzh'ya k Pervoi mirovoi voine (po materialam periodicheskoi pechati 1914-1917 gg.)* [The Attitude of the Volga Region Population Towards the First World War (Based on Periodical Publications from 1914-1917)]. – Naberezhnye Chelny: Fil. KGU v g. Naberezhnye Chelny, 2009. – 189 p. (In Russ.).

Gazeta «Utro yuga» [The Utro Yuga Newspaper]. (In Russ.).

RUMANOVA D.I. *Periodicheskaya pechat' dorevolyutsionnogo Dona 1841-1916: Bibliogr. ukazatel'* [Periodicals of the Pre-Revolutionary Don 1841-1916: Bibliographic Index]. – Rostov-na-Donu: Rostovskaya gosudarstvennaya biblioteka imeni Karla Marksa, 1963. – 77 p. (In Russ.).

SHMAKOVA N.N. *Orenburgskaya pressa o miloserdii i blagotvoritel'nosti v gody Per-voi mirovoi voiny* [The Orenburg Press on Mercy and Charity during the First World War]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universite-ta*. – 2014. – № 1(9). – P. 118-124. (In Russ.).

Gazeta «Ekho Azova» [The Echo of Azov Newspaper]. (In Russ.).

YAN KH. *Patrioticheskie motivy v russkoi kul'ture perioda I Mirovoi voiny* [Patriotic Motifs in Russian Culture during the First World War]. In: *Sb. sta-tei RAN S.-Peterb. Fond im. M.V. Lomonosova*. – 1993. – P. 135-146. (In Russ.).

HOLQUIST P. *Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914-1921*. – London: Harvard univ. press, 2002. – 359 c. (In Eng.).

STOCKDALE M.K. *Mobilizing the Russian nation: patriotism and citizenship in the First World War*. Cambridge: Cambridge univ. press, 2016. 284 p. (In Eng.).

Сведения об авторе

Слепцов А. С. – аспирант.

Information about the author

Sleptsov A. S. – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 01.09.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 01.09.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Научная статья
УДК 94(471.64)084.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-285-293
EDN: ODWOTJ

ПУБЛИКАЦИИ А. ЦАЛИКОВА В ГАЗЕТЕ «ВОЛЬНЫЙ ГОРЕЦ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА В КАБАРДЕ

Осман Асланович Жанситов

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик,
Россия, osman.zhansitov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2153-707X>

Аннотация. В статье анализируется очерк А. Цаликова «Борьба общественных сил в Кабарде», помещенный на страницах газеты «Вольный горец». Отмечается, что наблюдения автора как современника и участника описываемых событий, выступают ценным источником для всестороннего осмысления сути революционной эпохи в регионе, в частности процессов, развернувшихся здесь после падения самодержавия в феврале 1917 г. и до провозглашения советской власти в марте 1918 г.

Опираясь на этот источник, можно резюмировать, что в основе обозначившихся в кабардинском обществе противоречий лежала не вовлеченность в социально-политические платформы конкурирующих общероссийских акторов, а локальный социокультурный дискурс, характеризовавшийся авторами того периода как столкновение адата и шариата. Одной стороной этого дискурса являлась местная аристократия, черпавшая в адате обоснование своего привилегированного положения, интегрированная в российское административно-правовое и культурное поле и стремящаяся сохранить статус-кво в новых политических реалиях. Другой – духовенство, выступавшее за переустройство общества на началах шариата, с его идеями равенства и социальной справедливости, и для реализации своего замысла, претендующее на политическое представительство в Кабарде.

Ключевые слова: периодическая печать, революция, Кабарда, духовенство, адат, шариат, А. Цаликов, аристократия, газета «Вольный горец».

Для цитирования: Жанситов О.А. Публикации А. Цаликова в газете «Вольный горец» как источник по истории революционного периода в Кабарде // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 285-293. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-285-293. EDN: ODWOTJ.

© Жанситов О.А., 2025

Original article

PUBLICATIONS OF A. TSALIKOV IN THE NEWSPAPER *VOLNY GORETS* AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE REVOLUTIONARY PERIOD IN KABARDA

Osman A. Zhansitov

Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, osman.zhansitov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2153-707X>

Abstract. The article analyzes A. Tsalikov's essay *The Struggle of Social Forces in Kabarda*, published in the newspaper *Volny Gorets*. It is noted that the author's observations, as a contemporary and participant of the events described, serve as a valuable source for a comprehensive understanding of the essence of the revolutionary era in the region, particularly the processes that unfolded here after the fall of autocracy in February 1917 and up to the proclamation of Soviet power in March 1918. Based on this source, it can be summarized that the contradictions emerging in Kabardian society were rooted not in involvement with the socio-political platforms of competing all-Russian actors, but in a local sociocultural discourse, which contemporaries characterized as a confrontation between *adat* and *sharia*. On one side of this discourse stood the local aristocracy, drawing from *adat* the justification of its privileged position, integrated into the Russian administrative, legal, and cultural field, and striving to preserve the status quo in the new political realities. On the other side stood the clergy, advocating for a reorganization of society on the principles of *sharia*, with its ideas of equality and social justice, and seeking political representation in Kabarda as a means to implement its vision.

Keywords: periodical press, revolution, Kabarda, clergy, *adat*, *sharia*, A. Tsalikov, aristocracy, newspaper *Volny Gorets*.

For citation: Zhansitov O.A. Publications of A. Tsalikov in the newspaper *Volny Gorets* as a Source on the History of the Revolutionary Period in Kabarda. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 285-293. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-285-293. EDN: ODWOTJ.

© Zhansitov O.A., 2025

Введение

Одним из важных источников в исторических исследованиях является периодическая печать. Оперирование этим ресурсом представляется актуальным и для изучения эпохи социально-политических трансформаций, как в общероссийском, так и в региональном масштабах. Газетные репортажи и статьи, выпущенные «по горячим следам», а порой и с места событий, обладают большой информативностью и фокусируются на деталях, которые с течением времени становятся все более размытыми и ускользающими от фиксации. С другой стороны, всегда следует делать поправку на то обстоятельство, что колумнисты в условиях революционной поляризации и острой политической борьбы часто выступали как ангажированные агенты, отстаивающие определенную идеологию. Соответственно, содержащиеся в периодических изданиях материалы не всегда отражали объективную и непредвзятую оценку тех или иных событий.

Результаты

Редакция газеты «Вольный горец» стояла на демократических позициях. Ее аудиторией являлась в основном интеллигенция Северного Кавказа, которая поддержала Февральскую революцию и политику Временного правительства, открывавшую перспективы равноправного и свободного развития народов постимперской России. Не признав приход к власти большевиков в октябре 1917 г., горская демократия взяла курс на построение широкой национальной автономии, что было негативно воспринято как большевиками, установившими свою власть в регионе в марте 1918 г., так и сменившим их в январе 1919 г. деникинским режимом. Оппонирование этим силам, в конечном счете, определяло политическую направленность и стилистику публикуемых в газете материалов.

Основателем, редактором и издателем «Вольного горца», существовавшего благодаря частным пожертвованиям, являлся российский общественный деятель, публицист, осетин по происхождению А.Т. Цаликов. Обосновавшись со своей редакцией в Тифлисе в сентябре 1919 г., он пристально следил за борьбой горцев с А. Деникиным и, кроме того, принимал в ней деятельное участие, возглавив Меджлис горских народов Северного Кавказа [Турпалов 2023: 161].

Содержание номеров «Вольного горца» составляли текущая хроника событий, аналитика, публицистические материалы о развитии революции на Северном Кавказе, экскурсии в историю коренного населения. Значимую ценность представляют публиковавшиеся на страницах этого издания официальные документы революционного периода: приказы и распоряжения военных властей и гражданской администрации в регионе, протоколы съездов, обращения и переписка видных политических деятелей и т.д.

Весомый объем материалов «Вольного горца» посвящен анализу и описанию положения дел в Кабарде. Советские авторы, писавшие историю революции и гражданской войны в регионе, однако, почти не использовали столь ценный, но политически оппозиционный медиа ресурс.

У.А. Улигов, обобщивший в своей монографии исследовательский опыт предшественников по данной проблематике, ссылается на публикации «Вольного горца» лишь дважды, и только на те из них, которые дискредитируют антибольшевистский лагерь. В первом случае он цитирует опубликованное на страницах газеты обращение представителей кабардинской интеллигенции, осуждающее репрессивные методы управления деникинской администрации, во втором – приказ правителя Кабарды Т. Бековича-Черкасского о тяжелом положении белогвардейских частей в регионе [Улигов 1979: 65].

В современной российской историографии в условиях отсутствия идеологического диктата было предложено новое прочтение событий революционного периода в Кабарде, что, однако, в большинстве случаев не сопровождалось выявлением не введенных в научный оборот новых материалов. Соответственно огромный пласт источников оказался вне поля исследовательского внимания. В этой связи, для всестороннего освещения затронутой проблематики представляется актуальным обращение к этим источникам, и, в частности, к анализу материалов газеты «Вольный горец».

Особого внимания заслуживает размещенный в трех номерах «Вольного горца» очерк А. Цаликова «Борьба общественных сил в Кабарде». Тезисы и выводы этой работы, конечно, отражают политические пристрастия автора и его взгляд на судьбу горских народов в постимперской России. Тем не менее, А. Цаликов, непосредственно вовлеченный в революционные процессы в регионе, имевший возможность общаться и дискутировать с видными общественными и политическими деятелями той эпохи, довольно точно подмечает многие нюансы социально-политической и экономической жизни народов Нальчикского округа, определявших характер их участия в этих процессах.

Интерес представляют замечания А. Цаликова относительно причин и характера общественной поляризации в Кабарде в условиях революционных турбуленций. Приведем и проанализируем выдержки из его работы:

*«Образовавшийся во Владикавказе Временный Терский исполнительный комитет при-
слал в Нальчик комиссара Гамида Чижокова, до этого занимавшего должность судебного
следователя во Владикавказском округе. Кабардинский общественный сбор переизбрал
Чижокова. Были избраны также окружные комиссары и Окружной Исполнительный коми-
тет, в руках которого была сосредоточена вся полнота власти. Все начальствующие лица и
все должности были выборными и, таким образом, в Кабарде осуществилось самоуправле-
ние. Таким образом, все слои населения Кабарды приняли участие в строительстве новой
жизни и организации новой власти.*

*Правда, никаких политических партий в Кабарде не оказалось. Конечно, не было и ника-
ких партийных списков. Группировка Кабардинцев шла по участкам, а не по политическим
или социальным симпатиям. Несмотря на то, что ответственные должности были выбор-
ными, в силу примитивности общественной жизни, отсутствия политических партий и де-
мократии, прошедшей определенную политическую школу, власть в Нальчикском окружном
исполнительном комитете оказалась в руках представителей узденских родов, и отчасти ин-
теллигенции, вышедшей из*

*Свободное выборное начало повело к решительной борьбе за власть различных слоев. И
эта борьба в Кабарде началась сейчас же после того, как прошел первый удар революции, оше-
ломивший растерявшийся от неожиданности народ. Начали всплывать на поверхность те
подводные течения, которые существовали в недрах кабардинского народа в скрытом виде,
так как их давил русский административный пресс. Находясь под русским владычеством, ка-
бардинский народ жил двойной жизнью – одна была официальная, обращенная лицом к России,
другая – неофициальная, затаенная. По этим двум руслам шла и культурная жизнь.*

*Высшие классы и зажиточные слои были близки к русской власти. Они воспитывали
своих детей в русских учебных заведениях, готовили из них чиновников, офицеров, докторов и
адвокатов. Народ же учил своих детей в мектебах и медресе, был заражен чувствами исла-
мическими, вздыхал о Турции, тем более что в Турции имеется до полумиллиона церкесов,
говорящих на том же адыгском языке. Высшие классы черпали свою идеологию в адате, осве-
щавшем их привилегированное положение в народе и, поддерживавшемся, если не юридически,
то фактически русской властью, низшие слои и духовенство – в шариате, проникнутом из-
вестным демократизмом, не признающим адата и сословных перегородок. Эта привержен-
ность шариату усиливалась еще более в силу тех гонений и притеснений, которым они под-
верглись при царизме. Тем более шариат теперь стремился расправить свои крылья, после
того как революция предоставила ему известную свободу и простор.*

*Скорее инстинктивно, чем в силу своих классовых интересов симпатий и навыков, чем по
побуждениям сознательной политической идеологии каждая из этих групп захотела самоопре-
делить кабардинский народ в своем духе. Одни аристократы и русофилы, другие – туркофилы
и панисламисты. Между этими двумя группами запуталась молодая либеральная кабардинская
интеллигенция. Не прошедшая школы демократической борьбы и не имевшая устойчивых по-
литических принципов, не говоря уже о какой-то устойчивой политической программе. Если
бы все же мы хотели как-нибудь характеризовать ту политику, которая началась сейчас же
после революции в Кабарде, то ее мы должны были бы назвать национальной кабардинской
политикой в форме аристократизма, исторически сложившегося в Кабарде.*

*Первое время после революции муллы только глухо ворчали, так как не чувствовали под
собой почвы для выступления против объединенного фронта аристократии и интеллигенции.
Голову они подняли и открыто начали выступать со своими требованиями только после 2-
го общегорского съезда в Анди, бывшего в 20-х числах августа 1917 г. Там муллы увидели какой
ролью и авторитетом пользуются в народе дагестанские и чеченские шейхи, выступающие
во имя торжества шариата. Это был для них наглядный урок главенства духовного шариат-
ского начала над адатом. По возвращении домой кабардинские муллы выступают с требова-
нием, чтобы в исполнительный комитет Кабардинского округа был введен мулла, чтобы*

делопроизводство велось на арабском языке, чтобы в народе утверждались начала шариата и т.п.

Кабардинская интеллигенция, получившая образование в русских учебных заведениях, хотя и ведшая национальную кабардинскую политику, но бывшая русской по духу, воспротивилась этому. Тогда муллы начали метать против этой интеллигенции «громы и молнии», обвинив ее в неверии. Близость этой интеллигенции к аристократии дала им повод упрекнуть ее в том, что интеллигенция изменяет шариату и народу. Таким образом, их борьба одинаково направлялась и против аристократии, и против интеллигенции. Кабарда оказывается разделенной на два лагеря: муллы и простой народ в одном лагере, интеллигенция, князья и уздени – в другом. Так дело продолжается до октябрьской революции» [Вольный горец 1920: 3].

Здесь приведены достаточно информативные выдержки из опубликованного в газете «Вольный горец» очерка А. Цаликова, которые ставят под сомнения устоявшиеся представления о характере социальной конфронтации в Кабарде и вносят определенную ясность в содержание событий, протекавших здесь после Февральской революции и до установления советской власти (февраль 1917 – март 1918 гг.).

Советская историография, описывавшая этот период, выделяла лишь две стороны намечавшегося социально-политического раскола – трудовой народ (крестьянство), проникшийся большевистской идеологией, и социальные верхи (князья, дворяне и помещики), пытавшиеся сохранить старые порядки. При этом из политической повестки исключалось духовенство (муллы и эфенди) [Гугов 1975: 65], которое, как следует из вышеприведенных материалов, выступало весомым мобилизующим фактором развития революционного процесса.

К началу революции кабардинское духовенство занимало достаточно заметное место в общественной жизни и являлось органичной его частью. Духовные деятели оказывали влияние на функционирование сельских администраций, приглашались на судебные заседания, регистрировали браки и разводы, выдавали метрические свидетельства, разбирали дела, находящиеся в компетенции шариатского права. Важную роль духовенство играло в становлении и развитии исламского просвещения в Кабарде. При этом упор делался не только на теологию, но и на изучение светских специальностей. Благодаря инициативам таких видных религиозных просветителей того времени, как М. Гугов, И. Купов, братья А. и И. Дымовы, были предприняты попытки создания национальной кабардинской письменности на арабоязычной графической основе, началось осмысление и изучение прошлого и культуры народа, стали выходить газеты и т.д.

К 1917 г. в Нальчикском округе действовало порядка ста мусульманских школ с аудиторией от семи до пятнадцати учеников (сохст). В совокупности, преподаватели, выпускники этих учебных заведений и старшее поколение слушателей, представляли внушительную, социально активную и сплоченную общими идеями прослойку кабардинского социума.

Появление на политической сцене духовенства советские историки связывают с событиями сентября-ноября 1918 г., то есть уже после провозглашения советской власти в Кабарде. Здесь в советских властных структурах, вытеснив выходцев из простого народа, возобладали представители дворянства и интеллигенции, которые взяли курс на ограничение влияния большевиков, укрепление

национальной автономии и объявили о политике нейтралитета, подразумевавшей неучастие кабардинских вооруженных частей в подавлении антибольшевистского казачьего восстания в Терской области [Кажаров 1999: 42-43].

Подобная ситуация, естественно, не устроила большевистское руководство региона, и для свержения «контрреволюционных» властей Кабарды им был сформирован шариатский отряд (колона) под руководством местного эфенди Н. Катханова. Ему была поставлена задача сплотить религиозно настроенное население на советской платформе и под лозунгом «Да здравствует советская власть и шариат» утвердиться в Кабарде.

В данном случае усиление позиций духовенства (и это подчеркивает советская историография [Улигов 1979: 193]) связано с тактическими уловками большевиков, которые, стремясь вовлечь в орбиту революционной борьбы местное население, использовали не далекую от него социалистическую идеологию, а доступную исламскую риторику социальной справедливости.

Публикация же «Вольного горца» рисует несколько иную картину: духовенство задолго до провозглашения в регионе советской власти стало проявлять свои политические амбиции, выступив конкурирующим с прежними сословными элитами актором. И отправной точкой этой конкуренции, как указывает А. Цаликов, явился инициированный Союзом объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана Съезд горских народов в селении Анди [Материалы... 2014: 16]. Именно на этом форуме духовные лидеры, прежде всего Дагестана и Чечни, отодвинули на вторые позиции светское руководство Союза и провели процедуру избрания Муфтия мусульман Северного Кавказа [Музаев 2012: 181-183].

Присутствовавшие на этом съезде духовные деятели Кабарды, несомненно, были впечатлены триумфом своих коллег из Дагестана и Чечни и решили использовать их опыт в противостоянии с кабардинской властной элитой, представленной аристократией и интеллигенцией.

В своем очерке А. Цаликов пишет о важном факторе, провоцирующем социальные противоречия в кабардинском обществе в революционный период, а именно о роли адата и шариата. Историография революции и гражданской войны в регионе, сосредоточившись на перипетиях классовой борьбы, не дала должной оценки этой проблематике.

Между тем, еще современник А. Цаликова белоэмигрант К. Чхеидзе, принявший непосредственное участие в гражданской войне в Терской области, в своих мемуарах заострял внимание на этом моменте:

«Столкновения адата и шариата как столкновения потока жизненных явлений и неподвижной догмы неизбежны» [Чхеидзе 2008: 86]. «Они бывали всюду в мусульманском мире. До прихода русских на Кавказ жизнь местных магометан в значительной мере регулировалась шариатом. Конкурирующим элементом шариату был адат, то есть исторически сложившиеся правила поведения, взгляды на общественный строй, на отношения между отдельными слоями населения. Консервативное и даже реакционное значение адата, заключалось в том, что он как бы освящал существующее положение, поддерживал существующий общественный строй, основанный на неравенстве. По сравнению с адатом, шариат был, несомненно, прогрессивным учением. Уже с первых месяцев революции стала заметна роль

шариатистов, как выразителей протеста против существующих порядков» [Заурбек... 2016: 240].

Примечательно, что А. Цаликов, касаясь проблемы адата и шариата в кабардинском социуме, вносит еще один существенный штрих, усложнявший взаимодействие этих культурно-нормативных практик. Речь идет о том, что, придерживаясь адата, как гаранта своего привилегированного положения кабардинская аристократия, а вместе с ней и интеллигенция получала русское светское образование, делала карьеры чиновников, юристов, военных, то есть была в значительной степени интегрирована в российскую административно-правовую и культурную среду. Последняя, в свою очередь, обеспечивала стабильность их социальных статусов и экономического благополучия. Обладая этими внушительными ресурсами, кабардинская элита, как отмечает А. Цаликов, смогла занять ключевые должности в сформировавшихся после Февральской революции властных структурах.

Традиционно господствующее положение в политической и общественной жизни Кабарды, занимаемое представителями высших сословий, сохранялось и в рамках российской административной системы с тем лишь отличием, что некогда суверенные князья и дворяне влились в имперские управленческие структуры. В образованном 27 марта 1917 г. Нальчикском окружном гражданском исполнительном комитете представители традиционной элиты (Г. Сохов, М. Абуков, Т. Шакманов и др.), именуемые в советской историографии как «национальная буржуазная интеллигенция», заняли ведущие позиции. Комиссаром Нальчикского округа стал юрист Х. Чижоков, начальником милиции – дворянин А. Анзоров, казначейство возглавил князь М. Атажукин.

В то же время жизненные ориентиры «простого народа» складывались вокруг исламской культурно-правовой традиции, открывающей для него перспективы социальной справедливости и равенства. Подавляющая часть духовных деятелей Кабарды являлась выходцами из крестьянской прослойки, представители которой также составляли основной контингент религиозных школ – медресе [Думанов 2006: 136].

До революции сосуществование этих двух ценностных платформ («аристократизма» и «шариатизма»), обозначенных А. Цаликовым, не сопровождалось какой-либо конфронтацией. Регулирующим и сдерживающим фактором в этом случае выступала этико-философская доктрина «Адыгэ хабзэ», разделявшаяся всеми членами общества и задававшая морально-нравственные ориентиры социальной коммуникации.

Однако в условиях революционных турбуленций, открывших для кабардинцев перспективы строительства национальной автономии, а для всех слоев общества возможность повысить социальный статус, улучшить экономические позиции и бороться за политическое влияние, эта доктрина давала сбой. «Простой народ» в лице представлявших его интересы духовных деятелей уже перестает считаться с освещенным традицией привилегированным положением аристократии и пытается вытеснить ее с доминирующих позиций в Кабарде, обосновывая

свои претензии на смену общественно-политического ландшафта эгалитаристскими нормами шариата.

Именно эти выводы следуют из предложенной А. Цаликовым схемы развития революционной ситуации в Кабарде, отметившим, что *«шариат стремился расправить свои крылья, после того как революция предоставила ему известную свободу и простор»*.

Заключение

Таким образом, размещенная на страницах газеты «Вольный горец» публикация А. Цаликова является важным источником, опираясь на который можно существенно скорректировать понимание событий начального этапа революции в Кабарде, хронологически ограниченного февралем 1917 г. и мартом 1918 г. (временем провозглашения в регионе советской власти). Как следует из наблюдений автора, основной накал социально-политических противоречий в кабардинском обществе на данном этапе разворачивался не вокруг общероссийской революционной повестки связанной с политическим противостоянием февральской администрации и претендующими на узурпацию власти большевиками. В корне этих противоречий лежал ценностно-культурный конфликт между светскими сословными элитами, интегрированными в российское цивилизационное поле и сосредоточившими в своих руках власть, и духовными деятелями, опиравшимися на народные низы и стремившимися к переустройству общества на основе шариата с его идеями о социальной справедливости и равных возможностях участия в общественно-политической и экономической сферах жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Вольный горец 1920 – Вольный горец. – 1920. – 14 июня. – № 40.
- Гугов 1975 – Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. – Нальчик: Эльбрус, 1975. – 495 с.
- Заурбек... 2016 – Заурбек. Книга о З. А. Даутокове-Серебрякове. – Нальчик: Издательство М. В. Котляровых, 2016. – 416 с.
- Думанов 2006 – Думанов Х.М. Краткий словарь этнографических терминов кабардино-черкесского языка. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2006. – 216 с.
- Кажаров 1999 – Кажаров В.Х. Государственно-политическая традиция в истории кабардинцев // Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 184 с.
- Материалы... 2014 – Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 г. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. – 168 с.
- Музаев 2012 – Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2012. – 608 с.
- Турпалов 2023 – Турпалов Л. А. Газета «Вольный горец» как орган независимой демократической мысли в условиях гражданской войны на Северном Кавказе // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2023. – Том 27. – № 2. – С. 160-170.
- Улигов 1979 – Улигов У.А. Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917-1937 гг.). – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 356 с.
- Чхеидзе 2008 – Чхеидзе К.А. Генерал Заурбек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде. – Нальчик: Издательство КБИГИ, 2008. – 120 с.

REFERENCES

CHKHEIDZE K.A. *General Zaurbek Dautokov-Serebryakov. Grazhdanskaya voina v Kabarde* [General Zaurbek Dautokov-Serebryakov. The Civil War in Kabarda]. – Nal'chik: Izdatel'stvo KBIGI, 2008. – 120 p. (In Russ.).

GUGOV R.KH. *Sovmestnaya bor'ba narodov Tereka za Sovetskuyu vlast'* [The joint struggle of the Terek peoples for Soviet power]. – Nal'chik: El'-brus, 1975. – 495 p. (In Russ.).

DUMANOV KH.M. *Kratkii slovar' etnograficheskikh terminov kabardino-cherkesskogo yazyka* [A concise dictionary of ethnographic terms of the Kabardino-Circassian language]. – Nal'chik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2006. – 216 p. (In Russ.).

KAZHAROV V.KH. *Gosudarstvenno-politicheskaya traditsiya v istorii kabardintsev* [The state-political tradition in the history of the Kabardians]. In: BOROV A.KH., DUMANOV KH.M., KAZHAROV V.KH. *Sovremennaya gosudarstvennost' Kabardino-Balkarii: istoki, puti stanovleniya, problemy* [The modern statehood of Kabardino-Balkaria: origins, development, problems]. – Nal'chik: El'-Fa, 1999. – 184 p. (In Russ.).

Materialy s'ezdov gorskikh narodov Severnogo Kavkaza i Dagestana 1917 g. [Proceedings of the congresses of the mountain peoples of the North Caucasus and Dagestan of 1917]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2014. – 168 p. (In Russ.).

MUZAIEV T.M. *Soyuz gortsev. Russkaya revolyutsiya i narody Severnogo Kavkaza, 1917 – mart 1918 goda* [The Union of Highlanders. The Russian Revolution and the peoples of the North Caucasus, 1917 – March 1918]. – Nal'chik: ООО «Pechatnyi dvor», 2012. – 608 p. (In Russ.).

TURPALOV L.A. *Gazeta «Vol'nyi gorets» kak organ nezavisimoi demokraticeskoi mysli v usloviyakh grazhdanskoi voiny na Severnom Kavkaze* [The newspaper Volny Gorets as an organ of independent democratic thought during the Civil War in the North Caucasus] // *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 2023. Vol. 27, No. 2. (In Russ.).

ULIGOV U.A. *Sotsialisticheskaya revolyutsiya i grazhdanskaya voina v Kabarde i Balkarii i sozdanie natsional'noi gosudarstvennosti kabardinskogo i balkarskogo narodov (1917-1937 gg.)* [The Socialist Revolution and the Civil War in Kabarda and Balkaria and the creation of the national statehood of the Kabardian and Balkarian peoples (1917-1937)]. – Nal'chik: El'-brus, 1979. – 356 p. (In Russ.).

Vol'nyi gorets [Volny Gorets]. 1920. 14 June. No. 40. (In Russ.).

Zaurbek. Kniga o Z.A. Dautokove-Serebryakove [A book about Z.A. Dautokov-Serebryakov]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M.V. Kotlyarovykh, 2016. – 416 p. (In Russ.).

Информация об авторе

О.А. Жанситов – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

O.A. Zhansitov – Candidate of Science (History), associate professor.

Статья поступила в редакцию 06.10.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 06.10.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Научная статья
УДК 94 (470)+930.254
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-294-303
EDN: OHSUKO

**НИКОЛАЙ (НИКО) АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕРДЗЕНИШВИЛИ
– ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ГРУЗИНО-РУССКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
XVI-XVIII ВЕКОВ**

Юрий Семенович Сулаберидзе

Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили, Тбилиси, Грузия, iuri.sulaberidze@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа работ видного грузинского ученого Н.А. Бердзенишвили (1894-1965) прослеживается воздействие идей М.А. Полиевктова на формирование школы грузинского кавказоведения. Н.А. Бердзенишвили не относился к ученикам М.А. Полиевктова, но испытал влияние научной методологии русского ученого, что позволило ему внести значительный вклад в развитие грузинской русистики. Докторская диссертация Н.А. Бердзенишвили «Из истории русско-грузинских отношений на рубеже XVI-XVII вв.» (1943) была посвящена процессу становления грузино-русских отношений. В ней грузинский ученый, отталкиваясь от достижений М.А. Полиевктова в раскрытии зарождения русско-грузинских связей в указанный период, обосновал свои позиции, признав особую роль русского ученого в развитии грузинского кавказоведения. Хотя и отметил, что работы М.А. Полиевктова не лишены и отдельных недостатков вследствие незнакомства с грузинскими источниками. Тем не менее, Н.А. Бердзенишвили подтвердил значимую роль М.А. Полиевктова в становлении грузинского кавказоведения.

Ключевые слова: М.А. Полиевктон; научное наследие; Н.А. Бердзенишвили; русско-грузинские отношения; грузинское кавказоведение.

Для цитирования: Сулаберидзе Ю.С. Николай (Нико) Александрович Бердзенишвили – исследователь грузино-русских взаимоотношений XVI-XVIII веков // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 294-303. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-294-303. EDN: OHSUKO.

© Сулаберидзе Ю.С., 2025

Original article

**NIKOLAI (NIKO) ALEKSANDROVICH BERDZENISHVILI
IS A RESEARCHER OF GEORGIAN-RUSSIAN RELATIONS
IN THE 16TH-18TH CENTURIES**

Yuri S. Sulaberidze

Tbilisi state university, Tbilisi, Georgia, iuri.sulaberidze@mail.ru

Abstract. The article, based on analysis of the works of the prominent Georgian scientist N.A. Berdzenishvili (1894-1965), traces the influence of the ideas of M.A. Polievktov on the formation of the school of Georgian Caucasian studies. N.A. Berdzenishvili was not a student of M.A. Polievktov, but was influenced by the scientific methodology of the Russian scholar, which allowed him to make

a significant contribution to the development of Georgian Russian studies. N.A. Berdzenishvili's doctoral dissertation «From the history of Russian-Georgian relations at the turn of the 16th-17th centuries» (1943) was devoted to the process of formation of Georgian-Russian relations. In it, the Georgian scientist, based on the achievements of M.A. Polievktov in revealing the origins of Russian-Georgian relations in the specified period, substantiated his position, recognizing the special role of the Russian scientist in the development of Georgian Caucasian studies. Although he noted that M.A. Polievktov's works are without shortcomings due to unfamiliarity with Georgian sources. Nevertheless, N.A. Berdzenishvili confirmed the significant role of M.A. Polievktov in the development of Georgian Caucasian studies.

Keywords: M.A. Polievktov; scientific heritage; N.A. Berdzenishvili; russian-georgian relation; Georgian Caucasian studies.

For citation: Sulaberidze Y.S. Nikolai (Niko) Aleksandrovich Berdzenishvili is a researcher of Georgian-Russian relations in the 16th-18th centuries. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 294-303. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-294-303. EDN: OHSUKO.

© Sulaberidze Y.S., 2025

Введение

С именем М.А. Полиевктова (1872-1942) связано развитие грузинского кавказоведения 1930-1950 гг. Русский ученый волей судьбы переехал из Северной Пальмиры в теплый Тбилиси (Тифлис) в 1920 г. Выпускник Санкт-Петербургского университета привез с собой не только глубокие познания в истории России, современные методы исследования источников «петербургской исторической школы», но и идеи, связанные с особой ролью Востока в развитии Российского государства. Позднее они нашли отражение в оригинальной концепции «восточно-кавказского вопроса» [Сулаберидзе 2020].

М.А. Полиевктон известен в историографии, как историк внешней политики России XV-XVIII вв. Отмечены его заслуги в публикации источников по дипломатическим отношениям России с Кавказом [Тихонов 2011]. Труды М.А. Полиевктова, наряду с публикациями Н.Н. Веселовского, С.А. Белокурова, Я.З. Цинцадзе, Г.Г. Пайчадзе и других ученых оценены в современной историографии [Кристенсен 1989: 188-189].

М.А. Полиевктон оказал влияние на формирование научной школы грузинского кавказоведения [Сулаберидзе 2023]. В статье будет проанализировано воздействие научных методов и идей М.А. Полиевктова на творчество видного специалиста в области грузино-русских взаимоотношений Н.А. Бердзенишвили. С конца 1930-х гг. на арену исторической науки вступило новое поколение историков, которые на марксистской основе создавали основы нового прочтения истории Грузии, грузино-русских взаимоотношений. В статье рассматривается данный аспект сложного переплетения традиций «старой школы» и «нового направления» в исторической науке.

Результаты

Среди историков 1930-1950 гг., занимавшихся русско-грузинскими отношениями XVI-XVIII вв., в той или иной степени испытывших влияние научных

трудов М.А. Полиевктова, следует отметить Николая (Нико) Александровича Бердзенишвили (1894-1965).

Виднейший грузинский историк Н.А. Бердзенишвили является одним из основателей современной грузинской исторической науки, наряду с И.А. Джавахишвили и С.Н. Джанашия. В грузинской историографии признано значение научного творчества Н.А. Бердзенишвили в организации исторической науки, исследовании различных проблем истории феодальной Грузии. Ему принадлежит заслуга в разработке истории грузино-русских взаимоотношений XVI-XVIII вв., написании глав об истории отношений в первых советских учебниках по истории Грузии [Думбадзе 1978; Пайчадзе 1964].

В своем научном творчестве Н.А. Бердзенишвили испытал влияние методологии М.А. Полиевктова. В фундаментальном исследовании «Из истории русско-грузинских отношений на рубеже XVI-XVII веков», и «Из истории Грузии XVIII в.», опубликованном в 1 выпуске «Материалы по истории Грузии и Кавказа» за 1944 г. под грифом Института истории Грузии им. акад. И.А. Джавахишвили, дается обстоятельный анализ состояния разработки проблем истории русско-грузинских взаимоотношений XVI-XVIII вв. Н.А. Бердзенишвили останавливается на роли М.А. Полиевктова в формировании грузинской русистики. Эта работа была защищена им в качестве докторской диссертации в 1943 г. Автор исследования отмечает, что «предыдущая грузинская историография не уделяла должного внимания исследованию вопросов внешних отношений Грузии. Отношения с соседями рассматривались в основном в ракурсе военных действий. Из поля зрения выпадали вопросы «идейно-культурных и хозяйственно-экономических отношений» [Бердзенишвили 1944: 4]. Данное положение вполне укладывалось в задачи марксистской науки по написанию истории Грузии, исходя из тех требований, которые предъявлялись руководством страны после известного постановления партии 1934 г. [Сулаберидзе 2022]. Однако, в парадигмах новой концепции истории Грузии можно видеть и влияние работ М.А. Полиевктова, его идей, в частности, о необходимости исследования внешней политики через «сеть международных отношений».

Н.А. Бердзенишвили отмечал, что в предыдущей историографии не рассматривались «вопросы внешних отношений и влияние их на политику страны» [Бердзенишвили 1944: 4]. Это, прежде всего, касалось отношений с Россией. Как известно, М.А. Полиевктов был историком внешней политики России, источниковедом, «архивариусом», открывшим ряд значительных архивных источников по «кавказскому вопросу» [Сулаберидзе 2024].

Н.А. Бердзенишвили в истории грузино-русских отношений особо выделял период зарождения дипломатических отношений, связанных с деятельностью царя Кахетии Александра II, который предлагал Московскому государству покорение Дербента-Ширвана, борьбу вместе с «дружественным Ираном» против Османской Турции, организацию коалиционного похода и освобождение Константинополя и Иерусалима от мусульманского господства» [Бердзенишвили 1944: 46].

Н.А. Бердзенишвили, анализируя геополитические планы царя Кахетии Александра II, отмечал, что «они могли казаться утопическими для своего

времени в ближневосточной политике, но он *впервые поставил грузинский вопрос, как руководство, предмет для последующих грузинских политиков*» [Бердзенишвили 1944: 47].

Царь Кахетии вел хитрую игру, балансировал между Ираном и Россией, считал покровителем не только русского царя, но и шаха Ирана. В этом лице царь Кахетии при сильных покровителях мог противостоять и Османской империи («будучи промеж таких великих государей во обереганье»), и максимально использовать в интересах своей страны [Бердзенишвили 1944: 24-25]. Так могло продолжаться до тех пор, пока на Кавказе не изменилось бы соотношение политических сил.

Как исследователь истории Грузии, Н.А. Бердзенишвили явно ощущал в середине 1940-х гг. проблемность многих вопросов русско-грузинских отношений. Эта касалась и оценки дипломатических и политических отношений на протяжении XVI-XIX вв., смены парадигм в связи политическими трансформациями, интересов политических правящих элит. Уже с середины 1940-х гг. стала преобладать парадигма «выбора из меньшего зла». Грузинский ученый пишет о «сложной картине дипломатическо-политических русско-грузинских отношений». Он противник «однобокового освещения русской или грузинской политики» [Бердзенишвили 1944: 5].

Подчеркивая значение трудов М.А. Полиевктова, Н.А. Бердзенишвили отмечает, что русский ученый не страдал этой «обнобокостью». Однако, «к несчастью, недавно скончавшийся ученый (1942 год) не успел завершить успешно начатое им дело. Изданием материалов по истории русско-грузинских отношений и глубоким знанием истории России, научным добросовестным подходом к публикации предисловий к источникам *М.А. Полиевктон сделал пока лучшее в изучении русско-грузинских отношений*». Однако, продолжает Н.А. Бердзенишвили, «это не означает, что указанные труды без недостатков и мы не должны позаботиться о создании научных исследований высокого достоинства по этому важнейшему историческому вопросу» [Бердзенишвили 1944: 5-6].

В списке историографии по истории русско-грузинских отношений, наряду с трудами С. Белокурова, М. Броссе, Н. Василевского, Н. Бердзенишвили в числе значимых для дальнейшего исследования указывает труды М.А. Полиевктова: «Экономические и политические разведки Московского государства XVII века на Кавказе» (1932), «Материалы по истории русско-грузинских взаимоотношений 1615-1640 гг. (1937), «Посольство стольника Толочанова и дьяка Ивлева в Имеретию. 1650-1652» (1926), «Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. 1640-1643» (1928) [Бердзенишвили 1944: 6]. Впоследствии вышла очень важная работа М.А. Полиевктова «Делопроизводственный генезис и состав документов дипломатических отношений России с Грузией. Московский период (XVI-XVIII вв.) [Полиевктон 1940: 83-103].

Эти работы М.А. Полиевктова заложили основы для углубленного изучения русско-грузинских отношений. Стали основой для подготовки в этой области молодых грузинских ученых, приобщения их к архивной деятельности, поиску грузинских источников.

К сожалению, грузинский ученый не был знаком с другими работами М.А. Полиевктова, многие из которых были в рукописи, не были напечатаны и впоследствии отложились в личном фонде ученого в Центральном историческом архиве Грузии. Сейчас часть из них, в частности, знаковая работа опубликована А.Н. Максимчиком «Россия и Кавказ, как проблема русской внешней политики» [Максимчик 2014]. Но ждут публикации и ряд других работ русского ученого, имеющие кардинальное значение для развития кавказоведения. Долг ученых сделать достоянием науки фундаментальные работы М.А. Полиевктова.

Рассматривая конкретно вопросы взаимоотношений Москвы с Кахетией, Н.А. Бердзенишвили все-таки использует не только источники, открытые и опубликованные М.А. Полиевктовым, но и некоторые его идеи, в частности, касающиеся мотивационного комплекса правителей Московии и Кахетии. Так, он утверждает, что кахетинские цари в условиях мусульманского окружения, вырабатывали «дипломатическую формулу, благодаря которой в течении двух веков Грузия (под покровительством Москвы) не раз выставлялась русскими и грузинскими политическими деятелями (Петр I, Вахтанг VI, Теймураз II, Ираклий II) посредником в русско-иранских отношениях» [Бердзенишвили 1944: 35].

Возможность такой роли Грузии в становлении дипломатических русско-иранских отношений отмечена в научной литературе [Бушев 1976].

Необходимо отметить, что тема – «Кахетия и Россия» («Вопрос Кахетинского царства во внешней политике Москвы в XVI в.») стала предметом исследования ученика М.А. Полиевктова Я.З. Цинцадзе. Сохранилась рецензия учителя на диссертацию молодого грузинского ученого, в которой наставник довольно тактично указывает на отдельные недостатки работы ученика, связанные с недооценкой «сети международных отношений» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 106]. Этим отмечена критичная, но позитивная рецензия и Н.А. Бердзенишвили [Бердзенишвили 1971б].

По мнению Н.А. Бердзенишвили, ни в XVI, ни в XVII в., «третий Рим», выступавший под лозунгом защиты, покровительства восточного христианства, не создал реальных основ для своего утверждения в Закавказье. «Реально его политическое влияние не росло, действия России были противоречивые, не оправдывая надежд христианских народов Закавказья», – утверждает грузинский ученый. В продолжение данного тезиса Н.А. Бердзенишвили обосновывает причины колебания внешней политики грузинских царей, играющих на «балансе сил»: «В этих условиях политическое влияние «третьего Рима» сокращалось и на повестку дня становилась ориентация на Западную Европу. В XVII в. Россия не раз проявляла свою слабость в «покровительстве» христианских народов Закавказья. Но и Западная Европа, как показали события 1714 и 1722 г., еще меньше могла оказать реальную политическую поддержку Грузии, чем Россия. В лице Петра I Россия была первым большим государством, которая пришла в Закавказье, противопоставила себя Ирану и Османской Турции и предложила союз и покровительство христианам Кавказа» [Бердзенишвили 1971а: 185].

Раскрывая внутреннее содержание русско-грузинских отношений, автор довольно обстоятельно прослеживал процессы, происходившие в XVI-XVIII вв., отмечая сложности взаимоотношений и мотивацию поступков правящих элит.

Однако, при этом он страдал тем же недостатком, которым упрекал М.А. Полиевктова. Каждый из них был, прежде всего, специалистом истории своей страны. Поэтому говоря о неудачах внешней политики России, грузинский ученый не знал всей полноты состояния России в тот или иной период истории. К тому же не исследованными оставались и проблемы внешней политики не только России в отношении Кавказа, Грузии, но и Турции и Ирана. О состоянии разработки проблем внешней политики в кавказском регионе свидетельствует современная историография [Бахтуридзе 2016].

М.А. Полиевктов в своих работах обстоятельно проанализировал этапы отношений России с Кавказом и Грузией, их особенности, мотивацию взаимоотношений. Впервые М.А. Полиевктов дал периодизацию отношений России и Грузии в работах, написанных в 1930-х – начале 1940 гг. трудах [Сулаберидзе 2020; Тихонов 2011].

XVI-XVII вв. были отмечены мирным освоением Кавказа. Происходило военно-дипломатическое освоение Кавказа. Активная политика по колонизации Кавказа, Грузии началась с известного «персидского-каспийского похода» Петра I [Пайчадзе 1970].

Так что периодизация и характеристика отношений в построениях ученых в известной степени совпадает. Более того, М.А. Полиевктов поддерживал традиционную формулу для первого этапа развития советской историографии, раскрытия захватнической, колонизаторской политики царизма. М.А. Полиевктов утверждал, что «Москва с XVI века культивировала ориентацию правителей Кавказа на Россию» [ЦГИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 49. Л. 9]. Хотя в то же время автор концепции «восточно-кавказского вопроса» тенденцию пророссийской ориентации правителей Кавказа, Грузии рассматривал более широко через призму «мотивационного комплекса», который включал в себя учет как внутренних, так и внешних условий, определявших необходимость такой парадигмы [ЦГИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 53. Л. 41-42].

Исследователь научного творчества Н. Бердзенишвили М.К. Думбадзе утверждает, что он признавал правильность грузинской дипломатии, которая еще с XVI в. выработала внешнюю политику, приведшую ее к союзу с Россией. Однако, Н.А. Бердзенишвили при этом подчеркивал, что Россия в отношениях с Грузией основывалась только на собственных интересах. На различных этапах взаимоотношений, правящая элита России могла поддерживать планы объединения Грузии, но с XVIII в. ее политика по отношению к Грузии становится агрессивной, независимая Грузия для нее неприемлема, и Грузия становится объектом захватнической политики [Думбадзе 1978: 88-89].

По мнению одного из продолжателей научных изысканий М.А. Полиевктова Г.Г. Пайчадзе, вклад Н.А. Бердзенишвили в развертывание работ по исследованию русско-грузинских отношений, «освещению политики русского правительства по отношению к Грузии и Кавказу в связи с русско-иранскими и русско-турецкими отношениями на рубеже XVI-XVII веков, вскрытию тех кардинальных изменений, которые эта политика претерпела в конце XVIII и начале XIX века, неоценим» [Пайчадзе 1964: 69]. И в этом сказывалось влияние научной деятельности русского ученого.

Вместо заключения

Н.А. Бердзенишвили проделал большую работу по созданию истории грузино-русских взаимоотношений, начиная с периода Киевской Руси и завершая периодом инкорпорации Грузии в состав Российской империи. Глубокое владение источниками по истории Грузии позволило ему полнее представить позиции грузинской стороны, выявить потребности и интересы грузинских правящих кругов, мотивацию в пророссийской ориентации. Это составляет сильную сторону предпринятых ими научных исследований по истории грузино-русских отношений XVI-XVIII вв. Н.А. Бердзенишвили принадлежат и написание страниц советской истории Грузии [Бердзенишвили 1950].

Однако, в силу политической ангажированности, не учета всей сложности и противоречивости динамики развития геополитической картины на Кавказе, предлагаемая им концепция грузино-русских взаимоотношений страдала односторонностью, присущей марксистской историографии 1930-1940-х гг. Историческая канва событий не доведена до логического конца. Абсолютизация узкоклассового подхода к историческим фактам игнорирует принципы цивилизационного взаимодействия в угоду политической парадигмы, доминировавшей в исторической науке 1930-1950 гг. В общем, это проблемы как политической ангажированности, так и неразвитости методов историографии в области русско-грузинских взаимоотношений, показатель общего состояния исторической науки 1930-1950 гг. [Тихонов 2016]. Нам представляется, что концепция М.А. Полиевктова открывала иные когнитивные возможности анализа русско-грузинских отношений. Можно сказать, что такие возможности она закладывала. Процесс взаимоотношений между Россией и Кавказом М.А. Полиевктовым воспринимался в контексте цивилизационных взаимных воздействий на протяжении XVI-XVIII веков. При этом автор ее неизменно подчеркивал своеобразие традиций и культуры Кавказа, транзитную роль России и самого Кавказа в общении Запада и Востока. Цивилизационное определение процесса обнаруживало глубину кардинальных трансформаций, их закономерность, что открывало новые грани восприятия, выхода из узких рамок, доминировавших в дореволюционной историографии деклараций о «цивилизующей роли царизма на Кавказе», и сменявших узкоклассовых парадигм советской историографии – «захватнической, колониальной политике царизма», «выбора из меньшего зла», «добровольном, прогрессивном присоединении Кавказа» [Сулаберидзе 2020].

Грузинская историография русско-грузинских взаимоотношений в 1960-1990 годах и в постсоветский период обогатилась новыми исследованиями [Мачарадзе 1974; Мачарадзе 1977-1979; Пайчадзе 1970] и других ученых, которые ввели в научный оборот новый корпус источников, показали их развитие на фоне тенденций развития международных отношений. Но это уже предмет последующего исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтуридзе 2016 – Бахтуридзе З.З. Внешняя политика Грузии в контексте развития международных отношений на постсоветском пространстве: док. дис. полит. наук. – СПб.: СПбГУ, 2016. – 316 с.

Бердзенишвили 1944 – *Бердзенишвили Н.А.* Из истории русско-грузинских отношений на рубеже XVI-XVII веков. Из истории Грузии XVIII века // Материалы по истории Грузии и Кавказа. – Вып. 1. – Тб., 1944. – 211 с. (на груз.яз.)

Бердзенишвили 1971а – *Бердзенишвили Н.А.* Значение присоединения Грузии к России // Вопросы истории Грузии. – Ч. 5. – Тб., 1971. – С. 155-186. (на груз.яз.).

Бердзенишвили 1971б – *Бердзенишвили Н.А.* Рецензия на кн: Я.З. Цинцадзе. Изыскания по истории русско-грузинских взаимоотношений (X-XVI вв.) // Вопросы истории Грузии. – Кн. V. – Тб.: Мецниереба, 1971. – С. 186-237. (на груз.яз.).

Бердзенишвили, Джавахишвили, Джанашия 1950 – *Бердзенишвили Н, Джавахишвили И, Джанашия С.* История Грузии. – Ч. I. 2 Изд. – Тб.: Гос. Изд-во, 1950. – 459 с.

Бушев 1976 – *Бушев П.П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586-1612 гг. (По русским архивам). – М.: Наука, 1976. – 478 с.

Думбадзе 1978 – *Думбадзе М.К.* Жизнь и деятельность Нико Бердзенишвили. – Тб.: Мецниереба, 1978. – 120 с. (на груз.яз.).

Кристенсен 1989 – *Кристенсен Свен Оге.* История России XVII века. Пер. с датского В.Е. Возгрина. – М.: Прогресс, 1989. – С. 188-189.

Максимчик 2014 – *Максимчик А.Н.* Рукопись профессора М.А. Полиевктова «Россия и Кавказ, как проблема русской внешней политики» (1924 г.) // Кавказский сборник. – М.: Русская панорама, 2014. – № 8. – С. 260–277.

Материалы по истории – Материалы по истории русско-грузинских отношений. Ч. 1-2. Под ред. В. Мачарадзе. – Тб.: ТГУ, 1977-1979. 562 с. (на груз.яз. и русск. яз.).

Пайчадзе 1964 – *Пайчадзе Г.Г.* Изучение истории народов СССР в грузинской советской историографии//Грузинская советская историография (на правах рукописи). – Тб.: Институт истории им. И.А. Джавахишвили, 1964. – 103 с.

Пайчадзе 1970 – *Пайчадзе Г.Г.* Русско-грузинские политические отношения в I пол. XVIII века. – Тб.: Мецниереба, 1970. – 279 с.

Полиевктов 1940 – *Полиевктов М.А.* Делопроизводственный генезис и состав документов дипломатических сношений России с Грузией. Московский период (XVI-XVIII вв.) // Труды ТГУ. – Т. XI. – 1940. – С. 83-103.

Сулаберидзе 2020 – *Сулаберидзе Ю.С.* «Тифлисский период» научного творчества М.А. Полиевктова. История создания концепции «восточно-кавказского вопроса». – Саарбрюкен, 2020. – 121 с.

Сулаберидзе 2022 – *Сулаберидзе Ю.С.* Научно-преподавательская деятельность М.А. Полиевктова в Грузии в 1920-1940 годах // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 162-183.

Сулаберидзе 2023 – *Сулаберидзе Ю.С.* Из становления научного кавказоведения в Грузии. М.А. Полиевктов и Я.З. Цинцадзе: учитель и ученик // Народы Кавказа в XVIII-XXI веках: история, политика, культура. Материалы X международного форума историков-кавказоведов. Ростов-на-Дону (12-13. X.2023 г [отв.ред. акад. Г.Г.Матишов]. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2023. – С. 57-63.

Сулаберидзе 2024 – *Сулаберидзе Ю.С.* Деятельность М.А. Полиевктова в архивных учреждениях Грузии // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 83-96.

Тихонов 2011 – *Тихонов В.В.* М.А. Полиевктов как кавказовед // История Россия в исследованиях и документах. – Вып. 5. – М., 2011. – С. 73-82.

Тихонов 2016 – *Тихонов В.В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (сер. 1930-1953-х). – М.-СПб: Нестор-История, 2016. – 424 с.

ЦИАГ – Центральный исторический архив Грузии (г. Тбилиси).

REFERENCES

BAKHTURIDZE Z.Z. *Vneshnyaya politika Gruzii v kontekste razvitiya mezhdunarodnykh otnoshenii na postsovetskom prostranstve* [Georgia's foreign policy in the context of the development

of international relations in the post-Soviet space]: dok. dis. politi. nauk. – SPb.: SPbGU, 2016. – 316 p. (In Russ.).

BERDZENISHVILI N.A. *Iz istorii russko-gruzinskikh otnoshenii na rubezhe XVI-XVII ve-kov. Iz istorii Gruzii XVIII veka* [From the history of Russian-Georgian relations at the turn of the 16th-17th centuries. From the history of Georgia in the 18th century]. In: *Materialy po istorii Gruzii i Kavkaza*. – Vyp. 1. – Tb., 1944. – 211 p. (na груз. yaz.)

BERDZENISHVILI N.A. *Znachenie prisoedineniya Gruzii k Rossii* [The significance of Georgia's accession to Russia]. In: *Voprosy istorii Gruzii*. – CH. 5. – Tb., 1971. – P. 155-186. (na груз. yaz.).

BERDZENISHVILI N.A. *Retsenziya na kn: YA.Z. Tsintsadze. Izyskaniya po istorii russko-gruzinskikh vzaimootnoshenii (X-XVI vv.)* [Review of the book: Ya.Z. Tsintsadze. Research on the history of Russian-Georgian relations (10th-16th centuries)]. In: *Voprosy istorii Gruzii*. – Kn. V. – Tb.: Metsnie-reba, 1971. – P. 186-237. (na груз. yaz.).

BERDZENISHVILI N., DZHAVAKHISHVILI I., DZHANASHIYA S. *Istoriya Gruzii* [History of Georgia]. – CH. I. 2 Izd. – Tb.: Gos. Izd-vo, 1950. – 459 p. (In Russ.).

BUSHUEV P.P. *Istoriya posol'stv i diplomaticheskikh otnoshenii Russkogo i Iranskogo gosudarstv v 1586-1612 gg. (Po russkim arkhivam)* [History of Embassies and Diplomatic Relations of the Russian and Iranian States in 1586-1612 (Based on Russian Archives)]. – M.: Nauka, 1976. – 478 p. (In Russ.).

DUMBADZE M.K. *Zhizn' i deyatel'nost' Niko Berdzenishvili* [Life and Work of Niko Berdzenishvili]. – Tb.: Metsniereba, 1978. – 120 p. (na груз. yaz.).

KRISTENSEN SVEN OGE. *Istoriya Rossii XVII veka* [History of 17th Century Russia]. Per. s datskogo V.E. Vozgrina. – M.: Progress, 1989. – P. 188-189. (In Russ.).

Materialy po istorii russko-gruzinskikh otnoshenii [Materials on the History of Russian-Georgian Relations]. CH. 1-2. Pod red. V. Macharadze. – Tb.: TGU, 1977-1979. 562 c. (na груз. yaz. i russk. yaz.).

MAKSIMCHIK A.N. *Rukopis' professora M.A. Polievktova «Rossiya i Kavkaz, kak problema russkoi vneshnei politiki» (1924 g.)* [Professor M.A. Polievktov's manuscript "Russia and the Caucasus as a Problem of Russian Foreign Policy" (1924)]. In: *Kavkazskii sbornik*. – M.: Russkaya panorama, 2014. – № 8. – P. 260–277. (In Russ.).

PAICHADZE G.G. *Izuchenie istorii narodov SSSR v gruzinskoi sovetskoj istoriografii* [Study of the History of the Peoples of the USSR in Georgian Soviet Historiography]. In: *Gruzinskaya sovetskaya istoriografiya (na pravakh rukopisi)*. – Tb.: Institut istorii im. I.A. Dzhevakhishvili, 1964. – 103 p. (In Russ.).

PAICHADZE G.G. *Russko-gruzinskie politicheskie otnosheniya v I pol. XVIII veka* [Russian-Georgian political relations in the first half of the 18th century]. – Tb.: Metsniereba, 1970. – 279 p. (In Russ.).

POLIEVKTOV M.A. *Deloproizvodstvennyi genezis i sostav dokumentov diplomaticheskikh snoshenii Rossii s Gruziei. Moskovskii period (XVI-XVIII vv.)* [The genesis and composition of Russia's diplomatic relations with Georgia. The Moscow period (16th-18th centuries)]. In: *Trudy TGU*. – T. XI. – 1940. – P. 83-103. (In Russ.).

SULABERIDZE YU.S. *«Tiflisskii period» nauchnogo tvorchestva M.A. Polievktova. Istoriya sozdaniya kontseptsii «vostochno-kavkazskogo voprosa»* [The "Tiflis period" of M.A. Polievktov's scientific work. The history of the creation of the concept of the "Eastern Caucasus issue"]. – Saarbrücken, 2020. – 121 p. (In Russ.).

SULABERIDZE YU.S. *Nauchno-prepodavatel'skaya deyatel'nost' M.A. Polievktova v Gruzii v 1920-1940 godakh* [M.A. Polievktov's scientific and teaching activities in Georgia in the 1920s-1940s]. In: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2022. – № 3. – P. 162-183. (In Russ.).

SULABERIDZE YU.S. *Iz stanovleniya nauchnogo kavkazovedeniya v Gruzii. M.A. Polievktov i YA.Z. Tsintsadze: uchitel' i uchenik* [The development of scientific Caucasian studies in Georgia. M.A. Polievktov and Ya.Z. Tsintsadze: teacher and student]. In: *Narody Kavkaza v XVIII-XXI vekakh: istoriya, politika, kul'tura. Materialy X mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov*.

Rostov-na-Donu (12-13. KH.2023 g [otv.red. akad. G.G. Matishov]. – Rostov-na-Donu: Izd-vo YUNTS RAN, 2023. – P. 57-63. (In Russ.).

SULABERIDZE YU.S. *Deyatel'nost' M.A. Polievktova v arkhivnykh uchrezhdeniyakh Gruzii* [M.A. Polievktov's activities in Georgian archival institutions]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2024. – № 1. – P. 83-96. (In Russ.).

TIKHONOV V.V. M.A. *Polievktov kak kavkazoved* [Polievktov as a Caucasian scholar]. In: Istoriya Rossiya v issledovaniyakh i do-kumentakh. – Vyp. 5. – M., 2011. – P. 73-82. (In Russ.).

TIKHONOV V.V. *Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaya istoricheskaya nauka (ser. 1930-1953-kh)* [Ideological campaigns of "late Stalinism" and Soviet historical science (mid-1930s-1953)]. – M.-Spb: Nestor-Istoriya, 2016. – 424 p. (In Russ.).

Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Gruzii (g. Tbilisi) [Central Historical Archive of Georgia]. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю.С. Сулаберидзе – кандидат исторических наук.

Information about the author

Yu.S. Sulaberidze – Candidate of Historical Sciences.

Статья поступила в редакцию 11.09.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 11.09.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Научная статья
УДК 908:332:37
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-304-319
EDN: PKOFAU

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ СОЧИНСКОЙ ГОРОДСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

Игорь Анатольевич Тверитинов

Субтропический научный центр Российской академии наук, Сочи, Россия,
iatveritinov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-3912-1168>

Аннотация. В историографическом исследовании рассматриваются научные работы по вопросам развития и организации управления Сочинской городской агломерацией. В настоящее время развитие городских агломераций признается одной из основных предпосылок ускорения экономического роста хозяйственных структур страны. Сочинская агломерация получила новый импульс для дальнейшего развития после создания федеральной территории «Сириус» и фактического перераспределения функциональной специализации между её структурными подразделениями, в частности городом-курортом Сочи и федеральной территорией «Сириус», ставшей научным, спортивным и культурным центром Причерноморья. Периферия Сочинской агломерации постепенно повышает свое значение как основное место для жизни и работы населения, тогда как ядро агломерации – Центральный район города – сохраняет роль своеобразного трудового и сервисного центра. В ряде публикаций рассмотрены основные существующие виды и типы структуры агломерации, объекты, которые находятся внутри нее, предложены виды связей, объединяющие все элементы агломерации. Некоторые авторы делают вывод, что основной проблемой нормального развития городских агломераций является необходимость разработки системы управления, основанной на новых принципах и сопряженной с нормативно-правовой базой региона. Другие призывают обратить внимание на перекосы последних десятилетий в транспортной и градостроительной политике местных властей, которые привели к хаотичной застройке прибрежной полосы и транспортному коллапсу в летний сезон. Отдельные исследователи считают, что Сочи в первую очередь является курортной (рекреационной) агломерацией, в которой благополучие окружающей природы напрямую связано с экономическим процветанием города-курорта. Авторами обосновывается необходимость организации управления Сочинской городской агломерацией с учетом её особенностей как крупнейшего курорта страны и рачительным использованием местных природных и земельных ресурсов.

Ключевые слова: историография; Сочинская городская агломерация; система муниципальных образований; пространственное развитие; агломерационное развитие территории; экономический рост; региональная политика.

Благодарности и финансирование: Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ ШЦ РАН № FGRW-2024-0002, № госрегистрации 124022000096-2.

Для цитирования: Тверитинов И.А. Историография проблем развития Сочинской городской агломерации // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 304-319. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-304-319. EDN: PKOFAU.

HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE SOCHI URBAN AGGLOMERATION

Igor A. Tveritinov

Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Sochi, Russia,
iatveritinov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-3912-1168>

Abstract. The historiographical study examines scientific works on the development and management of the Sochi urban agglomeration. Currently, the development of urban agglomerations is recognized as one of the main prerequisites for accelerating the economic growth of the country's economic structures. The Sochi agglomeration received a new impetus for further development after the creation of the Sirius federal territory and the actual redistribution of functional specialization between its structural divisions, in particular, the resort city of Sochi and the Sirius federal territory, which became the scientific, sports and cultural center of the Black Sea region. The periphery of the Sochi agglomeration is gradually increasing its importance as the main place for the life and work of the population, while the core of the agglomeration – the Central district of the city – retains the role of a kind of labor and service center. A number of publications have reviewed the main existing types and types of agglomeration structure, the objects that are located inside it, and proposed types of connections that combine all the elements of the agglomeration. Some authors conclude that the main problem of the normal development of urban agglomerations is the need to develop a management system based on new principles and coupled with the regulatory framework of the region. Others call for attention to the distortions of recent decades in the transport and urban planning policies of local authorities, which have led to chaotic coastal development and transport collapse in the summer season. Some researchers believe that Sochi is primarily a resort (recreational) agglomeration, in which the well-being of the surrounding nature is directly linked to the economic prosperity of the resort city. The authors substantiate the need to organize the management of the Sochi urban agglomeration, taking into account its features as the largest resort in the country and the prudent use of local natural and land resources.

Keywords: historiography, Sochi urban agglomeration, system of municipalities, spatial development, agglomeration development of the territory, economic growth, regional policy.

Acknowledgments: The publication was prepared as part of the implementation of the State Assignment of the FIT SNC RAS № FGRW-2024-0002, State registration no. 124022000096-2

For citation: Tveritinov I.A. Historiography of the problems of development of the Sochi urban agglomeration. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 304-319. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-304-319. EDN: PKOFAU.

© Tveritinov I.A., 2025

Введение

Сегодня главной целью внутренней политики руководства страны становится приведение экономической и социально-политической системы России в соответствие с потребностями времени, особенно в условиях многочисленных санкций со стороны стран Запада. Поэтому изучение исторического опыта проведения экономических реформ в нашей стране, в том числе в сфере формирования городских агломераций на Северном Кавказе, является одной из важных исследовательских задач.

Актуальность исследования вопросов, связанных с изучением особенностей развития и функционирования городских агломераций не вызывает вопросов,

так как от того, насколько обеспечено социально-экономическое развитие муниципальных образований зависит и развитие регионов, и развитие России в целом.

Актуальность темы данного исследования также состоит в преемственности усилий многих поколений сочинцев, благодаря большому труду которых из заштатного поселения в Российском Причерноморье вырос крупнейший город-курорт Сочи, агломерационное развитие которого продолжается и в настоящее время.

Исследование теории развития городских агломераций необходимо прежде всего для выработки общепринятых определений агломерации и агломерационного развития, что в практическом применении не всегда является однозначным. Например, это выражается в разном определении исследователями термина «агломерация». За основу в этой публикации предлагается взять дефиницию, разработанную кубанскими авторами коллективной монографии: «Агломерация – это пространственная группировка населенных пунктов вокруг больших городов, характеризующаяся интенсивными производственными, транспортными, культурными, социально-бытовыми связями» [Межсектор... 2020: 75]. Цель данной статьи – сделать ретроспективный анализ совокупности научных трудов по различным вопросам развития Сочинской городской агломерации. Общее количество историографических источников, изучению которых посвящена настоящая работа, составляет более 20 статей и одна монография, опубликованных в разное время за последнее постолимпийское десятилетие, начиная с работ по истории самой агломерации. В связи с этим данный историографический обзор структурирован по проблемно-хронологическому принципу.

Объектом исследования является Сочинская агломерация, особенностью которой является то, что в её состав входят муниципальное образование городской округ город-курорт Сочи Краснодарского края и федеральная территория (ФТ) «Сириус». Другая особенность характерна и для формального ядра агломерации – города Сочи, включающего 80 сельских населенных пунктов. В то же время фактическим ядром агломерации является Центральный район города, который концентрирует трудовые ресурсы, а периферией – другие внутригородские районы города. Третьей особенностью курорта является то, что «40 % береговой полосы, протяженностью свыше 96 км, занимают 188 пляжных территорий. Кроме того, из общей площади города-курорта Сочи (3505 кв. км. – И.Т.) 95 % составляют территории Кавказского биосферного заповедника и Сочинского национального парка» [Гандабоева 2024: 27].

Новизной этого исследования является тот факт, что отдельный труд по истории и историографии вопросов развития Сочинской агломерации еще не издавался. В то же время уже опубликованы обзоры научной литературы по данной проблеме в ряде статей сочинских ученых Е.В. Онищенко и В.Н. Шарафутдинова. Так, в их совместной статье «О совершенствовании системы управления Сочинской курортной агломерацией» имеется обзор литературы общего характера с анализом таких терминов, как «городская агломерация», «курортная агломерация», «туристская агломерация» [Онищенко, Шарафутдинов 2023а: 37-38].

В статье этих авторов «Ключевые вопросы формирования стратегии и генерального плана развития города-курорта Сочи» также приведен подробный обзор литературы по указанной тематике [Онищенко, Шарафутдинов 2023б: 172-173].

Во введении статьи «Основные проблемы и риски стратегирования Сочинской курортной агломерации на период до 2035 года» анализируются источники и литература по вопросам стратегирования туристских территорий. Здесь же делается вывод, что «успешная реализация Стратегии сочинской курортной агломерации возможна только на основе трансформации действующей системы управления городом-курортом. Имеется в виду система управления современного агломерационного типа на новых принципах...» [Шарафутдинов, Онищенко 2024а: 123].

Материалы и методы исследования

Исследование историографии по указанной теме выявило ряд работ, посвященных теоретико-методологическим вопросам формирования и развития структурных элементов городских агломераций. Так, один из авторов в результате изучения и систематизации теоретических положений, а также проведенного анализа полученных данных, сформулировал общие методологические принципы развития агломераций. Это – принципы *институционализации, системности, отсутствия барьеров, дифференцированного подхода и наличия ресурсной основы* развития агломераций [Суворова 2023: 12-13].

Другой исследователь на основе совокупности методологических подходов анализирует такие процессы, как генезис административно-территориальной структуры и системы управления в виде органов власти будущей Сочинской агломерации, развертывание сети поселений и апробация адаптированных к субтропикам сельскохозяйственных культур, появление на местах учреждений науки, внесших свой весомый вклад в «колонизацию» (хозяйственное освоение) Причерноморья [Садовой 2021: 22].

Результаты и обсуждение

Исследователями-экономистами упущен вопрос изучения самой истории формирования и развития Сочинской городской агломерации почти за 200 лет, что попытался исправить в своих трех статьях автор этой работы.

Первая статья посвящена процессу первичного заселения и создания административно-территориального устройства Северо-Восточного Причерноморья в дореволюционный период (1829–1920 гг.). В статье отмечается, что с момента окончания Кавказской войны Сочинский регион претерпел немало административных реформ, в ходе которых менялись его границы и положения. Изменение административно-территориального устройства города Сочи и всего региона активно продолжились в революционный и военный периоды, когда власть в стране осуществляли чрезвычайные органы, а конкретные требования момента предопределяли оперативность решения. К концу этого периода «вокруг города Сочи начала формироваться агломерация – совокупность сельских населенных пунктов, объединенных между собой социально-экономическими, культурно-бытовыми, административными и историческими связями» [Тверитинов 2024а: 101].

Во второй работе рассматривается административное реформирование на территории Сочи в советское время (1921–1991 гг.). В мирный период, когда на смену чрезвычайным органам власти пришли исполкомы различного уровня, в

административно-территориальном строительстве в Причерноморье оставалось немало проблем. В статье отмечено, что в 1961 г. «создание современной агломерации ускорилось после присоединения к городу Сочи двух сельских районов Краснодарского края – Адлерского и Лазаревского...» [Тверитинов 2024b: 94].

В третьем труде дана характеристика административно-территориальных преобразований Сочинской агломерации в постсоветский период (1992–2024 гг.). Этот период характеризуется значительным изменением пропорций национального состава населения Сочи, что связано с усилением миграционных потоков в регионе. Автор отмечает, что город-курорт Сочи уникален не только своими природно-климатическими факторами, но и частыми административно-территориальными преобразованиями. В статье сделан вывод, что «Сочинская агломерация – это динамично развивающаяся южная территория со своими проблемами роста...» [Тверитинов 2024с: 117].

Проблемам развития Сочинской агломерации посвящен ряд публикаций отечественных авторов. Так, в статье «Вопросы развития Сочинской городской агломерации» [Лаврова, Отто 2015: 43–46] авторы исследуют предпосылки формирования Сочинской агломерации, обосновывают ее границы с учетом основных факторов, определяют структуру агломерации. Делается вывод о необходимости рассмотрения Сочинской агломерации как курортной агломерации по типу «экополиса». Авторы утверждают, что Сочинская городская агломерация является полицентричной, так как включает в себя четыре ядра – такие внутригородские районы Сочи, как Адлерский, Хостинский и Лазаревский, которые в будущем могут стать локальными центрами для развития ближайших сельских населенных пунктов. В то же время Центральный район города не имеет сельских территорий, однако является основным ядром агломерации, так как в нем располагаются основные трудовые ресурсы. В этих выводах с авторами согласен другой исследователь, считающий, что Сочинская агломерация «имеет четыре центра притяжения», а Центральный район города является ядром агломерации [Сагорьян 2021: 2605]. Одновременно авторы считают, что город Сочи необходимо рассматривать как курортную агломерацию – по типу «экополис», где благополучие природы напрямую влияет на экономическое процветание всего города. В заключение авторы делают вывод, что в дальнейшей перспективе Сочинская агломерация может стать ядром Черноморской курортной агломерации, которая в свою очередь, объединит все побережье от Крыма до Абхазии. Этот вывод получил свое развитие в статье другой группы авторов, которые позиционируют всё Черноморское побережье как «единое рекреационно-географическое образование» [Зырянов и др. 2022: 191].

Сочинские архитекторы в статье «Без создания образа будущего невозможно консолидировать силы городского сообщества» [Козинский, Козинская 2017: 92–99] заявляют, что «последствия неуправляемой урбанизации...влияют на здоровье, безопасность горожан, на семейную экономику, оказывают давление на муниципальный бюджет...» [Козинский, Козинская 2017: 93]. Авторы подчеркивают, что в новых реалиях цивилизационного кризиса и проблем урбанизации необходимо восстановить научный подход к разработке документов стратегического и территориального планирования развития города. Важно

найти решения задач коммуникаций между нагорными сельскими поселениями и прибрежной зоной с сохранением целостности городской среды. Ученые делают вывод, что концепцию развития курортной агломерации «Большой Сочи» можно рассматривать как муниципальный стратегический документ, а целевые показатели Генерального плана развития Сочи должны стать основным критерием эффективности муниципального управления. Эти выводы развивает в своей статье другой сочинский исследователь, который утверждает, что «администрация города обязана разработать новую стратегию социально-экономического развития курорта в постолимпийский период» [Дрейзис 2018: 137].

В статье «Демографический потенциал приморских территорий Дона и Кубани...» [Суций 2019: 100-112] автор исследует основные факторы и темпы демографической динамики приморских территорий указанных регионов в имперский, советский и постсоветский периоды. Исследование показало, что быстрый рост населения Черноморского побережья Кавказа в начале XX в. был связан с развитием здесь курортной сферы. Автор справедливо утверждает, что «расширение курортной инфраструктуры становится одним из локомотивов ускоренной урбанизации приморских территорий», в частности, Сочинского и Туапсинского округов (районов) Причерноморья [Суций 2019: 105]. В советский довоенный период начинается реконструкция приморской курортной зоны, которая приобретает всесоюзное значение, что привлекло в Причерноморье значительное число трудовых мигрантов. Ученый делает вывод, что с начала постсоветского периода мощное социально-экономическое развитие «получают крупные рекреационные центры, привлекающие значительное число отдыхающих, а соответственно и устойчивые финансовые ресурсы...» [Суций 2019: 109].

Сочинские исследователи в статье «О проблемах и перспективах развития Азово-Черноморских курортных агломераций Российской Федерации» [Козинская и др. 2020: 225-236] продолжили рассмотрение тезиса, что «Сочинская курортная агломерация – международный всесезонный курорт-экополис федерального значения» [Козинский 2019: 132-141]. Авторы констатируют, что стихийная урбанизация приморской зоны ведет к утрате рекреационных ресурсов и культурной идентичности курортов Азово-Черноморского региона. Необходимо изучение пространственных проблем курортных агломераций региона с целью прогнозирования возможности наращивания потенциала их дальнейшего развития. Разработка прогноза требует совершенствования нормативно-правовой документации для создания системы градостроительного управления и контроля. Агломерационный характер развития Сочи определен в Стратегии «Кубань – 2030». Авторы заявили, что целью стратегии развития Азово-Черноморских курортных агломераций заключается в «создании условий, которые развернут потоки выездного отечественного туризма и въездного зарубежного туризма в сторону российского побережья» [Козинская и др. 2020: 234].

Коллективная монография «Межсекторный подход к управлению пространственным развитием сельских территорий» [Межсектор... 2020: 161] посвящена изучению сельских населенных пунктов на территории Краснодарского края, относящегося к регионам с высокой долей сельского населения. Исследователи, на основе применения метода определения показателя плотности населения по

отношению к городским агломерациям, пришли к выводу, что на территории края «в значительной степени сельскими районами являются 8 муниципальных районов и 4 городских округа», в том числе город-курорт Сочи [Межсектор... 2020: 11]. Авторы определили, что актуальность этой проблемы вызвана тем, что в составе Сочинской городской агломерации находятся 89 сельских населенных пунктов (правильно – 80. – *И.Т.*). В то же время ученые подчеркивают: несмотря на то, что в регионе имеется большая сельская территория, в Стратегии «Кубань – 2030» санаторно-курортный комплекс является одним из важнейших. В монографии показана модель пространственного развития, показывающая сельское сообщество как локальную социально-экономическую систему. При этом пространство рассматривается авторами как «системно взаимосвязанная совокупность сред жизнедеятельности населения на определенной территории» [Межсектор... 2020: 148].

Кубанские исследователи в статье «Региональная инвестиционная политика в туристско-рекреационном комплексе Краснодарского края в современных условиях функционирования региональной экономики» [Сидорова, Филобок 2020: 180-185] рассматривают Краснодарский край как один из наиболее привлекательных регионов, как для инвесторов, так и для ведения бизнеса. В частности, международные мероприятия и соревнования, проводимые в городе-курорте Сочи, обеспечили его развитие как горноклиматического курорта. Курортный комплекс Краснодарского края обладает большим потенциалом для развития всех видов туризма, тем более что современная внешнеполитическая ситуация является стимулом для развития внутреннего туризма. Авторы утверждают, что главным документом, определяющим основные векторы развития экономики Краснодарского края, является Стратегия «Кубань – 2030». Приоритетными направлениями для инвестирования в крае, наряду с агропромышленным, транспортным и промышленным комплексами, являются курорты и туризм. В рамках Стратегии регион был поделен на 7 экономических зон, в том числе и на Сочинскую агломерацию. Исследователи делают вывод, что «объединение территорий в единое экономическое пространство позволит муниципалитетам края принимать участие в реализации совместных проектов» [Сидорова, Филобок 2020: 3].

В статье группы авторов «Нормативно-документальное обеспечение устойчивого развития городских агломераций в РФ» [Белозеров и др. 2021: 17-28] рассмотрены документы пространственного развития, стратегического и территориального планирования, разработанные на федеральном и региональном уровнях. Среди документов федерального уровня особое внимание уделено «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года», а также региональным документам, регламентирующим функционирование городских агломераций. Например, в законе Краснодарского края «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 г.» представлены разделы, отражающие развитие ключевых агломераций региона, в том числе, Краснодарской и Сочинской. По степени разработанности нормативных документов Краснодарская и Сочинская городские агломерации вошли во вторую группу с высокой степенью наличия необходимой законодательной базы. Авторы делают вывод, что основной проблемой устойчивого развития и

функционирования городских агломераций является необходимость разработки инновационной модели управления агломерациями. Уточняя этот вывод, другие кубанские ученые заявляют, что «Минэкономики края хочет видеть в стратегиях развития муниципалитетов шаги по содействию реализации Стратегии развития Краснодарского края «Кубань – 2030», однако реального механизма интеграции целей региона и муниципалитета пока не существует» [Мясникова, Лобанова 2021: 107].

В статье «Методологические аспекты анализа вклада АН СССР (РАН) в «колонизацию» Российского Причерноморья (XX – начало XXI века)» [Садовой 2021: 14-25] автор определяет методологические подходы исследования вклада Российской академии наук в процесс «колонизации», то есть мирного освоения Причерноморья. Ученый утверждает, что важным фактором, сдерживающим сравнительный анализ научных источников по данному вопросу, выступает региональная специфика процесса «колонизации», которая фактически являлась хозяйственным и культурным освоением новой территории. Автор статьи, используя различные методологические подходы при изучении историографии, определил три группы процессов. К первой группе он отнес зарождение первичной административно-территориальной структуры местных органов власти и управления, которые должны были начать хозяйственное освоение вновь присоединенных к России территорий, вести продуманную политику среди многонационального и многоконфессионального населения. Ко второй группе автор отнес процессы формирования сельских поселений и товарного сельскохозяйственного производства, развития коммуникаций между переселенцами, с одной стороны, и специализированными организациями, с другой стороны. К третьей группе процессов исследователь отнес формирование научных учреждений в Причерноморье: от опытных станций и до федерального исследовательского центра Академии наук России. В заключение ученый делает вывод: «Осуществленное пилотажное исследование позволяет провести первичную периодизацию «вклада» АН СССР (РАН) в освоение (колонизацию) Черноморского побережья Кавказа...» [Садовой 2021: 22].

Вопрос обеспечения устойчивого развития Сочинской городской агломерации рассматривается в статье «Исследование пространственно-экономического развития Сочинской городской агломерации» [Джиджелава, Родин 2021: 210-221]. Авторы утверждают, что Сочинская городская агломерация является полицентрической, трансрегиональной агломерацией. Устойчивое развитие Сочинской агломерации проходит в соответствии с исполнением положений приоритетной программы, включенной в Стратегию «Кубань – 2030» и направленной на снятие ряда проблем, в том числе транспортной, экологической и чрезмерной урбанизации приморской зоны. Исследователи подчеркивают, что решить эти проблемы можно путем оптимизации транспортного каркаса курорта, использования природных ресурсов в экономике города при сохранении экологического баланса территории агломерации. Вопрос обновления системы заселения предгорной зоны планируется решить путем создания эколого-планировочных районов, представляющих собой бассейновые кластеры, освоение которых будет происходить по водораздельным границам нагорной территории. Для успешного

внедрения этого проекта авторы предлагают осуществить ряд мер: сформировать систему взаимодействия между секторами нагорной и приморской зон; создать институты развития для теоретического обоснования решения возникающих проблем; использовать при этом новейшие информационные технологии.

В статье «Создание федеральной территории «Сириус» как фактор политического развития города Сочи» [Найдеров 2021: 105-121] автор рассматривает проблемы взаимодействия федеральной территории «Сириус» с городом Сочи. Создание первой в России федеральной территории подтвердило статус Сочи как «летней столицы». Автор статьи заявляет, что город Сочи отличается особенностями, которые позволяют говорить о формировании особого Сочинского субрегиона. При этом положения закона о ФТ «Сириус» на переходный период позволяют сочинским органам власти заключать соглашения с органами публичной власти федеральной территории по различным вопросам.

Всё это делает актуальным проблему повышения статуса города-курорта, чтобы он соответствовал его текущему политическому значению (высокий статус Сочи подтвердило правительство, создав в сентябре 2023 г. Сочинскую городскую агломерацию в составе города-курорта Сочи и ФТ «Сириус». – *И.Т.*). Углубляя выводы автора, группа сочинских исследователей пришла к заключению, что муниципальная стратегия «должна быть теперь синхронизирована со стратегией развития федеральной территории» [Пешин, Гандалоева 2021: 111].

Преподаватели Сочинского государственного университета в своей статье «Ключевые вопросы формирования стратегии и генерального плана развития города-курорта Сочи» [Онищенко, Шарафутдинов 2023а: 171-182] заявили, что необходимо изменить негативное направление развития экономики Сочи последних десятилетий, вызванное хаотичной его застройкой, особенно приморской зоны. Это привело к серьезным градостроительным проблемам, значительной утрате санаторно-курортных активов и передаче их бизнес-структурам различного уровня что, в свою очередь, привело к нарастанию неудовлетворенного спроса на лечебно-оздоровительные услуги. Авторы отметили, что «система управления развитием Сочинской агломерации... явно оказалась неадекватной» современным требованиям повышения его технологического уровня и необходимости цифровизации экономики курорта [Онищенко, Шарафутдинов 2023а: 174]. Ученые делают вывод, что в условиях нарастания турпотоков и численности местного населения в Стратегии «Сочи – 2035» и Генеральном плане «Сочи – 2044» должна ставиться и решаться ключевая задача снижения плотности заселения приморской зоны Сочинской агломерации.

В статье «О совершенствовании системы управления Сочинской курортной агломерацией на примере города-курорта Сочи» [Онищенко, Шарафутдинов 2023b: 35-47] сочинские ученые сделали попытку обосновать необходимость изменения системы управления курортными агломерациями в России. Исследователи заявляют, что смысл агломерационной системы управления курортами заключается в создании такой системы, «которая способна гармонизировать интересы всех собственников и владельцев активов в пространстве региона, но при этом не вмешиваясь в их оперативное управление» [Онищенко, Шарафутдинов 2023b: 38]. С целью защиты интересов всех заинтересованных лиц, в том числе

местного населения, авторы предлагают создавать при муниципалитетах наблюдательные советы курортных агломераций, способные решать стратегические задачи их развития. Исследователи заявляют, что сегодня насущной является проблема создания в России крупных туристско-курортных агломераций, в частности, в Черноморско-Азовском регионе в составе всех субъектов южного побережья. В заключение ученые утверждают, что Сочинская курортная агломерация «может и должна стать центром и своеобразным двигателем развития регионов туристско-курортной специализации России...» [Онищенко, Шарафутдинов 2023b: 45].

В статье «Особенности развития новых территориальных субкластеров Сочинской курортной агломерации в стратегический период» [Онищенко 2024: 22-24] приводятся необходимые условия для достижения стратегической цели курортно-туристского кластера как приоритетного муниципального проекта Стратегии «Сочи – 2035». Впервые даются количественные показатели Сочинской курортной агломерации в разрезе ее пространственных округов. На основе начатой работы создания базы данных туристско-рекреационных ресурсов проводится экспертная оценка их наличия в каждом субкластере. Актуальность и научная новизна материалов, изложенных в статье, состоит в обосновании ключевых и перспективных направлений развития туризма всех девяти пространственных округов Сочинской агломерации. С идеями этой статьи перекликаются мысли, заложенные в работе другого сочинского автора, который заявляет, что при выделении субкластеров необходимо «определить структуру турпродукта с учетом городской среды и инфраструктуры» [Гандалоева 2024: 30].

Авторы статьи «Основные проблемы и риски стратегирования Сочинской курортной агломерации на период до 2035 года» [Шарафутдинов, Онищенко 2024a: 120-136] посвятили публикацию анализу проблем, обозначенных в Стратегии «Сочи – 2035». В Стратегии отмечены 14 ключевых проблем Большого Сочи, решение которых, по мнению разработчиков, позволит избежать риски для дальнейшего развития курорта. Авторы выделяют следующие проблемы: система управления курортом развита неравномерно; в развитии города нарушен баланс устойчивости; недостаточно внимания уделяется развитию бальнеологии на курорте; образовался низкий уровень конкурентоспособности курортно-туристского комплекса; в разгар сезона не хватает квалифицированных кадров; на курорте не разработан бренд Большого Сочи; отсутствует единая информационная инфраструктура; сформировался низкий уровень взаимодействия санаторно-курортного и туристского комплекса с Сочинским госуниверситетом; имеются ограничения в транспортно-логистической инфраструктуре города; усиливается антропогенная нагрузка на окружающую среду; возникает неблагоприятная санитарно-эпидемиологическая ситуация в курортный сезон; на курорте в наличии недостаточное количество отелей со стандартами «Всё включено»; в курортный сезон уменьшается возможность обеспечить население и отдыхающих продуктами первой необходимости; отсутствуют единые стандарты в санаторно-курортном и туристском комплексе, предъявляемые к персоналу. Авторы делают вывод, что «достижение целей и задач, сформулированных в Стратегии, должно осуществляться с соответствующим научно-методическим обеспечением и

сформированной системой управления сочинской курортной агломерацией на новых принципах» [Шарафутдинов, Онищенко 2024а: 131]. Статья «Ключевые стратегические новации в проектных решениях новой стратегии развития Сочи на период до 2035 г.» [Шарафутдинов, Онищенко 2024б: 194-206] является продолжением темы обсуждения Стратегии Сочи – 2035. Авторы определили три стратегические новации в качестве необходимых условий дальнейшего развития Сочи. *Первая новация* заключается в формировании Сочинской агломерации, основанной на современных управленческих принципах. *Вторая новация* заключается в цифровизации всех отраслей экономики Сочинской агломерации. И *третья новация* – это изменение современного градостроительного развития Сочи вдоль его береговой полосы. В то же время нельзя согласиться с утверждением авторов, что генеральным планом развития Сочи 1967 г. (цитирую): «первые были интегрированы в целостное градостроительное образование четыре курортных города на Черноморском побережье и более 80 сельских поселений на всем южном склоне Кавказского хребта» [Шарафутдинов, Онищенко 2024б: 200]. Реально такая интеграция произошла на 6 лет раньше, когда Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 10 февраля 1961 г. к городу Сочи «в целях сохранения и развития уникального... курорта» были присоединены Адлерский и Лазаревский сельские районы Краснодарского края, и Сочинская агломерация уже тогда получила свои современные очертания и наполнение [Тверитинов 2024: 92].

Выводы

Из приведенных работ видно, что в научных работах рассматривается роль Сочинской городской агломерации как потенциального центра инновационной экономики и экономического роста в сфере туризма и рекреации. Авторы анализируют необходимые изменения в системе территориального управления и стратегического планирования курортной экономики. В работах обосновывается необходимость превращения агломерации в полноценный объект территориального планирования с системой прогнозных и программных документов.

В одном из таких основополагающих для курорта документов – Стратегии «Сочи – 2035» – ставится вопрос о создании постоянно действующих органов координации развития агломерации – Агентства развития Сочи и Стратегического совета Сочинской агломерации, которые наряду с перечисленными задачами будут также заниматься обеспечением охраны объектов культурного наследия в исторических поселениях на территории города-курорта [Стратегия 2023...]¹.

Одним из важных направлений социально-экономического развития Сочи, обозначенных в Стратегии, является исполнение муниципальных приоритетных проектов (МПП), в том числе, МПП «Устойчивое субтропическое сельское хозяйство Сочи» и «Межрегиональный научно-исследовательский кластер

¹ Стратегия 2023... – Стратегия социально-экономического развития муниципального образования городской округ город-курорт Сочи Краснодарского края на период до 2035 года. Принята решением Городского Собрания Сочи от 21.12.2023. № 166. С. 55 // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://sochi.ru/strategiya-sochi-2035> (дата обращения: 14.02.2025).

«Причерноморье». Результатом реализации этих МПП является создание на базе ФИЦ СНЦ РАН научного совета «Причерноморье». Советом «осуществляется координация научно-исследовательской деятельности всех научно-исследовательских и образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования города Сочи, координация деятельности органов власти и научно-экспертного сообщества» [Стратегия 2023...]¹.

Таким образом, ретроспективный анализ историографии, посвященной вопросам развития Сочинской курортной агломерации, показывает, что основное внимание исследователей сосредоточено на поиске новых путей и решений в комплексном управлении территорией Большого Сочи с целью преодоления его стихийной урбанизации и вовлечения города-курорта в совместное развитие будущей единой рекреационной агломерации в составе всех субъектов Азовского и Черноморского побережья страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Белозеров и др. 2021 – *Белозеров В.С., Щитова Н.А., Сопнев Н.В.* Нормативно-документальное обеспечение устойчивого развития городских агломераций в РФ // *ИнтерКарта ИнтерГис*. – 2021. – Т. 27. – № 1. – С. 17-28.

Гандалоева 2024 – *Гандалоева Л.Б.* Экосистема туризма как современный тренд развития курортных территорий // *Вестник Российского Международного Олимпийского Университета (РМОУ)*. – 2024. – № 1-2. – С. 26-31.

Джиджелав, Родин 2021 – *Джиджелав Л.Д., Родин А.В.* Исследование пространственно-экономического развития Сочинской городской агломерации // *Экономика и управление в современных условиях: проблемы и перспективы: Сб. науч. трудов по матер. VIII Всерос. науч.-практ. конф.* – Краснодар: КубГУ, 2021. – С. 210-221.

Дрейзис 2018 – *Дрейзис Ю.И.* Планирование территориального развития города Сочи на постолимпийский период // *Вестник Академии знаний*. – 2018. – № 29 (6). – С. 131-139.

Зырянов и др. 2022 – *Зырянов А.И., Цулая И.В., Яковенко И.М.* Структура и особенности формирования туристского пояса Крымско-Кавказского Причерноморья (на примере Крыма, Краснодарского края и Абхазии) // *Известия РАН. Серия география*. – 2022. – Т.86. – № 2. – С. 191-203.

Козинская и др. 2020 – *Козинская О.В., Козинский О.Ф., Шарафутдинов В.Н., Онищенко Е.В., Гришин Н.А.* О проблемах и перспективах развития Азово-Черноморских курортных агломераций Российской Федерации // *Сб. трудов Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН)*. – М., 2020. – С. 225-236.

Козинский, Козинская 2017 – *Козинский О.Ф., Козинская О.В.* Без создания образа будущего невозможно консолидировать силы городского сообщества // *Градостроительство*. – 2017. – № 1. – С. 92-99.

Козинский 2019 – *Козинский О.Ф.* Об историческом и олимпийском наследии Сочи // *Проект Байкал*. – 2019. – Т. 16. – № 60. – С. 132-141.

Лаврова, Отто 2015 – *Лаврова Т.Г., Отто К.Н.* Вопросы развития Сочинской городской агломерации // *Путь науки*. – 2015. – № 8 (18). – С. 43-46.

Межсектор... 2020 – *Межсекторный подход к управлению пространственным развитием сельских территорий: монография / Ю.В. Филиппов, Т.Т. Авдеева, Т.Г. Лаврова, И.А. Скрипиль*. – Краснодар: КубГУ, 2020. – 161 с. ISBN 978-5-8209-1726-4.

Мясникова, Лобанова 2021 – *Мясникова Т.А., Лобанова С.А.* Стратегии развития муниципальных образований как один из инструментов развития Краснодарского края // *Проблемы*

¹ Там же. С. 241.

и перспективы. соц.-эк. развития регионов Юга России: Матер. VII Всерос. науч.-практ. конф. – Майкоп, 2021. – С. 102-107.

Найдеров 2021 – *Найдеров Ю.В.* Создание федеральной территории «Сириус» как фактор политического развития города Сочи // Государственное управление. Электронный вестник. – 2021. – № 89. – С. 105-121.

Онищенко 2024 – *Онищенко Е.В.* Особенности развития новых территориальных субкластеров Сочинской курортной агломерации в стратегический период // Туризм: право и экономика. – 2024. – № 4. – С. 22-24. ISSN: 1813-1212.

Онищенко, Шарафутдинов 2023а – *Онищенко Е.В., Шарафутдинов В.Н.* Ключевые вопросы формирования стратегии и генерального плана развития города-курорта Сочи // Социально-экономическое пространство регионов. – 2023. – Т.17. – № 3. – С. 171-182.

Онищенко, Шарафутдинов 2023б – *Онищенко Е.В., Шарафутдинов В.Н.* О совершенствовании системы управления Сочинской курортной агломерацией на примере города-курорта Сочи // Теоретические и прикладные аспекты развития сферы рекреации и туризма. – 2023. – № 2(18). – С. 35-47.

Пешин, Гандалоева 2021 – *Пешин Н.Л., Гандалоева Л.Б.* Стратегии совместного социально-экономического развития муниципального образования и федеральной территории: первый опыт // Вестник МГУ. – 2021. – № 5. – С. 99-110.

Сагорьян 2021 – *Сагорьян Н.Э.* Инфраструктурный кризис в городе-курорте Сочи: проблемы и пути решения // Матер. XIII Межд. молод. форума. Белгород. гос. технолог. ун-т. – Белгород, 2021. – С. 2605-2608.

Садовой 2021 – *Садовой А.Н.* Методологические аспекты анализа вклада АН СССР (РАН) в «колонизацию» Российского Причерноморья (XX – начало XXI века) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2021. – № 56. – С. 14-25. DOI: 10.31773/2078-1768-2021-56-14-25

Сидорова, Филобок 2020 – *Сидорова Д.В., Филобок А.А.* Региональная инвестиционная политика в туристско-рекреационном комплексе Краснодарского края в современных условиях функционирования региональной экономики // Сб. науч. тр. Краснодар: КубГУ. Вып. 13. – 2020. – С. 180-185.

Суворова 2023 – *Суворова А.В.* Городские агломерации: особенности функционирования и методологические принципы развития // Теоретическая и прикладная экономика. – 2023. – № 4. – С. 1-17.

Суций 2019 – *Суций С.Я.* Демографический потенциал приморских территорий Дона и Кубани – векторы и факторы количественной динамики (последняя треть XIX – начало XXI в.) // Региональная экономика. Юг России. – 2019. – Т.7. – № 4. – С. 100-112.

Тверитинов 2024а – *Тверитинов И.А.* История формирования агломерации Большого Сочи. Часть 1 (1829-1920 гг.) // Известия субтропического научного центра РАН. – 2024а. – Т.4. – № 2. – С. 90-103. DOI: 10.31360/2949-4591-2024-4-2-90-103

Тверитинов 2024б – *Тверитинов И.А.* История формирования агломерации Большого Сочи. Часть 2 (1921-1991 гг.) // Известия субтропического научного центра РАН. – 2024б. – Т.4. – № 3. – С. 80-97. DOI: 10.31360/2949-4591-2024-4-3-80-97

Тверитинов 2024с – *Тверитинов И.А.* История формирования агломерации Большого Сочи. Часть 3 (1992-2024 гг.) // Известия субтропического научного центра РАН. – 2024с. – Т.4. – № 4. – С. 108-118. DOI: 10.31360/2949-4591-2024-4-4-108-118

Шарафутдинов, Онищенко 2024б – *Шарафутдинов В.Н., Онищенко Е.В.* Ключевые стратегические новации в проектных решениях новой стратегии развития Сочи на период до 2035 г. // Социально-экономическое пространство регионов. – 2024. – Т.18. – № 3. – С. 194-206.

Шарафутдинов, Онищенко 2024а – *Шарафутдинов В.Н., Онищенко Е.В.* Основные проблемы и риски стратегирования Сочинской курортной агломерации на период до 2035 года // Социально-экономическое пространство регионов. – 2024. – Т. 18. – № 2. – С. 120-136.

REFERENCES

BELOZEROV V.S., SHCHITOVA N.A., SOPNEV N.V. *Normativno-dokumental'noe obespechenie ustoichivogo razvitiya gorodskikh aglomeratsii* [Regulatory and documentary support for the sustainable development of urban agglomerations in the Russian Federation]. IN: InterKarta InterGis. – 2021. – Vol. 27. № 1. – P. 17-28. (In Russ.).

GANDALOEVA L.B. *Ekosistema turizma kak sovremennyy trend razvitiya kurortnykh territorii* [The ecosystem of tourism as a modern trend in the development of resort areas]. IN: Vestnik Rossiiskogo Mezhdunarodnogo Olimpiiskogo Universiteta (RMOU). [Bulletin of the Russian International Olympic University (RIOU)]. – 2024. – № 1-2. – P. 26-31. (In Russ.).

DZHIDZHELAVA L.D., RODIN A.V. *Issledovanie prostranstvenno-ekonomicheskogo razvitiya Sochinskoi gorodskoi aglomeratsii* [A study of the spatial and economic development of the Sochi urban agglomeration] IN: *Ekonomika i upravlenie v sovremennykh usloviyakh: problemy i perspektivy*: Sb. nauch. trudov po mater. VIII Vseros. nauch.-prakt. konf. [Economics and management in modern conditions: problems and prospects: Collection of scientific papers on mater. VIII All-Russian Scientific and Practical Conference]. – Krasnodar: KubGU, 2021. – P. 210-221. (In Russ.).

DREIZIS YU.I. *Planirovanie territorial'nogo razvitiya goroda Sochi na postolimpiiskii period*. [Planning of the territorial development of the city of Sochi for the post-Olympic period]. IN: Vestnik Akademii znaniy. – 2018. – № 29 (6). – P. 131-139. (In Russ.).

ZYRYANOV A.I., TSULAYA I.V., YAKOVENKO I.M. *Struktura i osobennosti formirovaniya turistskogo poyasa Krymsko-Kavkazskogo Prichernomor'ya (na primere Kryma, Krasnodarskogo kraia i Abkhazii)* [The structure and features of the formation of the tourist belt of the Crimean-Caucasian Black Sea region (on the example of Crimea, Krasnodar Territory and Abkhazia)]. IN: Izvestiya RAN. Seriya geografiya. – 2022. – Vol. 86. – № 2. – P. 191-203. (In Russ.).

KOZINSKAYA O.V., KOZINSKII O.F., SHARAFUTDINOV V.N., ONISHCHENKO E.V., GRISHIN N.A. *O problemakh i perspektivakh razvitiya Azovo-Chernomorskikh kurortnykh aglomeratsii Rossiiskoi Federatsii*. [On the problems and prospects of development of the Azov-Black Sea resort agglomerations of the Russian Federation]. IN: Sb. trudov Rossiiskoi akademii arkhitektury i stroitel'nykh nauk (RAASN). – M., 2020. – P. 225-236. (In Russ.).

KOZINSKII O.F., KOZINSKAYA O.V. *Bez sozdaniya obraza budushchego nevozmozhno konsolidirovat' sily gorodskogo soobshchestva*. [Without creating an image of the future, it is impossible to consolidate the forces of the urban community]. IN: Gradostroitel'stvo. – 2017. – № 1. – P. 92-99. (In Russ.).

KOZINSKII O.F. *Ob istoricheskoy i olimpiiskoy nasledii Sochi* [About the historical and Olympic heritage of Sochi]. IN: Proekt Baikal. – 2019. – Vol.16. – № 60. – P. 132-141. (In Russ.).

LAVROVA T.G., OTTO K.N. *Voprosy razvitiya Sochinskoi gorodskoi aglomeratsii* [Issues of development of the Sochi urban agglomeration]. IN: Put' nauki. – 2015. – № 8 (18). – P. 43-46. (In Russ.).

Mezhsektornyy podkhod k upravleniyu prostranstvennym razvitiem sel'skikh territorii: monografiya [An intersectoral approach to managing the spatial development of rural areas: a monograph] / YU.V. FILIPPOV, T.T. AVDEEVA, T.G. LAVROVA, I.A. SKRIPIL'. – Krasnodar: KubGU, 2020. – 161 p. ISBN 978-5-8209-1726-4. (In Russ.).

MYASNIKOVAT.A., LOBANOVA S.A. *Strategii razvitiya munitsipal'nykh obrazovaniy kak odin iz instrumentov razvitiya Krasnodarskogo kraia* [Strategies for the development of municipalities as one of the tools for the development of the Krasnodar Territory]. IN: Problemy i perspektivy. sots.-ek. razvitiya regionov Yuga Rossii: Mater. VII Vseros. nauch.-prakt. konf. – Maikop, 2021. – P. 102-107. (In Russ.).

NAIDEROV YU. V. *Sozdanie federal'noi territorii «Sirius» kak faktor politicheskogo razvitiya goroda Sochi* [The creation of the federal territory "Sirius" as a factor of the political development of the city of Sochi]. IN: Gosudarstvennoye upravlenie. Elektronnyy vestnik. – 2021. – № 89. – P. 105-121. (In Russ.).

ONISHCHENKO E. V. *Osobennosti razvitiya novykh territorial'nykh subklasterov Sochinskoi kurortnoi aglomeratsii v strategicheskii period* [Features of the development of new territorial

subclusters of the Sochi resort agglomeration in the strategic period] IN: Turizm: pravo i ekonomika. – 2024. – № 4. – P. 22-24. ISSN: 1813-1212. (In Russ.).

ONISHCHENKO E. V., SHARAFUTDINOV V. N. *Klyuchevye voprosy formirovaniya strategii i general'nogo plana razvitiya goroda-kurorta Sochi* [Key issues of forming a strategy and a master plan for the development of the resort city of Sochi]. IN: Sotsial'no-ekonomicheskoe prostranstvo regionov. – 2023. – Vol.17. – № 3. – P. 171-182. (In Russ.).

ONISHCHENKO E. V., SHARAFUTDINOV V. N. *O sovershenstvovanii sistemy upravleniya Sochinskoi kurortnoi aglomeratsiei na primere goroda-kurorta Sochi* [On improving the management system of the Sochi resort agglomeration on the example of the resort city of Sochi]. IN: Teoreticheskie i prikladnye aspekty razvitiya sfery rekreatsii i turizma. – 2023. – № 2(18). – P. 35-47. (In Russ.).

PESHIN N. L., GANDALOEVA L. B. *Strategii sovmestnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya munitsipal'nogo obrazovaniya i federal'noi territorii: pervyi opyt* [Strategies for joint socio-economic development of the municipality and the federal territory: the first experience]. IN: Vestnik MGU. – 2021. – № 5. – P. 99-110. (In Russ.).

SAGOR'YAN N.E. *Infrastrukturnyi krizis v gorode-kurorte Sochi: problemy i puti resheniya* [Infrastructural crisis in the resort city of Sochi: problems and solutions]. IN: Mater. XIII Mezhd. molod foruma. Belgorod. gos. tekhnolog. universitet. – Belgorod, 2021. – P. 2605-2608. (In Russ.).

SADOVOI A.N. *Metodologicheskie aspekty analiza vklada AN SSSR (RAN) v «kolonizatsiyu» Rossiiskogo Prichernomor'ya (XX- nachalo XXI veka)* [Methodological aspects of the analysis of the contribution of the USSR Academy of Sciences (RAS) to the "colonization" of the Russian Black Sea Region (XX- early XXI century)]. IN: Vestnik Kemerovskogo gosuniversiteta kul'tury i iskusstv. – 2021. – № 56. – P. 14-25. Doi: 10.31773/2078-1768-2021-56-14-25 (In Russ.).

SIDOROVA D.V., FILOBOK A.A. *Regional'naya investitsionnaya politika v turistsko-rekreatsionnom komplekse Krasnodarskogo kraja v sovremennykh usloviyakh funktsionirovaniya regional'noi ekonomiki* [Regional investment policy in the tourist and recreational complex of the Krasnodar Territory in modern conditions of functioning of the regional economy]. IN: Sb. nauch. tr. – Krasnodar: KubGU. – Iss. 13. – 2020. – P. 180-185. (In Russ.).

SUVOROVA A.V. *Gorodskie aglomeratsii: osobennosti funktsionirovaniya i metodologicheskie printsipy razvitiya* [Urban agglomerations: features of functioning and methodological principles of development]. IN: Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika. – 2023. – № 4. – P. 1-17. (In Russ.).

SUSHCHII S.YA. *Demograficheskii potentsial primorskikh territorii Dona i Kubani – vektory i faktory kolichestvennoi dinamiki (poslednyaya tret' XIX – nachalo XXI v.)* [Demographic potential of the primorsky territories of the Don and Kuban – vectors and factors of quantitative dynamics (the last third of the XIX – beginning of the XXI century)]. IN: Regional'naya ekonomika. Yug Rossii. – 2019. – Vol.7. – № 4. – P. 100-112. (In Russ.).

TVERITINOV I. A. *Istoriya formirovaniya aglomeratsii Bol'shogo Sochi. Chast' 1 (1829-1920 gg.)* [The history of the formation of the Greater Sochi agglomeration. Part 1 (1829-1920)]. IN: Izvestiya subtropicheskogo nauchnogo tsentra RAN. – 2024a. – Vol.4. – № 2. – P. 90-103. DOI: 10.31360/2949-4591-2024-4-2-90-103 (In Russ.).

TVERITINOV I. A. *Istoriya formirovaniya aglomeratsii Bol'shogo Sochi. Chast' 2 (1921-1991 gg.)* [The history of the formation of the Greater Sochi agglomeration. Part 2 (1921-1991)]. IN: Izvestiya subtropicheskogo nauchnogo tsentra RAN. – 2024b. – Vol.4. – № 3. – P. 80-97. DOI: 10.31360/2949-4591-2024-4-3-80-97 (In Russ.).

TVERITINOV I. A. *Istoriya formirovaniya aglomeratsii Bol'shogo Sochi. Chast' 3 (1992-2024 gg.)* [The history of the formation of the Greater Sochi agglomeration. Part 3 (1992-2024)]. IN: Izvestiya subtropicheskogo nauchnogo tsentra RAN. – 2024c. – Vol.4. – № 4. – P. 108-118. DOI: 10.31360/2949-4591-2024-4-4-108-118 (In Russ.).

SHARAFUTDINOV V. N., ONISHCHENKO E. V. *Klyuchevye strategicheskie novatsii v proektnykh resheniyakh novoi strategii razvitiya Sochi na period do 2035 g.* [Key strategic innovations in the design solutions of the new Sochi development strategy for the period up to 2035]. IN: Sotsial'no-ekonomicheskoe prostranstvo regionov. – 2024. – Vol.18. – № 3. – P. 194-206. (In Russ.).

SHARAFUTDINOV V. N., ONISHCHENKO E. V. *Osnovnye problemy i riski strategirovaniya Sochinskoj kurortnoi aglomeratsii na period do 2035 goda* [The main problems and risks of strategizing the Sochi resort agglomeration for the period up to 2035]. IN: *Sotsial'no-ekonomicheskoe prostranstvo regionov*. – 2024. – Vol.18. – № 2. – P. 120-136. (In Russ.).

Сведения об авторе:

И.А. Тверитинов – кандидат исторических наук.

Information about the author

I.A. Tveritinov – candidate of Sciences (History).

Статья поступила в редакцию 13.08.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 13.08.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Научная статья
УДК 94(470.66)+930
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-320-339
EDN: RCPUPI

ДЕЙСТВИЯ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ ПРИ УРЕГУЛИРОВАНИИ ОСЕТИНО-ИНГУШСКОГО КОНФЛИКТА 1992 ГОДА В ОЦЕНКАХ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ

Денис Васильевич Тумаков^{1,2}

¹ Ярославский государственный медицинский университет, Ярославль, Россия, denistumakov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8569-7246>

² Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

Аннотация. В статье проанализирована позиция федеральных средств массовой информации касательно силовых действий центральных властей при урегулировании осетино-ингушского конфликта осенью 1992 г. Исследованы типичные по содержанию аналитические статьи экспертов в наиболее авторитетных и влиятельных масс-медиа постсоветской эпохи, а также интервью известных российских политиков, военных и народных депутатов. Некоторые из авторов таких публикаций в те дни побывали непосредственно в зоне боевых действий в Пригородном районе. Условно данные статьи можно разделить на две большие группы: лояльно относившиеся к политике центральных властей на Северном Кавказе, а также критически воспринявшие ввод федеральных сил в Пригородный район и последующую силовую акцию против ингушских боевых групп. Представители первой из них акцентировали внимание читателей и подписчиков на миротворческом характере действий федеральных силовых структур в Северной Осетии и Ингушетии, гуманитарной помощи гражданскому населению обеих республик с их стороны. Вторые же утверждали, что Центр оказал одностороннюю поддержку осетинским силам, что привело к разрушению ряда населённых пунктов Пригородного района и бегству оттуда десятков тысяч ингушей. Они считали, что подобное развитие событий в скором будущем может привести к новой Кавказской войне и полной утрате Россией позиций в регионе, а также может привести к краху демократических реформ и восстановлению прежних порядков в стране. Автором сделан вывод о том, что подобные точки зрения будут активно представлены в федеральных масс-медиа и в период первой чеченской кампании 1994-1996 гг.

Ключевые слова: федеральная власть, Северная Осетия, Ингушетия, осетино-ингушский конфликт, Россия, армия, средства массовой информации

Для цитирования: Тумаков Д.В. Действия центральных властей при урегулировании осетино-ингушского конфликта 1992 года в оценках федеральной печати // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 320-339. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-320-339. EDN: RCPUPI.

© Тумаков Д.В., 2025

Original article

**THE CENTRAL AGENCY'S ACTIONS IN RESOLVING
THE OSSETIAN-INGUSH CONFLICT IN 1992,
AS PERCEIVED BY THE FEDERAL PRESS**

Denis V. Tumakov^{1,2}¹ Yaroslavl State Medical University Yaroslavl, Russia, denistumakov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8569-7246>² Yaroslavl State University named P.G. Demidov, Yaroslavl, Russia

Abstract. The article analyzes the position of the federal mass media regarding the use of force by the central authorities in resolving the Ossetian-Ingush conflict in the fall of 1992. It examines the content of typical analytical articles by experts in the most authoritative and influential mass media of the post-Soviet era, as well as interviews with well-known Russian politicians, military officers, and people's deputies. Some of the authors of these publications were directly involved in the fighting in the Prigorodny District during those days. These articles can be divided into two large groups: those that were loyal to the central government's policies in the North Caucasus, and those that were critical of the federal forces' entry into the Prigorodny District and their subsequent military action against the Ingush militant groups. The former group focused on the peacekeeping nature of the federal forces' actions in North Ossetia and Ingushetia, as well as the humanitarian assistance provided to the civilian population from their side. The latter claimed that the Center provided unilateral support to the Ossetian forces, which led to the destruction of a number of settlements in the Prigorodny District and the flight of tens of thousands of Ingush people from there. They believed that such a development of events in the near future could lead to a new Caucasian war and Russia's complete loss of positions in the region, as well as lead to the collapse of democratic reforms and the restoration of the old order in the country. The author concludes that such points of view will be actively presented in the federal mass media during the first Chechen campaign of 1994-1996.

Key words: federal government, North Ossetia, Ingushetia, Ossetian-Ingush conflict, Russia, army, mass media

For citation: Tumakov D.V. The central agency's actions in resolving the Ossetian-Ingush conflict in 1992, as perceived by the federal press. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 320-339. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-320-339. EDN: RCPUPI.

© Tumakov D.V., 2025

Введение

Начало 1990-х гг. оказалось крайне непростым временем для новой России. К трудностям перехода от плановой к рыночной экономике и сложным взаимоотношениям между исполнительной и законодательной ветвями власти добавились сложности во взаимодействии Москвы и национальных регионов (прежде всего, кризис в Чеченской Республике), а в некоторых случаях и между самими регионами страны. Эти процессы нашли отражение и в изменении общественных настроений. К примеру, ещё зимой 1992 г. на заседании пресс-клуба Внешнеполитической ассоциации были приведены данные социологического опроса, согласно которым 40 % респондентов были готовы выступить на стороне собственного народа в потенциальном межнациональном конфликте [Андреев 1992]. В дальнейшем умонастроения россиян не менялись. Так, на прошедшей 9 июня того же года в столице научно-практической конференции «Партии и общественные движения о межнациональных конфликтах СНГ и Российской Федерации» с участием ряда оппозиционных политических сил России прозвучало красноречивое утверждение о том, что почти треть населения различных регионов страны считают возможным возникновение подобных конфликтов в своей местности [Анохин 1992а].

Наиболее значимым в этом ряду следует признать осетино-ингушский вооружённый конфликт. В данном случае речь шла о настоящих военных действиях между вооружёнными формированиями Северной Осетии и Ингушетии, в ходе которых с поздней осени 1992 г. до 1 июля 1994 г. в обеих республиках погибли не менее 644 человек, а ещё 949 были ранены [Район 1994: 63-64]. В числе жертв оказались мирные жители, а также российские военные и сотрудники органов правопорядка. Примечательно, что даже после ввода в Пригородный район Северной Осетии федеральных сил он продолжал характеризоваться в официальных СМИ как наиболее «горячая точка» на территории России [Фатигаров 1993; Бельдюгина 1994]. О справедливости данного утверждения свидетельствовал факт гибели в 1993 г. от рук неизвестных террористов главы Временной администрации на территориях Моздокского района, Пригородного района и прилегающих к нему местностях Северной Осетии и Малгобекского и Назрановского районов Ингушетии в ранге вице-премьера Правительства РФ В.П. Поляничко, а также командира 42-го армейского корпуса в Северо-Кавказском военном округе генерал-майора А.Г. Корецкого [Тумаков 2016: 44].

В предыдущие десятилетия различные аспекты осетино-ингушского конфликта неоднократно становились предметом изучения со стороны ряда отечественных исследователей. В этом ряду упомянем работы А.Г. Здравомыслова [Здравомыслов 1998], А.А. Цуциева [Цуциев 1998] и В.А. Шнирельмана [Шнирельман 2006], вышедшие ещё на рубеже 1990-2000-х гг. В них был сделан акцент на предыстории и различных факторах возникновения конфликта, а также на перспективах его политического урегулирования. В более позднее время заметный вклад в анализ и исследование первого межэтнического конфликта в новейшей истории России внесли И.М. Сампиев и Л.В. Чибиров [Сампиев 2012; Чибиров 2015]. Предметом их изучения стали такие аспекты, как роль органов государственной власти РФ в развитии конфликта и его последующем урегулировании, а также деятельность Временной администрации (ВА) в зоне конфликта. На региональном уровне осетино-ингушский конфликт в последние годы активно изучался ярославским исследователем Д.В. Тумаковым [Тумаков 2016; Тумаков 2022; Тумаков 2025]. Тем не менее действия федерального Центра непосредственно осенью 1992 г. ещё не становились предметом пристального изучения со стороны отечественных историков. Примечательно, что тема взаимодействия российских властей и СМИ в контексте трагических событий осени 1992 года на Северном Кавказе не рассматриваются и в недавнем исследовании череповецкого политолога Е.А. Маркова [Марков 2021]. Эту лауну и призвана заполнить данная публикация.

Обсуждение

Напомним, что главной причиной военных действий между двумя соседними северокавказскими народами стали острые разногласия по вопросу о территориальной принадлежности Пригородного района, который после депортации вайнахов в 1944 г. был передан в состав Северо-Осетинской АССР. После возвращения из ссылки и особенно в конце 1980 – начале 1990-х гг. ингушское национальное движение всё более активно требовало от Центра немедленного

возвращения этих земель. Начались первые межнациональные столкновения, приведшие к человеческим жертвам. При этом Центр повёл себя крайне непоследовательно. На рубеже 1980 – 1990-х гг. российское демократическое движение поддерживало требования ингушей [Здравомыслов 1998: 23; Шнирельман 2006: 159]. По его инициативе 26 апреля 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял закон «О реабилитации репрессированных народов», ст. 6 которого предусматривала возвращение Пригородного района ингушскому народу. В последующем российские лидеры также декларативно поддерживали ингушские требования. В частности, в речи вице-президента РСФСР А.В. Руцкого на II съезде ингушского народа в Грозном в октябре 1991 г. содержалось обещание урегулировать спор двух соседних народов в пользу ингушей [Гакаев 1999: 167]. Однако никаких практических последствий эти заявления не получили, а ситуация в Пригородном районе продолжала накаляться [Шнирельман 2006: 159-160].

Решением Верховного Совета РФ от 4 июня 1992 г. была создана Ингушская Республика, но её границы определены не были [Цуциев 1998: 148]. Утром 31 октября 1992 г. в Пригородном районе Северной Осетии разгорелась настоящая война, виновниками которой обе стороны полагали друг друга. По сообщениям российских экспертов, в стычках применялись не только стрелковое оружие или гранатомёты, но и бронетехника и даже зенитные установки [Здравомыслов 1998: 62-63]. В этих условиях федеральному Центру пришлось действовать жёстко и решительно. Как известно, 2 ноября 1992 года президент России Б.Н. Ельцин ввёл режим чрезвычайного положения (ЧП) на территории обеих республик, после чего на Северный Кавказ были направлены подразделения Воздушно-десантных войск (ВДВ) и Внутренних войск (ВВ) МВД РФ. По данным Генеральной прокуратуры РФ, жертвами столкновений всего за несколько дней противостояния стали 583 человека, 939 получили ранения, а 261 пропал без вести [Через два года 1994: 18-19]. Как высказался позднее председатель Народного Совета Ингушетии, профессор Б.М. Сейнароев, активные военные действия в Пригородном районе всего за четыре дня унесли столько же жизней, сколько погибло в Нагорном Карабахе за полгода столкновений между армянами и азербайджанцами [Сейнароев 2012: 169]. Добавим к этому, что, по различным оценкам, в 1992-1994 гг. количество вынужденных переселенцев-ингушей варьировалось от 46 до 64 тысяч, а число оставивших родные места осетин составило 6463 человека [Чибиров 2015: 29, 30]. Конфликтов такого масштаба Россия до того времени не знала.

При знакомстве и работе с оценками осетино-ингушского конфликта в центральной прессе тех лет следует учесть два обстоятельства. Во-первых, согласно Указу Президента РФ Б.Н. Ельцина от 2 ноября 1992 г. в обеих враждующих республиках был введён режим чрезвычайного положения [Обращение 1992], что подразумевало цензуру периодической печати и строгие правила работы журналистов в «горячей точке». Во-вторых, нельзя игнорировать и тот факт, что российские центральные издания серьёзно зависели от политической конъюнктуры той эпохи, в частности, от нараставшего конфликта между законодательной и исполнительной ветвями власти. В силу этого на страницах пропрезидентской газеты «Известия» публиковались критические мнения по поводу Закона о

реабилитации репрессированных народов, принятого в 1991 г. Верховным Советом РСФСР [Паин, Попов 1992], а парламентское издание «Российская газета» его оправдывало [Анохин 1992b].

Публикации по теме осетино-ингушского конфликта в федеральных СМИ того периода условно можно разделить на лояльные позиции Центра и критично настроенные по отношению к ней. Официальные масс-медиа стремились преподнести жёсткие действия властей на Северном Кавказе как абсолютно законные и оправданные сложившейся тревожной обстановкой шага, так как «война, замешанная на этнической распре, на переделе территориальных границ, стала реальностью для России» [Армия 1992]. Спустя неделю после завершения активных боевых действий в Северной Осетии и Ингушетии правительственное издание «Российские вести» приводило оценки ситуации в регионе, данные некоторыми военачальниками. Так, Герой Советского Союза, министр обороны РФ генерал армии П.С. Грачёв утверждал, что «ввод войск был необходим для миротворческих целей», поскольку обе республики – это «территория Российского государства, и войска прибыли во Владикавказ для чёткого выполнения Указа Президента России», выполняя задачи по блокированию и разоружению «националистических банд обеих сторон» [Армия 1992].

Непосредственно разоружением и задержанием непримиримых боевиков в зоне конфликта занимались подразделения ВВ МВД РФ, поэтому комментарий представителя данного ведомства также был приведён на страницах «Российских вестей». Заместитель начальника организационно-мобилизационного управления ВВ генерал-майор А.А. Чайковский утверждал, что осетино-ингушский конфликт по своему сценарию напоминает события в Нагорном Карабахе, в силу чего действия силовых структур в обоих случаях также не имеют принципиальных различий [Армия 1992]. По его мнению, от урегулирования данного кризиса во многом зависела дальнейшая судьба России как единого государства, а потому для его преодоления «власть должна употребить власть» [Армия 1992]. В противном случае многочисленные народы страны могли посчитать, что федеральный Центр не способен ни гарантировать соблюдение их прав, ни защитить мирное развитие. В качестве препятствия для восстановления законности и правопорядка в регионе генерал-майор А.А. Чайковский назвал отсутствие легитимных органов управления в Ингушетии [Армия 1992].

В подтверждение тезиса о миротворческом характере операции в Пригородном районе власти и военное командование приводили многочисленные факты помощи гражданскому населению региона со стороны федеральных сил. Так, в первые дни осетино-ингушского конфликта на территории воинской части во Владикавказе были расселены и обеспечены горячей пищей, а затем под охраной перевезены в Назрань от 6 до примерно 10 тысяч ингушей [Батыршин 1992; Маловерьян 1992]. Условия их проживания, по сообщению СМИ, с санитарно-гигиенической точки зрения оказались крайне тяжёлыми, в результате чего 2 человека скончались. Существовал риск возникновения эпидемий [Маловерьян 1992]. Чуть позднее, как гласили официальные источники, российские военнослужащие занимались уже доставкой продуктов, врачей и медикаментов в труднодоступные горные селения Ингушетии, а также отлавливали мародёров в населённых пунктах Пригородного района [Батыршин 1992].

Весьма заметной следует считать помощь жителям обеих республик со стороны военных медиков из отряда специального назначения при Центральном военном госпитале (ЦВГ) имени Н.Н. Бурденко. После их возвращения из Владикавказа в столицу начале 1993 г. врачи поделились с журналистами некоторыми подробностями своей работы в «горячей точке». Так, по их словам, их служба проходила «в экстремальных условиях, как на фронте», так как только через хирургическое отделение прошли до 60 тяжелораненых пациентов, причём почти все из них были спасены во Владикавказском госпитале [Тютюнник 1993]. Начальник отделения полковник военно-медицинской службы А. Цабиев в интервью центральному печатному органу Министерства обороны РФ газете «Красная звезда» утверждал, что «нагрузки приходилось выдерживать огромные. Люди порой от усталости валились с ног, но дело доводило до конца» [Тютюнник 1993]. Однако тот факт, что опыт работы военных хирургов ЦВГ в Северной Осетии был обобщён для ознакомления с ним медицинских работников окружных и гарнизонных госпиталей, свидетельствовал о непрочности установленного в зоне ЧП перемирия и возможном в скором будущем возобновлении боевых действий.

В поддержку силовых действий Кремля на Северном Кавказе в период острой фазы осетино-ингушского конфликта высказывались также некоторые корреспонденты столичной «Независимой газеты». В частности, журналист А. Анин соглашался с тезисом ингушской стороны об активном участии российских войск в боевых действиях в Пригородном районе на стороне Северной Осетии, но полагал позицию Москвы осознанной необходимостью и наиболее радикальным вариантом решения «межнациональных эксцессов на имперских окраинах» [Пачегина, Батыршин, Терехов, Анин 1992]. Он считал, что в обстановке, сложившейся осенью 1992 г., российский президент Б.Н. Ельцин был вынужден принять такие жёсткие меры, на какие во время армяно-азербайджанского конфликта в Нагорном Карабахе на рубеже 1980–1990-х гг. так и не решился президент СССР М.С. Горбачёв [Пачегина, Батыршин, Терехов, Анин 1992]. Главной предпосылкой проосетинской позиции центральных властей А. Анин считал тот факт, что правящий режим во Владикавказе был устойчивым, дружественным по отношению к Москве и поэтому значил для неё больше, чем «призрачная Ингушская Республика» [Пачегина, Батыршин, Терехов, Анин 1992]. Другой значимой предпосылкой участия ВДВ и ВВ МВД РФ в боях на стороне осетинской гвардии и народного ополчения журналист полагал своеобразный намёк со стороны России «опасному соседу» в лице чеченского президента Д.М. Дудаева, чтобы добиться его невмешательства в ход конфликта [Пачегина, Батыршин, Терехов, Анин 1992].

В публикации другого корреспондента того же издания, военного эксперта Е. Крутикова, содержался анализ вероятного развития событий в Северо-Кавказском регионе в ближайшем будущем [Крутиков 1992]. Он считал, что главная задача Москвы на фоне ряда кровавых военных конфликтов в Закавказье и существования de-facto независимой Чечни – это сохранение стабильной обстановки в национальных республиках Кавказа, а главной угрозой для неё в этой связи являлись различные неформальные национал-демократические движения,

то есть местная оппозиция. Поэтому Центр фактически был вынужден оказывать весомую поддержку большинству из действующих руководителей данных регионов, несмотря на их политический консерватизм, ограничение ими гражданских прав и свобод, а также неприятие демократии и порой даже явную привязанность прежним порядкам [Крутиков 1992].

Е. Крутиков считал осетино-ингушский конфликт важным шансом для федерального Центра существенно усилить собственные позиции на Кавказе. По его мнению, после относительной стабилизации ситуации в Пригородном районе Россия получала возможность сосредоточить там большую и сильную военную группировку для сдерживания местных национальных движений или для быстрого реагирования на потенциально возможные в будущем новые чрезвычайные ситуации [Крутиков 1992]. Кроме того, федеральная власть могла в любой момент нанести прямой удар по фактически вышедшей из-под её контроля Чеченской Республике или, по крайней мере, ослабить позиции режима генерала Д.М. Дудаева в регионе [Крутиков 1992]. Данные обстоятельства автор статьи считал явно положительными для Центра.

Рассуждая о перспективах урегулирования собственно осетино-ингушского конфликта, военный эксперт полагал их весьма скромными. По его мнению, российское руководство не было заинтересовано в удовлетворении амбиций ни одной из его сторон. Так, Е. Крутиков полагал «иллюзорными» надежды властей Северной Осетии на официальное объявление Ингушетии агрессором, полное разоружение её полувоенных отрядов или отмену ст. 6 Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», поскольку подобные шаги Москвы неизменно вызвали бы усиление радикальных сил в ингушском обществе и его симпатии к de-facto независимой Чечне [Крутиков 1992]. В то же время Россия явно не пошла бы и на серьёзное давление по отношению к североосетинским властям в территориальном вопросе, так как явно не желала осложнять взаимоотношения с ними и в перспективе лишиться «наиболее надёжной опоры на Кавказе» [Крутиков 1992]. Поэтому, как полагал автор статьи, федеральные власти будут поддерживать статус-кво в регионе и ждать или дистанцирования одной из сторон от России, или компромиссного решения вопроса о статусе Пригородного района в ходе переговорного процесса обеих республик [Крутиков 1992].

В свою очередь, корреспонденты столичного еженедельного журнала «Новое время» Г.Я. Ковальская и М.П. Шакина осенью 1992 г. попытались опровергнуть представление о будто бы внезапном характере осетино-ингушского конфликта и одновременно стремились вывести из зоны критики федеральные власти. Они писали, что проблема Пригородного района возникла отнюдь не после принятия Верховным Советом РСФСР Закона «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г., а гораздо раньше, когда после возвращения из казахстанской ссылки в 1957 г. ингушам так и не вернули территорию Пригородного района [Ковальская, Шакина 1992: 6]. Между тем, как подчёркивали представители прессы, до печально известной операции «Чечевица» 1944 г. именно на данной территории проживали примерно 60 % от общей численности ингушского народа [Ковальская, Шакина 1992: 6]. Более того, принятие данного закона имело, по их мнению, вполне конкретное положительное значение, так

как, во-первых, позволило перевести борьбу ингушей за возвращение данной территории в политико-правовое поле, в то время как весной 1991 г. ингушские старейшины были вынуждены откровенно признать, что лишь собственным авторитетом и силой традиций сдерживают боевой порыв молодёжи. Во-вторых, упомянутое решение российского Центра предопределило нежелание ингушей осенью того же года последовать за соседями-чеченцами в их попытке отделиться от СССР и РСФСР [Ковальская, Шакина 1992: 6-7], поскольку они продолжали ожидать от Москвы территориальной реабилитации.

Тем не менее полностью проигнорировать ярко выраженные негативные последствия принятия данного закона столичные журналисты также не могли, поскольку осенью 1992 г. на российском Северном Кавказе развернулись настоящие боевые действия, поставившие рекорд по числу жертв в единицу времени [Ковальская, Шакина 1992: 6]. Однако критике из-под их пера была подвергнута не столько пресловутая статья 6 Закона «О реабилитации репрессированных народов», сколько дальнейшее бездействие центральных властей в данном вопросе. В этом отношении позиция авторов была созвучна ингушской. Из-за сохранения статус-кво, как полагали Ковальская и Шакина, на протяжении 1992 г. в ингушском обществе начали усиливаться позиции национал-радикалов из партии «Нийсхо» («Справедливость») во главе с писателем И.А. Кодзоевым. Они призывали свой народ более не надеяться на Россию в вопросе о территориальной принадлежности Пригородного района, а создать вместе с дудаевской Чечнёй союз против осетин [Ковальская, Шакина 1992: 7]. На этом фоне более умеренные, пророссийски настроенные силы вроде Народного Совета Ингушетии во главе с юристом Б.М. Сейнароевым начали утрачивать популярность среди населения самого молодого региона страны [Ковальская, Шакина 1992: 7]. С последним утверждением на страницах столичных «Известий» целиком соглашались также директор Центра этнополитических исследований Э.А. Паин и ведущий аналитик того же учреждения А. Попов [Паин, Попов 1992].

Не получили поддержки со стороны журналистов «Нового времени» также введение Президентом РФ Б.Н. Ельциным до середины 1995 г. моратория на передел административных границ внутри России и некоторые взаимоисключающие утверждения высокопоставленных должностных лиц федерального уровня [Ковальская, Шакина 1992: 7]. К последним относились обещания вице-президента России А.В. Руцкого решить территориальный спор о Пригородном районе в пользу ингушского народа и проосетинские заявления вице-премьера Правительства РФ Г.С. Хижи. По мнению Г.Я. Ковальской и М.П. Шакиной, такого рода разногласия лишь убеждали оба северокавказских народа в коварстве и «имперских тайных интересах» федерального Центра, что не способствовало возникновению доверия к нему. «Некоторым просчётом» Москвы они полагали само по себе назначение первым главой ВА в зоне осетино-ингушского конфликта Г.С. Хижи [Ковальская, Шакина 1992: 7], чья резиденция находилась во Владикавказе, что не могло не вызвать подозрений в предвзятости в его адрес с ингушской стороны. Отметим, что деятельность первого главы ВА в зоне конфликта и в самом деле вызывала резко критические отзывы с ингушской стороны, полагавшей Г.С. Хижу сторонником Северной Осетии [Сампиев 2012: 75].

Саму по себе силовую операцию федеральных войск по разведению отрядов противоборствующих сторон журналисты «Нового времени» в целом поддерживали, считая, что глава государства, согласно действовавшей Конституции, был обязан защищать безопасность граждан РФ от вооружённых мятежников, а бездействие или даже промедление в данном вопросе было бы намного опаснее, чем жёсткие, решительные меры, предпринятые Б.Н. Ельциным [Ковальская, Шакина 1992: 7]. Вместе с тем после непосредственного посещения региона столичные корреспонденты оценивали его будущее скорее пессимистично. По их мнению, явное недовольство действиями Центра проявляли обе стороны. К примеру, осетины не желали передавать Пригородный район под федеральное управление, а также обвиняли российскую армию в нерешительных действиях, поскольку та не дала им пересечь границу с Ингушетией, а потому даже выдвигали требование о создании собственных вооружённых сил [Ковальская, Шакина 1992: 7]. В свою очередь, ингуши категорически не соглашались с потерей Пригородного района и полагали действия федеральной армии и ВВ МВД чрезмерным применением силы, так как против обычных крестьян использовались тяжёлые вооружения, включая танки [Ковальская, Шакина 1992: 7]. В силу этого, резюмировали журналисты, Северный Кавказ могла ожидать затяжная диверсионная или партизанская война, которую они именовали «второй Кавказской». Весьма примечательно, что их статья завершалась риторическим вопросом, нужны ли стране такая война и гибель в ней российских солдат, безразличных к вопросу о территориальной принадлежности Пригородного района [Ковальская, Шакина 1992: 7].

Однако голоса критиков силовой акции Кремля звучали в те дни не менее громко. Весьма примечательно, что даже упоминавшаяся выше правительственная газета «Российские вести» приводила и альтернативные оценки развития ситуации на Северном Кавказе. Как правило, их озвучивали представители российского парламента, чьи отношения с исполнительной властью страны в этот период становились всё хуже. К примеру, депутат Верховного Совета РФ от Мурманской области, вице-адмирал А.Г. Селиванов высказал мнение о том, что «ввод войск в Ингушетию лишь усугубил накопившееся у ингушского народа негативное отношение к руководству России, Верховному Совету», сравнив силовые действия Москвы на юге страны с путчем ГКЧП в 1991 г. [Армия 1992]. Другой народный депутат России, председатель союза социальной защиты военнослужащих и членов их семей «Щит» подполковник В.Г. Уражцев не стал комментировать действия Вооружённых Сил РФ и ВВ МВД РФ в зоне осетино-ингушского конфликта, а лишь выразил убеждение в том, что его урегулированием должны заниматься в первую очередь политики, а не военные [Армия 1992]. В свою очередь, председатель подкомитета Комитета по вопросам обороны и безопасности Верховного Совета РФ, известный политолог и историк Е.М. Кожокин призвал федеральный Центр прекратить вооружённую конфронтацию осетин и ингушей, разоружить их группировки, а также выплатить компенсации всем пострадавшим в зоне конфликта [Кожокин 1992: 10].

Ещё одним депутатом Верховного Совета России, посетившим Северный Кавказ осенью 1992 г. и активно поделившимся собственными впечатлениями от увиденного с различными масс-медиа, стал председатель парламентского

Комитета по средствам массовой информации, известный журналист В.А. Югин. По его словам, в Пригородном районе происходил «конфликт на почве справедливости», так как «мы (федеральный Центр – *Авт.*) унизили ингушский народ» [Батыршин 1992]. В силу этого член Президиума Верховного Совета В.А. Югин подверг критике Президента РФ Б.Н. Ельцина, который во время эскалации осетино-ингушского кризиса предпочёл встречи лишь с осетинской стороной и проигнорировал их оппонентов. Сами по себе участники ингушских боевых групп оценивались представителем законодательной власти РФ как «люди с берданками, реже с автоматами» [Батыршин 1992], то есть плохо вооружённые и неорганизованные бойцы, которым противостояли хорошо вооружённые и экипированные осетинские формирования, располагавшие даже бронетехникой [Батыршин 1992].

Любопытно, что данную точку зрения в ноябре 1992 г. разделяли внештатный военный обозреватель парламентского издания «Российская газета» И.С. Прокопенко, [Потапов, Прокопенко 1992], а также журналисты «Российских вестей» А.О. Кондрашов и А.А. Связин. Последние вместе с казахским тележурналистом С.М. Жанболатовым и директором информагентства «Дана-пресс» Э.К. Нуршиным посетили зону чрезвычайного положения при помощи ингушского культурного центра в Казахстане и впоследствии на пресс-конференции единодушно обвинили федеральные СМИ в одностороннем освещении осетино-ингушского конфликта. Причину А.О. Кондрашов видел в том, что практически все российские журналисты не бывали непосредственно на линии фронта, а попадали в зону чрезвычайного положения через Владикавказ и поэтому серьёзно зависели от действий осетинской стороны.

По его словам, их группа, оказавшаяся в районе недавних боёв через Грозный, побывала по обе стороны линии фронта [Козлов 1992], поэтому могла сравнить военный потенциал ингушей и осетин. После посещения Пригородного района российские и казахстанские журналисты утверждали, что «ингушские ополченцы» воюют в основном старыми охотничьими ружьями, а современное стрелковое оружие или гранатомёты являются у них скорее редким исключением из правил. В то же время «осетинские боевики» и ОМОН не испытывали нехватки оружия и боеприпасов, а также могли рассчитывать на поддержку танков и другой бронетехники сил МО и ВВ МВД РФ [Козлов 1992]. В силу этого сочувствие представителей прессы было явно на стороне слабейшего, что следует хотя бы из тех определений обеих противоборствующих сил, что приведены нами выше.

Позицию России в осетино-ингушском конфликте А.О. Кондрашов и его казахстанские коллеги оценивали как почти тупиковую, так как федеральные силы, по их мнению, не поддерживали режим ЧП, а заняли откровенно проосетинскую позицию и не занимались разоружением военных отрядов официального Владикавказа [Козлов 1992]. На пресс-конференции С.М. Жанболатов выразил страх народов СНГ касательно политики Центра на Северном Кавказе и призвал российские власти или отказаться от данной территории, или предпринять энергичные меры по урегулированию кризиса в этом взрывоопасном регионе [Козлов 1992]. Заметим, что одновременно со стороны упомянутых журналистов всё же

не прозвучало прямых обвинений в адрес российских войск. Более того, А.О. Кондрашов полагал военнослужащих МО и ВВ МВД РФ, переброшенных в зону конфликта, «заложниками осетин», так как некий представитель местной администрации К. Цахноев мог беспрепятственно угрожать представителям федеральной прессы и членам их семей некими «последствиями» в случае оглашения в СМИ какой-либо информации из зоны боёв, невыгодной для образа Северной Осетии [Козлов 1992]. Российские военные при этом никак не отреагировали на злоупотребления упомянутого чиновника.

Отметим также, что на страницах ведущих федеральных масс-медиа выходили не только эмоционально окрашенные, резко критические публикации, но и вполне конкретные предложения по урегулированию осетино-ингушского конфликта. Они предусматривали более решительные и при этом действительно миротворческие действия российских властей. Так, 4 ноября вышеупомянутый народный депутат России В.А. Югин в интервью одной из чеченских газет после посещения Назрани высказал предложение к российским властям о выводе из Пригородного района всех подразделений силовых структур Северной Осетии и последующей замене их на силы МВД России, после чего Центр должен был вернуть в родные места ингушских вынужденных переселенцев, оказать им материальную помощь, и взять спорный Пригородный район под российскую юрисдикцию [Музаев 1992].

Позднее, на пресс-конференции 17 ноября в Российском общественно-политическом центре, В.А. Югин и член политсовета избирательного блока «Гражданский союз» П. Федосов охарактеризовали усилия федеральных властей на Кавказе как недостаточные и даже высказали опасения скорого начала гражданской войны в стране. По мнению депутатов, центральные масс-медиа явно односторонне освещали осетино-ингушский конфликт, в результате чего общественность не получила должного представления о масштабах трагедии в Пригородном районе Северной Осетии [Анохин 1992с]. Повторив прежний тезис о необходимости введения федерального управления на спорной территории, они вновь обвиняли правительство РФ в отсутствии чёткой концепции национальной политики, медленной реакции на межэтнические конфликты и промедлении при создании Ингушской Республики

Действия федеральных войск на Северном Кавказе оценивались народным депутатом несколько двояко. С одной стороны, в беседе с представителями чеченских СМИ он полагал резкие обвинения ингушей в адрес силовых структур РФ в целом справедливыми [Музаев 1992] и призвал власти провести тщательное расследование деятельности первого состава Временной администрации в зоне чрезвычайного положения во главе с вице-премьером Г.С. Хижей, поскольку она «бросила пятно на честь российского солдата» [Музаев 1992]. С другой стороны, в интервью столичной «Независимой газете» В.А. Югин высказал уверенность в том, что федеральную армию в очередной раз подставили некие не названные им политики [Батыршин 1992], то есть её вина в данной ситуации является глубоко вторичной по отношению к ним.

С ним отчасти были согласны и сами военные. Наряду с точкой зрения высокопоставленных и известных военачальников, в правительственной газете

«Российские вести» словно для контраста было опубликовано мнение младшего офицера российской армии, лейтенанта Юрия Н., о событиях, происходивших в Пригородном районе осенью 1992 г. Он был непосредственным очевидцем того, как вслед за российскими военными в селения заходят осетинские военизированные отряды, и утверждал, «что лучше стать дезертиром, чем участвовать в этом» [Армия 1992]. По его словам, вооружённые осетины грабили и убивали мирных жителей в ингушских населённых пунктах, однако федеральная армия не получала приказа сверху о вмешательстве, а потому вынужденно бездействовала. Офицер полагал подобное развитие событий умышленным и добавлял к этому, что ряд его сослуживцев был намерен оставить воинскую службу, «чтобы не опозорить себя до конца жизни» [Армия 1992]. Очевидно, об этом же случае шла речь и в небольшой заметке, вышедшей в той же газете на следующий день [Романчин 1992]. Тему дезертирства среди военных, служивших в зоне ЧП, столичная пресса муссировала и в дальнейшем [Рыбак, Кудрявицкий 1993: 32-36].

После эскалации обстановки на Северном Кавказе в некоторых публикациях федеральных СМИ, напротив, прозвучали весьма резкие, критические замечания в адрес российских властей, а не силовиков. Так, обозреватель еженедельного издания «Московские новости» М.В. Шевелёв в небольшой статье с характерным заголовком «Долг колонизатора» утверждал, что властям РФ удалось не завершить, а только «временно приглушить» осетино-ингушский конфликт, который он охарактеризовал как «первую межэтническую войну» на территории страны [Шевелёв 1992], словно намекая на то, что она не станет последней. Автор полагал, что достигнуть большего в условиях односторонней поддержки осетинской стороны Кремль не сможет. Ссылаясь на свидетельства графа Л.Н. Толстого, написавшего повесть «Хаджи-Мурат» лишь на склоне лет, журналист утверждал, что великий русский писатель стыдился собственного участия в покорении Северного Кавказа и считал бомбардировки чеченских аулов «неправедной войной» [Шевелёв 1992]. В связи с этим Шевелёв заключал, что в XIX в. и далее Российская империя выступала на Кавказе в роли колонизатора и несла его народам жестокость и безнравственность, а также обвинял руководство постсоветской России в том, что оно не способно преодолеть прошлые великодержавные предрассудки в отношении этого региона [Шевелёв 1992].

К ошибкам Б.Н. Ельцина обозреватель «Московских новостей» относил отставку Г.В. Старовойтовой с должности помощника Президента РФ по вопросам международных отношений, В.А. Тишкова с должности министра по делам национальностей РФ и Ф.В. Шелова-Коведяева с должности первого заместителя министра иностранных дел РФ, а также увольнение с поста председателя Российской государственной телерадиокомпании «Останкино» известного журналиста Е.Н. Яковлева. Всех вышеперечисленных лиц Шевелёв относил к безусловным сторонникам демократии в России, в то время как их сменщиками будто бы стали политические консерваторы, мечтавшие о возрождении державного величия Российской империи [Шевелёв 1992]. Эти политики, входившие в ближайшее окружение главы государства, склонялись к поддержке Северной Осетии как православной республики и традиционного союзника России в Кавказском регионе, который должен стать «единственным плацдармом» для

противодействия режиму Д.М. Дудаева в Чечне и другим мятежным силам юга страны [Шевелёв 1992]. Между тем данная республика в последние годы существования СССР и вскоре после его распада характеризовалась в масс-медиа как «заповедник консерватизма», где демократические силы крайне слабы и малочисленны [Тумаков 2025: 147].

Действия Москвы на Кавказе в начале 1990-х гг. журналист подверг решительному осуждению за снабжение оружием всех воюющих сторон в «горячих точках» региона (Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия, Грузия, зона осетино-ингушского конфликта), а особенно за «издевательство над репрессированными народами». К числу последних М.В. Шевелёв безусловно относил ингушей, которые получили от Центра только «половинчатую реабилитацию» и «псевдореспублику». Их действия осенью 1992 г. он квалифицировал как народное восстание, которое, по его мнению, было подавлено танками российской армии [Шевелёв 1992]. В этом вопросе он фактически повторил заявления ингушских лидеров, утверждавших, что их легко вооружённые отряды «были сметены бронетехникой» федеральных войск на окраине Владикавказа [Карханин, Искандарян 1992]. В целом же, как полагал автор публикации в «Московских новостях», именно по правительственной политике на Кавказе можно было судить о характере власти в стране [Шевелёв 1992]. Тем самым он словно давал понять читателям и подписчикам «Московских новостей», что считает политический курс президента России Б.Н. Ельцина и его ближайшего окружения отступлением от демократических норм.

Подобного рода эмоциональные высказывания встречались и в других СМИ, подчас нося личностный характер. Писатель и журналист И.В. Воеводин на страницах частного издания «Новый взгляд», еженедельного приложения к газете «Московская правда», прямо обвинял в профессиональной некомпетентности как главу государства Б.Н. Ельцина, так и Верховный Совет РФ. После боевых действий в Пригородном районе Северной Осетии, выхода федеральных сил на административную границу Чеченской республики и угрозы прямого столкновения с силами Д.М. Дудаева первый всенародно избранный президент страны был эмоционально охарактеризован им как человек, «не очень хорошо представляющий, что это вообще такое – институт президентства» [Воеводин 1992], а депутаты российского парламента – как «сапожники, не овладевшие даже этим видом деятельности», которые при этом «входят во вкус и начинают поучать и командовать» [Воеводин 1992]. Заметим, что никаких практических рекомендаций по нормализации обстановки на юге страны в публикации И. Воеводина не содержалось.

Столь же эмоционально о тревожном развитии обстановки на российском Северном Кавказе в конце 1992 г. рассуждал знаменитый журналист, теле- и радиоведущий, а также политик А.А. Семёнов (более был известен под псевдонимом Черкизов), занимавший в то время должность руководителя пресс-центра Временной администрации в зоне чрезвычайного положения. Он полностью разделял сами по себе идеи реабилитации высланных в годы правления И.В. Сталина народов и даже возвращения им утраченных земель, но в то же время полагал необходимым введение моратория на любой пересмотр границ между

российскими регионами сроком на несколько лет [Черкизов 1996: 93]. При этом для урегулирования осетино-ингушского конфликта, как считал журналист, потребовались бы серьёзные конструктивные переговоры, выяснение умонастроений населения Пригородного района и последующая разработка программы переселения его осетинского населения в Северную Осетию за счёт средств обеих республик, а также федерального бюджета.

Хотя сам по себе Указ Президента РФ от 2 ноября 1992 г. о введении чрезвычайного положения в зоне боевых действий, поддержанный Верховным Советом России, также расценивался А.А. Семёновым-Черкизовым как вынужденное применение силы с целью пресечь «вооружённый беспредел», подобный исход событий на Северном Кавказе, по его мнению, являлся итогом «национального нетерпения» и поспешно принятого в 1991 г. парламентом «демагогического» закона [Черкизов 1996: 92]. Запись в дневнике журналиста от 11 ноября 1992 г. содержит весьма однозначную и резкую оценку деятельности федеральных властей при очередном обострении кризиса в регионе: «у президента России нет никакой национальной политики, он в этом ни черта не понимает» [Черкизов 1996: 95]. Сам Б.Н. Ельцин критиковался Черкизовым за то, что в течение полутора лет не предпринял никаких конкретных практических шагов для реализации или корректировки Закона «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г., а также за отсутствие «проработанных, продуманных, до мелочей выверенных сценариев» чрезвычайного положения [Черкизов 1996: 95].

Во втором случае ответственность возлагалась им и на российских военных, так как о непосредственных действиях федеральных сил в Северной Осетии и Ингушетии А.А. Семёнов-Черкизов также отзывался весьма негативно, характеризуя их как «победу партии силы» [Черкизов 1996: 93]. В его дневниковых записях за 9 и 11 ноября подверглись осуждению факты участия в осетино-ингушском конфликте бойцов из Южной Осетии (формально – жителей и граждан другого государства), а также применение российскими войсками танковых снарядов и пуль со смещённым центром тяжести против ингушских комбатантов [Черкизов 1996: 94, 95]. В целом действия сил МО и ВВ МВД РФ в Пригородном районе сравнивались в дневнике журналиста с аналогичными действиями Советской Армии и азербайджанского ОМОНа в армянских селениях Геташен (Чайкенд), Мартунашен (Карабулак) и Бузлуг во время печально знаменитой операции «Кольцо» в 1991 г. Последняя же, по мнению А.А. Семёнова-Черкизова, была «сопоставима с преступлениями против человечности» [Черкизов 1996: 95]. Применение военной силы для окончательного решения проблемы территориальной принадлежности Пригородного района столичный журналист категорически отвергал, полагая, что само по себе введение режима чрезвычайного положения может спровоцировать федеральные власти на принятие «недемократических, силовых методов» урегулирования и в прочих сферах жизни новой России [Черкизов 1996: 93].

Опасался он и вероятного объединения недавних врагов с дудаевской Чечнёй на почве неприятия действий Кремля на Кавказе [Черкизов 1996: 93]. В этой связи заметим, что схожие опасения выражали и некоторые другие представители столичной печати. Например, уроженец Владикавказа политолог В.

Размеров писал в ежедневной газете «Московская правда» о собственной тревоге за будущее Северного Кавказа, так как направленные туда федеральные войска со временем могли быть восприняты осетинами и ингушами в качестве врага и главного источника всех бед [Размеров 1992], как это произошло несколькими годами ранее в Нагорном Карабахе с советскими военнослужащими. Хотя политолог полагал действия Центра в Пригородном районе в целом верными, он помнил о «большом, но, увы, малопродуктивном» опыте властей СССР в урегулировании межнациональных конфликтов на рубеже 1980-1990-х гг., а потому утверждал, что именно осетино-ингушский конфликт покажет наличие или отсутствие возможностей в данном вопросе у новой России [Размеров 1992]. Памятуя об этом, официальная печать стремилась доказать, что новые российские власти заметно превосходят в решительности и волевых качествах прежнее советское руководство во главе с М.С. Горбачёвым [Тумаков 2022: 447-448].

Заключение

Анализ федеральной печати начала 1990-х гг. показывает, что в то время в оценках случившейся на Северном Кавказе трагедии преобладали две основных линии, которые нередко пересекались на страницах одних и тех же периодических изданий. Первая из них была настроена довольно лояльно по отношению к действующей власти и полагала необходимым проведение силовой операции федеральных сил в Пригородном районе Северной Осетии осенью 1992 г. В некоторых случаях авторами публикаций такого рода были военные и сотрудники силовых структур [Тумаков 2022: 445, 448-450]. Несмотря на многочисленные разрушения и жертвы, в том числе среди работников силовых структур, ввод элитных частей ВДВ и ВВ МВД РФ в зону конфликта, а также силовое разоружение ими полувоенных группировок ингушей и осетин представлялись им меньшим злом, чем продолжение кровавых межэтнических распрей. Приверженцы данной точки зрения старались не комментировать вопрос о территориальной принадлежности Пригородного района, но считали неверным решением попытку ингушской стороны силой решить данную проблему. Действия российских военных в зоне ЧП рассматривались ими в основном через призму спасения мирных жителей региона от возможной гибели [Батыршин 1992], то есть как миротворческие.

Сторонники другой линии из числа корреспондентов ряда столичных масс-медиа или представителей законодательной власти РФ также не предлагали передать спорную территорию в состав молодой Ингушской Республики, признавая во многом искусственный характер её существования и отсутствия легитимных органов власти на её территории в 1992 г. Объектом их критики были скорее сами силовые действия Кремля при попытке наведения конституционного порядка на Северном Кавказе, так как федеральные войска фактически выступили на стороне официального Владикавказа и оказали содействие осетинским отрядам в изгнании ингушского населения из Северной Осетии [Козлов 1992]. Подобное поведение Москвы в первой «горячей точке» постсоветского периода представлялось некоторым столичным журналистам и экспертам не только предательским по отношению к ингушскому народу, но одновременно поводом к

началу новой Кавказской войны, а также рецидивом советской эпохи и, в силу этого, настоящей угрозой для строившейся российской демократии. Впоследствии подобный настрой СМИ станет очень широко распространённым в период первой чеченской кампании 1994-1996 гг., когда политические силы, представлявшие реформаторский сегмент российского истеблишмента, также выражали глубокую озабоченность силовыми действиями Кремля при восстановлении конституционного порядка на Северном Кавказе и опасались распространения военных действий на весь регион [Тумаков 2021; Тумаков 2025a], но одновременно не поддерживали и идею предоставления независимости Чеченской Республике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев 1992 – *Андреев Н.* Вероятность югославского варианта не исключена. Советская империя распалась потому, что должна была распасться // *Известия*. – 1992. – 15 февраля.
- Анохин 1992a – *Анохин П.* Что нас разъединяет // *Российская газета*. – 1992. – 11 июня.
- Анохин 1992b – *Анохин П.* Хочешь быть свободным – стань рабом закона // *Российская газета*. – 1992. – 14 ноября.
- Анохин 1992c – *Анохин П.* Режим «ЧП» не соблюдается // *Российская газета*. – 1992. – 18 ноября.
- Армия 1992 – *Армия в очаге конфликта* // *Российские вести*. – 1992. – 12 ноября.
- Батыршин 1992 – *Батыршин Р.* Конфликт потушен. Ингушей в Северной Осетии не осталось // *Независимая газета*. – 1992. – 18 ноября.
- Бельдюгина 1994 – *Бельдюгина Л.* Раны залечат терпение и время // *Российская газета*. – 1994. – 12 января.
- Воеводин 1992 – *Воеводин И.* Хотят ли русские?! // *Новый взгляд*. – 1992. – № 44. С. 2.
- Гакаев 1999 – *Гакаев Д.* Путь к чеченской революции // *Чечня и Россия: общества и государства*. – М.: Полиформ-Талбури, 1999. С. 150-176.
- Здравомыслов 1998 – *Здравомыслов А.Г.* Осетино-ингушский конфликт: перспективы выхода из тупиковой ситуации. – М.: РОССПЭН, 1998. – 128 с.
- Карханин, Искандарян 1992 – *Карханин С., Искандарян А.* Не стрелять! // *Российские вести*. – 1992. – 12 ноября.
- Ковальская, Шакина 1992 – *Ковальская Г., Шакина М.* Война без победы и победителей. В Пригородном районе может начаться вторая Кавказская война. Стоит ли в ней участвовать России? // *Новое время*. – 1992. – № 46. – С. 6-7.
- Кожокин 1992 – *Кожокин Е.* Кавказский конфликт: вход и выход // *Новое время*. – 1992. – № 51. – С. 10-11.
- Козлов 1992 – *Козлов С.* Вести из Владикавказа в Алма-Ате. Российско-казахстанская репортёрская бригада побывала в горячей точке // *Независимая газета*. – 1992. – 12 ноября.
- Крутиков 1992 – *Крутиков Е.* Россия будет сохранять видимый нейтралитет в осетино-ингушском конфликте до тех пор, пока и осетины, и ингуши сохраняют пророссийскую ориентацию // *Независимая газета*. – 1992. – 25 ноября.
- МалOVERьян 1992 – *МалOVERьян Ю.* В Россию пришла война // *Мегаполис-Экспресс*. – 1992. – 18 ноября.
- Марков 2021 – *Марков Е.А.* Российская власть и СМИ: история информационного взаимодействия. – М.: РУСАЙНС, 2021. – 280 с.
- Музаев 1992 – *Музаев Т.* Войны пока не будет. Политические силы Чечни консолидировались вокруг президента Дудаева // *Независимая газета*. – 1992. – 21 ноября.
- Обращение 1992 – *Обращение Президента России к гражданам страны* // *Российская газета*. – 1992. – 4 ноября.
- Паин, Попов 1992 – *Паин Э., Попов А.* Пламя кавказской войны – расплата за правовые и политические ошибки // *Известия*. – 1992. – 6 ноября.

Пачегина, Батыршин, Терехов, Анин 1992 – *Пачегина Н., Батыршин Р., Терехов И., Анин А.* Война на российском Кавказе. Ингуши объявили газават // Независимая газета. – 1992. – 5 ноября.

Потапов, Прокопенко 1992 – *Потапов В., Прокопенко И.* Старики с потухшими глазами // Российская газета. – 1992. – 11 ноября.

Размеров 1992 – *Размеров В.* Грозный экзамен для российской политики // Московская правда. – 1992. – 7 ноября.

Район 1992 – Район чрезвычайного положения (Северная Осетия – Ингушетия). – Владикавказ: б.и., 1994. – 106 с.

Романчин 1992 – *Романчин В.* Примут ли отставку генерала? // Российские вести. – 1992. – 13 ноября.

Рыбак, Кудрявицкий 1993 – *Рыбак К., Кудрявицкий Э.* Обитаемый остров // Столица. – 1993. – № 27. – С. 32-36.

Сампиев 2012 – *Сампиев И.М.* Конфликт в Пригородном районе и г. Владикавказе: сущность, роль государства и пути разрешения // Кавказ и глобализация. – 2012. – Т. 6. № 3. – С. 69-84.

Сейнароев 2012 – *Сейнароев Б.М.* На трудном пути создания Ингушской Республики. – М.: Издательство «Весь мир», 2012. – 448 с.

Тумаков 2016 – *Тумаков Д.В.* Тревожный регион: вооружённые конфликты на Северном Кавказе в первой половине 1990-х гг. и Ярославская область. – Ярославль: «Аверс Плюс», 2016. – 180 с.

Тумаков 2021 – *Тумаков Д.В.* Начало первой чеченской войны 1994-1996 гг. в оценках партии «Демократический выбор России» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – № 4. – С. 111-117.

Тумаков 2022 – *Тумаков Д.В.* Осетино-ингушский вооружённый конфликт 1992 года в освещении центральной печати // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. – 2022. – Т. 6. № 2. – С. 439-484.

Тумаков 2025a – *Тумаков Д.В.* Военные действия в Чеченской Республике в 1994-1996 гг. и объединение «Яблоко» // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 63-82.

Тумаков 2025b – *Тумаков Д.В.* Северная Осетия в оценках российской прессы начала 1990-х гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – № 2. – С. 146-154.

Тютюнник 1993 – *Тютюнник С.* Медицинский «спецназ» вернулся из района конфликта // Красная звезда. – 1993. – 10 января.

Фатигаров 1993 – *Фатигаров В.* Чрезвычайное положение сохраняется. Обстановка начинает стабилизироваться // Красная звезда. – 1993. – 7 октября.

Шевелёв 1992 – *Шевелёв М.* Долг колонизатора // Московские новости. – 1992. – 6 декабря.

Цуциев 1998 – *Цуциев А.А.* Осетино-ингушский конфликт (1992 - ...): его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. – М.: РОССПЭН, 1998. – 200 с.

Через два года 1994 – Через два года после войны. Проблемы вынужденных переселенцев в зоне осетино-ингушского конфликта. – М.: Правозащитный центр «Мемориал», 1994. – 80 с.

Черкизов 1996 – *Черкизов А.А.* Хронограф. Живая летопись московского муравья. Путеводитель по пяти годам жизни страны. 1991-1996. – М.: Издательство Март, 1996. – 528 с.

Чибилов 2015 – *Чибилов Л.А.* Деятельность Временной администрации по урегулированию осетино-ингушского конфликта (1992-1995 гг.) // Вестник Владикавказского научного центра. – 2015. – Т. 15. № 4. – С. 28-34.

Шнирельман 2006 – *Шнирельман В.А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 696 с.

REFERENCES

- ANDREEV N. *Veroyatnost jugoslavskogo varianta ne iskluchena. Sovetskaja imperija raspalas potomu, chto dolzhna byla raspastsya* [The possibility of a Yugoslav scenario is not excluded. The Soviet Empire collapsed because it had to collapse]. IN: *Izvestia*. – 1992. – February 15 (In Russ.).
- ANOHN P. *Chto nas razyedinyaet* [What separates us]. IN: *Rossijskaja gazeta*. – 1992. – June 11 (In Russ.).
- ANOHN P. *Hochesh byt svobodnym – bud rabom zakona* [If you want to be free, be a slave to the law]. IN: *Rossijskaja gazeta*. – 1992. – November 14 (In Russ.).
- ANOHN P. *Rezhim «ChP» ne soblyudaetsya* [The "emergency" mode is not observed]. IN: *Rossijskaja gazeta*. – 1992. – November 18 (In Russ.).
- Armija* [The army in the midst of conflict]. IN: *Rossijskije vesti*. – 1992. – November 12 (In Russ.).
- BATYRSHIN R. *Konflikt potushen. Ingushej v Severnoj Osetii ne ostalos* [The conflict has been extinguished. There are no Ingush left in North Ossetia]. IN: *Nezavisimaja gazeta*. – 1992. – November 18 (In Russ.).
- BELDYUGINA L. *Rany zalechat terpenije i vremya* [Patience and time will heal the wounds]. IN: *Rossijskaja gazeta*. – 1994. – January 12 (In Russ.).
- VOEVODIN I. *Hotyat li russkije?!..* [Do the Russians want to?!]. IN: *Novyj vzglyad*. – 1992. – № 44. – P. 2 (In Russ.).
- GAKAEV D. *Put k chechenskoj revolucii* [The path to the Chechen Revolution]. IN: *Chechnya i Rossiya: obshchestva i gosudarstva*. – Moscow: Polinform-Talbury, 1999. P. 150-176 (In Russ.).
- ZDRAVOMYSLOV A.G. *Osetino-ingushskij conflict: perpektivy vyhoda iz tupikovoj situatsii* [The Ossetian-Ingush Conflict: Prospects for Overcoming the Impasse]. Moscow: ROSSPEN, 1998. – 128 p. (In Russ.).
- KARHANIN S., ISKANDARYAN A. *Ne strelyat!* [Don't shoot!]. IN: *Rossijskije vesti*. – 1992. – November 12 (In Russ.).
- KOVALSKAJA G., SHAKINA M. *Vojna bez pobedy i pobeditelej. V Prirodnom rajone mozhnet nachatsya vtoraja Kavkazskaja vojna. Stoit li v nej uchastvovat Rossii?* [A war without victory or victors. The second Caucasian War may begin in the Suburban District. Should Russia participate in it?]. IN: *Novoje vremya*. – 1992. – № 46. – Pp. 6-7 (In Russ.).
- KOZHOKIN E. *Kavkazskij konflikt: vhod i vyhod* [The Caucasian conflict: entry and exit]. IN: *Novoje vremya*. – 1992. – № 51. – Pp. 10-11 (In Russ.).
- KOZLOV S. *Vesti iz Vladikavkaza v Alma-Ate. Rossijsko-kazahstanskaja reporterskaja brigade pobyla v goryachej tochke* [News from Vladikavkaz to Alma-Ata. A Russian-Kazakhstani reporting team visited a hot spot]. IN: *Nezavisimaja gazeta*. – 1992. – November 12 (In Russ.).
- KRUTIKOV E. *Rossija budet sohranyat neitralitet v osetino-ingushskom konflikte do teh por, poka i osetiny, i ingushi sohranyayut prorossijskuju orientatsiju* [Russia will maintain a visible neutrality in the Ossetian-Ingush conflict as long as both the Ossetians and the Ingush maintain a pro-Russian orientation]. IN: *Nezavisimaja gazeta*. – 1992. – November 25 (In Russ.).
- MALOVERYJAN J. *V Rossiju prishla vojna* [War has come to Russia]. IN: *Megapolis-Express*. – 1992. – November 18 (In Russ.).
- MARKOV E.A. *Rossijskaja vlast i SMI: istoriya informatsionnogo vzaimodejstviya* [The Russian government and the media: the history of information interaction]. Moscow: RUSAINS, 2021. – 280 p. (In Russ.).
- MUZAEV T. *Vojny poka ne budet. Politicheskije sily Chechni konsolidirovalis vokrug prezidenta Dudaeva* [There will be no war yet. The political forces in Chechnya have consolidated around President Dudayev]. IN: *Nezavisimaja gazeta*. – 1992. – November 21 (In Russ.).
- Obrashchenije* [Address by the President of Russia]. IN: *Rossijskaja gazeta*. – 1992. – November 4 (In Russ.).

PAIN E., POPOV A. *Plamya kavkazskoj vojny – rasplata za pravovyye i politicheskie oshibki* [The flames of the Caucasian War are a consequence of legal and political mistakes]. IN: Izvestia. – 1992. – November 6 (In Russ.).

PACHEGINA N., BATYRSHIN R., TEREKHOV I., ANIN A. *Vojna na rossijskom Kavkaze. Ingushi obyjavili gazavat* [War in the Russian Caucasus. The Ingush declared jihad]. IN: Nezavisimaja gazeta. – 1992. – November 5 (In Russ.).

POTAPOV V., PROKOPENKO I. *Stariki s potuhshimi glazami* [Old men with dead eyes]. IN: Rossijskaja gazeta. – 1992. – November 11 (In Russ.).

RAZMEROV V. *Groznyj ekzamen dlya rossijskoj politiki* [A Formidable Test for Russian Policy]. IN: Moskovskaya pravda. – 1992. – November 7 (In Russ.).

Rayon chrezvychajnogo polozhenija (Severnaja Osetia – Ingushetia) [Emergency area (North Ossetia – Ingushetia)]. – Vladikavkaz, 1994. – 108 p. (In Russ.).

ROMANCHIN V. *Primut li otstavku generala?* [Will the general's resignation be accepted?]. IN: Rossijskije vesti. – 1992. – November 12 (In Russ.).

RYBAK K., KUDRYAVITSKY E. *Obitaemyj ostrov* [Inhabited island]. IN: Stolitsa. – 1993. – № 27. Pp. 32-36. (In Russ.).

SAMPIEV I.M. *Konflikt v Prigorodnom rajone i g. Vladikavkaze: sushchnost, rol gosudarstva i puti razreshenija* [Conflict in the Prigorodny District and Vladikavkaz: Essence, Role of the State, and Ways of Resolution // Caucasus and Globalization]. – 2012. – Vol. 6. No. 3. – Pp. 69-84. (In Russ.).

SEYNAROEV B.M. *Na trudnom puti sozdaniya Ingushskoj Respubliki* [On the Difficult Path to Creating the Ingush Republic]. Moscow: Izdatelstvo Ves mir, 2012. – 448 p. (In Russ.).

TUMAKOV D.V. *Trevozhnyj region: vooruzhyonnyje konflikty na Severnom Kavkaze v pervoj polovine 1990-h gg. i Yaroslavskaja oblast* [An Alarming Region: Armed Conflicts in the North Caucasus in the First Half of the 1990s and the Yaroslavl Region]. Yaroslavl: Avers Plus, 2016. – 180 p. (In Russ.).

TUMAKOV D.V. *Nachalo pervoj chechenskoj vojny 1994-1996 gg. v otsenkah partii «Demokraticeskij vybor Rossii»* [The beginning of the First Chechen war 1994-1996 in the assessment of the party «Democratic choice of Russia»]. IN: Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. – 2021. – no 4. – Pp. 111-117 (In Russ.).

TUMAKOV D.V. *Osetino-ingushskij vooruzhyonnyj konflikt 1992 goda v osveshchenii tsentralnoj pechati* [The Ossetian armed conflict of 1992 as covered by the Russian central press]. IN: Historia provinciae – the Journal of Regional History. – 2022. – vol. 6, no 2. – Pp. 439-484 (In Russ.).

TUMAKOV D.V. *Vojennyje dejstviya v Chechenskoj Respublike v 1994-1996 gg. i objedinenije Yabloko* [Military operations in the Chechen Republic in 1994-1996 and the Yabloko association]. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 2. – Pp. 63-82 (In Russ.).

TUMAKOV D.V. *Severnaja Osetija v otsenkah rossijskoj pressy nachala 1990-h gg.* [North Ossetia in the assessments of the Russian press in the early 1990's]. IN: Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. – 2025. – no 2. – Pp. 146-154 (In Russ.).

TYUTYUNNIK S. *Meditsinskij specnaz vernulsya iz rajona konflikta* [Medical special forces returned from the conflict area]. IN: Krasnaja zvezda. – 1993. – January 10 (In Russ.).

FATIGAROV V. *Chrezvychajnoe polozhenie sohranyaetsya. Obstanovka nachinaet stabilizirovatsya* [The state of emergency remains in effect. The situation is beginning to stabilize]. IN: Krasnaja zvezda. – 1993. – October 7 (In Russ.).

SHEVELYOV M. *Dolg kolonizatora* [The colonizer's duty]. IN: Moskovskije novosti. – 1992. – December 6 (In Russ.).

TSUTSIEV A.A. *Osetino-ingushskij konflikt (1992 - ...): ego predystorija i factory razvitiya. Istoriko-sotsiologicheskij ocherk* [The Ossetian-Ingush Conflict (1992 - ...): Its Background and Development Factors. A Sociological Essay]. – Moscow: ROSSPEN, 1998. – 200 p. (In Russ.).

Cherez dva goda posle vojny. Problema vynuždennyh pereselentsev v zone osetino-ingushskogo konflikta [Two years after the war. The problem of internally displaced persons in the Ossetian-Ingush conflict zone]. – Moscow: Memorial, 1994. – 80 p. (In Russ.).

CHERKIZOV A.A. *Hronograf. Zhivaja letopis moskovskogo muravya. Putevoditel po pyati godam zhizni strany. 1991-1996* [Chronograph. A living chronicle of the Moscow ant. A guide to five years of the country's life. 1991-1996]. – Moscow: Izdatelstvo Mart, 1996. – 528 p. (In Russ.).

CHIBIROV L.A. *Deyatelnost Vremennoj administratsii po uregulirovaniyu osetino-ingushskogo konflikta (1992-1995 gg.)* [Activities of the Provisional Administration to Resolve the Ossetian-Ingush Conflict (1992-1995)]. IN: Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center. - 2015. - Vol. 15. No. 4. – Pp. 28-34. (In Russ.).

SHNIRELMAN V.A. *Byt alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke* [Being Alans: Intellectuals and Politics in the 20th Century]. Moscow: Novoje literaturnoje obozrenije, 2006. – 696 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Д.В. Тумаков – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

D.V. Tumakov – candidate of science (History).

Статья поступила в редакцию 07.10.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 07.10.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

Научная статья

УДК 82-32

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-340-356

EDN: SMGKZZ

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА А. БИТТИРОВОЙ: ЭТИЧЕСКИЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ, ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТЫ ОСМЫСЛЕНИЯ

Асият Даутовна Атабиева

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского
научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, bolatovaatabieva@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

Аннотация. Предметом исследования представленной научной статьи избрана психологическая проза, объектом рассмотрения выступают произведения балкарской писательницы А. Биттировой, включившейся в литературный процесс в конце 1990-х годов. Целью работы выдвинуто рассмотрение доминантной проблематики, художественных особенностей, повествовательных приемов (интроспекция, ретроспекция) и образных конструкций, задействованных писателем в создании текстов психологической направленности. В статье анализируется само явление без углубления в исторические закономерности становления жанра, и то, как феноменология психологизма проявляется на стилистическом и содержательном уровнях авторского текста. С ознакомительной целью в преамбуле обозначены определяющие черты психологической прозы, исследованы ключевые проблемные аспекты творчества А. Биттировой на предмет выявления соответствий с указанным жанром. В поле зрения художника находится типология конфликта и образов героев с фокусировкой на нравственно-этической составляющей межличностных коммуникаций. Творческие техники, используемые автором, и разбор этих техник по цепочке выводят на функционал национальной прозы реалистического направления. Проанализировав корпус художественных текстов средней и малой повествовательной формы, мы приходим к выводу, что в повестях и рассказах балкарской писательницы доминируют исповедальная, интроспективная линии, как отличительные признаки женской психологической прозы.

Ключевые слова: психологическая проза, социальная проблематика, типология конфликта, межличностные коммуникации, гендерный аспект, исповедальность, фактологическая основа.

Для цитирования: Атабиева А.Д. Психологическая проза А. Биттировой: этический, социальный, гендерный аспекты осмысления // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 340-356. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-340-356. EDN: SMGKZZ.

© Атабиева А.Д., 2025

Original article

**PSYCHOLOGICAL PROSE BY A. BITTIROVA: ETHICAL, SOCIAL
AND GENDER ASPECTS OF UNDERSTANDING**

Asiyat D. Atabieva

Institute for Humanitarian Studies – branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS, Nalchik, Russia, bolatovaatabieva@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

Abstract. The subject of this research article is psychological prose, and the object of study is the works of the Balkarian writer A. Bittirova, who joined the literary process in the late 1990s. The purpose of this work is to examine the dominant themes, artistic features, narrative techniques (introspection, retrospection), and figurative structures used by the writer in creating psychological texts. The article analyzes the phenomenon itself without delving into the historical patterns of the genre's development, and how the phenomenology of psychologism manifests itself at the structural and content levels of the author's text. For the purpose of familiarization, the preamble outlines the fundamental features of psychological prose and explores the key problematic aspects of A. Bittirova's work to identify its correspondence with this genre. The artist's field of vision includes the typology of conflict and character images, with a focus on the moral and ethical aspects of interpersonal communication. The author's creative techniques and their analysis lead to the functionality of national prose in the realistic genre. After analyzing a corpus of literary works in medium and short narrative forms, we conclude that the Balkarian writer's stories and novellas are dominated by confessional and introspective elements, which are characteristic of women's psychological prose.

Keywords: psychological prose, social issues, conflict typology, interpersonal communication, gender aspect, confessionalism, factual basis.

For citation: Atabieva A.D. Psychological Prose by A. Bittirova: Ethical, Social, and Gender Aspects of Interpretation // Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 340-356. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-340-356. EDN: SMGKZZ.

© Atabieva A.D., 2025

Границы понятия психологической прозы вбирают комплекс функциональных задач, связанных с усилением художественного «психологизма» и «психологического анализа» в тексте, созданием «психологического портрета», выявлением характерологической типологии. Прежде чем приступить непосредственно к анализу творчества А. Битировой в заданном ракурсе, считаем необходимым обозначить вклад некоторых российских литературоведов в разработку теоретической методологии вопроса. Функционал психологической прозы в пределах индивидуальной исследовательской концепции рассмотрен в целом ряде научных изысканий [Иезуитов 1970; Гинзбург 1977; Бочаров 1977; Кодак 1980; Маркова 2002; Есин 2003; Горжая 2020 и др.]. Определяющие качества литературного творчества в данном направлении – акцент на раскрытии внутреннего состояния, мироощущения героев, нацеленность на отражение глубинной психологии личности. В этом ракурсе тема исчерпывающе исследована в трудах корифеев психоанализа («коллективное бессознательное» К. Юнга, теория «бессознательного психического» и толкование сновидений З. Фрейда). Отмеченная линия проглядывается и в антропоцентрической парадигме литературы (слова М. Горького «литература – это человековедение»), развивающейся в междисциплинарном контексте. Антропоцентрический подход в разное время разрабатывался в культурологии, философии, теоретическом языкознании, паралингвистике, литературоведении. Ценными представляются тезисы В. фон Гумбольта (трактровка

духа), Э. Бенвениста («человек в языке»), Леви Стросса (структурная антропология), Кл. Шеннона, Потебни А.А. (язык и народность), Д.С. Лихачева, М.М. Бахтина и других авторитетных ученых.

Как художественная универсалия «психологическая проза» утвердилась и эстетически оформилась еще в начале XIX в. «В литературе XX века исследование психологии личности интенсивно заявляет себя в форме «потока сознания», раскрывающей человеческую сущность, неявность, закрытость» [Маркова 2002: 43]. Применительно к северокавказской прозе региональной критикой отмечается, что самое активное обращение к методам и приемам психологического изображения наблюдается в творческой практике национальных писателей в 1980–2000 гг. [Бозиева 2008]. Состояние общества в ту или иную эпоху корректирует содержательную компоненту произведений, которые находятся в рассматриваемой жанровой нише. В отдельные периоды отмечается рост популярности произведений психологической прозы, содержащих философские размышления о жизни, месте человека в социуме, поиске аутентичного «Я». В них неизменна сосредоточенность на эмоционально-чувственных переживаниях героев с целью их психологической презентации. Вариации форм (от дневниковых записей, писем, мемуаров, автобиографических заметок до целостно структурированных художественных текстов) оказываются весьма продуктивными в литературе современности. Предельно актуальной становится и женская беллетристика. Заданные границы предусматривают соотношение авторских привнесений (autofiction) и нехудожественной информации о реальном мире (non fiction). Многообразие затрагиваемых тем предоставляет дополнительные возможности осмысления насущных вопросов человеческого бытия, уяснения правил функционирования привычной модели социума.

Характеризуя проблему психологизма «на материале литературы, и канонической художественной, и документальной», Гинзбург Л.Я. отслеживает «сцепление переходов – от свойств к характеру и далее к психическому процессу; от двойственных противопоставлений к разносторонней обусловленности, исторической и социальной; от прямого отношения между чувством и словом, между свойством – мотивом – поступком, между поступком и его этической ценностью – к отношениям многозначным» [Гинзбург 1977: 442]. Таков расклад наиболее значимых моментов, на раскрытие которых ориентирована психологическая проза.

Переживающий субъект и его сенсорные ощущения занимают писателей не меньше, чем иллюстрация жизненных условий. Первичным объектом осмысления в текстах подобного рода выступают не столько социальные взаимоотношения между людьми, сколько внутреннее движение души, устремления сердца, увещания ума. Именно они выделяются в качестве ведущих черт. Герои таких произведений стремятся к осознанию своей социальной роли, находясь в процессе самоотождествления, психологической и духовной самоидентификации, чем обусловлена сосредоточенность на чувствовании, проявлении эмоционального фона. Формы художественного повествования могут быть разными, однако весь смысл заключается в проигрывании соответствующих ситуаций, позволяющих высветить скрытую суть изображаемых образов. Анализ психоэмоциональной сферы в художественном дискурсе способствует достоверной иллюстрации

глубинных переживаний персонажей, так или иначе вовлеченных в жизненные перипетии друг друга. Таким образом, человек мыслится точкой отсчета при исследовании социальных явлений.

С учетом жанровой специфики психологической прозы достоверность изображения имеет первостепенное значение. Подавляющее большинство авторов придерживаются концепции реалистического изображения. Объективная мотивировка социально обусловленного поведения людей определяет перспективы и конечные цели творческого осмысления затрагиваемых тем. Глубокое и детальное исследование внутреннего мира персонажей, отслеживание хода их мыслей, живость проживаемых ощущений вызывают естественное сопереживание, помогая приблизиться к пониманию причинно-следственных связей, дают читателю возможность прочувствовать сиюминутное состояние героев, мысленно представить себя на их месте, идентифицируя себя с кем-то из них.

Прямой и косвенный психологизм, применение различных техник (ретроспекция и интроспекция, онейрические вставки, монологические сентенции) и тропов (метафор, эпитетов, уподоблений) имеют место быть, так как смыслы, реализуемые в авторском лексическом словаре, формируют необходимую тональность и психоэмоциональный фон повествования. «По-разному моделируя своих персонажей, писатели XX века стремятся преодолеть инерцию рационалистически организованной, завершенной формы, предъявляя человека принципиально не завершенным и не объясненным, а тайну его души и сознания ... неразгаданной» [Маркова 2002: 56]. Все эти приемы направлены на резонансный отклик читающего реципиента, продиктованы стремлением писателя вызвать сочувствие, передать состояние человека в ситуациях высокого эмоционального напряжения. Внимание авторов не в меньшей степени занимают скрытые склонности человека, пробуждающиеся в моменты стресса и психологической надломленности. Соответственно, «психологичность» (или «психологическое изображение») как вариант художественного воплощения личности, направленного на транслирование ее внутреннего мира, имеет «имманентное свойство выражать психику человека» [Кодак 1980: 6-7].

Для рассказов балкарской писательницы Аминат Биттировой характерна специфическая манера описания, когда с целью раскрытия душевного состояния персонажа в тексте задействованы внутренний монолог и онейрические вставки, способствуя раскрытию человеческого подсознания. В характере повествования, во всей хронологической его структуре и самой интонации определяется проявление психологизма. Хотя автор абсолютно не тенденциозна в своих оценках, высказывая убежденность, что в действительности не существует образов эталонных, следовательно, изучает характеры героев, чтобы выявить причинно-следственные связи, соответствующие маркеры и паттерны (аналитический, каузальный подход). Иногда любой автор «по необходимости выступает как писатель-философ, а его творчество – как художественная (литературная) форма философствования» [Москвина 1982: 104]. Нужной реалистичности и драматического эффекта он достигает и путем воссоздания деталей интерьера, живости атмосферы. Портретные характеристики действующих лиц объективны, но их нельзя интерпретировать однозначно, в каждом случае нужно исходить из ситуативного контекста. В

рассказах наличествуют паузы, ощущается некая «неявность», недосказанность. Писатель склонен использовать тактический прием умолчания, добиваясь нужного эффекта через отсутствие вербального выражения переживаний или, наоборот, – интенсивное проявление эмоций, повышенную экспрессивность.

Художник последовательно информирует своего читателя о предыстории описываемых событий, побуждая эмоционально вовлекаться в происходящее и одновременно анализировать поступки персонажей, исходя из субъективно-оценочного уровня, ценностного восприятия прочитанного, переживая при этом схожие чувства. Угнетающая атмосфера, фокусировка на внутренних рефлексиях героев, подробная обрисовка интерьера (дома, комнаты, помещения), предметная детализация – все вкуче способствует достижению намеченных целей. Заметна и увлеченность элементами бытописания.

Дебютной книгой А. Биттировой стал сборник рассказов «Шашханла жаннетге тюшедиле» («Блаженные попадают в рай»), изданный в 1998 г. В содержательном плане он представляет собой дневник авторских размышлений, экзистенциально-философских рассуждений на социальные и нравственно-этические темы. Писателем затронуты вопросы нравственности, духовного самоопределения, коммуникативной этики в современном обществе. Бездушие мира и человеческие пороки получают в книге реалистическое, фокусное отражение. Автор концентрирует внимание на том, насколько сложно, к примеру, ребенку (неокрепшему детскому сознанию) адаптироваться к условиям жестокой реальности социума, в котором процветают равнодушие и безответственность взрослых. Творчество А. Биттировой по сути своей является напоминанием современникам о давно забытых духовных максимах и представляет собой открытый личностный протест против безразличия. Мысли художника отягощены сожалением об утраченных ценностях, постепенной аннигиляции родовых связей, очерствении человеческих душ, обезличивании человека. Ее герои задаются вопросом: возможно ли при таких обстоятельствах избежать озлобления сердца и получают односложный ответ – необходимо проявлять великодушие друг к другу, научиться слышать и сопереживать.

Проза А. Биттировой буквально изобилует трагическими историями. Пример того, как безрадостная атмосфера больничной палаты, вынужденная смена привычной обстановки негативно влияют на детскую психику либо, наоборот, помогают ребенку раскрыться, показаны в рассказах «Нексе сен былай мудах?» («Почему ты такой грустный?»), «Сокъураныу» («Сожаление»). Автор отслеживает, как возникают доверительные отношения между ребенком (Къыралбий) и взрослым (Эльмырза), между обидчиком (задиристый подросток) и третируемым (мальчик Шакъман), и что этому способствует. Автор стремится донести мысль о том, что в обществе не все находятся в равных условиях, существуют семьи, в которых складывается психологически тяжелый климат. Бывает так, что при живых родителях дети живут как сироты, брошенные на произвол судьбы один на один с реальностью. Однако они не в состоянии самостоятельно найти решение, оттого так остро реагируют на переменчивость настроения взрослых, ощущая свою ненужность, и как следствие – обесценивают себя. Этот фактор мешает им органично социализироваться в будущем.

Следует сказать и об умении автора улавливать малейшие признаки неустойчивости психики (на примере нерадивых матерей и отцов, людей с преобладанием деструктивного начала, эгоистическим складом характера, вредными привычками, зависимостями). Об этом история Назира и Азинат в рассказе «Озгъан насып» («Утраченное счастье»), иллюстрирующая то, как равнодушие близкого человека, его нежелание откликнуться на зов о помощи рушат зыбкое семейное счастье. Тяжелая болезнь делает человека беспомощным, уязвимым, этот момент требует чуткости и сострадания, на которые не каждый спутник жизни способен. Осознание предательства приходит к Назиру слишком поздно, когда уже сложно что-то исправить. Поняв, на какие страдания обрек жену и детей, он твердо намерен искупить вину перед ними. Смерть Азинат, дети, лишившиеся тепла матери, обязательства, о которых до сих пор мужчина не хотел знать – все эти внешние обстоятельства, а также внутренняя боль грузом ложатся на его плечи. И вновь писательница использует мотив сна для усиления драматического накала: Азинат просит Назира позаботиться о детях, иначе она заберет их к себе, хотя для них это не лучшее место. Запоздалое чувство вины, ощущение безысходности, мысли о безжалостности этого мира терзают героя изнутри. Рассказ завершается эпизодом, когда он шагает в мерзлой ночи, снег падает и тает на лице, в надежде скрыть его слезы, смыть собой все плохое.

Психологизм прозы А. Биттировой обнажает истину, затрагивая болезненные темы, в этой связи немаловажным является этический момент – ситуация нравственного выбора. Выражаясь словами Л.Я. Гинзбург, «поведение человека литература изображала всегда, следовательно, этика всегда была для нее внутренним, структурным началом» [Гинзбург 1977: 442].

Вне зависимости от жанрово-видовой принадлежности, психологическая проза балкарской писательницы характеризуется фокусировкой на внутреннем мире действующих лиц, преобладанием субъективного начала, исповедальной тональностью повестей и рассказов, интроспективной повествовательной манерой, что стилистически адекватно избранной линии. И формы психологического изображения более чем разнообразны. Некоторые художественные тексты можно отнести к дневниковому жанру (это касается главным образом повестей автора). В числе узнаваемых черт определяется преобладание субъективного начала, интроспективный характер повествования. Чтобы ответить на вопрос, в чем своеобразие прозы А. Биттировой, необходимо выделить основные целеполагания автора: обращенность к психоанализу, стремление к индивидуализации образов, транслирование скрытых душевных устремлений персонажей, выявление типологии конфликта и типологии характеров героев. В каждом отдельном случае происходит визуализация и вербализация психологических процессов, раскрывающихся по мере углубления в предысторию событий.

Следует отметить, что автор часто сосредоточен на исследовании женской психологии, выявляя скрытую мотивировку поведения своих героинь. Исследуя особенности «женской психологической прозы» А. Горжая выделяет три типа: андрогинный (паттерны, совмещающие в себе мужское и женское), аннигиляционный и феминный [Горжая 2020: 175]. Рассматривая прозу А. Биттировой с этой точки зрения, можно сказать, что творческий выбор писательницы не сводится к

какому-то конкретному из вышеперечисленных типов, скорее, наблюдаются их производные варианты.

Типология женских образов постоянно видоизменяется и предстает в интересной конфигурации. Скажем, судьбы героинь Сафият («Жауунлу кечеде кьалгьан насып» – «Счастье, потерянное в дождливую ночь»), Къаражан («Къаражан»), Назийфы («Танг атмай турса эди» – «Хоть бы не рассветало») – сравнительно схожи. Истории их жизни полны драматических событий, переломных этапов, потерь, которые закалили характер, не позволили ложному чувству вины (в попытке оправдать жестокость окружающих) искалечить собственную психику. Некоторые из них через боль и доверие к себе вышли в ресурсное состояние. Женщинам (в особенности горским) свойственно растворяться в любви, заботе о близких людях из мнимой (навязанной) жертвенности, которая переходит в разряд социально одобряемых действий, в действительности же это потакание чужим потребностям. Зачастую такое происходит из-за страха осуждения, патриархальный уклад жизни, необходимость чтить родовые связи согласно принятой иерархии, дорожить семейными узами, соблюдать основы нравственности и духовности накладывают на матерей, снох, жен, сестер, дочерей непосильную ношу и огромную ответственность. Каждая из этих социальных ролей требует неукоснительного следования принятым этическим нормам. При этом личное счастье отодвигается на задний план. Когнитивный диссонанс между стремлением к осуществлению желаемого (недостижимым) и необходимостью исполнения возложенных на них социальных обязательств приводит к разрастанию неразрешимого внутреннего конфликта. Все эти моменты отслежены писателем на конкретных примерах из жизни, и их подлинность не вызывает сомнений.

В произведениях А. Биттировой потенциальному читателю предоставляется возможность рассмотреть правду жизни, как она есть без прикрас, поскольку у автора нет цели – ретушировать или сглаживать реальность. Социальная острота затрагиваемых проблем заведомо прогнозируется. Ситуации, образы, обстоятельства, персонажи и их переживания максимально объективизированы. Писателем достигается детализация высокого уровня, создается эффект укрупнения фокуса – выпуклого изображения, что позволяет нам прочувствовать все этапы развития событий в режиме реального времени через зеркало индивидуальных впечатлений. При прочитывании текста нередко ловишь себя на мысли, будто это когда-то уже происходило, эффект «дежавю» – повторяющегося состояния. Читатель как бы вынужден примерять ситуации из жизни выдуманных героев на свою собственную судьбу.

В прозе писательницы ощущается разительный контраст между рафинированной художественностью, принятой в литературе недавнего прошлого, и обнаженными струнами человеческой души, способной пропускать через себя весь спектр эмотивных реакций. Без наложения искусственно подобранных спецэффектов с целью аннигиляции драматических картин обыденного существования вполне себе заурядного человека, который в целом ничем не примечателен, не наделен особыми талантами, не относим к статусным личностям и т.д. Однако изображаемые А. Биттировой образы и ситуации вызывают живой отклик у таких

же обычных людей. И это сама жизнь, полновесно отраженная с разных ракурсов, в различных преломлениях. В рассказах и повестях автора не решаются глобальные общечеловеческие проблемы или конфликты, в них затронута непосредственная жизнь и обозначены вопросы, универсальные в своем естестве. Человеческие чувства, мысли, надежды, страхи, психологические травмы улавливаются с предельной чуткостью, отражаются настолько достоверно, что испытываешь искреннее, нескрываемое сочувствие пережитому другими людьми.

В рассказах «Счастье, потерянное в дождливую ночь», «Почему ты такой грустный?», «Къаражан» главные герои (старики, женщины, дети) сталкиваются с равнодушием близких, домашним насилием, испытывают страх перед источником боли. Герои произведений «Нексе сен былай мудах?» («Почему ты такой грустный?»), «Анам келип къалса эди» («Хоть бы мама пришла») Аскер и Къыралбий каждый день проводят в ожидании приезда матери. За ними присматривают другие люди. В детском восприятии мама – идеал красоты, ее образ абсолютизируется. Только в присутствии матери ребенок ощущает себя полноценным и защищенным. Однако эти дети превращаются в изгоев, вынужденные существовать в атмосфере духовного разлада, напряженных отношений между близкими, что естественно сказывается на их психическом состоянии. Много раз мальчишка (Аскер в рассказе «Хоть бы мама пришла») становился свидетелем ссор между матерью и бабушкой, после которых мать уезжала в слезах и долго не появлялась. Психологическая надломленность ребенка, осознающего свою ненужность, обесцениваемого близкими людьми, третируемого сверстниками за то, что он из неблагополучной, неполной семьи, отсутствие моральной поддержки – все это усугубляет низкий уровень его социальной интегрированности. Для детской психики ничто не проходит бесследно. Обстоятельства вынуждают приспособливаться, подстраиваться под настроение окружающих. Ребенок, который когда-либо сталкивался с равнодушием и игнорированием его потребностей, постоянным внушением собственной ущербности, оказавшись втянутым в перетягивание каната после окончательного разрыва отношений, находится в состоянии тревожного ожидания. Он считывает эти моменты как подтверждение своей вины за несуществующие ошибки, так в его сознание закладывается очередная детская травма, которая может иметь необратимые последствия. Трагизм судеб, обездоленность ребенка, лишенного материнской ласки, выброшенного на задворки жизни, потерявшего веру в себя и в людей (в лице взрослых), которые зачастую равнодушны и безучастны к его страданиям, поскольку сами заняты решением собственных проблем. Незавершенный сюжет рассказа оставляет горькое послевкусие, погружая читателя в глубокие раздумья о жизни.

Тема сиротской доли осмыслена и в содержании рассказа «Жилтинчик» («Искорка»). Фариз рано остался вдовцом с четырьмя детьми. Болезненность жены объяснялась трагическими обстоятельствами прошлого (в выселение мать умерла в поезде, ее со старшим братом забрали в детский дом, где недоедание и стресс способствовали ухудшению здоровья, которое так и не восстановилось). Младшему сыну было всего четыре года, когда она ушла из жизни. Счастливое, размеренное существование семьи рухнуло. Обязательства по уходу за детьми легли на его плечи. Прежде улыбчивый, жизнерадостный Фариз превратился в

сгоревшую головешку. Поначалу мужчина старался никого не обременять, справляться сам. Со временем стало сложнее, люди настаивали на том, что в доме необходимо женское присутствие. Повторный брак так и не принес успокоения, дети оказались незащищенными и уязвимыми перед скрытой агрессией Аккыз. Больше всех доставалось младшему сыну, которого все ласково называли Жилтинчик (Искорка). Он всячески старался сохранить память о матери, из-за чего происходили стычки. Дети были лишены заботы, элементарного ухода и теплого проявления эмоций, поэтому находиться в доме стало для них невыносимо. Так продолжалось до тех пор, пока Фариз не убедился в происходящем сам. Он был окончательно разбит, узнав правду. Повторяющиеся ситуации и слезы детей позволили ему осознать, какую роковую ошибку он совершил, на что обрек детей, выбрав в спутницы жизни бездушного человека. Мужчина испытывал злость на самого себя за наивность и недопустимую в его случае беспечность. Теперь ему предстояло заново завоевывать доверие детей, жить с неизбывным чувством вины.

Давая объективную характерологическую оценку биттировским героям, надо сказать, что мало кому из них свойственна ассертивность – уверенность в собственных силах, независимость от внешних оценок и влияний, способность открыто выражать свои потребности, чувства и индивидуальную позицию, соблюдая при этом личностные границы. Чаще наблюдается ригидность, негибкость мышления, когда любые перемены и ответственность пугают. Высокофункциональные навыки межличностной коммуникации нарабатываются только в случае гармонично развитой (не травмированной) личности, четко осознающей свое право на лучшую роль, чтобы не служить удобным винтиком в социальном механизме, постоянно придерживаясь одобряемого обществом поведения.

Автор рисует характеры изнутри через выразительные особенности речи, модели социального поведения, внешние проявления и эмоциональные реакции. Все сказанное суммарно отражает свойства той или иной личности. На этом и основано психологическое изображение. Концепция личности корректируется, исходя из совокупности объективных предпосылок ее развития на всех жизненных этапах. Здесь, несомненно, учитываются и характер социальной среды, в которой человек пребывает, и детерминированность объективными условиями существования.

По мнению А. Биттировой, ценность личности заключается в проявлении человечности. Жизнь души должна быть показана в динамике. В рассказах и повестях автора нет места сентиментальности или романтическому флеру. Правда бытия раскрывается в повседневной рутине. Действенными средствами обрисовки образов становятся описания сновидческих эпизодов, использование психически окрашенных пейзажей, детализации быта, выстраивание пространственных монологов, позволяющих собрать воедино совокупность внешних и внутренних факторов, перемененно оказывающих влияние на эмоциональную сферу. Художника интересуют тот социальный круг, та внешняя среда и тесная связь с миром, которые будут способствовать иллюстрации личностных качеств в различных ситуативных моментах.

Кризис ценностных опор, обособление личности, нарастающая отчужденность в социуме (следствие разочарований в собственных ожиданиях), поиск ответов на острые вопросы гуманистического содержания подводят героя к важным внутренним осознаниям, способствуя обретению внутренней целостности, самооценности. Писательница демонстрирует последовательную мотивацию поступков персонажей, вскрывает эмоциональные наслоения, психологические блоки различной этиологии. Используя возможности реалистического психологизма, автор иллюстрирует привычные явления общественной жизни, преломляя сквозь призму восприятия своих героев, подсвечивая тем самым их внутренние противоречия. Благодаря этому образы находят исповедальное самовыражение, отслеживающееся в изменчивости психосоматических состояний. Сознание персонажей временами раздваивается, и эти моменты фиксируются как стоп-кадр. Многие герои имеют обыкновение рефлексировать, мысленно сосредотачиваться на судьбоносных событиях прошлого, убеждая себя в важности пережитого опыта и его связи с происходящим сейчас. Тогда им становятся ясны мотивировки действий других людей.

В творчестве А. Биттировой достоверно и остро раскрывается тема межличностных взаимоотношений. В содержании художественных произведений нравственно-этическая и социальная проблематики неизменно преобладают. Каждая история – это объективная характеристика современного общества. Проблема духовного разлада личности рассматривается писателем изнутри. Нравственность и коммуникативная этика волнуют автора в большей степени, нежели глобальные события вселенского масштаба. В соответствии с замыслом конструируются ситуации, выстраивается типология конфликта. Первым в этом ряду выделен внутриличностный конфликт (противоречие между желаемым и навязанным обществом / семьей, несоответствие мира индивидуальным ожиданиям человека пробуждает в нем чувство неудовлетворенности собой). Межличностный конфликт возникает уже на основе скрытого (зависть, антипатия, злоба, нетерпимость) или открытого противостояния (несовпадение интересов, убеждений, жизненных целей, столкновения между людьми из-за конкуренции). Традиционное выказывание уважения (не всегда оправданного) по старшинству или услужливость по отношению к человеку, выступающему в роли неформального лидера, который подавляет остальных и имеет большие преимущества над членами определенной социальной группы – тоже про это. Следующий тип – конфликт внутри семьи (разногласия в паре, противостояние отцов и детей) или социальной группы (когда человек не вписывается в коллектив). Объективными причинами могут быть: психологическая незрелость, внутреннее разделение, несовместимость характеров, ощутимые различия поведенческих паттернов, абьюзивная модель поведения, третирование со стороны лидера либо эмоциональное давление, оказываемое большинством. Таким образом, психологический конфликт раскрывается в социальном, гендерном и духовном аспектах. Последствия психологических противоречий оказывают деструктивное влияние на устойчивость ментального ядра личности. Все эти нюансы детально освещены и художественно объяснены в произведениях А. Биттировой. Если объединить их в целостную проблематику, то получается, что главная мотивация создания

подобных художественных текстов заключается в воспроизведении современной картины мира и человека в ней.

Биполярность (противоречивость сознания), природная агрессия, проявляющаяся в характере, отсутствие эмоций либо их систематическое подавление в себе серьезно отражаются на социальной адаптивности индивида, его умении коммуницировать. И очевидно не всякая личность способна органично интегрироваться в социум. Одними из ключевых причин конфликтных ситуаций оказываются мировоззренческие разногласия, классовое (статус, материальное положение) расслоение в обществе и духовная антагония.

В 2003 г. вышла в свет вторая книга А. Биттировой «Танг атмай турса эди» («Хоть бы не рассветало»), в нее включены рассказы и несколько художественных текстов средней эпической формы (в том числе повесть «Сүймеклигинги байлыкыгъа жесир этгенсе» / «Сделал свою любовь заложницей богатства»), один из которых дал название сборнику. Произведение воспринимается максимально жизнеописательным, однако суггестия, пожалуй, служит определяющим началом в отражении вышеперечисленных проблемных аспектов. Художником используется минимум диалогов в пользу внутренних (монологических) рефлексий. Главная героиня – Назийфа – девушка врач, живущая в городе, родом из селения Кюнньюм, где она выросла и где находится ее семья (родители Къанамат и Къаний, братья Азреталий, Залимхан и сестра Ханыйфа). Доминантные сюжетные линии повести прокручиваются вокруг этого образа. Ведущий мотив повествования сосредоточен на теме любви. По мере того, как развивается сюжет, становится очевиден контраст между романтическим периодом знакомства Назийфы с Саматом и прогнозируемым драматическим финалом их отношений. Вместе с тем автор старается избегать пессимистического настроения. Жизнь идет своим чередом, согласуясь с утверждением «все пройдет, и это тоже». Озвученная в самом начале фраза «Танг атмай турса эди. Ансы насыбым учуп кетерикча болама» («Хоть бы не рассветало. А то мне кажется, что счастье мое вмиг улетучится») [Биттирова 2003: 72]) характеризует яркие переживания влюбленной пары: эмоциональную экзальтированность, состояние всеохватывающего счастья, желание никогда не расставаться друг с другом. Однако эти иллюзии разбиваются вдребезги, едва столкнувшись с правдой жизни. Реальность такова, что со временем интерес в паре ослабевает, теряется новизна впечатлений, и кто-то один (Самат) легко идет на расставание, а другой (Назийфа) испытывает крушение надежд. Искренность героини в противовес эгоистической модели поведения ее избранника: на одной чаше весов – ее чуткость, сердечная теплота, на другой – его беспечность и умышленный обман. Впоследствии их роли кардинально меняются. Девушка (брошенная любимым без объяснений, отверженная собственной матерью за нарушение принятых в обществе правил, снедаемая сомнениями – сумеет ли вырастить сына без отца, сохранит ли себя целостной, несмотря на удары судьбы) все же находит в себе силы начать жизнь с чистого листа и обретает долгожданное счастье. Мужчина, пытающийся усидеть на двух стульях, отрекшийся от своего чувства ради собственного благополучия, очень скоро теряет вкус к жизни, сталкивается с неразрешимым внутренним конфликтом. Сожаления о неверном выборе, утраченном счастье, упущенной

возможности быть рядом с человеком, искренне любившим его, лишают Самата душевного покоя. Рефренная фраза позже получает обратный смысл: «Танг терк атса эди, Назийфа, мен санга туберча» («Скорее бы рассвело, Назийфа, чтобы я смог встретиться с тобой»). Герой ожидает наступления утра как эфемерный шанс исправить ошибки прошлого, чтобы изредка общаться со своим ребенком, о существовании которого он не хотел прежде знать, итог – родного сына воспитывает приемный отец. Назийфа проявляет снисходительность к обидевшим ее людям, героиню характеризует зрелый подход к решению неоднозначных ситуаций. Мужчина, однажды вдохнувший в нее надежду на счастье и так же легко отказавшийся от любви, теперь сам ищет ее расположения, тоскует, как она по нему когда-то. Для Назийфы это чувство всегда было окрыляющим, но женщина принимает жесткие правила игры, навязанные жизненными обстоятельствами, сохранив внутри себя веру в нерушимость духовных принципов. Героиня не стала отягощать свое настоящее ненавистью к человеку из прошлого, это сделало бы ее жизнь мрачной и угрюмой. Она глядела в небо, наблюдая, как проносятся облака, с мыслями: куда они спешат, вечно торопятся, как и люди, вертящиеся всю жизнь в суете. Им наверно не нужна любовь, и ненависть им не знакома, они беззаботно продолжают плыть в безбрежных просторах неба. И эта картинка от начала времен неизменна. Человеку же не дана такая свобода, он не может позволить себе быть отрешенным. Каждый, приходя в земную жизнь, оставляет след в этом мире. Каким он будет – решать ему. Эту идею и хотел донести автор до своего читателя.

Событийная канва повести обрисована двупланово, самостоятельные повествовательные линии синхронно развиваются в едином контексте. Во второй части использован прием ретроспекции, экскурс в прошлое знакомит нас с историей семьи главной героини. Рассказ о настоящем перемежается с воспоминаниями о минувшем. Семья Назийфы в прошлом столкнулась с рядом трагических событий: участь отца, заключенного в тюрьму по ложному доносу, и брата, который в погоне за легкой наживой попал в плохую компанию (участие в разбоях и воровстве). В результате умышленного подлога и фальсификации документов главой местной администрации Лобзе Къанамат несколько лет отсидел в тюрьме. Его обвинили в растрате и устранили с пути при попытке обратить внимание чиновничьей верхушки на темные дела областной администрации. Справедливости герой так и не добился, коррупционная система пресекала всякие действия в этом направлении. После выхода из заключения Къанамат прожил совсем недолго. Дочь Назийфа из-за всепоглощающего чувства к Самату (который вел двойную жизнь, имел семью на стороне) была обманута, оставшись с ребенком на руках. Сын Залимхан смолodu был влюблен в односельчанку Лейлю, которую отец выдал замуж за удобного ему человека. Движимый желанием быстро разбогатеть молодой парень решился на отчаянный поступок – связался с людьми, виновными в разбоях и кражах. Не одумавшись вовремя, он погиб в стычке с поделниками, пытаясь защитить односельчан. Их мать Къаний не выдержала свалившиеся на нее беды и вскоре умерла. Таков обзорный пересказ сюжета.

Писательница сосредоточена на максимально полном отражении внутреннего мира своих персонажей, и в большей степени – на психологической сфере

межличностных коммуникаций. Ход мыслей героев, их эмоции и переживания, неустанная внутренняя борьба, конфликт интересов, несоответствие воображаемого реальному положению вещей, скрытые и явные желания, слабости, боль, ошибки, разочарования – все это становится причиной душевного разлада, служит обоснованием их поступков и дальнейших действий.

Важным аспектом содержания повести, как уже было отмечено, является любовная драма, разворачивающаяся между Назийфой и Саматом. Фокус читательского внимания сконцентрирован на полярном восприятии этого чувства и имеет гендерную специфику. Для девушки любовь и отношения с возлюбленным – выбор осознанный, он продиктован психологической готовностью к ответственности в паре. Однако ее искреннее желание раствориться в избраннике, чрезмерная его романтизация, завышенные ожидания в плане эмоциональной отдачи, становятся причиной разочарований. Самат со своей стороны не видел ценности в этих отношениях (поскольку обзавелся семьей еще до знакомства с Назийфой). Он намеренно избегал прямого обсуждения совместных планов на будущее, не вкладывался в построение крепких уз, так как для него это было воображаемой игрой, которая приносила в его размеренную жизнь ощущение новизны. Искренность и открытость (не только в чувствах, но и в социальной коммуникации) считаются как проявление слабости и служат недобрую службу для тех, кто не может иначе. Об этом размышления автора: «Къарыусузну кёлюне тиерге жол къалай ачыкъды бети болмагъан адамгъа! Къалай жаланды жарлыны жүреги» (*«Возможность обидеть слабого так реальна для бессовестного человека! Как же уязвимо сердце несчастного»*) [Биттирова 2003: 67]. Любовь (сравнительно неравнозначная) превращает человека в слепца, заставляя чувствовать себя ущемленным и в какой-то степени неполным. Счастье от нее кратковременно, за ним всегда следует четкое понимание неминуемости расставания. Любовь – тлеющий огонь, не гаснет, но нет запала разгореться в полную силу. Пепел, оставшийся на руинах бывшего чувства, уже не разжечь. Назийфа когда-то считала, что без любви жизнь подобна цветку, оставшемуся без полива, стебель сохнет на солнце, словно его выдернули из земли с корнями («Суу къуюлмай къалгъан гюлча къургъакъсыды, мыккыл болады, жерден тамырлары бла чыгъарылып атылгъан ханс кюнде мууал болгъанча» [Биттирова 2003: 69]). Девушка искала оправдания любимому, думала: знакомо ли Самату такое состояние, чувствует ли он то же, что и она? С его появлением она расцвела, возник интерес к жизни, во всем ее облике чувствовались воодушевление и окрыленность. Прежнее увлечение работой отошло на второй план. Назийфа всецело была поглощена новым состоянием. Вместе с тем ее нельзя назвать наивной, вдумчивый, трезвый взгляд на происходящее и некая доля снисходительности помогли ей выйти победителем из создавшегося положения. Несмотря на все сложности (общественное осуждение, неприятие семьей ее нынешнего статуса незамужней матери одиночки, финансовые трудности, проблемы со здоровьем) героине повести удалось перепрошить свое сознание, обрести благостное состояние, сосредоточиться на воспитании сына. Самат же, будучи в довольно зрелом возрасте, оказался не у дел, обреченный провести остаток своей жизни в сожалениях и самобичевании. Судьба вынесла обоим свой справедливый вердикт.

Обе повествовательные линии произведения представляются логически завершенными. Ключевой в повести означена сфера человеческих взаимоотношений, распределение социальных ролей и их неоднозначное восприятие героями. А. Биттирова скрупулезно вырисовывает значимые ситуативные моменты, позволяя читателю получить ясное представление о характерах героев, их личностных особенностях. Действия персонажей анализируются с позиции духовных ценностей, нравственности и этики. Критерии оценки соответствуют принятым в народе моральным устоям. Перипетии жизни и судеб действующих лиц повести обнажают социальные противоречия, иллюстрируя то, как в одной и той же ситуации по-разному раскрывается человеческая суть.

Внутренний компас – духовный ориентир ассертивной личности. Если человек научится доверять, прислушиваться к собственному барометру ощущений, находить опору в самом себе, а не искать во вне, – это взрослая позиция, которую заглушают инфантилизм и псевдотолерантность, поощряемые обществом. Есть и другая крайность – убегание, перекладывание ответственности, неспособность думать своей головой. Подобные установки закладываются в подкорку с детства и остаются вшитыми в подсознание, укрепляя ложные представления о должностовании. Отсюда неудовлетворенность собой и окружающими, сбитые ориентиры, эмоциональное выгорание, синдром отложенной жизни. Наглядной иллюстрацией инфантильного мышления служат психологические типы, оформленные в образах Самата (возлюбленный Назийфы) и Залимхана (брат). Единственной, кто осмелился нарушить устойчивые стереотипы, отказавшись быть удобной и не соглашаясь на меньшее, стала главная героиня, доказавшая личным примером, что Бог не меняет положение людей, пока они не изменятся сами. Она прошла все этапы эмоционального проживания неразрешимой ситуации: отрицание, гнев, торг (оправдание), депрессия, принятие, психологическое перерождение и внутренняя свобода. Остальные персонажи демонстрируют свою несостоятельность, застревают на полпути, мимикрируя и подстраиваясь под обстоятельства, обходя острые углы, игнорируя сложности, решение которых и является точкой роста. Интенсивность проживаемых эмоций меняется в зависимости от того, на каком этапе находится человек, и какие усилия он в итоге предпринимает для разрешения конфликта.

Проза А. Биттировой характеризуется искренностью и правдивостью, благодаря чему и находит отклик у потенциального читателя, получает эмоциональный резонанс. Знакомясь с ее творчеством, невольно примеряешь на себя подсвеченные социальные роли и изображаемые образы. Писатель вскрывает спрятанные в человеческом подсознании застарелые травмы, неразрешенные конфликты, берущие начало еще из детства. И, как верно подмечено автором, их последствия препятствуют росту и развитию эмоционального интеллекта. Все упомянутые признаки дают основание причислять творчество балкарской писательницы к жанру психологической прозы, априори ориентированной на раскрытие этих аспектов.

Такова психическая феноменология, которую А. Биттирова высвечивает с разных ракурсов (через возрастную специфику и гендерный аспект). Пограничность / переходность / лиминальность в оценке психологического состояния

героев получают наибольший интерес, позволяя идентифицировать специфические черты каждого персонажа в отдельности. Чему в целом содействуют и портретные характеристики, и описания деталей, выявление внешних и внутренних закономерностей происходящего. Действенным способом раскрытия непрожитых эмоций, зафиксированных на уровне подсознания, становятся онейрические вставки (пример тому – рассказы «Жашым, тансыкъ болгъанма санга» / «Сынок, я скучаю по тебе», «Озгъан насып» / «Утраченное счастье», повесть «Танг атмай турса эди» / «Хоть бы не рассветало»).

Помимо всего прочего в произведениях А. Биттировой затрагиваются проблемы утраты идентичности, ассимиляции в чуждой среде (Сагит в рассказе «Сынок, я скучаю по тебе»). Некоторые персонажи оказываются в плену деструктивных влияний и порочных зависимостей, приводящих к постепенной духовной деградации (Хусей в рассказе «Счастье, потерянное в дождливую ночь», нерадивая мать из рассказа «Почему ты такой грустный?»). Писательница стремится отследить момент проявления необратимых психологических трансформаций, происходящих в человеке под воздействием внешних факторов и среды. В ее произведениях находят отражение негативные стороны сосуществования в социуме, например, клановость – жесткое давление семьи, коллектива, общины и драматических жизненных коллизий (как это происходит в рассказе «Бийик таулары желлери саламынгы жетдирилме манга» / «Ветра с высоких гор донесут мне восточку от тебя»). Нередко в поле зрения художника попадают истории людей, оказавшихся в сложных ситуациях нравственно-этического выбора (Залимхан в повести «Хоть бы не рассветало», Назир в рассказе «Утраченное счастье»). Автор создает «психологизм контекста» через символические эпизоды либо реализует это посредством рефлексивного монолога. Интересно обыгрывается автором и тема трагической предопределенности (печальные судьбы Кезибан и Таусолтана – «Шашханла жаннетге тюшедиле» / «Блаженные попадают в рай», Афужан – «Кечеди жаланда шагъат» / «Только ночь свидетель», трагическая история Германа и Нюржан – «Бийик таулары желлери саламынгы жетдирилме манга» / «Ветра с высоких гор донесут мне восточку от тебя» и др.).

Анализ идейного и содержательного уровней психологической прозы А. Биттировой показывает, что «проблемы веры и безверия, соотношения личного и коллективного, духовного и этического, нравственности и политики – основные в мировой литературе XX века и в русской прозе 1980-2000-х годов – приобретают особую актуальность и дают импульс развитию современной национальной прозы» [Бозиева 2008: 4]. Неоднозначные психологические состояния героев, сложная диалектика человеческой души, уровень эмпатии и поведенческие особенности героев отражаются через глубокое погружение в их внутренний мир. Вектор направлен в себя, именно так достигается исчерпывающее объяснение эмоциональных порывов персонажей. В случаях, когда связь с реальностью, окружающей действительностью теряется, в этот момент происходит проявление скрытого «бессознательного» в человеке. Констатация внутренней жизни и внешних обстоятельств генерирует максимальное раскрытие характера, дополнительно разъясняя его социальную обусловленность. Однако стилевой доминантой всегда остается «исследование душевной жизни в ее противоречиях и глубинах» (Гинзбург Л.И.)

Результаты изучения лингвостилистических особенностей художественного текста позволяют говорить об умении писателя отбирать те тропы, которые будут эффективными в интроспективном отражении. Композиционно-языковые средства, формирующие специфическую лексику художественных произведений (риторические вопросы, использование вставных конструкций, наличие эмоционально-оценочных характеристик, субъективных оценок, приемы языковой импровизации, придание выразительности при помощи экспрессивно-окрашенных фраз), способствуют усилению драматизма. Художник делает выбор в пользу монологов и мыслительных сентенций (интроспекция), сводя диалогическую речь к необходимому минимуму. Рассказы приобретают законченный вид благодаря лаконичности структурного оформления и выстраиванию логической цепи взаимообусловленных событий.

Проблематика рассказов и повестей автора вбирает широкий спектр актуальных вопросов и тем, направленных на оценку психоэмоциональных характеристик действующих лиц, раскрытие сложной цепи внутрисемейных (родовых) связей, социальных коммуникаций, гендерной и возрастной специфики, диалектики человеческих взаимоотношений, выстраивая типологию характеров и дифференциацию конфликта. Все вышеизложенное составляет действенный художественный инструментарий современной психологической прозы, которым активно пользуется в своем творчестве А. Биттирова.

Итоги исследования подтверждают творческую приверженность автора к линии психологической прозы и ее усилия в активной разработке указанного жанра в национальной литературе 1990-2000-х гг., целевое направление которой усматривается в «художественном познании внутреннего мира, эмоциональной и интеллектуальной сферы личности в ее обусловленности явлениями окружающей действительности» [Бозиева 2008: 4].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Биттирова 1998 – *Биттирова А.* Шашханла жаннетге тюшедиле (Блаженные попадают в рай). Рассказы. – Нальчик: Эльбрус, 1998. – 132 с.

Биттирова 2003 – *Биттирова А.* Танг атмай турса эди (Хоть бы не рассветало). Рассказы и повести. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – 144 с.

Бозиева 2008 – *Бозиева А.А.* Художественное решение нравственно-этических проблем в современной кабардинской прозе (повесть): автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Нальчик, 2008. – 22 с.

Бочаров 1977 – *Бочаров С.Г.* Этические проблемы психологической прозы // Вопросы литературы. – 1977. – №3. – С. 262–269.

Гинзбург 1977 – *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. – Л.: Художественная литература, 1977. – 450 с.

Горжая 2020 – *Горжая А.А.* Психологическая женская проза как объект исследования // Гуманитарные и юридические исследования: раздел «Филологические науки». – 2020. – №2 – С. 175–181. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2020.2.24>

Есин 2011 – *Есин А.Б.* Психологизм русской классической литературы. – М.: Флинта, 2003. – 173 с.

Иезуитов 1970 – *Иезуитов А.* Проблема психологизма в эстетике и литературе / А. Иезуитов // Проблемы психологизма в советской литературе; под ред. В. А. Ковалева и А. И. Павловского. – Л.: Наука, 1970. – С. 39-57.

Кодак 1980 – Кодак М.П. Психологизм социальной прозы. – Киев: Наукова думка, 1980. – 162 с.

Маркова 2002 – Маркова Т.Н. Эволюция концепции человека и психологизма в русской прозе XX века // Вестник Челябинского государственного университета. Раздел: Языкознание и литературоведение. – 2002. – № 1. – Т. 2. – С. 42–57.

Москвина 1982 – Москвина Р.Р. «Смешанные» жанры словесности как эмпирия философствования // Вопросы философии. – 1982. – № 11. – С. 101–108.

REFERENCES

BITTIROVA A. *Shashxanla zhannetge tyushedile (Blazhenny'e popadayut v raj)* [The blessed go to heaven]. Rasskazy'. – Nal'chik: E'l'brus, 1998. – 132 p. (In Russ.).

BITTIROVA A. *Tang atmaj tursa e'di (Xot' by' ne rassvetalo)* [I wish it wasn't dawn]. Rasskazy' i povesti. – Nal'chik: E'l'brus, 2003. – 144 p. (In Russ.).

BOZIEVA A.A. *Xudozhestvennoe reshenie npravstvenno-e'ticheskix problem v sovremennoj kabardinskoj proze (povest')* [The artistic solution of moral and ethical problems in modern Kabardian prose (novel)]: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. Nal'chik, 2008. – 22 p. (In Russ.).

BOCHAROV S.G. *E'ticheskie problemy' psixologicheskoy prozy* [Ethical problems of psychological prose]. In: Voprosy' literatury'. – 1977. – №3. – P. 262–269. (In Russ.).

GINZBURG L.Ya. *O psixologicheskoy proze* [About psychological prose]. – L.: Xudozhestvennaya literatura, 1977. – 450 p. (In Russ.).

GORZHAYA A.A. *Psixologicheskaya zhenskaya proza kak ob`ekt issledovaniya* [Psychological women's prose as an object of research]. In: Gumanitarny'e i yuridicheskie issledovaniya. Razdel: Filologicheskie nauki. – 2020. – №2. – P. 175–181. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2020.2.24> (In Russ.).

ESIN A.B. *Psixologizm russkoj klassicheskoy literatury* [The psychology of Russian classical literature]. – M.: Flinta, 2003. – 173 p. (In Russ.).

IEZUITOV A. *Problema psixologizma v e'stetike i literature* [The Problem of Psychologism in Aesthetics and Literature]. In: Problemy' psixologizma v sovetskoj literature; pod red. V.A. Kovaleva i A.I. Pavlovskogo. – L.: Nauka, 1970. – P. 39–57. (In Russ.).

KODAK M.P. *Psixologizm social'noj prozy* [The psychology of social prose]. – Kiev: Naukova dumka, 1980. – 162 p. (In Russ.).

MARKOVA T.N. *E'voluciya koncepcii cheloveka i psixologizma v russkoj proze XX veka* [The Evolution of the Concept of Man and Psychologism in 20th-Century Russian Prose]. In: Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Razdel: Yazy'koznaniye i literaturovedeniye. – 2002. – №1. – Volume 2. – P. 42–57. (In Russ.).

MOSKVINA R.R. *«Smeshanny'e» zhanry' slovesnosti kak e'mpiriya filosofstvovaniya* ["Mixed" Genres of Literature as Empirical Philosophy]. In: Voprosy' filosofii. – 1982. – №11. – P. 101–108. (In Russ.).

Сведения об авторе

А.Д. Атабиева – кандидат филологических наук.

Information about the author

A.D. Atabieva – candidate of science (Philology).

Статья поступила в редакцию 17.09.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 17.09.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Научная статья
УДК 821
DOI:10.31143/2542-212X-2025-4-357-367
EDN: SSNMDQ

МЕДИТАТИВНАЯ ЛИРИКА ЕТИМА ЭМИНА

Руслан Гаджимурадович Кадимов

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, ruslankadimov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8743-8106>

Аннотация. Статья посвящена исследованию медитативной лирики как жанра с неизменной сущностью размышления, наиболее ярко представленного в творчестве классика дагестанской (лезгинской) поэзии Етима Эмина. Основное внимание уделяется анализу стихотворений поэта («Ах, наша жизнь», «Будь терпеливо, погоди, настроение (душа)», «Что мне делать, о, Всевышний?», «Не хочу умереть, не высказавшись», «Слова, сказанные перед смертью» и др.), раскрывающих центральную для его поэзии тему «фана» (бренности мира) через призму суфийского мировоззрения. Рассматривается характерная для лирического героя Эмина раздвоенность между сиюминутными страстями души и долгом перед Богом, его постоянное обращение к Богу, упование на Его милость и поиск духовного покоя. Анализируется переплетение в его поэзии социальных, религиозных и философских мотивов (просветительство, роковое предопределение, бренность жизни, критика порочности мира), а также специфика стихотворных форм (например, мухаммас). Статья демонстрирует, как вера и суфийская установка на духовное самосовершенствование определяют художественное осмысление Эмином мира-фана, страдания человека и его экзистенциальных вопросов, сохраняя при этом внутренний конфликт и мечту о преображении мира.

Ключевые слова: лирический герой, медитативная лирика, суфизм, «фана», духовный поиск, парадигма, экзистенциальные вопросы, мотив, мухаммас.

Для цитирования: Кадимов Р.Г. Медитативная лирика Етима Эмина // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 357-367. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-357-367. EDN: SSNMDQ.

© Кадимов Р.Г., 2025

ETIM EMIN'S MEDITATIVE LYRICS

Ruslan G. Kadimov

Dagestan State Pedagogical University R. Gamzatov, Makhachkala, Russia, ruslankadimov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8743-8106>

Abstract. The article is devoted to the study of meditative lyrics as a genre with an invariable essence of reflection, most vividly represented in the work of the classic of Dagestan (Lezgi) poetry Etim Emin. The main focus is on the analysis of the poet's poems («Ah, our life,» «Be patient, wait, mood (soul),» «What should I do, oh, Almighty?,» «I do not want to die without speaking out,» «Words spoken before death,» etc.), revealing the central theme for his poetry «fan» (the frailty of the world) through the prism of the Sufi worldview. It considers the split characteristic of the lyrical hero Emin between the momentary passions of the soul and the duty to God, his constant appeal to

God, reliance on His mercy and the search for spiritual peace. The interweaving in his poetry of social, religious and philosophical motives (enlightenment, fatal predestination, the mortality of life, criticism of the depravity of the world), as well as the specifics of poetic forms (for example, muhammas) are analyzed. The article demonstrates how faith and the Sufi attitude to spiritual self-improvement determine Emin's artistic understanding of the world of fan, the suffering of man and his existential questions, while maintaining internal conflict and the dream of transforming the world.

Key words: lyrical hero, meditative lyrics, Sufism, «fana», spiritual search, paradigm, existential questions, motive, muhammas.

For citation: Kadimov R.G. Etim Emin's meditative lyrics. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 357-367. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-357-367. EDN: SSNMDQ.

© Kadimov R.G., 2025

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью углубленного изучения медитативной лирики как жанра с особым философско-религиозным содержанием, недостаточной разработанностью темы суфийского мировоззрения в поэзии Етима Эмина, а также актуальностью поднимаемых поэтом экзистенциальных вопросов (бренность бытия, смысл жизни, поиск Бога, нравственный выбор) для современного гуманитарного знания. Исследование вклада Эмина в осмысление категории «фана» (бренный мир) через призму локальной культурно-религиозной традиции Кавказа восполняет пробел в изучении взаимодействия общеисламских суфийских концепций и национального поэтического сознания.

Цель работы – выявить сущностные особенности медитативной лирики Етима Эмина и раскрыть специфику художественного осмысления им темы бренности мира («фана») через призму суфийской мировоззренческой парадигмы, определяющей мотивно-тематический комплекс, образную систему и поэтику его произведений.

Задачи исследования: определить жанровые и стилевые доминанты медитативной лирики Эмина на примере ключевых стихотворений («Ах, наша жизнь», «Будь терпеливо, погоди, настроение (душа)», «Что мне делать, о, Всевышний?» и др.); проанализировать концепт «фана» (бренный мир) как центральный в поэтической философии Эмина, его воплощение в образах, мотивах и символике; исследовать суфийские основания мировоззрения поэта (идея духовного пути/самосовершенствования, концепция покоя, дуализм души и их репрезентацию в текстах; проследить переплетение религиозной дидактики и философской рефлексии в его поэзии на тему «мир и человек»; проанализировать особенности поэтики (композиция, жанровые формы – мухаммас, афористичность, рефрен, диалогичность/обращение) как средства выражения медитативного содержания и суфийских идей.

Для достижения поставленной цели был применен комплекс взаимодополняющих методов, адекватных объекту и задачам исследования. В работе были использованы: культурно-исторический метод, позволяющий рассмотреть творчество Эмина в контексте социокультурной и религиозной (суфийской) среды Дагестана XIX в.; сравнительно-типологический для выявления общих черт

суфийской поэзии (в т.ч. восточной – персидской, арабской) и специфики их преломления у Эмина, а также для сопоставления с русской медитативной лирикой (Ходасевич); мотивный и тематический анализ для выявления и интерпретации центральных тем («фана», вера, страдание, предопределение) и мотивов (бренности, одиночества, молитвы, пути, внутренней борьбы, смерти); поэтологический анализ для изучения жанровых особенностей – строфики (мухаммас), изобразительно-выразительных средств (афоризмы, рефрен, обращение, символы).

Обсуждение

Сущность лирики как рода литературы коренится в медитации – глубоком размышлении, внутреннем диалоге. Несмотря на историческую изменчивость форм и видов лирических произведений на протяжении веков, именно медитативное начало остается их неизменной сердцевиной, ключом к пониманию поэтического высказывания. Ярким образцом такой медитативной лирики, сосредоточенной на осмыслении бренности бытия («фана»), является стихотворение классика дагестанской (лезгинской) поэзии Етима Эмина «Ах, наша жизнь» – произведение, целиком посвященное раздумьям о Боге и восхвалению Его.

*О Ребби! Худа!
Ты справедлив.
Каждый в фана
Виден тебе.*

После отчаянного воззвания к Богу («О Ребби! Худа!») поэт рисует обобщенную картину глубоко порочного и безысходного мироустройства, где фундаментальные основы бытия разрушены: в этом мире отсутствует сама правда, как абсолютная истина и справедливость, и нет места подлинному счастью, оставляя людей в состоянии тотальной утраты и разочарования; этот мир погряз в грехе, где люди систематически преступают нравственные законы, главным образом через присвоение чужого добра – воровство, грабеж и несправедливое обогащение за счет ближнего; в такой атмосфере разложения и безнадежности человек неизбежно деградирует, теряя не только нравственные ориентиры, но и сам рассудок, а под гнетом отчаяния и несправедливости его вера в Бога, к которому он вначале взывал, неизбежно слабеет и колеблется, ставя под сомнение само божественное присутствие или милосердие в этом падшем мире:

*Полон клеветы,
Принимает порок.
Вот так ум наш
Уничтожается.*

Тяжелая доля человека выглядит роковой. Мир обесмысливает его существование. Стихи вопрошают: о чём плачем, думая думы? Эмин ставит ключевую дилемму: что остаётся искать, лишившись веры? Вопрос закономерен, ибо в этом испорченном и неразумном мире искать эквивалент вере – занятие бессмысленное:

*Эй, Етим Эмин,
Если веру потерять,
Что в мире еще
Можешь ты найти? [Етим 1995: 141].*

Помимо прямых описаний брэнного мира («фана-дуюнья»), у Етима Эмина существует ряд стихотворений, где этот образ представлен косвенно, что также явно отражает суфийскую ориентацию поэта. Яркий пример – стихотворение «Сабур ая, акъваз, гуьгьюьл» («Будь терпеливо, погоди, настроение (душа)»), написанное в форме монолога-обращения лирического героя к своему внутреннему состоянию, душе, выступающей здесь как безмолвный слушатель. Эта композиция является редкой для поэтической практики Эмина. Стихотворение отличается строгой формальной структурой: каждая строфа состоит из пяти строк (бейтов), а отдельный стих содержит шестнадцать слогов, разделенных цезурой на две равные восьмисложные части. Рифмовка здесь двухуровневая: присутствует как срединная рифма (внутри длинного стиха), так и конечная рифма, усиленная редифом (единообразным словом или словосочетанием, повторяющимся после рифмы). Такая строфическая форма, характерная для восточной поэтической традиции, известна как мухаммас. Приводим первую строфу в оригинале. Рифмующиеся слова выделены. Рифма дополняется редифом «гуьгьюьл»:

*На ийирди вуч къл-кыл я, сабур ая, акъваз, гуьгьюьл.
Мягьтел я ви ван хъайибур, ви ван ширин акъваз, гуьгьюьл.
Икьван яргъи сефердиз физ, вуч ава вахъ галаз, гуьгьюьл?
Куьтягъ тежер кваллиз эбед затI авани кълалаз, гуьгьюьл?
Гъич са тадарак авачиз, квел ийида на наз, гуьгьюьл? [Етим 1995: 158].*

Перевод первой строфы ярко раскрывает суть диалога: лирический герой вопрошает свою душу («настроение»), упрекая ее в суетливости («Что ты расшумелось?»), бездумном стремлении вдаль («В такую даль устремляешься...?») и духовной пустоте («В запасе, не имея ничего...»). Уже здесь очевидно, что душа ведет себя неподобающе, забыв о своем истинном предназначении. Этим объясняются наставления героя: призывы к терпению («Будь терпеливо»), сдержанности («будь сдержанно, успокойся») и, главное, совет задуматься о «духовном запасе» для предстоящего «путешествия». Это «путешествие» – центральная суфийская метафора стихотворения, означающая не физическое перемещение, а трудный путь духовного восхождения к Богу, требующий непрерывного самосовершенствования и основательной внутренней подготовки, доступной лишь самым решительным и усердным.

По своей сути, стихотворение представляет собой напряженный внутренний диалог лирического героя со своей душой (внутренним «я»), что находит параллели в мировой поэзии, например, в стихотворении Владислава Ходасевича «К Психее». В душе героя Эмина происходит постоянная борьба, отражающая раздвоенность религиозного сознания, колеблющегося между верой и сомнением, смирением и гордыней. Последующие строки («Ты гордыню усмири...», «Ты шайтана проклинай...», «Как, неся долги на шее...») обнажают

эту внутреннюю войну: герой требует от души подавить гордыню, непрестанно поминать Аллаха («повторяй «Аллах! Аллах!»), бороться с искушениями («Шепелявый свой язык...», «Ты шайтана проклинай») и, наконец, срочно освободиться от бремени грехов («долгов на шее»), пока не поздно («пока еще жива, душа»). Ключевое назначение души, согласно этой суфийской философии, изложенной Эмином, – служение Аллаху. Любое отклонение от этого пути, любое увлечение ложным и преходящим миром («фана-дунья») есть грех, требующий искупления. Однако земное существование насыщено соблазнами, и душа неизбежно впитывает суетное и скверное. Преодолеть эти искушения невероятно трудно, поэтому страстный призыв поэта к душе – очиститься от мирской скверны и неустанно двигаться по пути духовного очищения и приближения к Божественному – составляет суть и высшую цель суфийского тариката (пути), ярко воплощенного в этой медитативной лирике. Однако обращение Эмина к душе свидетельствует о внутреннем беспокойстве – отсутствии подлинного духовного покоя. Именно эта утрата гармонии порождает мучительную борьбу мыслей и чувств. Концепция покоя (спокойствия) в суфизме трактуется как фундаментальное состояние. Как отмечает суфийский теоретик [Хазрат 2000: 274], даже самые выдающиеся человеческие качества (добродетель, ученость, сила) не делают человека духовным, если его душа не обрела свой истинный ритм – единственный, где возможна подлинная удовлетворенность жизнью. Покой – не просто знание или сила, но источник счастья, вдохновения и знания, сама сфера Божественного Присутствия.

Философская концепция В.А. Котельникова о покое как высшей форме духовного творчества находит глубокое отражение в стихотворении «Будь терпеливо, погоди, настроение (душа)». Котельников противопоставляет материальное созидание мира («акт бытийственного оформления в материи») и покой как «акт творчества в духе», понимая последний как сакральное состояние соприкосновения и слияния мира с Богом. Ключевая мысль ученого заключается в том, что достижение этого соучастия в Божественном покое требует не только благодати, но и активного личного духовно-творческого делания человека, стремящегося «упрочить за собою» это состояние уже в земной жизни [Котельников 1994: 4]. Поэзия Эмина становится художественным воплощением этой идеи: центральный императив стихотворения – «Сабур!» («Будь терпеливо!», «Обрети терпение!») – и все последующие наставления мятежной душе (усмирить гордыню, непрестанно поминать Аллаха, бороться с шайтаном, избавиться от бремени греховных «долгов») представляют собой не что иное, как программу того самого духовного делания. Эта внутренняя аскеза, это творчество в духе, направленное на обретение смирения и чистоты, и есть путь к высшей цели – покою, понимаемому как мистическое единение с Аллахом. Таким образом, Эмин поэтически конкретизирует мысль Котельникова: терпеливое духовное творчество (аскеза, молитва, самоконтроль), противопоставленное суетной активности в «бренном мире» (фана-дунья), ведет к трансцендентному покою как состоянию причастности Божественному.

Лирический герой стихотворения, глубоко осознавая всемогущество Аллаха, утверждает, что подлинный покой достигим лишь через непрерывное

духовное устремление к Богу, воплощенное в конкретных практиках: это праведные дела, предполагающие искоренение зависти и злобы; полное упование на Божественную волю (таваккуль), особенно перед лицом жизненных трудностей; и постоянная память (зикр) как о Самом Аллахе, так и о Его пророках. Герой обращается к душе с суровыми, риторическими вопросами, напоминающими о неизбежности смерти и Судного дня, чтобы пробудить ее от духовной спячки: «Покинув мир-фана (бренный мир), разве не войдешь ты в вечный дом? / Как в наряде, в белом саване разве в могилу не войдешь? / В нише темной Мункир-Накир к тебе разве не придут? / Так ухоженное тело разве скорпион не будет есть?». Эти образы – могила, саван, ангелы смерти, тлен плоти подчеркивают абсолютную бренность всего земного и телесного перед лицом вечности. Завершается этот суровый перечень прямым призывом: «Обо всем подумай этом, беспамятной не будь, душа!». Этот императив против «беспамятности» души есть ключ к обретению истинного покоя: лишь непрестанно памятуя о Боге, Его велении, пророках и неизбежном исходе, душа может отрешиться от суеты «мира-фана», укрепиться в вере, праведности и уповании, и тем самым стяжать желанный духовный покой – состояние причастности Божественному. Лирический герой знает, что Аллах – всемогущ, что его расположение можно заработать только праведными делами, не завидуя другим, не питая к ним неприязни, ненависти. В самых трудных делах человек должен полагаться на Бога, надо помнить Его, надо помнить и Его пророков, ибо только непрерывное духовное постижение Бога может дать спокойствие (покой).

Поэт вопрошает душу о причине ее печали, когда лишена она и разума, и самой себя. Финал стихотворения раскрывает личную трагедию Эмина: одиночество, утрата вкуса к жизни в мире, воспринимаемом им как враждебная сила, приносящая страдания. Эту мысль подтверждает исследователь Кельбеханов: лирический герой Етима Эмина «плачет, мысль его устремлена к смерти. Он в обиде на мир. Почему? Потому что нет в нем постоянства, потому что раньше других его покидают хорошие люди. Мир искушает, обманывает своими благами, милосердия от мира – никакого» [Кельбеханов 1998: 16].

Кульминация темы страдания выражена в стихотворении «Что мне делать, о, Всевышний?» [Етим 1995: 190]. Это вопль лирического героя, измученного долгой, тяжелой болезнью, воспринимаемой как Божья кара. Несмотря на глубокую, осознанную веру (подкрепленную ученостью и знанием суфизма, включая труды ал-Яраги и Ибн ал-Араби), герой испытывает глубокую внутреннюю раздвоенность, с одной стороны: полное принятие воли Аллаха, отсутствие ропота, с другой стороны – горечь от неутоленности земной жизнью, ощущение преждевременного ухода. Его мольба – не столько об исцелении, сколько об избавлении от мук и сохранении веры.

В анализируемом стихотворении лирический субъект, переживающий экзистенциальный и физический кризис, апеллирует к Божественной инстанции, детализируя тяготы затяжной и мучительной болезни с целью пробудить сострадание. Длительность и интенсивность страданий («Много лет его мучает жестокий недуг») порождают у героя ощущение социальной изоляции, выражающееся в мысли о том, что «даже друзьям... надоело это». Физическое состояние

описывается через семантику разрушения и наказания: телесная немощь («Два глаза вверх глядят, а тело на постели», «Сам я немощен, трясется тело»), соматизация душевной муки («На сердце черно»), и мощная гипербола, маркирующая необратимость патологии («Печень сгорела, став шашлыком»). Герой интерпретирует свою болезнь как проявление Божественной кары («Поэта словно покарал Бог, обрушив на него наказание»), что отражает его попытку осмыслить страдание в рамках религиозной картины мира. Будучи носителем глубоко рефлекслируемой исламской идентичности (подкрепленной образованием в медресе, знакомством с религиозно-философскими текстами, в том числе трудами видного деятеля кавказского суфизма XIX в. Мухаммада аль-Яраги), лирический субъект видит единственную опору в уповании (таваккуль) на милость Аллаха. Он осознает необратимость угасания здоровья («здоровье его уходит»), коварство неизлечимого недуга («болезнь его коварная и непонятная»), финальность жизненного пути («жизнь прошла») и неизбежность смерти («смерти ему не избежать»). При этом в тексте присутствует значимый экзистенциальный мотив неудовлетворенности прожитой жизнью, выраженный в подтексте строки «уходит, не насытившись земной жизнью». Эта несытость вкупе с риторическими вопросами, обращенными к Творцу («Что мне делать, о, Всевышний?»), и мольбой о милосердном окончании страданий («Убей, оставив в вере, но не мучай») создает сложный образ героя, сочетающего ортодоксальную веру с глубоко личной, почти бунтующей против несправедливости боли, что подчеркивается финальной констатацией беспомощности перед лицом непостижимого для окружения недуга («Такую болезнь не видели мы»).

Стихотворение «Не хочу умереть, не высказавшись» («КІандач рекъиз гафар амаз лугъудай») являет собой мощный образец социального протеста в лирике Етима Эмина, где афористическая сжатость его стиля обретает особую обличительную силу. Центральный мотив – непримиримое противостояние клевете и несправедливости – раскрывается через трагическое осознание лирическим героем того, что ложь и злоречие врагов систематически отравляли его существование, буквально «превратив жизнь в ад». Этот протест носит экзистенциальный характер: герой воспринимает предсмертную немоту как окончательную победу зла над правдой. Отсюда рождается ключевой императив текста – необходимость последнего, очистительного слова перед лицом неминуемой смерти. Это слово – не просто эмоциональный выплеск, а акт восстановления попорченной справедливости, попытка срыва масок с «клеветников» («ярулар», «душманар») и публичного обличения их лжи. Пафос стихотворения подчеркивается резким контрастом между безгласием смерти и яростной потребностью в речевом самовыражении как форме духовного сопротивления. Лирический герой отказывается принять уход в небытие, оставив ложь неразоблаченной, а свое имя – оклеветанным; его последняя воля – это акт борьбы за посмертную правду и свою духовную неприкосновенность. Таким образом, протест здесь трансформируется из личной жалобы в высокую трагедию борьбы за достоинство и истину перед лицом вечности, где невозможность «высказаться» равносильна окончательному поражению человека в его земном бытии. Этот мотив перекликается с общечеловеческой темой «недоговоренности», обретающей у Эмина, глубоко

религиозного поэта, дополнительное измерение – как вызов Божественному суду умереть с неочищенной совестью и незащищенным именем. Он проводит смелую антитезу: если Бог посылает дождь по праву, то люди, осуждающие его, присваивают себе божественную прерогативу суда. Страдания от клеветы («сплетни жгли») Эмин сравнивает с участью великих предшественников (Ибн Сины, Низами), также познавших горечь неблагодарности и одиночества в конце пути. Их судьба – подтверждение извечной драмы: служение Богу и людям не гарантирует покоя в «мире-фана», полном зависти и невежества:

*Когда решил Всевышний дождь послать,
Приказал он грому сильно грянуть,
Я не заслуживаю кару ту, что вы дали мне,
Клевеща, пятная совесть чистую мою* [Етим 1995: 190].

Етим Эмин, воплотивший в своей личности и творчестве идеалы чести, мудрости и праведности, закономерно противопоставлял себя миру безнравственности и ненависти. Его драматическая судьба находит прямые параллели в истории мировой культуры, перекликаясь с участью великих предшественников.

Историко-литературный анализ демонстрирует устойчивость архетипической модели интеллектуального одиночества в восточной традиции, где фигура мудреца сталкивается с социокультурной агрессией. Яркий пример – рефлексия Абу Али ибн Сины (XI в.), который в стихотворном фрагменте метафорически репрезентировал феномен профессиональной зависти («Достоин удивленья этот сброд... / Их раздражает мой глубокий ум, / У них самих на мудрость недород» [Абу Али ибн Сина 2001: 59]). Данный текст эксплицирует когнитивный диссонанс между носителем знания и средой, где его интеллектуальное доминирование провоцирует механизмы маргинализации. Столь же экзистенциально значимым является опыт Низами Гянджеви (XII в.), чьи автобиографические строки («Никто не помнит обо мне, поскольку я, лишенный сил... / Плоды моих былых надежд раскиданы по всей земле» [Низами 1991: 73]) фиксируют травму физического угасания, усугубляемую ощущением духовной изоляции. Здесь ключевым становится диссонанс между масштабом творческого наследия («плоды... надежд раскиданы по всей земле») и личным забвением («никто не помнит»), что формирует поэтику экзистенциальной абандонированности. Оба случая иллюстрируют парадигматический конфликт между индивидуальным гением и социумом, где травма непризнанности трансформируется в литературный топос страдающего философа.

Подобно им, Эмин к финалу жизни оказался в ситуации глубокой изоляции, преданный современниками, которые, уступая ему в духовных качествах, таланте и знаниях, испытывали «черную зависть». Особую горечь придавало то, что среди гонителей были вчерашние «друзья» – обладатели материальных благ, чья привязанность оказалась показной. Для поэта, искренне верившего в святость дружбы, это стало тяжелейшим ударом, усугублявшим физические страдания и немощь.

Эмин интерпретировал причину своих страданий через призму суфийской теологии. Ключевым виновником человеческих бедствий он видел Иблиса (Сатану) – демоническую силу, систематически сбивающую людей с праведного пути. Как поясняет Джавад Нурбахш [Джавад 2000: 205-206], в суфийской космологии Иблис выступает как проявление Божественного атрибута «аль-модхелл» («Вводящий в заблуждение»), диалектически дополняющего атрибут Пророка «аль-хади» («Направляющий»). Социально это выражалось в полной деградации нравов: клевета («Когда отрезали тебе аорту клеветой»), сплетни («Червь горя доедает иссохшие мозги»), зависть и лицемерие. Для Эмина, чья жизнь была посвящена духовному совершенствованию, такое общество становилось местом пытки. Его стихотворение «Не хочу умереть, не высказавшись» – крик души, обличающий тех, кто «клеветца, пятная совесть чистую» превратил его жизнь в ад.

Апогеем философской рефлексии Эмина стало стихотворение «Слова, сказанные перед смертью» («*Рекъидайла лагъай чIал*»), синтезировавшее его мировоззрение. Мир сравнивается с «садом-фана» – метафора, объединяющая красоту тварного мира и его обреченность на исчезновение. Триединая заповедь – уважение к человеку, отвержение Иблиса («Проклинайте же Шайтана»), соблюдение религиозных запретов – определена как нравственный кодекс.

Шокирующий для ортодоксального суфизма призыв превратить этот мир в рай вступал в противоречие с базовой суфийской доктриной, считающей земную жизнь юдолью страданий и испытаний, а рай – исключительно потусторонней наградой.

Эмин не был последовательным суфийским ортодоксом. Его протест против социального зла, воплощенного в «последователях Иблиса», и страстное желание видеть справедливость здесь и сейчас сформировали уникальную позицию. С одной стороны, он смирялся перед волей Аллаха, принимая фана как закон бытия. С другой – его поэтическое завещание стало актом этического сопротивления несовершенству тварного мира. Символом этого дуализма стала предельно конкретная деталь: «С собой возьмем лишь пять метров бязи» (саван) – одновременно знак принятия смерти и немой укор миру, где единственным «достоянием» человека оказывается погребальная ткань. Его мечта о «рае на земле» – не ересь, а трагическая надежда гуманиста, верившего, что служение Аллаху включает в себя и борьбу за достоинство человека в этом, бренном мире, вопреки интригам Иблиса и его земных приспешников.

Заключение

Творчество Етима Эмина предстает как мощный образец суфийски ориентированной медитативной лирики, где сквозной темой-лейтмотивом выступает осмысление «фана» – бренности земного существования. Анализ ключевых стихотворений («Ах, наша жизнь», «Будь терпеливо, погоди, настроение (душа)», «Что мне делать, о, Всевышний?», «Не хочу умереть, не высказавшись», «Слова, сказанные перед смертью») выявляет глубоко драматическую картину мира и человека в его поэтической философии. Лирический герой Эмина, воплощая идеал служения Аллаху, одновременно раздираем внутренней борьбой: между сиюминутными страстями души и долгом перед Богом, между смирением перед

предопределением и горечью от несправедливости мира- «фана дуьнья». Этот мир, воспринимаемый как враждебное начало, полное клеветы, зависти и лицемерия (олицетворяемых фигурой Иблиса, метафизического «Вводящего в заблуждение» по Нурбахшу), приносит поэту страдания, усугубляемые одиночеством и немощью на закате жизни, трагически сближая его судьбу с участью Ибн Сины и Низами. Философская глубина лирики Эмина проявляется в переплетении социальной критики, религиозной дидактики и экзистенциальной рефлексии, выраженной часто в афористичной форме и специфических жанровых структурах (как мухаммас). Кульминацией его поэтического завещания становится стихотворение «Слова, сказанные перед смертью», где парадоксально сочетаются: трезвое принятие закона «фана» («Все рождены, чтоб умереть»), суфийский призыв к нравственной чистоте (уважение, отвержение Иблиса, молитва) и утопическая, вопреки ортодоксальному суфизму, мечта о преображении земного мира в рай («Превратите в рай вы этот мир»). Это противоречие – между покорностью воле Аллаха и гуманистическим протестом против царящего в «фана» зла – составляет сущностное ядро мировоззрения Эмина и определяет непреходящую ценность его наследия. Поэзия Етима Эмина, таким образом, предстает не только памятником дагестанской (лезгинской) словесности, но и значимым явлением в контексте общеисламской суфийской традиции, уникально синтезировавшим локальное культурное своеобразие с универсальными духовными исканиями человека перед лицом вечности и несовершенства мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Абу Али ибн Сина 2001 – *Абу Али ибн Сина*. Лирика М. Лирика. – СПб.: «Диля», 2001. – 320 с.
- Джавад Нурбахш 2000 – *Джавад Нурбахш*. Духовная нищета в суфизме. – М.: Оптимус Лайт, 2000. – 156 с.
- Етим Эмин 1995 – *Етим Эмин*. Не нагляжусь на мир... (на лезг. яз.). – Махачкала: Даг-книгоиздат, 1995. – 143 с.
- Кельбеханов 1998 – *Кельбеханов Р.М.* Традиции досоветской лезгинской поэзии. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1998. – 274 с.
- Котельников 1994 – *Котельников В.А.* «Покой» в религиозно-философских и художественном контекстах // *Русская литература*. – 1994. – № 1. С. 3-41.
- Низами 1991 – *Низами Гянджеви*. Собр. соч.: В трех томах. – Баку: Азернешр, 1991. – Т. 1. – 860 с.
- Хазрат 2000 – *Хазрат Инаят Хан*. Путь озарения. – М.: Сфера, 2000. – 393 с.

REFERENCES

- ABU ALI IBN SINA. *Lirika M. Lirika* [Lyrics by M. Lyrika]. – SPb.: «Dilya», 2001. – 320 p. (In Russ.).
- DZHAVAD NURBAXSH. *Duxovnaya nishheta v sufizme* [Spiritual Poverty in Sufism]. – M.: Optimus Lajt, 2000. – 156 p. (In Russ.).
- ETIM E'MIN. *Ne naglyazhus' na mir...* [I Can't Get Enough of the World...] – Maxachkala: izd-vo, 1995. – 000 p. (in Lezgin)
- KEL'BEXANOV R.M. *Tradicii dosovetskoj lezginskoj poe'zii* [Traditions of Pre-Soviet Lezgin Poetry]. – Maxachkala: IPCz DGU, 1998. – 274 p. (In Russ.).
- KOTEL'NIKOV V.A. «*Pokoj*» v religiozno-filosofskix i xudozhestvennom kontekstax ["Peace" in Religious, Philosophical, and Artistic Contexts]. In: *Russkaya literatura*. – 1994. – № 1. – P. 3-41. (In Russ.).

NIZAMI GYANDZHEVI. *Sobr. soch.: V trex tomax* [Nizami Ganjavi]. – Baku: Azerneshr, 1991. – Т. 1. – 860 p. (In Russ.).

HAZRAT INAYAT XAN. *Put` ozareniya* [The Path of Enlightenment]. – М.: Sfera, 2000. – 393 p. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Р. Г. Кадимов – доктор филологических наук, профессор

Information about the author

R G. Kadimov –doktor of philology, professor

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Научная статья
УДК 821
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-368-379
EDN: TZTJNH

МЕТАФИЗИКА СНОВИДЕНИЯ В РАССКАЗЕ ЗАУРА КАНКУЛОВА «СВЕТЛАЯ КОПОТЬ»

Инна Анатольевна Кажарова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

Аннотация. Статья акцентирует плодотворный, но на сегодняшний день не разработанный в контексте адыгской литературы и ее истории вопрос исследования сновидений. Через характерные эпизоды из биографий знаковых фигур истории адыгской литературы акцентируется проблема «творчество и сновидение», в качестве наиболее интересных и достоверных рассмотрены эпизоды, в которых опыт соприкосновения через сон с некими сакральными сферами поведан из первых уст. Метафизика сна, развернутого в объеме отдельно взятого произведения, исследуется на материале рассказа Заура Канкулова «Светлая копоть». Особенности сновидения героя рассмотрены с опорой на аспекты, которые позиционируются как определяющие в большинстве современных исследований, посвященных интерпретации сновидений в художественном тексте. Выявлено, что метафизику сна в рассказе «Светлая копоть» определяют ценности, ассоциированные в мировой культуре с противостоянием тьмы и света.

Ключевые слова: Заур Канкулов; Натюко Шеретлук; Бекмурза Пачев; сновидение; адыгская литература; метафизика.

Для цитирования: Кажарова И.А. Метафизика сновидения в рассказе Заура Канкулова «Светлая копоть» // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 368-379. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-368-379. EDN: TZTJNH.

© Кажарова И. А., 2025

METAPHYSICS OF DREAMING IN THE STORY BY ZAUR KANKULOV «LIGHT SOOTH»

Inna A. Kazharova

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

Abstract. The article focuses on the fruitful, but not yet developed in the context of Adyghe literature and its history, the issue of dream research. Through characteristic episodes from the biographies of iconic figures in the history of Adyghe literature, the problem of "creativity and dreaming" is emphasized, and episodes in which the experience of coming into contact with certain sacred spheres through sleep is told firsthand are considered the most interesting and trustworthy. The metaphysics of sleep, unfolded in the volume of a single work, is explored based on the material of Zaur Kankulov's short story "White Soot". The features of the hero's dream are considered based on aspects that are positioned as defining in most modern studies devoted to the interpretation of dreams in a

literary text. It is revealed that the metaphysics of sleep in the story "White Soot" is determined by the values associated in world culture with the confrontation of darkness and light.

Key words: Zaur Kankulov; Natouko Sheretluk; Bekmurza Pachev; dreaming; Adyghe literature; metaphysics.

For citation: Kazharova I.A. Metaphysics of dreaming in the story by Zaur Kankulov «Light sooth». IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 368-379. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-368-379. EDN: TZTJNH.

© Kazharova I.A., 2025

Приблизительно с начала 90-х гг. XX в. изучение литературных воплощений сна оформилось в целое исследовательское направление, активность которого не спадает и в наши дни. Наверняка это неслучайно: переломные этапы социально-политического существования обычно обостряют интерес человека к непознанному, а таких этапов в обозначенном периоде было немало. Но как бы ни колебался к нему интерес, именно феномен сна среди иного непознанного примечателен тем, что ему предопределено никогда не утрачивать своих позиций как в духовной, так и в физической жизни человека. И мера его изученности здесь не при чем.

В культурной памяти любого этноса всегда отыщутся эпизоды, убеждающие в том, насколько властно проявляет себя энергия сновидений в судьбе человека, не говоря уже об их образотворческой мощи.

Обращаясь к истории художественной культуры адыгов, уместно вспомнить эфенди Натоуко Магамета-хаджи Шеретлука, фигура которого высится у истоков адыгской письменности и литературы. Как пишет о его творчестве Султан Адыль-Гирей, «величайший поэт Черкесии, превосходный ориенталист Натоуко Эфендий много лет трудился над созданием алфавита и составлением грамматики адыгейского языка, совершенно преуспел в том и другом...» [Схаляхо 1988: 24].

Имея основательное арабоязычное образование и педагогический опыт, на склоне лет эфенди Натоуко взялся за дело, которое помогло бы, говоря его же словами, песням и преданиям богатырским попасть в сосуд книги. Составление адыгского алфавита сделалось бы венцом его собственного пребывания на земле. Но итог его труда оказался печален, он «был прерван и превращен в пепел» (И. Попко). Под влиянием сновидения, в котором ответом на горячие мольбы Натоуко о благословении прозвучали грозные слова осуждения, он бросил алфавит, над которым работал больше года, в огонь.

Подробности стали известны благодаря военному историку, этнографу и полиглоту Ивану Диомидовичу Попко (1819–1893). Ценно, что он описал произошедшее со слов самого эфенди Натоуко, которого называет не иначе как своим приятелем.

И.Д. Попко обращается к этой истории дважды. В 1857 г. под псевдонимом Н.Д. Помандруйко (вероятно, от укр. *помандрувати* – путешествовать, странствовать) он дает материал с заглавием «Полночный Курбан» в газету «Русский инвалид», а в 1858 г., делаясь своими наблюдениями о черкесском языке как

предмете изучения, возвращается к трагедии Натоуко в одной из глав книги очерков «Черноморские козаки в их гражданском и военном быту» [Попко 1958]. Можно заметить, что в двух этих публикациях некоторые детали прирастают лишь к авторскому обрамлению монолога Натоуко, сам же монолог И.Д. Попко передает очень бережно.

Приведенный здесь фрагмент из повествования легендарного шапсугского эфенди довольно часто звучит в трудах адыгских литературоведов и писателей, но нам важно, чтобы он предстал в свете интересующей нас темы пересечения сна и творчества.

Поскольку мы опираемся на первоисточник, а он вполне удобочитаем, особенности орфографии здесь сохранены:

«Мнѣ ужъ оставалось побѣдить одинъ только звукъ, на одинъ только неукротимый звукъ оставалось мнѣ положить бразды буквъ. Но я не могъ его осилить. Такъ, помню, бывши еще юношей, объѣздивъ я много пылкихъ молодыхъ коней, но съ однимъ сладить не могъ, и онъ сбросилъ меня и убѣжалъ... Наконецъ, въ одинъ осенній вечеръ, уединяясь, по обычаю, въ безмолвную келью мою, я принялся молиться Всевышнему Подателю света и мудрости, да озаритъ онъ тусклое разумѣніе мое и сгладитъ послѣдній камень преткновенія на пути долгаго труда моего. Моя молитва лилась изъ сердца огненнымъ потокомъ. Осенняя ночь была темна и непогодлива. Буря выла вокругъ моей уны (хижины) и, врываясь въ трубу очага, тревожила и возмущала горѣвшій на немъ огонь. Я молился и плакалъ, молился до послѣдняго истощенія силъ, до того, что, распростертый на ветхомъ коврѣ молитвенномъ, заснулъ... И се бысть мнѣ видѣніе грозно. Духъ свѣта, или духъ тьмы, рѣшить доднесь не умѣю, – на крыльяхъ полночной бури, влетѣлъ съ шумомъ въ мою келью и, ставъ прямо предо мной и вонзивъ сверкающіе взоры мнѣ въ лицо, воскликнулъ гнѣвно: «Нотаукъ, дерзновеннѣйшій сынъ праха! Кто призвалъ тебя, кто подаль тебѣ млатъ на скованіе цѣпей вольному языку вольнаго народа Адиговъ? Не безразсуденъ ли ты, мечтающій уловить и удержать въ клѣткѣ шумъ перелетнаго вѣтра, хлопокъ горнаго потока, свистъ стрѣлы, топотъ браннаго скакуна? Оставь, хаджи Нотаукъ, оставь святотатственное предпріятіе и вѣдай, что трудъ твой неблагословленъ тамъ, гдѣ плачь и молитвы твои въ нынѣшній вечеръ услышаны. Вѣдай, что мрачныя морщины не падаютъ на ясное чело молодаго народа, доколѣ не затворилъ онъ своихъ поколѣній въ стѣнахъ каменныхъ, а мыслей, и чувствъ, и пѣсней, и сказаній своихъ въ книгахъ. Есть на землѣ единая, не ломкимъ перомъ смертнаго, но перстомъ Всевышняго начертанная, книга и довлѣетъ ея. И такъ, воспрянь и предай пламени горделивыя начертанія твои, и пепломъ ихъ посыпъ высокомерную главу твою, да не будешь преданъ неугасающему пламени джегеннема...»

Я пробудился, объятый ужасомъ. Холодный и сырой мракъ могилы наполнялъ хижину мою, а внѣ ея, еще съ большей яростью, какъ съ вечера, бушевала буря. Крѣпко запертая на ночь дверь была отворена и, покачиваясь на петляхъ, уныло скрипѣла. На очагѣ ни искры. Дрожь всѣми членами, я развелъ огонь, устроилъ костеръ и возложилъ на него мои драгоценныя свитки. Я приготовилъ къ закланію моего Исхака; но я не имѣлъ ни вѣры, ни твердости Ибрагима. Что за тревога, что за борьба происходила въ моей душѣ! То порывался я броситься къ очагу и спасти мое умственное сокровище, то хотѣлъ бѣжать вонъ изъ дому, и между тѣмъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, какъ окаменѣлый, какъ пригвожденный невидимою рукою. Я былъ подобенъ человѣку, который изъ своихъ рукъ зажегъ собственное свое зданіе и не имѣлъ больше силъ ни остановить пожара, ни оторваться отъ ужаснаго зрѣлища»¹.

Помандруйко Н.Д. Полночный Курбан // Русский инвалид. 29 августа 1857 г. №185. URL: <https://yandex.ru/archive/catalog/fdb67eed-c436-4da3-8bc7-e18bcad40949/1> (дата обращения: 21.07.2025)

До наших дней не дошел не только алфавит, но и художественные произведения Натоуко. Остается лишь гадать, как повернулась бы культурная биография взрастившего Натоуко этноса, если бы не навешенная кошмарным видением утрата.

Пример судьбоносного переплетения феномена сна и творчества, так же поведенный из первых уст, встречаем в биографии Бекмурзы Пачева.

Неизвестно, снилось ли в описываемые минуты что-нибудь будущему поэту-песнотворцу, но именно состояние сна определило раздел между глубоким потрясением, пережитым молодым Бекмурзой из-за неудачной попытки устроить личную жизнь, и пробуждением его творческого дара:

«Было это давно, полюбилась мне одна девушка... я не был богат, она же была из состоятельной семьи. Посватался я, да получил отказ... Похитил – у меня ее отняли. После этого одолела меня тоска, я ушел в себя, замкнулся... В один из дней, гонимый тоской, я оказался на кладбище, опустился на могилу своей сестры, и, обнимая холмик и плача, задремал... Когда я проснулся, был уже вечер, – как это вышло, не могу объяснить, – стала у меня зарождаться песня-плач...» (Перевод наш. – И.К.) [Пачев 2003: 6].

К развитию темы напрашивается небольшой, но западающий в душу момент изображения сна в его песне-плаче об Алихане Каширгове.

Хоть и предстояло ему лицезреть эпоху разрушения прежних верований, «родом» Бекмурза Пачев все же был из тех времен, когда к традиционным знаниям относились почтительно и среди них толкование снов занимало не последнее место. Сон, поведенный Наго, супругой Алихана, – один из эмоционально насыщенных эпизодов песни.

Вот фрагмент, в котором Наго рассказывает о преследующем ее сновидении. Всего лишь две зрительные детали, но в них состояние не только предчувствия беды, но и бессилия перед ней:

*«– Ди нанэ дыщэ,
Пицыхьхэр солъагъу.
Пицыхьу слъэгъуахэр
Банэм и къуагъи.
– Пицыхьу сытхэр улъагъу,
Си нысэ?
– Лъыр къызгъахъуэу
Кхъуафэм изокІэ,
ПицІантІэ дэкІынІэр
Бгынауэ слъэгъуац»* [Пачев 2003: 161].

*«–Наша нана родная,
Вижу я сны.
Все, что приснилось,
Пусть колючим кустарником (скроется).
– В снах твоих что привиделось,
Невестка моя?
– Кровь зачерпывая
Желоб наполняю,*

*Дорожку перед двором
Покинутой вижу»* (Перевод наш. – И.К.)

В этом сновидении как в миниатюре предугадываются трагические события семейства Каширговых. Согласно верованиям, возможная опасность, которая может быть заключена в недобром сновидении, «нейтрализована» здесь традиционной адыгской формулой (*банэм и къягъыц*). Это был сон-предупреждение, пророческий сон, но в том-то и трагизм ситуации, что сколь бы настойчиво ни посылались сновидцу подобные предупреждения, ему едва ли дано изменить ход событий.

Надо ли говорить, что с развитием национальной письменности и восприятием опыта мировой культуры феномен сна заиграл новыми красками. В этом плане способна изумить виртуозностью владения психологической и образной нюансировкой сна поэзия Исмаила Батырбековича Клишбиева (1896–1974). Не только образы, но интонации многих его произведений погружают в почти гипнотическое состояние. О значимости феномена сна в его мировидении и поэтике позволяют судить стихотворения «Мы подобно сну...», «Сновидение», поэма «Сон» [Клишбиев 2009: 73, 84–86, 115–121]. Конечно, в адыгской литературе своей обращенностью к феномену сна Исмаил Клишбиев не одинок, но он уникален тем, что подобная эстетика рождалась в совершенно противоположном ей идеологическом контексте.

Исследование адыгской литературы с точки зрения рассказанных и увиденных в ней снов ждет своего часа и это обстоятельство определяет новизну нашей темы: творчество Заура Канкулова (1967–1992) пока исследовано мало, а метафизика сна, лейтмотивом пронизывающая его тексты, не осмыслена совершенно.

Как известно, его единственный сборник составляют пять рассказов и повесть. Нетрудно заметить, что среди этих произведений нет сновидений только в двух.

Сны, галлюцинации и видения занимают значительное место в художественной системе повести «Затерявшийся в городе». Кстати сказать, в вихре загадочных видений, которые проносятся перед взглядом героя на одном из участков повести, возникает и смутный образ алфавита Натоуко: «*Может, это тот самый алфавит нарку, рожденный в вековых муках, затем брошенный в огонь? Выпавший из старческих рук, спутавших лоно Божье с лоном земным, и оставшийся жить на земле?..*» [Канкулов 2022: 74]. В пространстве сна разворачиваются события рассказа «Светлая копоть»; сродни четко прописанной мизансцене сон в финале рассказа «Разговор в ночи»; необычное сновидение настойчиво цепляет потаенные струны души матерого чиновника из рассказа «Сон». Исключением здесь оказываются лишь рассказы «Одно утро Аминат» и «Миром правит капитал».

Мы остановимся на рассказе «Светлая копоть». Сформулированное в заглавии как «метафизика сна» будет рассмотрено с опорой на аспекты, которые значимы в глазах большинства современных исследователей литературных сновидений. Так, И.Н. Сухих в статье «Сон: эстетическая феноменология и

литературная типология» [Сухих 2016: 508–520] называет четыре таких аспекта – это *объем, граница, структура и функция*.

В.В. Савельева, анализируя поэтику снов в произведениях русских писателей, делает основной упор на *мотивах, персонажной структуре, пространстве и времени*.

О.В. Федунина, исследуя связь между поэтикой сновидений и жанровой природой романа, помимо обозначенных ее коллегами аспектов раскрывает также и *типологию сновидений*.

К этому стоит добавить, что литературное сновидение может иметь ярко выраженный национальный акцент, о чем пишет З.А. Кучукова: «...сон – это чистая «голограмма», которой во многом «питается» литература. Другое дело, что голограмма имеет склонность к этническому преломлению, проникая в пространство определенной национальной культуры» [Кучукова 2005: 129].

Важно также упомянуть, что терминология, которая близка исследователям, постигающим природу литературного сновидения, весьма обширна. К ней относятся, как отмечает В.В. Савельева, художественная гипнология, сновидческая топка, онейропоэтика, онейрический текст, онейрический хронотоп, онейротоп и другое [Савельева 2013: 6-21].

Но помимо вопроса о необходимости и точности исследовательского лексикона, не менее существенно точное определение самого исследуемого феномена – какие именно явления подпадают под определение литературный сон?

Так, в широком понимании под литературный сон могут подпадать не одни лишь сновидения, но и прочие феномены, с ними пересекающиеся. Рассуждая об этом, В.В. Савельева ссылается на подход Н.А. Нагорной, которая «включает в онейросферу «сновидения и близкие им пограничные состояния психики: бред, галлюцинация, видения и т.п.» <...> Для них характерны разные формы искажения восприятия реальности, преобладание субъективных визуальных, темпоральных, пространственных, слуховых, одорических и тактильных ощущений» [Савельева 2013: 17].

Иная позиция у О.В. Федуниной. Ради верного понимания литературного сна как элемента художественной структуры необходимо, говорит она, «отграничить его, во-первых, от сна как психофизиологического явления, а во-вторых, от близких, но не тождественных ему художественных форм (видения, бреда, галлюцинации персонажа)» [Федунина 2013: 7].

Казалось бы, все вполне очевидно: сон (и здесь необходима оговорка, что это слово имеет не одно значение, и внимание литературоведения направлено главным образом на сон как сновидение, а не физиологическое состояние) вовсе не равен галлюцинациям и прочим состояниям психики и нет причин отстаивать иное. Но все не так просто. Ведь нередко сновидения и пограничные состояния психики присутствуют на одном участке текста или переплетаются в одном произведении настолько тесно, что невозможно определить, где заканчивается одно и начинается другое.

Случаются слишком плавные, почти незаметные переходы, как, например, в повести З. Канкулова «Затерявшийся в городе».

Бывает, что потрясенный герой сам не может доподлинно определить природу пережитого им состояния – сон, бред, видение? Вот как переживает подобное Андрей Чартков из повести Н.В. Гоголя «Портрет»:

«При всем том он все-таки не мог совершенно увериться, что это был сон. Ему казалось, что среди сна был какой-то страшный отрывок из действительности <...> рука его почувствовала только что лежащую в себе тяжесть, как будто бы кто-то за одну только минуту пред сим ее выхватил у него» [Гоголь 1984: 84].

Поэтому нам представляется более достоверным придерживаться широкого подхода к сновидению в литературе. Конечно, не потому что мы не разделяем сновидения и перечисленные выше явления, а потому что художественный материал диктует свои правила игры, иной раз сводя эти явления чуть ли не к синтезу.

Так же и с рассказом З. Канкулова «Светлая копоть»: развертывая не просто картину конкретного сна конкретного героя, но беседуя с читателем на языке культурных реминисценций и символов, сон отчасти подсказывает логику своей интерпретации.

Сон героя занимает весь объем рассказа «Светлая копоть». Увиденное определяется как сон лишь в самом финале, когда упоминается о пробуждении той, к кому герой летал в этом сне, а затем и о нем самом сообщается: «он проснулся и сел». Относительно границ изображенного здесь сновидения можно сказать, что мы имеем дело с наиболее типичным способом их пролегания – «немаркированное, маскирующее границу сна начало и отмеченный конец» [Сухих 2016: 512].

Но это еще не все. В этом сне есть примечательный момент, когда герой наблюдает сон другого человека – дорогой его сердцу девушки, знакомой ему лишь по телефонным беседам. Они еще ни разу не виделись. Встревоженный необъяснимыми катаклизмами в природе, он рвется к ней, чтобы уберечь ее от потрясения, а явившийся из темноты загадочный пришелец предлагает ему помощь и становится его проводником. Они застают ее спящей. Стоит ли присмотреться к границам этого сна, связанного с другим персонажем? Сновидение девушки здесь вроде бы не показано. Зато показано другое. Рядом с ней, на подушке, покоится раскрытая книга и даже можно прочесть, что там написано:

«...И тогда он протянул дрожащие руки к небу. А что еще он мог сейчас? Близился дождь, но люди не расходились. Готовые аплодировать, они слушали того, кто усеял свою грудь сорванными с неба звездами...»

Дальше в книге не было ничего. Все знаки начисто выцвели» [Канкулов 2022: 102].

В переводе это не отражено, но в оригинале взгляд цепляет то, что слово книга взято в кавычки («*Щхэнтэм «тхылъыр» зэгуэхауэ тельт»* [Канкулов 2004: 76]. Очевидно, это не просто книга, а нечто, представшее в ее облике.

Чтобы прояснить, почему это не просто книга, и что за текст в ней, и почему невозможно узнать его продолжение, следует остановиться на персонажах, их действиях и связанных с ними традициях и ассоциациях.

Картины этого сна, как часто бывает, далеки от всего привычного, здесь преобладает фантастическое, иррациональное. Действие происходит в пору предрассветных сумерек – самое мистическое время суток. Но рассвет, вопреки вечному миропорядку, не наступает. Тьма не высветляется, а лишь становится гуще и уходить не собирается. Присущее кошмарам и знакомое многим состояние, когда кричишь, но при этом не издаешь ни звука, очень близко к тому, в котором находится пробудившийся в этой зловещей тьме герой рассказа. Он пытается обнаружить хоть какой-нибудь источник света, но безуспешно: нащарить на стене выключатель почему-то не удастся, чиркнуть спичкой – тоже... Вот в таком образно-психологическом колорите и является перед ним загадочный некто. Писатель так его и обозначает, некто (в переводе Ларисы Маремкуловой *Нечто*, адыгский язык допускает оба варианта).

С первых же слов начавшегося диалога этот некто не пытается ввести в заблуждение человека, не отрицает свою родовую принадлежность:

*«Потусторонний мир», – мелькнула догадка.
– Да, раздался голос, – я оттуда»* [Канкулов 2022: 101].

Более того, он даже уточняет роль, которая ему отведена как представителю потусторонних сил:

*«– Ты по мою душу? Может, попозже? Мне необходимо еще раз увидеть Ее...
– По твою душу? Ха-ха-ха! Мне она не нужна. Пока не нужна. Придет срок – вернусь за ней. Я по другому делу»* [Канкулов 2022: 101].

Похоже на ангела смерти, раз имеет полномочия забирать души.

Этот некто хоть и не назван прямо, все же характером занятий ассоциирован не с царством света, а с царством мрака: *«Попробую хоть раз сделать доброе дело»* [Канкулов 2022: 101] – косвенно сознается он в том, что благородство ему несвойственно.

Надо сказать, для подобных гостей все эти признаки вполне традиционны: происхождение, «профессиональные склонности» и даже внезапные приступы несвойственного благородства. Для примера можно вспомнить Хромого беса из одноименного романа Анри Рене Лесажа или Дьявола из «Ночного путешествия» Валерия Брюсова. Кроме того, в действиях этого некто также проскакивают характерные детали, которые дополнительно подчеркивают его природу. Например, срывание звезды с неба отсылает к действиям персонажей гоголевской повести «Ночь перед рождеством»:

«А ведьма между тем поднялась так высоко, что одним только черным пятнышком мелькала вверх. Но где ни показывалось пятнышко, там звезды, одна за другою, пропадали на небе. Скоро ведьма набрала их полный рукав. <...> Однако ж, несмотря на все неудачи, хитрый черт не оставил своих проказ. подбежавши, вдруг схватил он обеими руками месяц, кривляясь и дуя, перекидывая его из одной руки в другую, как мужик, доставший голыми руками огонь для своей люльки» [Гоголь 1984: 154].

Если не принимать во внимание все эти ассоциации, претензия на благородство этого проводника, а вдобавок и знатока человеческих душ будет способна ввести читателя в заблуждение. А вдруг не так уж отрицательны цели, которые преследует этот некто, рискнувший *«хоть раз сделать доброе дело»*? Возникают моменты, которые подталкивают к искушению хотя бы назвать его амбивалентным, а не причислять прямиком к силам тьмы. Ведь он, такой проникательный и всезнающий, честно признает, что недооценивал молодого человека (и эта объективность создает ему легкий флер благородства), а кроме того, именно из его уст раздаются горькие, но объективные слова о извечной роковой привычке, свойственной миру людей: *«Видишь, там, вдали, гаснет рядом много огней. Вы, люди, не можете не убивать друг друга...»* [Канкулов 2022: 103].

Срывание с неба звезды имеет в рассказе Заура Канкулова не только благородную цель – дать возможность обогреться ее теплом озябшему в полете молодому человеку, – но также прямые и трагические последствия:

«Нечто взмыло вверх, сорвало с неба пылающую звезду и бросило ему. Стало теплее. Но там, внизу, в этот миг рассталась с телом одна невинная душа» [Канкулов 2022: 103].

Пожалуй, теперь настало время вернуться к спящей девушке и лежащей рядом с нею книге. Значение сорванной звезды понятно, а потому становится ясно, что может представлять из себя упомянутый в книге человек, грудь которого усеяна сорванными с неба звездами... Может быть, все это не настолько очевидно находящемуся в тексте рассказа и пробегающему взглядом по странице загадочной «книги» герою, насколько очевидно читателю, находящемуся за текстом. А еще читателю дано увидеть, как руки героя, почти под занавес рассказа протянутые было к огню чьей-то жизни, составляют смысловую параллель рукам, протянутым к небу в той загадочной «книге»:

«Можешь набрать огней и прибавить к своему. Если гаснет огонь – значит, душа отлетает. Видишь, там, вдали, гаснет разом много огней. Вы, люди, не можете не убивать друг друга... Что же ты медлишь? Бери огонь, прибавь к своему!»

Он опустил на колени и протянул руки к огню. И тут же их отдернул.

– Нет, не хочу. Долго жить хорошо, но ведь надо уметь прожить с умом, а это не так просто. Отпусти меня, прошу. И ты возвращайся к себе, и заведи с собой ночь» [Канкулов 2022: 103].

Теперь становится очевидно, что самым логичным продолжением истории о протянутых руках и сорванных звездах (отнятых жизнях) могли явиться лишь пустые страницы, что это и в самом деле была не обычная книга, а книга судьбы героя рассказа «Светлая копоть».

Возможность увидеть пещеру, в которой горят огни жизни всех людей земли, возможность набрать огня для своей жизни как вознаграждение за... и впрямь, за что именно?

«Я привел тебя сюда, потому что ты превзошел мои ожидания» [Канкулов 2022: 103]. И немногим раньше: *«Я думал, ты не удержишься и разбудишь ее. Я недооценил тебя»* [Канкулов 2022: 103].

Что, собственно, произошло такого особенного, из-за чего некто заговорил о превосходстве героя? То, что молодой человек не стал будить девушку, опасаясь, что ее сердце не сможет биться без солнца? Так это естественно. Похоже, что некто забрасывает замысловатый крючок, на который должен попасться герой, а вместе с ним, наверно, и читатель.

Как бы там ни было, парень отвергает нехитрую манипуляцию по продлению собственной жизни. Он не будет присваивать себе чужой огонь жизни, не станет тем, кто усеял свою грудь сорванными с неба звездами. Соответственно этому поступку складывается финал произведения. Конец рассказа пленяет простотой и гармонией деталей, через которые проговариваются ценности писателя и его героя. Замечательна изображенная через пока невидимую для них связь поэтапность и последовательность пробуждения героя и той, к кому он летал во сне.

Финал не просто прочерчивает границу сна (ведь только сейчас мы понимаем, что это был сон), отделяя его от реальности, в которой нарастает солнечный свет, но и нейтрализует перспективу судьбы, переходящей в выбеленные страницы, чему свидетельством книга, которая теперь уже просто книга – она упомянута без кавычек:

«Она проснулась. Было еще темно. Нащупав книгу, закрыла ее и отложила в сторону...»
[Советская молодежь 1997: 8].

Лишь после этого оказывается возможным и заслуженным торжество света. Заключительные строки рассказа процитируем в нашем переводе, поскольку в двух существующих не отражен важный акцент – *«вот теперь»*:

*«Вот теперь наступал рассвет. Лучи нарождающегося дня.
Парень проснулся и сел на кровати.
Позвоню ей, и, как услышу ее голос, положу трубку, – подумал он. – Только чем это перепачканы мои ладони? Пахнет копотью, и отчего она белая?..
Солнце нового дня ласково просилось в окна»* (перевод наш. – И.К). [Канкулов 2022: 103].

Наблюдая торжество рассвета, стоит упомянуть, что светотеневой и цветовой рисунок создает интересные смысловые аккорды рассказа. И, конечно, такие ждут отдельного рассмотрения. Пока же просто вспомним мимолетную тусклую вспышку света, в виде которой таинственный некто отразился в зеркалах трюмо; трепетный свет ночника в комнате девушки, он *пропадает во тьме, не достигая углов помещения*; жаркие угли, которые осыпаются с сорванной звезды; огненный шар, который проламывает вход в пещеру; огни жизни; белую копоть, оставшуюся на ладонях героя и то, что книга его судьбы показана рядом с девушкой, которая *не может без солнца...*

Подытоживая наши наблюдения, можно сказать, что метафизику сна, изображенного в рассказе Канкулова «Светлая копоть», определяют ценности, ассоциированные в мировой культуре с противостоянием тьмы и света. Все остальное – определение границ, разделяющих сон и рациональную действительность, построение так называемой персонажной структуры, символика, мотивы,

общекультурные и собственно литературные аллюзии – всего лишь то, чем «обрастает» это фундаментальное противостояние.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Гоголь 1984 – *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений в восьми томах. Том III. – М.: Правда, 1984. – 334 с.
- Канкулов 2004 – *Канкулов З.М.* Затерявшийся в городе: Повесть, рассказы. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 96 с. (на каб.-черк. яз.).
- Канкулов 2022 – *Канкулов З.М.* Затерявшийся в городе. Повесть, рассказы. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2022. – 140 с.
- Кучукова 2005 – *Кучукова З.А.* Онтологический метакод как ядро этнопоэтики: (Карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии). – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005 – 312 с.
- Пачев 2003 – *Пачев Б. М.* Сочинения. Стихотворения и поэмы/ Сост. Х. Г. Кармоков, И. Х. Пшибиев, Ф. М. Хашукоева (на каб.-черк. яз.). Нальчик: Эльбрус, 2003. – 376 с.
- Попко 1958 – *Попко И.Д.* Черноморские козаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооруженной силы и службы. – СПб., 1958. – 292 с.
- Савельева 2013 – *Савельева В.В.* Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей. – Алматы: Жазушы, 2013. – 520 с.
- Советская молодежь 1997 – *Советская молодежь*: газета. – 1997. – № 44. – 31 октября. – С. 8.
- Сухих 2016 – *Сухих И.Н.* Структура и смысл: Теория литературы для всех. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 544 с.
- Схаляхо 1988 – *Схаляхо А.А.* Идеино-художественное становление адыгейской литературы. – Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1988. – с. 288.
- Федунина 2013 – *Федунина О.В.* Поэтика сна (русский роман первой трети XX в. в контексте традиции). – М.: Intrada, 2013. – 196 с.

REFERENCES

- FEDUNINA O.V. *Poehtika sna (russkii roman pervoi treti KHKH v. v kontekste traditsii)* [Poetics of sleep (Russian novel of the first third of the twentieth century in the context of tradition)]. – М.: Intrada, 2013. – 196 p. (In Russ.)
- GOGOL N.V. *Sobranie sochinenii v vos'mi tomakh. Tom III* [Collected Works in Eight Volumes. Volume III]. – Moscow: Pravda, 1984. – 334 p. (In Russ.)
- KANKULOV Z.M. *Zateryavshiisya v gorode. Povest', rasskazy* [Lost in the city: Novel, stories]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2022. – 140 p. (In Russ.)
- KANKULOV Z.M. *Zateryavshiisya v gorode: Povest', rasskazy* [Lost in the city: Novel, stories]. – Nalchik: El'brus, 2004. – 96 p. (In Kabardin-Circassian)
- KUCHUKOVA Z.A. *Ontologicheskii metakod kak yadro ehtnopoehniki: (Karachaevo-bal-karskaya mental'nost' v zerkale poehzii)* [Ontological Metacode as the Core of Ethnopoetics: (Karachay-Balkar Mentality in the Mirror of Poetry)]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2005 – 312 p. (In Russ.)
- PACHEV B.M. *Sochineniya. Stikhotvoreniya i poehmy / Sost. KH. G. Karmokov, I. KH. Pshibiev, F. M. Khashukoeva* [Works. Poems / Comp. H. G. Karmokov, I. H. Pshibiev, F. M. Khashukoeva]. Nalchik: El'brus, 2003. – 376 p. (In Kabardin-Circassian)
- POPKO I.D. *Chernomorskie kozaki v ikh grazhdanskom i voennom bytu. Ocherki kraya, obshchestva, vooruzhennoi sily i sluzhby* [Black Sea Cossacks in their civilian and military life. Essays on the region, society, armed forces and service]. – St. Petersburg, 1958. – 292 p. (In Russ.)
- SAVELYEVA V.V. *Khudozhestvennaya gipnologiya i oneiropoehtika russkikh pisatelei* [Artistic hypnology and oneiropoetics of Russian writers]. – Almaty: Zhazushy, 2013. – 520 p. (In Russ.)

SKHALYAKHO A.A. *Skhalyakho A.A. Ideino-khudozhestvennoe stanovlenie adygheiskoi literatury* [Ideological and artistic formation of Adyghe literature]. – Maykop: Adygheiskoe otделение Krasnodarskogo knizhnogo izdatel'stva, 1988. – p. 288. (In Russ.)

Sovetskaya molodezh': gazeta [Soviet Youth: Newspaper]. – 1997. – № 44. – 31 Oktober. – P. 8. (In Russ.)

SUKHIKH I.N. *Struktura i smysl: Teoriya literatury dlya vseh* [Structure and Meaning: A Theory of Literature for Everyone]. – St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. – 544 p. (In Russ.).

Сведения об авторе

И. А. Кажарова – старший научный сотрудник

Information about the author

I. A. Kazharova – seniora researcher

Статья поступила в редакцию 13.08.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 13.08.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Научная статья
УДК 811.512.142
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-380-393
EDN: UCHZCD

ПОЛИСТАДИАЛЬНОСТЬ И ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО РОМАНА (НА МАТЕРИАЛЕ ДИЛОГИИ «АЙСАНАТ» А. УРУСОВОЙ)

Фатима Таулановна Узденова¹, Тахир Зейтунович Толгуров²

¹ Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, uzdenova_kbigi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5378-9514>

² Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, kangaur64@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6208-9678>

Аннотация. Исследованы предпосылки формирования и развития советского романа начального периода (мультиперсонажные, мультилинейные, романы-хроники, др.), эволюционные и трансформационные тенденции, структурно-содержательные компоненты. Становление в первые десятилетия советской действительности новой матрицы культурного состояния обусловило и особую форму крупноформатной прозы, атрибутивным признаком которой может считаться совмещение параметров утилитарных, идеологических и революционно-просветительских текстов эпохи становления советской власти и качеств достаточно развитой литературы. Сказанное напрямую относится к произведениям северокавказских авторов, в том числе карачаевской писательницы А.М. Урусовой. Ее роман-дилогия «Айсанат» – автобиографическое произведение, официально датируемое 70–80-ми гг. XX в., однако по ряду признаков можно утверждать, что текст романа создавался на протяжении длительного времени и часть его приходится на довоенный период: в пользу последнего свидетельствует наличие примет романа-хроники, бывшего в тренде советской литературы 30-х гг. XX в. Кроме того, нарратив романа отмечен сочетанием фрагментов и сюжетных периодов с отличающимися хронологическими статусами – от линейного и единообразного хронологического течения до темпоральных систем, сформированных из элементов различной хронологической локализации. При этом временные характеристики эстетического текста являются, по мнению авторов статьи, одним из существенных критериев его этапной принадлежности.

Ключевые слова: А.М. Урусова, роман «Айсанат», нарратив, советская идеология, структурно-содержательный компонент, полистадиальность, темпоральность, эволюция.

Для цитирования: Узденова Ф.Т., Толгуров Т.З. Полистадиальность и темпоральность карачаево-балкарского романа (на материале дилогии «Айсанат» А. Урусовой) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 380-393. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-380-393. EDN: UCHZCD.

© Узденова Ф.Т., Толгуров Т.З., 2025

Original article

POLYSTADIALITY AND TEMPORALITY
OF KARACHAY-BALKAR NOVEL
(BASED ON A. URUSOVA'S DILOGY "AISANAT")

Fatima T. Uzdanova¹, Takhir Z. Tolgurov²

¹ Institute of Humanitarian Researches – branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, uzdenova_kbigi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5378-9514>

² Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, kangaur64@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6208-9678>

Abstract. The article examines the preconditions for the early Soviet novel's formation and development (multi-character, multi-linear, chronicle novels, etc.), its evolutionary and transformative tendencies, and its structural and substantive components. The emergence of a new cultural matrix in the first decades of Soviet reality also determined a unique form of large-format prose, characterized by a combination of utilitarian, ideological, and revolutionary-educational texts of the early Soviet era with the qualities of a fairly well-developed literature. This applies directly to the works of North Caucasian authors, including the Karachay writer A.M. Urusova. Her novel-dilogy "Aisanat" is an autobiographical work, officially dated to the 1970s and 1980s. However, a number of indicators suggest that the novel's text was created over a long period, with some of it occurring in the pre-war period. This latter is supported by the presence of the chronicle novel's features, a trend in Soviet literature in the 1930s. Furthermore, the novel's narrative is marked by a combination of fragments and plot periods with differing chronological statuses – from a linear and uniform chronological flow to temporal systems formed from elements of varying chronological localization. Moreover, the authors of the article believe that the temporal characteristics of the aesthetic text are one of the essential criteria for its historical affiliation.

Keywords: A.M. Urusova, novel "Aisanat," narrative, Soviet ideology, structural and substantive component, polystadiality, temporality, evolution.

For citation: Uzdanova F.T., Tolgurov T.Z. Polystadiality and temporality of Karachay-Balkar novel (based on A. Urusova's dilogy "Aisanat"). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 380-393. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-380-393. EDN: UCHZCD.

© Uzdanova F.T., Tolgurov T.Z., 2025

Введение

Первые десятилетия развития советской прозы ознаменовались появлением крупноформатных произведений особого типа, отмеченных сюжетной мультилинейностью и огромным количеством персонажей. Считалось, и было общепринятым, что роман представляет собой продвинутую модифицированную форму сборника отдельных рассказов либо новелл [Шкловский 1929: 83–84]; долгое время подобная точка зрения даже не оспаривалась. Роман есть сборник новелл, объединенных общими героями – постулат раннего советского литературоведения, послуживший причиной написания огромного количества сюжетно рыхлых, многоперсонажных произведений, в которых каждый герой мог быть связан с остальными весьма эфемерными нитями.

Прозаики и поэты Северного Кавказа осознанно и целенаправленно строили свои произведения в соответствии с теоретическими воззрениями, господствовавшими в это время в большом российском литературоведении, что автоматически означало предпочтение многофигурных, многоперсонажных романов, герои которых жили и действовали в отдельных, иногда – практически независимых хронопространственных областях.

Это была основная причина широкого распространения романа-хроники, романа-репортажа, очеркового романа – можно назвать как угодно, главное – это произведение без достаточно глубокой и детальной проработки главных сюжетных линий и главных героев, но зато отмеченное чрезмерным вниманием к второстепенным лицам и второстепенным сюжетным линиям. Этот воздействующий фактор был тесно связан, точнее, был институционально зависим от причин вне-литературного характера. Еще в конце 20-х гг. XX в. ситуация в молодой советской стране приобрела вполне определенный характер, продиктованный идеологическими и политическими устремлениями правящей верхушки государства.

Реальные шаги государства началом своим имели последние годы НЭПа: «...В 1928 г., после острых дискуссий, постановлением СНК РСФСР в рамках Наркомпроса был создан специальный орган «идеологического руководства в области литературы и искусства» – Главное управление по делам литературы и искусства... В числе его задач – выработка директив по управлению областями искусства, информирование ЦК ВКП (б) о проблемах и отклонениях от линии правящей партии» [Головкина 2012: 3].

Воспоследовавшая вскоре дискуссия о функциональной роли литературы и ее позиции в ситуации обострившейся идеологической борьбы, как это официально называлось, на самом деле – гонений на государственном уровне на любые проявления альтернативных идеологических позиций – в конце концов, расставила все точки над *и*. Оформившись в виде оппозиции эстетического и политического подходов в понимании роли литературы, дискуссия пришла к заведомо известному итогу. «...При обсуждении вопросов критики необходимо избежать всякой путаницы и мнимых проблем... Характер нового этапа определяется одним основным фактом – огромными победами партии на путях строительства социализма, победами, которые подводят нас вплотную к бесклассовому обществу и положили начало социалистическому благосостоянию. Одним из первых результатов этих побед был окончательный переход советской интеллигенции и советской литературы на позиции партии. Этот переход был закреплен историческим решением 23 апреля 1932 г. (23 апреля 1932 г. ЦК партии принял постановление «О перестройке литературно-художественных организаций» – уточ. – *Ф.У., Т.Т.*)...» [Мирский 2014: 282].

Более откровенной апологии политической функции литературного искусства, оправдывающей социальную, идеологическую нагрузку, которую должно проводить в массы и в жизнь авторам новой социалистической словесности, представить себе трудно. Российская литература действительно тяготела к острой социальности и расстановке идеологических акцентов – даже история работы над таким хрестоматийным произведением, как «Муму», в ходе которой Тургенев пошел на резкое ужесточение концовки реальной истории, говорит о многом [Добин 1956: 112]. Основная проблематика, связанная с переменами в действительности, решалась в этих произведениях в плане откровенного, упрощенного сюжетного противопоставления прошлого и настоящего» [Панеш, Шаззо 2018: 167].

Обсуждение и результаты

Не столь грандиозные, как общеклассовые социальные эксперименты, региональные и локальные начинания, нацеленные на решение конкретных задач и реформы ментальности и мировосприятия личности, были не менее действенны в смысле формирования новых стандартов, напрямую взаимодействуя с нормами этнического, гендерного, статусного плана, а также с нормами обычного права. Так, в ряде регионов Северного Кавказа несколько кампаний ярко выраженного социетально-идеологического характера стартовали еще в середине 20-х гг. Сюда можно отнести и борьбу с медресе, и насильственный набор курсантов в ленинский учебный городок, и кампанию «пальто горянке».

Соответственно огромное количество кампаний и профильная работа по идеологическому обустройству, проводимая в совершенно различных направлениях, должны были иметь своих литературных героев. В попытках охватить все многообразие релевантных с точки зрения политического взгляда героев-актантов писатели дробили общий нарратив своих произведений, разбивая их на мелкие сюжетные блоки, не оснащенные ни собственным временем, ни собственным топосом, – у большинства писателей довоенной поры попросту не было того уровня профессионализма, который позволял бы им создавать действительно полисюжетные тексты высокого художественного качества. Это свойство ранней советской прозы отмечал тот же Святополк-Мирский [Святополк-Мирский 2006: 201]. Если у русских авторов многофигурные и многолинейные сюжеты удавались, у каждого, естественно, в разной степени, то для национальных писателей это зачастую оборачивалось сюжетными перебивками, незавершенностями, сбоями и слабой взаимосвязанностью отдельных фабульных траекторий. Даже лучшие представители периферийной прозы не избежали ошибок ученичества – по крайней мере в текстах, созданных в довоенный период. Хотя следует признать, что в аспекте «освоения» историко-культурных достижений и воссоздания сложных периодов в истории народа они, бесспорно, были первопроходцами. «...Практически каждое из этих произведений в свое время несло с собой определенные завоевания, прокладывало новые шаги в освоении действительности, реалистических традиций, изображении характеров и событий, тем самым внося посильный вклад в становление национальной литературы. Без той предварительной работы, не лишенной изъянов и недостатков, не пройдя естественных болезней роста, абазинская словесность не обрела бы эстетической дееспособности» [Чекалов 2025: 244]. Сказанное, с определенными допущениями, можно экстраполировать практически на все северокавказские литературы. Вместе с тем, относительно литературы депортированных народов «... логично было ожидать, что предвоенные годы, ставшие начальной точкой отсчета северокавказского романа, и эволюционное содержание которого было прервано войной и репрессиями, должны были дать обществу образцы крупного формата, написание которых в основном не было закончено в 1930–1940-е гг. (за исключением отдельных текстов – уточ. Ф.У., Т.Т.), в результате чего они были продолжены уже после войны и даже в постдепортационный период» [Узденова, Толгуров 2024: 94]. Собственно, это и породило особую форму крупноформатной прозы, в принципе, не имеющей официального определения в науке, атрибутивным признаком

которой может считаться совмещение параметров утилитарных, идеологических и революционно-просветительских текстов эпохи становления советской власти и качеств достаточно развитой литературы с соответствующим уровнем текстуального воплощения.

Текст романа-дилогии «Айсанат» А. Урусовой в этом смысле достаточно показателен – многие составляющие повествования бесспорно видятся прерогативой развитой в эволюционном отношении прозы. Это вполне определенный комплекс архитектурных и образных особенностей, однозначно указывающий на принадлежность идиостиля автора третьему эволюционному периоду развития новописьменных литератур, обычно относимого к 70-м – середине 80-х гг. XX в. Анализ этих черт – проблема несколько иного плана, нежели та, которую мы в данный момент рассматриваем. В координатах же настоящего исследования особо значимым представляется то, что одним из показателей нарратива романа можно считать «существование» элементов разноэволюционного статуса.

Общая схема сюжетного построения прозаического текста может служить своеобразным идентификатором его места и статуса в общем пространстве развития прозаического мышления. С этой точки зрения роман карачаевской писательницы А. Урусовой «Айсанат» [Урусова 1987] представляет собой весьма интересный образец смещения параметров и маркеров различного эволюционного статуса: содержит в себе элементы агитационно-просветительской эстетики начальных этапов развития советских национальных литератур, соответствующей концептуалистики и мышления. Она же включает в себя вполне развитые структуры второго условного этапа в режиме форсированного (ускоренного) развития, характеризующегося многочисленными экскурсами в ассоциативное поле этнической культуры, частые формулировки национальных проблем – в целом все признаки отхода от сугубо идеологического освещения описываемого, включая даже применение специфических структур национального происхождения.

Знание о долговременном характере работы над романом – приблизительно с конца 30-х гг. XX в. и до момента его публикации в 80-х, позволяют предполагать наличие в его составе элементов разного временного происхождения, что дает нам особую возможность его оценки. Как прозаический текст он может быть рассмотрен – в одном из своих аспектов – в условно-формальной плоскости. Это параметр, показывающий степень предварительной апперцептивной готовности автора к тому или иному темпоральному представлению и образному развитию сюжета.

В связи с этим упомянем о возможных разновидностях сюжета: сюжет романа от лица главного героя без явного присутствия хронологических переходов; сюжет романа от лица автора-нарратора; сюжет романа, развернутый от первого лица с присутствием дополнительного героя и описанием его; сюжет, разворачиваемый от лица автора, развивающий линии главного героя и дополнительного лица и других различных сюжетно-линейных и темпоральных типов.

В случае с текстом А. Урусовой сюжет, раскрываемый от первого лица, справедливо определить первичным. Подобный сюжет – не ветвящийся, не кольцевой, прямой последовательный линейный сюжет – исходная форма, а такая же по своей архитектуре линия, ведущаяся от лица автора, – вторичная.

Рассмотрим основные сюжетостроительные стратегии на материале 2-й книги романа-дилогии. Так как роман разбит на тридцать пять глав и эпилог, мы проанализировали все эти главы и получили дюжину фрагментов сюжета и попытались определить их типологию. Для выборки эпизодов, связанных с формированием очередных линейных построений, применен метод случайного отбора.

Насколько оправдан и правомочен подобный метод в отношении романа А. Урусовой? Если наша цель – выявление эволюционных модификаций нарратива по ходу его развития, то вполне оправдан. Мы исходим из того, что при объективном характере описания окружающего без привлечения личности нарратора сюжетные линии различных героев будут, фактически, независимы друг от друга. Собственно, это мы и наблюдаем в крупноформатной прозе довоенного периода. С развитием прозаического мышления советские авторы постепенно переходили на построение сюжета, так или иначе связанного в единое целое: первоначально – образом главного героя, затем – личностью автора. При этом мы полагаем, что автор и нарратор это один действующий и воспринимающий субъект. В целом и общем осложнения сюжетного строения текста закономерно ведут к усложнению архитектоники и к появлению альтернативных точек описания окружающей реальности – не в смысле их идеологической и философской дифференциации, а просто в пространственно-временном континууме. По мере развития писательских техник это становится все более и более явным, но чаще всего интерпретируется с точки зрения мировоззренческих изменений при описании среды. Так, у большинства исследователей современной литературы пространственно-временные центры – при их множественности – оцениваются в качестве разрывов единой хронологической протяженности и списываются на внутренние психологические комплексы и изъяны героя произведения, либо объективного наблюдателя, как правило, автора, коим в подобных случаях присваивается статус носителя модернистского мирозерцания и мироощущения [Кралечкин 2018: 35].

Дискретность психологического портрета героя модернистской литературы переносится на пространственную и временную ткань нарратива, при этом речь идет не о сложности архитектоники, а о несовершенстве темпоральных и топологических ощущений автора. Логика рассуждения довольно пространна – согласно ей мы должны заключить, что ранние романы более продвинуты и развиты в смысле передачи и описания пространства-времени, чем современные тексты. Но это противоречит фактической ситуации.

Хронологическое единство романа в исходных его модификациях является не более чем литературоведческой конвенцией. Ранние крупноформатные образцы в вопросах передачи локационных и хронологических взаимодействий изначально дефрагментированы и представлены в большинстве своем циклами новелл и рассказов. На следующих этапах развития прозаического мышления появляются возможности передачи пространственных ощущений, и долгое время любой роман представлял из себя перенос главного героя и, соответственно, наблюдающего за ним автора из одной локации в другую. Эти переносы и составляли суть прозаического произведения крупного формата, и говорилось в подобных сюжетах только о пространственных перемещениях. Так, в

«Декамероне» и «Гептамероне» временная последовательность, как таковая, отсутствует – она лишь подразумевается в «зазорах» между новеллами цикла.

Можно с уверенностью утверждать, что описание времени, хронологическая фиксация его в повествовательной ткани – это позднейшее приобретение прозаического изложения. С этой точки зрения наличие более чем одного временного пласта в сюжете – очевидный прогрессивный признак. А увеличение временных континуумов по ходу развития сюжета может служить достаточно уверенному помещению произведения на ближнем краю эволюционной шкалы. Возрастание хронотопической сложности долгое время было незаметным признаком развития, и анализ параметров этой сложности – дело, требующее своих методов и систем подсчета, но сегодня вполне возможно предварительное, упрощенное рассмотрение темпоральной структуры текста по сравнительно простому и очевидному признаку – чем больше временных позиций, или, в определении Гаспарова – «контрапунктов» [Гаспаров 1993: 243–244] мы наблюдаем в тексте, тем более он совершенен с точки зрения эволюционных показателей.

И в этом аспекте роман «Айсанат» более чем показателен и иллюстративен. Следуя формальному замыслу автора, мы рассмотрели текст по главам и получили, в принципе, ожидаемые и прогнозируемые результаты. Был произведен элементарный механический подсчет реперных точек, при том, что таковыми приняты любые моменты смены времени описания событий, выраженные в глагольных формах, – в основном с помощью средств грамматики, но также пришлось учитывать хронологические дислокации, представленные читателю содержательным планом текста.

Глава первая романа «Айсанат» является точкой кольцевого смыкания сюжета – героиня возвращается в прежнюю локацию после долгих лет отсутствия, встречается с одним из героев – знакомым ей в далеком прошлом. Замыкание сюжета подразумевает совмещение, как минимум, двух временных пластов.

Образ Петра сюжетобразующим не является, и потому временные реперные точки определяются в пространственно-хронотопических локациях: арбаздан мыдахланыб чыгъады Айсанат (Айсанат, погрузнев, вышла со двора...), къартны эслейди (замечает старика), къатына джууукълашыб (подойдя поближе), саламлашады (здоровается), («Сизмисиз?» – деб къучакълайды («Это вы?») (говоря/уточняя) обнимает, садится, слушает» (с. 5).

В экспозиционной части главы темпоральные компоненты, сверх актуального времени и сиюсекундного, длящегося в настоящий момент повествования действия, отсутствуют.

Глава четвертая включает действия трех актантов, каждый из которых эпизодическим не является. Кроме того, один из них – Морозов присутствует в двух хронообъемах в силу апелляций к его революционному прошлому.

Отдельную роль играет экскурс в изолированный хронотоп повествования – монастырь, подкрепленный кратким описанием его обитателей. Таким образом, временные реперные точки определяются в ситуациях изолированного хронотопа. Внимание читателя распределено между двумя временными уровнями – настоящим и прошлым. С точки зрения форм прошлого времени мы видим минимум две предикативные схемы – прошлое прошедшее и прошлое длящееся,

представляемые не грамматическими средствами, а семантикой предложений: «был соратником, теперь (стал) – воспитателем, расположен душой» (с. 33).

Глава седьмая. Возвращение Далхата после встречи с Айсанат, его мысли по поводу возможной конкуренции с Анзором за любовь девушки. Три сквозных персонажа, двое из которых воплощены в двух хронологических объемах. Добавочное содержание обеспечивается пребыванием всех героев в изолированном хронотопе – сне Далхата, в котором все персонажи активны (с. 45–46). Временные реперные точки: прошлое, настоящее время, а также неопределенное постоянно длящееся.

Глава десятая. Сборы Айсанат, ее будущий отъезд из Ленинграда (с. 58–59). Три сквозных персонажа: Катя в простом прошедшем и предполагаемом будущем, Айсанат, Калинин, действующие в прошлом и настоящем. Временные реперные точки: всего пять, в отрывке присутствует диалоговый эпизод, по определению сочетающий в себе констатацию прошедшего и настоящее нарратора.

Глава тринадцатая. Один сюжетобразующий герой – Айсанат, пребывающий в актуальном настоящем времени. Описание погоды и игр детей независимым сторонним нарратором. Временные реперные точки: «...Кюн таякьла тубанладан чыгьалмай кьаладыла... (Солнечные лучи не смогли выйти/выбиться через гущу облаков/тумана), «кёк да кюкюреб тебрейди да... (начинается гром/небо начинает отрыгивать...), кюню таурухлу болады... (его) жизнь преобразается (становится сказочной/легендарной), тышына чабадыла (выбегают наружу), арбазда джортадыла (снуют по двору), джюреги гып-гып этеди (сердце бьется-тревожится/делает «гып-гып»), джууаб джазаргьа таукелленмейди (написать ответ не решается), ангылайды (понимает), кёрюнеди кьыз (видится девушка), юсю бла атлаб... (перешагнув через...), кёреди да (увидел (только что)), джарыйды (обрадовался/посветлел) (с. 88).

Глава шестнадцатая. Сговор в доме Ахмадии. Повествование от лица независимого рассказчика, три активных героя в прошедшем времени. Временные реперные точки: заранланы джетдирмей кьоймайдыла (не успокаиваются, пока не насят (сделают плохое), кёб аманлыкь этедиле (много плохого делают), табыладыла зарла (встречаются завистники), от сала айланганла (провокаторы/ходящие поджигая (огонь), ангылаймай барабыз (идем, не понимая), ...заман а тохтаусуз ётеди (...а время безостановочно идет), айтыгьыз (скажите/говорите), кёзюню кьыйырын джетдиреди (краем глаза поглядывает) (с. 103–104).

Глава девятнадцатая. Этикетный и этический конфликт. Оклеветанная Айсанат в жестком диалоге с Петром. Сторонний нарратор и два героя – Вера и Айсанат, описываемые в длящемся настоящем времени. Временные реперные точки: тауушсуз джукьлайды (тихо/беззвучно спит), билмей кьарайды да... (не зная посмотрел...), такьырланады, кёзлери джыламукуьладан толадыла (растрогалась, глаза наполнились слезами), джукьлар дыгаласха киреди (пытается заснуть) «бораннга чыгьады» (выходит в буран) (с. 116–117) – доминирует настоящее время, и число временных форм невелико, но необходимо понимать, что речь идет о повествовании с минимальным числом взаимодействующих героев, что, конечно же, не увеличивает количества реперных точек, но повышает насыщенность ими объема текста.

Глава двадцать вторая. Приезд Далхата в Ростов, встреча с Айсанат, объяснение в любви, вести о несправедливо обвиненном отце Айсанат. Три сквозных героя, двое из них локализованы в трех временных пластах – прошлом, настоящем и будущем, вахтер общежития – в настоящем длящемся. Повествование идет от лица независимого нарратора, присутствуют переходы точки наблюдения от нарратора к Далхату (с. 126–127). Темпоральная особенность главы – наличие фрагментов с неопределенной временной локализацией, например, «тубаннга бёленнгенчады» (кто-то/что-то, словно обернувшись в туман) явственно обладает признаками прошлого времени (уже обернувшись когда-то), однако явление это существует в актуальном «сейчас». То же самое можно сказать еще о целом ряде ключевых (контрапунктных) хронологических глагольных точках данной главы.

Глава двадцать пятая. Сходка в лесу, сговор противников Советской власти, предварительный разговор Касбота и Муссабия, сомнения и тревоги последнего, убийство случайного свидетеля сходки. Экспозиционная часть главы – разговор Касбота и Муссабия. Два героя в длящемся настоящем, дистанция времени диалога, независимый нарратор. Временные реперные точки: шесть различных временных конструкций с выраженным тяготением к настоящему длящемуся, что мы склонны объяснять первичным происхождением этой части текста – сама центральная сцена, заключенная в открытом представлении читателю врагов советской власти, их визуальный облик, более похожий на фольклорные описания зоо- и антропоморфов, враждебных человеку (с. 151), совершенно немотивированные приступы эмоциональной неустойчивости: злой ввиду того что он враг – все это вместе говорит о том, что глава задумывалась и начинала писаться на первых этапах развития прозаических представлений, на стадии безальтернативного конфликта идеологического порядка, когда враг был безобразен и опасен в силу своего классового происхождения.

Глава тридцать первая. Описание пребывания в плену Хызыра, Шамиля и Акима. Медсестра Блокфризер, Халит. Хызыр – старший по блоку, его сознательная игра в нелюдимого и жестокого лидера. Подготовка к побегу. История взятия в плен (с. 194). Повествование от лица Хызыра и отстраненного повествователя. Хызыр, Шамиль и Аким существуют в двух пластах повествовательного времени, медсестра – в прошлом завершенном, Халит – в настоящем длящемся. Общее количество временных глагольных моделей – шесть.

Обзор и подсчет предикативных схем романа «Айсанат» позволяет выделить в его сюжете два основных типа формального членения повествования. Первый – монохромные нарративные блоки, характеризующиеся ограниченным числом временных реперных точек, сравнимым с количеством действующих персонажей рассматриваемого фрагмента, в нашем случае – главы романа. Помимо малого количества контрапунктов и временных дислокаций подобные главы отмечены тяготением к простейшим темпоральным конструкциям, чаще всего – описанию явления и действия длящимся настоящим временем от лица повествователя, типа «он/она идет», «он/она стоит», «он/она делает», «он/она чувствует» и так далее. Но временные схемы подобного типа сопровождаются в тексте простыми номинациями эмоционального плана без попыток детального

рассмотрения чувств и мотивации переживания героев. Таковые просто прямо констатируются. Кроме того, герои подобных эпизодов визуально интерпретируются и атрибутируются в этическом плане в привязке к их классовым и идеологическим позициям. Наиболее естественное и правдоподобное объяснение таких комплексных взаимосвязей выразительного, изобразительного ракурса со структурой хронопространственных представлений – предположение о том, что сюжетное завершение фрагмента отделено от его планирования годами творческого пути, итогом чего и стало наложение эстетических нормативов периода идеологических форм социалистического реализма на апперцептивные конструкции второго и даже третьего этапа эволюции национальной литературы. Второй тип содержательных эпизодов включает в себя разнообразные временные схемы с большим количеством темпоральных дислокаций, и, как правило, подобные фрагменты напрочь лишены каких бы то ни было признаков архаичной идеологической прозы первого этапа развития литератур. Наоборот, в подобных эпизодах автор демонстрирует высокий уровень художественного мышления, многообразие возможных истолкований того или иного момента, допустимых мотивировок поступков героев, убедительность образов. Вероятность того, что эти составляющие – абсолютное большинство содержательных блоков романа написаны А. Урусовой в пору ее творческой зрелости несомненно велика, они являют собой яркие примеры национальной прозы, прошедшей стадию форсированного развития и реабилитации этнической культурной и эстетической нормативики.

В целом необходимо отметить, что количество предикативных схем и реперных хронологических точек по мере повествования романа возрастает, точнее говоря – увеличение порядкового номера очередной главы достаточно точно указывает на увеличение в ней временных переносов.

Анализ основ сюжетостроения и эволюционных стадий романа А. Урусовой «Айсанат» позволил прийти к выводу о том, что содержание некоторых частей романа (первая, тринадцатая, шестнадцатая и девятнадцатая главы) однозначно вписываются в координаты идеологической прозы довоенного периода, характер описания при этом недвусмысленно свидетельствует о том, что повествование сформировано в контексте прозы безальтернативного конфликта со всеми выразительными атрибутами таковой. Даже действия отрицательных героев имеют лишь опосредованную мотивацию, никак не соотносясь с эмоциональным фоном происходящего – например, практически беспричинный расстрел случайного свидетеля контрреволюционной сходки.

К таким же неожиданно выпадающим из общей нарративной канвы чертам текста можно отнести и фрагментарность сюжета и суверенные либо связанные весьма отдаленно сюжетные последовательности, ориентированные на разные событийные системы: становление женщины и Советская власть, история любовных взаимоотношений, Советская власть и контрреволюция, и т.д. Автор описывает жизни своих персонажей, не имея цели дать их полноценно и полнокровно, а лишь знакомя читателя с кратким абрисом пути каждого отдельного образа. Однако при этом сам нарратив романа выглядит весьма и весьма зрелым, более того – новационным. Говоря «фрагментарность», мы не имеем в виду его

стохастические обрывы и неинтегрированные фрагменты, пребывающие в режиме полной автономности – так, как это нередко бывало в начальных формах идеологической прозы. Речь здесь о линейной и хронологической несоразмерности отдельных составляющих сюжета. Автор может на протяжении достаточно длительного времени вести жизненную траекторию своего героя, включая в нее определенные факты и события, а затем резко перейти к годам жизни персонажа, отстоящих от предыдущих на несколько лет, обозначив их лапидарной хронологической отсылкой «прошло столько-то». И здесь трудно определить алгоритм сюжетостроения романа: отсутствие жесткой последовательности считать – как с точки зрения наррации – просчетом, недостатком, либо – стратегическим выбором автора, или же следствием купирования (на момент издания романа), цензуры фрагментов, противоречащих общей идеологической концепции. Повторимся, и это вытекает из полученных вследствие анализа сюжетостроения и особенностей нарратива результатов, что роман «Айсанат» создавался в условиях разного профессионального состояния автора – от ангажированных стадий осмысления и интерпретации окружающего до развитых форм прозаического мышления.

Как следствие традиции безальтернативной прозы периода классового противостояния – то есть прозы довоенных лет – можно также воспринимать и скрипторы «отрицательных» героев. И хотя образы классовых врагов в романе А. Урусовой лишены бесспорных признаков внешнего уродства, они, тем не менее, вполне определяемы визуально, отмечены чертами облика, которые так или иначе свидетельствуют об их аксиологическом статусе в повествовании. Примечательно при этом, что нахождение тех или иных персонажей на шкале позитивности-негативности категорично.

Иногда визуальные черты отрицательных образов отсутствуют, будучи замещенными классовыми, идеологическими определениями: «...Эндиге дери да къан шоркъала кѣб тѣгюлген Къарачайда, энгда адам къанны эркин къуяргъа излегенледиле тѣгерек тутуб олтургъанла. Областны эллеринден, станселеринден, ара шахарындан – барындан да бардыла былайда таиа оноугъа къошулгъанла. Муссабий былайдагъыланы кѣбюсюн таныйды. Олтурадыла, джамагъатха уллу ашхылыкъ этерге тебрегенча, эки сѣзню бир-бири ызында джаза билмеген аманлыкъчы Къасбот, орусча да онглу окъуулу къязыкъбаи Шамат афенди, алгъыннгы пристав Таусолтан, алгъыннгы акъ абычар, атаманны болушуучусу Данай, Солтан афенди, Харун афенди, Сослан...» («...В кругу сидели те, кто и сейчас уже готов пустить кровь и так залитого кровавыми потоками Карачая. Из сел области, из станиц, из дальних городов – все они собрались здесь на тайный совет. Муссабий многих из них знает. Сидят, как будто собрались сделать большое благодеяние обществу: не способный два слова написать малограмотный Каспот, хорошо знающий русский язык тупоголовый (с головой, как кол) Шамат-эфенди, бывший пристав Таусолтан, бывший белый офицер, помощник атамана Данай, Солтан-эфенди, Харун-эфенди, Сослан...» [Урусова 1987: 153].

Но вместе с тем глоссариальное богатство, интерес писателя к языковому материалу – конкретно к архаичным лексемам и неологизмам, – очевидная презентативная особенность текста А. Урусовой. Обращаясь к опыту русской

литературы периода освоения новых идеологических и объектных реалий – литературе 20–30-х годов – а также к практикам национальных писателей, мы можем констатировать, что интерес к нетрадиционным, редко употребляемым единицам (и это не всегда полноценные слова – вспомним карачаево-балкарское «бу формада», «ол формада» у ряда авторов, например у С. Хочуева) и, вообще, редко посещаемым языковым слоям, особенно характерен и свойствен литературным системам, которые находятся в процессе активного роста, но в активе своем в обязательном порядке имеют достаточно устойчивую традицию эстетического мышления и рефлексии. Стремление к словотворчеству В. Маяковского и В. Хлебникова можно считать их стилеобразующей чертой – и тот, и другой, равно как и многие их собратья по перу, в первые десятилетия развития советской литературы были особенно внимательны к возможностям языка, по всей видимости, считая их недостаточными.

Естественно, в таких вопросах особое значение имеет самопозиционирование художника, его ощущение своей выделенности из общей культурной среды народа, понимание своей лидерской роли, роли первопроходца в процессе реабилитации этнического самосознания. Пример вышеуказанных советских поэтов более чем показателен. Но и в карачаево-балкарской литературе в части локализации на шкале литературного прогресса необходимыми параметрами эволюционного плана обладали в первую очередь такие авторы, как А. Уртенев, А. Урусова, Н. Кагиева, А. Теппеев, З. Толгуров, Х. Шаваев. Хотя З. Толгуров и А. Урусова, скорее всего, не статуйровали себя в качестве этнических пассионариев и обращались к словотворчеству, возможно, в те моменты, когда им не хватало максимально точечных номинаций. В этом смысле показательно введенное З. Толгуровым в научный оборот понятие «сатанайлык» (предполагающее обладателя существенного объема качественных положительных характеристик (свойственных Сатанай – героини Нартского эпоса) как определение эталонного идеала женщины, а также ряд слов, приобретших качество терминов [Толгуров 2018].

Заключение

Таким образом, произведение А. Урусовой возможно атрибутировать как особую типологическую разновидность романа, отмеченную полистадиальностью, присутствующую, главным образом, в литературах народов, подвергшихся депортации в годы сталинского правления. Исследование архитектоники образного строя, структурно-содержательной компоненты, синтаксиса и речевого богатства, обнаруживающихся в отмеченных профессиональным подходом эпизодах и главах, позволяет прийти к выводу об очевидных репрезентативных эволюционных подвижках романного нарратива А. Урусовой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Гаспаров 1993 – *Гаспаров Б.М.* Литературные лейтмотивы. Очерки истории русской литературы XX века. – М.: Наука, 1993. – 304 с.

Головкина 2012 – *Головкина Н.Л.* Институциональные изменения в системе управления художественной культурой в СССР (30-е годы XX в.) // Государственное управление.

Электронный вестник. Вып. 30. 2012 [Электронный ресурс] URL:http://dx.doi.org/http://e-journal.spa.msu.ru/30_2012Golovkina.html (дата обращения: 13.09.2024).

Добин 1956 – Добин Е.С. Жизненный материал и художественный сюжет. – Л.: Советский писатель, 1956. – 232 с.

Кралечкин 2018 – Кралечкин Д.Ю. Хайдеггер: Заговор против реальности // Логос. – Т. 28. – 2018. – № 3. – С. 7–50 [Электронный ресурс]. File:///C:/Users/3/Downloads/haydegger-zagovor-protiv-realnosti.pdf (дата обращения: 15.06.2024).

Панеш, Шаззо 2018 – Панеш У.М., Шаззо Ш.Е. Об истоках новописьменной литературы (на материале адыгских литератур) // Вестник АГУ. – Вып. 3 (222). – 2018. – С. 163–168.

Святополк-Мирский 2006 – Святополк-Мирский Д.П. Возрождение художественной прозы после 1921 года // Святополк-Мирский Д.П. (Мирский Д.П.). История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Т. 2. Современная русская литература (1881–1925). – Новосибирск: Изд-во «Свиный и сыновья», 2006. – С. 104–108.

Святополк-Мирский 2014 – Святополк-Мирский Д.П. Политика и эстетика (К пленуму правления ССП. Обсуждаем вопросы критики). 1934 // Святополк-Мирский Д. П. О литературе и искусстве: статьи и рецензии 1922–1937 / сост., подгот. текстов, коммент., материалы к библиографии Коростелёва О. А. и Ефремова М. В.; вступ. ст. Смита Дж. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 281–287.

Толгуров 2008 – Толгуров З.Х. Миллет эс бла миллет литература (Национальное сознание и национальная литература). На балк. яз. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 312 с.

Узденова, Толгуров 2024 – Узденова Ф.Т., Толгуров Т.З. Архитектоника новописьменного романа: особенности нарратива и эволюционный статус диалогии А. Урусовой «Айсанат» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. – 2024. – № 3. – С. 87–105. – DOI: [10.22162/2587-6503-2024-3-31-87-105/](https://doi.org/10.22162/2587-6503-2024-3-31-87-105/)

Урусова 1983 – Урусова А.М. Айсанат: роман-диалогия. Кн. 1. На карач. яз. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отд-ние Ставроп. книжного изд-ва, 1983. – 272 с.

Урусова 1987 – Урусова А.М. Айсанат: роман-диалогия. Кн. 2. На карач. яз. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отд-ние Ставроп. книжного изд-ва, 1987. – 272 с.

Чекалов 2025 – Чекалов П.К. Роман Х.Д. Жирова «Пробуждение гор» // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 229–246. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-229-246.

Шкловский 1929 – Шкловский В.Б. О теории прозы. – М.: Федерация, 1929. – 268 с.

REFERENCES

GASPAROV B.M. *Literaturnyye leytmotivy. Ocherki istorii russkoy literatury KHKH veka* [Literary Leitmotifs. Essays on the History of Russian Literature of the Twentieth Century]. – Moscow: Nauka, 1993. – 304 p. (In Russ.).

GOLOVKINA N.L. *Institutsional'nyye izmeneniya v sisteme upravleniya khudozhestvennoy kul'turoy v SSSR (30-ye gody XX v.)* [Institutional Changes in the System of Artistic Culture Management in the USSR (1930s)]. IN: *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik* [Public Administration. Electronic Bulletin]. Issue 30. 2012. URL: http://dx.doi.org/http://e-journal.spa.msu.ru/30_2012Golovkina.html (accessed: 13.09.2024). (In Russ.).

DOBIN E.S. *Zhiznennyy material i khudozhestvennyy syuzhet* [Vital material and artistic plot. – Leningrad: Soviet writer, 1956. – 232 p. (In Russ.).

KRALECHKIN D.YU. *Khaydegger: Zagovor protiv real'nosti* [Heidegger: Conspiracy against Reality]. IN: *Logos*. – Vol. 28. – 2018. – No. 3. – Pp. 7–50. [File:///C:/Users/3/Downloads/haydegger-zagovor-protiv-realnosti.pdf](http://dx.doi.org/http://e-journal.spa.msu.ru/30_2012Golovkina.html) (date accessed: 15.06.2024). (In Russ.).

PANESH U.M., SHAZZO S.H.E. *Ob istokakh novopis'mennoy literatury (na materiale adygskikh literatur)* [On the origins of Newly Written literature (Based on Adyghe Literatures)]. IN: *Bulletin of ASU*. – Issue 3 (222). – 2018. – Pp. 163–168. (In Russ.).

SVYATOPOLK-MIRSKY D.P. *Vozrozhdeniye khudozhestvennoy prozy posle 1921 goda* [The revival of fiction after 1921]. IN: Svyatopolk-Mirsky D. P. (Mirsky D.P.). IN: *Istoriya russkoy literatury s drevneyshikh времен po 1925 god. T. 2. Sovremennaya russkaya literatura (1881–1925.*

[History of Russian literature from ancient times to 1925. Vol. 2. Modern Russian literature (1881–1925)]. – Novosibirsk: Publishing House "Pig and Sons", 2006. – Pp. 104–108. (In Russ.).

SVYATOPOLK-MIRSKY D.P. *Politika i estetika (K plenumu pravleniya SSP. Obsuzhdayem voprosy kritiki). 1934* [Politics and Aesthetics (To the plenum of the Board of the SSP. We discuss issues of criticism). 1934]. IN: Svyatopolk-Mirsky D.P. *O literature i iskusstve: stat'i i retsenzii 1922–1937* [On literature and art: articles and reviews 1922–1937]; comp., prepared. texts, commentary, materials for the bibliography of Korostelev O. A. and Efremov M. V.; introduction by Smith J. – Moscow: New Literary Review, 2014. – Pp. 281–287. (In Russ.).

TOLGUROV Z.H. *Millet es bla millet literature* [National consciousness and national literature]. – Nalchik: Elbrus, 2008. – 312 p. (In Karachay-Balkarian).

UZDENOVA F.T., TOLGUROV T.Z. *Arkhitektonika novopis'mennogo romana: osobennosti narrativa i evolyutsionnyy status dialogii A. Urusovoy «Aysanat»* [Architectonics of the newly written novel: narrative features and the evolutionary status of A. Urusova's dilogy "Aisanat"]. IN: Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. – 2024. – No 3. – Pp. 87–105. – DOI: 10.22162/2587-6503-2024-3-31-87-105/ (In Russ.).

URUSOVA A.M. *Aysanat: roman-dialogia* [Aisanat: a novel-dilogy]. Book 1. – Cherkessk: Karachay-Cherkess department Stavropol. Book publishing house, 1983. – 272 p. (In Karachay-Balkarian).

URUSOVA A.M. *Aysanat: roman-dialogia* [Aisanat: a novel-dilogy]. Book 2. – Cherkessk: Karachay-Cherkess department Stavropol. Book publishing house, 1987. – 272 p. (In Karachay-Balkarian).

CHEKALOV P.K. *Roman KH. D. Zhirova «Probuzhdeniye gor»* [Novel by H. D. Zhirova "The Awakening of the Mountains"]. IN: Kavkazologiya. – 2025. – No. 1. – Pp. 229–246. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-229-246. (In Russ.).

SHKLOVSKY V.B. *O teorii prozy* [On the theory of prose]. – Moscow: Federation, 1929. – 268 p. (In Russ.).

Информация об авторах:

Ф.Т. Узденова – доктор филологических наук.

Т.З. Толгуров – доктор филологических наук.

Information about the authors:

F.T. Uzdenova – Doctor of Sciences (Philology).

T. Z. Tolgurov – Doctor of Sciences (Philology).

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.10.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 09.10.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

ЩІэныгээ тхыгээ
УДК 821.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-394-409
EDN: UCSHEE

ТХЬЭГЭПСЭУ УВЖЫКЪУЭ И УСЫГЪЭР: ЗЫХУЭУНЭТІА ЛЪАПАГЪЭХЭР, ЖАНР ЗЭХЭЛЪЫКІЭР, ГЪЭПСЫКІЭР

Хьэвжокъуэ Людмилэ Борис ипхъу

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет щІэныгъэ ІуэхущІапІэ «Урысейм щІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щІэныгъэ центр» Федеральнэ щІэныгъэ центрым» и филиал, Налшык, Урысей, lyudmila-havzhokova.86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9931-7726>

Аннотацэ. Къэхутэныгъэр зыхуэгъэпсар адыгэ (шэрджэс) усакІуэ, тхакІуэ Тхьэгъэпсэу Увжыкъуэ Асчэrbий и къуэм (1961 гъ.кб.) и усыгъэр къызэщІэкъуауэ джынырщ. Апхуэдэ щІэныгъэ лэжыгъэ нобэр къыздэсым зэрыщымылар мы тхыгъэм и мыхьэнэмрэ и щІэщыгъуагъымрэ щыхьэт тохъуэ. Къэхутэныгъэм лъабжъэ хуэхъуар усакІуэм и «Дуней гуцэ» (2001), «Тхьэм и бынхэр» (2007), «МэкІэрахъуэ дунейр» (2023) тхыльхэм щызэхуэхьэса усыгъэ тхыгъэхэрщ – усэхэр, усэ кІэщІхэр, сюжет зиІэ усэхэр, усэу тха ауанхэмрэ гушыІэхэмрэ, сонетхэр, поэмэхэр, басняхэр, балладэхэр, шыпсэхэр, таурыхьхэр. Лэжыгъэм къыщыхэгъэщхьэхукІащ Тхьэгъэпсэум и усыгъэм и унэтІыныгъэ нэхьыщхьэхэр, лъаплагъэу кыыхэщхэр, ахэр зи лъабжъэ лирикэ лэужыгъуэхэр – филофософие, хэкупсэ, жылагъуэ (жылагъуэ-политикэ, жылагъуэ-экономикэ мотивхэр), лъагуныгъэ, пейзаж лирикэр. Щхьэхуэу джа хъуащ дызыхэплъэ усыгъэм и жанр зэхэлъыкІэмрэ тхыгъэхэм я гъэпсыкІэмрэ. Языныкъуэ тхыгъэхэр зэрыт жанр е жанр фацэ дьдэр ахэр усакІуэм зэригъэнэхуам къыщхьэщыкІыу убзыхуа хъуащ. Апхуэдэу, Тхьэгъэпсэу У. и усыгъэм щІэщыгъуэу кыыхэщхьэхукІащ сонетхэр, сюжет зиІэ усэхэр, «ЩакІуэм и хьыбар» поэмэр. Къэхутэныгъэм кърикІуахэр лъэпкэ литературэр зыджхэмрэ езыгъэдджхэмрэ, апхуэдэуи абы теухуауэ щІэныгъэ лэжыгъэ зытххэм яхуэщхьэпэнущ.

Зэрыгуазэ псалъэхэр: адыгэ (шэрджэс) литературэ, усыгъэ, Тхьэгъэпсэу Увжыкъуэ, лирикэ, лъаплагъэ, жанр, жанр фацэ, гъэпсыкІэ.

Цитатэ къызэрыхэпхыну: Хьэвжокъуэ Л.Б. Тхьэгъэпсэу Увжыкъуэ и усыгъэр: зыхуэунэтІа лъаплагъэхэр, жанр зэхэлъыкІэр, гъэпсыкІэр // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 394-409. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-394-409. EDN: UCSHEE.

© Хьэвжокъуэ Л.Б., 2025

Original article

POETIC WORK OF UVZHUK THAGAPSOV: VALUE ORIENTATIONS, GENRE PARADIGM, POETICS

Lyudmila B. Khavzhokova

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, lyudmila-havzhokova.86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9931-7726>

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the poetic work of the Adyghe (Circassian) poet and writer Uvzhuk Askerbievich Tkhangapsov (born in 1961). The relevance and novelty of the study are confirmed by the absence of scientific works on the stated topic in national literary criticism. The material for the study is the poetic works included in the author's collections "The Cradle of Peace" (2001), "Children of God" (2007), "The Earth Spins" (2023) – poems, short poems, satirical and humorous poems, sonnets, poems, fables, ballads, fairy tales. The main motives and value orientations are revealed, the varieties of the poet's lyrics are highlighted – philosophical, patriotic, civic (socio-political, socio-economic motives), love, landscape lyrics. The genre paradigm and poetics of U. Tkhangapsov's works are considered, the correspondence/non-correspondence of some works to the author's definition of the genre is established. Sonnets, plot (fabular) poems, and the poem "Hunting Stories" are highlighted. The obtained results can be used in the educational and research process.

Keywords: Adyghe (Circassian) literature, poetry, Uvzhuk Tkhangapsov, lyrics, value orientations, genre, genre form, poetics.

For citation: Khavzhokova L.B. Poetic work of Uvzhuk Tkhangapsov: value orientations, genre paradigm, poetics. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 394-409. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-394-409. EDN: UCSHEE.

© Khavzhokova L.B., 2025

Научная статья

ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО УВЖУКА ТХАГАПСОВА: ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ, ЖАНРОВАЯ ПАРАДИГМА, ПОЭТИКА

Людмила Борисовна Хавжокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, lyudmila-havzhokova.86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9931-7726>

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ поэтического творчества адыгского (черкесского) поэта и писателя Увжука Аскербиевича Тхагапсова (1961 г.р.). Актуальность и новизна исследования подтверждаются отсутствием в национальном литературоведении научных работ, посвященных заявленной теме. Материалом исследования послужили поэтические произведения, вошедшие в авторские сборники «Колыбель мира» (2001), «Дети бога» (2007), «Крутится земля» (2023), – стихи, короткие стихотворения, сатирические и юмористические стихи, сонеты, поэмы, басни, баллады, сказки. Выявлены основные мотивы и ценностные ориентации, выделены разновидности лирики поэта – философская, патриотическая, гражданская (социально-политические, социально-экономические мотивы), любовная, пейзажная лирика. Рассмотрена жанровая парадигма и поэтика творчества У. Тхагапсова, установлено соответствие/несоответствие некоторых произведений авторскому определению жанра. Выделены сонеты, сюжетные (фабулярные) стихотворения, поэма «Охотничьи истории». Полученные результаты могут найти применение в образовательном и исследовательском процессе.

Ключевые слова: адыгская (черкесская) литература, поэзия, Увжук Тхагапсов, лирика, ценностные ориентации, жанр, жанровая форма, поэтика.

Для цитирования: Хавжокова Л.Б. Поэтическое творчество Увжука Тхагапсова: ценностные ориентации, жанровая парадигма, поэтика // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 394-409. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-394-409. EDN: UCSHEE.

© Хавжокова Л.Б., 2025

Дызэрыт зэманым адыгэ литературэр, дыхуей-дыхуэмейми, езы лъэпкъми хуэдэу, хэгъуэгу зыбжанэкIэ зэкIэщIэчаш, абы кыыхэкIэ къэбэрдей, шэрджэс, адыгей, хэхэс адыгэ (е хыщIыб адыгэ) литературэу зэхэгъэщхьэхукIауэ дытепсэлъыхьын хуей мэхъу. Абы кыкIыркъым ахэр зэщымышу, зэхамэу, атIэ зы жыгым кыкыуэжа къудамэ цIыкIухэу е «зылI и быну» къэлъытэн хуейуэ араш. Апхуэдэу лъэпкъ литературэр гуэшыныр куэд щIауэ къежъа Iуэхущ, абы щхьэусыгъуэ хуэхъуахэри зэмылIэужьыгъуэщ, тхыдэм кыыхэщыж жылагъуэ-политикэ Iуэхугъуэ пыухыкIахэм кыщегъэжъарэ адыгэбзэм и къуэпсхэу литературэбзэу тIу (адыгейбзэмрэ къэбэрдей-шэрджэсыбзэмрэ) къэрал унафэкIэ кыызэраштам и деж щихуыжу. Зы зэман а бзэхэм я алыфбейхэр зэхагъэхъэжу зы бзэ кыыхашIыкIыжыну щIэныгъэлIхэри, тхакIуэ-усакIуэхэри, щэнхабзэ лэжъакIуэхэри, лъэпкъ Iуэху зезыхъэ нэгъуэщI IэщIагъэлI куэди иужь итахэщ, абы щIэныгъэ конференцэхэри кыинэмышI зэхуэс-зэIущIэхэри мызэ-мытIэу ирашIэкIаш, ауэ нобэр кыыздэсым ар яхузэфIэкIакъым. Абы и щхьэусыгъуэри гурыIуэгъуэщ: псалъэм папщIэ, ди къэралым и кIуэцIкIэ нэхъыбэу адыгэ зыщыпсэу хэгъуэгуищым ящыщу Адыгей Республикэм адыгейбзэр щызокIуэ, абыкIэ я телевиденэр, радиор, еджапIэхэр, сабий гъэсапIэхэр щолажъэ, а бзэмкIэ тхылъхэр щытрадзэ, газетхэмрэ журналхэмрэ кыщыдокI. Апхуэдэ дыдэуи Къэбэрдей-Балъкъэрымрэ Къэрэшей-Шэрджэсымрэ я IуэхущIапIэ псоми зэхуэдэу къэбэрдей-шэрджэсыбзэр кыщцагъэсэбэп, абы щыгъуэми къэбэрдейхэмрэ шэрджэсхэмрэ я лексикэм зэщхьэщыкIыныгъэ мащIэхэри иIэу. Бзэхэм нэмышI, щIыпIэ щхьэхуэхэм диалектхэмрэ говорхэмрэ щызокIуэ. А псор къэплъытэмэ, мызыгъуэгукIэ гурыIуэгъуэраши, адыгэр щIыпIэ-щIыпIэкIэ зэпэлэщIэу щытыхукIэ икIи лъэпкъ литературэр кыызэрагъэщI бзитIыр щылэхукIэ, «къэбэрдей», «шэрджэс», «къэбэрдей-шэрджэс», «адыгей», «хэхэс адыгэ» терминхэмкIэ езы адыгэ литературэри зэхэдгъэщхьэхукIын хуей хьунуш [более подробно об этом см.: Хавжокова 2022: 773-813]. Апхуэдэ гуэшыкIэм упщIэ бжыгъэншэхэри зэдауэ мыхуыжхэри кърокIуэ, ауэ щхьэж дызыхуейр жытIэкIэ зэфIэкIыркъым, сыт хуэдэ къэхутэныгъэри, ар тхыдэм, щэнхабзэм, бзэм, IуэрыIуатэм, литературэм е нэгъуэщI унэтIыныгъэхэм ехьэлIауэ ирехъуи, зытещIыхьыпхьэр Iуэхур зэрыщыт дыдэраш.

Адыгэ литературэм и Iуэхур зэрыщытыраши, XX лIэщIыгъуэм и 20-30 гъэхэм абы и къуэпс щхьэхуэхэу Адыгейм, Къэбэрдей-Балъкъэрым, Къэрэшей-Шэрджэсым кыщцежъа-щызэфIэувахэм я зыужьыныгъэр, куэдми-мащIэми, зыгуэрхэмкIэ зэщхьэщыкIыурэ къогъуэгурыкIуэ – псалъэм папщIэ, жанр зэхэтыкIэкIэ, зытеухуа-зэрыухуа и лъэныкыуэкIэ (усэ гъэпсыкIэри хиубыдэу), уеблэмэ тхыгъэхэм тегъэщIапIэ яхуэхъу лъаплэгъэхэмкIэ, нэгъуэщIхэмкIи. Ауэ щыхьукIи, зы лъэпкъ литературэм и къуэпсу щыткIэрэ, ахэр куэдкIэ зэтохуэ, зэподжэж – къапщтэмэ, адыгэм и зэхэщIыкIыр, щылэкIэ-псэукIэр, IуэрыIуатэр,

мифологиер, хабзэр, диныр, тхыдэр кызыэшлэзыкыуэ образхэмрэ абыхэм ехьэллэ гупсысэхэмклэ («национальное своеобразие» жыхуэтлэмклэ) зэрыпсыхьамклэ. Ахэраш лъэпкым псэемыблэжу хуэлажыэ тхаклуэ-усаклуэ нэсхэм я тхыгъэхэм нэхьыбэрэ лъабжыэ яхуэхьур. Арщхьэклэ къедбжэклэ лъаплагъэхэр куэдым я лэдакыэшлэкхэм мащлэ-мащлэурэ хэухуэнауэ яхэплагъуэми, зи творчествэ псор адыгагъэмрэ адыгэм и дуней лъагъуклэмрэ я гъуджэу гъэпсахэр закыуэтлэакуэххэщ – Кларашэ Тембот, Мэшбашлэ Исхьэкъ, Гъубжокыуэ Лиуан, Ютгыж Борис, Уэрэзей Афлик, Бештокыуэ Хьэбас, Бемырзэ Мухьэдин, Бицу Анатолэ, Тхьэгъэпсэу Увжыкыуэ, ныбжыклэ нэхь щлалэхэм ящыцу Бемырзэ Зураб, Чэнджэщауэ Артур сымэ хуэдэхэраш, зи цлэ кытлуэну кыытщыгъупщэнклэ хьун нэгъуэщлэ зыбжани яхэту. Мы гупым адыгэ литературэм и адыгей, къэбэрдей, шэрджэс кыуэпс нэхьыщхьыщри кызыэшлэубыдэ. Мыбы хыхьэ дэтхэнэ тхаклуэ-усаклуэми гулыгытэ лей хуэфашэщ икли я нэхьыбэми датетхыхьаш, ауэ нобэр кыыздэсым зи творчествэм дыхунэмысахэри яхэтци, а щыщлэныгъэхэр зэрыдгъээзэклэужыным иужь дитщ. Апхуэдэщ шэрджэс усаклуэ, тхаклуэ, журналист, Урысейм и Журналистхэми и Тхаклуэхэми я зэгухьэныгъэхэм икли Творчествэмклэ Дунейпсо Академием хэт, Къэрэшей-Шэрджэсымрэ Адыгей Республикэмрэ щлыхь зи лэ я журналист Тхьэгъэпсэу Увжыкыуэ Асчэрбий и кыуэр (1961 гъ.кы.) [см.: Адыгские писатели... 2023: 122-126].

Тхьэгъэпсэу Увжыкыуэ тхаклуэ, усаклуэ, щэнхабзэ лэжыаклуэ, щлэныгъэллэ цлэрылуэ куэд зи куэщлэ ираплыкла Инжыдж псыхьуэм, кыуажэклэ Али-Бэрдыкыуэ (Хьэгъундыкыуей) кыыщыхьуаш. Ар дыдэм кыыщыхьуа Бемырзэ Мухьэдин лэщлэыгуэ ппланэклэ узэлэбэклыжмэ пэжу гу лытэгъат «цыхубэ усаклуэ кыудейуэ плы (езы Бемырзэри яхэту. – *Хь.Л.*) кызыдэклэ а кыуажэм ижы угъурлыр Увжыкыуи кызыэрыщлхуам» [Бемурзов 2001: 5].

Тхьэгъэпсэур лъэпкэ литературэм усыгъэклэ кыхыхьаами, иужьрей лъэхьэнэм прозэ тхыгъэхэри и къалэмыпэ кыыпкэ. Абы и лэдакыэшлэкхэр щызэхуэхьэсауэ щхьэхуэу тхылыщ кыыдэклэщ: «Дуней гущэ» [Тхагапсов 2001], «Тхьэм и бынхэр» [Тхагапсов 2007], «Мэклэрахьуэ дунейр» [Тхагапсов 2023]. Мыбыхэм хыхьа тхыгъэхэр жанркли, я ухуэклэкли, зытеухуа луэхугъуэхэмкли, ахэр зыхуэгъэза-зытегъэпсыхьа и лъэныкыуэкли куэду зэмыллэужыгъуэщ.

Тхьэгъэпсэу У. и усыгъэм нэхь кууэу зыщызыужьахэм ящыщ философии, хэкупсэ, жылагъуэ (жылагъуэ-политикэ, жылагъуэ-экономикэ) лирикэ лэужыгъуэхэр. Абыхэм нэхьрэ нэхь мащлэу щытми, усаклуэм и тхылтхэм щлэплэ хэха щаубыд лъагъуныгъэ, пейзаж лирикэм, цыклухэм папщлэ усэхэм, ауанхэмрэ гушылэхэмрэ. Иужьрейхэр усыгъэуи прозэуи тхауэ урохьэллэ. Апхуэдэуи «Мэклэрахьуэ дунейр» тхылым урысыбзэклэ тхэхэри а бзэмклэ зэрадзэклэхэри хыхьаш.

Зыкъомклэ зэпэгъунэгъуу икли языныкыуэхэм деж зэхэгъэшпыпсыхьауэ къаклуэ философии, хэкупсэ, жылагъуэ мотивхэр зи лъабжыэ усэхэм гъащлэм и мыхьэнэр, иджырей лъэхьэнэр, цыхухэм я зэхэтыклэ-зэхушытыклэхэр луыщлэу кыыщыгъэлъэгъуаш. Апхуэдэхэм гупсысэ нэхьыщхьэу щыпхрышар усаклуэр зыгъэплейтей, зытегузэвыхь луэхугъуэхэрщ – клэу пэтми лъэпкым и цыхухэм бзэр, хабзэр, цыхугъэр, гъэсэныгъэр, напэр, пэжыгъэр, лыгъэр, уеблэмэ езы

Ухыгъэ дыдэри ІэщІыб ящІу, мылъкумрэ щхьэхуещэ псэукІэмпрэ япэ зэрырагъэщырщ. Мис, псалъэм папщІэ, усэ зэмылІэужьыгъуэхэм дызыщрихьэлІэ шапхъэ зыбжанэ: «*Иджы гупсысэр псыдзэу къэутхъуауэ, / ЕмыкІури екІури тфІызэхозэрыхь. / Ямыгъэса нэхьыщІэхэр сэхъуауэ, / Нэхъыжъ хьэлынишэм хуамыщІыжу дзыхь*» [Тхагапсов 2023: 49]; «*Нобэ куэдым Тхьэ зэхуаІуэ, / ЯмыІэжми Тхьэ*» [Тхагапсов 2023: 55]; «*Мысэм щІегуэ хейр, – / Хеш щІыхьынишэ гъуэгур*» [Тхагапсов 2023: 79]; «*Къару зыгъуэтыр хабзэм доджэгу зэхифыщІэу, / Адэ щІэиныр цейжъ пытхъахуэ къыфІэщІу*» [Тхагапсов 2023: 88], «*“Напэ уиІэ?” – жиІэу нэкІум тоуІуэж, / Жыгым фІэс кІыгугуу и цІэр ирелуэж. / Бегъымбар хъуа фІэщІми, зэрыщІыху жьгъейщ, / А нэмэз зыхуищІри Тхьэуэ фІэщ щІыгъуейщ...*» [Тхагапсов 2023: 196], н.ку.

А псор къыщритхэкІкІэ усакуэм фадафэхэм, къулыкъущІэкъухэм, щыкІахэм, щытхъу лыхьхуэ зэпытхэм, сондэджэрхэм я образ гуемыІухэр сурэтым хуэдэу уи нэгү къыщІегъэувэ, уеблэмэ, и губжыр къытекІуэу, мис мыпхуэдэу гуащІэІуэу щыпсалъи къыхэхуэу:

*ЦІыхугъэнишэ-щІыхьынишэ бажэжъ,
Къэрал хабзэр здыхуеймкІэ зышэщІ,
ЩІакІуэ Іув, щІакІуэ быдэ, бэшэч!.. –
Напэ Іув, напэ быдэ, куэпэч!!!*
[Тхагапсов 2001: 30]

Мыпхуэдэ усэкІэм художественнэ лъаплэгъуу хэлъыр мащІэми, ар зи ІэдакъэщІэкІыр абыкІэ бгъэкъуаншэ хъуну къыщІэкІынкъым, сыту жыпІэмэ, япэрауэ, дэтхэнэ усакуэ нэсми хуэдэу, ар, мыхъумыщІагъэ лъэпкъ и гум худэмыгъахуэу, пэжым и телъхьэщІи. ЕтІуанэрауэ, мыр Тхьэгъэпсэу Увжыкъуэ зэсагъэжъу сыт щыгъуи зытет и тхэкІэ хьэлкъым, и гупсысэр нэхъ шабэу, телъэщІауэ икІи куууэ къызэриІуэтэн Іэзагъэ бгъэдэмылъуи щыткъым. ИужьреймкІэ щыхьэтщ абы и адреи усыгъэхэри прозэ тхыгъэхэри. Абыхэм къазэрыхэщымкІэ, ар къэзыухъуреихь псоми яхущІэбжэу, тхьэусыхафэр игъэшү псэухэм икІи апхуэдэу тхэхэм ящыщкъым. Сыт хуэдиз гутехуэгъуей, гъэпщІагъэ, фэрыщІагъ гъащІэм щримыхьэлІами, а гъащІэм и ІэфІагыр усакуэм зэхешІэ, абы нэхъ лъаплэ зэрыщымыІэри фІуэу къыгуроІуэ. И зы усэм деж щетх:

*Гугъэ нэхухэр гуауэу лъэлъэжами,
Угужсьейуэ гугъэр къуэпльхьэжами,
НасыныщІэм уегъэгүфІэжыф. –
Сыту гъащІэр гъэщІэгъуэну ІэфІ!..*
[Тхагапсов 2007: 10]

НэгъуэщІ и зы усэм дежи усакуэм гъащІэр фІуэу зэрилъагъур къыхэщү, абы ифІри и Іейри гурэ псэкІэ къищтэу, фІыщІэ псалъэкІэ зыщыхуегъазэ:

*УкъызгурыІуэн си гугъэу, гъащІэ,
Мы дунеижьым сыщохъэщІэ.
<...>*

*СыбгъэдэжэлакIи – сымыхыцIэ.
Къысхууигугъэри сымыцIэ...
Насыну сIэр зы IэмыцIэ?!
ТIум цыгъуи уэ пхузоцIыр фIыцIэ.
[Тхагапсов 2007: 12-13]*

Философие лирикэм пэгъунэгъуу, языныкъуэхэм дежи абы и зы къуэпсу, Тхьэгъэпсэум и тхыгъэхэм жылагъуэ мотивхэр къахощхьэхукI. Абыхэм цIыхухэм я зэхэтыкIэ-зэхуштыкIэхэм кIуэ пэтми хэпщIыкIыу зэрызахъуэжыр, щэн-къэщэхун Iуэхухэр гъащIэм тепщэ зэрышыхур, щIэблэм гъэсэнэгъэ екIу зэрахэмылгыжыр, нэгъуэщI куэди къызэщIаубыдэ, жылагъуэ Iуэхухэр политикэм щыхуэкIуэжи къэхуу.

БлэкIа лIэщIыгъуэм и 90 гъэхэм, «перестройкэ» цIэр зытIуыкIа лъэхъэнэм, ди къэралым щекIуэкIа зэхъуэкIыныгъэшхуэхэр гъащIэм и гъуджэу къалтытэ литературэми къытешащ, абыхэм тхакIуэ-усакIуэхэри хуит зэращI мардэрэ я зэфIэкI къызэрихькIэрэ пэджэжахэщ, гуащIэIуэу, пхъашэу жыпIэ мыхъунухэр щIагъыбзэм щIагъапщкIуэу е гушыIэм хуагъакIуэу; ноби абы тетхыхьхэр щыIэщ. Тхьэгъэпсэу Увжыкъуи кыхьэдгъэща лъэхъэнэри иджырей зэманри къызэщIэзыубыдэ апхуэдэ тхыгъэ зыбжанэ иIэщ – «Перестройкэ» (ауан; 1997), «Iуэху гуэри мэкIуатэ» (2014), «Ей, Америкэшхуэ» (ауан; 2014), «И снова в бой» (2022) жыхуиIэхэр. Я фIэщыгъэхэми къызэрагъэлъагъуэщи, мыбыхэм къэрал кIуэщI зэхэтыкIэ къудейр мыхъуу, дуней псом щызэрахъэ икIи щызэрахъэ жылагъуэ-политикэ Iуэхухэр кыхьощ. УсакIуэ набдзэгубдзаплъэм хеймрэ мысэмрэ хъарзынэу хузэхогъэкI, языныкъуэ къэралхэмрэ къэрал унафэщIхэмрэ ялэжь щIэпхъэджагъэхэр, абыхэм цIыхубэм ирах лейр сэтэй къешI икIи, къалэм нэхъ Iэщэ IэщIэмылгу, и псалъэ шэрыуэхэмкIэ апхуэдэхэм япэщIэтщ.

ИщхьэкIэ къызэрышыхьэдгъэщащи, Тхьэгъэпсэу У. нэхъыбэ дыдэу зыгъэпIейтейри, гуфIэгъуэ-гугъапIэкIэ зытетхыхьри, и хэкупсэ лирикэр зэрыштыу къызэщIэкъуауэ зытегъэпсыхьари лъэпкъ Iуэхуращ. Абы теухуауэ усакIуэм и Iэдакъэ къыщIэкIа усэхэр я бжыгъэкIэ куэд мэхъу: «Ди адыгэбзэ», «Адыгэ пщащэм», «Хабзэжь уардэ», «Адэжь лъахэ», «Хабзэжь», «Адыгагъэ», «Адыгэ Iэнэ», «Адыгэ», «Си насыпщ», «И насыпщ», «Сытесщ адыгэш», «Ди Хэку и уафэ», «НэхъыжьыфI», «Лъэпкъ бэшэч», «Лъэпкъ щхьэмыгъазэ», «Гугъуш уадыгэну» (Бемырзэ Мухъедин и усэм пэджэжу), нэгъуэщI зыбжани. Мыбыхэм къыщыIуэтахэр зэхэплъхьэжмэ, адыгэм и дуней псо къагъэщI: лъэпкъым и гупсысэкIэр, Iуэху зехьэкIэр, и тхыдэр къызэрыгъуэгурыкIуар, нобэ иIэ хъуа псэукIэр, адыгэ хабзэ екIур, хэкум и дахагъыр, адыгэ шхыныгъуэхэм я IэфIагъыр, адыгэлIым и хахуагъыр, адыгэ пщащэм и теплъэ гуакIуэмрэ хьэл-щэн Iэдэбымрэ, адыгэшымы и жэрагъымрэ бэшэчагъымрэ, анэдэлъхубзэм и къулеягъымрэ шэрыуагъымрэ икIи нэгъуэщI куэди IупщIу уи нэгъу къыщIагъуэу. Псалъэм папщIэ, блэкIам хуеплъэкIыж-хуехъуэпсэкIыжу, усакIуэм и зы усэм мыпхуэдэу щетх:

*А лъэпкъыр дэгъагъэт адэжь Хабзэ екIум,
Нэхъ уарди имысу яIуатэт мы Хэкум.
Вагъуэбжу бэгъуауэ шагъдийхэр зэрахуэт,
ЦIыхугъэ – Тхьэ Хабзэр мыбзэщхуу зэрахьэт.
[Тхагапсов 2023: 90-91]*

*Адэжыхэр нсэуц гуацІэхукІэ гукъэкІыжыр,
Гугъэр дуІэхукІи нсэр ІэфІ кыытфІегъэцІ.
Къухъэжми Дыгъэр, гуфІэу кыыкъуокІыжыр,
Ицтэжми зы нсэ, нсэцІэ Тхъэм къегъэцІ.
[Тхагапсов 2023: 101-102]*

*БлэкIам хуэфаицэу яIэиц плъанIэ,
ИкIи яицIэтиц адэжсьхэм ялъ.
Теувэ хъуми иIакIуэ kIанэ,
ЖрагъэIэнуиц «АдыгэлI»!
[Тхагапсов 2023: 77-78]*

ИщхьэкIи кызырыхэдгъэщаци, сыт и щхьэусыгъуэми, Тхьэгъэпсэу У. и усыгъэм лъагъуныгъэ лирикэр хэпщIыкIыу щынэхь мащIэщ. ЗыкъомкIэ ар

хуэпхь хъуну кышцІэкІынщ адыгэлІым и гухэлъыр зэІухауэ иІуатэу зэрымы-хабзэм, ди зэманым апхуэдэ Іуэху еплъыкІэм куэд темытыжми. Абы щыгъуэми усакІуэм и тхылъхэм гухэлъ усэ Іэрамэхэми уащрохьэлІэ. Ахэр гурышцІэ нэхурэ лъагъуныгъэ куукІэ гъэнщІахэщ, абыхэм гуфІэгъуи гуауи щызэщІэлъщ. Псалъэм папщІэ, усакІуэм и тхыгъэхэр псори кышщызэщІэкъуа «МэкІэрахъуэ дунейр» ещанэ тхылъым лъагъуныгъэ лирикэр «Гухэлъ макъамэ» фІэщыгъэм щІэт Іыхъэ щхъэхуэу итщ. Абы хыхъахэщ «Гукъеуэ уиІэм», «Уи гъусэщ си гур», «Уэсыр сигу пыкІкъым», «Пальэншэ гухэлъ», «СиІэщ гугъэ», «ПцІащхъуэ», «Дытету нэпкъ зырызым», «Жэщмыжей» усэхэр, нэгъуэщІ зыбжани. Мыхэр щІэбджыкІа нэужь, «ПцІащхъуэ» усэр лъэныкъуэкІэ «къахокІуэт» – япэрауэ, абы кышщыхъуа-кышщыщІауэ усакІуэм къритхэкІахэм зэман кІыхькІэ уа-мыутІыпщыжу узэрызэщІаІыгъэмкІэ. Мис мыбдежым псом хуэмыдэжу наІуэ щохъу Бемырзэ Мухъэдин: «Увжыкъуэ <...> и усэхэм укъеджа нэужькІэ ахэр ма-мыру лъэныкъуэкІэ зэбгъэтІыльэкІыжу, зэуэ уи Іуэху пщІэуэ уе-жъэжыфыркъым...» [Бемурзов 2001: 5], – жиІэу щІитхыгъар.

«ПцІащхъуэр» строфаиплІу зэхэт усэщ, ауэ абы балладэм и нэщэнэ нэхъыщхъэхэр хыболъагъуэ – зы сюжет унэтІыныгъэр, гуащІэу екІуэкІ Іуэхугъуэр, зэфІэхыпІэ зимыІэ конфликтыр (мыбдежым – «внутренний кон-фликт»-кІэ зэджэр), лыхъужь нэхъыщхъэм и лІэныгъэу тхыгъэм кІэІунэ езытыжыр. Усэм кыххэщ пцІащхъуэ зэрыбыныр «антропоморфнэ образ» жыху-аІэм хуэдэщ – цІыхум и хъэл-щэн гуэрхэр, зэхэщІыкІ-гупсысэр, зэхэщІэр, гуд-закъэр ядэплъагъуу ухуахэщ. Къызэрыхэдгъэщаци, тхыгъэм пэщІэдзи, кІэухи, зызыужь сюжети иІэщ. Япэ строфам деж усакІуэм конфликтыр кызыпкърыкІыр, абы и щхъэусыгъуэр къегъэлъагъуэ – мафІэс къэхъуащ. А теп-лъэгъуэ шынагъуэр абы художественнэ Іэзагъ хэлъу, зэгъэпщэныгъэ, метафорэ, эпитет щІэщыгъуэхэр къыгъэсэбэпурэ къретхэкІ:

*Жыхъэнымэр уи нэгум щІэзыгъэкІ
МафІэсыр уэнжакъ унэм пэлъэщауэ,
И бзийхэр яхуищІауэ Іупхъуэ бжэхэм,
Плъыжъыбзэ и джэбыныр ирешкІ.
[Тхагапсов 2007: 50]*

Мыпхуэдэу гузэвэгъуэкІэ ешэжъа хъуа сюжетыр, дауикІ, фІым зэры-хуэмыкІуэнур гурыІуэгъуэщ. АдэкІэ кыкІэлъыкІуэ строфаитІым деж конфлик-тым зыщеужьри и гуащІэгъуэ дыдэм (кульминацэм) нос: унэ къуапэм кІэрыщІыхъа абгъуэм ис шырхэр къыгъанэу лъэтэжын лъэмыкІыу, пцІащхъуэ-анэм и бынхэм зарекъузылІэ. ПцІащхъуэ-адэми, гуІэгъуэр къылъысауэ, «насып ІэщІэкІыр кыххуэмыубыдыжу», абыхэм я Іуфэлъафэр къелъэтыхь. Мыбдежым укыщеджэкІэ пцІащхъуэ унагъуэр зыгуэрэм къригъэлыну ущогугъ, икІи, уегупсысмэ, абыхэм я абгъуэр унэ къуапэм щыкІэрыщІыхъакІэ, ар унэ бгынэжауэ щымытмэ (апхуэдэу тхыгъэм кыххэщкъым), дауикІ, цІыхухэр, гъунэгъуу щыІэщ, ахэр къадэІэпыкъун хуейщ... АрщхъэкІэ, балладэм зэрыщы-хабзэу, Іуэхур гуузу еух – пцІащхъуэ зэрыбыныр мафІэсым хокІуадэ. Апхуэдэу щытми, гущІыхъэ е гукъынэж тщыхъун къудейр аракъым тхыгъэм и гупсысэ

нэхьыщхэр, и щIаггыбзэр зыхуэунэтIар, абы щIэлъ философьер куэдкIэ нэхъ кууш: езы гъащIэри щхьэузыхъ зыхуэпщI хьун лъаплъагъэхэрщ – пэжыгъэрщ, лъагъуныгъэрщ, адэ-анэм я псэ зэхэлъыкIэрщ – усакIуэм зи гугъу ищIыр. Псом хуэмыдэу ар усэм и кIэух ещанэ строфам деж щынэрылъагъуш. ПцIащхуэ-адэр и унагъуэм

*ДэIэныкъуфкъым... Абгъуэр къошэтэх,
ИкIуадэу пцIащхуэ быныр мафIэ Iэгум...
ЩилъагъукIэ ар, зелэт, йохъэжри уэгум,
Зыкыхедзэж и абгъуэр зыс мафIэкум...
[Тхагапсов 2007: 50]*

Строфа бжыгъэкIэ зэрымашIэр, итIанэ абы кышщIэта Iуэхугъуэм жылагъуэ мыхьэнэ иIэу, цIыхубэр кызыщIикъуэу зэрыщымытым и гугъу умыщIмэ, зы лъэныкъуэкIэ, мы тхыгъэр балладэу къэплъытэныр щыуагъэкъым. НэгъуэщI лъэныкъуэкIэ, къэдгъэлъэгъуа щыщIэныгъэ машIэхэр тхыгъэр балладэ жанрым хуэзышэ гъуэгум фIэкIыпIэншэ лъэпошхьэпоуэ кытеувэ нэужькIи, абы щыгъуэми «ПцIащхуэр» усэ кызызэрыгуэкIкъым, атIэ сюжет зиIэ усэщ – урысыбзэкIэ «сюжетный стих» е «фабулярный стих» жыхуалэраш.

Лъагъуныгъэ лирикэм и зыужьыпIэр цIыхухъумрэ бзылхугъэмрэ я зэхуаку кыдэхуэу гурыщIэм деж кышщIувыIэркъым. Лъагъуныгъэр езыр плъыфэбэщ, къуэпсыбэщ, абыкIи лъаплэщ. Тхьэгъэпсэу У. и адэ-анэм яхуигъэпса усэхэри лъагъуныгъэ лирикэм хэдгъэхьэми дышщIуэнукъым, сыту жыпIэмэ, «Си адэ», «Анэ», «Пщхьэщымытыжмэ адэр», «Си анэ», «Си адэм и гъуэгу», «Анэм и сурэт» усэхэр гухэль куукIэ гъэнщIахэщи. Мы тхыгъэхэм дежщ усакIуэр псом хуэмыдэу щынэхъуеиншэр, щыхейр, и сабиипсэр къабзэр щихъумар.

Ныбжьэгъугъэри, къуэшыгъэри, уеблэмэ адыгэхэм Iыхьэ лейм икIауэ ягъэлаплэ зэгъунэгъугъэри лъагъуныгъэм и зы лIэужьыгъуэщ. Тхьэгъэпсэум и усыгъэм и ныбжьэгъухэмрэ и къуажэгъухэмрэ яхуигъэфэща усэхэми щIыпIэ хэха щаубыд: «Шэрджэс Алий» (2006), «Гу пщтыр мызагъэ» (Шэрджэс Алий и фэеплъу; 2021), «Къыр щэща» (Пхъэш МуIэд и фэеплъу; 2001), «Иджырей шэрджэсхэр» (Жыкъуэ Аслъэн и фэеплъу), «ЗекIуэлI» (Нэхуш Мухьэмэд и фэеплъу), «ЩIэблэм» (IутIыж Борис и фэеплъу), «Зэтрилхьащ и наплэр» (Шыд Юрэ и фэеплъу), «Фыпсэуш ди къуэшхэр» (Абхъаз зауэм хэкIуэда доброволецхэм я фэеплъу), «Согъей ныбжьэгъур» (Афган зауэм хэкIуэда си ныбжьэгъу Къушхьэ Iэуес и фэелъу), «Къуажэхь» (Бемырзэ Мухьэдин хуэгъэза ныбжьэгъу шарж), нэгъуэщIхэри.

Жанр икIи жанр фашэ и лъэныкъуэкIэ ухэплъэмэ, Тхьэгъэпсэу У. и IэдакъэщIэкIхэм яхэтщ усэхэр, усэ кIэщIхэр, сюжет зиIэ усэхэр («фабулярный стих»), сонетхэр (еzy усакIуэм жанрыр имыгъэнахуэми), сабийхэм папщIэ усэхэр, ауанхэмрэ гушыIэхэмрэ (усыгъэуи, прозэуи тхауэ), басняхэр, таурыххэр, шыпсэхэр, рассказхэр. КъедбжэкIа къудейми къегъэлагъуэ усакIуэм лъэпкъ литературэм жанркIэ зегъэужьыным ехьэлIауэ хуищIа хэльхьэныгъэр зэрымымашIэр. Абыхэм ящыщу сонетхэм кытеувыIэн хуейш.

Тхьэгъэпсэум и тхылъхэм езым сонету кыргъэлъэгъуауэ зы тхыгъи иткъым, ауэ абыхэм ящыщ зыбжанэ а жанрым хуэфIу йозагъэ – «Налшык», «ЩыкIым щысхь имыIэ», «Мэбанэ хьэр», «Илгъэс хыщI», «ДиIэжкыым нэхъыжь», «ГурыфIыгъуэншэ», «Гур мэлIейтей» жыхуиIэхэр. Я купщIэм, кышщыIэта упщIэхэм, зытепсэлъыхь Iуэхугъуэхэм тепщIыхьмэ, мыбыхэм я нэхъыбэр зыхиубыдэр иужьрей лъэхъэнэм нэхъ зызыужьа философии сонет лIэужьыгъуэраш. Псалъэм папщIэ, «ЩыкIым щысхь имыIэ» сонетым гъащIэм и хабзэ нэхъыщхьэхэри, лъэпкъым и щыIэкIэ-псэукIэри, езы усакIуэм и дуней тетукIэри (автобиографизм хэлъу) щызэхэхуэна гупсысэхэр щыпхрышащ. И гъэпсыкIэми занщIэу дриплъэн папщIэ сонетыр зэрыщыту къэтхын хуейщ:

<i>Нэхъ лъэщым зэй щытакъым <u>сыщышынэу</u>,</i>	A
<i>ЗыщызгъэцIыкIу сом цхьэкIи <u>къэмыхъуа</u>.</i>	b
<i>ИкIи напэниэм <u>сыккыхуэгъэшыну</u>,</i>	A
<i>Тхьэм техъэ-текIыу <u>сыккымыгъэхъуа</u>.</i>	b
<i>Сопсэу си гъуазэу адэм и <u>пэжагъыр</u>,</i>	C
<i>Губгъэн хуэзмыщIу мылкъум <u>щигъэкIам</u>.</i>	d
<i>Зепхъэну мыфейдэми <u>адыгагъэр</u>,</i>	C
<i>ЩымыIэ ар зезыхъэм <u>къефIэкIа</u>.</i>	d
<i>Псэ Iуту къалгъхуу мылIэжын <u>щымыIэ</u>,</i>	E
<i>Шхын Iыхьи иIэу псори Тхьэм <u>къегъэщI</u>.</i>	f
<i>Ауэ сэхъуа цхьэхуэфIхэм щысхь <u>ямыIэ</u>, –</i>	E
<i>ЗытекIуэр ялIми яшхми <u>замыгъэнищI</u>...</i>	f
<i>Сыт яшхми, ахэр зэтолIэж <u>хьэпIацIэу</u>,</i>	G
<i>Бын къащIэнахэр напэ цхьэкIэ <u>нацIэу</u>...</i>	G

[Тхагапсов 2023: 27]

Сонетым и рифмэ ухуэкIэри и строфа зэкIэлъыхьыкIэри инджылыз фащэм итщ: катренищрэ гупсысэр кыызэщIэзыкъуэж сатыритIу зэхэтщ, сатырхэр мыпхуэдэ щыкIэм тету рифмэкIэ зэпыщIащ – AbAb CdCd EfEf GG (цIыхубз рифмэхэр хьэрфышхуэкIэ, цIыхухъу рифмэхэр хьэрф цыкIукIэ къэгъэлъэгъуаш). Абы кышщынэмыщIауэ, тхыгъэр сонетым нэхъ хуэщу къалытэ стопаитху ямбым и жыхьэмкIэ тхаш, зы щыпIэ гуэрхэм деж ар кызыыхуэтыншэ дыдэ мыхъуами. Мис, псалъэм папщIэ, етIуанэ катреным и ухуэкIэр:

○ – ○ – ○ – ○ ○ ○ – ○	пир. 4 ¹
○ – ○ – ○ – ○ ○ ○ –	пир. 4
○ – ○ ○ ○ – ○ ○ ○ – ○	пир. 2, 4
○ – ○ – ○ – ○ ○ ○ –	пир. 4

Мы гъэпсыкIэр адрей катренхэми, иужьрей сатыритIми (дистихым дежи) щыболъагъу. Къэдгъэлъэгъуа щхьэхуэныгъэхэр зэхэплъхьэжмэ, дызыхэплъа усэр сонету зэрыщытым щыхьэт тохъуэ.

¹ Пиррихий зытет стопар къэгъэлъагъуэ.

Тхыгъэхэм я ухуэкIэм мащIэу я гугъу щытщIакIэ, Тхьэгъэпсэур усэ гъэпсыкIэми зэрыхуэкIэуэлякIуэр кыхьэгъэщын хуейщ. Абы и IэдакъэщIэкIхэр утезашэу зы кыупхьэм иту псыхьакъым, атIэ языныкыуэхэм деж усакIуэм, псалъэхэри, рифмэхэри усэ жыпхьэхэри, стопа бжыгъэ зэхуэмыдэхэри зэридзылIэ-зэдигъэджэгугу щIыкIэурэ, абыхэм я купщIэм пэджэж ритмикэ зэмылIэужыгъуи ящIельхьэф. Зи гъэпсыкIэр нэхъ гъэщIэгъуэнхэм, зи ритмикэр нэхъ щIэщыгъуэхэм ящыщ «Псэмрэ Iэпкыльэпкымыр», «Сыту гъащIэр гъэщIэгъуэну IэфI!..», «БжыхьэкIэ», «Тхьэм и бынхэр», «Дыгъэмыс» («Дагомыс»), «ЩакIуэм и хьыбар» жыхуиIэ тхыгъэхэр. Иужьрейм нэхъ гупсэхуу кыытеувыIэн хуейщ.

«ЩакIуэм и хьыбар» тхыгъэр езы усакIуэм и тхыльхэм таурыхьыу кыыщигъэлыгъуащ, арщхьэкIэ и купщIэкIэ таурыхьми, и зэхэлъыкIэкIэ, образ къэгъэщIыкIэкIэ, сюжет ухуэкIэкIэ, апхуэдэуи эпикэ гупсысэкIэм зэрытещIыхьамкIэ ар поэмэу къэлъытапхьэщ. Пэжщ, абы IуэрыIуатэ таурыхьыр и лъабжьэщ, ауэ аркбудейкыым, и кIыхьагъкIэ мифри (миф персонажхэр, миф мотивхэр, миф щIыпIэхэр) бгъуфIэу кIуэцIрокI. А псор къэплъытэмэ, тхыгъэр поэмэ жанрым зэризагъэм нэмыщI, абы и жанр фащэри IупщI мэхьу – дэ дызэрэплъымыкIэ, ар поэмэ-мифщ.

Тхыгъэм и пэщIэдзэм деж кыыщегъэжъауэ и кIэухым нэсыхункIэ уимыутIыпщу удэзыхьэх сюжет гъэщIэгъуэн иIэщ. Абы и лIыхьужь нэхьыщхьэу хьыбарыр къэзыIуэтэжыр зы махуэ гуэрым «пылыпкъ-пылынэ» хьужауэ зы бгъэшхуэ ирохьэлIэри ахэр зэпэщIоувэ, щакIуэм и куэпкыым бгъэм и пэр хехуэ, езы щакIуэми бгъэм и нэ лъэныкыуэр къреху. Бгъэр игъэлэсэу и пэр клапсэкIэ пипхыкIа нэужь, щакIуэр абы и пэбгым допщейри абдежым зы сыхьэт щощхьэукыуэ. ЗэрыхуэбгъэфэщэнкIэ, адэкIэ тхыгъэм кыыщекIуэкIхэр щакIуэм илъягъу пщIыхьэпIэщ. Мы Iуэхугъуэми – сюжетым пщIыхьэпIэр кыызэрыхыхьэм икIи и нэхьыбэкIэ абы тешIыхьауэ зэрыщытым – зи гугъу тщIы тхыгъэр поэмэ-мифым и жанр фащэм зэризагъэр иджыри зэ щIегъэбыдэ. АдэкIэ абы кыыщыхьу-кыыщыщIэ псори, дызыщрихьэлIэ антропоморфнэ персонажхэри, поэмэм и кIэухри жытIам щыхьэт тохьуэ. Бгъэм и пэбгым шэса щакIуэр вагъуэм дрехьей, абы дуней телъыджэ и нэгугу щыщIокI, зищIыс-зыщыщ дьдэри кыыпхуэмыщIэ псэущхьэ гуэрхэм шаIуошIэ икIи тхыгъэм и кIэухым деж ар «шыжь» нэ лъэныкыуэм щIыльгэм кърехьэхыж. Пэжщ, зэ еплъыгъуэкIэ, сюжетыр кыызэрыгуэкIыу пфIэщIынуш, ауэ усакIуэм и къэIуэтэкIэмрэ образ ухуэкIэмрэ нэхьыфI уигъэлъыхьуэну зэпэщщ, уеблэмэ языныкыуэхэм деж укыигъэуIэбжьу гъэщIэгъуэнщ. Мис, псалгэм папщIэ, вагъуэм щыпсэхуэм я «шыфэлIыфэр» усакIуэм кыызэригъэлыгъуэр:

*... Къытыту я кIэхэм я цхьэр,
Я цхьэнишэ пкыхьэр зэфIэтищ.*

*ЦIыхуIэщ яфIэтыр зэуэ,
Iэбжъанэ фIейхэри кIырищ.
Я щIыбыр кыысхуэгъэзауэ,
КъысIуплгъэ я нэхэр плъырищ.*

*Джанэнишэ япкь Iуплэгъуэджэм
Щыгъын ямыщIэ кыпфIоуцI.
Жьэпкьым еуалIэ гъуэниэджым
И лъапэм шьид лъакъуэ кьоц.*

*Шьид лъэбжъанэжъхэр лыдыжу
ДыщэпскIэ зэхэлыхъащ.
ХьэщIагъ кызах я гугъэжу,
Жин джэгури зэхаублащ.
[Тхагапсов 2023: 166]*

Мыпхуэдэу телъыджэ защIэщ адэкIэ тхыгъэм дызыщрихьэлIэ псори: ищхьэкIэ кьэдгъэлыгъуа персонажхэм я унэлуту кыхэщ удхэри («Я мэл Iэпкълъэпкьыр зэфIэту, / ЛъакъуитIкIэ ахэр зокIуэф. / Цыхуицхьэ екIуи яфIэту, / ТэрмэшкIэ зэгуроIуэф» [Тхагапсов 2023: 167]), «абджыхуу и джийр» псынэ гуащэри, «дыщэ IэдэшхуэкIэ зэгукIа щIыгур зэхуэзышэж» лыжьри. Иужьрейр жинхэм я пашэм и нэкIэ кызырыщыгъэлыгъуам тхыгъэр нэхъ гъэщIэгъуэныж ещI. «Дзыбэ дзыусщ» зэрыжаIэу, жиным цыху сурэтым ит, цыхугъэ зыхэлъ, Iуэху щхьэпэ зылэжъ лыжьым теухуауэ мыхэр кьепсэлъ:

*– А лIыр мэпсэу кыидэижу,
ЕмыкIур екIуу кыицохъу.
И Iэпкълъэпкь фаджэм декIужу
Щытыжси, худоуцI гуицIэгъу.*

*Дэ жытIэр кыиддыжсмыIэ,
Iэбжъанэ кIыхъ имыгъэкI.
Шьид лъакъуэ дахи имыIэ,
Щхьэр кIэпкькIи кримыхьэкI.*

*Дэр хуэдэу мыкьуй и щхьэжъыр,
Нэбжъыцри зэй имыуис.
Сэбэп и гугъэу илэжъыр,
ЩыгубжъкIэ кыитфIеи «пцIыуис».*

*Щыдагъэ щIыгум кыидэжмэ,
Мажэри шхэпскIэ едыж.
ЖыгыщIэ гуэр кърачамэ,
Здыхэта дыдэм хетIэж...*

*Аргуэру, еплъыт, хуэпIащIэу,
Щы зэгучар зэхуеиэж.
Ар хъуамэ, Iуэхур зи бацэу,
ДыркъуэщIэ лыхъуэу йожъэж.*

*Хуэзгъатхэ пэтми си удхэр,
Гъуэгу пэж тесиэнэу слъэмыкI.
Я къуэищи ар унэлутхэм,
Дэщхъ хъуну и гум къэмыкI...
[Тхагапсов 2023: 170-171]*

Мыбы укышщеджэкIэ Бальзак и зы Iушыгъэ уигу къегъэкIыж: «Псори щытхышэм пкыбфIэр лъагъугъуей щохъу» – «Там, где все горбаты, стройность становится уродством»¹ жыхуиIэр. Мыбдежми аращ – жиным цIыхур фIэлагъугъуейщ. Зэ еплъыгъуэкIэ, мыр дыхъэшхэнщ, ауэ нэгъуэщI лъэныкъуэкIэ ухэплъэмэ, Iуэхур куэду дыхъэгъщ. Жиным и псалъэхэмкIэ усакIуэм и тхыгъэм щIагъыбзэ куу щIилъхъащ: нэхъыщхъэу абыкIэ къыгъэлагъуэр иджырей зэманым цIыхухэм я зэхэтыкIэ, дуней тетыкIэ хъуахэрщ. Дызэрижагъуэщи, куэдым цIыхугъэр, цIыху хъэл-щэныр яфIэкIуэдащ, я напэр мылкъукIэ ящэжащ, щыклахэщ, я теплъэ къудейкIи цIыху сурэтым иклахэри гъунэжу яхэтщ икIи апхуэдэ дунейм захуэу, псэ къабзэу, гущIэгъу хэлъу къытенэжа закъуэтIакъуэхэр ауан ящIу къызэхэнащ.

АдэкIэ поэмэм лъэпкъ Iуэхури щIагъыбзэ куукIэ къыхохъэ, нэхъ зэIухауэ жыпIэмэ, нобэкIэ лъэпкъым езым и хабзэр IэщIыб ищIыжкIэрэ икIи хамэхэм ядэплъейкIэрэ езым и IэкIэ зэрызиукIыжыр лIыжым и псалъэхэм щIэгъэлщкIу-ауэ тхыгъэм къыщокIуэ. Нэхъ куужу ухэплъэмэ, адыгэм и тхыдэр къызэрэкIуэкIам и клапэлапэ гуэрхэри (псалъэм папщIэ, зэгуэр абы и щIыналъэр Iуэу къызэрабзыхъар) хыболъагъуэ. Мыращ тхъэмадэм жиIэр:

*– Вагъуэбэр Тхъэшхуэм къыгъэщIу,
ЩIыгуищэ къыщыхыхам,
Мы вагъуэ плъагъур щIы нэщIу
Дэ япэу дыкъехыгъат.*

*Тхъэшхуэ унафэм дыщIэту,
Мы щIыльэр дгъэщIэрэщIат.
ЩIыхъым, пэжагъым дытету,
Хабзэ зэкIуж къэдгъэщIат.
<...>
Ауэ гу бзаджэу, щхъэхуеуэу,
КъытхэкIыу хъуащ щхъэзыфIэфI.
Ягу ирихъ хабзэр зэIуащэу,
Щыхуейм деж ящIу ней-нэфI.*

*Псэ къабзэр хъури жыIэщIэ,
Щхъэхуеуэр хъуащ унафэщI.
ДащIащ ХАБЗЭЩХУЭМ нэIэщIэ,
КъафIэщIу Тхъэшхуэм нэлъэщ.*

*ИкIи, дэIуахэм емынэ
КъащыщIри, унэIут лъэпкъ
ЗэдыкIэ хъуащ зы къэмынэу,
Хъуащ теплъэкIи мэл Iэпкълэпкъ.*

*Тет хъуахэри щIыбырыкIуэу
КъакIухъу къызэхэнащ.
Тхъэм и IэмыркIэ, зэмыкIуу,*

¹ Оноре де Бальзак. Цитаты, высказывания // Epoch Times Russia. Режим доступа: https://www.epochtimes.ru/content/view/77839/45/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 25.07.2025)

ЯцIэм ецхьыжхэу кэнац.

[Тхагапсов 2023: 171-172]

Мыхэраш – жин пашэмрэ лIыжымырэ я псалъэхэраш, дэ дызэреплтымкIэ, поэмэм и гупсысэ нэхьыщхьэр зыхэлтыр, абы и фIагъри зыщылъагъупхьэр. УсакIуэм образ жыIэкIэ гъэщIэгъуэнкIэ кыигъэльэгъуэн хузэфIэкIащ цIыхубэм, лъэпкъым нобэкIэ зыкъамыщIэжмэ, цIыхугъэр къезыгъэлыну лъаплъагъэхэу IэщIыб ящIахэр, псалъэм папщIэ, хабзэ дахэхэр, къыдахыжу къамыгъэпсэужмэ, ахэр мыгувэу щыхупIэм зэрыхуэкIуэнур, псэущхьэ къудейуэ дунейм къызэрытенэнур.

«ЩакIуэм и хьыбар» поэмэ-мифым хужыпIэныр куэд дыдэщ, абы и купщIэм къыщегъэжьарэ и фащэм деж щихыжу къэхутэныгъэ щхьэхуэ хуэфащэщ. Псоми я гугъу дымышIыфми, рифмэ ухуэкIэр къыхэдмыгъэщу хьунукъым. Зы строфам и шапхьэкIэ дыхэплъэнщ:

БгъуэниIагъым сыщоцхьэукъуэ,

Къуэ зэвхэм зыщызоухь.

Щыхьыхьур, слъагъумэ и бжъакъуэр,

КъурыкъукIэ кызыопшэрыхь.

[Тхагапсов 2023: 161]

Мыбдежым къыщыхьа сатырхэр кIэух рифмэмкIэ (*сыщоцхьэукъуэ ↔ бжъакъуэр*, *зыщызоухь ↔ кызыопшэрыхь*) нэмышI, IуэрыIуатэм и рифмэ къулейхэмкIи (*сыщоцхьэукъуэ ↔ къуэ*, *зыщызоухь ↔ щыхьыхьур*, *бжъакъуэр ↔ къурыкъукIэ*) зэпхащ. НэгъуэщIу жыпIэмэ, мы строфами поэмэм хыхьэ адреи едзыгъуэхэм я нэхьыбэми усакIуэм «рифмэ тIууащIэр» Iэзэу щегъэлажьэ, абыкIи тхыгъэм и ритмикэр къеджэгъуафIэу икIи гум иубыдэгъуафIэу шэщIа мэхьу.

Тхыгъэм и бзэри абы и купщIэмрэ фащэмрэ яхуэфэщэжу зэрытелъыджэр, зэрыщIэщыгъуэр «кызыопшэрыхь» («пшэрыхь кызыопшэ», «пшэрыхь кызоухь» кыкIыу) жыхуиIэ псалъэ закъуэмкIи наIуэщ.

«ЩакIуэм и хьыбар» поэмэ-мифым хужытIэну дызыхунэмысахэр нэхьыбэми, ар лъэпкъ литературэм, хэхауэ къапщтэмэ, лиро-эпикэм и тхыгъэм нэхьыфIхэм ящыщу зэрыщытым ищхьэкIэ къыщыдгъэльэгъуа къудейхэри щыхьэт тохьуэ.

Апхуэдэуи къэхутэныгъэ щхьэхуэ яхуэфэщэщ усакIуэм таурыхьыу е шыпсэу кыигъэльэгъуауэ, ауэ басня жанрым изагъэхэу нэгъуэщI тхыгъэ зыбжанэми (и япэрей тхылгхэм басняу кыщигъэльэгъуаи яхэтщ): «Дыгъужь бын», «Аслъэнымрэ бажэмрэ», «Джэдэщ», «Бжъэмрэ бадзэхэмрэ», «Дыгъужьыр чэтым» жыхуиIэхэр.

Мызэ-мытIэу кызыэрыхэдгъэщаци, Тхьэгъэпсэу У. и IэдакъэщIэкIхэр сыт и лъэныкъуэкIи, псом хуэмыдэу жанркIэ, зэмылIэужыгъуэщ. Апхуэдэу, абы и сабий усэхэри псэ къабзагъэр, гупсэхугъуэр щытепщэ зы дуней щхьэхуэу и творчествэм къыхолыдыкI. Ахэр адыгэбзэкIи урысыбзэкIи (Бемырзэ Зураб зэридзэкIауэ) «МэкIэрахьуэ дунейр» тхылгым хыхьащ.

Дызыхэплъахэм кызыэщIэкъуауэ дызыхуашаращи, усыгъэм щыщу Тхьэгъэпсэу Увжыкъуэ зыхэмылэжьыхьа жанр къэгъуэтыгъуейщ, лирикэри

лиро-эпикэри кызыщыкыуэ. Апхуэдэуи абы лирикэм и лIэужыгыуэ нэхъыщхьэ псоми зыщажьащ. ЩIэныгъэлI БакIуу Хъанджэрий пэжу гу зэрылытащи, «сыт хуэдэ жанр кымыгыгъэсэбэпами, Тхьэгъэпсэу Увжыкыуэ езым и хьэтI иIэжщ, зэрысакIуэ нэсым шэч кытепхьэркыым» [Баков 2023: 9]. Нэхъыщхьэращи, ар зэрытхэ и анэдэльхубзэр хьарзынэу ищIэ кыудейм кышцынэркыым, атIэ псэкIэ зэхещIэ (псалъэм папщIэ, «Псалъэжь Iэрамэ» усэр псалъэжь защIэкIэ тхаш), лъэпкъ тхыдэм, IуэрыIуатэм, мифологиим фIыуэ щыгъуазэщ. А псор щыхьэт зэрытехьуэщи, Тхьэгъэпсэу Увжыкыуэ адыгэ литературэм хэлъхьэныгъэшхуэ хуэзыщIа, ноби абы хуэлажьэ усакIуэ икIи тхакIуэ гуащIафIэщ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адыгские писатели... 2023 – Адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья) писатели XIX–XXI вв. Биобиблиографический словарь. В 3-х тт. Т. III: Р–Я / под ред. Л.Б. Хавжоковой. – Нальчик: Принт Центр, 2023. – 432 с.

Баков 2023 – Баков Х.И. Поэт-новатор // Тхагапсов У.А. Крутится земля: Стихи, рассказы [На каб.-черк. яз.: БакIуу Хъ.И. Зи псалъэр щIэщыгъуэ усакIуэ // Тхьэгъэпсэу У.А. МэкIэрахъуэ дунейр: Усэхэр, рассказхэр]. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 2023. – С. 3-9.

Бемурзов 2001 – Бемурзов М.Х. В добрый путь! // Тхагапсов У.А. Колыбель мира [На каб.-черк. яз.: Бемурзэ М.Хъ. Уанэ махуэ Тхьэм трыуигъальхьэ! // Тхьэгъэпсэу У.А. Дуней гушэ]. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – С. 5-6.

Тхагапсов 2001 – Тхагапсов У.А. Колыбель мира [На каб.-черк. яз.: Тхьэгъэпсэу У.А. Дуней гушэ]. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – 108 с.

Тхагапсов 2007 – Тхагапсов У.А. Дети бога: Стихи и юмористические рассказы [На каб.-черк. яз.: Тхьэгъэпсэу У.А. Тхьэм и бынхэр: Усэхэмрэ гушыIэ рассказхэмрэ]. – Черкесск: Карачаево-Черкесское республиканское книжное издательство, 2007. – 144 с.

Тхагапсов 2023 – Тхагапсов У.А. Крутится земля: Стихи, рассказы [На каб.-черк. яз.: Тхьэгъэпсэу У.А. МэкIэрахъуэ дунейр: Усэхэр, рассказхэр]. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 2023. – 318 с.

Хавжокова 2022 – Хавжокова Л.Б. История адыгской литературы. Адыгская литература нового и новейшего времени // Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / отв. ред. А.Х. Абазов, Ю.Д. Анчабадзе, А.В. Кушхабиев, М.М. Паштова. – М.: Наука, 2022. – С. 773-813.

REFERENCES

Adygskie pisateli... 2023 – Adygskie (adygejskie, kabardinskie, cherkesskie, cherkesskogo zarubezh'ya) pisateli XIX–XXI vv. Biobibliograficheskij slovar' [Adyghe (Adyghe, Kabardian, Circassian, Circassian diaspora) writers of the 19th–21st centuries. Biographical dictionary]. In 3 volumes. Vol. III: R–Ya / edited by L.B. Khavzhokova. – Nalchik: Print Center, 2023. – 432 p. (In Russ. and Kabardian-Circassian)

BAKOV H.I. *Poet-novator* [Innovative poet]. IN: Tkha gapsov U.A. The earth is spinning: Poems, stories. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 2023. – P. 3-9. (In Kabardian-Circassian)

BEMURZOV M.Kh. *V dobryj put'*! [Bon voyage!]. IN: Thagapsov U.A. Cradle of peace. – Nalchik: El-Fa, 2001. – P. 5-6. (In Kabardian-Circassian)

THAGAPSOV U.A. *Kolybel' mira* [Cradle of peace]. – Nalchik: El-Fa, 2001. – 108 p. (In Kabardian-Circassian)

THAGAPSOV U.A. *Deti boga: Stihi i yumoristicheskie rasskazy* [Children of God: Poems and humorous stories]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Republican Book Publishing House, 2007. – 144 p. (In Kabardian-Circassian)

THAGAPSOV U.A. *Krutitsya zemlya: Stihi, rasskazy* [The earth is spinning: Poems, stories]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 2023. – 318 p. (In Russ. and Kabardian-Circassian)

KNHAVZHOKOVA L.B. *Istoriya adygskoj literatury. Adygskaya literatura novogo i novejshego vremeni* [History of Adyghe literature. Adyghe literature of modern and contemporary times]. IN: Adyghe: Adyghe. Kabardians. Circassians. Shapsugs / ed. A.Kh. Abazov, Yu.D. Anchabadze, A.V. Kushkhabiev, M.M. Pashtova. – M.: Science, 2022. – P. 773-813. (In Russ.)

Авторым теухуауэ

Хъэвжокъуэ Л.Б. – филологие щІэныгъэхэмкІэ доктор.

Information about the author

L.B. Khavzhokova – Doctor of Science (Philology).

Информация об авторе:

Л.Б. Хавжокова – доктор филологических наук.

Тхыгъэр редакцэм кърагъэхъащ 31.07.2025 гъ.; рецензэ нэужьым къащтащ 15.12.2025 гъ.; къытрадзэнуш 30.12.2025 гъ.

The article was submitted 31.07.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Статья поступила в редакцию 31.07.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

Научная статья
УДК 82-1/-9
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-410-418
EDN: UIWKVN

АЛЛЮЗИВНАЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ЭССЕ БОРИСА ЧИПЧИКОВА «МЫ ЖИЛИ РЯДЫШКОМ С ГРААЛЕМ»

Сабина Низамиевна Ханбалаева¹, Жаннет Сейитовна Бекулова²

¹ Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД России, Москва, Россия, sabinamgimo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8142-2074>

² Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В.М. Коккова, Нальчик, Россия, bekulova2019@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5350-8785>

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли стилистического приема аллюзии в эссе балкарского писателя Б. Чипчикова «Мы жили рядышком с Граалем». Объектом анализа выступает текст, входящий в одноименный авторский сборник. Методологической основой работы является теория стиля, предлагающая научно обоснованный инструментарий для интерпретации художественного текста. В основе исследования лежит описательный метод, разработанный В.В. Виноградовым и основанный на анализе стилистического контекста художественного произведения. В процессе исследования установлено, что одной из характерных черт эссеистики Б. Чипчикова является субъективность изложения, достигаемая за счет аллюзивной интертекстуальности. Именно аллюзия выступает основным фактором, обеспечивающим высокую интертекстуальную плотность текста, расширяя его смысловые и эмоционально-эстетические возможности, активно участвуя в создании художественных образов и формировании предметно-логического содержания. Таким образом, в своем этико-философском эссе, вобравшем мировой культурный опыт, Б. Чипчиков не только следует ключевым канонам жанра, таким как свобода композиции, интимность тона и субъективность внутренней связи, но и оригинально трансформирует его концептуальное наполнение и культурное значение, во многом благодаря умелому использованию аллюзий.

Ключевые слова: балкарская проза, Б. Чипчиков, интертекст, аллюзия, этико-философское эссе.

Для цитирования: Ханбалаева С.Н., Бекулова Ж.С. Аллюзивная интертекстуальность в эссе Бориса Чипчикова «Мы жили рядышком с Граалем» // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 410-418. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-410-418. EDN: UIWKVN.

© Ханбалаева С.Н., Бекулова Ж.С., 2025

Original article

ALLUSIVE INTERTEXTUALITY IN BORIS CHIPCHIKOV'S ESSAY «WE LIVED NEAR THE GRAIL»

Sabina N. Khanbalaeva¹, Zhanneta S. Bekulova²

¹ Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow, Russia, sabinamgimo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8142-2074>

² Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov, Nalchik, Russia, bekulova2019@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5350-8785>

Abstract. The article explores the role of the stylistic device of allusion in the essay by the Balkar writer B. Chipchikov, titled "We Lived Next to the Grail". The text under analysis is part of the eponymous author's collection. The methodological framework of the work is grounded in theories of style, which provide a scientifically substantiated toolkit for interpreting literary texts. The study employs a descriptive method, developed by V.V. Vinogradov, which is based on the analysis of the stylistic context of the artistic work. The research establishes that one of the distinctive features of Chipchikov's essays is the subjectivity of the narrative, achieved through allusive intertextuality. Allusion serves as the primary factor ensuring a high intertextual density within the text, expanding its semantic and emotional-aesthetic capabilities, and actively contributing to the creation of artistic images and the formation of object-logical content. Thus, in his ethical-philosophical essay, which encompasses global cultural experience, B. Chipchikov not only adheres to the key canons of the genre, such as freedom of composition, intimacy of tone, and subjectivity of internal connection, but also originally transforms its conceptual content and cultural significance, largely due to his skillful use of allusions.

Keywords: Balkar prose, B. Chipchikov, intertext, allusion, ethical and philosophical essay.

For citation: Khanbalaeva S.N., Bekulova Zh.S. Allusive Intertextuality in Boris Chipchikov's Essay "We Lived Near the Grail". IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 410-418. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-410-418. EDN: UIWKVH.

© Khanbalaeva S.N., Bekulova Zh.S., 2025

Введение

Определив эссе как «небольшое произведение на абстрактно-философскую, эстетическую или этическую тему», И.Р. Гальперин отмечает, что эссеист, стремясь показать свое отношение к описываемым явлениям в остроумной и неординарной форме, старается осветить их наиболее существенные признаки [Гальперин 1958: 410].

Жанр эссе представляет собой благоприятную форму отражения «семиотической памяти культуры» [Лотман 1972: 7], открывающую широкие возможности для авторских откровений. Использование различных средств художественной экспрессии превращает эссе в «диахроническую матрицу», сквозь которую часто просматривается текст другого автора [Топоров 1993: 220].

Интертекстуальность стала предметом научного интереса таких ученых, как М.М. Бахтин [Бахтин 1979], Ю.М. Лотман [Лотман 1972], И.П. Смирнов [Смирнов 1995], И.Р. Гальперин [Гальперин 1958], Н.А. Кузьмина [Кузьмина 1999], В.Е. Хализев [Хализев 2004], А.С. Евсеев [Евсеев 1990], Л.А. Машкова [Машкова 1989], Л.А. Грузберг [Грузберг 2005], В.Н. Топоров [Топоров 1993], А.Д. Атабиев [Атабиева 2023] и др.

Как отмечает И.П. Смирнов, интертекстуальность поддерживает формирование смысла художественного текста при помощи «ссылки на иной текст» [Смирнов 1995: 131].

В «Стилистическом энциклопедическом словаре» теория интертекстуальности характеризуется как: «имманентное свойство текста – способность к приращению смысла, генерированию новых смыслов через взаимодействие с другими смысловыми системами» [Алексеева 2003: 694].

Поэтому Н.А. Кузьмина дает следующее определение интертекста: «Это объективно существующая информационная реальность, являющаяся

продуктом творческой деятельности человека, способная бесконечно саморегенерироваться по стреле времени» [Кузьмина 1999: 272].

Основная цель интертекстуальности – внесение дополнительных смыслов через «собственно интертекстуальные» формы, к которым относятся, сходные по функции цитата, реминисценция и аллюзия.

Если цитата открыто проявляется в произведении, демонстрируя включение одного текста в другой, а реминисценция отсылает читателя к определенным воспоминаниям и ассоциациям, вовлекая его в поиск информации, то аллюзия представляет собой отсылку к конкретному историческому, литературному и мифологическому факту. Таким образом, реминисценция – это абстрактное воспоминание, отраженное в творчестве автора, в то время как аллюзия – точная отсылка к известному событию или тексту. Чаще всего аллюзия представляет собой намек на известные обстоятельства. В творчестве Б. Чипчикова такие намеки отсылают не только к литературе, но и к изобразительному искусству, музыке, религии, что подтверждает слова И.Р. Гальперина: «Аллюзии – это ссылки на исторические, литературные, мифологические, библейские и бытовые факты» [Гальперин 1958: 176].

Обсуждение и результаты

Точка зрения М.М. Бахтина, воспринимавшего интертекстуальность как «диалог сознаний» через призму множества «забытых смыслов» [Бахтин 1979: 373], точно отражает основную идею эссе балкарского писателя Б. Чипчикова «Мы жили рядышком с Граалем» – идею просветления сознания: «Господи, да я же в чаше Грааля – обожгло меня, обессилено лежащего в снегу, вмиг просветленного – перед глазами поплыли кадры с космонавтами в открытом космосе» [Чипчиков 2008: 284].

Особая экспрессивность аллюзии, её имплицитный характер и своеобразный способ передачи информации наглядно проявляются в другом отрывке из эссе: «Грааль всегда неподалеку от тебя, но нет на свете более дальней дороги. И, чтобы одолеть этот путь, надо до забытия земли натрудить плоть свою и дух, вырвавшись из изможденного тела, и осилит эту дорогу. Измученная душа Блока, всю жизнь искавшая Офелию, нашла ее – это и была гармония. И это видели замершие в умилении горы и остановившаяся в темно-синем небе удивленная луна» [Чипчиков 2008: 285]. Здесь аллюзия (Грааль и блоковская Офелия) образует единство, когда литературный образ становится вехой на пути к экзистенциальной гармонии, а природа выступает как молчаливый свидетель обретения.

Концептуальное ядро данного эссе – идея поиска смысла жизни и совершенства. Сквозь произведение «Мы жили рядышком с Граалем» просматривается история советского государства, балкарского народа, трагедия депортации, а также личные воспоминания автора об отце и деде и его отношение к религии. Таким образом, текст функционирует на нескольких взаимопроникающих уровнях: философско-символическом, историко-трагическом и глубоко личном.

Трагическая история депортации балкарского народа передана через воспоминания об отце: «Вернулся на Кавказ – своих нет, догнал-таки, аж в Средней Азии, благо разгон был мощный. Это какой же путь одолел человек: с Кавказа

на Дальний Восток – оттуда через Румынию, Польшу, Венгрию, Югославию – до Чехословакии. С Чехословакии на Кавказ, оттуда в Среднюю Азию и вновь на Кавказ – перечислить тяжело, а одолеть?» [Чипчиков 2008: 282]. Географические пункты превращаются в художественные образы исторических скитаний, где личная судьба отца буквально исколесила всю карту войн и насильственных переселений. Этот путь становится земным, мучительным антиподом символического «пути к Граалю», оба они требуют нечеловеческого напряжения сил.

Отношение к религии связано с воспоминаниями пережитого его дедом: «Дедушка двадцать лет учился духовному и светскому в Дагестане, дошел по воде до Стамбула. И ходил он не за умом и не для того, чтобы потешить грустную душу чужедальними диковинами. Чужое нужно ему было, как свидетельство бесценности собственной землянки, среди знакомых, как кошачья шерстка под рукой, колючих скал, откуда до Грааля – шаг ступить. Если мы побывали в Граале, то это был щедрый Божий подарок, а дедушка родился и прожил неподалеку от Грааля, и он знал это. А иначе сдал бы Коран в ГПУ и со временем стал бы секретарем райкома – с его-то образованием» [Чипчиков 2008: 289]. В этом фрагменте центральной становится мысль о духовном сопротивлении через знание. Концепт Грааль подвергается переосмыслению: он предстает как внутреннее, исконное знание, обретаемое через познание «чужого». Историческая аллюзия связывает этот духовный акт с политическим сопротивлением, превращая личный выбор в плоскость сохранения культурно-религиозной памяти народа.

Аллюзия, расширяя смысловые и эмоционально-эстетические возможности текста, создавая образы и обогащая его предметно-логическое содержание, играет важную роль в интертекстуальной плотности эссе. Например: «Снег пах католическими сутанами, мечами крестоносцев, черной краской банков; в бликах снежных улыбалась Джоконда, вобравшая в себя сочную суть бытия и оставившая вовне тоску выхолощенных побрякушек быта. И вспомнились слова Пастернака, сказанные Кайсыну: «Над Вашей головой сошлись стрелки Запада и Востока» [Чипчиков 2008: 284]. Такой калейдоскоп аллюзий – от средневековых крестовых походов до ренессансного идеала – создает сжатую модель европейской цивилизации. Цитата Пастернака, обращенная к балкарскому поэту Кайсыну Кулиеву, проецирует эту модель на кавказский контекст, утверждая его как место пересечения культурных и исторических кодов.

Текст эссе приобретает новое измерение, когда аллюзия, «встроенная» в культурный контекст, превращается в «вертикальный контекст» [Виноградов 2008: 49], что позволяет выстраивать смысловые связи по принципу ассоциативного восприятия текста.

Структурно-содержательная основа произведения обусловлена творческим замыслом автора, направленным на отражение исторических событий XX в. и соотнесение воспоминаний и ассоциаций с действительностью. Именно это позволяет раскрыть глубинный смысл текста, где автор утверждает, что «дети всегда старше отцов своих», поскольку, родившись позже, они состарились вместе со временем и стали старше на целую прожитую жизнь. Новое поколение, вобравшее в себя память о социальных экспериментах XX столетия, несет на себе

груз опыта, которого не было у их отцов в том же возрасте, и поэтому оказывается «старше» в трагическом понимании этого слова.

Стилистический прием аллюзии в творчестве Б. Чипчикова служит для раскрытия глубоких философских категорий, таких как смысл жизни. В эссе парадоксальным образом переосмысливаются привычные понятия: «Безумие — это все, что именуется «здравым смыслом». И «трезвость» — зримый облик безумия. И, тогда как подтверждение мыслей моих явилась Офелия — и пахла она здравым смыслом» [Чипчиков 2008: 284].

Ярким примером является аллюзия на «Грааль», которая становится ключевым структурным и символическим элементом текста: «И тело мое, со всем нажитым и прожитым осталось бог весть, в каком-то не в моем далеко. Гра — а — а — а — а — ль — позванивали вмиг помолодевшие Чегемские скалы. Чаша Грааля была пуста, но в ней уместались все, жившие когда-то и ждущие мига рождения своего» [Чипчиков 2008: 284]. Здесь аллюзия в эссе «Мы жили рядышком с Граалем» функционирует как конкретный способ реализации интертекстуальности, выступая единицей интегрирующего уровня идиостиля автора. Бесконечно вместительная чаша становится идеальной метафорой памяти и культуры: она не содержит материального объекта, но в ее символическом пространстве пребывает потенциал прошлого и перспективы будущего. Звукопись («Гра-а-а-а-ль») одушевляет пейзаж, делая скалы проводником этого сакрального звучания. Чипчиков акцентирует внимание на «наивысшем моменте» в творчестве Блока, который «из частички женщины лепил целиком Офелию», поддерживая эту мысль ссылкой на Фолкнера («Смелость попытки») и призывом к читателю: «Ищите Офелию сегодня — как всю жизнь искал ее Блок, — завтра искать будет нечего, а главное — некому» [Чипчиков 2008: 286]. Призыв Б. Чипчикова переводит литературный поиск в экзистенциально-этическую плоскость, практику духовного спасения идеала от забвения.

Широта интертекстуальных связей в эссе подтверждается отсылками к Чехову, Григу, Сервантесу и Махатме Ганди, что иллюстрирует тезис Ю. М. Лотмана о «семиотической памяти культуры» [Лотман 1972: 7.]. Автор активизирует эту память, заставляя различные культурные коды вступать в диалог на территории своего текста.

Автор создает единое культурное пространство: «Чехов и есть та неразрывная и все понимающая нить, что навсегда связала Скандинавию, горы Чегемские и Русь необъятную. Культура — и есть неразрывность собственного развития и памяти о бытии чужом» [Чипчиков 2008: 286]. Из слов Чехова, каплей неспешной, на землю русскую капала музыка Грига. Прямо на снегу сидел донельзя усталый, сверх меры всякой, умиротворенный Дон Кихот, а на голове его сиял венок из лунной капли и снежного многоцветья». Финальный, собирательный образ является квинтэссенцией подхода Б. Чипчикова: русская литература, европейская музыка и вечный мировой образ интегрируются в созерцательной точке кавказского пейзажа, утверждая культуру как пространство всеобщего примирения и просветленной усталости после долгого пути.

Хотя текст может показаться замысловатым, читатель, погружаясь в него, обнаруживает богатый смысловой подтекст, созданный интертекстуальностью,

и прежде всего, аллюзией. Ведь постижение смысла семантического слоя произведения «немыслимо без энергии читателя» [Грузберг 2005].

Как справедливо отмечает В.Е. Хализев, аллюзия основана на «обобщенном подтексте» и является «косвенной ссылкой», активизирующей память и ассоциативное мышление читателя [Хализев 2004: 405]. В эссе Б. Чипчикова этот «обобщенный подтекст» носит транскультурный характер и отсылает не к одному конкретному произведению, а к целому культурному мифу (Грааль, Офелия, Дон Кихот), что требует от читателя не просто литературной, а культурологической эрудиции.

Жанр эссе, по мнению исследователя М.М. Каджаровой, характеризуется взаимосвязью логичности и экспрессивности [Каджарова 1983: 22].

Однако Б. Чипчиков часто намеренно нарушает прямую логику, следуя за спонтанным потоком мысли. Например, размышление: «По большому счету, слово Чехова – взгляд из Грааля. И не зря он родился у моря» [Чипчиков 2008: 286] – может показаться алогичным, но такая ассоциативность рождает новые смыслы. Связь «Чехов – Грааль – море» основана не на причинно-следственной, а на поэтической логике: море как символ бесконечности и всеприсутствия, Грааль как источник духовной истины, а Чехов как художник, сумевший эту истину воплотить в слове.

Или завершающие данное эссе слова автора: «Мы шли туда, где высились большие дома, убившие пространство» [Чипчиков 2008: 292] имеют вполне логический смысл: хаотическая, однотипная застройка городов высотками на самом деле убивает пространство. А провокационное утверждение автора «Архитектура – и есть убийство пространства» служит не столько декларацией, сколько приемом, побуждающим читателя к интеллектуальному спору и припоминанию архитектурных шедевров, гармонирующих с ландшафтом и украшающих пространство городов – Петербурга, Парижа, Барселоны, Лондона и т.д. Такое завершение эссе возвращает читателя от возвышенных идеалов к дисгармонии современной реальности, создавая резкий контраст и придавая философским размышлениям автора социальную остроту.

Таким образом, в произведении синтезированы личное мировоззрение автора и разнообразные культурные коды, выраженные через образы Грааля, Офелии, Джоконды и отсылки к творчеству А. Чехова, М. Горького, А. Блока, Б. Пастернака, У. Фолкнера, К. Кулиева. Это скорее органическое слияние, где трагический национальный опыт пропущен через фильтр всемирной культуры, а всемирная культура, в свою очередь, получает уникальное преломление в кавказском контексте.

Как отмечает исследователь А.Д. Атабиева, для прозы Б. Чипчикова характерно «пристрастие автора (последователя постмодернистской художественной традиции) к цитатности и аллюзиям» [Атабиева 2003: 75].

Однако главная её особенность – оригинальное использование интертекстуальности для создания многомерного художественного пространства, отражающего современную действительность через призму накопленного культурного опыта. Б. Чипчиков использует постмодернистские техники не для построения или деконструкции, а для созидания нового, синкретичного нарратива,

способного нести бремя исторической памяти и задавать смысловые ориентиры в современном мире.

Эссе «Мы жили рядышком с Граалем» представляет собой этико-философское размышление, в котором автор, подобно Кайсыну Кулиеву, созерцающему мир с высоты Чегемского ущелья, осмысливает всемирный духовный опыт. Задача автора – выразить свое отношение в неожиданной, остроумной форме, раскрывая не только объект описания, но и собственное «я». Эссеистике Б. Чипчикова свойственны постмодернистская чувствительность, интертекстуальность и метанарратив, что ориентирует текст на эрудированного читателя, готового к интеллектуальному диалогу и поиску скрытых смыслов. В итоге, это эссе и есть тот самый Грааль, который всегда «рядом»: он в пространстве культуры, в памяти предков, в пейзаже родного ущелья. Путь к нему – это путь читателя, расшифровывающего сложный узор авторской мысли и обретающего в этом акте собственное просветление.

Заключение

Таким образом, главной характерной чертой эссе «Мы жили рядышком с Граалем» является субъективность изложения, которая создается аллюзивной интертекстуальностью при существенной роли концептуальных метафор в осознании смыслов, транслируемых автором в оригинальном произведении. Так, через личностное начало и жизнь автора показан историко-культурный опыт народа.

Для Б. Чипчикова важно следовать основным чертам жанра эссе: свободе, интимности, субъективности и их внутренней связи. Так, в процессе интеграции элементов из других текстов, автор трансформирует ментальную структуру своего произведения, обогащая его новыми значениями и содержанием, углубляя его концептуальное и культурное значение.

Именно это пронизывает языковую систему данного эссе, организуя художественный текст, эмоционально окрашенный определенным мировоззрением автора. Идиостиль Б. Чипчикова репрезентирует его философскую концепцию через экспрессивность и парадокс. Аллюзии и метафоры в произведении «Мы жили рядышком с Граалем» являются структурными элементами, организующими семантическое пространство текста, что создает целостную систему, где соединяются личный и универсальный уровни, а исторический нарратив объединяется с метафизикой, требуя от читателя активной интерпретации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева 2003 – *Алексеева Л.М.* Стилистический энциклопедический словарь русского языка / [Л.М. Алексеева и др.]; под ред. М.Н. Кожинной. Москва, Наука: Флинта, – 2003. – 694 с.

Атабиева 2023 – *Атабиева А.Д.* Концептуальное прочтение повести Б.М. Чипчикова «Нерестились рыбы в свете лунном» // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2023. – № 2(112). – С.75–84.

Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Издательство «Искусство», 1979. – 424 с.

Виноградов 2008 – *Виноградов С.Н.* Культура русской речи: учебник для студентов высших учебных заведений [Виноградов С.И. и др.], отв. редакторы Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. Москва: Норма, 2008. – 549 с.

Гальперин 1958 – Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. – 459 с.

Грузберг 2005 – Грузберг Л.А. *Интертекст* // Филолог. – Вып. № 6. – 2005. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_6_121 (дата обращения: 21.09.2025).

Евсеев 1990 – Евсеев А.С. Основы теории аллюзии на материале русского языка: автореф. дисс.канд. филол. наук. – М.: Наука, 1990. – 15 с.

Каджарова 1983 – Каджарова М.М. Композиционно-стилистические особенности английского эссе первой половины XVIII века. Дисс. канд. филол. наук. – Ашхабад, 1983. – 225 с.

Кузьмина 1999 – Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – Омск: Издат-во Омск гос. ун-та, 1999. – 272 с.

Лотман 1972 – Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. – Л.: Просвещение, Ленинградское отделение, 1972. – 271 с.

Машкова 1989 – Машкова Л.А. Аллюзивность как категория вертикального контекста // Вестник Московского ун-та. – Сер. 9: Философия. – 1989. – № 2. – С. 25-33.

Смирнов 1995 – Смирнов И.П. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака. – СПб.: СПбГУ, 1995. – 193 с.

Топоров 1993 – Топоров В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Метафизика Петербурга: петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. – СПб., 1993. – Вып. 1. – С. 205- 235.

Хализев 2004 – Хализев В.Е. Теория литературы. 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2004. – 405 с.

Чипчиков 2008 – Чипчиков Б.М. Мы жили рядышком с Граалем / Сост. и ред. Ф.И. Байрамукова. – М.: Эльбрусид, 2008. – 528 с.

REFERENCES

ALEKSEEVA L.M. *Stilisticheskij e`nciklopedicheskij slovar` russkogo yazy`ka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language/ (L.M.Alekseeva et.al.)]; ed. by M.N. Kozhina. Moscow: Nauka, Flinta, 2003. – 694 p. (In Russ.).

ATABIEVA A.D. *Konceptual`noe prochtenie povesti B. M. Chipchikova «Nerestilis` ry`by` v svete lunnom»* [Conceptual Reading of B.M. Chipchikov's Story "The Fish Spawned in the Moonlight"]. In: Bulletin of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. – 2023. – No. 2 (112). – Pp. 75-84. (In Russ.).

BAKHTIN M.M. *E`stetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Publishing House "Art", 1979. – 424 p. (In Russ.).

VINOGRADOV S.N. *Kul`tura russkoj rechi: uchebnik dlya studentov vy`sshix uchebny`x zavedenij [Vinogradov S.I. i dr.]*. [The Culture of Russian Speech]: A Textbook for University Students. [S.N. Vinogradov et al.]; Editors L.K. Graudina, E.N. Shiryayev. – Moscow: Norma, 2008. – 549 p. (In Russ.).

GALPERIN I.R. *Ocherki po stilistike anglijskogo yazy`ka*. [Essays on the Stylistics of the English Language]. Moscow: Publishing House of Literature in Foreign Languages, – 1958. – 459 p. (In Eng.).

GRUZBERG L.A. *Intertekst*. [Intertext]. In: Philologist, Issue No. 6. – 2005. URL: http://philolog.pspu.ru/module/subdivisions/do/show_7. (date of access: 21.09.2025). (In Russ.).

EVSEEV A.S. *Osnovy` teorii allyuzii na materiale russkogo yazy`ka*. [Fundamentals of the Theory of Allusion Based on the Material of the Russian Language]. Abstract of Cand. Philological Sciences Diss. Moscow, –1990. –15 p. (In Russ.).

KADZHAROVA M. M. *Kompozicionno-stilisticheskie osobennosti anglijskogo e`sse pervoj poloviny` XVIII veka* [Compositional and Stylistic Features of the English Essay of the First Half of the 18th Century]. Diss. Cand. Philological Sciences. Ashkhabad, – 1983. –225 p. (In Russ.).

KUZMINA N. A. *Intertekst i ego rol` v processax e`voljucii poe`ticheskogo yazy`ka* [Intertext and Its Role in the Evolution of Poetic Language] Omsk: Omsk Publishing House, State University, –1999. – 272 p. (In Russ.).

LOTMAN Yu. M. *Analiz poe`ticheskogo teksta. Struktura stixa*. [The Analysis of the Poetic Text. The Structure of the Verse]. Leningrad: Prosveshchenie, Leningrad Branch, – 1972. – 271 p. (In Russ.).

MASHKOVA L.A. *Allyuzivnost` kak kategoriya vertikal'nogo konteksta*. [Allusiveness as a Category of Vertical Context]. IN: Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology. – 1989.– No. 2. – Pp. 25-33. (In Russ.).

SMIRNOV I.P. *Porozhdenie interteksta. E`lementy` intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestva B.L. Pasternaka*. [The Generation of Intertext. Elements of Intertextual Analysis with Examples from the Works of B.L. Pasternak]. St.Petersburg: Saint Petersburg State University Press, – 1995.–193 p. (In Russ.).

TOPOROV V.N. *Peterburg i peterburgskij tekst russkoj literatury`* [Petersburg and the Petersburg Text of Russian Literature]. IN: The Metaphysics of St.Petersburg: St.Petersburg Readings on Theory, History and Philosophy of Culture. St.Petersburg, – 1993. – Vol.1. – Pp. 205-235. (In Russ.).

KHALIZEV V.E. *Teoriya literatury`* [Theory of Literature]. 4th ed., rev. and add. Moscow: Higher School, – 2004. – 405 p. (In Russ.).

CHIPCHIKOV B.M. *My` zhili ryady`shkom s Graalem*. [We Lived Next Door to the Grail / Comp. and ed. F.I]. Bairamukov. Moscow: Elbrusoid. – 2008. –528 p. (In Russ.)

Информация об авторах

С.Н. Ханбалаева – доктор филологических наук, доцент.

Ж.С. Бекулова – преподаватель русского языка и литературы.

Information about authors

S.N. Khanbalaeva – Doctor of Philology, Associate Professor

Zh. S. Bekulova –teacher of Russian language and literature.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflict interests.

Статья поступила в редакцию 13.08.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 13.08.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Научная статья
УДК 821.512.37.82-1
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-419-430
EDN: ULEOPQ

ОБРАЗ КОВЫЛЯ В КАЛМЫЦКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИРИКЕ

Римма Михайловна Ханинова

Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Элиста, Россия, khaninova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0478-8099>

Аннотация. В статье представлен литературоведческий анализ образа ковыля в современной калмыцкой русскоязычной лирике, чем обусловлены актуальность и новизна объекта и предмета исследования. Материалом статьи стали стихи авторов, вошедшие в поэтические книги разных лет. Сравнительно-сопоставительный метод и метод описательной поэтики выявляют общее и индивидуальное в картине мира поэтов, в их пейзажной лирике, определяющей типичный ландшафт калмыцкой степи. По сравнению с полынью ковыль является вторым частотным фитонимом в стихах калмыцких поэтов о флоре родного края. Тем не менее, фито-портрет ковыля – стихи, адресованные этой траве – редко представлен в лирике авторов за исключением произведений П. Чужгинова и Р. Ханиновой. В основном ковыль стал образным компонентом в общей картине степи, символизируя связь лирического субъекта с родиной, родом, семьей. Автобиографические детали, включенные в такие нарративы, подчеркивают личностное отношение поэтов к патриотической теме. Мотив памяти обычно является сюжетообразующим в таких стихах. Образ ковыля передан через вид, цвет, движение, сравнение, метафору, анимизм: типичными становятся белый цвет ковыля, сравнение с сединой человека, с морскими волнами. Изображение растения в сезонном плане дано в основном весной и летом. В жанровом отношении стихи не отличаются разнообразием, их названия не включают наименование ковыля.

Ключевые слова: калмыцкая русскоязычная лирика; степь; образ ковыля; поэтика.

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01283, <https://rscf.ru/project/25-28-01283/>

Для цитирования: Ханинова Р.М. Образ ковыля в калмыцкой русскоязычной лирике // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 419-430. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-419-430. EDN: ULEOPQ.

© Ханинова Р.М., 2025

Original article

THE IMAGE OF FEATHER GRASS IN KALMYK RUSSIAN-LANGUAGE LYRICS

Rimma M. Khaninova

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russia, khaninova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0478-8099>

Abstract. The article presents a literary analysis of the image of feather grass in modern Kalmyk Russian-language lyrics, which determines the relevance and novelty of the object and subject of the study. The material of the article is the poems of the authors included in the poetry books of different years. The comparative method and the method of descriptive poetics reveal the common and individual in the poets' worldview, in their landscape lyrics, which define the typical landscape of the Kalmyk steppe. Compared to wormwood, cowberry is the second common phytonym in the poems of Kalmyk poets about the flora of their native land. Nevertheless, the phytoportrait of feather grass – poems addressed to this herb – is rarely represented in the lyrics of the authors, with the exception of the works of P. Chuzhginov and R. Khaninova. Basically, the grasshopper became a figurative component in the overall picture of the steppe, symbolizing the connection of the lyrical subject with his homeland, clan, and family. The autobiographical details included in such narratives emphasize the poets' personal attitude to the patriotic theme. The motif of memory is usually plot-forming in such poems. The image of a hobble is conveyed through appearance, color, movement, comparison, metaphor, animism: the white color of a hobble, comparison with a person's gray hair, with sea waves become typical. The seasonal image of the plant is given mainly in spring and summer. The poems are not diverse in terms of genre, and their titles do not include the name of the hobble.

Keywords: Kalmyk Russian-language lyrics, steppe, image of feather grass, poetics.

Gratitude: The study was supported by grant No. 25-28-01283 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/25-28-01283/>

For citation: Khaninova R.M. The image of feather grass in kalmyk russian-language lyrics. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 419-430. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-419-430. EDN: ULEOPQ.

© Khaninova R.M., 2025

В устном народном творчестве калмыков нет легенд и преданий о происхождении ковыля. Упоминается он в эпосе, сказках как степное растение, как средство-мишень для выявления победителя в состязании на стрельбище, как затычка для чайника, в который забралась нечистая сила.

Как в калмыцкой, так и в калмыцкой русскоязычной лирике фитоним ковыль по частотности уступает место фитониму полынь в картине мира поэтов [Ханинова 2025d: 401–411].

«В нашей периодизации история калмыцкой русскоязычной поэзии включает три этапа: 1) середина 1960-х гг. – 1970-е гг.; 2) 1980–1990-е гг.; 3) 2000-е гг. Мы относим к этому явлению калмыцких поэтов, пишущих на русском языке, передающих средствами “чужого” языка свою национальную идентичность, создающих свою национальную поэзию в аспекте традиции и новации» [Ханинова 2025g: 346].

Образ ковыля в современной калмыцкой русскоязычной лирике не был объектом и предметом исследования [Современная русскоязычная 2013; Топалова 2014; Метафоры и метаморфозы 2014; Диалоги во времени и пространстве 2014]. Неравномерно он представлен в пейзажной лирике авторов, в текстах которых ковыль входит в картину степного ландшафта, символизируя родной край. Рассмотрим такие стихи для выявления общего и индивидуального в создании этого образа.

Так, в лирике Джангра Насунова (1942–1979) образ ковыля впервые появился в стихотворении «Выстрел» (1971), посвященном «Памяти Улдиса Кнакиса – инспектора службы охраны сайгаков, погибшего при исполнении служебных обязанностей», в речи героя: «Ты для себя, пожалуйста, запомни, / Что там среди *ковыльной тишины* / Мои друзья видны как на ладони – / Враги и на равнине не видны» [Насунов 1971: 15]. Метафора тишины в стихотворении «Тишина» (1978) раскрывается как «шум тишины» в гармонии окружающего мира: «в сердце очень нежная струна / Поет о тишине и с тишиною», «пасется тихо белый-белый конь», «и так тиха в моей твоя ладонь» [Насунов 1980: 29–30]. К весеннему тюльпану, приставшему на цыпочки, «льнут <...> *седые ковыли*» («Тюльпан», 1974) [Насунов 1977: 28]. Прием антропоморфизма позиционирует траву как пожилого человека (определение «седые»), по-отцовски опекающего цветок. Если в стихотворении «Джангарчи ((по мотивам легенды), 1978)» в родном краю «*белеет ковыль*» [Насунов 1980: 22], то в «Степной балладе» (1977) «прочь бежит *багровым ковылем*, / Покинув умиравшего собрата, / Добытчик подловато-хитроватый...» [Насунов 1977: 40]. Эпитет «багровый» связан с умирающим браконьером, кровь которого окрасила ковыль.

Лирический субъект Олега Лиджиевича Манджиева (1949–2022) ощущает «кровное родство / со всем живущим в этом светлом мире»: «Тогда поймешь, увидишь и услышишь, / Что *неказистый стебель ковыля*, / *Седой с рожденья*, тяжело-тяжко дышит, / О невозможной юности моля» («Письмо», 1982) [Манджиев 1982: 19]. Описание травы актуализирует ее некрасивость, старость, болезненность, что не мешает автору обозреть землю отцов, которую он сравнил со старенькой матерью. Он доказывает в письме к любимой, находящейся в Ленинграде, что «степь не прочесть, как на диване книгу, / И разумом холодным не понять, / И равнодушным сердцем не постигнуть» [Манджиев 1982: 49]. Поэт ищет то особое слово, которое поможет понять родную землю и значит – осознать себя. «Я шепчу неловкими губами, / А достойных слов не отыскать – / Мертвыми и тусклыми словами / Эту красоту не передать» («Слышу я, как лопнуло зерно...», 1982) [Манджиев 1982: 71]. Поэтому даже не ветер, а лунный луч медленно скользит и «*ковыль тихонечко шевелит*» [Манджиев 1982: 70]. Ночной пейзаж, наполненный тихой жизнью природы, сродни поэтическому процессу в постижении самого себя и вселенной.

Петр Антонович Чужгинов (г.р. 1950) декламирует любовь к родине в книге «Родная степь, воспетая стихами» (2016): «Полынь, тюльпаны, ковыли / Пробьются сквозь степную пыль» («Очарование»), «Ведь мне дороже красота тюльпанов, / *Седой ковыль* и терпкий аромат тюльпанов...» («Любовь к степи»), «Какой простор! Какая ширь! / Лишь *мягко стелется ковыль*» («Даль манящая») [Чужгинов 2016: 14, 33, 36], «*Ковыль волнистый и седой*, / До боли в сердце мне родной...» («Счастливый я»), «Родная степь, полынь и ковыли...» («Каменный пастух») [Чужгинов 2020: 8, 21]. Два фитопортрета ковыля есть в новом сборнике «Ничуть не жаль» (2025). Так, в стихотворении «Ковыль Калмыкии» поэт сравнил ковыль с озером Маныч, похожих, как братья-близнецы, своей сединой и бескрайностью: «*Ковыль седой* и Маныч тоже, / И друг на друга так похожи. / Они – два брата-близнеца, / Им края нет и нет конца» [Чужгинов 2025: 19].

Седина ковыля символизирует возраст травы и ее цвет. Трава и озеро сосуществуют в степи: «Им вольный ветер – лучший друг, / Тепло им дарит солнца круг. / Нечастый дождик проливной – / Им долгожданный и родной» [Чужгинов 2025: 19]. Обозревая просторы, автор активизирует свою национальную идентичность: «И жадно влагу степь впитает, / И буйно травы расцветают. / А птичьи трели с высока / Ласкают душу степняка!» [Чужгинов 2025: 19]. В другом стихотворении-четверостишии «Ковыль на солнце серебрится...» красивый пейзаж показан в цвете (серебристый), движении (бежит) и сравнении (с волнами): «*Ковыль на солнце серебрится, / Бежит волнами на ветру. / И это диво мне не снится, / Когда в степь выйду поутру*» [Чужгинов 2025: 9].

Традиционное определение степи как ковыльной и сравнение седого ковыля под ветром с волнами в лирике Василия Гомбовича Сухотаева (г.р. 1952): «Он хозяин степи ковыльной» («Сокровищами фольклора славятся калмыки...»); «Степи ковыльной вечная сюита» («Прекрасна степь Калмыкии весной...»); «Где колышется весной ковыль» («В год и месяц Дракона родился...») [Сухотаев 2018: 32; 36; 53].

Виктор Владимирович Коксадаев (г.р. 1955) задается риторическим вопросом: «Степь моя бескрайняя – ветер, ковыли. / Кто расскажет тайны мне вечные земли?» («Степь») [Коксадаев 2024: 7], видит свою счастливую долю в связи с исторической судьбой вольной степи: «А ветер всеведущий будет / О чем-то забытом мне петь, / О ратных походах и судьбах, / Курганах в седом ковыле» («Калмыкия», 2024) [Коксадаев 2024: 6].

Ср. в лирике Татьяны Ивановны Бадаковой (г.р. 1953): «А преданья степного народа / Стали явью в *ковыльной степи*» («Память», 2024), «Мощные станы / джунгарских ханов / *хранят ковыли / калмыцкой земли*» («Моей Калмыкии», 2024) [Бадакова 2024: 56, 66]. Здесь историческая неточность: таких станов джунгарских ханов не было в калмыцкой степи, в Приволжской низменности предки ойратов поселились после добровольного вхождения в состав Российского государства в 1609 г. Джунгарское ханство – последняя в Центральной Азии кочевая империя, ойрат-монгольское государство (1635–1755 или 1758) [Бобров 2007: 60-69].

Ковыльная тема в лирике Валентины Николаевны Лиджиевой (г.р. 1959) проявляется в гендерном плане: «Я стану, как *ковыль нетленный*, / Теплей, добрее и моложе» («Я буду вечно молодой...»), «Алый тюльпан к волосам приколю, / Брошу на плечи *ковыльную шаль*. <...> Я ведь сегодня похожа на степь...» («Алый тюльпан к волосам приколю...»), «Я живу в своей родной столице, / В ласковой *ковыльной стороне*...» («Элиста») [Лиджиева 1982: 6, 37, 10]. В первом нарративе противопоставление старости и молодости в психологическом параллелизме, во втором – сопоставление человека и степи в их красоте, в третьем – синтез родного города и родной степи в их ласковой заботе. Там, в степи, лирическая героиня живет в ожидании любви: «Как конь, рванулось сердце / В простор родной земли. / Не дав мне оглядеться, / Умчалось в ковыли» («Как конь, рванулось сердце...») [Лиджиева 1982: 19]. Взгляд из окна на городскую окраину, где степь «то плачет, то смеется», «где на ветру качается ковыль», исполнен личной памяти о степном детстве [Лиджиева 1993: 70]. Мотив исторической

памяти, связывая родину с ее погибшими защитниками, заявлен в стихотворении «В седой степи»: «Строй погибших на войне солдат – / Это строй тревожных ковылей» [Лиджиева 1982: 41].

В лирике Василия Баировича Чонгонова (г.р. 1956) тема родного края, калмыцкой степи занимает основное место. В первой своей книге, названной программно «Со степи начинаюсь...» (2000), поэт сказал: «Следуя традиции, я начинаю свой монолог стихами о степи. Посмотрите, какая она у нас – даже небо на нее облакачивается...» [Чонгонов 2000: 3]. По мнению автора: «Степь и времена года в ней так или иначе всегда участвуют в жизни человека, они помогают ему осознавать значение происходящего в его жизни» [Чонгонов 2000: 38].

Как отметил Николай Санджиев (1956–2022), представляя вторую книгу Василия Чонгонова «Сансары отраженный лик» (2009): «По-особому воспринимает поэт и калмыцкую степь. Как художник слова для выдвижения своих чувств он не позволяет себе использовать уже готовые образы и краски, применяемые мастерами отечественной поэзии, а густо замешивает их в мятежном сердце, находя единственно точные для этого слова. Примером тому служат замечательные по художественной выразительности стихотворения: “Со степи начинаюсь”, “Ты просишь рассказать меня о степи”, “Почему поседел ковыль”, “Этюд”, “Полынь моя! Печальница” и многие другие» [Санджиев 2009: 4].

Ландшафт степи широко представлен в первом разделе «Степь на ладони» книги В. Чонгонова «Сансары отраженный лик» (2009) [Чонгонов 2009: 7–38]. Метафорическое название раздела можно прочесть по-разному: как фразеологизм (ясно, отчетливо, близко видеть), «степь на ладони планеты», «степь на моей ладони» как символ взаимосвязи поэта с родным краем.

Часть стихотворений из первой книги вошла во вторую авторскую книгу. Обратимся к образу ковыля в национальной пейзажной картине поэта в указанном разделе. Из двадцати восьми текстов в шестнадцати присутствует ковыль – повсеместная трава калмыцкой степи.

Рассмотрим, в каком качестве и виде ковыль изображен в чонгоновских стихах. В первой книге стихотворение «Со степи начинаюсь...» (1981) открывало знакомство читателя с поэтом, во второй книге первая встреча с ковылем в стихотворении «В родные края после долгой разлуки...» (1998). Лирический субъект по дороге домой вспоминал: «Там *вьется ковыль бунчуком Чингисхана*» [Чонгонов 2009: 13]. Эта историческая связь монголоязычного народа с легендарным предком Чингисханом, основателем Монгольской империи в XIII в., связывает его потомков с Российским государством, подданство которого калмыки добровольно приняли в начале XVII в. Бунчук «как вид военной символики представлял собой знак военной власти в виде древка, увенчанного навершием, а под ним украшенного большой кистью из хвоста лошади, яка или шелка. <...> использовался как атрибут власти хана, полководца и входил в число священных символов в государствах, входивших в состав империи Чингисхана» [Ахмеджан 2024: 173]. «Бунчуки изготавливались из конского волоса, были черного, красного и белого цветов» [Ахмеджан 2024: 173]. Согласно версии, белое и черное знамя использовались в эпоху Чингисхана: «...”белое знамя” представляло собой бунчук, к которому “привязывались хвосты от девяти белых коней”. Оно

выставлялось в ханстве монгольского правителя в мирное время» [Бобров, Худяков 2008: 314], черное знамя с бунчуком из хвостов вороных коней символизировало ханскую силу и сопровождало хана в военных походах [Бобров, Худяков 2008: 314]. Таким образом, в стихотворении калмыцкого поэта пряди ковыля сравниваются с белым бунчуком мирного времени.

Историческая панорама родной степи развернута в стихотворении «О, степь моя!», где поэт подчеркнул: «Ты пронесла сквозь вечность, сохранив / Следы народов, смены поколений, / Протяжных песен плачущий мотив» [Чонгонов 2009: 17]. Эта степь знала скифов, сарматов, аланов, хазаров. И потому: «Я знаю, что не от солнца сед / Ковыль, в себя твою вобравший душу. / Ты столько в жизни испытала бед, / Что слез не в силах выплакать наружу» [Чонгонов 2009: 17]. Ср. в стихотворении: «Бездонна высь, *ковыль от солнца сед...*» («Ты просишь: “Расскажи мне о степи...”») [Чонгонов 2009: 25]. Риторический вопрос в другом стихотворении: «Почему *поседел ковыль*, / С вечной болью / Склоняя свой стан? / Чью любовь / Он в степи схоронил? / Чью он душу врачует от ран?» («Почему поседел ковыль...») [Чонгонов 2009: 26]. Лирическому субъекту приходят ночью «сны – виденья родимых степей», где «табуны быстроногих коней / И *седая печаль ковылей*» («Журавли вы мои, журавли...») [Чонгонов 2009: 34]. Автор сравнил себя с ковылем: «Со степи начинаюсь, / С ковыля начинаюсь. / Тонкостанной былинкой / Под ветром качаюсь» («Со степи начинаюсь...», 1981) [Чонгонов 2009: 16]. Эту связь он актуализирует и как поэт: «Лишь *ковылем немногословным* / Жизнь обесцветила виски» («Курган, как старец смуглолицый...») [Чонгонов 2009: 38]. Метафоры и сравнения ковыля в любовном мотиве, напротив, демонстрируют молодость: «Заря, влюбленной девушкой, кургану / *Ковыльный чуб* взлохматил небрежно» («Заря, влюбленной девушкой, кургану...») [Чонгонов 2009: 21]. Типичное сравнение травы с волной дополняется «бахромой» в стихотворении «Мир заново создан сегодня...»: «Вскипает волнистою пеной / У ног *бахрома ковыля*» [Чонгонов 2009: 30]. Сравнение степи, белой от ковыльных локонов, с поседевшей матерью, манифестирует любовь к родному краю: «Дни и ночи *ковыльные локоны* / Ветер в сердце моем тербит. <...> Степь любимая, белая, белая, / Как моя поседевшая мать» («Степь моя! Золотая и серая...») [Чонгонов 2009: 33].

В той же книге в другом разделе «Край мой серебряный, юности край» также продолжена ковыльная тема. Коннотации смерти имеет ковыль в стихотворении «Храню в душе виденье юных лет...», в котором встреча со стариком, передавшим свой опыт: «А мудрость старика курган признал, / Под *саван ковыля* его призвал» [Чонгонов 2009: 51]. Судя по контексту, старик-калмык и саван (христианская деталь погребения) никак не может быть соотнесен с ним. Те же коннотации обусловили обобщенный образ конницы с клинками в степи, где «*Поник печальной головой / Ковыль*» [Чонгонов 2009: 79]. Одиночество уставшего от жизни человека, лежащего в «безнадежной» степи, усугублено указанием цвета и звука ковыля: «Надо мною *ковыль пожелтевший скрипит*» («Я – один. Словно гладкая белая кость...») [Чонгонов 2009: 91]. Ороним Ергени появляется в описании его ковыльной гривы: «И, как грозные волны великого древнего моря, / Под *ковыльную гривой* застыли холмы Ергеней!» («Здесь суровые

ветры неистово в скорости спорят...)» [Чонгонов 2009: 107]. Ночной водопой сайгаков, сопряженный с опасностью, провоцирует при движении стада сравнение: «*Хрустит ковыль, как кости в башне пыток*» («Луна упала на рога сайгачьи...») [Чонгонов 2009: 152]. Акустический код в стихотворении о любви сопряжен с песней ковыля: «Любимый, не грусти! / Смотри – твоей озвучены любовью, / Поют в степи *седые ковыли*» («Любовь моя! Ты воскрешаешь взглядом...») [Чонгонов 2009: 183]. В этом разделе из 39 текстов 6 текстов включают образ ковыля. В двух разделах книги поэта ковыльная тема представлена в 22 нарративах.

В лирике Риммы Ханиновой (г.р. 1955) образ ковыля появляется в жанре сновидения, передавая ностальгию сосланных калмыков: «Им снилась степь в *раздолье ковыля*, / В весеннем мареве родимая земля...» («Им снилась степь в раздолье ковыля...») [Ханинова 1994: 108]. Мотив памяти, личной и исторической, отсылает в этом цикле «Сибирской памяти тетрадь» (1991) к трагическим страницам XX в. Словосочетание «раздолье ковыля» являет ассоциацию с широким простором родной степи (долины, низины), с многострадальной долей своей земли.

В новых стихах Р. Ханиновой о ковыле есть «Триады» (2025), написанные в фольклорном жанре «хурвнтс». «Три белых. *Летний ковыль – белый*. / Легкий путь – белый. / Ласковое слово – белое; Три острых. *Зерновка ковыля – острая*. / Злая речь – острая. / Зависть – острая; Три длинных. *Ости ковыля – длинные*. / Осенние дни – длинные. / Оставленные дела – длинные» [Ханинова 2025b]. Белый цвет в культуре монголоязычных народов означает доброе, чистое, сакральное.

Фитопортрет ковыля, названный «Хан степи – ковыль» (2025), написан двестишными строфами: «В степи калмыцкой *ханство ковыля*, / Куда ни глянешь – здесь его земля. // Ковыль кочевнику был издавна собрат: / Вынослив, выдержан и также коренаст. // Он врос давно в неласковую степь, / Он с ветром песни долго будет петь. // И, объезжая ханство, как всегда, / Привстанет в стремях: вся даль видна. // Там *бунчуки белеют из остей* – / По всей равнине *рати ковылей*. // И на кургане восседает хан, / Обозревая свой могучий стан» [Ханинова 2025v].

В калмыцкой степи обитают три вида ковыля: ковыль перистый (*Stipa pennata*), ковыль Лессинга (*Stipa lessingiana*), ковыль волосовидный (*Stipa capillata*). Все они занесены в Красную книгу Калмыкии и Красную книгу РФ как исчезающие виды растений.

Другой фитопортрет «Калмыцкий ковыль» (2025) создан в жанре «вертикальных стихов». Форма такого текста отсылает к старомонгольской письменности, к ойрат-калмыцкому «тодо бичг» – «ясное письмо», в котором строки располагаются не горизонтально, а вертикально. Исторический ракурс включает эпоху Чингисхана и эпоху XX века: метафора ковыля как бунчука Чингисхана из чонгоновского стихотворения [Чонгонов 2009: 13] разворачивается здесь в три цвета – белый, черный и красный. Красный цвет в своей семантике контекстно связан с сибирским снегом – ссылкой калмыков в период тоталитарных репрессий (1943–1957), со смертью, болезнями, холодом и голодом.

Калмыцкий ковыль

К	Ч	К	Н	Б
О	И	А	А	У
В	Н	К		Н
Ы	Г		В	Ч
Л	И	Ч	Е	У
Ь	С	Е	Т	К
	Х	Р	Р	
К	А	Н	У	В
А	Н	Ы		
К	А	Й	К	С
			А	И
Б	В	Б	К	Б
Е		У		И
Л	М	Н	К	Р
Ы	И	Ч	Р	С
Й	Р	У	А	К
	У	К	С	О
Б			Н	М
У		В	Ы	
Н			Й	С
Ч		Б		Н
У		О		Е
К		Ю		Г
				У

[Ханинова 2025a]

Итак, в современной калмыцкой русскоязычной лирике образ ковыля неравномерно представлен в творчестве указанных поэтов – редко или часто. Наиболее широко фитоним ковыль присутствует в стихах Василия Чонгонова, особенно во второй его книге «Сансары отраженный лик» (2009).

Общим для всех авторов является связь ковыля с родным краем, калмыцкой степью, национальным ландшафтом. Автобиографические детали актуализируют личностное отношение поэтов к заявленной теме. Типичны сравнения ковыля с волнами, волосами, эпитеты белый, седой, волнистый, эпитет степи как ковыльной, седой.

Ср. метафоры, сравнения и эпитеты травы у Д. Насунова (ковыльная тишина, багровый ковыль), у О. Манджиева (неказистый стебель ковыля), у В. Лиджиевой (ковыльная шаль, строй погибших на войне солдат как строй тревожных ковылей, ковыль нетленный), у В. Чонгонова (бунчук Чингисхана, саван, ковыльный чуб, ковыльные локоны, ковыльная грива, бахрома, ковыль

немногословный, печальный, пожелтевший), у Р. Ханиновой (хан степи, ханство ковыля, рати ковылей, бунчуки из остей, разные цвета бунчуков-ковылей).

Ковыль обычно предстает во многих стихах динамичным: бежит, льнет, тяжело дышит, качается, стелется, шевелится, скрипит, хрустит, вьется, никнет, привстанет, восседает. Цветовая палитра травы в основном белая. Исключение: ковыль серебрится, белый, черный и красный бунчуки ковыля. Акустический код растения связан с ветром: шум ковыля, поет ковыль.

Исторический ракурс этого фитонима присутствует в нарративах В. Чонгонова и Р. Ханиновой.

В фольклорной традиции трава имеет антропоморфный признак в стихах авторов. Психологический параллелизм в них определяет взаимосвязь человека и природы.

Фитопортрет ковыля дан в стихах П. Чужгинова и Р. Ханиновой.

В жанровом отношении ковыльная тема не отличается разнообразием в современной калмыцкой русскоязычной лирике. Ср. у Р. Ханиновой: сновидение, триады, вертикальные стихи.

Поскольку в калмыцком фольклоре отсутствуют легенды и предания о появлении ковыля, постольку их нет и в стихах поэтов. Нет и авторских текстов на эту тему.

В то же время поэты не обращаются к описанию ковыля как корма для скота или, наоборот, вредоносного в пору созревания плодов, как букета-украшения для дома, как оберега.

Ковыль в калмыцкой русскоязычной лирике изображен большей частью весною и летом в степном ландшафте. Обычно поэты не выделяют в описании те или иные части растения, дается общее название «ковыль».

Фитопортрет ковыля П. Чужгинов назвал с географической локацией – «Ковыль Калмыкии», Р. Ханинова – с определением «Калмыцкий ковыль», с метафорой «Хан степи – ковыль».

По сравнению с калмыцкой лирикой XX – начала XXI в. у русскоязычных авторов ковыль не показан при описании языческих и буддийских обрядов, например, на праздник Зул: ритуал «нас утулх» («продлить возраст»), когда используются стебли растения. См. в стихотворении Анджи Эрдниеви́ча Тачиева (1920–1993) «Йиртмж» («Вселенная») [Тачиев 1982: 34]. Или на праздник Урс Сар у Аксена Илюмджиновича Сусеева (1905–1995) в стихотворении «Эгчин туск дун» («Песня о сестре», 1967) [Сусеев 1983: 332]. Фитопортреты ковыля представлены только в стихах Михаила Ванькаевича Хонинова (1919–1981) «Хальмгин цаһан толһата өвсд» («Калмыцкие ковыли», 1974) [Хонинов 1974: 64–66] и Эрдни Антоновича Эльдышева (г.р. 1959) «Цаһан өвснэ дун» («Песня ковыля», 2007) [Эльдышев 2013: 16].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ахмеджан 2024 – *Ахмеджан К.С.* Знамена, бунчуки и флаги Золотой Орды // МАИАСП. – 2024. – № 18. – С. 165–187.

Бадакова 2024 – *Бадакова Т.* В краю поющих барханов: сборник прозы и поэзии. – СПб.: Четыре, 2024. – 140 с.

Бобров 2007 – *Бобров Л.А.* Джунгарское ханство – последняя кочевая империя // Наука из первых рук. – 2007. – № 1. – С. 60-69.

Бобров, Худяков 2008 – *Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху Позднего Средневековья и Раннего Нового Времени (XV – первая половина XVIII в.). – СПб.: Фил. фак-т СПбГУ, 2008. – 776 с.

Диалоги во времени и пространстве 2014 – Диалоги во времени и пространстве: поэзия Риммы Ханиновой: учеб. пособие / Т. Бембеев [и др.]. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014. – 228 с.

Коксадаев 2024 – *Коксадаев В.В.* Жизнь – разноцветные мгновения: стихи. – Элиста: [б.и.], 2024. – 80 с.

Лиджиева 1982 – *Лиджиева В.Н.* Обращение к ливню: стихи. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. – 46 с.

Лиджиева 1993 – *Лиджиева В.Н.* Тридцать роз: стихи. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. – 128 с.

Манджиев 1982 – *Манджиев О.Л.* Небесный родник: стихи. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. – 80 с.

Метафоры и метаморфозы 2014 – Метафоры и метаморфозы поэзии Риммы Ханиновой: монография / Е.В. Асмолова [и др.]. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014. – 240 с.

Насунов 1980 – *Насунов Д.* Полет копья: стихи. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. – 61 с.

Насунов 1977 – *Насунов Д.* Поселенцы: стихи. – М.: Современник, 1977. – 78 с.

Санджиев 2009 – *Санджиев Н.* Постигший суть времени // Чонгонов В. Сансары отраженный лик. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. – С. 3–6.

Современная русскоязычная 2013 – Современная русскоязычная поэзия Калмыкии: учеб. пособие. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013. – 128 с.

Сусеев 1983 – *Сусеев А.* Любимая мать – степь моя: избранные поэмы и стихи. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. – 356 с. (На калм. яз.)

Сухотаев 2018 – *Сухотаев В.Г.* Полынным воздухом дышу: стихи. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2018. – 128 с.

Тачиев 1982 – *Тачиев А.Э.* Очаг: стихи и поэмы. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. – 124 с. (На калм. яз.)

Топалова 2014 – *Топалова Д.Ю.* Русскоязычная поэзия Калмыкии: лирика Д. Насунова и Р. Ханиновой: монография. – Элиста: КИГИ РАН, 2014. – 256 с.

Ханинова 2025a – *Ханинова Р.* Калмыцкий ковыль // Ханинова Р.М. Альчик: визуальные стихи. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2025. – С. 66.

Ханинова 2025b – *Ханинова Р.* Триады // Из личного архива поэта.

Ханинова 2025v – *Ханинова Р.* Хан степи – ковыль // Хальмг үнн. – 2025. – 13 декабря. – С. 5.

Ханинова 1994 – *Ханинова Р.М.* Взлететь над мира суетой: стихи. – Элиста: АПП «Джангар», 1994. – 240 с.

Ханинова 2025g – *Ханинова Р.М.* Калмыцкая русскоязычная поэзия рубежа XX – XXI вв.: к истории вопроса // Новый филологический вестник. 2025. № 2(73). С. 346–356. DOI 10.54770/20729316-2025-2-346

Ханинова 2025d – *Ханинова Р.М.* Ковыль в картине мира современных калмыцких поэтов // Новый филологический вестник. – 2025. – № 4(75). – С. 401–411. DOI 10.54770/20729316-2025-4-401

Хонинов 1974 – *Хонинов М.В.* Земля отца: избранные стихи и поэмы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1974. 183 с. (На калм. яз.)

Чонгонов 2009 – *Чонгонов В.* Сансары отраженный лик: стихи. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. – 207 с.

Чонгонов 2000 – *Чонгонов В.Б.* Со степи начинаюсь...: поэтический монолог. – Элиста: АПП «Джангар», 2000. – 48 с.

Чужгинов 2025 – *Чужгинов П.А.* Ничуть не жаль: стихи. – М.: Белый ветер, 2025. – 62 с.

- Чужгинов 2016 – Чужгинов П.А. Родная степь, воспетая стихами. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2016. – 47 с.
- Чужгинов 2020 – Чужгинов П.А. Счастливый я: стихи. – Элиста: [б.и.], 2020. – 101 с.
- Эльдышев 2013 – Эльдышев Э.А. Песни степей и гор: стихи, переводы. – Элиста: Калмыцкое региональное отделение Союза российских писателей, 2013. – 622 с. (На калм. яз.)

REFERENCES

- AKHMEDZHAN K.S. *Znamena, bunchuki i flagi Zolotoj Ordyy* [Banners, bunchucks and flags of the Golden Horde]. In: MAIASP. – 2024. – No. 18. – P. 165–187. (In Russ.).
- BADAKOVA T. *V krayu poyushhix barxanov: sbornik prozy i poezii* [In the Land of the singing Dunes: a collection of prose and poetry]. SPb.: Chety're, 2024. – 140 p. (In Russ.).
- BOBROV L.A. *Dzhungarskoe xanstvo – poslednyaya kochevaya imperiya* [The Dzungarian Khanate – the last nomadic Empire]. In: Nauka iz pervy'x ruk. – 2007. – No. 1. – P. 60-69. (In Russ.).
- BOBROV L.A., KHUDYAKOV YU.S. *Vooruzhenie i taktika kochevnikov Central'noj Azii i Yuzhnoj Sibiri v e'poxu Pozdnego Srednevekov'ya i Rannego Novogo Vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.)*. [Armament and tactics of the nomads of Central Asia and Southern Siberia in the Late Middle Ages and Early Modern Times (XV – the first half of the XVIII century.)]. – SPb.: Fil. fak-t SPbGU, 2008. – 776 p. (In Russ.).
- Dialogi vo vremeni i prostranstve: poeziya Rimmy Xaninovej: ucheb. posobie* [Dialogues in time and space: the poetry of Rimma Khaninova: textbook. manual] / T. Bembeev [et al.]. – Elista: Izd-vo Kalm. un-ta, 2014. – 228 p. (In Russ.).
- KOKSADAEV V.V. *Zhizn' – raznocvetny'e mgnoveniya: stixi* [Life is a colorful moment: poems]. – Elista: [b.i.], 2024. – 80 p. (In Russ.).
- LIDZHIEVA V.N. *Obrashhenie k livnyu: stixi* [Appeal to the rainstorm: poems]. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1982. – 46 p. (In Russ.).
- LIDZHIEVA V.N. *Tridczat' roz: stixi* [Thirty roses: poems]. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1993. – 128 p. (In Russ.).
- MANJIEV O.L. *Nebesny'j rodnik: stixi* [Heavenly Spring: poems]. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1982. – 80 p. (In Russ.).
- Metafory i metamorfozy poezii Rimmy Xaninovej: monografiya* [Metaphors and metamorphoses of Rimma Khaninova's poetry: a monograph] / E.V. Asmolova [et al.]. – Elista: Izd-vo Kalm. un-ta, 2014. – 240 p. (In Russ.).
- NASUNOV D. *Polet kop'ya: stixi* [Flight of the spear: poems]. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1980. – 61 p. (In Russ.).
- NASUNOV D. *Poselency: stixi* [Settlers: poems]. Moscow: Sovremennik, 1977. – 78 p. (In Russ.).
- SANJIEV N. *Postigshij sut' vremeni* [Comprehending the essence of time]. In: Chongonov V. *Sansara reflected face*. – Elista: ZAOr «NPP «Dzhangar», 2009. – P. 3-6. (In Russ.).
- Sovremennaya russkoyazychnaya poeziya Kalmykii: ucheb. posobie* [Modern Russian-language poetry of Kalmykia: textbook. stipend]. – Elista: Izd-vo Kalm. un-ta, 2013. – 128 p. (In Russ.).
- SUSEEV A. *Lyubimaya mat' – step' moya: izbranny'e poemy i stixi* [My beloved Mother, My Steppe: selected poems and poems]. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1983. – 356 p. (In Kalm.).
- SUKHOTAEV V.G. *Poly'nnym vozduxom dy'shu: stixi* [I breathe wormwood air: poems]. – Elista: ZAOr «NPP «Dzhangar», 2018. – 128 p. (In Russ.).
- TACHIEV A.E. *Ochag: stixi i poemy* [Hearth: poems and poems]. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1982. – 124 p. (In Kalm.).
- TOPALOVA D.Y. *Russkoyazychnaya poeziya Kalmykii: lirika D. Nasunova i R. Xaninovej: monografiya* [Russian-language poetry of Kalmykia: the lyrics of D. Nasunov and R. Khaninova: monograph]. – Elista: KIGI RAN, 2014. – 256 p. (In Russ.).
- KHANINOVA R. *Kalmyczkij kovyl' [Kalmyk grasshopper]*. In: From the poet's personal archive. (In Russ.).
- KHANINOVA R. *Triady* [Triads]. In: From the poet's personal archive. (In Russ.).

KHANINOVA R. *Xan stepi – kovy'l'* [Khan of the steppe – kovy'l]. In: Halmg Unn. – 2025. – December 13. – P. 5. (In Russ.).

KHANINOVA R.M. *Vzletet' nad mira suetoj: stixi* [Soaring above the world of vanity: poems]. – Elista: APP “Dzhangar”, 1994. – 240 p. (In Russ.).

KHANINOVA R.M. *Kalmy'czkaya russkoyazy'chnaya poe'ziya rubezha XX–XXI vv.: k istorii voprosa* [Kalmyk Russian language poetry of the turn of the XX – XXI centuries: on the history of the issue]. In: *Novy'j filologicheskij vestnik*. – 2025. – No. 2(73). – P. 346–356. DOI 10.54770/20729316-2025-2-346 (In Russ.).

KHANINOVA R.M. *Kovy'l' v kartine mira sovremenny'x kalmy'czkix poe'tov* [A wobble in the worldview of modern kalmyk poets]. In: *Novy'j filologicheskij vestnik*. – 2025. – No. 4(75). – P. 401–411. DOI 10.54770/20729316-2025-4-401 (In Russ.).

KHONINOV M.V. *Zemlya otca: izbranny'e stixi i poe'my'* [Father's Land: selected poems and poems]. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1974. – 183 p. (In Kalm.)

CHONGONOV V. *Sansary' otrazhenny'j lik: stixi* [Sansara reflected face: poems]. – Elista: ZAO «NPP «Dzhangar», 2009. – 207 p. (In Russ.).

CHONGONOV V.B. *So stepi nachinayus'...: poe'ticheskij monolog* [I start from the steppe...: a poetic monologue]. – Elista: APP “Dzhangar”, 2000. – 48 p. (In Russ.).

CHUZHGINOV P.A. *Nichut' ne zhal': stixi* [It's not a pity at all: poems]. – Moskva: Bely'j veter, 2025. – 62 p. (In Russ.).

CHUZHGINOV P.A. *Rodnaya step', vospetaya stixami* [Native steppe, sung in verse]. – Elista: ZAO «NPP «Dzhangar», 2016. – 47 p. (In Russ.).

CHUZHGINOV P.A. *Schastlivy'j ya: stixi* [Happy me: poems]. – Elista: [b.i.], 2020. – 101 p. (In Russ.).

ELDYSHEV E.A. *Pesni stepej i gor: stixi, perevody'* [Songs of the steppes and mountains: poems, translations]. – Elista: Kalmy'czkoe regional'noe otделение Soyuza rossijskix pisatelej, 2013. – 622 p. (In Kalm.)

Информация об авторе

Р.М. Ханинова – доктор филологических наук.

Information about the author

R.M. Khaninova – Doctor of Philological Sciences.

Статья поступила в редакцию 07.09.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 07.09.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Научная статья
УДК 398.3(470.65)
DOI:10.31143/2542-212X-2025-4-431-440
EDN: VYECIB

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ УНИВЕРСАЛИЯ «ЧАС ПРОШЕНИЙ»
(«ЦЫКУРАЙЫ САХАТ» / «КУРДИАТЫ САХАТ»)
В «НАРТИАДЕ» И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ ОСЕТИН**

Залина Константиновна Кусаева

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Владикавказского научного центра Российской академии наук, г. Владикавказ, Россия, kusaevaz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6056-6562>

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена исследованию универсалии «час прошений» («цыкурайы сахат» / «курдиаты сахат»), включенной в концептуальное поле мотива «исполнение желаний», весьма популярного в текстах осетинской «Нартиады». В качестве архетипического ядра в нем репрезентируются важнейшие мифологические значения, среди которых одним из наиболее существенных видится инициационный мотив женитьбы Нарта Бора на Небесной красавице. Символическая парадигма приведенного космогонического мифа обусловлена процессом превращения Хаоса в упорядоченный Космос, поскольку он воспроизводит события эпохи первотворения. Семантическая реконструкция данного мифологического сюжета, первопричиной которого был свадебный мотив, наглядно демонстрирует идею преобразования личного в надличное. Вызывает значительный интерес, что мотив «исполнения желаний» в сюжетах эпоса эксплицитно включает в себя религиозно-мифологическую и магическую семантику. Показательными являются молитвенные обращения героев с различными просьбами к Создателю, которые в точности экспонируют элементы обрядового моления, являющегося важнейшей составляющей ритуальной культуры осетин. Примечательно, что в условиях современного научно-рационального общества представления о чудесном времени продолжают влиять на картину мира в социуме, оставаясь на уровне осознанных установок. Отмеченные убеждения сохранили свою актуальность и наглядно прослеживаются в фольклорно-этнографической традиции осетин.

Ключевые слова: осетинская «Нартиада», час прошений, исполнение желаний, Врата Небес, космогонические мифы.

Для цитирования: Кусаева З.К. Семантическая универсалия «Час прошений» («Цыкурайы Сахат» / «Курдиаты Сахат») в «Нартиаде» и этнокультурной традиции осетин // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 431-440. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-431-440. EDN: VYECIB.

© Кусаева З.К., 2025

Original article

**SEMANTIC UNIVERSAL "HOUR OF PETITIONS"
("TSYKURAYI SAHAT" / "KURDIATS SAHAT") IN "NARTIADA"
AND THE ETHNOCULTURAL TRADITION OF THE OSSETIANS**

Zalina K. Kusaeva

V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanities and Social Studies – Branch of the Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences Vladikavkaz, Russia, kusaevaz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6056-6562>

Summary. This article is devoted to the study of the universal concept of the "hour of petitions" ("*tsyuray sahat*" / "*kurdiaty sahat*"), included in the conceptual field of the motif of "fulfilment of desires," which is very popular in the texts of the Ossetian "Nartiada." As an archetypal core, it represents the most important mythological meanings, among which one of the most significant is the initiatory motif of Nart Bora's marriage to the Heavenly Beauty. The symbolic paradigm of this cosmogonic myth is conditioned by the process of transforming Chaos into an orderly Cosmos, as it reproduces the events of the era of creation. The semantic reconstruction of this mythological plot, the primary cause of which was the wedding motif, clearly demonstrates the idea of transforming the personal into superpersonal. It is of considerable interest that the motif of "fulfilling wishes" in the plots of the epic explicitly includes religious and mythological and magical semantics. The heroes' prayers with various requests to the Creator are indicative, as they accurately reflect elements of ritual prayer, which is an essential component of Ossetian ritual culture. It is noteworthy that in the context of modern scientific and rational society, ideas about miraculous times continue to influence the worldview of society, remaining at the level of conscious attitudes. These beliefs have retained their relevance and are clear in the folklore and ethnographic traditions of the Ossetians.

Keywords: Ossetian Nartian, hour of supplication, fulfilment of wishes, Gates of Heaven, cosmogonic myths.

For citation: Kusaeva Z.K. Semantic universal "Hour of petitions" ("*Tsykurayi sahat*" / "*Kurdiats sahat*") in "Nartiada" and the ethnocultural tradition of the Ossetians. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 431-440. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-431-440. EDN: VYECIB.

© Kusaeva Z.K., 2025

Введение

В религиозно-мифологических и фольклорно-этнографических традициях различных народов мира мотив «исполнения желаний» как универсальная категория получил широкое распространение. Заметная роль ему отведена в Нартовском эпосе осетин, в текстуальном пространстве которого данная архисема интегрировала в себе концепт «час прошений» («*цыкурайы сахат*» / «*курдиаты сахат*»). Примечательно, что в эпических текстах мифологема «*цыкура*» в значении 'что попросишь' встречается в наименованиях ряда культурных терминов, например, *цыкурайы сертæ фаты* (три стрелы желаний). Их этимологическое толкование, предложенное В.И. Абаевым, неоспоримо обосновано (су 'что' *kūraj* 'просить') [Абаев 1958: 320]. Вместе с тем обнаруживается неоднозначность терминов, кажущихся, на первый взгляд, тождественными. Так, в фольклоре и этнографии осетин существует священная реликвия с аналогичным названием – *Цыкура-фæрдыг* (бусина Цыкура / Чудесная бусина), в природе которого отсутствуют прямые ассоциации с общепринятой этимологией, поскольку, его смысловое содержание и функциональные особенности в большей степени соответствуют значению "солнечная бусина". Происхождение термина «бусина желаний», закрепленного за чудесным предметом, на наш взгляд, является

результатом фразеологического сращения и основано на принципах народной этимологии, построенной на сближении слов и наложении понятий, согласно их внешнему сходству, но не имеющих твердой опоры в реальных фактах истории языка и сакральных свойствах бусины [Кусаева 2020: 163].

Результаты

Традиционная культура осетин включает в себя совокупность факторов, характеризующихся представлениями о чудесном времени (периоде), в пределах которого осуществляется желаемое. Стоит заметить, что в условиях современного научно-рационального общества данные воззрения продолжают влиять на картину мира в социуме, оставаясь на уровне осознанных установок. Отмеченные убеждения сохранили свою актуальность и наглядно репрезентируются в устных рассказах приверженцев традиционных верований, один из которых был записан нами в ходе экспедиционных исследований от Мамиевой-Дзапаровой Джульетты Георгиевны:

«Моя свекровь, Плиева Валентина Федоровна (1931 года рождения) говорила так: «От праздника *Цыппурс* (праздник пробуждения природы и рождения нового Солнца в период зимнего солнцестояния, также отождествляется с Рождеством. – З.К.) до *Доныскъæфæнтæ* (букв. «принесение воды»), небесные покровители вершат правосудие над людьми. Они летают низко над их головами и слышат все их речи, понимают все их желания и мысли. И на каждое наше слово они говорят: «Аминь!». В эти дни нужно произносить благопожелания семье, каждое желание бывает исполнено небесными силами. И все должны думать только о хорошем, потому что все мысли осуществляются».

В эти дни свекровь выражала добрые пожелания всем домочадцам: своим младшим, невесткам, детям. Эту традицию она наблюдала в своей семье, в доме своих родителей, Плиевых. Они всегда очень ждали праздника *Цыппурс*. Вплоть до дня *Доныскъæфæн* соседи и родственники ходили друг к другу и произносили благопожелания. Все верили, что наступило время чудес, что нужно относиться к ним с почтением, что осуществляются все их мысли, мечты и желания».

(*Ме 'фсин, Плиты Валентинаæ Федыры чызг (1931 азы гуырд) афта дзырдта: «Цыппурсæй Доныскъæфæнмæ зæдтæ æмæ дауджытæ тæрхон фæкæныныц адамы. Ныллæг фæтæхыныц адамы сæрты æмæ фехъусыныц алкайы ныхæстæ, æмæ алкайы хъуыдытæ æмæ фæндтæ дæр бамбарыны. Нæ алы ныхасæн дæр кæныныц «Оммен!». Уыцы бонты хъæуы бинонтæн арфæтæ кæнын, алы арфæ дæр сæххæст кæныныц уæларвон тыхтæ. Стæй алкæмæн дæр йæ миддунейы æрмæст хорз хъуыдытæ уа, уымæн æмæ æппæт дæр сæххæст вæййыны.*

Уыцы бонты æфсин кодта арфæтæ бинонтæн: йа цотæн, чындзытæн, сывæллæттæн. Уыцы æгъдау федта йа цæгаты, Плиты хæдзары. Бинонтæ Цыппурсы бæрæгбонмæ тынг æнхъæлмæ кастысты. Суанг Доныскъæфæнмæ-иу сыхæгтæ æмæ хиуæттæ кæрæдзимæ цыдысты æмæ арфæтæ кодтой. Алкайы дæр уырныдта, кæй ныллæуыдысты алæмæттаг бонтæ, кæй сæ хъæуы сбуц кæнын, кæй сæххæст уыдысты сæ хъуыдытæ, бæллицтæ æмæ арфæтæ)¹.

Мифомышление осетин, как архаичная форма осмысления действительности, является источником глубинных культурных кодов, к которым относится

¹ Материалы полевых исследований З.К. Кусаевой. Инф. Мамиева-Дзапарова Джульетта Георгиевна, 1964 г.р., сел. Коста РСО-Алания. Записано: 14.11.2025 г., г. Владикавказ.

архетип «Арвы дуар» / «Врата Небес», связанный с представлениями о воплощении желаемого. Врата, открывающие сакральный мир, священное пространство, через которое человек получает божественное покровительство и благословение.

Согласно сведениям известного бытописателя и собирателя фольклора осетин Х.Ф. Цгоева, «О счастливом человеке в народе говорят: «Он видел раскрытыми Врата небесные». Все надежды предков осетин всегда были связаны с небом. И в трудный час, и во время радостей они свои судьбы вверяли небесным силам: Всевышнему, Уастырджи и другим небожителям. <...> В их понимании у неба была Ось (Полярная звезда) и Глаз тоже (Сириус). Говорили, что с помощью Глаза Неба Всевышний видит все, что происходит на земле. <...> Да, у Неба есть и Врата. Говорят, они открываются в год один раз, и тому, кто увидит это, предстанут секреты и чудеса святости. В это мгновение, пока врата не закроются, час твоей смекалки. Всевышний, говорят, одарит тебя всем, что ты у него сумеешь попросить» [Цгоев 2017: 38–39].

Как символ мифологических инициаций Врата Небес присутствуют в эпических текстах в качестве ключевого сюжетообразующего компонента. Их сакральный смысл наглядно показан в кадаге «Борæ дзуары хъæуы» («Бора в святом селении»):

*Уыцы растæджы арвы дуар байгом, –
Бæстæ ныххудти, аныгъуылд цины.
Бæрзонд нæзытæ, уым тулдз бæлæстæ
Налхъуыт-налмасау æмæрттывд кодтой,
Сæнтурс суадæттæ хуыртæ æхсадтой,
Амонды уацтæ уым дардмæ хастой.
Борæ уæд райхъал, хъæлдзæгæй касты,
Уымæн йæ цинæн кæрон нæ уыди,
Йæ зардæ схъæлдзæг æмæ ныррухс и.
Уым ын æхсардзæн фæлмæн зард кодта...
Уæд арвы дуарæй æхсинаг ратахт [Нарты кадджытæ. Кн. 6. 2011: 43–44].*

В это время дверь в небеса открылась, –
Мир возрадовался, утонул в ликовании.
Высокие сосны, там деревья дубовые
Подобно бриллиантам сверкали вместе,
Искристо-белые родники омывали гравий,
Вести счастливые вдаль уносили.
И Бора проснулся, весел был взгляд,
И его радости предела не было,
Его сердце развеселилось и наполнилось светом.
Там водопад ему нежно напевал...
И с небесной двери вылетела голубка. (Перевод Л.Б. Моргоевой).

Согласно мифологическим представлениям осетин, Небесные Врата всегда открыты лишь для ласточки, поэтому в сказании «Борæйы чынзæхсæв» («Свадьба Бора») ее именуют Посланицей небес (Арвы минæвар).

*Къуыри куы сæххæст, раст уæд уыцы 'хсæв
Арвы дуар байгом æмæ уырдыгмæ*

Арвы минавар – зæрватыкк – ратахт,
 Æхсæрдзæны цур дуры цур абадт, –
 Æхсæрдзæнимæ зарын байдыдтой,
 Хæхтæ, бæлæстæ æдзынæг хъуыстой.
 Сæнтурс æхсæрдзæн æмæ зæрватыкк
 Сæ зарæджы дзырд Борæмæ 'рвыстой
 «Ахсæвы 'хсæвæн йæ къуыри æхсæв
 Куы рарвитис ды дæ минæвæртты,
 Суадоны сæхи куы ныннаиккой,
 Сæ сæхъис дарæс куы раивиккой,
 Дарийæ дарæс уæд куы скæниккой,
 Стæй уæд афтæмæй куы 'рбацæуиккой,
 Кувæндонны раз уым куы 'рлæууиккой,
 Физонæджы тæф уым куы суадзиккой,
 Уæд стыр курдиат бæргæ райсиккой:
 Фæндаг уæларвмæ уæд ыссариккой,
 Уæларвмæ йыл уæд хъæлæкк цæуиккой,
 Арвы асинтыл цъиуау тæхиккой».
 Æмæ сæ зарæг гъе ууыл фесты... [Нарты кадджытæ. Кн. 6. 2011: 45].

Когда прошла неделя, ровно в эту ночь
 Дверь в небо открылась и прямо вниз
 Посланница Неба – ласточка – вылетела,
 У водопада на камень села, –
 Вместе с водопадом начали петь,
 Горы, деревья внимательно слушали.
 Искристо-белый водопад и ласточка
 Слова своей песни посылали Бора
 «В недельную ночь с этой ночи
 Если бы послал ты своих сватов,
 В роднике если бы искупались,
 Свою одежду из грубой шерсти сменили бы,
 Шелковую одежду если надели бы,
 И затем в таком виде если пришли бы,
 Возле святилища остановились бы,
 Аромат шашлыка там вознесли бы,
 То великий дар тогда получили бы:
 Дорогу в небеса тогда нашли бы,
 По ней в небеса, конечно, прошли бы,
 По небесным лестницам летели б словно птица»
 И свою песню на том завершили... (Перевод Л.Б. Моргоевой).

По уточнениям, приведенным Х.Ф. Цгоевым, «Когда открываются Врата небесные, становится видна Небесная лестница, по которой подобно птице можно взлететь в поднебесье. Когда по воле Всевышнего посланцам рода Бората открылись Врата Небесные и показались ступени лестницы, ведущей в поднебесье, то они увидели, что ступеней пять, столько же по числу, сколько было посланцев рода Бората. У его подножия стояло пять пар золотых сапог (столько, сколько было посланцев-гостей). Седобородые старцы обулись в них и поднялись по ступеням лестницы, взлетели как птицы во двор Всевышнего» [Цгоев 2017: 183].

Семиотическое значение восхождения по лестнице в инициационных мифах, связанных с мотивом сватовства, является универсальной схемой перехода границы от земного к божественному миру. Соответственно, восшествие по Небесной лестнице, которое совершает Бора со своими почтенными спутниками, символизирует путь посвящения, способ достижения желаемого и конечной цели инициации: женитьбы на Небесной красавице и гармонизации мира.

Мотив «исполнения желаний» в сюжетах эпоса эксплицитно включает в себя религиозно-мифологическую и магическую семантику. Показательными являются молитвенные обращения героев с различными просьбами к Создателю. Введенные в эпический контекст, они в точности репрезентируют элементы обрядового моления, являющегося важнейшей составляющей ритуальной культуры осетин:

*Куы райста хистæр ронг æд физонæг,
Уæд, дын, скуывта: «Хуыцауæн æхцон уæд!
Лæппуйы бæллиц йæ къухты бафтад!
Йæ Уастырджы-иу йæ рахиз фарс уæд!
Йæ даргъвæндагыл куыннæ фæтыхса!
Рауай, ацаход, Борæ дахæдæг!»* [Нарты кадджытæ. Кн. 6. 2011: 46].

Когда поднял старший ронг с шашлыком,
То взмолился: «Да будет Богу угодно!
Да сбудется желание юноши!
Его Уастырджи да будет справа!
На своем долгом пути чтоб не знал тревоги!
Подойди, Бора, причастись сам!» (Перевод Л.Б. Моргоевой).

Рассматривая проявления универсального и локального в фольклорных текстах, важно заметить, что их национально-специфические особенности зачастую органично соединяют в себе черты универсальные для космогонических мифов различных культур. Например, общим типологическим признаком мотива добывания невесты, обусловленного желанием героя жениться на Дочери Солнца, Красе мира, дочери владыки водной стихии, является метафорой священного брака Неба и Земли, Неба и Воды, происходящих в мифическое время, которое Е.М. Мелетинский определил как время первопредметов, перводействий и первотворения, отраженное прежде всего в мифах творения – космогонических, антропогонических, этиологических [Мелетинский 1980: 252–253]. Таким образом, сказание о женитьбе Бора на Небесной красавице иллюстрирует процесс превращения Хаоса в упорядоченный Космос, поскольку он воспроизводит события эпохи первотворения. Соответственно в данном мифологическом сюжете, первопричиной которого был свадебный мотив, прослеживается идея преобразования *личного* в *надличное*.

Анализируя универсальное понятие «исполнение желаний» в русской фольклорной традиции на примере сопоставления художественных миров волшебной сказки и литературного агиографического жанра, Е.М. Неелов определяет сходство и родство мотивов сказки о Емеле и текста древнерусского жития святого Сергия Радонежского. Автор подчеркивает, что в обоих жанрах «исполнение

желаний» носит надличный характер. Со ссылкой на А.В. Юдина¹, Е.М. Неелов отмечает очевидность того, что в агиографическом тексте герой желает не для себя, а для всех, он болеет «за други своя». В фольклорном произведении из русского сказочного репертуара – о Емеле-дураке, главное желание – это желание любви, которое в итоге восстанавливает мировую гармонию и спасает мир. Так, личное (нарубить дров) превращается в *надличное* (спасти мир). Рассматривая преобразование смыслового значения желания как парадигму, ученый сложил цепочку: «по моему прошению» – «по батюшкиному и матушкиному благословению» – «по Божьему благословению». Эта последовательность наглядно показывает переход от личного в надличное [Неелов 2008: 48].

Несомненно, универсальным можно признать мифологическое мышление в целом, соответственно, универсальны и магические действия, направленные на достижение желаемого, например, различные превращения эпических героев: «Дзерасса дын дыргътае хæрынмæ бацыбæл ис æмæ айвæзта йæ сæры хил цыкурайы сахат æмæ фестадис кæсаг æмæ сфардаг фурды былмæ, стæй та фестад хины æмæ цæллаг рувасы хуызы æмæ бафардаг Буафæрныджы дыргъдонмæ (Дзерасса соблазнилась отведать фруктов и потянула свой волос на голове в *час прошений*, и превратилась в рыбу, и очутилась на берегу моря, а потом превратилась в хитрую и неуголимую лисицу и направилась в сад Буафарныга» [Нарты кадджытæ. Кн.1. 2003: 26–27].

Универсальный принцип символизации культурного феномена «час прошений» синонимичен с понятием «золотая минута суток». Согласно мифологическим представлениям, в течении каждых суток существует одна минута, когда между людьми и Высшими силами, управляющими их судьбой, открывается прямой канал связи. И все, о чем просит человек в эту минуту, непременно сбывается. В древности «золотую минуту суток», как и другие промежутки времени, высчитывали с помощью солнечных часов, используя положение тени, а также водяных, песочных и огневых часов. «Золотая минута дня – это момент, когда время и пространство словно истончаются, пропуская энергетические импульсы. <...> В этот момент Вселенная слышит каждый вздох, шепот и даже сокровенную мысль. Именно в этот момент вы должны успеть сказать самые важные слова. <...> Пожелания, высказанные в золотую минуту, должны быть чистыми и светлыми, не должны содержать негатива, направленного на окружающее»².

В данном контексте важным периодом с древних времен считается день летнего солнцестояния, являющийся особым астрономическим событием, символизирующим апогей мощи природы. В этот день солнце описывает самый длинный путь по небосводу и достигает наивысшей точки над горизонтом. Это явление, окруженное магическими верованиями, отмечалось как ключевой момент в календаре, когда Солнце, олицетворяющее божественный мир, достигает своего зенита. Соответственно, данный период во многих культурах считался наиболее благоприятным для исполнения желаний.

¹ Юдин А.В. Русская народная духовная культура. М., 1999. С. 220-222.

² Золотая минута дня. URL: <https://mixnews.lv/magiya/2023/11/22/zolotaya-minuta-dnya-volshebnoe-vremya-ispolneniya-zhelaniy-vot-kak-poschitat-i-kak-zagadat-zhelanie/> (дата обращения: 20.11.2025).

Как было отмечено, универсалия «час прошений» в осетинской «Нартиаде» закреплена в устойчивых словосочетаниях *цыкурайы сахат* и *курдиаты сахат / рæстæг* (время). «*Курдиаты рæстæг* – Благословенный чудесный час, за время которого Всевышний, сотворенные им зеды и дауаги исполняют просьбы и молитвы людей. *Курдиаты сахат* (час прошений) – это час свершения людских просьб. В час свершений Дзерасса потянула себя за волосинку, и они оба (с Ах-шаром) обернулись осетрами и со дна моря отправились наверх, на сушу» [Цгоев 2017: 183]. Развивая данное положение, Л.Б. Моргоева справедливо отмечает: «Из указанных сочетаний следует, что возможность прошения регламентирована и имеет свое время, место и повод, а значит, надо полагать, тщательно взвешивалась необходимость использования возможности такого прошения» [Моргоева 2018: 195].

Особое значение в эпических сюжетах придается магическим манипуляциям героев с волосами в час прошений, на которые также обратила внимание М.В. Дарчиева: «Синонимичные фразеологизмы *курдиаты сахат* и *цыкурайы сахат* – момент, когда герои обращаются к небесным силам с просьбой о необходимой им помощи; например, если герою нужно превратиться в хтоническое существо. Обращению способствует ритуал с вытягиванием волоса: «*Уæд дын Елазар аивæзта курдиаты сахат дзелолы хъис æмæ фестæди йæхæдæг æргъон кæсаг æмæ Хæмыцы æрбадын кодта йе ‘ккой, йæ базырты астæу* [Нарты кадджытæ. Кн.1. Кн.3. 2005: 290]. (Тогда Елазар потянул в необходимый час щетинку, и превратился в перламутровую рыбу, и посадил Хамыца себе на спину, меж своих крыльев» [Дарчиева 2017: 271].

Известно, что во всех религиозно-мифологических традициях существует определенное отношение к волосам со своими принципами и предписаниями. Волосы принято считать накопителями энергии, которые несут в себе жизненную силу. Во многих культурах волосы воспринимаются как священный аспект человеческой природы и источник духовной силы, что обусловлено с их связью с энергетическими центрами (чакрами)¹.

Вместе с тем один из возможных мотивов, заключающихся в вырывании волос, очевидно связан с энергетическими практиками и может являться символическим актом, направленным на очищение или изменение судьбы человека, а в эпических текстах способствовать инициациям героев.

Семиотическое значение волос в различных магических церемониях рассматривается в монографии М. Элиаде «Шаманизм: архаические техники экстаза». Ученый приводит несколько примеров объясняющих функцию мифов, ритуалов и символов «перехода» в мифологии и практике шаманизма. Описывая наряд алтайского шамана, он отмечает, что к его кафтану пришивали множество ленточек, символизирующих змей, либо волосы: «Дальше на север змеиное значение этих ленточек постепенно исчезает, уступая место другой магико-религиозной системе ценностей. Так, например, некоторые остяцкие шаманы говорили Доннеру, что эти ленточки имеют те же свойства, что и волосы (Kai Donner,

¹ Astro MERIDIAN/ Волосы в духовном плане – значение символики. URL: <https://www.astromeridian.ru/magic/what-does-hair-symbolize-spiritually.html> (дата обращения: 29 ноября 2025 г.).

Ornements de la tete et de la chevelure, p. 12; *ibid.*, p.14, fig.2, наряд остякского шамана с массой ленточек, спадающих до стоп; см. Harva, Die religiösen Vorstellungen, fig. 78). Якутские шаманы называют ленточки «волосами» (Harva, p. 516). Мы являемся здесь свидетелями смещения значения, явления довольно частого в истории религий: магико-религиозное значение змей, неизвестное некоторым сибирским народам, – заменено в предмете, который в других районах изображает «змей», магико-религиозным значением «волос», поскольку длинные волосы также обозначают большую магико-религиозную силу, сосредоточенную, как это и следовало ожидать, в чародеях (например, муни из Ригведы, X,136,7), царях (например, вавилонских), героях (Самсон) и т.д. [Элиаде 2000: 87–88].

Заключение

Таким образом, универсалия ‘исполнение желаний’, включающая в свое понятийное поле культурный феномен ‘час прошений’, обусловленная контекстом мифологических инициаций нартовских героев, способствует достижению гармонизации и становления мира. Включенные в эпический контекст, данные архетипы являются медиаторами переходных сценариев, в которых на первый план выдвигается высшая степень проявления надличного в космогонических и этиологических сюжетах осетинской «Нартиады».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев 1958 – *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка в V-ти т. Т. I. – Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1958. – 657 с.
- Дарчиева 2017 – *Дарчиева М.В.* Мифопоэтический хронотоп в осетинских эпических текстах: Монография / М.В. Дарчиева. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2017. – 348 с.
- Кусаева 2020 – *Кусаева З.К.* Цыкура // Известия СОИГСИ. – 2020. – Вып. 38 (77). – С. 154–167. DOI 10.46698/e0722-0119-2033-o
- Мелетинский 1980 – *Мелетинский Е.М.* // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. М., 1980. – Т. 1. – С. 252–253.
- Моргоева 2018 – *Моргоева Л.Б.* Принципы семантического расширения концептуального поля в осетинском языке и фольклоре / Школа молодых ученых 2018. №20. – С. 192–199.
- Нарты кадджытæ 2011 – *Нарты кадджытæ*: Ирон адæмы эпос (Нартовские сказания: Эпос осетинского народа). Книга 6. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. – 544 с.
- Нарты кадджытæ 2003 – *Нарты кадджытæ*: Ирон адæмы эпос (Нартовские сказания: Эпос осетинского народа). Книга 1. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2003. – 589с.
- Нарты кадджытæ 2005 – *Нарты кадджытæ*: Ирон адæмы эпос (Нартовские сказания: Эпос осетинского народа). Книга 3. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2005. – 712 с.
- Неелов 2008 – *Неелов Е.М.* «По щучьему велению...»: литературная трансформация фольклорного мотива // Проблемы исторической поэтики. Т. 8, 2008. – С. 45–52.
- Цгоев 2017 – *Цгоев Х.Ф.* Словарь осетинской мифологии и уклада жизни. Издание второе, дополненное и исправленное. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2017. – 753 с.
- Элиаде 2000 – *Элиаде М.* Шаманизм: архаические техники экстаза / Перевод с английского: К. Богуцкий, В. Трилис. Киев: София, 2000. – 480 с.

REFERENCES

- ABAEV V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar osetinskogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language]. Vol. I. – Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. – 657 p. (In Ossetian)
- DARCHIEVA M.V. *Mifopoeticheskii khronotop v osetinskikh epicheskikh tekstakh*:

Monografiya [Mythopoetic Chronotope in Ossetian Epic Texts: Monograph] / M.V. Darchieva. Vladikavkaz: North Ossetian Institute for Humanities and Social Studies VSC RAS, 2017. – 348 p. (In Russ.).

KUSAEVA Z.K. *Tsykura* [Tsykura]. IN: *Izvestiya SOIGSI*, 2020. № 38 (77). – P. 154–167. DOI 10.46698/e0722-0119-2033-o (In Russ.).

MELETINSKIY E.M. *Mify narodov mira: Entsiklopediya* [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia]. Moscow, 1980. – Vol. 1. – P. 252–253. (In Russ.).

MORGOEVA L.B. *Printsipy semanticheskogo rasshireniya kontseptualnogo polya v osetinskom yazyke i folklоре. Shkola molodykh uchenykh* [Principles of semantic expansion of the conceptual field in the Ossetian language and folklore. School of Young Scientists]. 2018. №20. – P. 192–199. (In Russ.).

Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos (Nartovskie skazaniya: Epos osetinskogo naroda) [Nart tales: Epic of the Ossetian people]. Book 6. – Vladikavkaz: North Ossetian Institute for Humanities and Social Studies Publishing and Printing Department, 2011. – 544 p. (In Ossetian)

Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos (Nartovskie skazaniya: Epos osetinskogo naroda) [Nart tales: Epic of the Ossetian people]. Book 1. – Vladikavkaz: North Ossetian Institute for Humanities and Social Studies Publishing and Printing Department, 2003. – 589 p. (In Ossetian)

Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos (Nartovskie skazaniya: Epos osetinskogo naroda) [Nart tales: Epic of the Ossetian people]. Book 3. – Vladikavkaz: North Ossetian Institute for Humanities and Social Studies Publishing and Printing Department, 2005. – 712 p. (In Ossetian)

NEELOV E.M. «*Po shchuchyemu veleniyu...*»: *literaturnaya transformatsiya folklornogo motiva* [“The Pike Commands...”: Literary Transformation of a Folklore Motif]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of Historical Poetics]. Vol. 8, 2008. – P. 45–52. (In Russ.).

TSGOEV Kh.F. *Slovar osetinskoy mifologii i uklada zhizni* [Dictionary of Ossetian Mythology and Way of Life]. Seconf ed. Vladikavkaz: North Ossetian Institute for Humanities and Social Studies VSC RAS, 2017. – 753 p. (In Russ.).

ELIADE M. *Shamanizm: arkhaicheskie tekhniki ekstaza* [Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy]. Translation from English: N.A. Bogutsky, V. Trilis. Kiev: Sofiya, 2000. – 480 p. (In Russ.).

Сведения об авторе:

З.К. Кусаева – доктор филологических наук.

Information about the authors:

Z.K. Kusaeva – Doctor of Science (Philology).

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Научная статья

УДК 811.512.144

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-441-451

EDN: WSANIW

**ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА
В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ (КОНЕЦ 1930-Х ГГ. – 1990-Е ГГ.)**

Умсалимат Багаутдиновна Абдуллабекова

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия, irma-uma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1978-6918>

Аннотация. В статье описываются два терминологических словаря кумыкского языка, относящиеся к советскому периоду (конец 1930-х гг. – 1990-е гг.). Издание терминологических словарей обусловлено изменениями в общественно-политической жизни общества или языковой политикой государства.

В дореволюционный период терминологические словари не издавались. В довоенный советский период (1920-е гг. – начало 1930-х гг.) издано 4 словаря (кумыкская лексика на латинице). Советский период включает три этапа, каждый из которых имеет свои особенности, в общем характеризующаясь тем, что в 1938 г. алфавит кумыкского языка переходит на кириллицу, в 1958/1959 гг. была проведена школьная реформа, увеличивается престиж русского языка, начинается интернационализация лексики, ассиметрично развивается пропагандируемое двуязычие. Эти факты находят отражение в лексикографической практике, и в том числе в терминологии. В постсоветский период (1990 г. – 20-е гг. XXI в.) – масштабные социально-экономические изменения, развал СССР привёл к появлению большого числа новых слов и, как следствие, был издан в 2006 г. «Русско-кумыкский терминологический словарь».

В анализируемый советский период изданы два словаря: «Къумукъ тильни терминологический словари» («Терминологический словарь по истории, языку, литературе, математике, естествознанию и географии») и «Школалар учун русча-къумукъча терминлер сёзлюгю. Тил, литература ва педагогика» («Русско-кумыкский школьный терминологический словарь»), в которых кумыкская часть передаётся кириллицей. Автор рассматривает макро и микроструктуру данных межотраслевых двуязычных русско-кумыкских словарей. В статье приводятся основные параметры словарей: по тематической ориентации – межотраслевые, по функциональной нагруженности – учебные, по языковой ориентации – двуязычные русско-кумыкские терминологические словари. В соответствии с особенностями микроструктурных параметров проанализированные словари – это словари элементарной микроструктуры, которые представляют собой сопоставление словников русского и кумыкского языков без каких-либо дополнительных помет. Русские термины на кумыкском языке передаются следующими способами: эквивалентная передача, приём перевода и калькирования, фонетически адаптированный способ и прямые заимствования.

Ключевые слова: терминологический словарь, тюркская терминология, кумыкская терминология, издание словарей, предпосылки для терминологии, кумыкский язык, структура словаря.

Для цитирования: Абдуллабекова У.Б. Терминологические словари советского периода в кумыкском языке (конец 1930-х гг. – 1990-е гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 441-451. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-441-451. EDN: WSANIW.

TERMINOLOGICAL DICTIONARIES OF THE SOVIET PERIOD IN THE KUMYK LANGUAGE (LATE 1930S – 1990S)

Umsalimat B. Abdullabekova

Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ma-khachkala, Russia, irma-uma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1978-6918>

Abstract. The article describes two terminological dictionaries of the Kumyk language related to the Soviet period (late 1930s – 1990s). The publication of terminological dictionaries is conditioned by changes in the socio-political life of society or the language policy of the state.

No terminological dictionaries were published in the pre-revolutionary period. In the pre-war Soviet period (1920s – early 1930s), 4 dictionaries (Kumyk vocabulary in Latin) were published. The Soviet period includes three stages, each of which has its own characteristics, generally characterized by the fact that in 1938 the Kumyk alphabet switched to Cyrillic, in 1958/1959 a school reform was carried out, the prestige of the Russian language increased, the internationalization of vocabulary began, and the promoted bilingualism developed asymmetrically. These facts are reflected in lexicographic practice, including terminology. In the post-Soviet period (1990 – 20s of the 21st century) – large-scale socio-economic changes, the collapse of the USSR led to the emergence of a large number of new words and, as a result, the «Russian-Kumyk Terminological Dictionary» was published in 2006.

During the analyzed Soviet period, two dictionaries were published: «Къумукъ тильни терминологический словары» («Terminological dictionary on history, language, literature, mathematics, natural science and geography») and «Школалар учун русча-къумукъча терминлер сёзлюгю. Тил, литература ва педагогика» («Russian-Kumyk school terminological dictionary»), in which the Kumyk part is rendered in Cyrillic. The author examines the macro and microstructure of these interdisciplinary bilingual Russian-Kumyk dictionaries. The article presents the main parameters of the dictionaries: by thematic orientation – interdisciplinary, by functional loading – educational, by language orientation – bilingual Russian-Kumyk terminological dictionaries. According to the features of microstructural parameters, the analyzed dictionaries are dictionaries of elementary microstructure, which represent a comparison of the vocabularies of the Russian and Kumyk languages without any additional notes. Russian terms in the Kumyk language are transmitted in the following ways: equivalent transmission, translation and calque method, phonetically adapted method and direct borrowings.

Key words: terminological dictionary, Turkic terminology, Kumyk terminology, publication of dictionaries, prerequisites for terminology, Kumyk language, dictionary structure.

For citation: Abdullabekova U.B. Terminological dictionaries of the soviet period in the Kumyk language (late 1930s – 1990s). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 441-451. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-441-451. EDN: WSANIW.

© Abdullabekova U.B., 2025

Введение

Терминология оперативно реагирует на малейшие сдвиги в развитии общества и науки. Методология лексикографического описания терминологических единиц началась складываться с возникновением общественного, политического и социального заказа.

Периодизация развития терминологии языков народов России представлена в работах Н.А. Баскакова [Баскаков 1961: 59-60], который включал три периода. В

дальнейшем большая часть учёных, занимавшихся вопросами периодизации развития терминологии в языках народов СССР и России, придерживаются этой периодизации. После распада Советского Союза в работах учёных к указанным трём периодам добавляется четвёртый период, который начинается с 90-х гг. XX в.

В работе немецкого филолога, учёного Гиссенского университета Рут Бартоломэ, которая занималась вопросами татарской терминологии, выделяется 4 периода [Bartolomä 2012], но временные рамки отличаются от вышеуказанных.

В истории развития терминообразования и терминографии в кумыкском языке, вслед за Р. Бартоломэ, выделяется 4 периода. Представленная ниже периодизация обусловлена теми изменениями в развитии языка, лексикологии и терминологии кумыкского языка, которые обусловлены социополитическими и культурными факторами: дореволюционный период, довоенный советский период (1920-е гг. – начало 1930-х гг.), советский период (конец 1930-х гг. – 1990-е гг.), постсоветский период (1990 г. – 20-е гг. XXI в.).

Издание терминологических словарей обусловлено изменениями в общественно-политической жизни общества или языковой политикой государства.

В дореволюционный период терминологические словари не издавались.

В довоенный советский период (1920-е гг. – начало 1930-х гг.) образование ДАССР в 1921 г., переход с аджама на латиницу в 1928 г., развитие всеобщего начального образования, переход школ первой ступени на родной язык в 1932-1932 гг. обусловили издание в 1932 г. четырёх небольших словарей на кумыкском языке по делопроизводству «Jazuvculuk terminleri» [Jazuvculuk terminleri 1932], математике «Matematika terminleri» [Matematika terminleri 1932], химии «Ximija terminleri» [Matematika terminleri 1932] и физике «Fizika terminleri» [Fizika terminleri 1932]. Годом зарождения кумыкской терминографии можно считать 1932 г. Словари, изданные в 1932 г, представляли собой русско-кумыкские переводные терминологические словари (русская часть на кириллице, кумыкская часть – на латинице). Подробное описание данных словарей дано в статье [Абдуллабекова 2024].

Следующий период развития терминологии и терминографии кумыкского языка – это советский период (конец 1930-х гг. – 1990-е гг.). Этот период характеризуется тремя этапами:

1) начиная с 1938 г. унификация школьного образования, путём обязательного изучения русского языка и переход на кириллицу обусловили составление и издание в 1940 г. терминологического словаря, который включал терминологию: историческую, лингвистическую, литературоведческую, математическую, по естествознанию и географии «Къумукъ тильни терминологический словары» («Терминологический словарь по истории, языку, литературе, математике, естествознанию и географии», 1940, 136 с.) [Къумукъ тилни... 1940];

2) в Советском Союзе в 1958 – 1964 гг. была проведена реформа образования в ходе реализации закона СССР от 24 декабря 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР»; в 1962 г. состоялась объединенная научная сессия Института языкознания АН СССР, Института истории, языка и литературы Дагфилиала АН СССР и Научно-исследовательского института школ Министерства просвещения

ДАССР, где рассматривались вопросы нормализации существующих орфографических и терминологических словарей письменных языков народов Дагестана. В литературе указано, что по результату данной сессии будут изданы словари, но, к сожалению, результаты поиска терминологического словаря по кумыкскому языку, относящегося к данному периоду, не увенчались успехом;

3) русификация и интернационализация, период формирования кумыкского языка как советского национального языка. Следствием работы Терминологической комиссии при Совете Министров ДАССР явилось издание словаря «Школалар учун русча-къумукъча терминлер сёзлюгю. Тил, литература ва педагогика» («Русско-кумыкский школьный терминологический словарь» [Бамматов, Жанаева 1982] по языку, литературе и педагогике в 1982 г.

В постсоветский период (1990 г. – 20-е гг. XXI в.) – масштабные социально-экономические изменения, развал СССР привёл к появлению большого числа новых слов и, как следствие, был издан в 2006 г. «Русско-кумыкский терминологический словарь» [Бамматов 2006].

В данной статье проводится анализ структуры словаря 1940 г. и 1982 г., которые относятся к советскому периоду развития терминологии и терминографии кумыкского языка.

Основная часть

«Къумукъ тильни терминологический словарь» («Терминологический словарь по истории, языку, литературе, математике, естествознанию и географии», 1940, 136 с.) [Къумукъ тилни ... 1940] – первый многоотраслевой терминологический словарь кумыкского языка, редактором которого является Б. Муштапаев. Словарь выполнен в стенах Дагестанского научно-исследовательского института истории, языка и литературы при СНК ДАССР, утверждён правительственной терминологической комиссией.

Назначение Словаря состояло в том, чтобы обеспечить традиционными и потенциальными вновь созданными словами-терминами обучения в неполных и средних школах того времени. Как указано в предисловии: *Бу терминологический словарь башилангыы школаны ольчевуьнде математиканы, литератураны, СССР-ны халкъларыны историясыны, естествознаниени ва географияни ва орта школа ольчевуьнде тильни терминлерини кругун къуршай* [Къумукъ тилни ... 1940: 2]. «Данный терминологический словарь охватывает круг терминов по математике, литературе, истории, естествознанию и географии, изучаемых в начальной школе и лингвистические термины, изучаемые в средней школе». Хотя в названии терминологического словаря не упоминается математика.

Словарь многоотраслевой, в нём содержится 2658 заглавных единиц. В словаре зафиксированы термины по истории, языку, литературе, математике, естествознанию и географии. По терминографическому исполнению он относится к двуязычным (русско-кумыкским) инвентаризационным (переводным) словарям.

Таким образом, по характеру охваченных единиц – терминологический словарь; по предметной ориентации (по тематическому охвату) – межотраслевой терминологический словарь; по назначению – переводной; по способу упорядочивания словника – алфавитный.

Предназначен авторам, переводчикам, школьным работникам. Его главная цель – обеспечить перевод специальных текстов.

Макроструктура словаря включает:

1) *Баи соъз* «Краткое предисловие» (с. 3-4): указаны назначение словаря, тематические рубрики, условия семантизации лексики.

2) Собственно словарь. Корпус словаря (с. 5-134) представляет собой крупные тематические блоки слов: *история* (с. 5-29; 515 заглавных единиц), *тиль* (с. 30-58; 470 терминологических единиц), *литература* (с. 59-70; 215 заглавных единиц), *математика* (с. 71-87; 299 единиц), *естествознание и география* (с. 88-134, 1159 терминов).

Микрокомпозиция словаря построена следующим образом. Словарная статья в каждой группе терминов расположена в алфавитном порядке: алфавитный список терминов на русском языке в левой части словаря, в правой части эквивалент терминологической единицы в кумыкском языке. Словосочетания помещаются по алфавиту первого слова, например: *вещественное значение – вещественный агъамият, историческая песня – исторический йыр* и др. Некоторые термины могут содержать помету *см.* в случае отсылки к синонимичному термину, приведём примеры: *вставка, см. суффикс – вставка, заголовок, см. заглавие – заголовок* и др. В том случае, когда лексема многозначна, в словаре указывается только то значение, которое семантически относится к соответствующей группе терминов.

Основные характеристики словаря:

1) Основной состав терминологического списка исчерпан существительными и номинативными сочетаниями, что коррелирует с соображениями о номинативном характере терминов. Но встречаются прилагательные, приведём примеры: *ист. универсальный – универсальный, лит. занимательный – къужурлу, мат. противоположный – къаришы (къап-къаришы) турагъан*, и глаголы: *ист. завоевать – чыгъарып алмакъ, лит. издавать – чыгъармакъ, мат. прибавить – къошмакъ* и др.

2) В большом количестве приведены вариантные способы терминообразования.

а) Оригинальные синонимические образования, типа: *ист. голытьба – ярлылыкъ, ярлылыр (беземисгинлик), линг. удвоенная буква – экиленген (къабат) гъарп, лит. баснописец – баснячы (басня язывчу), лит. черта – хасият (келпет), мат. вычисление – гысаплав (гысап этив), естест. буря – толпан (боран), естест. связи – байлавучлар (чандырлар)* и др.

б) наравне с русскими заимствованиями даётся термин, образованный на собственно кумыкской основе, например: *ист. покушение – покушение (олъ-туърме къаст этив), ист. родоначалник – родоначалник (тухум баишы), линг. отрицание – отрицание (инкар этив), линг. правописание – правописание (дурус языв), лит. содержание – содержание (маънасы, мурады), мат. площадь – площадь (майдан), естест. заповедник – заповедник (къорукъ ер)* и др.

Материал словаря наглядно показывает, что автор старался максимально приблизить их к русским прототипам.

3) В словаре не проводится систематического различия между совпадающими по форме наименованиями процессов и предметом, результатом процесса.

Приведём примеры: мат. *измерение* – *ольчев*, мат. *изменение* – *алмашыныв*, естест. *наблюдение* – *тергев* и др.

Те термины-существительные, которые на кумыкский язык переведены неопределённой формой глагола, обозначают процесс: лит. *повторение* – *такрарламакъ*, мат. *нахождение* – *тапмакъ*, естест. *обитание* – *яшамакъ* и др.

Те термины-существительные, которые переведены отвлечённым существительным с аффиксом *-ыв*, *-ув*, *увв*, или же заимствованы из русского языка, могут означать как процесс, так и результат процесса. Их преобладающее большинство.

4) Термины-словосочетания даны в прямом порядке следования составляющих их слов. Есть некоторые исключения, но они содержат помету см., которая отсылает к словосочетанию в прямом порядке следования, например: линг. *придаточное предложение обстоятельствоное*, см. *обстоятельствоное придаточное предложение* – *обстоятельствоное придаточное предложение* и др.

5) Включённые в словник термины и терминологические сочетания, которые имеют слишком широкое и расплывчатое значение и непонятны без контекста, при включении в словарь снабжаются разъяснениями, данными в скобках, например: ист. *мир* (*соглашение*) – *ярашывлукъ*, *давсузлукъ*, ист. *мир* (*свет*) – *дунья*, линг. *образование* (*формы, слова*) – *ярашмакъ*, *къурушмакъ* (*этильмек*), мат. *отрезок* (*прямой линии*) – *гесек* (*туьз гьыздан*), естест. *хребет* (*горный*) – *тав тагъымлары* и др.

6) 96 % терминологической лексики в словаре в кумыкской части составляют термины, лексическая длина, которых не превышает 2 слова, трёхкомпонентные термины составляют в словаре 12 %, четырёхкомпонентные – 1,5 %, пятикомпонентные – 0,2 %. Предельная длина терминологических сочетаний в словаре составляет 5 компонентов.

7) В словарь включены предтермины. Предтермины – специальная лексика, используемая в качестве терминов для называния новых сформировавшихся понятий, но не отвечающие основным требованиям, предъявляемым к термину (чаще всего требование краткости) [Къумукъ тилни ... 1940: 43]. В качестве предтерминов в словаре выступает описательный оборот: линг. *обособление* – *предложениени ортасындан айырмакъ*, лит. *иносказательный смысл* – *башигъа турлуь айтылагъан ой*, мат. *множитель* – *оьзуь булан артдырылынагъан санав*, естест. *сумерки* – *къаши къаралгъан чакъ* и др.

8) В словаре прослеживается тенденция в одних случаях заимствования готовых терминов и терминологических словосочетаний, в других в калькировании слов и словосочетаний.

Самую многочисленную группу составляют прямые заимствования лексем и фразем из русского языка. Активность этого явления обусловлена необходимостью пополнения кумыкской лексики недостающими общественно-политическими и научными терминами [Астемирова 1970: 7].

В словаре довольно активно представлены:

а) заимствования: ист. *баррикада*, ист. *штурм*, линг. *аффикс*, линг. *мужской род*, лит. *басня*, лит. *лирика*, мат. *единица*, мат. *куб*, естест. *аквариум*, естест. *градус*. Заимствованные термины во множественном числе в кумыкском языке

принимают аффикс множественного числа, например: ист. *городовые казаки* – *городовой казаклар*, линг. антонимы – антонимлер.

б) семантическое переосмысление: ист. *битва* – *дав*, *уруш*, линг. *время* – *заман*, лит. *издавать* – *чыгъармакъ*, мат. *величина* – *уллудукъ*, естест. *болото* – *батмакъ*.

в) словообразовательные кальки: ист. *всесоюзный* – *бутьтуьнсоюз*, линг. *безударный* – *ударениесиз*, лит. *баснописец* – *баснячы*.

г) фразеологические кальки: ист. *мировая война* – *дунья дав*, линг. *продолжительное настоящее время* – *узатылынган гъалиги заман*, лит. *народная сказка* – *халкъ йоммакъ*, мат. *беглый счёт* – *чалт гъисап*, естест. *двухлетнее растение* – *эки йыллыкъ оьсумлукъ*.

д) фразеологические полукальки: ист. *гражданская война* – *гражданский дав*, линг. *возвратный глагол* – *къайтым глагол*, лит. *загадка-метафора* – *метафоралы чечеген-йоммакъ*, мат. *единица измерения* – *оьлчев единицасы*, естест. *гигроскопическая вата* – *гигроскопический мамукъ*.

Таким образом, данный словарь – многоотраслевой тип терминологического словаря, созданный после перехода на кириллицу. Первый многоотраслевой учебный словарь, содержащий терминологию по шести отраслям в объёме школы.

Школарар учун русча-къумукъча терминлер сёзлюгю. Тил, литература ва педагогика (Русско-кумыкский школьный терминологический словарь. 1982. 3.3. Бамматов, В.Н. Жанаева. 35 с. Научный Ред. И. Керимов) [Бамматов, Жанаева 1982] – многоотраслевой двуязычный русско-кумыкский переводной терминологический словарь, упорядоченный по трём отраслям: язык, литература и педагогика.

В 1982 г. 3.3. Бамматовым и В. Н. Жанаевой издан «Русско-кумыкский школьный терминологический словарь», научным редактором является доктор филологических наук Ибрагъим Абдулкеримович Керимов (1922-1912), редактором – доктор филологических наук Джангиши Магомедович Хангишиев (1936-2001). Зайнал Зиявутдинович Бамматов (1901-1996) – знаток кумыкского языка, с 1958 г. научный сотрудник Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагфилиала АН СССР. Валида Набиевна Джанаева – научный сотрудник Научно-исследовательского института школ им. А.А. Тахо-Годи.

Словарь выполнен на основе решений резолюции Совета Министров ДАССР от 14 августа 1962 г. Словарь выполнен в Научно-исследовательском институте школ им. А.А. Тахо-Годи.

По основной своей функции словарь является учебным. Во введении к словарю указано о назначении словаря для учащихся средней и 8-летней школы.

Словарь многоотраслевой, в нём содержится 1366 терминологических единиц: из них по языку – 443 термина, по литературе – 362 термина и по педагогике – 561 термин.

По терминографическому исполнению – двуязычный (русско-кумыкский) инвентаризационный (переводной) словарь, способ упорядочивания словника – алфавитный.

Макрокомпозиция словаря включает:

1) *Гиришив* «Введение» (с. 2). Здесь выделены два основных принципа перевода терминов: а) по мере возможности использовать всё богатство языка; б) если в кумыкском языке нет подходящего слова, то заимствовать из русского языка.

2) Собственно словарь. Корпус словаря (с. 3-34) разделён на 3 части: *тил* (с. 3-12), *литература* (с. 13-21), *педагогика терминлер* (с. 22-34).

3) *Китапда бар* «Содержание» (с. 35).

Микрокомпозиция словаря. Корпус словаря состоит из трёх частей. Способом систематизации лексики является объединение её в группы по принадлежности к определённой терминологии, внутри каждого тематического блока систематизируется в алфавитном порядке: алфавитный список терминов на русском языке в левой части словаря, в правой части эквивалент терминологической единицы в кумыкском языке.

Присутствует иногда помета *см.* в случае отсылки к синонимичному термину, например, линг. *условное наклонение* (см. *сослагательное наклонение*) – *шарт наклонение*, пед. *храбрость* (см. *смелость*) – *къочкакълыкъ*.

Основные характеристики словаря:

1) Весь состав терминологического списка исчерпан существительными и номинативными терминологическими словосочетаниями.

2) В некоторых случаях приведены вариантные способы терминообразования:

а) оригинальные синонимические образования, приведём пример: линг. *алфавит* – *алфавит*, *букварь*, линг. *разряды наречий* – *наречиелени бёлюклери* (*журалары*), лит. *вольный стих* – *оьлчевсюз шиъру* (*эркин оьлчевлю шиъру*), лит. *загадка* – *тапмача*, *чечеген ёммакъ*, пед. *зрительная память* – *гёз эси* (*къарав эси*), *гёргенде эсине сакъламакъ*,

б) наравне с русскими заимствованиями, даются термины, образованные на собственно кумыкской основе или арабизмы и персизмы: линг. *безударный слог* – *ударениесиз* (*ургъусуз*) *бувун*, линг. *графика* – *графика*, *языв*, линг. *диалект* – *диалект* (*ерли тил*), лит. *аллегория* – *аллегория* (*тапишурмалы сёз*), лит. *композиция* – *композиция* (*тизим*), пед. *изобразительное искусство* – *сурат этив искусствосу* (*инче саният*).

3) В Словаре не проводится систематического различия между совпадающими по форме наименованиями процессов и предметом, результатом процесса. Приведём примеры: пед. *объяснение* – *англатыв*, пед. *оценка* – *къыймат*, *къыймат берив*, пед. *наблюдение* – *сынав*, *тергев*, лит. *повествование* – *хабарлав* и др.

4) а) Термины-словосочетания даны в прямом порядке следования составляющих их слов: линг. *сложное числительное* – *къошма числительное*, лит. *устный рассказ* – *авуз хабар*, пед. *массовая школа* – *ортакъ школа*, *къуршав школа*.

б) Если термин имеет связанные с ним термины меньшего семантического объёма, выраженные словосочетаниями, то порядок слов в таких словосочетаниях определяется тем, что на первое место ставится их общий компонент. Такие термины приводятся по алфавиту второго компонента, например: пед. *диктант словарный* – *сёзлюк диктант*, *кино учебное* – *уьйретив кино*.

5) Включённые в словник термины и терминологические сочетания, которые имеют слишком широкое и расплывчатое значение и непонятны без

контекста, либо термины, сложные для понимания, при включении в Словарь снабжаются разъяснениями, данными в скобках, например: линг. *время* (грамматическое) – *заман* (грамматикада), линг. *говор* – *говор* (ерли сёз), лит. *влияние* (литературное) – *таъсир* (литература, адабият таъсир), лит. *водевиль* – *водевиль* (масхаралы гиччирек пьеса), пед. *задания* (учебные) – *тапиурувлар* (охувда).

б) Основную часть словаря составляют одно и двухкомпонентные термины, трёхкомпонентные термины в разделе «язык» составляют 12 %, четырёхкомпонентные – 1,5 %, литература – соответственно 4 % и 1,3 %, педагогика – 13 % и 6,8 %, пятикомпонентные – 2,5 %.

7) В качестве предтерминов в словаре выступает описательный оборот (преобладающее количество в педагогической терминологии): пед. *творческий пересказ* – *охугъанын яратывчу къайдада хабарлав*, пед. *последовательность обучения* – *охутувну бир ягъадан уьзюлмей юрюлегенлиги* и др.

8) В рамках лингвистической терминологии в словаре приводится 2 многозначных слова: *абзац* – *абзац* 1. *къызыл сатыр*; 2. *эки къызыл сатырны арасы*; *речь* – 1. *тил* (части речи – *тил частлары*); 2. *сёз* (прямая речь – *тувра сёз*).

9) В словаре довольно активно представлены:

а) заимствования: линг. *аффикс*, *грамматический разбор* – *грамматика разбор*, лит. *биография*, *лирика*, *строфа*, пед. *изложение*, *класс*.

б) семантическое переосмысление: линг. *время* – *заман*, линг. *слог* – *бувун*, лит. *утопия* – *бош хыял*, пед. *отметка* – *къыймат*.

в) словообразовательные кальки: линг. *безударный* – *ударениесиз*, линг. *последняя конструкция* – *последлоглу конструкция*, лит. *белый стих* – *рифмасыз шиъру*.

г) фразеологические кальки: линг. *беглый звук* – *тюшеген аваз*, *продолжительное настоящее время* – *узатылынган гъалиги заман*, лит. *народный поэт* – *халкъ шаири*, пед. *детский сад* – *яшлар баву*.

д) фразеологические полукальки: линг. *возвратный глагол* – *къайтым глагол*, лит. *загадка-метафора* – *метафоралы чечеген-йоммакъ*, пед. *коллективное творчество* – *коллектив яратывчулугъу*.

Общие задачи составления терминологических словарей в кумыкском языке: содействовать повышению квалификации практиков и учащихся; помогать авторам учебников и преподавателям на деле внедрять единую терминологию – содействовать распространению выверенной и унифицированной терминологии.

Заключение

1. Анализ показывает, что основной предпосылкой терминографии служит социальный заказ на терминологические словари разных типов.

2. Практическая заинтересованность порождает соответствующую терминологию.

3. В 30-х гг. XX в. начала развиваться терминография в кумыкском языке.

4. Всего издано 7 терминологических словарей. В соответствии с особенностями микроструктурных параметров проанализированные словари – это словари элементарной микроструктуры, которые представляют собой

сопоставление словников русского и кумыкского языков без каких-либо дополнительных помет.

5. Русские термины на кумыкском языке передаются следующими способами: эквивалентная передача, приём перевода и калькирования, фонетически адаптированный способ и прямые заимствования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

см. – смотри, с. – страница, ист. – исторический термин, мат. – математический термин, лит. – литературоведческий термин, линг. – лингвистический термин, пед. – педагогический термин, естест. – естественно-научный термин.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуллабекова 2024 – *Абдуллабекова У.Б.* Первые терминологические словари кумыкского языка: в контексте реформ 1920-1930-х годов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Т. 10. – № 1. – С. 78–87. EDN: LMOGLC

Астемирова 1970 – *Астемирова Ф.Б.* Кумыкская лексика советской эпохи. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1970. – 38 с.

Бамматов 2006 – *Бамматов Б.Г.* Русско-кумыкский терминологический словарь. – Махачкала, 2006. – 408 с.

Бамматов, Жанаева 1982 – *Бамматов З.З., Жанаева В.Н.* Школалар учун русча-къумукъча терминлер сезлюгю. Тил, литература ва педагогика. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1982. – 35 с.

Баскаков 1961 – *Баскаков Н.А.* Современное состояние терминологии в языках народов СССР // Вопросы терминологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 55–70.

Гринев-Гриневиц 2008 – *Гринев-Гриневиц С.В.* Терминоведение. – М.: ИЦ «Академия», 2008. – 304 с.

Къумукъ тилни ... 1940 – Къумукъ тилни терминологический словари / ред. Б. Мустапаев. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1940. – 134 с.

Bartolomä 2012 – *Bartholomä R.* Tatarische Terminologie im Wandel. Lexikalische Umbrüche durch Kultur-und Sprachkontakt vom ausgehenden Zarenreich bis zum postsowjetischen Russland. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. – 407 s.

Fizuka terminleri 1932 – *Fizika terminleri* / пер. М. Темирханов; отв. ред. А. Алиев. – Махачкала: Даггосиздат, 1932. – 38 с.

Jazuvculuk terminleri 1932 – *Jazuvculuk terminleri*. Вып. I. – Махачкала: Даггосиздат, 1932. – 39 с.

Matematika terminleri 1932 – *Matematika terminleri* / пер. М. Темирханов, отв. ред. З. Даи-бов. – Махачкала: Даггосиздат, 1932. – 30 с.

Ximija terminleri 1932 – *Ximija terminleri* / пер. М. Темирханов; отв. ред. М. Хаджалиев. – Махачкала: Даггосиздат, 1932. – 32 с.

REFERENCES

ASTEMIROVA F.B. *Kumykskaya leksika sovetsoy epokhi* [Kumyk vocabulary of the Soviet era.]. – Makhachkala: Daguchpedgiz, 1970. – 38 p. (In Russ.).

ABDULLABEKOVA U.B. *Pervyye terminologicheskiye slovari kumykskogo yazyka: v kontekste reform 1920-1930-kh godov* [The first terminological dictionaries of the Kumyk language: in the context of the reforms of the 1920-1930s] In: *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki*. – 2024. – V. 10. – № 1. – P. 78–87. (In Russ.).

BAMMATOV B.G. *Russko-kumykskii terminologicheskii slovar'* [Russian-Kumyk terminological dictionary]. – Makhachkala, 2006. – 408 p. (In Russ.).

BAMMATOV Z.Z., ZHANAEVA V.N. *Shkolalar uchun ruscha-k"umuk"cha terminler sezlyugyu. Til, literatura va pedagogika* [The school's Russian-Kumyk terminological dictionary. Language, literature and pedagogy]. – Makhachkala: Daguchpedgiz Publ., 1982. – 35 p. (In Russ.).

BARTHOLOMÄ R. *Tatar Terminology in Transition. Lexical Changes through Cultural and Linguistic Contact from the Late Tsarist Empire to Post-Soviet Russia*. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. – 407 pp. (In Germ.).

BASKAKOV N.A. *Sovremennoe sostoyanie terminologii v yazykakh narodov SSSR* [The current state of terminology in the languages of the peoples of the USSR]. In: *Voprosy terminologii*, - Moscow, AS USSR Publ., 1961. – P. 55–70. (In Russ.).

Fizika terminleri [Physics terms]. Trans. by M. Temirkhanov, ed. by A. Aliev. – Makhachkala, Daggosizdat Publ., 1932. – 38 p. (In Kum.).

GRINEV-GRINEVICH S.V. *Terminovedenie* [Terminology]. – M., «Akademija» Publ., 2008. – 304 p. (In Russ.).

Jazuvculuk terminleri [Terminology for office work]. Issue I. – Makhachkala, Daggosizdat Publ., 1932. – 39 p. (In Kum.).

Kumuk tilni terminologicheskii slovary [Terminological dictionary of the Kumyk language]. Ed. by B. Mustapaev. – Makhachkala, Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1940. – 134 p. (In Kum.).

Matematika terminleri [Math terms]. Trans. by M. Temirkhanov, ed. by Z. Daibov. – Makhachkala, Daggosizdat Publ., 1932. – 30 p. (In Kum.).

Ximija terminleri [Chemistry terms]. Trans. by M. Temirkhanov, ed. by M. Khadzhaliev. – Makhachkala, Daggosizdat Publ., 1932. – 32 p. (In Kum.).

Сведения об авторе:

У.Б. Абдуллабекова – кандидат филологических наук, научный сотрудник

Information about the authors:

U.B. Abdullabekova – Candidat of Science (Philology).

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

ЩІэныгъэ тхыгъэ
УДК 821.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-452-462
EDN: WTERAA

ЗЭПЭЩЫТ ПСАЛЪЭХЭМ КЪЭБЭРДЕЙ-ШЭРДЖЭС ЖЪАБЗЭМ ЩАГЪЭЗАЩІЭ КЪАЛЭНХЭМ ТЕУХУАУЭ: АМФИТЕЗЭ

Къумыкъу Динэ Мухъэrbий ипхъу

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институт – Урысейм щІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щІэныгъэ центрым и филиал, Налшык, Урысей, dina07-09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7985-0144>

Аннотацэ. Мы тхыгъэр хуэгъэпсащ жъабзэм къыщагъэсэбэп антонимхэм стиль и лъэныкъуэкІэ ягъэзащІэ къалэнхэр къэхутэным, икІи, зэпэщІэуэныгъэм къищынэмыщІауэ, абыхэм контекстым елытауэ яухуэ семантикэ зэхушытыкІэхэр гъэнэлуэным. Нэхъ убгъуауэ статьям дыщытопсэлъыхъ зэпэщыт псалъэхэм контекстым зэпыщІэныгъэ мыхъэнэр (амфитезэ) къызэрыщагъэлабгъуэм. Гулътэ лей хуэтщІащ зэпыщІэныгъэ мыхъэнэр къагъэлъэгъуэн папщІэ зэпэщыт псалъэхэм псалъэухам шагъуэт увыпІэмрэ абыхэм нэцэнэ яхуэхъухэмрэ; зэпыщІэныгъэ зэхушытыкІэр зи яку къыдэхъуэ антонимхэм я зэпэщытыныгъэ лІэужыгъуэкІэ зэхэдзауэ дызэхуеплъащ; художественнэ тхыгъэхэм амфитезэм шагъэзащІэ къалэн нэхъыщхъэхэри къэтпщытащ. Къэдгъэлъэгъуащ амфитезэр фразеологие занэхэмрэ тІуащІэхъу щІыкІэкІэ къэхъуа псалъэ зэхэлхэмрэ лъабжэ зэрахуэхъум.

Мы лэжыгъэм и пщІэр къелэт дызытепсэлъыхъ темэр адыгэбзэм ехъэллауэ нобэр къыздэсым къэхутауэ зэрыщымытым икІи антонимхэм семантикэ-стилистикэ и лъэныкъуэкІэ яІэ Іэмалхэр къызэщІэкъуауэ, нэгъэсауэ джыным папщІэ мыхъэнэшхуэ зэриІэм.

Статьям дыщелэжым къэдгъэсэбэпащ бзэщІэныгъэ кІэлъыплъыныгъэмрэ къэлэуэтэныгъэмрэ, контекст, оппозицэ зэпкърыхыныгъэхэм я Іэмалхэр. Абыхэм я фІыгъэкІэ къэхутахъуащ амфитезэ зэхушытыкІэм и къыщхъэщыкІыныгъэ нэхъыщхъэхэр.

Ди къэхутэныгъэхэм къырикІуахэр къыщыбгъэсэбэп хъунуш адыгэбзэм и лексикэ системэм ехъэлла къэхутэныгъэ лэжыгъэхэм, бзэр зыджхэм папщІэ программэхэр, лекцэхэр шагъэхъэзыркІэ, адыгэбзэ антонимхэм я псалъалъэ иныр щызэхагъэувэкІэ.

Зэрыгъуазэ псалъэхэр: адыгэбзэ, художественнэ текст, антоним, зэпэщытыгъэ, зэпэщІэуэныгъэ мыхъэнэ, зэпэщыт щытыкІэхэм я зэпыщІэныгъэ, антитезэ, амфитезэ.

Цитатэ къызэрыхэпхыну: Къумыкъу Д.М. Зэпэщыт псалъэхэм къэбэрдей-шэрджэс жъабзэм шагъэзащІэ къалэнхэм теухуауэ: амфитезэ // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 452-462. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-452-462. EDN: WTERAA.

© Къумыкъу Д.М., 2025

Original article

ON THE SEMANTIC AND STYLISTIC POSSIBILITIES OF ANTONYMS IN SPEECH: AMPHITESIS (based on the Kabardino-Cherkes language)

Dina M. Kumykova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, dina07-09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7985-0144>

Abstract. This article explores the semantic and stylistic potential of antonyms in speech. It is known that, in addition to the basic function of realizing the semantics of contrast (antithesis), antonyms in speech can also express other types of relationships that lack the semantics of opposition. Particular attention in the work is given to the description of the features and conditions of the implementation of amphithetic relations, the essence of which lies in the coverage of the whole by combining and affirming opposite signs or phenomena. It is shown that amphithesis in the Kabardino-Circassian language is constructed as a pair or a series of antonymous homogeneous members of a sentence, connected most often by a repeating coordinating suffix **-и...-и**, less often by adding the suffix **-пэ** to one member of the antonymic opposition, and the conjunction **-и** to the other in combination with the case formative **-уэ (-уи)**.

Based on an analysis of literary texts, the types of antonyms that most regularly convey the unification of opposites within a single entity were identified. The main functions of amphitheses in literary discourse were characterized.

The works of Kabardian and Circassian writers served as the empirical basis for the study.

The study utilized methods of linguistic observation and description, contextual analysis, and oppositional analysis. The relevance of the study stems from the fact that the semantic essence of antonyms, as well as the potential for their stylistic use in speech, remains understudied in Adyghe linguistics.

The obtained results can be used in further studies of the lexical-semantic system of the Kabardino-Circassian language, in the analysis of artistic speech, as well as in the development of programs and manuals for students of the Kabardino-Circassian language. They are of practical importance for lexicographers in creating a dictionary of antonyms of the Kabardino-Circassian language, the compilation of which remains one of the important tasks of Adyghe linguistics.

Key words: Kabardino-Circassian language, literary text, antonyms, opposition, semantics of opposition, relations of connection of opposites, antithesis, amphithesis.

For citation: Kumykova D.M. On the semantic and stylistic possibilities of antonyms in speech: amphithesis (based on the Kabardino-Cherkes language). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 452-462. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-452-462. EDN: WTERAA.

© Kumykova D.M., 2025

Научная статья

О СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЯХ АНТОНИМОВ В РЕЧИ: АМФИТЕЗА (на материале кабардино-ччеркесского языка)

Дина Мухарбиевна Кумыкова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, dina07-09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7985-0144>

Аннотация. Статья посвящена исследованию семантико-стилистических возможностей антонимов в речи. Известно, что наряду с базовой функцией реализации семантики контраста (антитезы), антонимы в речи могут выражать и иные типы отношений, не имеющих семантики

противопоставления. Особое внимание в работе уделено описанию особенностей и условий реализации амфитетических отношений, суть которых заключается в охвате целого путём соединения и утверждения противоположных признаков или явлений. Показано, что амфитеза в кабардино-черкесском языке строится как пара или ряд антонимичных однородных членов предложения, соединённых чаще всего повторяющимся сочинительным суффиксом **-и...-и**, реже – путем присоединения к одному члену антонимической оппозиции суффикса **-рэ**, а к другому – союза **-и** в сочетании с падежным формативом **-уэ (-уи)**. На основе анализа художественных текстов выявлены типы антонимов, наиболее регулярно передающих отношения объединения противоположностей внутри одной сущности. Охарактеризованы основные функции амфитезы в художественной речи.

Эмпирической базой исследования послужили произведения кабардинских и черкесских писателей.

В работе использовались методы лингвистического наблюдения и описания, контекстного и оппозиционного анализа. Актуальность исследования связана с тем, что в адыгском языкознании до настоящего времени остаются недостаточно исследованными семантическая сущность антонимов, а также возможности их стилистического использования в речи.

Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях лексико-семантической системы кабардино-черкесского языка, при анализе художественной речи, а также при разработке программ и пособий для изучающих кабардино-черкесский язык. Они имеют практическое значение и для лексикографов при создании словаря антонимов кабардино-черкесского языка, составление которого остается одной из важных задач адыгского языкознания.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, художественный текст, антонимы, противоположность, семантика противопоставления, отношения соединения противоположностей, антитеза, амфитеза.

Для цитирования: Кумыкова Д.М. О семантико-стилистических возможностях антонимов в речи: амфитеза (на материале кабардино-черкесского языка) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 452-462. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-452-462. EDN: WTERAA.

© Кумыкова Д.М., 2025

Зэпэщыт псалъэхэр (антонимхэр) дэтхэнэ бзэми и лексико-семантикэ системэр къэзыгъэху категорэхэм ящыщ зыщ [Токмакова 2022]. Абыхэм я къэхьукIэми, я зэхэлъыкIэми, кызызщIаубыдэ занэхэми теухуауэ бзэщIэныгъэм нобэ кыздэсым зы еплъыкIэ хэубыдыкIа щамыгъуэтами, щIэныгъэлIхэм шэч кызытрамышхэр зыщ: антонимхэм лъабжъэу зэпэщытыгъэ мыхьэнэр зэрахуэхурщ. КъищынэмышщIауэ, зэпэщыт зэхущытыкIэ зи яку дэлъ псалъэ зэгугъухэм къауатэр Iэмал имыIэу зы гурыIуэгъуэм (зы къэхьугъэм) и зэпэлъыта щытыкIитыр аращ. Сыту жыпIэмэ зэпэщытынкIэ хьунур а зы гурыIуэгъуэм и теплъэ, щыIэкIэ зэмыкIуалIэхэрщ [Кумыкова, Бижоев 2021: 59]. Псалъэм папщIэ, *хуабэ* – *щIыIэ* псалъэхэм зы къэхьугъэм – температурэм, плъыржъэрыгъэм – и щыIэкIэ зэтемыхуэхэр къагъэлягъуэ: *дуней хуабэ* – *дуней щIыIэ*. Абы ещхьу, *лъагэ* – *лъахьшэ* антонимхэм лъагагъым, е кIыхьагъым и зэпэлъыта щытыкIэхэр наIуэ къащI: *щIалэ лъагэ* – *щIалэ лъахьшэ*.

Шэч хэмылъу зэпэщыт зэгугъухэм жьабзэм шагъэзащIэ къалэн нэхьыщхэр мыхьэнэ зэпэщIэуэр (антитезэ) къэгъэлъэгъуэныр аращ. Къапщтэмэ, зэпэщIэуэныгъэр зи лъабжъэу щыт псалъэжхэр къэзыпщыта

щІэныгъэлІхэм зэратхымкІэ, антонимхэр а мыхьэнэр къэзыгъэлыагъуэ Іэмэпсымэ нэхьыщхьэхэм ящыщ [Бочина 2005, 2006], [Боровых 2007], [Крюкова 2016], [Кумыкова 2023], «псалъэжхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ антонимхэм увыпІэшхуэ щаубыд, текстым шагъэзащІэ купщІэмкІэ къэлэуэтэкІэ-къэгъэсэбэпыкІэм зэпэщІэуэныгъэ (антитезэ) халъхьэ» [Унатлокова, Унатлоков, Сохрокова 2025]. Псалъэм папщІэ: *Іей пцІауэ фІы уцымыгугъ. Щыгъыным и щІэр, ныбжыэгъум и жьыр. Джэджыей пасэр ІэщІокІри джэджыей кІасэр бгъэм ехь*. ИпэлэукІэ кыдэкІа ди лэжыгъэм кызырыщыдгъэлыагъуащи, адыгэ псалъэжхэм куэдрэ уащрохьэлІэ антоним зэгуэгъухэм антитезэ тІуащІэ къалэныр шагъэзащІэу: апхуэдэу, «*Пэжыр хуцхьуэщ, пцІыр цхьухьыц*» псалъэжыым антоним зэгуэгъуитІ хэтщ *пэж – пцІы, хуцхьуэ – цхьухь*; абы ещхьыи, «*ПцІы ІэфІ нэхьрэ пэж дьыдж*» псалъэжыым и купщІэр гъэпсащ антоним зэгуэгъуитІкІэ *пэж – пцІы, ІэфІ – дьыдж* [Кумыкова, Кумыкова (Гучапшева) 2024]. Художественнэ тхыгъэхэм антонимхэм я къэгъэсэбэпыкІэм тепсэлъыхьу Къэмбэчокъуэ Іэдэми етх: «Стиль и лъэныкъуэкІэ антонимхэм я къалэныр гупсысэр кызыбгъэдэкІым кыІуатэ Іуэхугъуэхэм, ар зытепсэлъыхь къэхьукъащІэхэм, цІыхухэм я соци-альнэ щытыкІэ зэхуэмыдэхэм, я хьэл-щэнхэм, я Іуэху бгъэдыхьэкІэм, я теп-лъэм, авторыр зытепсэлъыхь Іуэхур кышщыхьу щІыпІэм, зэманым, н. я зэте-мышуэныгъэр, зэщхьэщыкІыныгъэр, уеблэмэ я зэпэщІэтыныгъэр ІупщІу нэрылыагъу къащІынырщ. Апхуэдэ зэфІэкІ антонимхэм щІагъуэтыр абыхэм мыхьэнэ и лъэныкъуэкІэ ябгъэдэлъ зэпэщІэуэныгъэм гупсысэр шэрыуэ, щІэгъэхуэбжъа зэрахуэщІырщ...» [Камбачоков 2024: 416].

Абы кыдэкІуэу, бзэ къэхутагІуэ зыбжанэм гу лъатащ антонимхэм контекст зыхэтым елытауэ стиль и лъэныкъуэкІэ нэгъуэщІ къалэн зэмылІужыгъуи зэрыщагъэзащІэм. Апхуэдэу, Л.А. Новиковым зэритхымкІэ, синтагматикэм и лъэныкъуэкІэ антонимхэм уеплъмэ, ахэр текстхэм нэхь куэдрэ кышщагъэсэбэпхэм ящыщ, икІи абыхэм я зэхуаку кыдэхьуэ зэхушытыкІэхэр гъунапкъэншэу жыпІэ хьунуш [Новиков 1982: 247]. ЗэпэщІэуэныгъэм кышщхьэщыкІыу, антонимхэм зэхушытыкІэ къагъэлыагъуэхэм ящыщ, псалъэм папщІэ, зэпыщІэныгъэр, зэпэщІэхыныгъэр, зэпэлъытыныгъэр, зэкІэлъыкІуэныгъэр, нэгъуэщІхэри [Новиков 1973: 126].

Утыку къитлхьэ статьяр зытеухуар жьабзэм кышщагъэсэбэп антонимхэм ягъэзащІэ къалэнхэр къэхутэнырщ, икІи, зэпэщІэуэныгъэм кышщынэмыщІауэ, абыхэм контекстым елытауэ яхуэ семантикэ зэхушытыкІэхэр гъэнэІуэнырщ. Нэхь убгъуауэ дытепсэлъыхьынщ зэпэщыт псалъэхэм контекстым зэпыщІэныгъэ мыхьэнэр кызырыщагъэлыагъуэм. Ди тхыгъэм кышщытІэт Іуэхугъуэхэр нэгъэсауэ къэтпщытэн папщІэ адыгэ тхакІуэхэм я ІэдакъэщІэкІхэр, адыгэ псалъэжхэр, фразеологизмхэр къэдгъэсэбэпащ.

Зэпэщыт псалъэхэм текстым шагъэзащІэ къалэныр, абы ягъуэт мыхьэнэр куэдкІэ епхаш ахэр псалъэухам кызырыщыгъэсэбэпа щІыкІэм. Зэдгъэпщэнти щапхьитІ: (1) [*Мэжджытым*] *ЩыхьэпІумІ иІэти, зыр дыгъэ кьухьэпІэмкІэ, адреір кьуэкІыпІэмкІэ гъэзат* [Теунэ 1980] (2) *Дыгъэ кьуэкІыпІу кьухьэпІу, дунейр зыдэщІыли зыдэхуаби, къэрал гъуни тенджыз Іуфи нэсат ахэр [хьыджэбз гупыр]* [Къэрмокъуэ 2004]. Япэ псалъэухам хэт *кьухьэпІэ* –

кьуэкIыпIэ бзэ антонимхэм кьагъэлыагъуэ зэпэщыт лъэныкьуитIымкIэ унэтIыныгъэ зиIэ кьэхьугъэхэм я зэпэщIэтыныгъэр. ЗыунэтI псалъэзешэм и кIэух -**мкIэ** зыпыт кьэхьукIэцIэхэм щIыпIэ хьэлым и синтаксис кьалэныр псалъэухам щагъэзащIэ: зы щIыхьэпIэр *дыгъэ кьухьэпIэ-мкIэ* гъэзащ, адрей щIыхьэпIэр **кьуэкIыпIэ-мкIэ** гъэзащ. Мыбдеж антонимхэм я зэхуаку дэль зэпэщIэуэныгъэ мыхьэнэр (антитезэр) нэрылыагъуш. ЕтIуанэ псалъэухам **кьухьэпIэ** – **кьуэкIыпIэ** бзэ антонимхэр хьэл зэльэпкьэгъухэу кьыхохьэ **кьуэкIыпIу кьухьэпIу**, икIи апхуэдэ зэкIэлъыхьыкIэм абыхэм я зэпэщытыгъэ мыхьэнэр «нэхь кIащхьэ» ещI. ЯдыщIыгъуу кьакIуэ **зыдэщIыли зыдэхуаби** хьэл зэльэпкьэгъухэм зэпэщытыгъэ мыхьэнэр нэхьри нэхь «ягъэкIащхьэ». Езы псалъэухам и мыхьэнэм тепщIыхьмэ, пкьыгъуэ зэльэпкьэгъуу кьакIуэ кьэхьукIэцIэхэм мыбдеж кьыщагъэлыагъуэр щIыпIэ псори, щIыпIэ куэд кьызырэзэщIаубыдэрщ: *хьыджэбз гуныр щIыпIэ куэдым щыIащ*.

Тхыгъэ жьабзэм щIэх-щIэхьурэ ущрохьэлIэ зэпэщыт псалъэхэр пкьыгъуэ зэльэпкьэгъуу псалъэухам кьыхыхьэу: *Бекъанхэ ящIа унафэм Астемыр щыгъуазэккьыми, тепыIэгъуэ иIэккьым, кIуэаракъэ, зи ежъэжыгъуэ кьэблэгъа хьэщIэу, жэщIи махуи маплъэ-мэдаIуэ* [Бозий 2003: 36]. *Фулэдхэ я гъунэгъу Мурат щIалэ цIыкIум и анэр фIыми Iейми хуцIэбжэфу фыз бзаджэт* [Къэрмокъуэ 1988: 306].

Зэрытлыагъуши, антонимхэр зэкIэлъыкIуэу, зэкIэлъыхьауэ псалъэухам щыхэтым и деж, абыхэм я зэпэщытыгъэ мыхьэнэм зэпэщIэуэныгъэ кьалэн ягъэзащIэркьым, атIэ кьагъэлыагъуэр нэхьыбэу **зэпыщIэныгъэ** зэхуштыкIэщ: пкьыгъуэ зэльэпкьэгъухэм яхэлъ зэпэщыт мыхьэнэхэр зэпыщIа мэхьури, кьызыщIэкьуауэ зы Iуэхугъуэм, щыIэкIэм хуокIуэж. Псалъэм папщIэ: *Дыккыиздэжэнуш зэныбжээгъуи зэжагъуэгъуи, жыджэри хуэмыхуи, цIыхуфIи икIи, жьыри щIэри* [Къэрмокъуэ 2004: 103]. Мы щапхьэм наIуэ кьещI, *зэныбжээгъуи – зэжагъуэгъуи, жыджэри – хуэмыхуи, цIыхуфIи – икIи, жьыри – щIэри* антонимхэр зэльэпкьэгъуу псалъэухам кьызырэыхьам кьыхэкIкIэ, ахэм я зэпэщIэуэныгъэ кьалэныр «зэрафIэкIуэдыр». Сыт щхьэкIэ жыпIэмэ, бзэм и сыт хуэдэ лексикэ Iэмэпсымэхэри, абы антонимхэри яхэту, псалъэухам кьызырэщагъэсэбэпыр коммуникацэ илъэныкьуэкIэ мыхьэнэ нэхьыщхьэ иIэм елгытауэщ: мыбдеж апхуэдэ мыхьэнэ нэхьыщхьэу кьэувыр «зыри кьэмынэу, псори дызэгъусэу дыккыиздэжэнуш» жиIэу аращ. Апхуэдэу щыштыкIэ, мы псалъэухам хэт антоним зэгугъуиплIым я купщIэр «*псори*» псалъэм и закъуэ кьызыщIеубыдэ. Абы кьыхэкIкIэ кьэтхьа псалъэухам кьызыщIэзыубыдэ псалъэ «*псори*» хэбгъэувэмэ и мыхьэнэм зихьуэжынукукьым, атIэ нэхь гъэхуа хьуну аращ: **Дыккыиздэжэнуш псори: зэныбжээгъуи зэжагъуэгъуи, жыджэри хуэмыхуи...* КьыкIэлъыкIуэ щапхьэм кьызыщIэзыубыдэ псалъэр тхакIуэм текстым хигъэхьащ пкьыгъуэ зэльэпкьэгъухэм я пэм кьиту: *Ауэ иужькIэ псори зэхуэдэ дохьужыр: дахэри мыдахэри, кьулейри кьулейсызри* [МафIэдз 2003: 20]. Зэрытлыагъуши, зэпыщIэныгъэ (амфитезэ) зэхуштыкIэм зэпэщыт мыхьэнэхэр зыуэ кьызыщIэкьуауэ кьегъэлыагъуэ. Апхуэдэ текстым, наIуэу ущримыхьэлIэми, «гъэпщкIуауэ» хэтынуш кьызыщIэзыубыдэ псалъэхэр – цIэпапщIэхэр, кьэхьукIэцIэхэр: *псори, хэти, сыти, сыт щыгъуи, дэни, дапцэщи, дэнэкIи,*

ихъурегъым, ихъурегъкIэ, н.: *Фочыжсхэр яIыгъыу къокIуэ [нэмыцэжсхэр], псори дызэтраукIэну. Псори - уни цIыкIуи* [Хьэх 2013: 403]. КъыкIэлъыкIуэ щапхъэм къызэщIэзыубыдэ псалъэр езы псалъэухам хэмытми, текстым къыхыбогъуатэ: *АтIэ, зи цIыхъыр инхэ, зиусхъэнхэ, дыцIызэхыхъар псоми къывгурыIуащ. Дызэвгъэчэнджэщ пцыри уэркъри, уни цIыкIуи, зэрыжаIэу* [МафIэдз 1988: 22]. КъызэщIэзыубыдэ псалъэу къэкIуэфынуу тельагъуэкIа мыхъэнэ зиIэ щыIэцIэхэри. Псалъэм папщIэ, **Жылэр, уни цIыкIуи** абы нэкIэ кIэлъыкIуатэрт, тхъэм гуцIэгъу къыхуицIыну хуэльаIуэу [МафIэдз 1988: 40]. Мы псалъэухам «жылэ» щыIэцIэр къыщыгъэсэбэпащ къызэщIэубыдэныгъэ къалэныр игъэзащIэу, абы и купщIэр «къуажэр», е «жылэдэсхэр» жиIэу аракъым, атIэ къызэщIэзыкIуэ мыхъэнэр аращ, «псори» жыхуиIэрщ. ИщхъэмкIэ къызэрыщыдгъэлъэгъуащи, антонимхэм зэпыщIэныгъэ къалэныр щагъэзащIэм деж, къызэщIэзыубыдэ псалъэр текстми, псалъэухам хэмытми, ар тыншу хэбгъэувэфынуу: **Ини цIыкIуи, цIыхухъуи цIыхубзи, жьыи цIэи** (= псори) *къалэрыхъэр е гъэр яцIырт, е зэтраукIэрт [кърым тэтэрхэм]* [МафIэдз 1988: 269]. АбыкIэ зэпэщыт псалъэхэм къагъэлъагъуэ зэпыщIэныгъэ мыхъэнэр (амфитезэр) зэпэщIэуэныгъэ мыхъэнэм (антитезэм) къыщхъэщокI.

Пкъыгъуэ зэльэпкъэгъуу псалъэухам къыхыхъэ антонимхэр псалъэзэпыщIэ лъабжьэгъусэкIэ гъэпсащ, къытезыгъэзэж лъабжьэужьхэу **-и...-и**-хэр абыхэм я нэщэнэу къокIуэ: *ЩIалэм и цIыху цIыкIэм, и гуапагъэм ар зылэнеиэ, абы и псалъэмакъым жэщи махуи* (=сыт щыгъуи) *цIэдэлуну фIэфIу и псэр дехъэх* [ХьэхъупащIэ 1965: 33]. *Япэм дызэрышхыжамэ, иджы ди зэгурымыIуэныгъэр къагъэсэбэпурэ адэми мыдэми* (= псоми, хэти) *дашх* [МафIэдз 1988: 197]. Нэхъ мащIэрэ бзэм къыщокIуэ зэльэпкъэгъуу псалъэухам къыхыхъэ зэпэщыт псалъэхэм язым лъабжьэгъусэ **-рэ**, адреим – лъабжьэужь **-(у)и** дэщIыгъуу къакIуэу: *Токъумакъ Мыхъэмэт фIырэ Iейуи, гуауэрэ гуапэуи, гугъуехърэ гухэхъуэуи куэд зи нэгу цIэкIа лыт* [Къэрмокъуэ 2007: 323].

ЗэпыщIэныгъэ мыхъэнэр къэзыгъэхъу антонимхэм я зэпэщытыныгъэ лIэужьыгъуэкIэ зэхэдзауэ уеплъмэ (а лIэужьыгъуэхэр щызэпкърыхаш ди лэжьыгъэм [Кумыкова, Бижоев 2021]), гу лъыботэ ахэр контрар зэпэщытыныгъэр къэзыгъэлъагъуэ псалъэ зэгуэгъухэмрэ (псалъэм папщIэ: **уни цIыкIуи, жьыи цIэи, фIыи Iеи**, н.) контрадиктор зэпэщытыныгъэр зи зэхуаку дэль антонимхэмрэ (псалъэм папщIэ: *жэщи махуи, дунеи ахърэти, псэуи Iлаи, пэжи пцIыи*, н.) нэхъыбэу зэрахэтым. ИщхъэкIэ къыщытхъа щапхъэхэм ар наIуэу къахош. ЩIыдгъунщ иджыри: *Сэ сыт, си лIэгъуэ дахэщ, гъащIэм и дыджи и IэфIи* згъэунэхуащ [ШэджихъэщIэ 1987: 17]. *Абы [унэихуэм] цызекIуэрт пэжи пцIыи, унафэ щхъэни цыуагъи, нэмыси нэмысыниагъи, хабзи хабзэниагъи* [Къэрмокъуэ 2004: 105]. Конверсив зэпэщытыныгъэ зиIэ антонимхэм ящыщу зэпыщIэныгъэ мыхъэнэр къагъэхъуу щIэх-щIэхыурэ текстхэм къыхохъэ цIыхухэм я зэблэгъагъэ-зэIыхылыгъэ, социальнэ зэхуштыкIэхэм я лъэныкъуэ зэпэщытхэр къэзыгъэлъагъуэ щыIэцIэхэр: *Зыри гъэщIэгъуэн хэлътэкъым, абыхэм ади ани* *къащхъэщытт, лъабжьэ зиIэ къуэи, шыпхъу нэхъыжсхэр къакъуэтт* [Хьэх 2013: 587]. *КхъуэнIацэ абрагъуэ къыхахури дызэрыхуэхъукIэ хъэщIи хэгъэреи* *деуащ, ауэ зыми тедмыгъэхуэфу тIэщIэкIащ* [Къэрмокъуэ 2007: 238]. *Псом хуэмыдэу Гуацэкъарэ сымэ нэхъри игъэгужьейрт Iэщ кIапэ*

тlэкlур зэрафlэкlуэдам, шэ шынакъ ямыlу сабии балигъи унагъуэцlыкlур къызэрызэхэнам [Хьэх 2013: 587]. *Здэкlуэм, абы къыфlэцlырт езым фlэкlа lуэху ямыlу егъэджакlуи еджакlуи* къеплу [Хьэх 2013: 742].

Вектор зэпэщытыкlэ зи зэхуаку дэлъ антонимхэм ящыцу зэпыщlэныгъэ мыхьэнэр куэдрэ къагъэлыагъуэ:

– унэтlыныгъэ мыхьэнэ зилэ къэхьукlэцlэхэм: *Машинэм итlысхьэжыну зыкъыщыгъазэм, Мэрят илгъэгуащ я унэм и гунэкlи, иницэкlи, ицхьэрэкlи* уэрамынэ къэс цlыху зыбжанэ къыхуэплгъуэ зэрыщызэхэтыр [Къэрмокуэ 1988: 411]. *Щlэтlысыкlри иницэкlи ицхьэрэкlи* плгъащ [Зырамыку]. *Иужьэкlи и пэкlи* уэрамыр нэцlт [Теунэ 1980: 258];

– щlыплэм щалэ зэпэщытыныгъэр къэзылуатэ щылэцlэхэм: *Урды хьунlэм иццlидзэрти Хьэмащи, Къуэцтани, Екlэцlэкъуи, Мазэхи, Къэнжал ицгъуи, Къэнжал лгъгъуи* зэпиуницlырти *lуацхьэмахуэ* лгъанэ щылэ псы хуцхьуэм къыщыцlидзыжырт а губгъуэлl емышыжыр [Къэрмокуэ 2007: 324]. *Къуажэ мыцlыхум иници ицхьэри, гупи ицlыби хэщlыкlлатэкъым* [Елгъэр 1988: 112].

Зэпэщылъ лгъэныкъуэхэмкlэ унэтlыныгъэ зилэ lуэхугъуэхэр къызылуэ лэжыгъэцlэхэм зэпыщlэныгъэ къалэныр ягъэзащlэу ди материалым дыщыхуэзакъым.

Ди кlэлъыплъыныгъэм къызэригъэгъуазэмкlэ, амфитезэр нэхьыбэрэ къыщагъэсэбэп тхыгъэ жьабзэм, художественнэ текстым. Ар тхыгъэм и бзэр нэхь къулей, дахэ, зыхэцlэныгъэкlэ гъэнцlа икlи нэхь гъэхуа зыщl бзэ lэмалхэм ящыщ зыуэ кьокlуэ, зы къэхьукъащlэм, зы гурылуэгъуэм и теплгъэ, щылэкlэ зэмыкlуаллэ, зэпэщыт, уеблэмэ зэпэщlэтхэри зыуэ къызэщlэкъуауэ къигъэлыагъуэу. Художественнэ текстхэм амфитезэр къызэрыщыгъэсэбэпа щlыкlэр къыщытпщытэм, гу лъыттащ абы игъэзащlэ къалэн нэхьыщхьэхэр lуэхугъуиплlым пыщlауэ зэрыщытым. Къэтхьынщ ахэр.

1) **Зэманыр къызэщlэубыдауэ къэгъэлыгъуэныр:** *Псыкългъэжырт, жэщи махуи* (=сыт щыгъуи) *зи дыжъын джатэр измылхьэжыу къуэ зэв бэлыхьым ицызгъэдалгъэр* [Хьэкъун 1974: 100]. *Губгъуэ гъунапкъэншэхэр зэхикlухьырт абы, гъэмахуи ицlымахуи* зэпицlлэу (=сыт щыгъуи), *улгъэм улгъэлэсын пфlэцlу къытицхьэщыт lуацхьэмахуэ дахэицхуэр и гъуэгугъэлыагъуэ-къаблэмэуэ* [Къэрмокуэ 2007: 324]. *Апхуэдэм и деж акъылым блэкlари, къэкlуэнури, япэри, яужьери* (=зэман псори) *lуданэ lэджэкlэ зэпецlлэ* [Мафlэдз 2003: 554].

2) **Щlыплэм и лгъэныкъуэ зэпэщытхэр къызэщlэубыдауэ зыуэ къэгъэлыгъуэныр:** *Мэл гуартэхэр бгы лгъабжэм цагъэбэаужа нэужь, дыгъужьхэм я зекlуанlэхэри паубыду хьэхэри мэл зэхэтlысхьахэм я хьурегъэкlэ кърагъэтlысэкlа нэужь, аузым иницэкlи ицхьэрэкlи* (=ихьурегъэкlэ, дэнэкlи) *мафlэ къыщызэщlонэ* [Шортэн 1954: 29]. *Къуэкlынlи къухьэпlи* зэлгъигъэлэсу (=лгъэныкъуэ псори) *Хэку зауэицхуэм хэта, ар зэфlэкlа иужь илгъэситlым ицlигъукlэ къэгъуэжэ, и псэм хэлъ Ксенэр лгъэужьыниэу зыфlэкlуэда Мурид Алыхьым къыхуицхат я къуажэ ишколым тхыдэмкlэ цезыгъаджэу къызрихьэллэжа урыс хьыджэбз дахэ Ермоловэ Шурэ Алексей и пхьур ицхьэгъусэ хуэхьуу бынитlи* зэдагъуэтыну [Къэрмокуэ 2007: 44].

3) **lуэхугъуэм, къэхьукъащlэхэм, щытыкlэхэм я зэпэщыт нэщэнэхэр къызэщlэубыдауэ къэгъэлыгъуэныр:** *Гъащlэм и хуаби и ицlыли* (=сыт хуэдэ

Іуэхугъуэхэри) сэ сымыгъэва къэбгъуэтынктым [Мысачэ 1991: 65]. Зэмыфэгъу Іэджэу зэхэхуэна бампІаихуэ къыздезыхъэжсѡ лІаихуэр игури и цхъэри нэцІ къыцыхъужауэ цІақІуэм гууэцІу телъц, мэзыжсѡм къытхыц уафэ ІэгунІэхэм и нэр тедияуэ и гунсысэхэм **дунейри ахърэтри** (=псори) зэцІагъэуІуэу [Къэрмокъуэ 2007: 86].

4) Цыхухэр зэрызэщхъэщыкІ, абыхэм я щытыкІэкІэ, хъэл-щэнкІэ я зэхуэмыдэныгъэр къызэщІэкъуауэ къэгъэлъэгъуэныр: **Апхуэдэу зэращІыну**р **тицІамэ, пицхи, уэркѡи, лъхукъуэлІи, нэхъыжсѡи, нэхъыцІи** (=псори), зэрыжаІэу мыбы зэрыхэтынур къытхуэгъэІулэу къуажэм дэсыр къызэцІэткъуэнти къэтшэнт [МафІэдз 1988: 217]. **Быныр, уни цІыкІуи, цІыхухъуи цІыхубзи, нэхъыжсѡи нэхъыцІи**, хъэцІэ къахыхъари я гъусэу (=псори) зы Іэнэ етІысылІэрэ зэдэихуэ, зы Іэнэгу иихыкІыу. **ІлгъэсыцІэр** къыцыхъэ, гъэрэ цІырэ цызэхэкІ жэщырт ари [МафІэдз 1988: 337]. **Шыгъажэм еплъыну жсѡири цІэри, хъури бзыри** (=псори) къызэрыдэхуауэ, уэрамым и гъунитІыр яуфэбгъуауэ зэхэтт, шу блэкІхэм еплъу, къытежыну зыхуагъэфашэ шагъдийхэр къыхахыу [Теунэ 1980: 48].

ЖыІапхъэщ, зэпыщІэныгъэ къалэныр зыгъэзащІэу нэхъыбэрэ бзэм къыщагъэсэбэп антонимхэр фразеологие занэ хъуауэ узэрыщрихъэлІэр, псалгъэм папщІэ: **жэщ-махуэ имыІэу** (щымыІэу, жимыІэу), **(и) лІаи (и) псэуи, икІэри ипэри, куэди мащІи**, н. Къэтхынщ щапхъэхэр: **Вэн-сэныр** яухыху колхозхэм фыкъимыкІ «Большевик» колхозым зэрицІам хуэдэу комиссэ здэщымыІэм къызэвгъэпэщ, **жэщ-махуэ** ямыІэу ирелажсѡ [ШэджихъэщІэ 1987: 159]. **ЦІыхум цхъэкъэлэт яІэтэкъым, жэщ-махуэ цыІэтэкъым, псори** зауэм телажсѡерт [МафІэдз 2003: 248]. **Хъэуэ, ныбжсѡгъу полковник, сэ сыхъэзыриц си напэ схумэжыну, си лІаи, си псэуи** згъэпэжыну [Щамырзэ 2002: 178]. **ИкІэри ипэри** мобдеж цыль тІэкІуракъэ, абы цхъэкІэ СэлэфкІий себгъэшэну? [ШэджихъэщІэ 1987: 301]. **Лы уклэ** зяку дэмыль, дэмыльыр къэгъэнауэ, зэблагъэ лъэкъитІ щыц унагъуитІ я блэгъагъэр нэхъри быдэ цІын хуейуэ аракъэ **икІэри ипэри**? [Елгъэр 1988: 47]. **Унэм уикІрэ** къэбгъэзэжмэ, **УІэнэцІу** къыумыгъазэ, **Куэди мащІи** къэт пфІэфІыхукІэ, **Уеблэм бзухэм** къадэгъазэ [КІыщокъуэ 1980: 372].

Амфитезэ зэхушытыкІэр апхуэдэуи лъабжъэ хуэхъуащ тІуащІэхъу щІыкІэкІэ къэхъуа псалгъэ зэхэлъхуэ **адэ-анэ, жэщ-махуэ, адэ-мыдэкІэ, адэкІэ-мыдэкІэ, къакІуэ-накІуэхэр**, н.: **Зы жэщ-махуэ и адэ-анэм** ябгъэдэсри ехъэкІытІэ имыІэу къыпэщыль **Іуэхугъуэр** зэфІигъэкІыну, **Галинэ** сымаджэщыым кІуащ [Щамырзэ 2002: 147]. **Сыт тицІэнт, псоми ди розэ Іэрамэхэр адэ-мыдэкІэ** къуацэчыцэ лъабжсѡхэм къыцІэтхыжри дыкъеувэкІащ [КІэрэф 2009: 14]. **Мо щыгъын хуабэ тэмэму** зымыІэхэм, **цІыІэм иукІырти, адэкІэ-мыдэкІэ** къыцафыщІа кІагуэжсѡ, джэдыгужсѡ хуэдэхэр зыкІэцІакуа цей бырыбхэм ахэр зи дамэр къута дудакъыжсѡ **цІэхъукІхэрт** [Мэлей 1995: 90]. **А псом щыцу** нэхъ фІэгъэщІэгъуэн хъуар **къакІуэ-накІуэхэр** зэпыуа иужсѡ, **Іэджэ цІауэ** зи цхъэфэ имыплъа, къуажэми дэмысыжу **районыр псэунІэ** зыхуэхъуа, **езым япэкІэ ФуІэд** и цхъэгъусэу **щыта Ларисэ** кърикуу къызэрыхуэкІуарт [Къэрмокъуэ 1988: 116].

КъызэщІэткъуэжмэ, зэпэщыт псалгъэхэм зэпэщІэуэныгъэ (антитезэ) мыхъэнэр къэгъэлъэгъуэныр я къалэн нэхъыщхъэу щытми, контекстым къызэрыхыхъэм елгытауэ, абыхэм хабзэ яхуэхъуа къалэным къыщхъэщыкІ

нэгъуэщI Iуэхугъуэ зыбжани жъабзэм шагъэзэщIэфынущ. Апхуэдэхэм ящыщ мы статьям щызэпкърытха зэпыщIэныгъэ (амфитезэ) зэхушытыкIэр, псалъэ зэляпкъэгъуу псалъэухам къыхыхъэ антонимхэм яхэлъ зэпэщыт мыхьэнэхэр зыуэ къызэщIэкъуауэ къэзыгъэлыагъуэр.

КъыкIэлыкIуэну лэжыгъэхэм гулытэ хэха щыхуэщIын хуейуэ къыдолъытэ антонимхэм, зэпэщIэтыныгъэ зэхушытыкIэм къыщхьэщыкIу, жъабзэм шагъэзэщIэ адреи къалэнхэми. ДызэрэплъымкIэ, абы мыхьэнэшхуэ иIэщ антонимхэм семантикэ-стилистикэ и лъэныкъуэкIэ яIэ Iэмалхэр къызэщIэкъуауэ, нэгъэсауэ джыным папщIэ.

КЪЭДГЪЭСЭБЭПА ЛЭЖЫГЪЭХЭР

Боровых 2007 – *Боровых Е.А.* Антонимическая парадигма в русских и английских паремиях: структурно-семантический и культурологический аспекты / Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. – Челябинск, 2007. – 238 с.

Бочина 2005 – *Бочина Т.Г.* Антитеза и оксюморон в русской паремике // Фразеологические чтения памяти профессора Валентины Андреевны Лебединской. Ответственный редактор Н.Б. Усачева. 2005. – С. 27-30.

Бочина 2006 – *Бочина Т.Г.* Лексические средства выражения контраста // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. Т. 148. № 3. – С. 47-54.

Камбачоков 2024 – Камбачоков А.М. Некоторые лексико-фразеологические средства выражения экспрессивности, используемые при создании художественных образов в романах А.Х. Налоева // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 412-422. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-412-422. EDN: XFPZCV.

Крюкова 2016 – *Крюкова К.С.* Особенности выражения контраста в трансформированных вариантах пословиц // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. Т. 22. № 4. – С. 134-136.

Кумыкова 2023a – *Кумыкова Д.М.* Средства создания контраста в кабардино-черкесских паремиях. конвенциональные оппозиции // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2023. № 3 (58). – С. 63-70.

Кумыкова 2023b – *Кумыкова Д.М.* Средства создания контраста в кабардино-черкесских паремиях: неконвенциональные оппозиции // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2023. № 4 (59). – С. 62-70.

Кумыкова, Бижоев 2021 – *Кумыкова Д.М., Бижоев Б.Ч.* Типы семантической противоположности и их выражение в кабардино-черкесском языке // Вестник КБИГИ. – 2021. № 3 (50). – С. 57–65.

Кумыкова, Кумыкова (Гучапшева) 2024 – *Кумыкова Д.М., Кумыкова (Гучапшева) Э.Т.* Антитеза как структурно-семантический принцип организации кабардино-черкесской пословицы // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 423–437.

Новиков 1973 – *Новиков Л.А.* Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 290 с.

Новиков 1982 – *Новиков Л.А.* Семантика русского языка: Учеб пособие. – М.: Высш. школа, 1982. – 272 с.

Токмакова 2022 – *Токмакова М.Х.* Антонимия кабардино-черкесского языка // Вестник КБИГИ. – 2022. – № 4-1 (55). – С. 108–115.

Унатлокова, Унатлоков, Сохрокова 2025 – *Унатлокова Л.С., Унатлоков В.Х., Сохрокова Э.Х.* Антитеза в пословицах и поговорках кабардинского языка: лексико-семантический аспект // Лингвистика без границ: актуальные проблемы кавказоведения. Материалы конференции с международным участием, приуроченной к 95-летию заслуженного деятеля наук, члена европейского кавказоведческого общества, почетного члена абхазской академии наук Амина Кабцуевича Шагирова. – Нальчик, 2025. – С. 65-69.

Елгээр 1988 – *Елгээр К. Щыуагъэ*. Роман. (Ошибка). – Налшык: Эльбрус, 1988. – 391 н. (На кабардино-черкесском яз).

Кыщокъуэ 1980 – *Кыщокъуэ А. МахуитI зэхуэдэу кыуымыгъашIэ // Вагъуэ махуэ*. (Нет двух одинаковых дней // Звезда счастья) – Налшык: Эльбрус, 1980. – 112 н. (На кабардино-черкесском яз).

КIэрэф 2009 – *КIэрэф М. Лъэужь е лIэужь*. Повестхэр. (Оставить след. Повести). – Налшык: Эльбрус, 2009. – 572 н. (На кабардино-черкесском яз).

Къэрмокъуэ 2004 – *Къэрмокъуэ М. Къоджэм уигъэжейркъым // Тхыгъэхэр*. Ещанэ тхыль. Роман. Рассказхэр. (Зов). – Налшык: Эльбрус, 2004. – 536 н. (На кабардино-черкесском яз).

Къэрмокъуэ 2007 – *Къэрмокъуэ М. Пшэпэ зэхуэгъуэ*. Повестхэр, рассказхэр. (Сумерки). – Налшык: Эльбрус, 2007. – 264 н. (На кабардино-черкесском яз).

Къэрмокъуэ 1988 – *Къэрмокъуэ М. Щихухэр иджыри мэкI. ТхылъитIу зэхэлъ роман*. (А тополя все растут). – Налшык: Эльбрус, 1988. – 480 н. (На кабардино-черкесском яз).

МафIэдз 1988 – *МафIэдз С. Мыщэ лъэбжьанэ*. Роман. (Медвежий коготь). – Налшык: Эльбрус, 1988. – 544 н. (На кабардино-черкесском яз).

МафIэдз 2003 – *МафIэдз С. Мыхъур*. Повестхэр. (Печать). – Налшык: Эльбрус, 2003. – 344 с. (На кабардино-черкесском яз).

Мысачэ 1991 – *Мысачэ П. Кхъужьейр мэгъагъэ // Тхыгъэхэр*. Повестхэр, Рассказхэр, Пьесэхэр. (Цветущая груша). – Налшык: Эльбрус, 1991. – 312 н. (На кабардино-черкесском яз).

Мэлей 1995 – *Мэлей А. Цыхум и гъащIэ: Повесть*. (Жизнь человека). – Налшык: Эльбрус, 1995. – 192 н. (На кабардино-черкесском яз).

Теунэ 1980 – *Теунэ Хь. Шэджемкъуэ лъэпкъыр // Тхыгъэ нэхъыщхьэхэр томитIу*. ЕтIуанэ Iыхьэ. (Род Шогемоковых). – Налшык: Эльбрус, 1980. – 568 н. (На кабардино-черкесском яз).

Хьэкъун 1974 – *Хьэкъун И. Бзылъхугъэ шу щэху*. Повесть. (Таинственная всадница). – Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1974. – 222 н. (На кабардино-черкесском яз).

Хьэх 2013 – *Хьэх С. Лъагъуэр гъуэгум хуокIуэ*. Роман. (Тропинка ведет к дороге). – Налшык: Эльбрус, 2013. – 624 н. (На кабардино-черкесском яз).

ХьэхъуапщIэ 1965 – *ХьэхъуапщIэ Хь. Гур зыщIэхъуэпсыр*. Повесть. (О чем мечтает сердце) – Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапIэ, 1965. – 140 н. (На кабардино-черкесском яз).

Шортэн 1954 – *Шортэн А. Бгырыхэр*. Япэ тхыль. (Горцы). – Налшык: Къэбэрдей тхыль тедзапIэ, 1954. – 504 н. (На кабардино-черкесском яз).

ШэджихьэщIэ 1987 – *ШэджихьэщIэ Хь. Тэрч щыхьэтщ*. Роман. (Терек – свидетель). – Налшык: Эльбрус, 1987. – 392 н. (На кабардино-черкесском яз).

Щамырзэ 2002 – *Щамырзэ I. Махуэ лъапIэхэр къэсыпат*. Повесть. (Когда настали – Налшык: Эльбрус, 2002. – 276 н. (На кабардино-черкесском яз).

REFERENCES

BOROVYH E.A. *Antonimicheskaya paradigma v russkikh i anglijskikh paremiyah: strukturno-semanticeskij i kul'turologicheskij aspekty* [The antonymic paradigm in Russian and English proverbs: structural-semantic and cultural aspects] / Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Yuzhno-Ural'skij gosudarstvennyj gumanitarno-pedagogicheskij universitet. – Chelyabinsk, 2007. – 238 p. (In Russ.).

BOCHINA T.G. *Antiteza i oksymoron v russkoj paremike* [Antithesis and oxymoron in Russian parodies]. IN: *Frazeologicheskie chteniya pamyati professora Valentiny Andreevny Lebedinskoj*. Otvetstvennyj redaktor N.B. Usacheva. 2005. – P. 27-30. (In Russ.).

BOCHINA T.G. *Leksicheskie sredstva vyrazheniya kontrasta* [Lexical means of expressing contrast]. IN: *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2006. T. 148. № 3. – P. 47-54. (In Russ.).

KAMBACHOKOV A.M. *Nekotorye leksiko-frazeologicheskie sredstva vyrazheniya ekspresivnosti, ispol'zuemye pri sozdanii hudozhestvennyh obrazov v romanah A.H. Naloeva* [Some lexical and phraseological means of expressiveness used in the creation of artistic images in the novels of

A.Kh. Naloev]. IN: Elektronnyj zhurnal «Kavkazologiya». – 2024. – № 4. – P. 412-422. (In Kabardino-Circassian language).

KRYUKOVA K.S. *Osobennosti vyrazheniya kontrasta v transformirovannykh variantakh posloviy* [Peculiarities of expressing contrast in transformed versions of proverbs]. IN: Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. T. 22. № 4. – P. 134-136. (In Russ.).

KUMYKOVA D.M. *Sredstva sozdaniya kontrasta v kabardino-cherkesskikh paremiyakh. konvencional'nye oppozicii* [Means of creating contrast in Kabardino-Circassian paremias. Conventional oppositions]. IN: Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy. – 2023. № 3 (58). – P. 63-70. (In Russ.).

KUMYKOVA D.M. *Sredstva sozdaniya kontrasta v kabardino-cherkesskikh paremiyakh: nekonvencional'nye oppozicii* [Means of creating contrast in Kabardino-Circassian paremias: unconventional oppositions]. IN: Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy. – 2023. № 4 (59). – P. 62-70. (In Russ.).

KUMYKOVA D.M., BIZHOEV B.Ch. *Tipy semanticheskoy protivopozlozhnosti i ih vyrazhenie v kabardino-cherkesskom yazyke* [Types of semantic opposition and their expression in the Kabardino-Circassian language]. IN: Vestnik KBIGI. – 2021. № 3 (50). – P. 57–65. (In Kabardino-Circassian language).

KUMYKOVA D.M., Kumykova (Guchapsheva) E.T. *Antiteza kak strukturno-semanticheskij princip organizacii kabardino-cherkesskoj posloviy* [Antithesis as a structural-semantic principle of organization of the Kabardino-Circassian proverb]. IN: Kavkazologiya. – 2024. № 4. – P. 423–437. (In Russ.).

NOVIKOV L.A. *Antonimiya v russkom yazyke (semanticheskij analiz protivopozlozhnosti v leksike)* [Antonymy in Russian (semantic analysis of opposites in vocabulary)]. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1973. – 290 p.

NOVIKOV L.A. *Semantika russkogo yazyka: Uchebnoe posobie* [Semantics of the Russian language: A tutorial]. – M.: Vyssh. shkola, 1982. – 272 p. (In Russ.).

TOKMAKOVA M.H. *Antonimiya kabardino-cherkesskogo yazyka* [Antonymy of the Kabardian-Circassian language]. IN: Vestnik KBIGI. 2022. № 4-1 (55). P. 108–115. (In Kabardino-Circassian language).

UNATLOKOVA L.S., UNATLOKOV V.H., SOHROKOVA E.H. *Antiteza v poslovicah i pogovorkah kabardinskogo yazyka: leksiko-semanticheskij aspekt* [Antiteza v poslovicah i pogovorkah kabardinskogo yazyka: leksiko-semanticheskij aspekt]. IN: Lingvistika bez granic: aktual'nye problemy kavkazovedeniya. Materialy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, priurochennoj k 95-letiyu zaslužennogo deyatelya nauk, chlena evropejskogo kavkazovedcheskogo obshchestva, pochetnogo chlena abhazskoj akademii nauk Amina Kabacuevicha SHagirova. – Nal'chik, 2025. – P. 65-69. (In Kabardino-Circassian language).

Авторым теухуауэ

Къумыкъу Д.М. – филологие щІэныгъэхэмкІэ кандидат, доцент.

Information about the author

D.M. Kumykova – PhD (in Philology), associate professor.

Информация об авторе

Д.М. Кумыкова – кандидат филологических наук, доцент.

Тхыгъэр редакцэм кърагъэхъащ 31.07.2025 гъ.; рецензэ нэужьым къащтащ 00.00.2025 гъ.; къытрадзэнуш 00.00.2025 гъ.

The article was submitted 31.07.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Статья поступила в редакцию 31.07.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научная статья

УДК 81.1

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-463-473

EDN: XEMVLW

МОРИЦ ЛАЦАРУС И АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКА

Рашид Султанович Аликаев

Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик, Россия, ralikaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7602-4349>

Аннотация. Статья посвящена становлению психологической концепции языка в работе немецкого философа, психолога и педагога, доктора философии Морица Лацаруса (1824–1903) «Geist und Sprache» («Дух и язык»). Изложение основывается только на вводной части к этой работе, где в достаточно сжатой форме сформулированы основные положения его философии языка, затрагиваются вопросы взаимоотношения языка и духа, отражения духа в языке и особенность его развития через язык, происхождение, функционирование и деятельность языка в духе. Отмечается, что автор не ставит задачу создания целостной психологии языка и всестороннего изучения духа. Лацарус до известной степени абсолютизирует значение языка, утверждая, что ничто не может быть мыслимо и совершено в духе без того, чтобы оно не приняло форму языка. Наблюдается существенное влияние идей В. фон Гумбольдта на Лацаруса при обсуждении им вопросов сущности языка, взаимоотношения духа и языка. Сама постановка вопроса о сущности языка, его соотношении с носителем языка, его культурном потенциале в теоретическом и практическом отношениях весьма значима для кавказологических штудий, где активно разрабатывается лингвофилософская и лингвокультурологическая проблематика.

Ключевые слова: Мориц Лацарус; лингвоисториография; кавказология; язык и дух; психология языка; философия языка; происхождение языка

Для цитирования: Аликаев Р.С. Мориц Лацарус и аспекты психологической концепции языка // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 463-473. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-463-473. EDN: XEMVLW.

© Аликаев Р.С., 2025

Original article

MORITZ LAZARUS AND ASPECTS OF THE PSYCHOLOGICAL CONCEPTION OF LANGUAGE

Rashid S. Alikaev

Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia, ralikaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7602-4349>

Abstract. This article examines the development of the psychological concept of language in the work *Geist und Sprache* (“Spirit and Language”) by the German philosopher, psychologist and educator Dr. Moritz Lazarus (1824–1903). The analysis is based exclusively on the introductory section of this work, in which the main principles of his philosophy of language are presented in a concise form. The article explores the relationship between language and spirit, the manifestation of spirit in language, and the peculiarities of its development through linguistic expression. It also addresses the origin, functioning, and activity of language within the sphere of spirit. Importantly, Lazarus does not aim to construct a comprehensive psychology of language or a systematic study of spirit. Nevertheless, he to some extent absolutizes the role of language, claiming that nothing can be conceived or realized within the spirit without taking linguistic form. A significant influence of Wilhelm von Humboldt’s ideas on Lazarus becomes evident, particularly in discussions of the nature of language and the interplay between spirit and language. The very framing of the problem—namely, the essence of language, its relationship to the native speaker, and its cultural potential in both theoretical and practical respects—is highly relevant to Caucasian studies, where linguo-philosophical and linguo-cultural issues are actively developed.

Keywords: Moritz Lazarus, linguistic historiography, Caucasian studies, language and spirit, psychology of language, philosophy of language, origin of language

For citation: Alikaev R.S. Moritz Lazarus and Aspects of the Psychological Concept of Language // Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 463-473. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-463-473. EDN: XEMVLW.

© Alikaev R.S., 2025

Введение

Философия языка остаётся одним из наиболее влиятельных направлений в современной науке о языке, в центре внимания которой находятся представления о природе и сущности языка, о роли языка в процессах мышления и познания. Данная статья посвящена аспектам психологической концепции языка Морица Лацаруса. Актуальность постановки вопроса заключается в том, что работа Лацаруса «*Das Leben der Seele*» («Жизнь души») практически не исследовалась специально, фрагментарно о его творчестве упоминается в рамках одного параграфа в работе Е.К. Романенко [Романенко 2011], между тем многие из его положений достаточно оригинальны, показывают преемственность традиций в новом обрамлении и заслуживают специального описания и анализа.

Мориц Лацарус (1824-1903) родился 15 сентября 1824 г. в городке Велень в семье раввина Аарона Левина Лацаруса, изучал право и философию в Берлинском университете, где и получил в 1850 г. докторскую степень, с 1860 по 1866 гг. занимал должность профессора психологии в университете Берна, затем с 1868 г. переезжает в Берлин, занимает должность профессора Королевской Военной Академии, далее продолжает работать в Берлинском университете на должности профессора. Лацарус совместно со Штайнталем (его зятем) издавал «Журнал по психологии народов и языкознанию». Лацарус, как и Штайнталь, не был языковедом *sui generis*, основной областью его исследований была психология, в частности этнопсихология, где он касался вопросов языка как феномена духовной деятельности.

Психология в исследуемый период переживает особый расцвет, применительно к языку Лацарус и Штайнталь используют ее для дальнейшего развития

положений учений В. фон Гумбольдта, рассматривая язык как специфическое проявление психологии народа.

Исследование основ лингвофилософской концепции одного из наиболее значимых представителей немецкого психо- и этноцентрического языковедения второй половины XIX в. Морица Лацаруса дает возможность осветить экспликационные характеристики «духа» в системе этноцентрической речевой деятельности, описать «жизненную силу и актуализацию народного духа» в языке, прояснить зарождавшиеся в то время взгляды на единство и целостность когниоречевой деятельности.

Методологический подход заключается в текстуальном исследовании мышлений Лацаруса, связанных с отношением языка и духа и их теоретической интерпретацией, что позволит показать особенности становления его психологической концепции только на материале вводной части его работы «Das Leben der Seele» («Жизнь души»), где в сжатой форме представлено его понимание языка и духа. Методологически значимо «с высоты» современных когнио- и речегенеративных концепций последовательное изложение воззрений Лацаруса на имманентную вербальную составляющую мысли, позволяющую языку воплотить саму сущность социального единения народа и выступать в качестве «овеществления духа», что можно применить и плодотворно использовать при изучении особенностей становления единого кавказского праязыка и постепенном формировании отдельных кавказских языков, в частности западнокавказских языков. Изучение сущности самого языка, проблем его становления, соотношения с носителем языка, когнитивного и культурного потенциала в теоретическом и практическом отношениях весьма также значимо для кавказологических штудий, где начинается активная разработка лингвофилософской и лингвокультурологической проблематики.

Основная часть

Главной работой Морица Лацаруса, посвященной соотношению духа и языка в направлении изысканий этнопсихологии того времени, является второй том его исследования «Das Leben der Seele» («Жизнь души»), опубликованный в 1857 году в берлинском издательстве Генриха Шиндлера под названием «Geist und Sprache» («Дух и язык»). Работа включает большое и содержательное введение (с. 2-22), раздел I «Die Wechselwirkung zwischen Seele und Leib» («Взаимодействие души и тела», с. 23-60), раздел II «Ursprung der Sprache» («Происхождение языка», с. 61-120), раздел III «Die Erlernung und Fortbildung der Sprache» («Изучение и совершенствование языка», с. 121-158), раздел IV «Einfluß der Sprache auf den Geist» («Влияние языка на дух (разум)», с. 159-250) и Заключение (с. 251-258) [Lazarus 1857]. Во введении данной работы в достаточно краткой форме изложены видение Лацарусом языка как предмета психологии и отграничение его задач, вопросы сущности языка, постановка вопроса о происхождении языка, язык как божественное или человеческое творение, проблемы создания (творения) и изучение языка и язык как форма духа и её успех, согласие и расхождение между духом и языком, этнопсихологические задачи, связанные с

языком, которые получают свое развернутое изложение в соответствующих разделах работы.

Он определяет задачу своего исследования следующим образом: «Итак, если мы избрали дух и язык (*Geist und Sprache*) единым объектом нашего исследования, то, по-видимому, только взаимные отношения («*die gegenseitige Beziehung*») между ними могут быть реальной целью нашей задачи» [Lazarus 1857: 5-6]. Изложение ориентировано на то, чтобы показать, как развивается дух по отношению к языку («*die Entwicklung des Geistes zur Sprache hin*»), его поведение (*sein Verhalten*) в языке и особенность его дальнейшего развития через язык, с одной стороны, происхождение, существование и деятельность языка в духе («*die Wirkung der Sprache im Geiste*»), с другой стороны. При этом делается оговорка: «Ни полная психология языка, ни тем более всестороннее рассмотрение духа не могут входить в нашу задачу» (здесь и далее переводы мои – Р.С.) [Lazarus 1857: 6].

Свое предисловие к исследованию взаимоотношения духа и языка Мориц Лацарус начинает с утверждения значимости языка для духа, ибо «...ничто не может быть мыслимо и совершено в духе без того, чтобы оно не приняло форму языка; как тень к телу, слово прикрепляется к мысли; даже когда мы не говорим и думаем молча, мы выражаем свои мысли словами» («...*nichts im Geiste gedacht und vollbracht werden könne, ohne dass es die Gestalt der Sprache annimmt; wie der Schatten an den Körper, so heftet das Wort sich an den Gedanken; auch wenn wir nicht reden und schweigen, denken, so denken wir unsere Gedanken in Worten*») (Здесь и далее в тексте немецкие цитаты даны в старой орфографии) [Lazarus 1857: 3]. Эти мысли Лацаруса, бесспорно, являются влиянием В. фон Гумбольдта, который писал: «Как ни одно понятие невозможно без языка, так без него для нашей души не существует ни одного предмета, потому что даже любой внешний предмет для неё обретает полноту реальности только через посредство понятия» [Гумбольдт 2000: 80].

По мнению Лацаруса, процесс мышления носит монологический или диалогический характер, при этом «слово (слышимое или неслышимое) является неотделимой формой, неразрывным очертанием, неразрывными оковами его содержания» («*alles Denken ist entweder ein Dialog oder ein Monolog, denn das Wort, hörbar oder unhörbar, ist für das Denken die unablässliche Form, die unzertrennliche Gestalt, die unentrinnbare Fessel seines Inhalts*») [Lazarus 1857: 3].

Ссылаясь на Г.В. Лейбница, который называл язык зеркалом духа, в языке он видит картину сущности самого духа. Говоря другими словами, Лацарус следует гумбольдтовской традиции, также выдвигая взаимоотношение языка и духа в центр своего исследования, разделяя его мысль о том, что между языком и духом существует отношение воплощаемости; дух воплощается в языке как в своем орудии [Lazarus 1857: 4]. Там же он отмечает: «Даже очень простые мысли не могут обойтись без языковой формы для их передачи; многие духовные содержания могут быть представлены в других формах, пластические искусства и практические манипуляции также выражают образы и движения ума [Lazarus 1857: 4].

Язык, однако, является не просто возможным и доступным (der mögliche und zugängliche), но единственным и необходимым выражением (der einzige und notwendige Ausdruck) для высшей общности духовной жизни, "язык сам по себе является бесконечно обширным по своему объему, значимым по своей связи с внутренним миром и поистине чудесным фактом" («...die Sprache an und für sich ist eine durch den Umfang unendlich weitgreifende, durch die Beziehung zum Inneren bedeutungsvolle und schierwunderbare Thatsache») [Lazarus 1857: 4].

По мнению Лацаруса, человек не в состоянии без использования языковых средств передать тривиальный факт, к примеру, «в прошлую среду прогремел гром» («am letzten Mittwoch hat es gewittert»), тогда как многие духовные содержания могут найти свое выражение в других формах, например, в пластических искусствах. Даже очень простые мысли не могут обойтись без языковой формы для их передачи; многие духовные содержания могут быть представлены в других формах, пластические искусства и практические манипуляции также выражают образы и движения ума. Своеобразие заключается в том, что «прошлую среду» «невозможно представить ни нарисованной, ни высеченной в камне, но и внутренне представить ее невозможно без привязки к определенному времени, ... внутреннее восприятие, которое мы наблюдаем, не является чем-то, что можно было бы описать словами, временная последовательность не могла бы быть зафиксирована и представлена как ограниченная во всех точках последовательность, если бы оно не было зафиксировано языком» («...kann weder gemalt noch im Stein gehauen dargestellt, aber auch innerlich nicht vorgestellt werden, ohne daß seine zeitmessende Bestimmtheit an ein Wort geknüpft ist..., ... daß die innere Wahrnehmung der Zeitfolge nicht als eine in jedem Punkte begrenzte Ordnungsreihe festgehalten und vorgestellt werden könnte, wenn sie nicht durch die Sprache fixiert wäre») [Lazarus 1857: 5]. Из этого он приходит к заключению о том, что «постоянная и всесторонняя связь духа с языком предстает не просто как действительный факт, а как необходимый факт», что «если язык образует форму, оковы и образ и потому является зеркалом духа, является органом его представления и рычагом его развития, то рассмотрение его является не просто достойной и плодотворной, но необходимой задачей психологии» [Lazarus 1857: 5].

Лацарус пишет: «Принято определять язык как: выражение мыслящего духа через тело; или, если не принимать во внимание язык жестов и рассматривать только фактический или фонетический язык: выражение духа через артикулированный звук. Вопрос в том, отражает ли это истинную сущность языка, исчерпывается ли оно этим» [Lazarus 1857: 6].

Звук как выражение тела обретает у Лацаруса чувственный облик в языке. Но это проявление тела можно считать языком в той мере, в какой с ним связано выражение духа, мыслительное содержание связано со звуковой формой, мыслительный акт – с речевым актом [Lazarus 1857: 6-7].

Лацарус полагает, что наука должна была бы поставить вопрос о том, какого рода эта связь звука и мысли, духа и языка; не имеет ли место в языке нечто большее, чем простое одновременное существование слова и мысли; не приводит ли мысль к чему-либо, кроме ее озвучивания и выражения, с ее помощью? «Даже наука», - пишет он, - «до недавних пор довольствовалась тем, что слово

обозначает понятие, то есть, когда звук произносится или слышится, в этот же момент говорящий или слушающий думает о соответствующем понятии; вопрос о том, не является ли язык лишь простым совпадением слова и мысли, даже не поднимался» [Lazarus 1857: 7].

Лацарус отмечает, что современники не исследовали сущность этой связи, т.е. не является ли она для мысли лишь средством её озвучивания и выражения, а занялись легко возникающими вопросами: откуда берутся эта связь мысли со словом и само слово; откуда дух получает возможность порождать слово в теле и как ему это удастся? Говоря другими словами, занялись исследованием не сущности и природы языка, а его происхождения [Lazarus 1857: 6-7]. Мысли Лацаруса о сущности языка и слова также напоминают идеи В. фон Гумбольдта о том, что вся деятельность сознания, направленная на восприятие предмета, опосредуется языком. Слово не является ни копией вещи, ни отпечатком предмета в нашем сознании. «Слово, действительно, есть знак до той степени, до какой оно используется вместо вещи или понятия. Однако по способу построения и по действию это особая и самостоятельная сущность, индивидуальность; сумма всех слов, язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [Гумбольдт 2000: 304].

Задаваясь вопросом о происхождении языка, Лацарус не стремится разгадать доисторическую тайну его происхождения, а пытается определить необходимые и достаточные условия для появления этого творения на свет, которые должны продолжать действовать сегодня, чтобы сохранить его. А для понимания природы языка как сочетания духовной и телесной деятельности, по мнению Лацаруса, необходимо научиться «распознавать существенные черты общей взаимосвязи между телом и душой». Язык представляется ему как своего рода взаимодействие («eine Art der Zusammenwirkung») между ними, но чтобы глубоко понять суть этого взаимодействия, необходимо «распознать в нем общий род («die allgemeine Gattung») или общий закон взаимодействия («das allgemeine Gesetz der Wechselwirkung») между ними, чтобы не рассматривать частный факт языка как единичный, а постичь его в его общей закономерности», что детально рассматривается в первой главе его работы [Lazarus 1857: 8].

Лацарус отмечает, что в его эпоху существуют два понимания происхождения человеческого языка: одни декларируют его божественное происхождение, доказывая невозможность изобретение языка человеком, другие представляют его как человеческое творение и аргументируют, опираясь порой на теологические, порой на метафизические основания, что прямое послание от Бога невозможно. Но и те, кто представляет человеческое происхождение языка, не едины во мнении, одни предполагают, что язык – результат творения природы и потребности, созданный наподобие того, как звук возникает у животных, другие же склонны думать, что он есть творение произвола свободной воли [Lazarus 1857: 9].

Удивительную особенность человеческой речи (еще до ее появления) Лацарус видит в том, что дух изначально использует звуки как знаки для выражения собственных мыслей в процессе коммуникации с целью донести до других собственные мысли. При этом он задается трудно объяснимым вопросом о

том, как именно это делал дух. Он полагает, что при декларировании произвольности производства звука и его произвольной связи с определенными мыслями возникают две трудности. Во-первых, такое произвольное сочетание отдельных звуков выдает рефлексию, следов которой у простых людей не найти. Во-вторых, возникает вопрос о том, как осуществлялся процесс понимания, ведь оно уже предполагает некую конвенциональность, соглашение, язык, то есть звуки, применяемые и наделенные значением. Если же допустить, что непроизвольное образование звуков зиждется на естественной необходимости, то вновь возникает необъяснимая трудность: как объяснить связь между звуком и мыслью, каковы причины комбинации именно этих звуков с этими понятиями. Иными словами, утверждение божественного происхождения до такой степени подтолкнуло к осознанию этих трудностей, что объяснение проблем лишь откладывалось, хотя и углублялось, но не прояснялось и не решалось [Lazarus 1857: 10-11].

Не вдаваясь в подробное изложение существующих взглядов на данный вопрос и их критику, Лазарус отмечает их ошибочность, ибо сама постановка вопроса не была правильной, что не позволяло ответить на вопрос о происхождении языка. Ошибочность он связывает с тем, что изначально в языке видели только средство для передачи мыслей, рассматривая это средство как нечто новое и самостоятельное, добавленное к готовым мыслям. «Но пока», - пишет он - «с одной стороны, видят образованный дух, существо, наделенное готовыми понятиями и мыслящее в них и с их помощью, а с другой стороны, - язык как сокровищницу артикулированных звуков, так что готовые понятия, чтобы стать опосредованным, проскальзывают в язык как в оболочку и тем самым приобретают чувственно воспринимаемую форму, - до тех пор, говорю я, исходя из такого взгляда на дело, так поставленного вопроса: до той поры связь между звуком и мыслью будет оставаться абсолютной загадкой» («So lange man aber auf der einen Seite den gebildeten Geist, das mit fertigen Begriffen ausgestattete, in und mit ihnen denkende Wesen auf der anderen Seite die Sprache als einen Schatz von artikulierten Lautgebilden sieht, so daß jene, um mittelbar zu werden, in diese wie in eine Hülle hineinschlüpfen und dadurch eine sinnlich wahrnehmbare Gestalt annehmen, so lange man, sage ich, von dieser Anschauung der Sache ausgehend, die Frage aufgestellt: so lange wird die Verbindung von Laut und Gedanke ein absolutes Geheimniß bleiben») [Lazarus 1857: 12-14].

Если даже допустить мысль о божественном или человеческом происхождении языка, о его свободном или случайном характере, он все еще остается загадкой, для ответа требуется не просто поиск происхождения звука языка, но поиск природы и смысла его связи с мыслью, т.е. необходимо пытаться найти ответ на вопрос о сущности связи духа и языка, как в сообщении внутреннее, мысль, связано с внешним, звуком? [Lazarus 1857: 15]. Высказанная здесь идея вновь напоминает В. фон Гумбольдта, который, обращаясь к проблеме происхождения языка, утверждал, что тайна происхождения языка – «преграда, через которую нас не сможет перенести ни историческое исследование, ни вольный полёт мысли» [Гумбольдт 2000: 66], а присущая только человеку способность производить членораздельные звуки – «пропасть, лежащая между бессловесностью животного и человеческой речью» – не может быть объяснена чисто

физиологическими причинами, «только сила самосознания способна чётко расчленить материальную природу языка и выделить отдельные звуки» [Гумбольдт 2000: 309; по данному поводу см. также: Постовалова 1982].

Понимание языка как воплощения и сосуда духа, по мнению Лацаруса, - не ошибка, но оно может привести к заблуждениям, ибо язык не есть тело, в котором обитает дух. Иллюстрирует он данное положение в сравнении с изобразительным искусством следующим образом: «Статуя, картина – это действительно воплощенная мысль; то есть, в камне и на холсте, в красках, действительно заключено нечто внутреннее, образ. Когда я смотрю на статую, через глаза я получаю чувственное изображение, а вместе с ним и мысль, то есть внутренний образ, который художник задумал и воплотил в камне. Иначе обстоит дело со словом; слово, звуковой образ, который воспринимает мой слух, не является отражением мысли, не содержит ничего от мысли; когда я слышу слово, звуки, я должен сам связать их с мыслью» [Lazarus 1857: 15-16]. Говоря другими словами, в языке не происходит пластического представления мысли посредством звука. В порядке исключения называются звукоподражательные слова.

Сущность истинного языка, продолжает Лацарус свою мысль, состоит в генерировании и рецепции звуков, в процессе которых говорящий связывает мысль, а слушающий сам связывает её. В языке внутреннее всегда остается внутренним, т.е. мысль никогда не выражается (в отличие от пластического искусства). При этом возникает вопрос о том, как актуализируется мысль и как она может быть передана и понята, если внутреннее никогда не становится внешним. Иначе говоря, трудность и проблема языка заключаются в процессе понимания.

Речь, определяемая как процесс звукоизвлечения, по мнению Лацаруса, ссылающегося на Эпикура, является необходимым и врожденным свойством человека, как лай собаки, который является необходимым и врожденным [Lazarus 1857: 17].

Рассуждая о том, как протекает процесс взаимопонимания между говорящим и слушающим (коммуникантами), Лацарус утверждает, что сама мысль не содержится в звуке, речь о том, что говорящий связывает ту же самую мысль с тем же самым звуком, когда произносит его, т. е. звуки обретают значение для слушающего, только если они находят отклик в его понимании. Из этого следует вывод о том, что «язык должен возникнуть одновременно и с одинаковой необходимостью у всех носителей языка. Никакие договоренности не могут породить язык, поскольку он должен зарождаться в каждом отдельном человеке, чтобы он мог участвовать в общем языке через понимание и высказывание», т.е. «...не может быть и речи о произволе в действиях отдельных индивидов, поскольку их действия должны проистекать из внутренней и всеобщей необходимости» [Lazarus 1857: 17-18].

Важной целью исследователя, по Лацарусу, является демонстрация того, как взаимодействуют природные и исторические условия, как из первых возникает сходство, а из вторых – различие между созданием языка и его усвоением, и как, наконец, процесс создания языка отражается, продолжается и достигает своей цели в его дальнейшем развитии [Lazarus 1857: 19].

Язык для него является не только внешним средством для передачи информации, но и внутренней формой определенности мысли. Он обозначает определенный уровень в прогрессивном развитии духа. Звук же признается не просто внешней оболочкой для мысли, но и признаком и причиной определенной формы мысли, которая не могла бы возникнуть без его связи со словом, т.е. сама мысль изменяется в своей сущности и внутренне через звук, и, соответственно, дух (как сумма и порождающая причина мыслей) изменяется через язык. При этом язык не просто присоединяется к законченным мыслям, но образует определенную промежуточную точку для их развития, является существенной деятельностью души. Вся деятельность духа проходит через среду чувственности, от первоначального восприятия объективного до высшего проявления и манифестации внутреннего, субъективного, человеку язык нужен не только для выражения, но и для формирования внутреннего, для развития его собственной духовной деятельности, которое проходит поэтапно, сначала закрепляясь во внешнем (объективируясь), прежде чем возникнет более высокая ступень во внутреннем [Lazarus 1857: 19-20].

Свою задачу он видит не только в указании на момент вступления языка в развитие духа, но и в том, в какой степени он оказывает на него влияние. Дух развивается через язык, все мышление носит дискурсивный характер, неизбежно проявляясь в языковой форме, люди преувеличивают истинность данного факта, при этом не хватает обоснования и объяснения причины влияния языка на развитие духа.

Внутренняя форма мысли и определенное развитие духа даны языком каждому отдельному человеку и, следовательно, всем, помимо всякого участия в них. Дух и язык развиваются посредством взаимного взаимодействия, однако Лацарус ставит ряд вопросов, на которые он ищет ответ в последней главе своего исследования: стали ли они (дух и язык) теперь соответствовать (идентичны ли) друг другу; остается ли дух на той ступени, которая признана ступенью языкового выражения мысли, или поднимается на еще более высокую, для которой язык оказывается недостаточным; стоит рассмотреть, находят ли все проявления духовной жизни соответствующее выражение в языке или остаются недоступными для него; существует ли в регулярном и среднем употреблении языка настоящая гармония между двумя его элементами – психическим и физическим; действительно ли мыслимое и произнесенное, а также услышанное и понятое идентичны, и каким образом может быть обеспечено понимание сказанного и услышанного? [Lazarus 1857: 21-22].

Над этими вопросами Лацарус размышляет в основных разделах своей работы.

Отсутствие в работе вопросов, касающиеся языка как объекта народной психологии, включающих многообразие языков, их происхождение, классификацию и соотношение с общечеловеческой идеей языка, историю языков и так далее, он объясняет тем, что вся трактовка предмета, как и всего остального в данной работе, проводится исключительно на почве индивидуальной психологии. Лишь в заключительной части исследования даются некоторые указания относительно взаимоотношения индивида и коллектива, личности и народного языка,

чтобы наметить связи, существующие между отдельным говорящим и его языком, отдельным мыслящим человеком и духом его народа [Lazarus 1857: 22].

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что Гумбольдт, являясь по существу основоположником философии языка как самостоятельного направления, оказал существенное влияние на становление языковой концепции Лацаруса. Он, находясь под влиянием Гумбольдта, формулирует задачи психологии языка и обсуждает их в русле психологии, оставаясь на эмпирическом уровне. Особо следует подчеркнуть, что постановка вопроса о взаимосвязи языка и мышления говорит о влиянии Гумбольдта, однако разграничивая язык и мышление, Лацарус абсолютизирует язык, представляя его в качестве главного (хотя и не единственного) в деятельности духа.

Оригинальным является у Лацаруса и понимание слова. Так же существенным предстает ориентир на более детальное описание процесса понятийного синтеза, данное у Лацаруса. Понятие «внутренней формы», которое он связывает с самим словом, спецификой его структуры, превращается во вторичный элемент его концепции языка, оригинальным является также признание динамичного характера самого понятия.

Мысли М. Лацаруса о «врожденности» речевой компетенции человека и о «необходимости вырастания языка в человеке» существенно опередили время и предварили хомскианские концепции середины XX в. Данное положение Лацаруса применимо и к исследованию особенностей «вырастания» из общего праязыка, происхождения и функциональных характеристик отдельных западнокавказских языков.

М. Лацарус устанавливает поликанальность экспликации «духа» в первичности вербальной интенсификации. При этом «чувственность» постулируемого в языковом коде «духа», которая обеспечивает фундаментальную связь и антропоморфный характер этой третичной абстракции предметно-деятельностного и ментально-вербальной реконструкции народа в языке, представляет собой значимое исходное положение для кавказологических штудий.

Психологизм Лацаруса не является доктринальным, как у Ф. де Соссюра, и не ставит границ в описании и транскодовом и полифокальном рассмотрении языка, что открывает новые горизонты для современной когнитивистики, концептологии и кавказологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Гумбольдт 2000 – *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
- Постовалова 1982 – *Постовалова В.И.* Язык как деятельность: опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. – М.: Наука, 1982. – 220 с.
- Романенко 2011 – *Романенко Е.К.* Философия языка В. фон Гумбольдта и ее влияние на философско-лингвистические, этнопсихологические и антропологические учения в Германии XIX-XX вв. Автореф. дис. канд. филос. н-к. – М., 2011. – 19 с.
- Lazarus 1857 – *Lazarus M.* Das Leben der Seele. Bd. 2: Geist und Sprache. – Berlin, Verlag von Heinrich Schindler, 1857. – 277 p.

REFERENCES

GUMBOL'DT V. *Izbranny'e trudy` po yazy`koznaniyu* [Selected Works on Linguistics]. – M.: Progress, 2000. – 400 p. (In Russ.).

POSTOVALOVA V.I. *Yazy`k kak deyatel`nost`: opy`t interpretacii koncepcii V. Gumbol`-dta* [Language as an Activity: An Attempt at Interpreting W. von Humboldt's Concept]. – M.: Nauka, 1982. – 220 p. (In Russ.).

ROMANENKO E.K. *Filosofiya yazy`ka V. fon Gumbol`dta i ee vliyanie na filosofsko-lingvisticheskie, e`tnopsixologicheskie i antropologicheskie ucheniya v Germanii XIX-XX vv.* [W. von Humboldt's Philosophy of Language and Its Influence on Philosophical, Linguistic, Ethnopsychological, and Anthropological Thought in 19th-20th Century Germany]. Avtoref. dis. kand. filos. n-k. – M., 2011. – 19 p. (In Russ.).

LAZARUS M. *Das Leben der Seele*. Bd. 2: Geist und Sprache. – Berlin, Verlag von Heinrich Schindler, 1857. – 277 p. (in German).

Сведения об авторе

Р.С. Аликаев – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

R.S. Alikaev – Doctor of Philological Sciences, Full Professor.

Статья поступила в редакцию 12.09.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 12.09.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Научная статья
УДК 81:1+81:39
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-474-486
EDN: XHDLDI

ЛАНДШАФТНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД В АДЫГСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ГЪОГУ «ДОРОГА»)

Нуриет Карпушевна Губжокова

Майкопский государственный технологический университет, Майкоп, Россия, gubzhockova.nuriet2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4317-9875>

Аннотация. Работа выполнена в рамках лингвокультурологического подхода, для которого характерен взгляд на культуру как на иерархически организованную систему культурных кодов, посредством которых происходит структурирование чрезвычайно сложного и многоаспектного мира культуры. Каждый культурный код делится на целый ряд самостоятельных языковых единиц.

В настоящей статье рассмотрены особенности семантики такой единицы природно-ландшафтного кода как *гъогу* «дорога», широко представленной в адыгской лингвокультуре.

Материалом исследования послужили лингвосемиотические образования, имеющие этническую специфику и характеризующиеся высокой семиотичностью – сакральные тексты, паремии, метафоры, фразеологизмы, метонимии, речевые стереотипы, аллюзии, позволяющие интерпретировать картину мира конкретного народа. В настоящей статье их основным источником является Адыгейский корпус – аннотированное электронное собрание текстов на адыгейском языке.

В ходе исследования выявилось, что единица *гъогу* «дорога» включает в себе целый ряд культурных смыслов, которые можно разделить на три ассоциативных блока, важнейшими из которых являются «*гъогу* как путь» и «*гъогу* как судьба».

Настоящее исследование также успешно подтвердило степень применимости метода культурного кодирования при изучении адыгской культуры.

Ключевые слова: культурный код, семантика, лингвокультурология, адыгейский язык, Адыгейский корпус, дорога.

Для цитирования: Губжокова Н.К. Ландшафтный культурный код в адыгской лингвокультуре (на примере *гъогу* «дорога») // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 474-486. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-474-486. EDN: XHDLDI.

© Губжокова Н.К., 2025

Original article

LANDSCAPE CULTURAL CODE IN ADYGH LINGUOCULTURE (ON THE EXAMPLE OF THE *GOGU* "ROAD")

Nuriet K. Gubzhockova

Maikop State Technological University, Maikop, Russia, gubzhockova.nuriet2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4317-9875>.

Abstract. This work is based on a linguacultural approach, which views culture as a hierarchically organized system of cultural codes that structure the extremely complex and multifaceted cultural world. Each cultural code is divided into a number of independent linguistic units. This article examines the semantic features of the natural-landscape code unit *gogu* "road," which is widely represented in Adyghe linguistic culture. The research material includes linguosemiotic formations with ethnic specificity and high semiotic content – sacred texts, proverbs, metaphors, phraseological units, metonymies, speech stereotypes, and allusions – that allow for the interpretation of a particular people's worldview. In this article, the primary source is the Adyghe Corpus – an annotated electronic collection of texts in the Adyghe language. The study revealed that the unit *gogu* "road" encompasses a range of cultural meanings, which can be divided into three associative clusters, the most important of which are "gogu as a path" and "gogu as fate." This study also successfully confirmed the applicability of the cultural coding method in studying Adyghe culture.

Keywords: cultural code, semantics, linguoculturology, Adyghe language, Adyghe corpus, road.

For citation: Gubzhockova N.K. Landscape cultural code in Adigh linguoculture (on the example of the *gogu* «road»). In: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 474-486. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-474-486. EDN: XHDLDI.

© Gubzhockova N.K., 2025

Введение

Проблема взаимодействия языка и культуры, соотносимости вербальных и культурных феноменов, давно уже находится в сфере внимания отечественной лингвистики. В зависимости от подхода, культурная семантика, воплощенная в языковых конструкциях, извлекалась специалистами в области семиотики, этнолингвистики, фразеологической семантики, когнитивной лингвистики [Гудков, Сарач 2015: 45].

Одним из самых многообещающих направлений в данной области является лингвокультурология, представители которой ведут свои исследования через призму культурных кодов. Для лингвокультурологов характерен взгляд на культуру как на иерархически организованную совокупность целого ряда культурных кодов, каждый из которых представляет собой вторичную знаковую систему. Посредством кодов происходит структурирование чрезвычайно сложного и многоаспектного мира культуры.

В настоящий момент классификационная схема культурных кодов находится в стадии формирования, однако большая часть исследователей предпочитает отталкиваться от структуры, предложенной В.Н. Телия и ее учениками при составлении «Большого фразеологического словаря» [Большой фразеологический... 2006: 13]. Этот перечень культурных кодов охватывает мир природных явлений, а также человека и окультуренную им среду (как материального, так и духовного плана). В их классификацию вошли следующие коды: вещно-костюмный, соматический, антропный, растительный, зооморфный, гастрономический, архитектурный, пространственный, временной, природный, духовно-религиозный, числовой и цветовой. Каждый из этих кодов также может делиться на ряд локальных кодов – например, ландшафтный код может считаться частью

природного кода. В свою очередь, каждый код состоит из множества языковых единиц.

В современной лингвокультурологии существует множество работ, посвященных функционированию вышеупомянутых кодов (преимущественно на материале русского языка): телесному (в т.ч. соматическому) [Гудков, Ковшова 2007; Мержоева, Нальгиева 2021], биоморфному [Кенесбек, Румянцева 2016], колоративному [Волхонская 2023], костюмному [Ковшова 2021; Банкова, Васильковская 2019] и мн. др.

Гораздо реже встречаются работы, написанные на сравнительном материале двух языков – например, русского и турецкого [Гудков, Сарач 2015] или русского и китайского [Протасеня 2021; Лю 2019]. Отметим, что подобные труды позволяют более отчетливо отразить специфику мышления конкретных народов, оттеняя общее и особенное в их картинах мира.

В последние годы появляются работы, посвященные отдельным языковым единицам (напр.: «лоб», «зубы» [Гудков 2006] и «кровь» [Гудков 2003] как составляющие соматического кода; «нить» [Красных 2013], относимая к костюмному коду культуры и мн. др.), которые в совокупности являются носителями значимых для культуры смыслов.

Особо хотелось бы выделить работы, где рассматриваются отдельные единицы природно-ландшафтного кода культуры – понятия «гора» [Гудков 2017: 45-46] и «дорога» [Гудков, Сарач 2015]. Данные статьи во многом явились для нас образцами научного исследования, демонстрирующими оригинальность подхода и виртуозное владение языковым материалом.

По мнению лингвокультурологов, к числу средств проявления и трансляции культурных кодов относятся сакральные тексты, паремии (поговорки, приметы, загадки, присловья, благопожелания и проклятия), метафоры, фразеологизмы, метонимии, речевые стереотипы, аллюзии [Изотова 2020; Опарина 2023], т.е. те лингвосемиотические образования, которые, по мнению специалистов, способны выполнять функции культурных знаков [Гудков, Ковшова 2007: 97]. В силу изначально высокой семиотичности, эти тексты приобретают ярко выраженную этническую специфику, позволяют интерпретировать картину мира конкретного народа, а также делают сравнительные исследования более информативными.

Лингвокультурологический подход предоставляет нам широкие возможности для исследования и традиционной культуры адыгов, что было продемонстрировано нами в ряде работ [Губжокова 2024; Губжоков, Губжокова 2024]. В частности, одним из направлений, имеющим значительные перспективы, является изучение способа мышления адыгского народа через призму осмысления окружающего мира конкретными генераторами художественных текстов – адыгскими писателями. Такие исследования не только воспроизводят авторскую специфику мировидения, но и, предпринятые с учетом хронологического фактора, явственно демонстрируют эпохальные подвижки в менталитете народа. Так, привлечение в качестве основного источника исследования трудов адыгского интеллектуала XIX века Султана Хан-Гирея отчетливо отразило значительные

расхождения в формах осмысления действительности у адыгов «классической» эпохи и нашего времени [Губжоков, Губжокова 2024].

В настоящей же работе предполагается проделать следующий этап исследования и на материале адыгского языка рассмотреть отдельно взятую языковую единицу как составную часть конкретного культурного кода.

Таким образом, **предметом** нашего исследования является языковая единица *гъогу* (дорога), относимая к ландшафтному (или природно-ландшафтному) культурному коду.

В силу этого **основной целью** настоящей работы является изучение культуры адыгов с использованием методологии культурных кодов, акцентируя внимание на одной из единиц ландшафтного кода культуры.

Основные задачи исследования, вытекающие из поставленной цели: выявить и описать культурные коннотации единицы *гъогу* (дорога) в составе лингвосемиотических образований; еще раз доказать степень применимости метода культурного кодирования при изучении адыгской культуры.

В качестве **основной источниковой базы** будет использован Адыгейский корпус – аннотированное электронное собрание текстов на адыгейском языке [Адыгейский корпус]. Официально открытый в 2018 г., Адыгейский корпус представляет собой уникальный ресурс для проведения научных исследований.

Обсуждение

Мифологема дороги (пути) традиционно занимала особое место в сознании и культуре адыгов, что нашло свое отражение и во фразеологическом строе языка. «Понятие «дорога» насыщено мифологическими, ритуальными, социально-бытовыми устойчивыми представлениями и символическими смыслами», – отмечают Д.Б. Гудков и Х. Сарач [Гудков, Сарач 2015: 46]. Следуя за мыслью этих авторов, необходимо отметить, что «дорога» давно уже «переросла» свое онтологическое определение и приобрела статус одного из важнейших знаков не только в природно-ландшафтном коде культуры [Гудков, Сарач 2015: 46], но и во всей совокупности кодов адыгской культуры.

Такая ситуация возникла не случайно. Военизированный быт исторической Черкесии и ассоциированные с ним представления связывали высокий общественный статус человека с постоянной демонстрацией воинских наклонностей, широким кругозором знаний о внешнем мире, а также наличием прочных социальных (сюзеренно-вассальных, клиентских, родственных, дружеских) связей, установленных по всей Черкесии. Добиться этого можно было посредством высокой мобильности, постоянным пребыванием «в дороге» – в военных походах, в путешествиях к местам, где происходили важнейшие для края события. Этим и объясняется столь значительный пласт фразеологизмов, содержащих понятие «дорога» (*гъогу*).

Не будем забывать и синонимичные «дороге» понятия – «жизненный путь», «судьба», «удел», также расширявшие употребимость многозначного *гъогу* в адыгской лингвокультуре, что нашло свое отражение в текстах Адыгейского корпуса.

Попутно отметим солидную представленность концепта *гъогу* и близких к нему терминов, в названиях известных произведений адыгейской литературы: «*Гъогур Iухыгъ*» (повесть Ю. Тлюстена «Путь открыт»), «*Насытым игъогу*» (роман Т. Керашева «Дорога к счастью»), «*Аджал гъогу*» («Дорога смерти») и «*Нэфшъэгъо лъагъохэр*» «Тропы из ночи» И. Машбаша, «Путевые заметки» Крым-Гирея (Инатова). Вспомним и, без преувеличения, самое знаковое творение Т. Керашева «*Шыу закъу*» («Одинокий всадник»), названием которого стал один из базовых образов адыгской культуры, понятие, неразрывно связанное с дорогой. «Одинокий всадник» – роман-путешествие, где все основные события происходят в пути, в ходе многомесячных странствий главного героя.

Именно в дороге обозначаются важнейшие сюжетные коллизии эпических нартских сказаний. Случай в дороге навсегда меняет характер неучтливой юноши, главного героя рассказа «Урок жизни» Т. Керашева. «Мы были на пути к бесленеевцам» – так начинает Хан-Гирей повествование о краеугольном эпизоде своих детских воспоминаний [Хан-Гирей 2009а: 521].

Кроме того, вспомним, что мифологема пути стала центральной темой, вокруг которой выстроена вся фабула фильма А. Нагаплева «Черкесия. Возвращение», посвященного судьбе адыгской диаспоры и проблеме репатриации.

Единица *гъогу* «дорога» включает в себе целый ряд культурных смыслов:

А. СОБСТВЕННО ДОРОГА.

Путь сообщения, полоса земли, предназначенная для передвижения.

Дорога – искусственный объект ландшафтной среды. Это нечто, проложенное людьми между природными объектами. Экофильный и доиндустриальный характер традиционной культуры выражался в том числе и в том, что дороги прокладывались не по кратчайшему пути (как в позднейшие эпохи), а вписывались в окружающий ландшафт, повторяя все его неровности. Отсюда: *тхышъхъэ гъогу* (холмистая дорога), *гъогу къэгъэгъэгъу* (поворот дороги, извилистая дорога). Понятие *мэшлоку гъогу* (железная дорога / дорога для поезда), которое встречается в текстах советского времени, является безусловной новацией, появившейся в эру паровой тяги и рельсовой, стали.

Дорога в буквальном смысле – путь, по которому движется путник. Дорога имеет свои ландшафтные особенности и материал покрытия: *къуджыр гъогу* (дорога, поросшая кустарником), *мыжъогъогу* или *мыжъуакIэ гъогу* (дорога, усыпанная камнями, гравием). Физические свойства дороги могут затруднять движение, а иногда – нести прямую угрозу. Вспомним пророческие слова Тхожея, волшебного коня нарта Сосруко, знавшего об уязвимости своих копыт: *МыжъуакIэ сыхэмышъэмэ, сэ къыстечъын зы хъайуани мы дунаим тетэп. Арышъы, мыжъокIэ гъогу сызэрэхэмыгъэхъаным фэсакъ* (Если не ступлю на каменистую дорогу, ни один зверь на этом свете не сумеет меня обогнать. Поэтому, не дай никому загнать меня на такую дорогу) [Нарты 2017: 235].

В нартских текстах эпические герои могут создавать новые «дороги» посредством приложения богатырских усилий, как, например, нарт Шабатнуко,

вырвавший дверные косяки и бросивший их на землю со словами: *Іэкуандэ ип-сэлъыхъухэм гъогу афэхъун* (да послужат дорогой женихам Акуанды).

В человеческом обществе сложности ландшафта нивелируются на фоне извечных социальных противоречий, в силу которых «дорогу» иногда приходится прокладывать сквозь ряды врагов: *Гъогур сэшхокІэ пхырынтхъун фэягъэ* (надо было клинком пробить дорогу).

Наличие разветвленной сети дорог с собственными названиями – подтверждение древности освоения пространства местным населением. Включенные в сферу сакральной географии, одни топонимы и микротопонимы вписывали дороги в сферу повседневного быта людей, как, например, *Шъхъал гъогу* (дорога, ведущая к мельнице). Другие отсылали к незапамятным временам эпических героев нарттов (*нарт гъогу*) или конкретным историческим событиям, как, например, *Пщыжъгъэгъ гъогу* (Дорога, заставившая плакать старого князя), «которая, согласно дошедшим до нас преданиям, проходила через верховья р. Туапсе на р. Псекупс, а происхождение ее названия связывается с миграций бжедуггов с южного склона Кавказских гор на северный, конкретно с князем Химишем» [Емыкова 2021: 330]. Еще одна разновидность дорог связывала адыгов с другими народами и регионами: *Убых гъогу* (убыхская дорога), соединявшая долину р. Белой с Черноморским побережьем, где проживали родственные адыгам убыхи [Емыкова 2021: 398], *Адыгэ гъогужъ* (старая адыгская дорога) или *Анапэ гъогужъ* (старая анапская дорога) – название пути, который шел из Анапы в Кабарду через всю Черкессию [Емыкова 2021: 44]. Примечательно, что в последнем случае для усиления образа древнего объекта (*гъогужъ* старая / большая / известная / изъезженная дорога) используется корневая основа *-жъы*.

Характерно, что в отличие от русской культуры, где пути сообщения могли быть и речными, дорога в адыгском языке – преимущественно сухопутное понятие, хотя и здесь бывали исключения. Например, *ХыкІыб гъогу* (дорога за море), *Истамбыл гъогу* (дорога в Стамбул), подчеркивающие не просто выход за географические границы прародины, а вынужденный характер переселения адыгов, подлинный Исход черкесской нации.

Дорога обладает целым рядом измеряемых параметров. Ширина дороги может сужаться до размеров тропы: *гъогу лъагъо* (тропинка). В то же время, узкое пространство дороги может географически расширяться, захватывая и ее обочину (*гъогу напцэ*, *гъогу нэзитІу*). В аграрном обществе Черкесии ширина дороги могла измеряться парой волов: *цуитІу гъогум фэдэу*.

Длина дороги также подвержена четкому структурированию, делению на отрезки. Дорога представляет собой расстояние между двумя точками и измеряется временем, требуемым на его преодоление всадником или пешеходом: *мэзэ гъогу* (дорога продолжительностью в месяц пути), *мэфэ гъогу* (дорога длиной в один день пути), *сыхъат нІэлъэ гъогу* (часовая дорога), *сыхъатитІу шыу гъогу дэлъыр* (два часа пути верхом) и т.д.

Если длина пути является константой, неподвластной человеку, да и время прохождения маршрута – величина, практически неизменная, то путник мог влиять на субъективное восприятие этого времени. Обращение к спутнику гъогум

лъэой къедз (набрось лестницу на дорогу) означало предложение начать беседу, в ходе которой время пути пролетало незаметно.

Пространство, являющееся преградой для обычного человека, с легкостью преодолевается эпическими героями: *Шымрэ л1ымрэ я чэцибл-мэфибл гъогуз зы мэфэ ныкъо гъогулэ къак1уи, чынтыдзэ бзаджэу хэкум къет1ысыллагъэм нэсри, къальэгъузэрэ къэмыуцоу ябгъук1уагъэх* (Путь, на который всаднику понадобилось бы семь дней – семь ночей, он одолел за полдня, приблизился к коварному войску чинтов, стоявшему у границы, и на глазах у них проехал мимо, не остановился).

Пространство и время соединяются и в рамках благопожелания, обращенного к путнику: *гъогумаф, сыхъатмаф* (в добрый/счастливый путь, в добрый/счастливый час).

На обширном отрезке пути особая знаковость – у начала и окончания дороги: *Зигъогунэ мыш1уи игъогу ужи ш1оп* (у кого начало пути нехорошее, и конец пути такой же).

Сознавая, что расстояние между двумя точками маршрута можно преодолеть разными путями, человек, находившийся в дороге, совершал выбор на каждой ее развилке: Гъогу лъапэ сэгъэлэгъу, – зелом: гъогу блэгъэ гъогу чыжьэр ригъэлэгъугъ («Покажи мне начало пути», – когда тот сказал, он показал ему и близкую, и дальнюю дорогу).

Чтобы обеспечить себе успех путешествия, выступать в дорогу нужно с надежным человеком: *Гъогум утемыхъэзэ гъусэ ш1ы* (еще не отправившись в путь, найди спутника).

Важен и совет бывалого человека, способный уберечь от ошибок: Гъогу хъаулые шъутехък1э сенэгуге [мне кажется, что вы вступаете на напрасную (бесцельную) дорогу].

Далеко не всем дано достичь намеченной цели пути: *гъогум тел1ыхагъ* (умер в дороге). В ином контексте звучат выражения о смертном пути человека, дороге на тот свет: *Хъаdryхэ гъогу; Ахърэт гъогу*.

Вероятно, пережитком архаичных представлений о вредоносной магии являлся строгий запрет на пересечение дороги человеку, ставший одним из непреложных законов адыгского этикета, учитывавших гендерные и возрастные аспекты коммуникации: *Бзылъфыгъэм игъогу пиупк1ы хъуцтэп* (женщина не должна пересекать дорогу [мужчине]); Нахыжьым гъогу раты, сэлам рахы, ыпэ зэпачырэп, хылыгъ ылыгъымэ лахышъ фагъэк1уатэ, ипсауныгъэ к1эупч1эх (старшего пропускают вперед [досл.: дают дорогу], его приветствуют, дорогу не пересекают, провожают, помогая нести тяжелую ношу, справляются о его здоровье).

Отголоском тех же магических запретов можно считать и сюжет о лежащих на дороге предметах, заключающих в себе скрытую угрозу, в силу чего поднимать их нежелательно. Именно несоблюдение этого правила привело к гибели нарта Сосруко: *Неуцы шъуадэжъ ук1ожьы зыхъурэм фэсакъ: гъогум уапэ къыцифэрэ зы л1эужыгъо гори къэмышт. Къызыпштэджэ зэгъаш1э – уиук1ыт. <...> Яцани дыш1гъ тандж гъогум телъэу ыльэгъугъ* (Когда будешь завтра возвращаться, будь осторожен: не поднимай ничего из встреченного тобой на дороге. Знай – то, что поднимешь – погубит тебя. <...> На третий раз он увидел золотой шлем, лежащий на дороге) [Нарты 2017: 235].

Адыгский этикет оговаривал и обстоятельства прерывания своего пути, смены его на чужой маршрут в соответствии с формулой *Адыгэ шIыкIэкIэ тигъогу къыддэгош* (по адыгским обычаям, раздели с нами дорогу). Впрочем, чаще всего подобные случаи обходились без словесных клише, по умолчанию. Так, например, путники, встретившие свадебный кортеж, обязаны были присоединиться к нему; того же этикет требовал и при встрече с почетным гостем, а также со знатной особой (пресловутая церемония сопровождения князей). Согласно обычаю, мужчина, встретивший женщину за пределами селения, должен был прервать свой путь и сопроводить ее до безопасного места.

Дорога – особое пространство, в границах которого функционируют специфические элементы материальной культуры. К числу таковых относится *гъогу гъомыл* – дорожная (походная) пища, в фольклоре четко противопоставляемая привычным домашним блюдам, от которых она отличалась технологией приготовления и значительным сроком хранения [Унарокова 1998: 110-111]: Уянэ мазэрэ фэхъун гъогу гъомылэ егъэшI, гъогу онэшхо горэм узгъэкIоштышъы, – ыIуагъ нарт Колэсыжъым (Пусть твоя мать приготовит дорожную пищу на месяц пути, пошлю тебя в трудную дорогу, – сказал нарт Колэсыж). При этом естественно, что пища, предназначенная для походов, является синонимом настоящего воина [Губжиков, Губжикова 2024: 57]. Упоминание ее в фольклоре является «метафорой аскетизма героя и указанием на то, что он постоянно находится в походе» [Унарокова, Цеева 2023: 93]: *Неужели, Каит, и ты подобно таким-то (тут она назвала знаменитых по преданиям двух князей) питаешься только походною пищею?* [Хан-Гирей 2009b: 385]¹.

Походная пища является синонимом боевого братства: *«Многочисленное жанинское поколение! я для вас все покинул, и с вами делил походную пищу; теперь, когда вы гибнете – я разделю жизнь свою!»* [Хан-Гирей 2009b: 386].

Свершать свой путь может не только человек, но и небесные светила: Шэклогъу мазэр икIынкIэ мэфэ заулэ нахъ къэмынэжыгъэу, бжыхъэ тыгъэм имэфэ гъогу ымыухыпэзэ... (За несколько дней до конца ноября, в пору, когда осеннее солнце еще не закатилось... [досл.: не завершило свой дневной путь]).

Б. Дорога как СУДЬБА

Понятие *гъогу* «дорога» демонстрирует удивительную способность к расширительному толкованию, будучи переводимо и как «судьба», «смысл», «цель» и т.д.: *Сыд уигъогу зыфэдэр?* (какова твоя дорога / судьба?); *Гъогу къыфэзгъотышт* (найду [для тебя] способ / подход / средство). Еще одна недвусмысленная ассоциация: *ЮфышIу зафэрэ гъогу лъэнэ занкIэрэ уафытемыкI* (от хорошего/справедливого дела и с прямой дороги не сходи).

Выбор пути зачастую является важнейшей судьбоносной, мировоззренческой проблемой: *Уигъогу гъэнэфагъэмэ* (если ты определился в [жизненном] выборе).

¹ Здесь и далее мы приводим тексты Хан-Гирея, опубликованные на русском языке, но имевшие под собой черкесскую фольклорную основу.

Распространенной метафорой в текстах свадебного цикла является ритуальное обращение юноши к девушке: *гъогу тызэдытегъахь* (вступим на одну дорогу), означающее выбор общей судьбы.

Материализацией сознательного выбора героем своей судьбы (особенно, в фольклорных текстах) является развилка в пути: *гъогу зэхэкI* (расхождение дороги, перекресток), *гъогу зэхэкIumIy* (развилка двух дорог), *гъогутибл* (начало семи дорог). Этот поворотный пункт влияет на всю дальнейшую жизнь человека: *Гъогу пстэури зэфэдэн* (не все дороги одинаковы).

Известный сюжет, когда придорожный камень на развилке предсказывает витязю судьбу в зависимости от выбора одной из трех дорог, присутствует и в адыгском фольклоре: *Сэ силыгъэ згъэунэфыжъынэу сыкызыежъагъэкIэ, анахь гъогу дэим сытехъан», – ылуи, ащ техъагъ* (Раз уж я решил испытать свое мужество, выберу наилучшую дорогу, – сказав, он поехал по ней).

Дорога, как и судьба, может быть неверной, неправильной (*гъогу пхэндж*): *Хъагъурым изакъоп ащ ыгъэунэхъугъэр, сэ сикIэлэхъуи гъогу пхэндж ригъэкIуагъ* (Хагур – не единственный, кого он погубил, и моего сына он направил по неверному пути).

Согласно адыгской этике, для каждого человека является обязательным и естественным продолжение дела своих предков, поддержание доброй репутации рода: *Уятэ игъогужь чыжъэ пIоу хэмынэжъ* (говоря, что старая дорога твоего отца далека, не оставляй ее); *Уятэ игъогужьырэ иблэгъэжъырэ умыбгынэжъ* (старую дорогу твоего отца и близких ему людей не хули).

Повлиять на судьбу можно средствами имитативной магии. Вспомним, что в одном из свадебных текстов невеста воспевается как та, «желтый атлас чья дорога» (*Алтэсы гъожьыр зигъогуа*), ведь входя на усадьбу жениха, невеста шествовала по дорогой ткани, что должно было обеспечить богатую, благополучную жизнь молодых.

В. Дорога как ДЕЛО

Подобное толкование термина «гъогу» является наименее распространенным. Как правило, в соответствующих выражениях подразумевается и приветствуется некое активное начало, инициатива, предопределяющие успех любого замысла. Например: *Гъогу тетыр гъогу тенэрэн* (отправившийся в дорогу, на дороге не останется) [т.е. начавший некое дело, обязательно его завершит]; *Гъогу тетыр ары гъогу зилэр* (дорога принадлежит тому, кто по ней идет).

И, наконец, еще одна, крайне редкая контаминация: *Гъогу кIэкI гъогу кIыхъэ нахьы, гъогу кIыхъэ гъогу кIэкI* (чем дорога близкая, но долгая, лучше дорога долгая, но близкая), смысл которого в следующем: чем сделать дело торопливо, бездумно, и затем переделывать, лучше затратить на него больше времени и усилий, добившись при этом значимого результата.

Заключение

Как видим, на примере анализа единицы *гъогу* (дорога) нами доказана степень применимости метода культурного кодирования при изучении адыгской культуры. Понятие *гъогу* (дорога) в адыгской фразеологии предстает во

множестве культурных коннотаций, отражая особенности мышления народа, в свою очередь демонстрирующее множество аспектов – от среды формирования народа до его нравственных императивов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адыгейский корпус – *Адыгейский корпус* URL: <http://adyghe.web-corpora.net/index.html> (дата обращения: 11.02.2025).

Банкова, Васильковская 2019 – *Банкова Т.Б., Васильковская А.А.* Костюмный код в диалектной лингвокультуре: определение понятия (на материале говоров Среднего Приобья) // [Вестник Томского государственного педагогического университета](#). – 2019. – № 7 (204). – С. 48-54.

Большой фразеологический... 2006 – *Большой фразеологический словарь русского языка*. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.

Волхонская 2023 – *Волхонская А.В.* Цветообозначения как компонент культурных кодов в английском и французском языках (на примере красного цвета) // Научный старт-2023. Часть 2. Лингвистика. Литературоведение: Сборник статей аспирантов и магистрантов. – М.: Языки Народов Мира, 2023. – С. 37-43.

Губжоков, Губжокова 2024 – *Губжоков М.Н., Губжокова Н.К.* Культурные коды в адыгской этнолингвистике (по текстам Султана Хан-Гирея) // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Сер. : Филология и искусствоведение. – 2024. – Вып. 2 (337). – С. 49-59.

Губжокова 2024 – *Губжокова Н.К.* Концепция культурных кодов в адыгской лингвокультуре // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. Программа и тезисы докладов участников X международного научного форума. – М., 2024. – С. 64-65.

Гудков 2017 – *Гудков Д.Б.* Коды культуры и система естественного языка // *Русистика без границ*. – 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 43-48.

Гудков 2003 – *Гудков Д.Б.* «Кровь» в соматическом коде культуры (по данным русской фразеологии) // *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей* / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2003. – Вып. 23. – С. 15-28.

Гудков 2006 – *Гудков Д.Б.* Лоб и зуб(-ы) в соматическом коде русской культуры // *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей* / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2006. – Вып. 33. – С. 48-55.

Гудков, Ковшова 2007 – *Гудков Д.Б., Ковшова М.Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – 285 с.

Гудков, Сарач 2015 – *Гудков Д.Б., Сарач Х.* Дорога (Yol) в природно-ландшафтном коде культуры русского и турецкого языков // *Мир русского слова*. – 2015. – № 1. – С. 45-51.

Емыкова 2021 – *Емыкова Н.Х.* Историческая топонимия Западной Черкесии. По материалам русских документов XVIII–XIX вв. Часть первая. Абадзехия. – Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2021. – 768 с., илл.

Изотова 2020 – *Изотова Н.Н.* К вопросу о прочтении «культурного кода» в лингвокультурологии // *Культура и цивилизация*. – 2020. – Т. 10. – № 4А. – С. 5-11.

Кенесбек, Румянцева 2016 – *Кенесбек У.С., Румянцева М.В.* Знаки биоморфного кода в волшебных сказках // *Исследование лингвокреативных процессов в когнитивно-дискурсивном аспекте. Материалы международной научно-практической конференции молодых исследователей*. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2016. – С. 174-178.

Ковшова 2021 – *Ковшова М.Л.* Семантика головного убора в культуре и языке: костюмный код культуры // *Фразеология в фокусе когнитивистики* / гл. ред. В. Мидер, отв. ред. и сост. А.П. Поликарпов. – М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2021. – С. 108-132.

Красных 2013 – *Красных В.В.* Потяни за ниточку – клубок и размотается... (к вопросу о предметном коде культуры) // *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей* / Ред. кол. М.Л.

Ковшова, В.В. Красных, А.И. Изотов, И.В. Зыкова. – М.: МАКС Пресс, 2013. – Вып. 46. – С. 58-67.

Лю 2019 – Лю С. Орнитонимический код русской и китайской лингвокультур (на материале наименований домашних птиц) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 3. – С. 197-202.

Мержоева, Нальгиева 2021 – Мержоева З.А., Нальгиева Х.И. Соматический код – один из основных кодов лингвокультуры // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2021. – № 3-7 (71). – С. 141-145.

Нарты 2017 – Нарты (Адыгский эпос): в VII т. – 2-е изд. – Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2017. – Т. II. – 304 с.

Опарина 2023 – Опарина Е.О. Культурные коды в языке: диапазон действия и развитие // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2023. – Вып. 5 (873). – С. 94-99.

Протасеня 2021 – Протасеня Н.С. Предметный код в русской и китайской лингвокультурах // Русский язык: система и функционирование. К 100-летию Белорусского государственного университета: материалы IX Междунар. науч. конф. (Минск, 19-20 окт. 2021 г.) – Минск: БГУ, 2021. – С. 91-98.

Унарокова 1998 – Унарокова М.Ю. Флористический элемент в системе питания адыгов // Этюды по истории и культуре адыгов: Сб. ст. – Майкоп: Меоты, 1998. – С. 103-135.

Унарокова, Цеева 2023 – Унарокова Р.Б., Цеева З.А. Героические песни адыгов: формирование образа идеального героя // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2023. – Вып. 1 (312). – С. 89-98.

Хан-Гирей 2009а – Султан Хан-Гирей. Князь Пшъской Аходягоко // Султан Хан-Гирей. Избранные труды и документы. Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2009. С. 516-544.

Хан-Гирей 2009б. – Султан Хан-Гирей. Черкесские предания // Султан Хан-Гирей. Избранные труды и документы. – Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2009. – С. 321-416.

REFERENCES

Adygheiskii korpus [Adyghe Corps] URL: <http://adyghe.web-corpora.net/index.html> (data obrashcheniya: 11.02.2025). (In Russ.).

BANKOVA T.B., VASIL'KOVSKAYA A.A. *Kostyumnyi kod v dialektnoi lingvokul'ture: opredelenie ponyatiya (na materiale govorov Srednego Priob'ya)* [Costume code in dialectal linguistic culture: definition of the concept (based on the dialects of the Middle Ob region)]. In: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2019. – № 7 (204). – P. 48-54. (In Russ.).

Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentarii [A Comprehensive Phraseological Dictionary of the Russian Language. Meaning. Usage. Cultural Commentary] / Otv. red. V.N. Teliya. – M.: AST-PRESS KNIGA, 2006. – 784 p. (In Russ.).

VOLKHONSKAYA A.V. *Tsvetooboznacheniya kak komponent kul'turnykh kodov v angliiskom i frantsuzskom yazykakh (na primere krasnogo tsveta)* [Color designations as a component of cultural codes in English and French (using the color red as an example)]. In: Nauchnyi start-2023. Chast' 2. Lingvistika. Literaturovedenie: Sbornik statei aspirantov i magistrantov. – M.: Yazyki Narodov Mira, 2023. – P. 37-43. (In Russ.).

GUBZHOKOV M.N., GUBZHOKOVA N.K. *Kul'turnye kody v adygskoi etnolingvistike (po tekstam Sultana Khan-Gireya)* [Cultural codes in Adyghe ethnolinguistics (based on the texts of Sultan Khan-Girey)]. In: Vestnik Adygheiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya i iskusstvovedenie. – 2024. – Vyp. 2 (337). – P. 49-59. (In Russ.).

GUBZHOKOVA N.K. *Kontseptsiya kul'turnykh kodov v adygskoi lingvokul'ture* [The concept of cultural codes in the Adyghe linguaculture]. In: Kul'turnoe nasledie Severnogo Kavkaza kak resurs mezhnatsional'nogo soglasiya. Programma i tezisы докладов участников X mezhdunarodnogo nauchnogo foruma. – M., 2024. – P. 64-65. (In Russ.).

GUDKOV D.B. *Kody kul'tury i sistema estestvennogo yazyka* [Cultural codes and the natural language system]. In: *Rusistika bez granits.* – 2017. – T. 1. – № 1. – P. 43-48. (In Russ.).

GUDKOV D.B. «Krov'» v somaticheskome kole kul'tury (po dannym russkoi frazeologii) ["Blood" in the somatic circle of culture (according to Russian phraseology)]. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sb. statei / Otv. red. V.V. Krasnykh, A.I. Izotov.* – M.: MAKS Press, 2003. – Vyp. 23. – P. 15-28. (In Russ.).

GUDKOV D.B. *Lob i zub(-y) v somaticheskome kode russkoi kul'tury* [Forehead and tooth(s) in the somatic code of Russian culture]. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sb. statei / Otv. red. V.V. Krasnykh, A.I. Izotov.* – M.: MAKS Press, 2006. – Vyp. 33. – P. 48-55. (In Russ.).

GUDKOV D.B., KOVSHOVA M.L. *Telesnyi kod russkoi kul'tury: materialy k slovaryu* [The Body Code of Russian Culture: Materials for a Dictionary]. – M.: Gnozis, 2007. – 285 p. (In Russ.).

GUDKOV D.B., SARACH KH. *Doroga (Yol) v prirodno-landshaftnom kode kul'tury russkogo i turetskogo yazykov* [Road (Yol) in the natural landscape code of the Russian and Turkish cultures]. In: *Mir russkogo slova.* – 2015. – № 1. – P. 45-51. (In Russ.).

EMYKOVA N.KH. *Istoricheskaya toponimiya Zapadnoi Cherkessii. Po materialam russkikh dokumentov XVIII–XIX vv. Chast' pervaya. Abadzekhiya* [Historical Toponymy of Western Circassia. Based on Russian Documents of the 18th–19th Centuries. Part One. Abadzekhia]. – Maikop: OAO «Poligraf-YuG», 2021. – 768 s., ill. (In Russ.).

IZOTOVA N.N. *K voprosu o prochtenii «kul'turnogo koda» v lingvokul'turologii* [On the issue of reading the "cultural code" in linguacultural studies]. In: *Kul'tura i tsivilizatsiya.* – 2020. – T. 10. – № 4A. – P. 5-11. (In Russ.).

KENESBEK U.S., RUMYANTSEVA M.V. *Znaki biomorfnoogo koda v volshebnykh skazkakh* [Biomorphic Code Signs in Fairy Tales]. In: *Issledovanie lingvokreativnykh protsessov v kognitivno-diskursivnom aspekte. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh issledovatelei.* – Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet, 2016. – P. 174-178. (In Russ.).

KOVSHOVA M.L. *Semantika golovnoogo ubora v kul'ture i yazyke: kostyumnyi kod kul'tury* [The Semantics of Headdress in Culture and Language: The Costume Code of Culture]. In: *Frazeologiya v fokuse kognitivistiki / gl. red. V. Mider, otv. red. i sost. A.P. Polikarpov.* – M.: Izdatel'skii dom Akademii Estestvoznaniya, 2021. – P. 108-132. (In Russ.).

KRASNYKH V.V. *Potyani za nitochku – klubok i razmotaetsya... (k voprosu o predmetnom kode kul'tury)* [Pull the thread – the ball will unravel... (on the issue of the subject code of culture)]. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sb. statei / Red kol. M.L. Kovshova, V.V. Krasnykh, A.I. Izotov, I.V. Zyкова.* – M.: MAKS Press, 2013. – Vyp. 46. – P. 58-67. (In Russ.).

LYU S. *Ornitonimicheskii kod russkoi i kitaiskoi lingvokul'tur (na materiale naimenovanii domashnikh ptits)* [Ornitonymic code of Russian and Chinese linguacultures (based on the names of domestic birds)]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo.* – 2019. – № 3. – P. 197-202. (In Russ.).

MERZHOEVA Z.A., NAL'GIEVA KH.I. *Somaticheskii kod – odin iz osnovnykh kodov lingvokul'tury* [The somatic code is one of the main codes of linguistic culture]. In: *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire.* – 2021. – № 3-7 (71). – P. 141-145. (In Russ.).

Narty (Adygskii epos) [Narts (Adyghe epic)]: v VII t. – 2-e izd. – Maikop: Poligraf-YUG, 2017. – T. II. – 304 p. (In Russ.).

OPARINA E.O. *Kul'turnye kody v yazyke: diapazon deistviya i razvitie* [Cultural codes in language: range of action and development]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki.* – 2023. – Vyp. 5 (873). – P. 94-99. (In Russ.).

PROTASENYA N.S. *Predmetnyi kod v russkoi i kitaiskoi lingvokul'turakh* [Subject code in Russian and Chinese linguistic cultures]. In: *Russkii yazyk: sistema i funktsionirovanie. K 100-letiyu Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta: materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. (Minsk, 19-20 okt. 2021 g.)* – Minsk: BGU, 2021. – P. 91-98. (In Russ.).

UNAROKOVA M.YU. *Floristicheskii element v sisteme pitaniya adygov* [A floristic element in the Adyghe food system]. In: *Etyudy po istorii i kul'ture adygov*: Sb. st. – Maikop: Meoty, 1998. – P. 103-135. (In Russ.).

UNAROKOVA R.B., TSEEVA Z.A. *Geroicheskie pesni adygov: formirovanie obraza ideal'nogo geroya* [Heroic songs of the Adyghe: the formation of the image of the ideal hero]. In: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya i iskusstvovedenie*, 2023. – Vyp. 1 (312). – P. 89-98. (In Russ.).

SULTAN KHAN-GIREI. *Knyaz' Psh'skoi Akhodyagoko* [Prince of Pshskoy Ahodyagoko]. In: *Sultan Khan-Girei. Izbrannye trudy i dokumenty*. Maikop: OAO «Poligraf-YUG», 2009. S. 516-544. (In Russ.).

SULTAN KHAN-GIREI. *Cherkesskie predaniya* [Circassian legends]. In: *Sultan Khan-Girei. Izbrannye trudy i dokumenty*. – Maikop: OAO «Poligraf-YUG», 2009. – P. 321-416. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Н.К. Губжокова – кандидат филологических наук

Information about the author

N.K. Gubzhokova – candidate of philology

Статья поступила в редакцию 17.09.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 17.09.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЗИЦИОННЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ, КАБАРДИНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Рашад Султанович Кимов¹, Лаура Владимировна Хатухова²

^{1,2} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

¹ rashad.kimov@yandex.ru

² laura.khatukhova@yandex.ru

Аннотация. Предлагаемая статья лежит в русле активно разрабатываемой в настоящее время на широком типологическом фоне проблемы кодирования пространства в естественном языке. При изучении вопросов языковой концептуализации пространства, как известно, исследователи в общем случае говорят о двух типах ситуаций: динамических – субъект перемещается в пространстве и статических – субъект пребывает в состоянии покоя (ср. англ. *at rest*). Такое состояние выражается одним из так называемых *глаголов позиции* ‘сидеть’, ‘стоять’, ‘лежать’, которым принадлежит ключевая роль в языковой репрезентации статической пространственной ситуации. Настоящая работа посвящена сопоставительному исследованию глаголов позиции в языках, вовлеченных в анализ. Отсюда ее задача заключается в кратком кросс культурном анализе семантики этих глаголов на основе данных толковых словарей и примеров их употребления в языке с целью выявления путей и принципов их концептуального расширения. Рассматриваемые глаголы с разной степенью полноты и под разным углом зрения описаны на материале многих языков мира, в том числе в английском и русском. Вместе с тем корреляты этих единиц в кабардино-черкесском языке (далее, кабардинском или КЯ), изучены и описаны недостаточно, особенно с точки зрения лексической типологии, что предопределяет актуальность предпринятого исследования. В статье показано, что, если русский и английский языки в общем случае для кодирования статической локализации прибегают к предложным оборотам с одним из глаголов позиции, КЯ использует специфические средства в силу строевых особенностей. Будучи типичным представителем полисинтетических языков, он кодирует пространственные отношения, *par excellence*, при опоре на уникальные *локативные* комплексы, состоящие из глагольного префикса с пространственным значением (аналога предлога) вкупе с одной из корневых морфем, выражающих соответствующую локативную позицию (=локализацию).

Ключевые слова: статическая пространственная ситуация, глаголы позиции, локативный комплекс, концептуальное расширение, метафора/метонимия, лексическая типология, грамматикализация

Для цитирования: Кимов Р.С., Хатухова Л.В. Сравнительный семантический анализ позиционных глаголов в русском, кабардинском и английском языках // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 487-501. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-487-501. EDN: XJDZFO.

COMPARATIVE SEMANTIC ANALYSIS OF POSTURE VERBS 'STAND', 'SIT', 'LIE' IN RUSSIAN, ENGLISH AND KABARDINO-CIRCASSIAN

Rashad S. Kimov¹, Laura V. Khatukhova²

^{1,2} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

¹ rashad.kimov@yandex.ru

² laura.khatukhova@yandex.ru

Abstract. The proposed article is in line with the problem of encoding space in natural language, which is currently being actively developed against a broad typological background. When studying the issues of linguistic conceptualization of space, as is well known, researchers generally speak of two types of situations: dynamic – the subject moves in space and static – the subject is at rest. This state is expressed by one of the so-called position verbs: sit, stand, lie down, which play a key role in the linguistic representation of a static spatial situation. The present work is devoted to a comparative study of position verbs in the languages involved in the analysis. Hence, the objective of the study is to conduct a brief cross-cultural analysis of the semantics of these verbs based on data from explanatory dictionaries and examples of their use in order to identify ways and principles of their conceptual expansion. At the same time, while these lexemes are described with varying degrees of completeness and from different angles in many languages of the world, including English and Russian, their correlates in Kabardino-Circassian (hereinafter, Kabardian or KL), have been studied and described insufficiently. In particular, the article shows that while Russian and English generally use prepositional structures to encode static localization, Kabardian resorts to some specific means due to its structural features. Being a typical representative of polysynthetic languages, spatial relations here are encoded, *par excellence*, by means of locative complexes consisting of a verbal prefix with a locative meaning combined with a root morpheme expressing some key 'at-rest positions'.

Key words: static spatial situation, position verbs, locative complex, conceptual expansion, metaphor/metonymy, lexical typology, grammaticalization

For citation: Kimov R.S., Khatukhova L.V. Comparative semantic analysis of posture verbs 'stand', 'sit', 'lie' in Russian, English and Kabardino-Circassian. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 487-501. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-487-501. EDN: XJDZFO.

© Kimov R.S., Khatukhova L.V., 2025

Введение

Смена 'базисной парадигматики' научного исследования естественного языка, как известно, обусловила интерес ученых, работающих в области собственно лингвистики, так и смежных наук, к так называемому человеческому фактору в языке, что способствовало появлению когнитивного или – уже – антропоцентрического направления анализа языка, основным принципом которого является изучение языка в тесной связи с сознанием человека, его мышлением и духовно-практической деятельностью [Серебренников 1980]. В этом контексте особую роль сыграл, на наш взгляд, известный труд американского типолога Л. Талми с говорящим названием *How language structures space* [Talmy 1983]. Название, как видно, метафорично, так как «ни на одном этапе своего развития язык не обладает самостоятельной креативной силой», поскольку он способен лишь

фиксировать «концептуальный мир человека, имеющий своим первоначальным источником реальный мир и деятельность в этом мире» [Колшанский 1990:32]. Тем не менее, в этом фундаментальном труде Л. Талми предложил иное понимание пространственного представления мира в языке, которое восходит, по словам самого ученого к трудам предшественников (см. работы [Leech 1969; Fillmore 1968; Bennet 1975] и др.). На широком типологическом фоне он продемонстрировал разительный контраст между реальным миром *per se* (таким, как он есть на самом деле) и тем, который «встроен» в естественный язык или представлен в нем. Одной из первых, проведя глубокий и всесторонний анализ трудов наиболее ярких представителей когнитивной семантики, Е.В. Рахилина, интерпретируя идеи Л. Талми, справедливо подчеркнула, что «в языке человек измеряет не отдельные параметры объекта (разрядка наша – Р.К., Л.Х), а объект целиком, относя его к тому или иному топологическому типу¹ (круглые, плоские, вытянутые, бесформенные объекты, и т. п.) [Рахилина 1998а:]. Иными словами, в языке создается своя «модель» мира, которая имеет разные обозначения: «метафизика естественного языка» [Bach 1986], «наивная картина мира» [Апресян 1995], «языковая картина мира» [Серебренников 1988]. Кроме этого, Л. Талми первым ввел в лингвистический обиход заимствованные им из гештальтпсихологии такие понятия как *фигура* и *фон* для описания пространственных ситуаций – как динамических, так и статических. Поскольку нас интересуют последние, прокомментируем понятия *фигуры* и *фона* и правомерность их использования в лингвистических работах. Так, при восприятии статической ситуации, например, *велосипед у дома*, мы имеем дело с двумя объектами – велосипед и дом. С точки зрения человека они обладают разными перцептивными свойствами: велосипед – воспринимается на фоне дома, а не наоборот. Первый назван им *фигурой*, второй – *фоном*. Ср. *книга на столе*, где книга – это *фигура* (подвижный объект, *первичный*, в его терминологии), стол – *фон* (неподвижный объект, вторичный) [L. Talmy 1983, 2000]. Как видно, кодирование этих ситуаций в русском языке выглядит экономно: отсутствуют предикаты, указывающие на конкретную локативную (=пространственную) позицию фигуры (*сидеть, стоять, лежать*) относительно фона². В лингвистике способ описания конкретной позиции *фигуры* (X) относительно *фона* (Y) является типологической чертой, в соответствии с которой языки делятся на классифицирующие и универсальные, в зависимости от того, какая тенденция господствует в конкретном языке [Рахилина 1998]. Так, во французском языке, например, для всех случаев описания пространственной ситуации используется один предикат с широкой семантикой *être*. Русский язык, с одной стороны, может вообще обходиться без предикатов локативного состояния (ср. *книга находится/лежит на столе* vs *книга на столе*), но при этом в нем наблюдаются классифицирующие тенденции [Гак 1988; Апресян 2005]. Английский язык, как правило, не может обойтись без предикатов: в большинстве случаев он использует предикат «широкого спектра

¹ Считается, что понятие топологического типа в русскоязычную литературу вопроса введено Е.В. Рахилиной [Рахилина 1998].

² В литературе фигура часто символизируется как X, фон – Y, предлог именуется релятором и обозначается буквой г. Отсюда «книга на столе» записывается в виде формулы X г Y

действия» (to be) или – реже – один из позиционных глаголов. Что касается КЯ, его можно назвать сильно классифицирующим языком: ни одна пространственная ситуация ни при каких случаях не может обойтись без одного из базовых позиционных глаголов – *щытын* ‘стоять’, *щысын* ‘сидеть’, *щылъын* ‘лежать’, *фӀэлъын* ‘висеть’¹. Иными словами, КЯ должен подчеркнуть, какое положение занимает объект, т.е., говоря совсем упрощенно – что X «делает» в конкретной ситуации. Итак, во всех трех языках имеются коррелирующие единицы, обозначающие положение объекта: ‘стоять’, ‘сидеть’ и ‘лежать’ (ср. англ. *sit, stand and lie*). С позиции современной типологии они подробно рассмотрены в известной работе Т.А. Майсака, ставшей хрестоматийной [Майсак 2005]. Представляя собой лексический класс, эти глаголы фигурируют в литературе по лексической семантике под разными названиями глаголы *позиции*, *позиционные глаголы* (см. работу Е.В. Рахилиной в настоящей работе [1998]). В англоязычной литературе они именуются *posture verbs, posturals* Newman и др.), а также *stance verbs* (глаголы покоя) и др. Интерес ученых к этим глаголам связан с их универсальным характером, разветвленной полисемией, способностью относительно легко подвергаться метафоризации и приобретать статус грамматикализованных единиц [Newman 2022]. Многочисленные исследования по языкам мира [Newman 2002; Newman&Rice, 2004], также показывают, что эти глаголы употребляются с большим количеством имен, обозначающих как человеческие (human), так и н е ч е л о в е ч е с к и е (nonhuman) объекты. Иногда это прилагательное выступает в виде субстантива *nonhumans* [Lakoff, Johnson 1980]. Последние в свою очередь подразделяются на *природные объекты, артефакты*, с одной стороны, и *абстрактные объекты*, с другой. Рассматриваемые единицы относятся к числу антропоцентрических глаголов: в языках они, в первую очередь, описывают три разные специфические позы человека в пространстве. В нашем материале вертикальное положение выражается при помощи глагола *стоять* и его коррелятов *stand* и каб. *щытын*, горизонтальное – при помощи глагола *лежать*, ср. *lie* и каб. *щылъын*. Кроме этого существуют еще и «промежуточные» положения, которые можно назвать «сложенными» (Рахилина 1988:70). Они обозначаются при помощи глаголов *сидеть*, *sit* и каб. *щысын*. В соответствии с антропоморфной категоризацией мира, в том числе и пространства, эти же предикаты во всех трех языках² применимы и для описания положения в пространстве некоторых животных. Так, некоторые из них могут занимать любое из пространственных положений (поз). Следует при этом отметить, что кроме горизонтальных и вертикальных параметров ориентирования человека в пространстве, особую роль играет также фактор опоры, т.е. на что (на какую часть тела) он опирается. [Рахилина 1998, Сметанина 2006]. Так, предикат *стоять* описывает пространственное положение, при котором тело человека ориентировано вертикально и опорой для него являются ноги (ступни); предикат *лежать* обозначает горизонтальное положение тела человека, которое в такой позе может опираться на разные части тела: ср. *лежать на боку, на спине, на животе*. В английском языке,

¹ В КЯ «висение» семантически связано с лежанием, поэтому мы рассматриваем только три глагола.

² При отсутствии необходимости иногда примеры будут подаваться на русском языке

пространственное положение, при котором верхняя часть тела ориентирована вертикально, а точкой опоры являются ягодицы, описывается глаголом *sit*¹ [Сметанина 2006] (ср «сложенные» положения у Е.В. Рахилиной, что больше подходит, на наш взгляд, описания этой специфической позы человека)

Приведем примеры сходства концептуализации:

Ср. *стоять, сидеть, лежать*

дети *стояли*...

дети *сидели тихо*

дети *лежали, утомленные жарой*

stand, sit, lie

she stood waiting for the bus

she sat still

he lay motionless

щытын, щысын, щелью

щІалэр *щытыц* парень *стоит*

сабийр *щысыц* ребенок сидит

лЫжъыр *щылыц* старик лежит

Из примеров видно, что в первом (=основном, прямом) значении, все три глагола во всех трех языках выражают идею специфической позы, т.е., собственно, то, для выражения чего они существуют в конкретном языке: если человек находится в вертикальном положении, опорой являются ноги, когда он лежит, то он опирается либо на спину или бок и т.д.; если человек сидит, точкой опоры является нижняя часть туловища. Из приведенных примеров также видно, что все они структурно «неполные» в том смысле, что в них присутствуют только объекты X (= фигуры), которые занимают определенное локативное положение. Иными словами, в этих примерах отсутствует место или область локализации этих объектов (Y-и). В естественном языке гораздо чаще мы сталкиваемся, как известно, с описанием полных ситуаций, в которых наличествуют два участника, viz. объект (X), фигура и место (Y), *фон* («что-то находится где-то, в чем-то»). Для этих целей в русском и английском используются предложные обороты с именами, обозначающими место расположения или локализации фигур. Отсюда рассмотренные примеры более естественно выглядели бы как дети стояли у ворот/дома/входа/на остановке/около вокзала и т.д. В приведенных примерах нам важно было показать, что во всех языках имеются глаголы позиции в виде самостоятельных лексических единиц. Вместе с тем в силу типологических особенностей в КЯ отсутствуют предлоги, которые в других языках (например, в европейских) служат для выражения соотношения фигуры (X) и *фона* (Y). Ср. *на столе, под креслом, у ворот и at the window, on the grass, under the table* и т.д. Это связано с тем, что в КЯ языке, как отмечают исследователи [Рогава, Керашева 1966; Серебренников 1988; Майсак 2005], очень мало местных падежей.

¹ Ситуация «сидения на корточках» в английском лексикализуется при помощи глагола *squat*, в то время как в русском обозначается словосочетанием с компонентом *сидеть*; в КЯ также используется коррелят глагола *сидеть*

Такое положение компенсируется разветвленной сетью локальных или местных, в другой терминологии, префиксов, которые, будучи встроены в структуру глагольной лексемы, с гораздо большей степенью детализации описывают соотношению фигуры и *фона*. Это обеспечивается устойчивой комбинацией морфем: букв. *всидеть*, *належать*, *встоять*, которая (комбинация) названа Л.В. Хатуховой *локативным комплексом (ЛК)* [Хатухова 2024]. Последний представляет собой в некотором смысле уникальное явление: в отличие от английского и русского языков это не предложный оборот (НА столе, у ворот и т.д.), а цельно-оформленная идиоматическая лексическая единица КЯ. Каждый из этих ЛК состоит из преверба и корневой морфемы.

Поясним на примерах:

Сабийр **щы-т-щ** (1)

РебенокABS¹ LOC_стоять3л. ед.ч., наст. вр.

Ребенок стоит (именно *стоит*, а не *сидит* и не *лежит*)

Сочетание морфем (выделено жирным шрифтом) и есть локативный комплекс. В данном примере мы имеем дело с ЛК – **щытын**

Сабийр стЮлым **те- т-щ** (2)

РебенокABS столERG LOC_SUPER- стоять

Ребенок *стоит* на столе

буквально: ребенок «*настоит*»

Как видно, в (1) **щы-т-щ** является одним из трех позиционных глаголов **щытын** ‘стоять’, **щысын** ‘сидеть’, **щылъын** ‘лежать’, т.е. выражает тип расположения фигуры в пространстве. В (1) он служит для обозначения в предикативной форме «стоячей» позы субъекта: 3л., ед. ч., наст. время. Со структурной точки зрения **щытын** также представляет собой ЛК. При этом глагольный префикс **щы-**, повторяющийся во всех трех глаголах, выражает идею о б щ е й л о к а л и з а ц и и безотносительно к фону. При необходимости детализации расположения *фигуры* по отношению к *фону* (например, ребенок стоит на **столе**) язык прибегает к специальному ЛК **тетын** в личной форме **те- т -щ** (2). Присутствуя в системе языка в виде вокабулы (в нефинитной форме), все пространственные ЛК учитывают следующие параметры ситуации:

- **онтологические** свойства фигуры (человек, животное, рептилии, земноводные, пресмыкающиеся) определяют выбор локативного предиката в прямом значении

- **семантические**, т.е. выделенные и приписанные наивным сознанием свойства *фигуры* (природные явления, ландшафтные единицы, абстрактные понятия)

- актуальное специфическое расположение *фигуры* (поза)

- соотношение *фигуры* (субъекта) и *фона* (места локализации субъекта)

- топологические характеристики *фона* (Y)

¹ По мере необходимости примеры глоссируются в виде поморфемной нотации. Список условных обозначений см. в конце статьи.

Рассмотрим языковую концептуализацию *фигур* (объектов X) в сочетании с позиционными глаголами безотносительно к области локализации (Y). Иными словами, рассмотрим, какие объекты могут занимать все **три** локативные позы, а какие могут быть либо “стоячими” и “сидячими”, либо только «лежащими».

Как показал анализ, с точки зрения всех трех языков любую из позиций могут занимать четвероногие животные, т.е., те, кому предначертано природой находиться в одной из трех поз. Так, собака, например, стоит, сидит, лежит *Ср. the dog is standing, sitting, lying*. Все три глагола КЯ могут быть использованы для описания тождественных онтологических ситуаций с «участием» этих же животных, что вполне логично. Однако, уже на данном этапе начинаются расхождения: так, в английском и русском языках в нейтральной прагматической ситуации предпочитают говорить о стоячей или лежащей корове (*коровы лежат на лугу* и *the cows are lying*), но не сидячей¹, поскольку данная поза нехарактерна для крупного рогатого скота. Такая «сидячая» поза считается «собачьей» и она, как полагают русские и англичане, характерна также для таких животных как свиньи. Любопытные комментарии обнаружены нами на одном из англоязычных научных сайтов². Нетрудно видеть, однако, что это факты научной биологии, т.е. естественнонаучной картины мира³, которые отличаются от «метафизики естественного языка» и имеют свое «мнение» относительно специфических поз четвероногих животных. Так, с точки зрения кабардинской языковой картины мира, вернее, принципов сортировки опыта, принятых в данном языке, корова может занимать все три локативных положения, хотя некоторые «человеческие» параметры, обеспечивающие вертикальное положение “стояния” для нее не «работают»: так, стоячая корова опирается на четыре ноги, человек – на две, туловище сидячей коровы в прямом смысле не находится в вертикальном положении, и она опирается не на ягодицы, а, скорее, на грудь и бок (левый или правый), поджав, как правило, передние ноги. При этом лежащая корова, с точки зрения КЯ, это та, которая сытно поела и лежит, растянувшись от удовольствия. Как видно из приведенных комментариев, здесь наблюдается конфликт между научной и языковой картинами мира, т.е. между научной и чисто человеческой категоризацией информации, поступающей к познающему субъекту извне. Вместе с тем в данном случае можно пренебречь некоторыми случаями специфической пространственной категоризации, принятыми в конкретном языке, чтобы прийти к общему знаменателю: будем считать, что четвероногие животные могут занимать любое из положений с точки зрения всех трех языков. Что касается птиц – все языки демонстрируют схожую концептуализацию: все птицы стоят на двух ногах или сидят, поджав ноги. Лежачие птицы, как правило, павшие (они могут

¹ «Сидящая корова – это ненормально, и скорее всего она болеет». «Коровы не умеют сидеть, так как их «пятая точка» не приспособлена для сидения», «Коровам вымя мешает сидеть», «Специалисты говорят, что коровы из положения сидя не смогут встать, так как задние ноги не смогут поднять заднюю часть» [https://vk.com/wall-32811940_27723].

² коровы всегда должны лежать на животе, чтобы обеспечить нормальное пищеварение: желудок должен оставаться в одном и том же положении относительно силы тяжести, независимо от того, стоит животное или лежит [<https://www.sciencedaily.com/>].

³ когнитивная наука, в рамках которой мы выполняем настоящую работу, является междисциплинарной, опирающейся на данные многих современных отраслей знания. Поэтому для иллюстрации некоторых положений исследования необходимо привлекать данные других наук.

лежать на спине или на животе). Четвероногие насекомые: пчелы, мухи, осы, стрекозы, как правило, могут занимать только сидячую позу. Иногда в английском наблюдается исключение, которое отмечается во многих работах: муха с точки зрения этого языка может «стоять», например, на потолке. Рептилии – как правило, лежат, но могут и сидеть. Судя по форумам или иной информации из сети, мнения пользователей разделяются¹. В КЯ рептилии могут лежать или сидеть. При этом, если змея, скажем, постоянно «проживает» в огороде, то она сидит. Если она заползет в нору, то она может «сидеть» там часами, т.е. находиться в определенном месте. Но если вы пришли домой и неожиданно столкнулись со змеей во дворе, вы опишете ее позу как «лежачую»

Вертикальные вытянутые объекты (столбы, шесты, башни, здания) в трех языках осмысляются как «стоящие». Как видно из рассмотренных примеров, семантическое расширение позиционных глаголов-коррелятов в этих языках осуществляется в соответствии с общечеловеческой логикой: за небольшим исключением они кодируют одинаковым образом онтологически тождественное пространственное расположение субъектов в пространстве.

Рассмотрим теперь особенности выражения локализации отдельных X в КЯ, которые существенно отличают их русского и английского языков, демонстрируя чисто «кабардинское» смысловое пространство пространственной ситуации.

Как мы уже отмечали, в русском и английском стативные пространственные ситуации выражаются конструкциями с предложным оборотом: *книги лежат на столе (а)* или *книги – на столе (б)*. При этом (а) – конструкция полная, содержит объект X, место его локализации (Y), глагол позиции (*лежать*), показывающий расположение X-а, и предлог *на*, который выражает как X и Y соотносятся (в данном случае X на Y-е). В то же время (б) – конструкция неполная: в ней отсутствует предикат (=глагол позиции). В английском языке для обеспечения структурной или даже семантической полноты фразы в таких случаях используется либо один из трех глаголов позиции – *stand, sit, lie*, либо предикат *to be*, который, как правило, может заменить любой из этих глаголов. В кабардинском же языке, однако, «полнота» конструкции обеспечивается, как показано выше, посредством участия в ней X-а, Y-а и локативного комплекса. При этом ЛК является не только обязательным компонентом конструкции, но еще и содержит позиционный предикат в виде морфемы: ср. примеры (1) и (2). Иными словами, можно еще раз повторить, что в любой стативной пространственной ситуации КЯ на языке своим носителям обязательно выражение того, что ДЕЛАЕТ (вернее, в какой специфической позе пребывает) фигура относительно фона (пример 2). В большинстве случаев использование этих предикатов легко объяснимо с точки зрения универсальных принципов категоризации мира (ср. пример 2 и его переводы на другие – русский и английский – языки). Вместе с тем такая обязательность, навязываемая КЯ, предопределяет редкую для языков мира концептуализацию специфической позы X-а. Рассмотрим, как КЯ кодирует расположение некоторых X-ов с участием позиционных глаголов.

¹ Ср. «змея – однозначно **лежит**»; *змея лежит в коробке* (мертвая, обездвиженная); *змея сидит в коробке* (однозначно живая); *змея сидит в норе и т.д.* С точки зрения английского языка рептилии, в т.ч. змеи, как правило лежат (ср. **snakes** have no legs at all and are prone to **lie** down) [<https://russian.stackexchange.com/>]

Щысын ‘сидеть’

В качестве образца возьмем нечеловеческий (nonhuman object) объект – рыбу.

Бздэжьей-р псы-м хэ- с- щ (3)

РыбаABS водаERG LOC_IN- *сидит*-Зл., ед.ч, наст.время

Рыба(ы) <находится> в воде, букв. рыба сидит в воде¹.

По-русски можно вполне нормативно сказать *рыбы живут в воде* (ср. fish live in water. В КЯ для описания этой же ситуации более естественным будет использование глагола *щысын* ‘сидеть’: глагола, соответствующего по значению русскому *находиться*. В английском языке для этих целей используется, например, to be; в КЯ коррелятивной единицы не существует. Интересно рассмотреть, как кодируется с точки зрения трех языков процесс каузации, т.е. «вхождения», Х-а (рыбы) в «сидячее» положение (см. анализ аспектуально-каузативных типов позиционных глаголов в [Майсак, 2005:121]). Так, по-русски можно сказать: *запустить рыбок в аквариум* (ср. put your fish in the aquarium). Глагол (за)пустить в этимологическом смысле означает «освободить», как бы «перестать» неволить. Иными словами, «сделать так, чтобы рыба оказалась в воде». Ср. другой пример: «В этом году мы запустили много мальков в озеро». С точки же зрения КЯ рыб в озеро/аквариум буквально ‘*сажают*’. Отсюда, если Х (в нашем случае – рыба) «заставили» принять сидячую позу, то она «вынуждена» сидеть. Но это справедливо по отношению к человеческим объектам или, по крайней мере, к определенным животным (см. выше). Так почему же с точки зрения КЯ рыбы *сидят*? Если верно наше сильное допущение о том, что любой объект в стативной пространственной ситуации с точки зрения КЯ должен занимать одну из специфических поз, данное положение также распространяется и на рыб. Пойдем здесь методом исключения: а) рыба ни при каких условиях не может занимать стоячее положение (см. выше), т.е. ее тело не может принимать вертикальное положение. Отсюда *рыба не может «стоять» в воде*; б) если допустить, что рыба *лежит* в воде, значит она, скорее всего, мертвая: в этом случае она либо лежит на боку, или же пузом/брюхом кверху («выключена» из активной жизни). Исключив эти две специфические позы рыб, находящихся в воде (неважно, в реке, объемном водоеме, маленьком аквариуме), мы вынуждены использовать только глагол со значением «сидеть». В связи со сказанным можно также предложить и другое направление когнитивного освоения мира или, скорее обогащения опыта общения субъекта с окружающим миром. Рыбе в КЯ могли приписать сидячее положение по аналогии с земноводными: в КЯ *лягушки сидят в воде*; *ящерицы* также *сидят* <на камне>. Любопытно рассмотреть на примерах отсутствие единого мнения относительно расположения рыб в воде с точки зрения русских² и англичан³ Следует иметь в виду, что примеры показывает единичные случаи сходства и различия в концептуализации позы одних и тех же животных в английском и

¹ В КЯ вода и река представляют собой одно слово: река – это «бегущая вниз вода» (имеется в виду с гор)

² В таких местах и *стоит* форель в ожидании пищи [https://m.ok.ru/group/52065605124179/topic/68808946865491]

³ If a fish *sat* in swift water all day... [https://fishing.scoutlife.org/where-to-find-fish-in-a-river-or-stream]

русском языках. В этом нет ничего удивительного: количество примеров, иллюстрирующих сходства и различия такого рода, при переходе от языка к языку можно множить бесконечно. Нам важна господствующая тенденция и системные принципы категоризации специфических поз человека и животных в КЯ.

Как показал анализ, глагол **щысын** в КЯ при концептуальном расширении реализует следующие значения:

а. *хьэкIэкхъуэкIэр мэзым щIэси*

звери живут в лесу (локативное значение)

букв. 'сидят в лесу'. Ср. пример (3)

some animals live in forests

а-1. *мы мэзым хьэкIэкхъуэкIэ щIэси*

в этом лесу живут (=водятся) звери (экзистенциальное значение)

букв. 'сидят в лесу'. Ср. пример (3)

there **are** a lot of wild animals in the forest

Существует и другой способ выразить нахождение животных где-л. помимо глагола щысын «сидеть», viz. **щыпсэун** 'жить, проживать'. Что касается рыб, лягушек и др. животных, вариант 'сидеть' более приемлем. Чем меньше животное по размеру, тем меньше для описания его нахождения подходит глагол **щыпсэун** 'жить'. Так, например, эктопаразиты человека и животных (вши, блохи, клещи и т.д.) с точки зрения наивного сознания КЯ букв. 'сидят': в волосах человека, перьях птиц, шерсти животных, а эндопаразиты также сидят, но в крови, моче, легких, печени, мышцах, мозгу. При этом глагол в значении 'жить' вообще не подходит для описания этих ситуаций. Вместе с тем, глагол **щысын** 'сидеть' используется для метонимического обозначения ситуации «здесь когда-то сидело село», т.е. проживали люди. В английском и русском данный глагол в этих целях не используется. В этой связи возникает вопрос – каковы когнитивные основания использования **щысын** 'сидеть' для описания указанных выше ситуаций? В дополнение укажем, например, что, с точки зрения КЯ, вопреки ожиданиям, дождевые черви букв. 'сидят' в земле (=почве). Как видно, антропоморфный принцип метафоризации как в случае с другими животными здесь не приемлем: (коровы/овцы сидят; птицы/насекомые сидят). В концепции Е.В. Рахилиной сидячие объекты в прототипической ситуации мыслятся как «сложенные» (с чем мы согласны) [Рахилина 1998]. Но здесь случай – не прототипический. Более того, непонятно, как вытянутому объекту под названием «дождевой червь», который никогда не может принять вертикальное положение или «сложиться», наивное сознание «могло» приписать сидячее положение? Здесь мы предлагаем, как и в случае с рыбами, считать такой факт «давлением» системы языка: любому объекту в пространственной ситуации КЯ обязан «приписать» одну из трех поз. Отсюда черви не могут быть ни стоячими, ни лежащими (что вполне можно было бы ожидать). Остается только один вариант – считать их «сидячими» объектами. Но здесь возникает проблема грамматикализации¹, т.е. приобретения этой лексической единицей грамматических черт. Отвлекаясь от разных точек зрения на

¹ о происхождении термина и современных теориях грамматикализации в свете типологии см. работу [Майсак, 2005].

грамматикализацию, вслед за Т.А. Майсаком, мы опираемся на точку зрения В.А. Плунгяна, который определяет ее как «исторический процесс превращения неграмматической единицы языка в грамматическую или появления у некоторой единицы языка большего числа грамматических свойств» [Плунгян 2001]. Параллельно с этой проблемой возникает и другая – метафоризация, вернее, результат действия механизма метафоры/метонимии. Иными словами, каковы когнитивные основания использования кабардинского глагола **щысын** ‘сидеть’ в примерах (даны переводе) типа *рыбы сидят в воде* (=живут), *змея сидит в норе* (=живет)? На данном этапе мы склонны считать, что здесь кабардинский глагол находится на начальном этапе грамматикализации.

Щылъын ‘лежать’

Как мы показано выше, этот глагол в рассматриваемых языках в общем случае служит для выражения идеи лежащего (горизонтального) положения. В этом смысле все три языка демонстрируют сходные черты. Однако в КЯ глагол **щылъын** используется в пространственных конструкциях, в которых позицию Х занимают абстрактные существительные, выражающих муки, нравственные терзания. Ср.

ипсэм бэлыхь тельщ

Poss3-ед.ч-душа му́ки LOC_SUPER- лежит 3л. ед.ч.

Он/она испытывает нравственные страдания, муки

Букв. «на его душе лежат муки, страдания».

Для этих же целей используются иногда русские сердце и душа.

Ср. русск. в душе и каб. на душе

на сердце каб. в сердце.

Инородные тела, мокроты при простуде с точки зрения КЯ также могут «лежать на горле», и человек должен заставить их букв. «сойти с горла» (ср. русск. *мокрота не отходит*).

Любопытными также представляются случаи использования щылъын ‘лежать’ в следующих ситуациях. Так, чтобы подчеркнуть, что ты не имеешь отношения к какому-либо делу, по-русски говорят: «это не твое дело» или «тебя это не касается». По-английски эта же фраза звучит как: *It's none of your business*. КЯ, как правило, ориентированный на глагольный компонент предложения, выражает эту ситуацию буквально как: «твое дело **не лежит** в этом деле». Попутно отметим, что в любом из языков при всем старании говорящего смягчить эффект, эта фраза звучит грубовато. Среди других возможных расширений отметим сходство в концептуализации нахождения денег в банке:

русс. *деньги лежат в банке* и каб. *ахъиэр хэлъиц* (букв. ‘деньги лежат’). Английский язык использует глагол **sit**: для англичан деньги букв. «сидят в банке».

Щытын ‘стоять’

Семантическое развитие этого глагола в КЯ рассмотрено в работе [Хатухова 2025]. Здесь мы обратим внимание на некоторых моментах сходства и различия

в осмыслении специфических поз человека. С точки зрения всех трех языков концептуальное расширение семантики глаголов-коррелятов в значении 'стоять' осуществляется благодаря вертикальной метафоре в следующем направлении: человек > животные > птицы > земноводные (лягушки) > вертикально ориентированные натурфакты (гора, холм, стоячее дерево) > артефакты (вертикально ориентированные объекты, приподнятые над землей: уличные фонари, здания).

Одной из особенностей семантического развития этого глагола в КЯ в отличие от английского и русского заключается в том, что *щытын* 'стоять' деконцептуализируется, превращаясь в бесспорную грамматикализованную единицу. При этом он выполняет связочную функцию, чаще всего при категоризации ситуаций в прошедшем времени:

зауэм ипэкIэ бригадиру щытащ
до войны они был бригадиром
букв. «до войны стоял бригадиром»

Следует отметить, что в других языках, в частности, в английском и русском этот глагол не подвергается в такой степени грамматикализации, что позволило бы выступать в связочной функции.

Заключение

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. Установлено, что семантическое развитие анализируемых глаголов во всех трех языках осуществляется, с одной стороны, в соответствии с общечеловеческими, универсальными (логическими) формами мышления. С другой стороны, концептуальное расширение этих лексем, как показывает анализ их «языкового поведения», предопределяется уникальными принципами «сортировки» и осмысления опыта, принятыми в конкретной лингвокультуре. В означаемом каждого из этих глаголов вне зависимости наблюдается семантическое развитие от конкретного к абстрактному. Выявлено также, что в отличие от английского и русского языков ни одна стативная пространственная ситуация не может быть репрезентирована без участия одного из исследуемых позиционных глаголов КЯ. Дальнейшее направление исследования состоит в выработке критериев разведения процессов грамматикализации и метафоризации, предопределяемых строевыми особенностями кабардинского языка.

Глоссы:

ABS –абсолютный падеж; соответствует именительному падежу

ERG – эргативный падеж (здесь: кодирует *фон*)

LOC –передает локативный концепт

LOC_SUPER - семантический ярлык: *фон* находится выше *фигуры*

LOC_IN – семантический ярлык: *фон* находится внутри *фигуры*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян 1995 – *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – Москва: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.

- Гак 2006 – Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским: Учебное пособие. Изд. 4-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2006. – 264 с.
- Кимов 2018 – Кимов Р.С. Категоризация пространства в языке со связанными формами // Когнитивные исследования языка – 2018. – № 32. – С. 237-245.
- Колшанский 1990 – Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 103 с.
- Майсак 2005 – Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 480 с.
- Плунгян 2001 – Плунгян В.А. Грамматикализация // Энциклопедия «Кругосвет». – 2001. Электронный ресурс. Режим доступа: www.krugosvet.ru (дата обращения: 12.06.2025 г.)
- Рахилина 1998 – Рахилина Е.В. Семантика русских «позиционных» предикатов: «стоять», «лежать», «сидеть» и «висеть» // Вопросы языкознания. – 1998. – № 6. – С. 69-80.
- Рахилина 1998а – Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // Семиотика и информатика. – 1998. – № 36. – 49 с.
- Рогава, Керашева 1966 – Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. – Краснодар; Майкоп: Краснодарское кн. изд-во, 1966. – 462 с.
- Серебренников 1988 – Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 87–108.
- Сметанина 2006 – Сметанина Т.В. Категоризация пространственного положения одушевленных нечеловеческих объектов глаголом sit // Известия Иркутской государственной экономической академии. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. – № 2 (47). – С. 113-116.
- Хатухова 2024 – Хатухова Л.В. Локативный комплекс как лингвистическая проблема (на материале русского и кабардинского языков) // Казанская наука. – 2024. – № 5. – С. 405-408.
- Ameka & Levinson 2007 – Ameka F.K. & Levinson S.C. The typology and semantics of locative predicates: posturals, positionals, and other beasts. Introduction to Special Issue on Locative Predicates. – Linguistics, 2007. – 45(5/6). – Pp. 847-871.
- Bach Emmon 1986 – Bach Emmon Natural Language Metaphysics R. Barcan Marcus, G.J.W. Dorn and P. Weingartner, eds. Logic, Methodology, and Philosophy of Science VII (Amsterdam et al.: North Holland, 1986. – P. 573–595.
- Bennett 1975 – Bennett D. Spatial and temporal uses of English prepositions: An essay in stratificational semantics. – New York: Longman Press, 1975. – 235 p.
- Fillmore 1968 – Fillmore Ch. The case for case // E. Bach & R. Harms (Eds.), Universals in linguistic theory. – New York: Holt, Rinehart & Winston, 1968. – 88 p.
- Lakoff, Johnson – Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. – Chicago: Univ. of Chicago, 1980. – 276 p.
- Leech 1969 – Leech G. Towards a semantic description of English. New York: Longman Press, 1969. – 277 p.
- Newman 2002 – Newman J. “A cross-linguistic overview of the posture verbs ‘sit’, ‘stand’, and ‘lie’ // The Linguistics of Sitting, Standing and Lying, John Newman (ed.). DOI: 10.1075/tsl.51.02new.
- Newman & Rice 2004 – Newman J., Rice S. Patterns of usage for English SIT, STAND, and LIE // A cognitively inspired exploration in corpus linguistics. Cognitive Linguistics. – 2004. – 15 (3). – Pp. 351-396.
- Newman 2022 – Newman J. Experiential motivation and the linguistics of sitting, standing and lying (Open Access). DOI: 10.1002/wcs.1592.
- Talmy 1983 – Talmy L. How language structures space / L. Talmy ; H. L. Pick (Jr.), L. P. Acredolo (eds.) // Spatial orientation: Theory, research and application. – N.Y.: Plenum Press, 1983. – P. 225–282.

REFERENCES

APRESYAN YU.D. *Izbrannyye trudy. T.2. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya lek-sikografya* [Selected Works. Vol. 2. Integral Description of Language and Systemic Lexicography]. – Moskva: Yazyki russkoi kul'tury, 1995. – 767 p. (In Russ.).

GAK V.G. *Russkii yazyk v sopostavlenii s frantsuzskim: Uchebnoe posobie* [Russian in Comparison with French: A Textbook]. Izd. 4-e, stereotipnoe. – M.: KomKniga, 2006. – 264 p. (In Russ.).

KIMOV R.S. *Kategorizatsiya prostranstva v yazyke so svyazannymi formami* [Categorization of Space in a Language with Related Forms]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka* – 2018. – № 32. – P. 237-245. (In Russ.).

KOLSHANSKII G.V. *Ob"ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke* [Objective Worldview in Cognition and Language]. – M.: Nauka, 1990. – 103 p. (In Russ.).

MAISAK T.A. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruktov s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [Typology of Grammaticalization of Constructions with Motion Verbs and Position Verbs]. – M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2005. – 480 p. (In Russ.).

PLUNGYAN V.A. *Grammatikalizatsiya* [Grammaticalization]. In: *Entsiklopediya «Krugosvet»*. – 2001. Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: www.krugosvet.ru (data obrashcheniya: 12.06.2025 g.) (In Russ.).

RAKHILINA E.V. *Semantika russkikh «pozitsionnykh» predikatov: «stoyat'», «lezhat'», «sidet'» i «viset'»* [Semantics of Russian "positional" predicates: "to stand", "to lie", "to sit", and "to hang"]. In: *Voprosy yazykoznanii*. – 1998. – № 6. – P. 69-80. (In Russ.).

RAKHILINA E.V. *Kognitivnaya semantika: Istoriya. Personalii. Idei. Rezul'taty* [Cognitive Semantics: History. Personalities. Ideas. Results]. In: *Semiotika i informatika*. – 1998. – № 36. – 49 p. (In Russ.).

ROGAVA G.V., KERASHEVA Z.I. *Grammatika adygeiskogo yazyka* [Grammar of the Adyghe Language]. – Krasnodar; Maikop: Krasnodarskoe kn. izd-vo, 1966. – 462 p. (In Russ.).

SEREBRENNIKOV B.A. *Kak proiskhodit otrazhenie kartiny mira v yazyke* [How the World View is Reflected in Language]. In: *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: yazyk i kartina mira*. – M.: Nauka, 1988. – P. 87–108. (In Russ.).

SMETANINA T.V. *Kategorizatsiya prostranstvennogo polozheniya odushevlennykh nechelovecheskikh ob"ektov glagolom sit* [Categorization of the Spatial Position of Animated Non-Human Objects by the Verb Sit]. In: *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi aka-demii*. – Irkutsk: Izd-vo BGUEP, 2006. – № 2 (47). – P. 113-116. (In Russ.).

KHATUKHOVA L.V. *Lokativnyi kompleks kak lingvisticheskaya problema (na materiale russkogo i kabardinskogo yazykov)* [The Locative Complex as a Linguistic Problem (Based on the Russian and Kabardian Languages)]. In: *Kazanskaya nauka*. – 2024. – № 5. – P. 405-408. (In Russ.).

AMEKA F.K. & LEVINSON S.C. *The typology and semantics of locative predicates: posturals, positionals, and other beasts. Introduction to Special Issue on Locative Predicates*. – *Linguistics*, 2007. – 45(5/6). – Pp. 847-871.

BACH EMMON. *Natural Language Metaphysics*. R. Barcan Marcus, G.J.W. Dorn and P. Weingartner, eds. *Logic, Methodology, and Philosophy of Science VII*. Amsterdam et al.: North Holland, 1986. – P. 573–595.

BENNETT D. *Spatial and temporal uses of English prepositions: An essay in stratificational semantics*. – New York: Longman Press, 1975. – 235 p.

FILLMORE CH. *The case for case*. In: E. Bach & R. Harms (Eds.), *Universals in linguistic theory*. – New York: Holt, Rinehart & Winston, 1968. – 88 p.

LAKOFF G., JOHNSON M. *Metaphors we live by*. – Chicago: Univ. of Chicago, 1980. – 276 p.

LEECH G. *Towards a semantic description of English*. – New York: Longman Press, 1969. – 277 p.

NEWMAN J. *"A cross-linguistic overview of the posture verbs 'sit', 'stand', and 'lie'.* In: *The Linguistics of Sitting, Standing and Lying*, John Newman (ed.). DOI: 10.1075/tsl.51.02new.

NEWMAN J., RICE S. *Patterns of usage for English SIT, STAND, and LIE*. In: *A cognitively inspired exploration in corpus linguistics*. *Cognitive Linguistics*. – 2004. – 15 (3). – Pp. 351-396.

NEWMAN J. *Experiential motivation and the linguistics of sitting, standing and lying* (Open Access). DOI: 10.1002/wcs.1592.

TALMY L. *How language structures space* / L. Talmy ; H. L. Pick (Jr.), L. P. Acredolo (eds.) In: *Spatial orientation: Theory, research and application*. – N.Y.: Plenum Press, 1983. – P. 225–282.

Сведения об авторах

Р.С. Кимов – доктор филологических наук, профессор.

Л.В. Хатухова – ассистент кафедры.

Information about the authors

R.S. Kimov – Doctor of Philology, Professor.

L.V. Khatukhova – Assistant of the Department.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.08.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 13.08.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Проблемы современного общества и экономики

Научная статья

УДК 94(470)+39+32.001

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-502-520

EDN: XSDEUJ

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ ПЕРЕД ЛИЦОМ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

**Светлана Султановна Апажева¹, Елена Аниуаровна Нальчикова²,
Мадина Руслановна Захохова³**

^{1,2,3} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

¹ svetlana.apageva@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5811-5618>

² elenalchik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2090-0105>

³ madia_rz@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-9817-6971>

Аннотация. В статье исследуется воздействие актуальных политических вызовов на этнополитическую динамику в Кабардино-Балкарской Республике (КБР). На основе междисциплинарного анализа обосновывается тезис о том, что современные вызовы выполняют функцию катализатора, актуализируя глубинные, латентные противоречия социально-экономического и исторического характера. Центральным аргументом работы является утверждение, что долгосрочная стабильность полиэтнического региона зависит от способности институтов власти трансформировать эти вызовы в легальный политический процесс, предлагая справедливые и адресные решения. Несмотря на общую нормализацию ситуации на Северном Кавказе после 2010-х гг., сохраняющиеся структурные проблемы создают перманентный риск перевода локальных конфликтов в этническую плоскость. КБР, с её уникальной моделью «сбалансированного представительства», рассматривается как ключевой кейс для изучения данного противоречия между внешней стабильностью и внутренней конфликтностью.

Ключевые слова: этнополитические процессы, национальная политика, межнациональные отношения, Кабардино-Балкария, Северный Кавказ, идентичность современной молодежи.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ (Договор № 38), в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Апажева С.С., Нальчикова Е.А., Захохова М.Р. Этнополитическая стабильность Кабардино-Балкарии перед лицом современных политических вызовов // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 502-520. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-502-520. EDN: XSDEUJ.

© Апажева С.С., Нальчикова Е.А., Захохова М.Р., 2025

Original article

ETHNO-POLITICAL STABILITY OF KABARDINO-BALKARIA IN THE FACE OF MODERN POLITICAL CHALLENGES

Svetlana S. Apazheva¹, Elena A. Nalchikova², Madina R. Zakhokhova³

^{1,2,3} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

¹ svetlana.apageva@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5811-5618>

² elenalchik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2090-0105>

³ madia_rz@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-9817-6971>

Abstract. This article examines the impact of current political challenges on ethno-political dynamics in the Kabardino-Balkarian Republic (KBR). Based on an interdisciplinary analysis, it substantiates the thesis that contemporary challenges act as a catalyst, bringing to light deep, latent socio-economic and historical contradictions. The central argument of the paper is that the long-term stability of a multi-ethnic region depends on the ability of government institutions to transform these challenges into a legitimate political process, offering fair and targeted solutions. Despite the general normalization of the situation in the North Caucasus after the 2010s, persistent structural problems create a permanent risk of local conflicts escalating into ethnic conflicts. The KBR, with its unique model of "balanced representation," is considered a key case for studying this contradiction between external stability and internal conflict potential.

Key words: ethno-political processes, national policy, interethnic relations, Kabardino-Balkaria, North Caucasus, identity of modern youth.

Acknowledgments and funding: The study was funded by the KBGU Internal Grant (Contract No. 38) as part of the Priority 2030 program.

For citation: Apazheva S.S., Nalchikova E.A., Zakhokhova M.R. Ethno-political stability of Kabardino-Balkaria in the face of modern political challenges. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 502-520. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-502-520. EDN: XSDEUJ.

© Apazheva S.S., Nalchikova E.A., Zakhokhova M.R., 2025

Введение

Актуальность исследования. Современный этап геополитической трансформации, характеризующийся возрождением логики «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон) и переходом к эпохе жесткой полицентричной конкуренции, принципиально меняет роль и значение внутренней социальной консолидации для национальной безопасности. В этих условиях межэтническая стабильность перестает быть исключительно сферой социальной политики, приобретая характер стратегического ресурса государственного суверенитета. Для Российской Федерации, историческое развитие и территориальная целостность которой неразрывно связаны с управлением колоссальным этнокультурным многообразием, задача гармонизации межнациональных отношений выходит на уровень цивилизационного императива.

Данный императив детерминирован комплексом взаимосвязанных внешних и внутренних вызовов. К числу экзогенных факторов относится целенаправленная политика дестабилизации, в рамках которой межнациональные противоречия становятся ключевой мишенью гибридного воздействия. Это проявляется в

продвижении конфликтогенных исторических нарративов, инструментализации тем дискриминации, а также в прямой поддержке экстремистских и сепаратистских движений. Эндогенный контур проблем связан с переносом социально-экономической напряженности, обостряющейся в периоды кризисов, в этническую плоскость, а также с рисками, порождаемыми внутренним поиском новой идентичности в ответ на внешнее давление.

Парадоксальным образом, на фоне общей стабилизации обстановки на Северном Кавказе после 2010-х гг. в академическом и экспертном дискурсе произошло заметное снижение интереса к глубокому анализу региональной этнополитической динамики. Между тем, структурные противоречия социально-экономического, исторического и управленческого характера в республиках региона не только сохраняются, но и формируют постоянный риск инструментальной этнизации локальных конфликтов при возникновении новых стрессовых факторов. Этот риск делает критически важным переход от макроуровневых обобщений к детальному изучению механизмов адаптации конкретных, укорененных институциональных моделей к меняющимся условиям.

В качестве фокусного объекта исследования избрана Кабардино-Балкарская Республика (КБР) – полиэтнический регион с уникальной и зрелой моделью управления многообразием, известной как «сбалансированное представительство». Предметом исследования выступает влияние современных политических вызовов (как внешних, так и внутренних) на трансформацию этнополитических установок в ключевой социальной группе – молодежи КБР, чье мировоззрение формируется на стыке традиционных норм, глобальных трендов и актуального государственного дискурса.

Целью работы является выявление и анализ механизмов, посредством которых современные политические вызовы воздействуют на этнополитическую ситуацию в КБР, определяя потенциал ее устойчивости или дестабилизации. Исходная гипотеза состоит в том, что данные вызовы выступают не источником принципиально новых линий раскола, а выполняют функцию катализатора, актуализируя и обостряя уже существующие в обществе латентные противоречия, которые в условиях слабости легитимных публичных институтов могут быть переведены в форму этнической мобилизации.

Постановка проблемы. Исторически Россия прошла через многочисленные периоды перемен и кризисов. Начиная с распада Советского Союза в конце XX в., страна пережила глубокие экономические, политические и социальные трансформации. Эти изменения привели к разрыву традиционных связей и ценностей, что создало условия для появления поколения, которое чувствует себя отчужденным от прошлого опыта и традиций.

Как составная часть России, Северный Кавказ, включая Кабардино-Балкарию, испытывает разнообразное отрицательное воздействие общемировых явлений. В качестве унаследованной проблемы наблюдается ярко выраженная склонность к ослаблению национальной самобытности, культуры и мировоззрения молодежи Кабардино-Балкарии, что особенно заметно в искажении значимых культурных ценностей.

По мнению Апажевой С.С. и Мамсирова Х.Б.: «достигнутая к 2010-м гг. общая стабилизация социально-политической и межэтнической ситуации заметно снизила уровень озабоченности в обществе и исследовательского интереса к этнополитической проблематике [Апажева, Мамсиров 2021: 136]. Отметив это обстоятельство, С.Я. Суций высказал мысль, что «...определенное снижение научного интереса к данному региону, ...можно считать хорошим признаком, учитывая корреляцию между уровнем системной проблемности территории и вниманием к ней экспертного сообщества» [Суций 2021: 72; Апажева, Мамсиров 2021: 137].

Таким образом, мысль С.Я. Сущего является не просто эмпирическим наблюдением, а научно обоснованной исследовательской программой, вытекающей из современных теорий социальных конфликтов, институтов и модернизации.

Методологические основы исследования. Анализ точки зрения С.Я. Сущего может быть логически и научно обоснован с использованием нескольких ключевых теоретических подходов в социальных науках.

1. Теория модернизации и конфликта трансформации:

– Резкий переход от советской плановой экономики и авторитарной политической системы к рыночным отношениям и новой государственности в 1990-е годы создал ситуацию системной дезинтеграции. Согласно теориям Карла Дойча или Самуэля Хантингтона, такие периоды быстрых социальных изменений ведут к кризису идентичности, усилению конкуренции за ограниченные ресурсы и, как следствие, к мобилизации по примордиальным признакам (этничность, религия). Именно это и объясняет всплеск этнополитической напряженности в 1990-е – 2000-е гг. на Северном Кавказе.

– Стабилизация 2010-х гг. может интерпретироваться как завершение наиболее острой фазы структурной трансформации. Государству и обществам удалось создать новые, пусть и несовершенные, институциональные рамки (политические, экономические), которые снизили неопределенность и остроту конкуренции, тем самым «деприватизировав» политику. Это и привело к снижению прямой этнической мобилизации.

2. Конструктивистский подход к этничности и теории инструментализма:

– Этничность не является изначальной и неизменной сущностью, а выступает как социальный и политический ресурс (Фредерик Барт, Пол Брасс). Она актуализируется и становится главным маркером различий только тогда, когда элиты или группы видят в этом инструмент для достижения целей – мобилизации поддержки, получения ресурсов, доступа к власти.

Когда в 2010-е гг. центральная власть резко ограничила пространство для открытой этнополитической конкуренции (жесткая вертикаль власти, подавление сепаратизма), инструментальная ценность открытой этнической риторики снизилась. Элиты перешли к другим формам конкуренции (клановой, административной, экономической). Поэтому «этническое» отошло на второй план. Однако сам ресурс никуда не делся, что и создает риск инструментализации этничности в будущем для легитимации любых конфликтов, возникающих на иной почве.

3. Теория конфликта и концепция «трансформации конфликта»:

Конфликты не исчезают, а меняют свою форму (Йохан Галтунг). Открытое насилие (прямой конфликт) может переходить в латентную стадию (структурное насилие), когда неравенство и несправедливость встроены в социальные и экономические структуры.

С.Я. Суций фиксирует именно трансформацию конфликта. Этнополитический конфликт в его вооруженной и идеологически оформленной форме угас. Но он трансформировался в набор структурных проблем (безработица, неравенство, слабые институты), которые сохраняют высокий конфликтный потенциал. Эти проблемы представляют собой «тлеющие угли», способные разжечь новое пламя при определенных условиях.

4. Институциональный подход и теория управления рисками:

Стабильность общества обеспечивается не отсутствием противоречий, а наличием эффективных институтов (формальных и неформальных), которые способны эти противоречия канализировать, смягчать и разрешать. Вывод С.Я. Суцкого – это прямой призыв к институциональному анализу.

Исходя из сказанного, следует отметить, что это не сигнал к сворачиванию исследований, а призыв к смене оптики. Снижение остроты прямой этнополитической конфронтации – это возможность для более глубокого, «спокойного» изучения фундаментальных основ стабильности и латентных рисков в регионе. Акцент смещается с анализа «горячих» конфликтов на анализ социальных, экономических и институциональных условий, которые предотвращают их этнизацию или, наоборот, делают её возможной.

Исследование опирается на междисциплинарный синтез научных подходов. Ключевым принципом является отказ от «кавказской генерализации» в пользу дифференцированной диагностики, учитывающей уникальность исторического пути и социальной организации КБР.

Теоретический анализ строится на концепции «социокультурного субъекта» и дихотомии моделей этнической субъектности.

Эмпирическую базу составляет репрезентативный социологический опрос молодежи КБР ($N > 500$, 2023, 2025 гг.), дополненный контент-анализом медиадискурса и экспертных оценок.

Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении КБР как микромоделей общероссийского вызова по гармонизации единства и многообразия. Через призму установок молодежи исследуется, как макрополитические тренды преломляются в конкретной институциональной среде, порождая состояние структурной амбивалентности сознания, и формулируются критерии эффективности адаптации системы управления к новым условиям.

Современные политические вызовы (внутренние, внешние, социокультурные) не порождают принципиально новых конфликтов в Кабардино-Балкарии, но выступают в роли «катализатора» и «усилителя». Они актуализируют и обостряют уже существующие, но часто латентные противоречия, укорененные в уникальной институциональной, исторической и социальной структуре республики. Поэтому для понимания и прогнозирования ситуации необходим отказ от общих рецептов в пользу глубокой дифференцированной диагностики, учитывающей специфику КБР как особого «социокультурного субъекта».

**Современная специфика
этнополитического развития Кабардино-Балкарии**

Говоря о современной специфике этнополитического развития Северного Кавказа, необходимо отметить, что национальное самоопределение, ранее осуществлявшееся в рамках советской автономии, ассоциируется с государственным статусом самоопределяющегося этноса. Отсюда вырисовываются два варианта понимания государственно-политического статуса северокавказских народов. Соответствующим образом обстоит дело и с этнической субъектностью, которая реализуется в двух аспектах. Первый вариант, когда политическое самоопределение этносов осуществляется в рамках уже существующего национально-государственного образования и заключается в закреплении за ними статуса государствообразующих субъектов. В данном варианте правящая элита национальных республик заинтересована в этнополитической стабильности. Это та модель, когда при наличии подобного статуса, предполагается и гарантируется определенное участие каждой из этнических общностей в формировании республиканских органов власти, как необходимое условие для поддержания стабильности республиканской политической системы, как фактор регулирования межэтнических взаимоотношений, поскольку от кадровой политики в регионе зависит реальное усиление или ослабление социально-экономического, политического и культурного положения этноса.

Второй вариант, когда этнополитическое самоопределение и реализация этнической субъектности связаны с идеей совмещения этнического и государственного суверенитетов. Данный вариант исходит от национальных движений региона, выступающих под лозунгом построения моноэтнической государственности. Еще в 90-х гг. XX в. идеи этногосударственного обособления стали приобретать значительную популярность у некоторых народов региона, что, в свою очередь, привело к определенным изменениям в их массовом сознании [Тхагапсоев, Черноус 2013].

Некоторые исследователи, в частности (Суций, Боров и др.) указывают на то, что основная линия межэтнической напряженности в двух-субъектных республиках Северного Кавказа – Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии постсоветского периода – конфликтное взаимодействие двух титульных народов, оспаривающих позиции в системе административного управления и в различных престижных социальных иерархиях; прибыльные сферы экономической деятельности, земельные ресурсы.

По мнению А.Х. Борова и А.А. Тумова: «Вопрос землевладения и землепользования (или земельный вопрос) исторически, как правило, перерастал в Кабардино-Балкарии в вопрос территориальный – о разграничении Кабарды и Балкарии. В начале 1990-х г. вновь обострились земельные и территориальные проблемы, когда дискуссии развернулась вокруг вопроса о «территориальной реабилитации» репрессированного балкарского народа, который нес преимущественно национально-территориальную (политическую) нагрузку. В 2005-2015 г. вокруг проблемы статуса и границ муниципальных образований сплетались хозяйственно-экономические интересы сельского населения (земельный вопрос) и этнополитические притязания активистов национального движения (территориальный вопрос)» [Боров, Тумов 2015: 77].

Однако, как отмечает Х.Х. Тхагапсоев «...даже на своем пике, межэтническая напряженность в республике не вышла за рамки деклараций. Взвешенная политика республиканской власти, которая использовала все возможные средства, позволила купировать межнациональные противоречия» [Тхагапсоев 2007].

Сегодня в Кабардино-Балкарии, где этнополитическая обстановка весьма сложна, партикуляристские настроения получили новое развитие, хотя и проявляются своеобразно. Это обусловлено тем, что каждая этническая группа, в зависимости от своего статуса в социально-этнической иерархии, предлагает и активно пытается навязать ту модель государственного устройства, которая ей наиболее выгодна [Смирнов 2011].

Современные политические события значительно влияют на напряженность в межнациональных отношениях на Северном Кавказе. Внешнее влияние связано с обострением конфликта между Западом и исламским миром, который затрагивает и Россию. Мусульманские регионы России испытывают сильное культурное и духовное притяжение к исламскому миру. Это приводит к усилению культурной, социальной и информационной обособленности народов Северного Кавказа.

Молодежь Кабардино-Балкарии социализируется в условиях ценностного плюрализма и нормативной конкуренции, где ослабление монополии традиционных институтов сочетается с ростом влияния религиозных и глобальных медийных повесток. Социально-экономические ограничения (безработица, непрозрачность лифтов) повышают уязвимость молодежи и делают политизированные формы этнической и религиозной идентичности привлекательными ресурсами для солидарности и протеста. Это превращает молодежную среду в ключевое поле, где латентные этнополитические противоречия либо воспроизводятся в новых формах, либо находят пути трансценденции (преодоления) через гражданские или наднациональные (религиозные) идентичности. Процесс конструирования идентичности молодежью – это ключевой механизм, через который латентные противоречия могут либо находить мирные формы выражения, либо становиться линией раскола [Апажева, Мамсилов 2017: 109; Апажева, Мамсилов 2021: 137].

В современной ситуации нельзя не учитывать и роль внешнеполитических факторов. Последние события в Закавказье указывают на стандартный сценарий Запада по перекройке этого региона.

Таким образом, молодежь – это активный агент, чей поиск идентичности и социального места становится решающим фактором для будущей стабильности или дестабилизации сложной системы этнополитического паритета в КБР.

Интерпретация и выводы из результатов социологических исследований

Эмпирические данные, полученные в ходе исследования, послужат валидным инструментом для верификации предложенной теоретической модели. Результаты позволят дать оценку характера этнополитической динамики в Кабардино-Балкарии: подтверждается ли её устойчивость в рамках действующего дизайна «сбалансированного представительства» или же выявляются признаки нарастания латентных противоречий, сигнализирующих об исчерпании институционального ресурса текущей системы и необходимости её адаптации.

Анализ эмпирических результатов предоставит фактологическую основу для прогностической оценки. Она будет заключаться в определении траектории развития этнополитической системы КБР – сохранение стабильности в рамках существующего институционального дизайна либо его постепенная трансформация вследствие нарастания внутренних противоречий.

В опросе приняли участие более 500 респондентов в возрасте от 16-35 лет, городская и сельская молодежь Кабардино-Балкарской Республики.

Данный репрезентативный эмпирический срез фиксирует ключевые позиции целевой социально-демографической группы. Объем выборки ($N > 500$) и учет поселенческой структуры (город/село) обеспечивают необходимую надежность данных для анализа поколенческих и средовых различий в формировании идентичностей, ценностных ориентаций и восприятия этнополитической ситуации молодежью Кабардино-Балкарии.

Общественное сознание молодежи Кабардино-Балкарии характеризуется двойственностью и структурной напряженностью. С одной стороны, фиксируется прочный фундамент бытовой толерантности и мирного сосуществования. С другой – выявляются четкие линии социального размежевания и источники потенциальной мобилизации, которые при определенных условиях могут быть инструментализованы, в том числе и в этническом ключе.

Это напрямую подтверждает тезис о том, что современные вызовы (информационные, социальные, идеологические) не создают новых расколов «с нуля», но обостряют и придают новую форму уже существующим в обществе противоречиям.

Детальный анализ в рамках исследовательской программы:

1. Подтверждение общей стабилизации и «нормальности» бытового уровня. Подавляющее большинство (63,6 %) не участвовало в межнациональных конфликтах, а свыше 70 % испытывает к представителям иных национальностей уважение и интерес [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. Это прямое свидетельство успеха модели сбалансированного представительства и государственной политики в деле деэтнизации повседневной жизни. Этничность перестала быть главным маркером повседневного конфликта для большинства. Межнациональные отношения не воспринимаются как острая, актуальная проблема на личном уровне.

2. Выявление латентных противоречий и «горючего материала» (Подтверждение гипотезы-катализатора). При общей позитивной картине выявляются значимые меньшинства: 15,5 % сталкивались с конфликтами, 6,2 % открыто признают национальную неприязнь, 12 % ассоциируют с «другими» негативные эмоции [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. При этом главными объектами неприязни становятся не этнические группы, а социально-идеологические: националисты, ЛГБТ, нелегальные мигранты, маргиналы.

Здесь работает механизм трансформации и смещения конфликта. Социальная фрустрация, ценностные разломы и идеологическая поляризация (консерватизм–либерализм, религиозность–секуляризм) становятся основными линиями раскола. Эти новые линии, однако, могут быть легко спроецированы на старую, хорошо структурированную этническую матрицу. Например, конфликт с

«нелегальными мигрантами» или споры вокруг традиционных ценностей могут быть быстро переведены в межнациональную плоскость заинтересованными акторами.

3. Кризис институционального доверия и роль неформальных сетей (Ответ на вопрос о каналах выражения). Кризис доверия к формальным институтам социализации: образование (11,6 %) и традиционные СМИ (21,7 %) проигрывают доверию к ближайшему окружению (38,8 %) [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025].

Это ключевой вывод для понимания механизма катализации. Когда официальные институты (школа, вуз, государственные СМИ) теряют монополию на формирование картины мира, их место занимают неформальные каналы: семья, друзья, интернет-сообщества, религиозные авторитеты. В этих «эхо-камерах» латентные предубеждения и страхи могут не смягчаться, а, наоборот, усиливаться и радикализироваться. Высокий процент «затрудняющихся ответить» (20,9 %, 19,4 %) [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025] может указывать как на внутренний ценностный конфликт, так и на недоверие к самой процедуре опроса как к «официальному» институту.

4. Ресурс для солидарности и риски мобилизации. Доминирование пассивных форм выражения неприязни (игнорирование – 29.6 %) при наличии активного меньшинства, готового к словесной или общественной борьбе (18.3 %) [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. Молодежь в основном предпочитает стратегию избегания, что поддерживает бытовой мир. Однако наличие мобилизуемого ядра (около 1/5) создает риск. В условиях социально-экономического кризиса или политической нестабильности это ядро может стать авангардом протестной или экстремистской мобилизации, а пассивное большинство может его поддержать или не оказать сопротивления.

Эмпирические данные подтверждают, что Кабардино-Балкария остается устойчивым социокультурным субъектом на бытовом уровне, где модель межэтнического паритета работает как стабилизатор. Однако институциональный дизайн этой модели демонстрирует признаки кризиса: формальные институты (образование, СМИ) теряют авторитет, уступая неформальным сетям.

Таким образом, главный вызов заключается не в прямом межнациональном конфликте, а в том, что новые социально-идеологические расколы, подпитываемые через неформальные каналы коммуникации, создают потенциал для инструментальной этнизации будущих кризисов. Задача управления состоит не столько в прямом контроле над этническими отношениями, сколько в восстановлении доверия к публичным институтам и создании легальных каналов для выражения и разрешения социальных и ценностных противоречий, не позволяя им «уходить» в этническую плоскость.

На вопрос о том, «На какие действия вы готовы для защиты своих интересов?», результаты показывают неоднородную, но в целом высокую готовность к активным действиям, что требует тонкой интерпретации в контексте ранее выявленных установок.

Молодежь КБР демонстрирует радикально-протестный потенциал, лишенный четких институциональных ориентиров. Высокая готовность к уличным акциям и силовым действиям сочетается с низким доверием к судебным и

административным процедурам, а также с высокой долей неопределенности. Это создает рискогенную смесь, где энергия недовольства может выплеснуться в неинституциональные формы.

Детальный анализ в рамках исследовательских вопросов и гипотезы:

1. Внутренний политический вызов: кризис легитимности формальных институтов. Готовность подать в суд (21,6 %) и написать жалобу (18,7 %) находятся на одном из последних мест, существенно уступая готовности к протестам (32,4 %) и «решительным действиям» (21,6 %) [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. Это прямое свидетельство глубокого кризиса доверия к правовым и бюрократическим механизмам как эффективным инструментам защиты интересов. Молодежь не видит в судах и жалобах реальный способ решить проблему. Это подрывает стабильность любой политической системы, включая модель этнополитического паритета, которая держится на формальных правилах и договоренностях.

2. Социокультурный вызов: цифровая солидарность и уличная мобилизация. Ведущие стратегии – это виртуальное отстаивание мнения в соцсетях (32,9 %) и готовность к участию в массовых уличных акциях (32,4 %) [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. Эти цифры практически идентичны и формируют двойной канал мобилизации: онлайн и офлайн. Соцсети выступают как пространство для консолидации группового недовольства, формирования нарративов и «накрутки» протестных настроений. Это коррелирует с высоким доверием к неформальному окружению (данные предыдущего вопроса). Готовность к митингам показывает, что виртуальная солидарность может быстро трансформироваться в реальное коллективное действие. Это делает молодежь серьезным политическим актором, способным создавать ситуации управленческого кризиса.

Гипотеза о катализаторе: от латентного недовольства к актуальному протесту. Крайне высокий процент затруднившихся ответить (31,5 %) и ничтожно малая доля тех, у кого «нет интересов для защиты» (2,6 %) [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. Это важнейший индикатор, неопределенность («затрудняюсь») – это не отсутствие готовности, а отсутствие сценария. Молодежь чувствует потребность защищать интересы (97,4 % опрошенных), но не знает, как это эффективно сделать в рамках системы [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. В момент возникновения конкретного триггера (несправедливое увольнение, земельный спор, этнический инцидент) эта неопределенная энергия может быть канализирована наиболее активным ядром (теми 32-21 %) в конкретные действия – будь то пост в соцсетях, выход на площадь или силовая конфронтация [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025].

4. Риск этнизации протеста. Готовность к «самым решительным действиям» (21,6 %) создает прямую угрозу [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. В условиях, когда основные линии раскола – социально-идеологические (как показал предыдущий вопрос), но каналы легитимной защиты слабы, любой острый локальный конфликт (из-за земли, назначения на должность) может быть интерпретирован через призму этнической несправедливости. В этом случае протестная энергия и силовой потенциал могут быть направлены не против абстрактной «системы», а против конкретной этнической группы, воспринимаемой как виновник или привилегированный актор в рамках системы паритета.

Получается последовательная логическая цепь, подтверждающая гипотезу исследования:

1. Бытовой уровень стабилен (низкая личная вовлеченность в конфликты, преобладание позитивных эмоций).
2. Однако институциональный уровень переживает кризис: нет доверия к образовательным учреждениям, СМИ, судам.
3. В результате латентное недовольство (социальное, экономическое, ценностное) не находит легальных выходов.
4. Это формирует высокий протестный потенциал, ориентированный на не институциональные (сети, улица) и даже силовые действия.

Любой значимый внутренний или внешний вызов (проблема преемственности власти, обострение земельного вопроса, новый виток борьбы с «нежелательными» идеологиями) будет действовать как катализатор, переводя этот потенциал из латентного в актуальное состояние. А учитывая исторический и институциональный контекст КБР, существует высокая вероятность, что этот протест приобретет этническую или конфессиональную окраску, поставив под удар всю модель сбалансированного представительства.

Таким образом, данные о готовности к действиям являются ключевым индикатором риска, показывающим, что под поверхностью бытового спокойствия в молодежной среде накоплена значительная энергия, требующая срочного создания легитимных каналов для ее реализации.

Результаты показывают неоднородную, но в целом высокую готовность к активным действиям, что требует тонкой интерпретации в контексте ранее выявленных установок. Молодежь КБР демонстрирует радикально-протестный потенциал, лишенный четких институциональных ориентиров. Высокая готовность к уличным акциям и силовым действиям сочетается с низким доверием к судебным и административным процедурам, а также с высокой долей неопределенности. Это создает рискогенную смесь, где энергия недовольства может выплеснуться в неинституциональные формы.

Таким образом, данные о готовности к действиям являются ключевым индикатором риска, показывающим, что под поверхностью бытового спокойствия в молодежной среде накоплена значительная энергия, требующая срочного создания легитимных каналов для ее реализации.

Вопрос «Имеет ли для Вас значение этническая принадлежность других?», является ключевым во всем исследовании. Он напрямую верифицирует теоретическую рамку и служит критически важным связующим звеном между выявленной бытовой толерантностью и высоким протестным потенциалом. Результат наглядно демонстрирует, что в Кабардино-Балкарии этничность сохраняет статус фундаментальной социальной категории, структурирующей восприятие мира большинством молодежи. Это не означает бытовой вражды, но подтверждает, что модель «сбалансированного представительства» глубоко укоренена в общественном сознании не только как политический институт, но и как когнитивная схема.

Этот показатель нельзя интерпретировать изолированно. Его смысл раскрывается в сопоставлении с предыдущими ответами, образуя целостную картину управляемой этничности.

1. Этничность как «спящий» маркер, активируемый в условиях конфликта (Подтверждение гипотезы-катализатора). С одной стороны, 62 % заявляют, что этничность имеет значение. С другой – лишь 15,5 % лично участвовали в конфликтах на этой почве, а 74 % не испытывают неприязни к другим национальностям [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. Это означает, что для подавляющего большинства этничность не является источником повседневной агрессии, но остается главным критерием групповой идентификации и социальной навигации. В спокойной ситуации она проявляется как интерес, уважение, осознание различий. Однако в ситуации стресса, конкуренции за ресурсы или несправедливости (когда включается готовность к «решительным действиям» – 21,6 %) этот мощный идентификационный маркер мгновенно актуализируется, переводя любой конфликт из плоскости «индивид «против» индивид» или «гражданин «против» власть» в плоскость «наша группа «против» их группа».

2. Прямая связь с моделью «сбалансированного представительства». Высокий процент значимости этничности (62,1 %) – это социальная база и легитимация существующего политического порядка в КБР [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. Молодежь, признающая важность этнической принадлежности, скорее всего, воспринимает систему квот, паритета в элитах и прочие элементы этой модели как естественные и справедливые. Однако здесь же кроется и главная уязвимость, любое воспринимаемое нарушение этого паритета (например, в кадровых назначениях, распределении ресурсов, в трактовке истории) будет расценено этой значительной частью общества не как административная ошибка, а как угроза базовым принципам справедливости. Это создает мгновенную мобилизационную готовность, что коррелирует с данными о высокой доле готовых к протестным и силовым действиям.

3. «Тихая» лояльность «против» «активная» нетерпимость: анализ меньшинств. Группа 34,3 % («не имеет значения»): это потенциальный ресурс для формирования наднациональной, гражданской идентичности [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. Часто это более урбанизированная, образованная молодежь, ориентированная на профессиональные, а не этнические лифты. Их ценности могут вступать в противоречие с логикой этнополитического паритета. Группа ~6-12 % (открытая неприязнь/негативные эмоции): это та самая часть из 62 %, для которых значение этничности носит не просто идентификационный, а иерархический или негативно-оценочный характер [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. Они составляют ядро потенциальной этноконфликтной мобилизации.

Полученный ответ недвусмысленно указывает на приоритетную значимость этнической парадигмы в сознании молодежи КБР. Это означает, что:

1. Латентные противоречия (социальные, экономические, политические) с высокой вероятностью будут интерпретироваться и формулироваться в этнических категориях, так как это доминирующий язык общественного сознания.

2. Модель сбалансированного представительства имеет прочную социальную легитимность «снизу». Ее кризис или трансформация, если они произойдут, будут крайне болезненными и чреватыми мобилизацией именно по этническому признаку.

3. Ресурс гражданской солидарности (34,3 %) существует, но он в меньшинстве и, судя по данным о доверии к институтам, не имеет сильных официальных каналов для продвижения своей повестки [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025].

Таким образом, гипотеза подтверждается на фундаментальном уровне: современные вызовы (будь то борьба элит, экономический кризис или идеологическое давление) будут катализироваться и усиливаться именно благодаря этой глубокой укорененности этнической градации. Политическая стабильность в КБР зависит не от искоренения этого фактора (что невозможно), а от беспристрастности и предсказуемости работы самой системы паритета, чтобы в глазах 62 % молодежи она продолжала восприниматься как единственно возможный и справедливый способ управления полиэтническим обществом.

Данные о значимых исторических событиях и роли исторической памяти являются, возможно, наиболее красноречивым подтверждением нашей центральной гипотезы и теоретической рамки. Они раскрывают глубинную основу латентных противоречий и объясняют, почему этническая принадлежность остается ключевым маркером для 62,1 % молодежи.

Историческая память в Кабардино-Балкарии глубоко этнизирована и носит травматический, разделяющий характер. Отсутствие единого для всех нарратива и акцент на коллективных травмах (Кавказская война/махаджирство для кабардинцев, депортация для балкарцев) формируют параллельные, а не общие, линии этнической солидарности. Это создает структурную предпосылку для восприятия политики через призму защиты групповых интересов и исторической справедливости.

Детальный анализ и связь с теоретическими положениями:

1. Подтверждение модели «сбалансированного представительства» как системы управления различиями, а не их преодоления. Отсутствие единого значимого события для всех групп. Это прямое отражение того, что КБР является не единым политическим сообществом с общей историей, а политическим союзом двух четко очерченных социокультурных субъектов, каждый из которых сохраняет свою отдельную, травмирующую память. Система паритета институционализирует это разделение, управляя им, но не стремится его растворить. Это объясняет, почему гражданская идентичность остается слабее этнической.

2. Историческая память как ресурс эмоциональной мобилизации и источник латентных противоречий. Для подавляющего большинства (около 60 %) историческая память – это основа преемственности (30,6 %) и источник позитивных, возвышающих чувств (29,8 %). Лишь 14,9 % видят в ней «урок и предостережение» [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. Память здесь функционирует не как рефлексивный инструмент для извлечения уроков, а как аффективный ресурс групповой сплоченности и гордости. Травматические события прошлого (изгнание, депортация) сакрализуются, становясь краеугольным камнем идентичности. Это делает этническую солидарность крайне эмоционально заряженной. В ситуации реального или мнимого ущемления эта эмоциональная энергия может быть мгновенно мобилизована, переводя любой современный спор в плоскость исторического реванша или восстановления справедливости. Это идеальный «горючий материал» для катализатора.

3. Прямая связь с политическими вызовами и риском этнизации конфликта. Разные доминирующие травмы у двух титульных групп. Это означает, что язык и символы, мобилизующие одну группу, могут быть безразличны или даже враждебны другой.

Для кабардинской молодежи чувствительной темой будет всё, что связано с территорией, родиной, изгнанием (например, земельные вопросы, статус соотечественников за рубежом).

Для балкарской молодежи сверхчувствительной темой будет всё, что связано с государственным насилием, несправедливостью, реабилитацией (например, действия силовых структур, вопросы восстановления прав, доступ к власти).

Любой внутренний политический вызов (например, спор о границах районов или назначение силовика) может быть прочтен одной из сторон через призму своей исторической травмы и вызвать немедленную эмоциональную реакцию. Это делает управление республикой крайне сложной задачей, требующей постоянного балансирования.

4. Слабость интеграционного нарратива. Лишь 15,9 % верят, что историческая память вселяет уверенность в сохранении межнационального мира. Общий советский и российский нарратив Победы в ВОВ, судя по ответам, не является объединяющим в той же степени, что и этнические травмы.

Это указывает на дефицит общих смыслов, которые могли бы подняться над этническими различиями. Отсутствие такого «наднационального клея» повышает риски фрагментации в момент кризиса.

Полученные данные позволяют сделать фундаментальный вывод: «латентные противоречия» в КБР имеют не только социально-экономическую, но и глубокую историко-мифологическую основу. Современные политические вызовы действуют как катализатор именно потому, что попадают на эту подготовленную, эмоционально заряженную почву.

Таким образом, этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии держится не на общей исторической судьбе или ценностях, а на хрупком институциональном дизайне (паритете), который вынужден постоянно балансировать между двумя мощными, автономными и травмированными историческими памятью. Устойчивость этой системы зависит от ее способности нейтрально арбитрировать споры, не допуская, чтобы они интерпретировались группами как повторение исторической травмы. В противном случае, арсенал протестных и силовых действий, о готовности к которому заявила молодежь, будет использован для защиты не абстрактных «интересов», а самой основы коллективной идентичности, что чревато выходом конфликта на качественно иной, трудноразрешимый уровень.

Проанализированные С.С. Апажевой и Х.Б. Мамсиоровым данные, касающиеся исторической памяти о Канжальской битве [Апажева, Мамсиоров 2021: 142–143], служат релевантным эмпирическим подтверждением центральной гипотезы данного исследования. Указанные материалы наглядно иллюстрируют не только взаимосвязь исторических нарративов с современными процессами, но и конкретный механизм инструментализации коллективной памяти в целях актуальной политической конкуренции, что согласуется с выводами, полученными в

ходе нашей работы. Канжальский сюжет служит идеальным примером того, как современные латентные противоречия (в первую очередь, земельные и статусные) не просто «катализируются», а активно перекодируются в исторический дискурс, создавая новый язык для легитимации групповых претензий. Это процесс инверсии: не история формирует конфликт, а конфликт формирует нужную ему историю.

1. Подтверждение тезиса об отсутствии общей публичной сферы и кризисе институтов. Оценка экспертов о необходимости «свободной политической системы» и наше наблюдение об отсутствии открытой публичной сферы для рационального обсуждения проблем.

Это центральная причина инверсии. Поскольку легитимные каналы для выражения и разрешения актуальных земельных, территориальных и статусных споров заблокированы или неэффективны, фрустрация ищет другие выходы. Таким выходом становится символическая политика – борьба за исторические нарративы, памятники, топонимы. Война памяти вокруг Канжала – это суррогат политического диалога, замещающая реальное обсуждение распределения ресурсов и власти между кабардинским и балкарским сообществами.

2. Механизм «катализации» в действии: от земли к истории и обратно. 44,3 % признают важность битвы для всех трех народов, 31,3 % – отрицают, 18,2 % имеют «собственное мнение», часто заимствованное из дискурса общественных организаций [Апажева, Мамси́ров 2021: 142-143].

Эта расколотость мнений зеркально отражает не историческую дискуссию, а современную политическую конфронтацию. Сторонники общей значимости (44,3 %) [Апажева, Мамси́ров 2021: 142-143], скорее всего, видят в этом событии либо: а) символ общей героической борьбы народов Кавказа (попытка создать интегрирующий миф), либо (что более вероятно в контексте споров) б) способ легитимировать исторические права кабардинцев на определенные территории, вовлекая в этот нарратив балкарцев и осетин как союзников.

Противники (31,3 %) [Апажева, Мамси́ров 2021: 142-143] воспринимают эту трактовку как историческую экспансию, попытку доминирующей группы навязать свой нарратив и, через него, свои претензии. Отрицание – это форма сопротивления в символическом поле. «Собственное мнение» (18,2 %) [Апажева, Мамси́ров 2021: 142-143] – ключевой показатель. Заимствование формулировок общественных организаций доказывает, что дискуссия уже идеологизирована и политически структурирована. Молодежь не обращается к архивам, а выбирает готовые идеологические пакеты, предлагаемые ангажированными акторами.

3. Прямая проекция на модель этнической субъектности. Канжальская битва становится полем битвы между двумя моделями:

3.1 Модель «сбалансированного представительства» в ее идеализированном виде пытается интерпретировать Канжал как общее достояние, укрепляющее союз народов КБР.

3.2 Модель «сецессии»/обособления использует тот же сюжет для подчеркивания исторической автономии и суверенитета кабардинского народа, а балкарское и осетинское сообщества могут видеть в этом попытку исторической маргинализации их роли.

Таким образом, спор о далеком прошлом становится кодом для переговоров о современном статусе и границах внутри республики.

4. Интеграция в общую картину исследования. Полученные данные образуют логическую цепь с предыдущими выводами:

4.1. Этничность – главный маркер (62 %).

4.2. Историческая память – этнизирована и травматична (разные события для кабардинцев и балкарцев).

4.3. Готовность к действиям высока, а доверие к институтам низко.

4.4. Актуальные проблемы (земля, власть) не имеют легальных каналов решения.

4.5. Результат. Накопленная энергия фрустрации перенаправляется в символическое пространство истории. Конфликт из-за земли превращается в конфликт из-за памятника битве 300-летней давности. Это классическая форма катализа, когда реальное противоречие, не находя выхода, мутирует и проявляется в иной, часто более иррациональной и эмоционально заряженной сфере.

Напрашивается вывод, что Канжальский кейс доказывает, что в Кабардино-Балкарии «историческая политика» давно перестала быть академической дисциплиной и превратилась в прямое продолжение современной этнополитики инструментарными средствами. Это свидетельствует о глубоком системном кризисе политического диалога. Пока не будут созданы механизмы для открытого, рационального и справедливого разрешения земельных, экономических и статусных споров, общество будет продолжать воспроизводить конфликты в символической и исторической плоскости, что лишь будет консервировать и усиливать латентные противоречия, рано или поздно приводя их к точке кипения в реальном, а не историческом, пространстве.

В Кабардино-Балкарии современная этнополитическая система функционирует в условиях напряженного диалектического взаимодействия двух различных исторических травм, которые, будучи укоренены в коллективной памяти титульных народов, формируют разнонаправленные и зачастую конкурирующие векторы политических устремлений, определяя логику как внутриреспубликанского диалога, так и потенциальных конфликтов.

Таким образом, этнополитический процесс в КБР представляет собой не просто управление текущими интересами, а глубинное согласование двух различных «историй страдания» и вытекающих из них проектов будущего. Стабильность республики зависит от способности системы обеспечивать признание и символическую репрезентацию обеих травм, не позволяя одной из них доминировать в ущерб другой, и находить механизмы перевода исторических претензий в плоскость практического сотрудничества и взаимного признания прав.

Наше исследование эмпирически доказывает, что в Кабардино-Балкарии создана практически полная «предмобилизационная» конструкция:

1. Прочный фундамент в виде значимого этнического самосознания у большинства (62,1 %).

2. Горючий материал в виде латентных социальных, экономических и политических противоречий, не имеющих легальных каналов решения.

3. Детонатор в виде разделяющей, травматичной исторической памяти, которую можно использовать для быстрой сборки группы.

4. Готовый к действию авангард в виде значительной части молодежи, декларирующей готовность к протестным и силовым действиям.

Гипотеза о катализации получает полное подтверждение. Любой серьезный внутренний или внешний вызов (от земельного спора до федеральной реформы) в таких условиях с высокой вероятностью будет интерпретирован через этническую призму и приведет не к гражданской, а именно к этногрупповой мобилизации для «защиты интересов».

Это означает, что ключевой задачей для обеспечения стабильности является нейтрализация «определенных условий» – создание работающих институтов, формирование публичной сферы для диалога и справедливое разрешение накопленных проблем. Без этого система этнополитического паритета, опирающаяся на мобилизованное этническое самосознание, рискует превратиться из инструмента стабильности в механизм периодических кризисов.

Амбивалентность как системная характеристика

Результаты исследования рисуют картину структурной амбивалентности этнополитической ситуации в молодежной среде КБР. Это состояние характеризуется не отсутствием четких тенденций, а одновременным существованием противоположных, но взаимообусловленных векторов:

1. Вектор толерантности и стабильности (бытовая неконфликтность, преобладание позитивных эмоций, ориентация на мирное сосуществование).
2. Вектор потенциала мобилизации и конфликта (высокая значимость этничности, готовность к радикальным действиям, травматичная и разделяющая историческая память, кризис институтов).

Управление этой амбивалентностью и составляет суть вызова для модели «сбалансированного представительства».

Ключевые подтвержденные гипотезы и выявленные механизмы:

1. Гипотеза о катализации подтверждена. Исследование выявило не новые линии раскола, а механизм перевода социально-экономической и политической фрустрации в этническую плоскость. «Застарелые неразрешенные проблемы» (земельные, статусные, исторические) выступают катализатором, а актуальные вызовы (экономический кризис) – триггером.

2. Подтверждена роль манипулятивных практик. Осознание молодежью того, что напряженность эскалируется политическими силами, эксплуатирующими различия, указывает на рефлексивность целевой группы. Однако это не отменяет эффективности таких практик, особенно на стадии «моральной легитимизации насилия», когда защита «своих» интересов начинает восприниматься как справедливая.

3. Оспорен тезис о пассивности. Данные опроса, в отличие от экспертных оценок, показывают скрытую, но активную позицию молодежи – не в форме открытого протеста, а в форме четких предпочтений, готовности к действиям и критического восприятия манипуляторов. Пассивность является стратегией избегания в стабильных условиях, а не сущностной характеристикой.

Заключение

Кабардино-Балкария не находится на пороге неизбежного межнационального конфликта, но пребывает в состоянии устойчивой нестабильности. Ее стабильность является не статичным достижением, а динамическим равновесием, требующим постоянной институциональной работы по канализации фрустрации, легитимации диалога и справедливому разрешению конкретных проблем. Молодежь, как показало исследование, не является ни «пассивной массой», ни «готовым радикальным резервом». Она представляет собой рефлексизирующее сообщество с высоким потенциалом солидарности, который может быть направлен как на укрепление гражданского мира, так и на этническую мобилизацию в зависимости от того, какие институты и нарративы окажутся в момент кризиса более эффективными и убедительными.

Устойчивый мир в Кабардино-Балкарской республике достижимы только через признание системной природы проблем и реализацию комплексной стратегии, адекватной этой сложности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

Апажева, Мамсиров 2021 – *Апажева С.С., Мамсиров Х.Б.* Межнациональные отношения в молодежной среде Кабардино-Балкарской Республики // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 2. – С. 135-153.

Апажева, Мамсиров 2017 – *Апажева С.С., Мамсиров А.Х., Цолоев Т.С.* Северный Кавказ: современная этнополитическая ситуация и перспективы ее стабилизации // История: факты и символы. – 2017. – № 4 (13). – С. 101–111.

Апажева, Нальчикова, Захохова 2025 – *Апажева С.С., Нальчикова Е.А., Захохова М.Р.* Аналитический отчет по результатам социологического исследования / под руками. С.С. Апажевой. – Нальчик: КБГУ, 2025. – 51 с.

Боров, Тумов 2015 – *Боров А.Х., Тумов А.А.* Основные параметры общественнополитического развития Кабардино-Балкарской Республики: изменения и преемственность // Russian Journal of Education and Psychology. – 2015. – № 11. – С. 73–84. DOI: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-11-7>

Смирнов 2011 – *Смирнов А.Н.* Этнополитические процессы на Северном Кавказе: особенности и основные тенденции. Дисс. канд. полит. н-к. – Москва, 2000. – 247 с.

Суций 2021 – *Суций С.Я.* Конфликтогенный потенциал Северного Кавказа на рубеже 2020-х годов: факторы и основные тренды // Научная мысль Кавказа. – 2021. – № 1. – С. 72–78. DOI: <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2021-105-1-72-78>

Тхагапсоев, Черноус 2013 – *Тхагапсоев Х.Г., Черноус В.В.* Реинтеграция постсоветской России: преграды и пути преодоления // Научная мысль Кавказа. – 2013. – № 4. – С. 3-15.

Тхагапсоев 2007 – *Тхагапсоев Х.Г.* Кавказская идентичность в процессах современной российской трансформации // Научная мысль Кавказа. – 2007. – № 1. – С. 32-40.

REFERENCES

APAZHEVA S.S., MAMSIROV KH.B. *Mezhnatsional'nye otnosheniya v molodezhnoi srede Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Interethnic Relations in the Youth Environment of the Kabardino-Balkarian Republic]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2021. – № 2. – S. 135-153. (In Russ.).

APAZHEVA S.S., MAMSIROV A.KH., TSOLOEV T.S. *Severnyi Kavkaz: sovremennaya etnopoliticheskaya situatsiya i perspektivy ee stabilizatsii* [The North Caucasus: the Current Ethnopolitical Situation and Prospects for Its Stabilization]. In: Istoriya: fakty i simvoly. – 2017. – № 4 (13). – S. 101–111. (In Russ.).

BOROV A.KH., TUMOV A.A. *Osnovnye parametry obshchestvennopoliticheskogo razvitiya Kabardino-Balkarskoi Respubliki: izmeneniya i preemstvennost'* [The Main Parameters of the Socio-Political Development of the Kabardino-Balkarian Republic: Changes and Continuity]. In: Russian Journal of Education and Psychology. – 2015. – № 11. – P. 73–84. DOI: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-11-7> (In Russ.).

Sovremennoe sostoyanie mezhnatsional'nykh otnoshenii v molodezhnoi srede KBR 2025 [The Current State of Interethnic Relations in the Youth Environment of the Kabardino-Balkarian Republic]. – Apazheva S.S., Nal'chikova E.A., Zakhokhova M.R. Analiticheskii otchet po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya / pod rukami. S.S. Apazhevoi. – Nal'chik: KBGU, 2025. – 51 p. (In Russ.).

SMIRNOV A.N. *Etnopoliticheskie protsessy na Severnom Kavkaze: osobennosti i osnovnye tendentsii* [Ethnopolitical Processes in the North Caucasus: Features and Main Trends]. Diss. kand. polit. n-k. – Moskva, 2000. – 247 p. (In Russ.).

SUSHCHII S.YA. *Konfliktogennyi potentsial Severnogo Kavkaza na rubezhe 2020-kh go-dov: faktory i osnovnye trendy* [The Conflictogenic Potential of the North Caucasus at the Turn of the 2020s: Factors and Main Trends]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2021. – № 1. – P. 72–78. DOI: <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2021-105-1-72-78> (In Russ.).

TKHAGAPSOEV KH.G., CHERNOUS V.V. *Reintegratsiya postsovetsoi Rossii: pregrady i puti preodoleniya* [Reintegration of Post-Soviet Russia: Obstacles and Ways to Overcome Them]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2013. – № 4. – P. 3–15. (In Russ.).

TKHAGAPSOEV KH.G. *Kavkazskaya identichnost' v protsessakh sovremennoi rossiiskoi transformatsii* [Caucasian Identity in the Processes of Modern Russian Transformation]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2007. – № 1. – P. 32–40. (In Russ.).

Информация об авторах

С.С. Апажева – кандидат философских наук, доцент.

Е.А. Нальчикова – кандидат исторических наук, доцент.

М.Р. Захохова – кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

S.S. Apazheva – Candidate of Sciences (Philosophy), associate professor.

E.A. Nalchikova – Candidate of Sciences (History), associate professor.

M.R. Zakhokhova – Candidate of Sciences (Economic), associate professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.09.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 14.09.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Социальные процессы на Кавказе

Научная статья

УДК 316.4

DOI:10.31143/2542-212X-2025-4-521-530

EDN: YFEXMA

МИГРАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ И АДАПТАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ РОССИЯН В АРМЕНИИ ПОСЛЕ 2022 ГОДА (на материалах глубинных интервью 2024 года)

Диана Дмитриевна Челпанова

Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия,
chelpanova@ssc-ras.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6543-4406>

Аннотация. Статья посвящена анализу миграционных процессов российских граждан в Армению после начала Специальной военной операции на Украине в 2022 г. Армения, благодаря безвизовому режиму, географической и культурной близости, стала одним из ключевых направлений для релокантов. Целью работы является изучение мотивов переезда, стратегий адаптации и дальнейших миграционных перспектив россиян. Эмпирическую базу исследования составили проведенные в июле 2024 г. 20 глубинных интервью с мигрантами, проживающими в Ереване.

Анализ глубинных интервью показывает, что ключевыми мотивами переезда являются: личное несогласие с политической ситуацией в России; опасение преследований за связь с лицами, деятельность которых заведомо направлена против безопасности России или признанных в установленном порядке иностранными агентами; а для мужчин призывного возраста – страх мобилизации.

Установлено, что адаптация релокантов в Армении характеризуется некоторыми противоречиями. С одной стороны, часть из них высоко оценивает гостеприимство местных жителей и отмечает простоту первоначальной интеграции благодаря широкому распространению русского языка. С другой стороны, они сталкиваются с ростом цен на аренду жилья, языковым барьером при трудоустройстве в местные компании и случаями экономической дискриминации. Значительная часть мигрантов, особенно в IT-сфере, сохраняет удаленную работу, в то время как другие вынуждены заниматься низкоквалифицированным трудом в сфере услуг. Важной особенностью является слабая интеграция в армянское общество: мигранты формируют собственные сообщества и русскоязычную инфраструктуру (кафе, школы, детские сады).

Исследование показывает, что большинство респондентов рассматривают Армению как транзитную страну для последующего переезда в Европу, Азию или Казахстан. Решение остаться в Армении в долгосрочной перспективе связывается с успешной легализацией, стабильностью бизнеса и общей геополитической обстановкой в регионе, в частности, отношениями с Азербайджаном. Возвращение в Россию для многих из опрошенных релокантов исключено даже при гипотетическом изменении внешнеполитической ситуации.

Ключевые слова: миграция, стратегия, адаптация, Армения, российские мигранты, релоканты.

Благодарность и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00974, <https://rscf.ru/project/24-28-00974/>.

Для цитирования: Челпанова Д.Д. Миграционные стратегии и адаптационные практики россиян в Армении после 2022 года (на материалах глубинных интервью 2024 года) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 521-530. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-521-530. EDN: YFEXMA.

© Челпанова Д.Д., 2025

Original article

MIGRATION STRATEGIES AND ADAPTATION PRACTICES OF RUSSIANS IN ARMENIA AFTER 2022 (based on in-depth interviews conducted in 2024)

Diana D. Chelpanova

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences Russia, Rostov-on-Don, Russia, chelpanova@ssc-ras.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6543-4406>

Abstract. The article is devoted to the analysis of migration processes of Russian citizens to Armenia after the start of the Special Military Operation in Ukraine in 2022. Armenia, thanks to the visa-free regime, geographical and cultural proximity, has become one of the key destinations for migrants. The purpose of the work is to study the motives of relocation, adaptation strategies and further migration prospects of Russians. The empirical basis of the study was 20 in-depth interviews with migrants living in Yerevan conducted in July 2024.

An analysis of in-depth interviews shows that the key reasons for moving are: personal disagreement with the political situation in Russia; fear of persecution for associating with individuals whose activities are known to be directed against Russia's security or who have been designated as foreign agents; and for men of military age, fear of mobilization.

It has been established that the adaptation of relocants in Armenia is characterized by some contradictions. On the one hand, some of them highly appreciate the hospitality of the local residents and note the ease of initial integration due to the widespread use of the Russian language. On the other hand, they face rising rental prices, language barriers when seeking employment in local companies, and instances of economic discrimination. A significant number of migrants, particularly in the IT sector, continue to work remotely, while others are forced to engage in low-skilled labor in the service industry. An important feature is the weak integration into Armenian society: migrants form their own communities and Russian-language infrastructure (cafes, schools, and kindergartens).

The study shows that most respondents view Armenia as a transit country for subsequent relocation to Europe, Asia, or Kazakhstan. The decision to stay in Armenia in the long term is associated with successful legalization, business stability, and the overall geopolitical situation in the region, particularly relations with Azerbaijan. For many of the surveyed relocators, returning to Russia is not an option, even if the foreign policy situation changes.

Keywords: migration, strategy, adaptation, Armenia, Russian migrants, relocants.

Acknowledgements and funding: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00974, <https://rscf.ru/project/24-28-00974/>.

For citation: Chelpanova D.D. Migration strategies and adaptation practices of Russians in Armenia after 2022 (based on in-depth interviews conducted in 2024). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 521-530. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-521-530. EDN: YFEXMA.

© Chelpanova D.D., 2025

Введение

После начала Специальной военной операции на Украине в 2022 г. значительное число российских граждан приняло решение о переезде в другие страны, включая Армению, которая приняла по заявлению ее министра экономики страны порядка 108–110 тыс. чел. в 2022 г. [Армянский министр... 2023]. Армения, благодаря безвизовому режиму, географической близости и культурной схожести, стала одним из популярных направлений для временного или постоянного проживания российских релокантов. Первоначально феврале-марте 2024 г. был проведен пилотный социологический опрос российских представителей последней эмиграционной волны, покинувших родину после 2022 г. [Челпанова 2024]. Полученные результаты опроса в июле 2024 г. были дополнены серией глубинных интервью с российскими релокантами из Армении. На основе полученных интервью целью данной работы является изучить мотивы переезда, стратегии адаптации и перспективы дальнейшей миграции российских граждан.

Методология

Основу исследования составили материалы проекта «OUTRUSH» [Исследовательский проект «OUTRUSH»], «Russian Field» [Исследовательский проект «Russian Field», выпуска «СоциоДиггер» (ВЦИОМ) [СоциоДиггер 2023], который был посвящен российской эмиграции 2022 г. За последние годы в научной литературе появилось множество публикаций, посвященных анализу мер поддержки «обратным» российским релокантам, занятых в IT-индустрии [Катульский, Иванов 2023], изучению трансформации образа русского мигранта в грузинских СМИ [Пустарнакова, Ситникова, Трибунская 2023], практик адаптации российских релокантов в Тбилиси в качестве туристов, цифровых нómáдов и мигрантов [Чернышова 2023], исследованию роли социальных медиа в формировании социальной солидарности и самоорганизации на примере ситуации сложившейся на российско-грузинской границе в сентябре 2022 г. [Хапсаева 2023], идеологических противоречий миграционных потоков в контексте СВО [Климов, Сетин 2024], анализу реэмиграционных практик [Королькова 2023], миграционных практик «цифровых кочевников» [Рязанцев, Рязанцев 2024], анализу образа российских релокантов Монголии через призму российских и монгольских медиа [Ардальянова 2023: 9–16], социальному портрету и моделям поведения IT-релоканта [Лебедева 2023]. Отдельные работы касаются анализу восприятия российских релокантов местной молодежью Армении [Атанесян 2023], государственной политики Казахстана в отношении российских релокантов [Ногмов, Ивочкина 2023], социальной адаптации релокантов в зарубежных странах [Лакомова 2025].

Анализу процесса релокации россиян в Армению, посвящены работы [Евстратов 2022; Евстратов 2024; Авакян 2025; Melkumyan, Melkumyan 2025], основанные на материалах СМИ, глубинных интервью, проведенных в 2022 г. Наше исследование базируется на эмпирических материалах 20 интервью с российскими мигрантами, переехавшими в Армению после начала Специальной военной операции в период с 2022 по 2024 гг. Интервью проводились в июле 2024 г. в Ереване и охватывали различные аспекты жизни мигрантов:

профессиональную деятельность, материальное положение, взаимодействие с местным населением, языковые практики и планы на будущее. Выборка проводилась методом «снежного кома», поскольку релоканты относятся к социальной группе, доступ к которой затруднен для исследователя. Среди респондентов были 13 мужчин и 7 женщин от 22 до 45 лет, в основном с высшим образованием, проживающих до переезда в российских городах-миллионниках. О репрезентативности выборки респондентов утверждать сложно, поскольку отсутствуют точные официальные данные о количественных и качественных характеристиках релокантов, проживающих в Армении в период 2022–2024 гг. В исследовании использовались методы качественной социологии, включая тематическое кодирование и контекстуальный анализ. Представленные результаты дают возможность проследить изменилась ли жизнь россиян в Армении с 2022 г.

Результаты

1. Мотивы переезда

Анализ глубинных интервью показывает, что ключевыми мотивами переезда являются: личное несогласие с политической ситуацией в России; опасение преследований за связь с лицами, деятельность которых заведомо направлена против безопасности России или признанных в установленном порядке иностранными агентами; а для мужчин призывного возраста – страх мобилизации.

Одной из основных причин переезда в Армению у большинства опрошенных в ходе исследования российских релокантов является личное несогласие с внешнеполитическим курсом России. Особенно данное мнение было широко распространено среди активистов и IT-специалистов. *«Причина, из-за которой пришлось уехать из России – это прежде всего политическая ситуация в стране» (мужчина, 27 лет, из Ростова-на-Дону).* Некоторые семейные мигранты считали, что в России сложно обеспечить достойное будущее для своих детей *(женщина, 39 лет, из Новосибирска).*

Некоторые респонденты приняли решение о переезде в Армению из-за опасений преследования за связь с лицами, деятельность которых заведомо направлена против безопасности России, или признанными в установленном порядке иностранными агентами *(мужчина, 27 лет, из Ростова-на-Дону).*

Другие информанты – мужчины призывного возраста, покидали Россию из-за страха быть мобилизованными. *«Мысль о переезде из России возникла в феврале 2022 года после объявления СВО, а окончательное решение о переезде принял в сентябре 2022 года после объявления частичной мобилизации, когда уехал из России в Армению» (мужчина, 25 лет, из Орловской области).*

2. Адаптация

Первые впечатления от жизни в Армении у большинства релокантов положительные. Они отмечают простоту адаптации благодаря тому, что многие армяне говорят по-русски или по-английски. *«В Армении достаточно просто проходит адаптация, поскольку все говорят по-русски, и если не говорят по-русски, то говорят по-английски» (женщина, 38 лет, из Москвы).* Большинство релокантов не знают армянского языка, некоторые по приезду стали изучать его для общения по бытовым вопросам. *«Здесь все более чем на русском говорят,*

понимают. Армянский психологически сложно подойти к его обучению, нет особой нужды на данный момент. Больше есть желание английский и испанский подтягивать» (мужчина, 35 лет, из Таганрога, Ростовская область). Я понимаю армянский язык. Когда переехал в Армению начал изучать армянский язык и сейчас могу общаться с армянами на бытовые темы (мужчина, 29 лет, из Санкт-Петербурга).

Многие мигранты, деятельность которых связана с IT-сферой, легче адаптируются к жизни в Армении, так как им легче найти работу удаленно, и они не испытывают серьезных финансовых трудностей. Респонденты отмечали, что нашли работу в местных или международных компаниях. «Я нашла здесь работу в компании, в которой давно хотела [прим. ред. работать] [...] Я работаю в IT, но в медицинской компании» (женщина, 38 лет, из Москвы); «В Армении работаю бухгалтером в международной IT компании» (женщина, 33 лет, из Санкт-Петербурга). У других мигрантов ситуация с трудоустройством иная: работают в сфере обслуживания, обучения, продаж, не работают (уборка мусора в Ереване). «В Армении работаю официантом в кафе» (мужчина, 25 лет, из Орловской области); «В Армении не стал работать врачом из-за низкого уровня зарплаты. Открыл свое дело – кафе «Релокант» (мужчина, 35 лет, из Краснодарского края); «Здесь (прим. ред. в Армении) работаю тоже, можно сказать, в продажах» (женщина, 25 лет, из Санкт-Петербурга); «Я работаю в Ереване в детском развивающем центре. Я педагог постановщик-хореограф (женщина, 45+ лет, из Тюмени); «Временно безработный» (мужчина, 27 лет, из Ростова-на-Дону).

Большинство мигрантов проживают в Ереване на съемных квартирах, арендуя их совместно с друзьями, семьей или самостоятельно. «Снимаю квартиру с женой» (мужчина, 30 лет, из Москвы); «В Армении снимаю квартиру совместно с друзьями» (мужчина, 27 лет, из Новочеркасска, Ростовской области); «Первоначально приехал в маленький город под Ереваном, там снимал квартиру, потом нашел друга через чат в телеграмм. Затем, спустя время, переехал в Ереван, проживал с друзьями, которые тоже из России, вместе с ними снимал жилье. В Ереване можно выделить районы, где проживают русские – район Арабкир – здесь проживают преимущественно небогатые русские. В центре Еревана проживают богатые русские» (мужчина, 25 лет, из Орловской области). Одна респондентка из Новосибирска рассказала, что в России была продана квартира, а в Ереване в настоящее время ведется строительство частного домовладения, таким образом рассматривая Армению как страну для долгосрочного места жительства. «Мы продали квартиру свою в Новосибирске. И здесь [Ереване – прим. ред.] строим дом» (женщина, 39 лет, из Новосибирска).

Многие информанты указывают на доброжелательность, гостеприимство и готовность помочь местных жителей. «В Армении нравится гостеприимство» (мужчина, 35 лет, из Краснодарского края). «Большое количество людей здесь говорят на русском языке и здорово, что они настолько позитивно принимают несмотря на то, что люди приехали из чужой страны, но с первых дней всегда я чувствовала [поддержку со стороны местных жителей – прим. ред.]. Я иду с телефоном, допустим, я не могу сориентироваться в городе, смотрю, что там

такое есть приложение карт, а люди подходят [и спрашивают – прим. ред.], что случилось, вы потерялись, давайте поможем (женщина, 32 года, из Ростова-на-Дону).

Среди основных проблем адаптации российских релокантов можно отметить рост цен на аренду недвижимости, языковой барьер, ограниченное взаимодействие с местным населением. Один из информантов рассказал, что сталкивался с фактами экономической дискриминации: *«цены на аренду квартир выросли, когда приехали русские. В спортивном зале тоже самое – для местного населения цена за посещение спортзала ниже, чем для русских» (мужчина, 25 лет, из Орловской области).*

Некоторые респонденты отмечают, что языковой барьер ограничивает возможности трудоустройства в местных компаниях. *«Здесь [в Армении – прим. ред.], естественно, [существует – прим. ред.] языковой барьер, поэтому в местные компании, ну в зависимости от сферы, бывает, конечно, очень сложно попасть (женщина, 32 года, из Ростова-на-Дону).*

Об отсутствии сложностей в адаптации и о некоторых культурных различиях отмечают респонденты. *«В принципе, на самом деле, в Армении достаточно просто проходит адаптация, поскольку все говорят по-русски, и если не говорят по-русски, то говорят по-английски. Это наш язык, на котором мы работаем (в IT сфере – прим. ред.). Однако существуют какие-то особенности местных (которые заключаются – прим. ред.) в том, что, что-нибудь тебе пообещают, а потом ты понимаешь, что тебе просто побоялись отказать (женщина, 38 лет, из Москвы).*

Российские релоканты не стремятся интегрироваться в армянское общество и создают в Ереване свои социально-культурные сообщества (в Ереване существуют кафе, в которых собираются российские граждане и проводят совместный досуг), развивают собственную русскоязычную инфраструктуру (русскоязычные частные школы, детские сады). Один из информантов (мужчина, 35 лет, из Краснодарского края) рассказал, что в Ереване существуют русскоязычные частные детские сады и школы, в которых образование идет на русском языке, а армянский язык преподают как иностранный (например, «Свободная школа»).

Российские релоканты используют две основные миграционные стратегии: большинство мигрантов рассматривает Армению как транзитную страну для переезда в другие страны. В последующие годы респонденты высказались о возможной миграции в Европу, Азию (Вьетнам, Индонезия, Бали), Казахстан, США или Грузию либо возвращение в Россию при изменении внешнеполитической ситуации (многие исключают этот вариант даже в долгосрочной перспективе, в основном в Россию приезжают, чтобы уладить какие-то дела). *«[...] (Дальнейшие перспективы – прим. ред.) зависят от (моей – прим. ред.) работы, потому что есть вероятность, что не факт, что очень долгое время смогу здесь оставаться в плане работы. И, возможно, придется куда-то еще думать, какие-то варианты еще смотреть. Смотрю, как варианты бывшие (страны – прим. ред.) СНГ – Казахстан, Беларусь. В Беларусь в меньшей степени, наверное, хотелось бы (переехать – прим. ред.) скорее всего Казахстан. Если решусь и все*

нормально будет, может быть кардинально (переехать – прим. ред.) Азия, Индонезия, Бали, Вьетнам, куда-нибудь туда. (мужчина, 35 лет, из Таганрога, Ростовская область). Некоторые релоканты планируют в ближайшее время остаться в Армении, особенно те, кто смог легализоваться и найти стабильную работу. «В планах остаться жить в Армении, но все зависит от успехов и расширения в бизнесе» (мужчина, 35 лет, из Краснодарского края). Некоторые информанты думают о закреплении в Армении в зависимости от стабилизации политической ситуации. Одна респондентка (женщина, 32 года, из Ростова-на-Дону) заявила, что если начнется война с Азербайджаном, то придется уехать из Армении.

Заключение

Анализ проведенных в 2024 г. глубинных интервью показывает, что миграция российских граждан в Армению после 2022 г. носит разнообразный характер: от временного убежища до долгосрочного переезда. Ключевыми факторами успешной адаптации стали профессиональные навыки, социальные сети и гибкость в восприятии культурных различий. Однако политическая нестабильность в регионе и языковой барьер остаются значительными вызовами для интеграции.

Основными мотивами переезда российских релокантов в Армению стали личное несогласие с политической ситуацией в России; опасение преследований за связь с лицами, деятельность которых направлена против безопасности России или признанных иностранными агентами; страх мобилизации.

Процесс адаптации характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, отмечается относительная легкость первичной адаптации благодаря распространенности русского языка, гостеприимству местных жителей и развитой IT-инфраструктуре. С другой стороны, релоканты сталкиваются с такими проблемами, как рост цен на аренду жилья, языковой барьер при трудоустройстве в местные компании и случаи экономической дискриминации.

Значительной особенностью является слабая интеграция российских мигрантов в армянское общество. Они создают собственные социально-культурные сообщества и русскоязычную инфраструктуру, включая кафе, бары, школы и детские сады.

Что касается миграционных стратегий, большинство опрошенных релокантов рассматривают Армению как транзитную страну для дальнейшего переезда в другие государства, в то время как меньшая часть планирует остаться в стране при условии стабилизации политической обстановки и успешного развития своего бизнеса или карьеры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Авакян 2025 – Авакян М.Э. Освещение тематики релокантов в современной республиканской прессе Армении в свете происходящих изменений // Динамика медиасистем. – 2025. – Т. 5. – Вып. 1. – С. 177–189. DOI: 10.47475/2949-3390-2025-5-1-177-189.

Ардалянова 2023 – Ардалянова А.Ю. Релоканты из России в Монголии: анализ российских и монгольских медиа // Социальные процессы в Северо-Восточной Азии: современное состояние и тенденции развития: сборник научных статей по итогам международного научного семинара (3–5 мая 2023 года) / Отв. редакторы: А.В. Винокурова,

О. Мунхбат. – Санкт-Петербург: ООО Центр научно-информационных технологий Астерион, 2023. – 102 с.

Армянский министр... 2023 – Армянский министр назвал число переехавших в страну за год россиян // РИА Новости. 16.03.2023 г. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://ria.ru/20230316/armeniya-1858225304.html> (дата обращения: 15.10.2025 г.)

Атанесян 2023 – *Атанесян А.В.* «Русские релоканты» в восприятии молодежи Армении // Социологические исследования. – 2023. – № 6. – С. 112–122.

Евстратов 2024 – *Евстратов А.Г.* Проблемы релокации – «новой эмиграции» россиян в Армению после начала СВО на Украине // Новое прошлое / The New Past. – 2024. – № 2. – С. 228–240. DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-228-240

Евстратов 2022 – *Евстратов А.Г.* Релокация россиян в Армению в свете спецоперации РФ на Украине // Архонт. – 2022. – № 3(30). – С. 85–90.

Исследовательский проект «OUTRUSH» – Исследовательский проект «OUTRUSH». URL: <https://outrush.io/>

Исследовательский проект «Russian Field» – Исследовательский проект «Russian Field». URL: <https://russianfield.com/>

Катульский, Иванов 2023 – *Катульский Е.Д., Иванов А.А.* Человеческий капитал в IT-индустрии, экономическая безопасность и технологический суверенитет // Социально-трудовые исследования. – 2023. – № 3. – С. 130–137.

Климов, Сетин 2024 – *Климов С.Н., Сетин А.Н.* К вопросу о противоречиях миграционных потоков в контексте СВО // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2024. – № 1. – С. 74–79.

Королькова 2023 – *Королькова М.В.* Релокация или эмиграция: особенности процесса в 2022 г. // Актуальные научные исследования: сборник статей XIII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Т.Ч. 2. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2023. – С. 195–197.

Лакомова 2025 – *Лакомова А.А.* Социальная адаптация российских эмигрантов (релокантов) в зарубежных странах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2025. – № 1 (77). – С. 133–142. DOI 10.52452/18115942_2025_1_133.

Лебедева 2023 – *Лебедева О.Н.* ИТ-релоканты: социальный портрет и модели поведения // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы [Электронный ресурс]: материалы Всероссийской научной конференции XVII Ковалевские чтения (16–18 ноября 2023 года) / Отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков; Санкт-Петербургский государственный университет. – Электронные данные. – Санкт-Петербург: Сциентиа, 2023. – С. 282–284.

Ногмов, Ивочкина 2023 – *Ногмов А.М., Ивочкина А.С.* Геополитические аспекты межэтнических отношений в Казахстане на современном этапе // Вестник ученых-международников. – 2023. – № 4. – С. 73–86.

Пустарнакова, Ситникова, Трибунская 2023 – *Пустарнакова А.А., Ситникова А.М., Трибунская Н.А.* Трансформация образа русского мигранта в грузинских СМИ под влиянием социально-политических условий // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 6. – С. 32–36.

Рязанцев, Рязанцев 2024 – *Рязанцев С.В., Рязанцев Н.С.* Миграция «цифровых кочевников»: глобальные тренды и позиции стран // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – Т. 68. – № 2. – С. 116–126.

СоциоДиггер 2023 – СоциоДиггер. 2023. Март–апрель. Том 4. Выпуск 3–4(25): Они уехали. Новая волна российской эмиграции. Электронный ресурс. Режим доступа: https://sociodigger.ru/fileadmin/user_upload/2023_03-04_oni_uehali/2023_03-04.pdf (дата обращения: 15.10.2025).

Хапсаева 2023 – *Хапсаева Д.В.* «Верхний Ларс» в сетевых медиа: механизм формирования социальной солидарности и самоорганизации // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 6. – С. 85–91.

Челпанова 2024 – Челпанова Д.Д. Социально-демографический портрет и особенности российских релокантов 2022–2024 годов (опыт пилотного социологического опроса) // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 10 (76). – С. 71–78.

Чернышова 2023 – Чернышова Л. Мигранты, туристы, релоканты или оккупанты? Эссе о россиянах в Тбилиси, поломанном гостеприимстве и праве на город // Laboratorium: журнал социальных исследований. – 2023. – № 3. – С. 46–71.

Melkumyan, Melkonyan 2025 – Melkumyan Yu.G., Melkonyan N.A. The Integration of Russian Immigrants in Armenia: the Impact of Relocation on the Host Society // Mir Rossii. – 2025. – V. 34. – № 1. – P. 130–143. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-1-130-143.

REFERENCES

AVAKYAN M.E. *Osveshhenie tematiki relokantov v sovremennoj respublikanskoj presse Armenii v svete proisxodyashhix izmenenij* [Coverage of the topic of relocation in the modern republican press of Armenia in light of the ongoing changes]. IN: Dinamika mediasistem. – 2025. – T. 5. – Vol. 1. – P. 177–189. (In Russ.). DOI: 10.47475/2949-3390-2025-5-1-177-189.

ARDALYANOVA A.Yu. *Relokanty iz Rossii v Mongolii: analiz rossijskix i mongolskix media* [Russian Expats in Mongolia: An Analysis of Russian and Mongolian Media]. IN: *Socialnye processy v Severo-Vostochnoj Azii: sovremennoe sostoyanie i tendencii razvitiya: sbornik nauchnyx statej po itogam mezhdunarodnogo nauchnogo seminara (3–5 maya 2023 goda) / Otv. redaktery: A.V. Vinokurova, O. Munxbat* [Social Processes in Northeast Asia: Current State and Development Trends: Collection of Scientific Articles Based on the Results of the International Scientific Seminar (May 3–5, 2023) / edited by A.V. Vinokurova, O. Munkhbat]. – Sankt-Peterburg: OOO Centr nauchno-informacionnyx texnologij Asterion, 2023. – 102 p. (In Russ.).

Armyanskij ministr nazval chislo pereexavshix v stranu za god rossiyan [Armenian Minister Reveals Number of Russians Who Have Moved to the Country in a Year]. IN: RIA Novosti. – March 16, 2023. – URL: <https://ria.ru/20230316/armeniya-1858225304.html> (accessed: 15.10.2025). (In Russ.).

ATANESYAN A.V. «*Russkie relokanty*» v *vospriyatii molodezhi Armenii* [“Russian Relocants” in the Perception of Armenian Youth]. IN: Sociologicheskie issledovaniya. – 2023. – No. 6. – P. 112–122. (In Russ.).

EVSTRATOV A.G. *Problemy relokacii – «novoj emigracii» rossiyan v Armeniyu posle nachala SVO na Ukraine* [Problems of Relocation – “New Emigration” of Russians to Armenia after the Start of the Special Military Operation in Ukraine]. IN: Novoe proshloe / The New Past. – 2024. – No. 2. – P. 228–240. (In Russ.). DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-228-240

EVSTRATOV A.G. *Relokaciya rossiyan v Armeniyu v svete speczoperacii RF na Ukraine* [Relocation of Russians to Armenia in light of the Russian special operation in Ukraine]. IN: Arxont. – 2022. – No. 3(30). – P. 85–90. (In Russ.).

Issledovatel'skij proekt «OUTRUSH» [Research Project «OUTRUSH»]. – URL: <https://outrush.io/> (In Russ.).

Issledovatel'skij proekt «Russian Field» [Research Project «Russian Field»]. – URL: <https://russianfield.com/> (In Russ.).

KATULSKIJ E.D., IVANOV A.A. *Chelovecheskij kapital v IT-industrii, ekonomicheskaya bezopasnost i texnologicheskij suverenitet* [Human Capital in the IT Industry, Economic Security, and Technological Sovereignty]. IN: Socialno-trudovye issledovaniya. – 2023. – No. 3. – P. 130–137. (In Russ.).

KLIMOV S.N., SETIN A.N. *K voprosu o protivorechiyax migracionnyx potokov v kontekste SVO* [On the Contradictions of Migration Flows in the Context of the Special Military Operation]. IN: Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov. – 2024. – No. 1. – P. 74–79. (In Russ.).

KOROLKOVA M.V. *Relokaciya ili emigraciya: osobennosti processa v 2022 g.* [Relocation or Emigration: Features of the Process in 2022]. IN: *Aktualnye nauchnye issledovaniya: sbornik statej XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2 ch. T.Ch. 2.* [Current Scientific Research: Collection of Articles from the 13th International Scientific and Practical Conference: in 2 parts. Part 2.] – Penza: MCzNS «Nauka i Prosveshhenie», 2023. – P. 195–197. (In Russ.).

LAKOMOVA A.A. *Socialnaya adaptaciya rossijskix emigrantov (relokantov) v zarubezhnyx stranax* [Social adaptation of Russian emigrants (relocants) in foreign countries]. IN: Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Socialnye nauki. – 2025. – No. 1 (77). – P. 133–142. (In Russ.). DOI 10.52452/18115942_2025_1_133.

LEBEDEVA O.N. *IT-relokanty: socialnyj portret i modeli povedeniya* [IT Relocators: Social Profile and Behavior Patterns]. IN: *Rossijskoe obshchestvo segodnya: cennosti, instituty, processy* [Electronic resource]: *materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii XVII Kovalevskie chteniya (16–18 noyabrya 2023 goda)* / *Otv. redaktery: N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov* [Russian Society Today: Values, Institutions, and Processes [Electronic resource]: Materials of the All-Russian Scientific Conference XVII Kovalevsky Readings (November 16–18, 2023) / edited by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov] – Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet. – Elektronnye dannye. – Sankt-Peterburg: Scientia, 2023. – P. 282–284. (In Russ.).

NOGMOV A.M., IVOCHKINA A.S. *Geopoliticheskie aspekty mezhetnicheskix otnoshenij v Kazaxstane na sovremennom etape* [Geopolitical Aspects of Interethnic Relations in Kazakhstan at the Present Stage]. IN: Vestnik ucheny'x-mezhdunarodnikov. – 2023. – No. 4. – P. 73–86. (In Russ.).

PUSTARNAKOVA A.A., SITNIKOVA A.M., TRIBUNSKAYA N.A. *Transformaciya obraza russkogo migranta v gruzinskix SMI pod vliyaniem socialno-politicheskix uslovij* [Transformation of the image of a Russian migrant in the Georgian media under the influence of socio-political conditions]. IN: Socialno-gumanitarnye znaniya. – 2023. – No. 6. – P. 32–36. (In Russ.).

RYAZANCEV S.V., RYAZANCEV N.S. *Migraciya «cifrovix kochevnikov»: globalnye trendy i pozicii stran* [Migration of Digital Nomads: Global Trends and Country Positions]. IN: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodny'e otnosheniya*. – 2024. – T. 68. – No. 2. – P. 116–126. (In Russ.).

SocioDigger. 2023. Mart–aprel. Tom 4. Vypusk 3–4 (25): Oni uexali. Novaya volna rossijskoj emigracii [SocioDigger. 2023. March–April. Volume 4. Issue 3–4(25): They left. The new wave of Russian emigration]. – URL: https://sociodigger.ru/fileadmin/user_upload/2023_03-04_oni_uexali/2023_03-04.pdf (accessed: 15.10.2025). (In Russ.).

XAPSAEVA D.V. *«Verxnij Lars» v setevyx media: mexanizm formirovaniya socialnoj solidarnosti i samoorganizacii* [“Upper Lars” in Online Media: A Mechanism for Building Social Solidarity and Self-Organization]. IN: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. – 2023. – No. 6. – P. 85–91. (In Russ.).

CHELPAANOVA D.D. *Socialno-demograficheskij portret i osobennosti rossijskix relokantov 2022–2024 godov (opyt pilotnogo sociologicheskogo oprosa)* [Socio-demographic Portrait and Features of Russian Relocants in 2022–2024 (Based on a Pilot Sociological Survey)]. IN: *Izvestiya Komiteta nauchnogo centra Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. Seriya «Istoricheskaya demografiya»*. – 2024. – No. 10 (76). – P. 71–78. (In Russ.).

CHERNYSHOVA L. *Migranty, turisty, relokanty ili okkupanty? Esse o rossiyanax v Tbilisi, polomannom gostepriimstve i prave na gorod* [Migrants, tourists, relocants, or occupiers? An essay about Russians in Tbilisi, broken hospitality, and the right to the city]. IN: *Laboratorium: zhurnal socialnyx issledovanij*. – 2023. – No. 3. – P. 46–71. (In Russ.).

MELKUMYAN Yu.G., MELKONYAN N.A. *The Integration of Russian Immigrants in Armenia: the Impact of Relocation on the Host Society*. IN: *Mir Rossii*. – 2025. – Vol. 34. – No. 1. – P. 130–143. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-1-130-143.

Сведения об авторе:

Д.Д. Челпанова – кандидат социологических наук.

Information about the author:

D.D. Chelpanova – candidate of sciences (sociology).

Статья поступила в редакцию 17.10.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 17.10.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Обзорная статья

УДК 94(430)+94(476)

DOI:10.31143/2542-212X-2025-4-531-540

EDN: YOVMAR

НАЦИСТСКАЯ ОККУПАЦИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИЯ БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

Елена Хасановна Апажева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, yelena.apazheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1286-4127>

Аннотация. В год 80-летия Великой победы мы вновь вспоминаем трагические события, связанные с геноцидом советского народа. Именно этого определения было достаточно нацистам, чтобы разными изощренными методами истреблять женщин, детей, стариков и военнопленных – людей многих национальностей нашей страны. Из 27 млн. погибших граждан СССР более половины приходится на гражданское население. План по истреблению наших соотечественников готовился нацистами еще до начала Второй мировой войны. Согласно «Директиве по экономической политике экономического штаба (план «голод»)», например, предполагалось истребление путем лишения продовольствия от 20 до 30 млн жителей Советского Союза. В документе сказано: «Мы обрекаем этих людей на голодную смерть не только потому, что они лишние рты, но и потому, что великороссы – как при царе, так и при большевиках – были и остаются врагами Германии и Европы». По данным Национального центра исторической памяти при президенте Российской Федерации нацистами и их союзниками на оккупированных территориях РСФСР было организовано 528 лагерей смерти, в которых в нечеловеческих условиях жили и умирали наши граждане. 80 лет назад, на Нюрнбергском военном трибунале прозвучали новые определения их злодеяний - преступление против человечности и геноцид.

В связи с этим, задача сохранения исторической памяти была и остается актуальной. Это связано с непрекращающимися попытками фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войны коллективным Западом, в замалчивании либо искажении правды о жертвах, понесенных советским народом, преуменьшении ими роли СССР в победе.

Многие годы информация об истребительной политике фашистов, преступлениях против человечности не была предметом широкого обсуждения и совсем недавно появилась в вузовской программе по истории России. Это тоже была государственная политика, когда наша страна пыталась выстраивать партнерские отношения с Западом. Именно по той же причине в советских учебниках по истории умалчивалась информация о том, что борьба с украинским фашизмом продолжалась до середины 50-х гг. XX в. Сегодня эта тема не просто актуальна, история геноцида стала ключевой точкой сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне. Сохранение памяти – это передача информации молодому поколению, студентам и школьникам. В этом состоит задача историков сегодня.

Ключевые слова: фашизм, оккупация, геноцид, убийства и истязания мирных жителей и военнопленных, уничтожение объектов национальной культуры.

Для цитирования: Апажева Е.Х. Нацистская оккупация Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны: история без срока давности // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 531-540. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-531-540. EDN: YOVMAR.

© Апажева Е.Х., 2025

Review article

THE NAZI OCCUPATION OF KABARDINO-BALKARIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: A HISTORY WITHOUT A STATUTE OF LIMITATIONS

Elena K. Apazheva

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, yelena.apazheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1286-4127>

Abstract. In the year of the 80th anniversary of the great victory, we once again remember the tragic events associated with the genocide of the Soviet people. This very definition was enough for the Nazis to use various sophisticated methods to exterminate women, children, old people and prisoners of war-people of different nationalities in our country. Of the 27 million Soviet citizens who died, more than

Half were civilians. The plan to exterminate our compatriots was prepared by the Nazis even before the start of World War II. According to the Directive on Economic Policy of the Economic Headquarters (the hunger plan), for example, it was envisaged that 20 to 30 million inhabitants of the Soviet Union would be exterminated by depriving them of food. The document states: «We are condemning these people to death by starvation not only because they are extra mouths to feed, but also because the Great Russians-both under the Tsar and under the Bolsheviks- were and remain enemies of Germany and Europe». According to the National Center for Historical Memory under the President of the Russian Federation, the Nazis and their allies organized 528 death camps in the occupied territories of the RSFSR, where our citizens lived and died in inhumane conditions.

80 years ago, at the Nuremberg Military Tribunal, a new definition of their atrocities was heard: crimes against humanity and genocide.

The task of preserving historical memory was and remains relevant. This is connected with the ongoing attempts to falsify the history of the Second World War, to conceal or distort the historical truth about the sacrifices made by the Soviet people, and to downplay the role of the USSR in the victory. For many years, information about the Nazis extermination policies and crimes against humanity was not the subject of widespread discussions and only recently appeared in the university curriculum on Russian history. This was also a state policy when our country tried to build relations with the West. It is for this same reason that Soviet history textbooks omitted information about the fact that the fight against Ukrainian fascism continued until the mid- 1950s. Today, this topic is not only relevant; the history of genocide has become a key point in preserving the historical memory of the Great Patriotic War. Preserving memory means transmitting information to the younger generation, students, and schoolchildren. This is the task of historians today.

Keywords: fascism, occupation, genocide, murder and torture of civilians and prisoners of war, destruction of national cultural heritage.

For citation: Apazheva E.Kh. The Nazi occupation of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War: A History Without a Statute of Limitations. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 531-540. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-531-540. EDN: YOVMAR.

© Apazheva E.Kh., 2025

История Великой Отечественной войны была и остается величайшей трагедией XX в. Особенно это коснулось оккупированных в период войны

территорий. Массовые убийства мирных граждан, женщин, детей, стариков-были обычными запланированными действиями фашистов.

Кабардино-Балкария находилась под фашистской оккупацией с 12 августа 1942 по 11 января 1943 г. До оккупации республика вносила большой вклад в помощь фронту, обеспечивая его людскими и промышленными ресурсами. В период оккупации народы Кабардино-Балкарии с мужеством приняли свою судьбу, оказавшись в огромной группе ни в чем не повинных людей, попавших в жернова фашистской карательной машины. Последствия этих событий, имена убийц и предателей мы исследуем до сих пор.

Злодеяния на территории Кабардино-Балкарии совершались членами 605-й, 625-й, 820-й, 216-й немецких дивизий, 54-й и 2-й румынских альпийских горно-стрелковых дивизий под руководством офицеров Бризьяна и Мовила; офицерами и солдатами строительного батальона (панцирной дивизии) под руководством обер-лейтенанта Шнейдера; офицерами и солдатами авиационной части под руководством Коха-начальника строительства аэродрома; комендантом города Нальчик майором Маннэ; начальником «СД-10» майором Шифманом; начальником жандармерии обер-лейтенантом Шепсом; заместителями шефа гестапо по городу Нальчик обер-лейтенантами Герингом и Буком; начальником отделения гестапо города Прохладного Шульцом и другими [Без срока давности 2020: 123].

Данные сведения подтверждаются архивными материалами уголовного дела НКГБ КБАССР № 6675 и актами о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в г. Нальчик и в районах КБАССР.

Истребительная политика проводилась по отношению к военнопленным. В районе с. Прималка действовал лагерь для военнопленных, с территорией в 0,3 га, на которой находилось около 10 000 красноармейцев. В этом лагере от пыток, голода, холода, расстрелов погибли тысячи военнопленных. По свидетельствам очевидцев, трупы замученных военнопленных длительное время находились с живыми, что приводило к заражению последних различными болезнями. Издевательства над военнопленными в лагере с. Прималка установлены по трупам военнопленных, рассказам оставшихся в живых и по опросам местных жителей. Они рассказали, что гестаповцы впрягали в тачки военнопленных, по 5 дней не давали им пищи. За общение через ограду из колючей проволоки, с кем-то из местных жителей, военнопленных избивали прикладами ружей, плетью и палками. Лагерь существовал под открытым небом более четырех месяцев, с 1 сентября 1942 г. по 4 января 1943 г. После освобождения территории там было обнаружено 1976 трупов, из которых 150 расстрелянных при отступлении фашистами, 286 умерших и не зарытых. Такая же обстановка была в лагерях для военнопленных и в других районах республики. В г. Прохладном, на территории мельницы, в лагере для военнопленных, содержалось 2000 человек. Подобные лагеря были в Нальчике, Муртазово и станице Солдатской, где военнопленных подвергали издевательствам: им выкалывали глаза, морили голодом, запрягали в упряжки для перевозки тяжестей, избивали палками и колючим терновником. В с. Старый Черек оккупанты учинили зверскую расправу над 29 советскими военнопленными [Опрышко 2025: 122].

«Лагерь 181» – так называлась статья майора Трояновского, опубликованная в газете «Красная Звезда» от 11 февраля 1943. В ней говорилось:

«В сентябре прошлого года в городе Прохладный немцы организовали лагерь для военнопленных. Ему присвоен номер 181. Два сарая бывшего кирпичного завода обнесли высокой изгородью, опутали ее колючей проволокой, окопали глубоким рвом, а на столбах прибили дощечки для своих солдат: «Не дотрагиваться, смертельно». Здесь томилось 540 советских военнопленных. Граждане Прохладного не имели права проходить мимо лагеря. На работы пленных выводили рано утром, а возвращались они затемно, когда город опять погружался в сон. В декабре лагерь был переведен в Минеральные воды. Ночью пленных прогнали по улицам Прохладного, и никто из жителей не догадался бы о его перемещении, если бы на ул. Владикавказской один из пленных не бросил стеклянный пузырек. Ребятишки нашли его и прочли: «Я не могу назвать своего имени. Я пленный и нахожусь в лагере 181. Сначала нас было 540, сейчас осталось 410 человек. Коммунисты Иван Терентьев, Степан Широков, Владимир Какнадзе, Арон Минштейн и еще 18 человек расстреляны 26 сентября у рва за кирпичным заводом. Больные Лилоян и Степанян из Эривани, Козлов из Камышина и Кажаметов из Алма-Аты утоплены в Тереке 8 ноября. 42 красноармейца-азербайджанца запороты до смерти у моста через Терек у станицы Майская. Они не понимали немцев, и немцы били их прикладами и штыками. 10 бойцов умерли от голода. Мы здесь не живем, а постоянно умираем. Сейчас нас гонят неизвестно куда, скорее всего на смерть» [Трояновский 1943].

В Минеральные воды прибыли уже 360 человек из лагеря 181.

Согласно акту о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов и их пособников от 15 июля 1943 г. № 225, после оккупации с. Верхний Акбаш начались зверства фашистов над мирными жителями. Главный штаб гестапо был обоснован неподалеку от с. Верхний Акбаш в села. Тамбовское. Его возглавлял Гунн, по приказу которого жителям сел. Верхний Акбаш резали щеки и тело ножом, наносили побои прикладами винтовок, выкалывали глаза, раздевали их, а потом расстреливали и бросали в яму [Акт 225].

Для того, чтобы разминировать поле возле Нальчика, фашисты согнали жителей сел Шалушка и Чегем вместе со скотом, и заставляли ходить по этому полю. Десятки взрослых и детей погибли.

Мотивация этих издевательств самая разная: в одних случаях ради развлечения, когда проезжающих граждан заставляли сворачивать на заминированную дорогу, в других случаях целенаправленный поиск семей коммунистов и партизан, которых травили газом в специальных машинах. Все тюрьмы республики были забиты арестованными, в камерах находились мужчины и женщины одновременно. Постоянные пытки и издевательства на допросах. По свидетельству выживших нальчан, вызванных на допросы, начинали избивать уже в коридоре прикладами и сапогами.

Фашисты ожесточенно бомбили территорию республики, что не было вызвано никакими военными соображениями, т.к. здесь не располагались воинские части, а страдали мирные жители.

Показательно отношение оккупантов к исламу и его носителям. Если до оккупации они преподносили себя как поборники этой религии, а Гитлера – имамом мира, то во время оккупации издевались над мусульманским духовенством,

разрушали мечети, превращали их в конюшню (с. Малка) или гараж немецкой автоколонны (с. Старый Черек).

Указанные факты и обстоятельства подтверждаются также рассекреченными материалами уголовного дела НКГБ КБАССР № 6675, согласно которым в список лиц, служивших в Зондеркоманде «СД» на оккупированной территории Кабардино-Балкарии в 1942 г. и совершавших преступления против мирных граждан республики, входил 51 человек. Их имена установлены следствием.

В республике особенно свирепствовали каратели из горнострелкового батальона «Бергман» (Горец), которым командовал Т. Оберлендер. В своих записках «Германия и Кавказ», «Опыт обращения с иностранными народами» он писал: «Залог успеха лежит в безжалостном истреблении партизан». Каратели этого батальона в 1942 г. расстреливали партизан и уничтожали их семьи. Были обнаружены трупы детей, которым мазали губы и нос отравляющей жидкостью и выбрасывали в ров еще живыми [Зверства 1945: 43].

Из сообщения Чрезвычайной государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков:

«Пребывание батальона «Бергман» на Северном Кавказе в период сентября 1942-января 1943г г. ознаменовалось бесчинствами, грабежами и насилием над населением. Особенно зверствовал в районе города Нальчик командир одного из подразделений батальона «Бергман» отъявленный бандит Бештоков. Руководствуясь указаниями Т. Оберлендера, соучастники Бештокова расстреливали и грабили население, сжигали дома, а награбленное имущество отправляли в Германию». По показаниям свидетелей, в Пятигорске, Георгиевске, Прохладном размещались лагеря советских военнопленных. Т. Оберлендер имел прямое отношение к этим лагерям. Военнопленных содержали в этих лагерях в ужасных условиях, их кормили раз в сутки горсточкой подсолнуха. Люди пухли и умирали от голода. В конце 1942 г., когда немцы были вынуждены отступать с территории Северного Кавказа, Т. Оберлендер распорядился угонять население и военнопленных, а тех, кто будет сопротивляться, расстреливать на месте без суда. Многие военнопленные и местные жители были в ужасном состоянии, не могли двигаться. Их расстреливали. Все дороги по пути отступления были усеяны трупами. Непосредственное участие в расстрелах принимали карательные отряды «Бергман». Бештоков и другие хвастались, что во время отступлений в Нальчике они взрывали и сжигали школы и больницы. Город весь горел» [Кровавые злодеяния 1960: 48].

Из показаний свидетеля:

«Мне стало известно, что Оберлендер и его люди совместно с другими гитлеровцами зверски уничтожили так называемым методом «крещения»¹ несколько сот человек советских граждан в Нальчике» [Кровавые злодеяния 1960: 49].

После занятия г. Нальчика оккупантами в лице фельдмаршала фон Клейста, проводилось массовое истребление мирных граждан. По указанию гитлеровских властей все население города должно было являться на регистрацию. На пунктах регистрации гестаповцы составляли списки лиц, подлежащих аресту, а затем и расстрелу. С первого дня оккупации были произведены массовые аресты мужчин, женщин, стариков и детей. Местом расстрела нальчан, и их захоронения,

¹ Казнь через распятие.

был избран противотанковый ров, в 3 км от города, за аэропортом. Позже там будут обнаружены тела более 600 человек со следами пыток: ожогов, выдернутых волос, выбитых глаз, разбитых черепов. Смертельно раненных оставляли мучительно умирать или добивали прикладами винтовок [Опрышко 2025: 59].

Среди убитых были обнаружены целые семьи: Хуламханов Г.Б. и десять человек его семьи; одиннадцать человек из семьи Ифраимова, в том числе шесть мальчиков в возрасте от 2 до 12 лет. Обнаружена семья артиста городского театра Посадова – Тишкова, включая его 9-летнего сына. Из актов от 9 января 1943 г. № 39, от 6 июля 1943 г. и заявлений родственников убитых следует, что в противотанковый ров за г. Нальчик были обнаружены тела расстрелянных 37 жителей Эльбрусского района, которые после оккупации Эльбрусского района нацистами были арестованы гестапо по спискам, составленным немецкими приспешниками. Их сначала содержали в подвале в села Гунделен, а утром 9 декабря 1942 г. в закрытых машинах отправили в Нальчик. Тела расстрелянных имели следы пыток: страшно изуродованными оказались тела колхозников из селения Гунделен С.Х. Эннеева, которому разбили череп и отрезали нос; И.Х. Малкандуева, которому снесли верхнюю часть лица, причинили побои по всему телу и срезали на спине кожу; А.Х. Хазнаева, которому череп пробили штыком, выбили челюсть и правый глаз; Ш.О. Эльжерукаева со следами избиения и проколами штыком [Акт 218 1943].

Известны случаи использования жителей Кабардино-Балкарии для различных опытов. О зверствах фашистов в городах нашей республики был снят документальный фильм, который демонстрировали на заседании Международного военного трибунала на Нюрнбергском процессе 25 февраля 1946 г., как доказательство их злодеяний на Кавказе [Док. фильм].

После оккупации территории Зольского района фашисты взяли на учет всех граждан еврейской национальности, независимо от возраста, и указали носить шестиконечную звезду на груди. 13 декабря 1942 г. всех евреев из близлежащих сел погнали к силосной яме. Всем взрослым вручили лопаты и приказали расширять яму. К месту расправы согнали всего 48 человек, из них 17 детей, в возрасте от 3-х до 8 лет. Угрожая оружием, всех загнали в эту яму и закидали гранатами. Оставшихся в живых расстреливали из автоматов и винтовок [Акт 220].

Формы и методы массового истребления советских граждан были примерно одинаковы на всех оккупированных территориях. Наряду с другими широко использовались машины газваген, так называемые «душегубки», в которых людей травили выхлопным газом. Она была придумана для более эффективного и более скрытого процесса истребления людей. Фашисты преподносили ее использование как «гуманный способ» эвтаназии: якобы люди при этом спокойно засыпают, не испытывая ужаса смерти. Это утверждение противоречит показаниям свидетелей, которых заставляли чистить такие машины. Найденные во время уборки скальпы, выбитые зубы, разодранная одежда, отходы жизнедеятельности говорят об обратном [Тарасенкова 2022]. В пятиметровую машину загоняли от 50 до 80 человек, включали газ и хладнокровно ждали, когда затихнут крики ужаса обреченных на смерть.

Именно в такой душегубке планировалось уничтожить мою семью по материнской линии – прабабушку, троих ее невесток и девять внуков, младшей из которых не было месяца. Семья попала в списки коммунистов и партизан. Мой дед воевал на фронте политруком в составе 37-й Армии, два его брата партизанили в лесу Кенже. О грозящей расправе предупредила мать местного старосты Унажокова, и четыре женщины и девять детей ночью тайком пробирались через все село в лес к партизанам. Всю дорогу громко плакала младшая девочка, которую никак не могли успокоить. Когда дошли до реки, прабабушка приказала невестке оставить ребенка на валуне, чтобы спасти остальных детей. Пришлось оставить. Но через какое-то время за ней вернулась моя бабушка, так была спасена мамина двоюродная сестра. Они дошли до партизан и остались живы. Эта история могла закончиться трагично при других обстоятельствах. На всех оккупированных территориях эти машины – убийцы уничтожили сотни тысяч детей, женщин и стариков.

Принимая участие в межведомственной комиссии по сбору доказательной базы геноцида нацистами жителей Кабардино-Балкарии и военнопленных, а затем участвуя в судебном процессе «Без срока давности» и выступая на стороне обвинения в Верховном суде Кабардино-Балкарской Республики в ноябре 2024 г., автор статьи изложил и историю своей семьи. Это был один из 34 процессов по стране о признании преступлений фашистов геноцидом. Международное признание факта геноцида – это наш долг перед памятью миллионов погибших сограждан и сохранения исторической памяти.

Немецко-фашистские войска, осуществляя свои планы по уничтожению горских народов, разрушали и их экономику. Предприятия, учреждения городов, поселений, общественное хозяйство колхозов и совхозов были превращены в развалины. Стремясь ликвидировать национальную культуру, фашистские варвары разрушали лучшие здания культуры и искусства Кабардино-Балкарии. Республиканская библиотека им. Н.К. Крупской, насчитывавшая более 70 тыс. томов была сожжена вместе с книгами. Всего в период оккупации было уничтожено 10 городских и 16 районных библиотек с книжным фондом около 400000 книг, многие из которых были на кабардинском и балкарском языках [Хакуашев 1978: 63].

Лучшие исторические ценности культуры и искусства, в том числе экспонаты Кабардино-Балкарского музея, оборудование кабинетов педагогического института, оборудование школ, редкие книги, картины были увезены в Германию. Лучшие картины из музея забрал начальник инженерно-технического батальона Гаупман. Из 277 школ остались только 11, остальные были полностью разрушены или пострадали от взрывов, производимых немецкими войсками. Злодеяния немецко-румынских фашистов на территории Кабардино-Балкарии подтверждаются показаниями советских граждан, проживавших на территории республики во время оккупации, актами советских, хозяйственных, кооперативных и других организаций, рабочих, служащих, колхозников и фотодокументами.

Таким образом, произведенные немецкими оккупационными войсками и их пособниками на территории Кабардино-Балкарии массовые убийства советских граждан из числа мирного населения и советских военнопленных путем пыток,

казней, расстрелов из огнестрельного оружия, причинения несовместимых с жизнью телесных повреждений холодным оружием и иными способами, уничтожение культурных ценностей, учреждений образования и здравоохранения, разграбление государственных, общественных учреждений и организаций, коллективных хозяйств, а также имущества, принадлежащего гражданам, являлись частью преднамеренного, заранее подготовленного политическим и военным руководством нацистской Германии единого плана истребления национальных и этнических групп, составляющих единый советский народ, в целях уничтожения государственности Советского Союза и захвата новых территорий для их последующей колонизации и эксплуатации в соответствии с концепцией расширения «жизненного пространства» германской нации.

Указанные действия нацистских оккупационных властей и их пособников привели к гибели большого количества мирного населения КБАССР, в том числе женщин, стариков, детей, а также военнопленных, которые по условиям их содержания изначально были обречены на смерть. За это время были убиты и замучены 4 241 советских граждан, из них 2188 мирных жителей (469 мужчин, 344 женщин, 271 ребенок, 1084 не опознано) и 2053 – военнопленные [Кабардино-Балкария 1975: 23]. При этом, поставленные немецким командованием цели и способы их реализации являются бесчеловечными, неоправданными, направленными против всего населения Кабардино-Балкарии, которое состояло из представителей разных национальностей, как части населения СССР.

Насколько важна задача сохранения исторической памяти о злодеяниях нацистов на оккупированных территориях, говорит принятый Федеральный закон от 21.04.2025 г. № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.». В этом документе закрепляется понятие «геноцид», определяются формы увековечения памяти погибших, обозначаются важные аспекты сохранения и реставрации памятников и других мемориальных сооружений, поисковая работа и захоронения останков жертв геноцида советского народа [№ 74-ФЗ].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акт 218 – Акт Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов и их сообщников. г. Нальчик. 15 февраля 1943 г. // Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг.: Сб. док. и материалов. – Нальчик: Эльбрус, 1975. – С. 225-227.

Акт 220 – Акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков от 15 февраля 1943 г. № 220 // Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Северный Кавказ: Кабардино-Балкарская Республика. Карачаево-Черкесская Республика. Республика Адыгея: Сб. док. – М.: Фонд «Связь Эпох»; Изд-во «Кучково поле», 2020. – С. 68–70.

Акт 225 – Акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков от 15 июля 1943 г. № 225 // Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг.: Сб. док. и материалов. – Нальчик: Эльбрус, 1975. – С. 234-236.

Без срока давности 2020 – Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Северный Кавказ: Кабардино-Балкарская Республика. Карачаево-

Черкесская Республика. Республика Адыгея: Сб. док. – М.: Фонд «Связь Эпох»; Изд-во «Кучково поле», 2020. – 469 с.

Давыдов 1961 – *Давыдов И.П.* Партийная организация Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1961. – 170 с.

Док. фильм – Документальный фильм о геноциде нацистами советских граждан в Кабардино-Балкарии в период фашистской оккупации. <https://histrf.ru/teacher/vseobshaya-istoriya/1941-god> (дата обращения: 01.11. 2025г.).

Зверства немецких 1945 – Зверства немецких оккупантов в Кабарде / отв. ред. К.Х. Цавкилов. – Нальчик: Госиздат КБАССР, 1945. – 89 с.

Кабардино-Балкария 1975 – Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг.: Сб. док. и материалов. – Нальчик: Эльбрус, 1975. – 798 с.

Кровавые злодеяния 1960 – Кровавые злодеяния Оберлендера. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1960. – 54 с.

Лики войны 1996 – Лики войны: Сб. док. по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) / Сост. Р.М. Ашхотова и др. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 538 с.

Нюрнбергский процесс 1987 – Нюрнбергский процесс: сборник материалов в 8 т. Т. 1. – М.: Юрид. лит., 1987. – 688 с.

Опрышко 2025 – *Опрышко О.Л.* Территория мужества. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых. 2025. – 523 с.

Тарасенкова 2022 – *Тарасенкова Т.И.* Смоленск: жизнь в оккупации (1941-1943 гг.) // Наука. Общество. Оборона. – 2022. – Т. 10. – № 2 (31). – С. 9.

Трояновский 1943 – *Трояновский Н.* «Лагерь 181» //Красная Звезда. – 1943. – 11 февраля. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://share.google/ZR160aGWIFHJX0x4K> (дата обращения: 12.11.2025).

Федеральный закон 2025 – Федеральный закон от 21.04.2025 г. №74-ФЗ. «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов». Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51851> (дата обращения: 15.01.2025 г.).

Хакуашев 1978 – *Хакуашев Е.Т.* Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). – Нальчик: Эльбрус. 1978. – 318 с.

REFERENCES

Akt Chrezvychainoi gosudarstvennoi komissii po ustanovleniyu i rassledovaniyu zlodeyanii nemetsko-fashistskikh okkupantov i ikh soobshchnikov. g. Nal'chik. 15 fevralya 1943 g. [Act of the Extraordinary State Commission for the Establishment and Investigation of the Atrocities Committed by the German Fascist Occupiers and Their Accomplices. Nalchik. February 15, 1943]. In: Kabardino-Balkariya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1941-1945 gg.: Sb. dok. i materialov. – Nal'chik: El'brus, 1975. – P. 225-227. (In Russ.).

Akt o zlodeyaniyakh nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov ot 15 fevralya 1943 g. № 220 [Act on the Atrocities Committed by the German Fascist Invaders dated February 15, 1943, No. 220]. In: Bez sroka давности: prestupleniya natsistov i ikh posobnikov protiv mirnogo naseleniya na okkupirovannoi territorii RSFSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Severnyi Kavkaz: Kabardino-Balkarskaya Respublika. Karachaevo-Cherkesskaya Respublika. Respublika Adygeya: Sb. dok. – М.: Фонд «Svyaz' Epokh»; Izd-vo «Kuchkovo pole», 2020. – P. 68–70. (In Russ.).

Akt o zlodeyaniyakh nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov ot 15 iyulya 1943 g. № 225 [Act on the Atrocities Committed by the German Fascist Invaders dated July 15, 1943, No. 225]. In: Kabardino-Balkariya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1941-1945 gg.: Sb. dok. i materialov. – Nal'chik: El'brus, 1975. – P. 234-236. (In Russ.).

Bez sroka давности: prestupleniya natsistov i ikh posobnikov protiv mirnogo naseleniya na okkupirovannoi territorii RSFSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Severnyi Kavkaz: Kabardino-Balkarskaya Respublika. Karachaevo-Cherkesskaya Respublika. Respublika Adygeya [No statute of

limitations: crimes committed by the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. North Caucasus: Kabardino-Balkarian Republic. Karachay-Cherkess Republic. Adygea Republic]: Sb. dok. – M.: Fond «Svyaz' Epokh»; Izd-vo «Kuchkovo pole», 2020. – 469 p. (In Russ.).

DAVYVOV I.P. *Partiinaya organizatsiya Kabardino-Balkarii v period Velikoi Otechestvennoi voyny 1941-1945 gg.* [Party organization of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War of 1941-1945]. – Nal'chik: Kabard.-Balkar. kn. izd-vo, 1961. – 170 p. (In Russ.).

Dokumental'nyi fil'm o genotside natsistami sovetskikh grazhdan v Kabardino-Balkarii v period fashistskoi okkupatsii. [Documentary film about the Nazi genocide of Soviet citizens in Kabardino-Balkaria during the fascist occupation]. In: <https://histrf.ru/teacher/vseobshaya-istoriya/1941-god> (data obrashcheniya: 01.11. 2025g). (In Russ.).

Zverstva nemetskikh okkupantov v Kabarde [Atrocities of the German occupiers in Kabarda] / otv. red. K.KH. Tsavkilov. – Nal'chik: Gos-izdat KBASSR, 1945. – 89 p. (In Russ.).

Kabardino-Balkariya v gody Velikoi Otechestvennoi voyny. 1941-1945 gg. [Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War. 1941-1945]: Sb. dok. i materialov. – Nal'chik: El'brus, 1975. – 798 p. (In Russ.).

Krovavye zlodeyaniya Oberlendera [Bloody atrocities of Oberlander]. – M.: Izd-vo lit. na inostr. yaz., 1960. – 54 p. (In Russ.).

Liki voyny: Sb. dok. po istorii Kabardino-Balkarii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941-1945 gg.) [Faces of War: Collection of documents. on the history of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War (1941-1945)] / Sost. R.M. Ashkhotova i dr. – Nal'chik: El'brus, 1996. – 538 p. (In Russ.).

Nyurnbergskii protsess [Nuremberg Trials]: sbornik materialov v 8 t. T. 1. – M.: Yurid. lit, 1987. – 688 p. (In Russ.).

OPRYSHKO O.L. *Territoriya muzhestva* [Territory of Courage]. – Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh. 2025. – 523 p. (In Russ.).

TARASENKOVA T.I. *Smolensk: zhizn' v okkupatsii (1941-1943 gg.)* [Smolensk: Life under Occupation (1941-1943)]. In: Nauka. Obshchestvo. Oborona. – 2022. – T. 10. – № 2 (31). – P. 9. (In Russ.).

TROYANOVSKII N. «Lager' 181» ["Camp 181"]. In: Krasnaya Zvezda. – 1943. – 11 fevralya. Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: <https://share.google/ZR160aGWIFHJX0x4K> (data obrashcheniya: 12.11.2025). (In Russ.).

Federal'nyi zakon ot 21.04.2025 g. №74-FZ. «Ob uvekovechenii pamyati zhertv geno-tsida sovetского народа v period Velikoi Otechestvennoi voyny 1941-1945 godov» [Federal Law No. 74-FZ dated April 21, 2025. "On the Commemoration of the Victims of the Genocide of the Soviet People during the Great Patriotic War of 1941-1945"]. In: Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51851> (data obrashcheniya: 15.01.2025 g.). (In Russ.).

KHAKUASHEV E.T. *Kabardino-Balkarskaya ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941-1945)* [Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War (1941-1945)]. – Nal'chik: El'brus. 1978. – 318 p. (In Russ.).

Сведения об авторе

Е.Х. Апажева – доктор исторических наук, доцент.

Information about the author

E.K. Apazheva – Doctor of Sciences (History), docent.

Статья поступила в редакцию 10.09.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 10.09.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Рецензия на книгу
УДК 94(47)
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-541-547
EDN: YVLQXO

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
«ГУСЕЙНОВ Ю.М. АДАТ И ШАРИАТ В БЫТУ У КУМЫКОВ
В XIX-XXI ВВ. – МАХАЧКАЛА: ДАГЕСТАНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА, 2023. – 400 с.»**

Юрий Дмитриевич Анчабадзе^{1,2}

¹ Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия, anchabadze@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7721-841X>

² Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии, Сухум, Республика Абхазия

Аннотация. Рецензируемая монография посвящена изучению динамики и эволюции соционормативных систем адата и шариата в семейном и общественном быту кумыков. Пять глав монографии коррелируют с основными этапами исторического развития кумыкского народа последних более чем двух столетий: доимперским, имперским, советским и современным. Автор обращается к генезису обеих систем, ставших основным источником права в традиционном быту кумыков, но подвергшихся манипулятивному воздействию со стороны государства и его законодательной власти. Рецензент не согласен с точкой зрения автора о бесконфликтном взаимодействии адатных и шариатских норм. Дается высокая оценка монографии, значительно расширяющей наши знания по изучаемой проблеме.

Ключевые слова: адат, шариат, кумыки, соционормативная культура, семейный быт, общественный быт.

Для цитирования: Анчабадзе Ю.Д. Рецензия на монографию «Гусейнов Ю.М. Адат и шариат в быту у кумыков в XIX-XXI вв. – Махачкала: Дагестанский государственный университет народного хозяйства, 2023. – 400 с.» // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 541-547. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-541-547. EDN: YVLQXO.

© Анчабадзе Ю.Д., 2025

Book review

**REVIEW OF THE MONOGRAPH "GUSEINOV YU.M. ADAT
AND SHARIA IN THE EVERYDAY LIFE OF THE KUMYKS
IN THE 19TH-21ST CENTURIES. – MAKHACHKALA: DAGESTAN
STATE UNIVERSITY OF NATIONAL ECONOMY, 2023. – 400 P."**

Yuri D. Anchabadze^{1,2}

¹ N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, anchabadze@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7721-841X>

² D.I. Gulia Abkhazian Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhum, Republic of Abkhazia

Abstract: The monograph under review is devoted to the study of the dynamics and evolution of the socio-normative systems of adat and sharia in the family and social life of the Kumyks. The monograph's five chapters correlate with the main stages of the Kumyk people's historical development over the past two centuries: pre-imperial, imperial, Soviet, and modern. The author examines the genesis of both systems, which became the primary source of law in traditional Kumyk life but were subject to manipulation by the state and its legislative branch. The reviewer disagrees with the author's view that adat and sharia norms interact without conflict. The monograph is highly praised for significantly expanding our knowledge on the topic under study.

Keywords: adat, sharia, Kumyks, socionormative culture, family life, social life.

For citation: Anchabadze Y.D. Review of the monograph "Guseinov Yu.M. Adat and Sharia in the Everyday Life of the Kumyks in the 19th-21st Centuries. – Makhachkala: Dagestan State University of National Economy, 2023. – 400 p.". IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 541-547. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-541-547. EDN: YVLQXO.

© Anchabadze Y.D., 2025

Монография Ю.М. Гусейнова по своим эвристическим задачам, методологическим подходам и концептуальному контексту находится в рамках широкого исследовательского направления, зародившегося в отечественной гуманитарной науке, в частности в истории и в этнологии, примерно с конца 1980-х гг. И это не пресловутый «антропологический поворот», хотя, безусловно, наша наука не осталась в стороне и откликнулась на этот тренд, появлением и институализацией таких субдисциплин, как история повседневности, гендерные исследования, case studies и др. Нашей науке в этот период довелось пережить гораздо более глубокую перестройку за счет смещения монистического взгляда на движущие силы исторического процесса, утвердив понимание того, что наряду с материально-экономическими факторами, не меньшее, в порой и большее значение имеют духовные, идеологические, мировоззренческие детерминанты социальной динамики.

Отсюда возникший интерес к изучению феномена массового сознания, групповой и индивидуальной идентичности, их соотношения в самых разных ипостасях – религиозной, этнической, правовой, национальной, локальной, территориальной, корпоративной, а также к исследованию других форм массового и личностного самоопределения и их роли в хронологическом и событийном пространстве исторического процесса. В этом аспекте важное значение приобретает изучение универсалистских нормативных систем, которые самым непосредственным образом регулировали и регулируют многие стороны частной и общественной жизни социума, в частности правовой и религиозной.

Адат и шариат – две нормативные системы, которые в силу исторических условий были актуализированы у широкого круга стран и народов. К этому кругу относится подавляющее большинство народов Кавказа, в частности народ, историко-этнографические материалы которого легли в основу исследования. Кумыки – один из коренных этносов Дагестана. Тюрки по языку, они являются носителями автохтонных черт кавказской культуры, что порождало неизменный исследовательский интерес к специфике и этапам этногенеза и этнической истории народа. В историческом сознании кумыков сохраняется память об эпохе их политического доминирования в регионе, впоследствии нивелированном

имперской администрацией, а затем советской властью. Кумыкские интеллектуалы внесли значительный вклад в исламскую теологию, развивая фикх, калам, тафсир, хотя устои народной жизни во многом базировались на нормах обычного права. Кумыкские деятели были активными участниками политических и культурных движений на Кавказе начала XX столетия, равно как и его конца, связанного с кардинальными изменениями на постсоветском пространстве, одним из векторов которых был представлен национальным движением «Тенглик», исламским возрождением и регенерацией традиционных ценностей. Следует отметить, что краткий, но весьма информативный исторический очерк представлен автором в I главе работы.

В целом же исследование состоит из пяти глав, которые довольно сложно структурированы: материал расположен в хронологической последовательности, при этом очевидным образом в нем выделено четыре блока, соотносимые важнейшими этапами истории кумыков – доимперским, имперским, советским и современным. Внутри глав авторский нарратив и исследовательский анализ сфокусирован на процессах эволюции шариата и адата последовательно в рамках семейного и общественного быта, т.е. тех сфер жизнедеятельности социума, в которых в наиболее выраженной форме наблюдается функциональность названных нормативных систем.

Успеху исследования во многом способствовала фундированная источниковая база: сведения, собранные во время полевых этнографических экспедиций, документальные материалы, как опубликованные, так и выявленные в архивохранилищах страны, а также у частных архивовладельцев, материалы периодической печати, фольклорные тексты, а также такой своеобразный, виртуозно использованный автором источник, как топонимика. Обширный историографический тезаурус работы позволил Ю.М. Гусейнову, с одной стороны, утверждать о целенаправленном исследовательском внимании к рассматриваемым вопросам, а с другой выявить лакунарные бреши в наших знаниях, которые и стали объектом изучения в представленном труде.

Рассматривая две нормативные системы, автор обращается к их генезису. Время их формирования значительно разведено по времени. Вполне понятно, что появление шариата синхронизируется с периодом проникновения ислама. Новую идеологию с боями привнесли арабские воины, появившиеся в Южном Дагестане уже в VII в., но в более северных регионах, в частности, у кумыков, ислам укоренился позднее – Ю.М. Гусейнов относит завершение этого процесса к XII-XIII вв., а исламизацию северных кумыков даже к XIV в. [Гусейнов 2023: 52].

Придя и укореняясь в Дагестане, ислам и его правовая система – шариат встретили здесь не некое пространство разрозненных культурно-языковых анклавов эфемерных потестарных образований с рыхлыми социальными связями. В реальности исламу пришлось приложить немало усилий для обеспечения своего доминирования в религиозно-идеологической сфере и еще больше для институализации своей правовой системы, ибо шариат столкнулся здесь с мощной, глубоко укорененной обычноеправовой системой адата. Автор дал четкую и адекватную характеристику роли обычного права, указав, что на протяжении веков

оно обеспечивало преемственность и стабильность развития местных социальных и локальных сообществ [Гусейнов 2023: 51].

Именно с этого исторического периода начинается взаимодействие адата и шариата, анализ которого является главной исследовательской целью монографии. При этом исследовательское внимание привлечено, как было сказано, к двум сферам бытовой культуры – семейному и общественному быту, в рамках которых эти взаимодействия проявлены наиболее ярко. Ю.М. Гусейнов последовательно анализирует каждый структурный элемент культурной сферы, прослеживая формы и результаты, с одной стороны, эволюции, а с другой – корреляции адатных и шариатских норм, формирующих поведенческие паттерны и идеологические стереотипы в конкретный хронологический период. В сфере семейного быта рассматривается такой важнейший его компонент, как свадьба. В традиционном быту она являлась важнейшей общественной акцией, манифестирующей о создании в рамках общины нового субъекта социальных связей, поэтому при ее проведении община всегда внимательно следила за соблюдением нормативных установок, неукоснительное следование которым являлось основным условием для легитимации нового союза. Исходя из этого, совершенно правильно поступил автор, анализируя все этапы обрядового цикла, в котором многочисленные предсвадебные обряды имели не менее важное значение, чем само разветвленное свадебное торжество. Далее автор анализирует собственно семейные отношения, которые при всей замкнутости также находились под жесткой регламентацией адатно-шариатских норм. В поле авторского анализа также другие сферы народного быта, которые в этнографической литературе рассматриваются, как компоненты семейного быта – это родильная и детская обрядность и похоронно-поминальная обрядность.

Такой же детализированный исследовательский анализ обращен и к другой сфере бытовой культуры – общественному быту. Ю.М. Гусейнов исследует действие адатно-шариатских норм в системе общинного самоуправления и судопроизводства, в функционировании традиционных социальных институтов – кровной мести, гостеприимства, куначества, взаимопомощи, в сословных взаимоотношениях, поземельном вопросе.

В целом, реконструируя многовековой процесс эволюции соционормативной культуры, автор формулирует основной вывод, заключающийся в том, что «в ходе развития у кумыков политико-правовых отношений сформировались два источника права (адат и шариат), которые, переплетаясь, взаимно дополняли друг друга» [Гусейнов 2023: 58]. Впрочем, в этом контексте важны не только общие рассуждения, но и описание конкретных кейсов, которые Ю.М. Гусейнов почерпнул из архивных материалов, литературы, полевой информации. Это очень наглядно показывает, как решилось дело и какая нормативная система – адат или шариат в данном случае оказалась авторитетнее, став источником принятия решения. Порой это дает даже большую перспективу для понимания реальных процессов, чем общие и умозрительные схемы.

Важный теоретический аспект, над которым также размышляет автор, это анализ механизма дифференциации и корреляции правовых практик и формирования системы полиюридизма. В значительной степени автор склонен находить

объяснения этому механизму в ментальных основаниях традиционного кумыкского общества, т.е. принимались и адаптировались те нормы шариата, которые не казались антагонистичными привычному жизненному укладу, не вносили кардинальных изменений в укорененный миропорядок. Так, многие нормы шариата имели своим источником обычное право арабов доисламского времени. Между тем, многие постулаты в обычае-правовых системах народов мира, проживающих порой в отдаленнейших друг от друга регионах ойкумены, обнаруживают схожесть порой до идентичности, что является отражением универсалистских структур единых истоков социогенеза и культурогенеза человечества как единого вида существ. Наличие в шариате обычае-правовых реминисценций облегчало рецепцию кумыками данных норм исламского права.

Другим ментальным основанием Ю.М. Гусейнов считает стремление кумыкского социума избежать рецепции излишне жестких и однозначных норм. В качестве показательного примера Ю.М. Гусейнов отмечает, что «суровые шариатские наказания за воровство стали причиной доминирования адата над мусульманским правом и в этом вопросе» [Гусейнов 2023: 150]. Действительно, в исламе посягательство на чужое имущество, кража, воровство однозначно относятся к категории *харам* и шариат, как известно, за это преступление наказывает отсечением руки, независимо от пола, совершившего это преступное деяние. Поэтому в другом месте автор еще раз подчеркивает, что «причины доминирования адата над шариатом в вопросах судоустройства и судопроизводства» он видит в том, что существовало «более гуманное наказание по адатному праву, чем по шариату» [Гусейнов 2023: 138].

Между тем, это не совсем так. По данным самого Ю.М. Гусейнова за покушение на чужое имущество кумыкские адаты предусматривают даже более суровое наказание. Автор свидетельствует: «У кумыков адаты предписывали безнаказанное убийство вора, застигнутого в момент кражи» [Гусейнов 2023: 150]. Другое дело, что спектр наказаний за данное правонарушение был достаточно широк и вынося вердикт, судьи обязаны были учитывать целый ряд факторов: предметы и объем похищенного, обстоятельства кражи, статус, возраст, гендер вора и др., на основании чего выносился справедливый, удовлетворяющий стороны приговор по возмещению убытка в самых разных формах и размерах. Поэтому, думаю, в данном случае основную роль играли не соображения гуманности, а прагматика, дававшая социуму простор для разрешения конфликтной и спорной ситуации.

Ю.М. Гусейнов гораздо более убедителен, когда рассматривает другой источник воздействия на функционирование обеих правовых систем – государство, политическая надстройка, сосредоточившая в своих руках власть и получившая право на осуществление административного управления. Автор вполне убедительно показал, как государство манипулирует обоими нормативными системами, подчиняет их своим интересам. Это не было кумыкской, или шире – кавказской спецификой. Это была логика строительства государства. Все начальные опыты официальной кодификации – законы Хаммурапи, кодекс Дракона, законы XII таблиц, средневековые европейские варварские правды, Русская Правда и др. своими основным источником имели обычное право. Их кодификация,

превращение норм обычного права в законы, по существу, означали попытку государства наложить руку на правотворчество народа, выхолостить основной компонент адата – его вариативность, подчинив жесткости и однозначности закона.

На Кавказе то же самое делал Шамиль. Анализируя его «Низамы», Ю. М. Гусейнов верно замечает, что «не отступаясь от самого духа шариата, сделал немало отступлений от его буквы» [Гусейнов 2023: 192]. Полностью солидарен и с другим авторским утверждением: «По сути, Шамиль продвигался по пути формирования собственной полиюридической модели законодательства и судопроизводства, а ее дальнейшее развитие было прервано падением его государства» [Гусейнов 2023: 192]. Столь же планомерно разрушали традиционное правовое поле царская администрация. Неоднозначный, но очень выразительный пример может послужить ее борьба кровной мезьей. В традиционном обществе функционирование института кровомщения было очень эффективным сдерживающим механизмом для недопущения определенных видов девиантного поведения. Если же казус происходил, то традиционное общество, заинтересованное в сохранении в общине социального мира, обладало немалыми возможностями, чтобы как можно скорее прервать постоянно расширяющийся круг вендетты – тут же включались различные медиаторские механизмы, институты посредников, обряды примирения, выплата композиций и т.д.

Преследуя на первый взгляд благую цель, царская администрация разрушала традиционный мир, императивно предлагая альтернативную систему защиты личности в виде своих законов и ссылки в Сибирь как наказание за преступление. Но эта мера наказания совершенно не воспринималась традиционным сознанием как справедливая. Случалось, что вернувшегося из Сибири каторжника либо во исполнение кровомщения тут же убивали, либо, если имел кровника, убивал сам, снова отправляясь на каторгу. Советская власть также столкнулась с проблемой того, что она называла пережитками родового строя, она постоянно устраивала административно-идеологические компании для борьбы со старым бытом, занималась манипуляцией, объявляя какие-то адатные и шариатские нормы «вредными», а какие-то – «полезными».

Последняя глава монографии посвящена сугубой современности. Автор констатирует возрождение адатно-шариатских норм в семейной и общественном быту кумыков – впрочем, эти процессы имели место во всем регионе. Они протекали в разных формах, при этом в некоторых своих проявлениях приняли крайне деструктивный характер. Это особенно было характерно для движения салафитов («ваххабитов»), идеология и практика которых отличались крайним радикализмом и экстремизмом. В своих требованиях тотального утверждения шариатских начал в общественной и семейной жизни они провозгласили целью своей борьбы прежде всего местные формы народного ислама, тесно переплетенного с адатными нормами – отсюда категорическое непризнание суфизма в качестве исламской традиции, отрицание сложившегося похоронного обряда, крайняя критика обычаев почитания и посещения зияратов, празднования мавлида и др. порицаемые нововведения, которые практикуют по их терминологии – манафикуны.

В свете сказанного мне представляется несколько идеализированным заключение автора о том, что «соотношение исламского и обычного права следует рассматривать не как однозначное имманентное противостояние и взаимное отрицание, а как многовековой, сложный, порой запутанный, диалог» [Гусейнов 2023: 58]. «Диалог», конечно, имел место и противостояние, возможно, не всегда выливалось в конфликтные формы, однако игнорировать имеющиеся факты подавления одной нормы другой, ее отрицание, или одностороннего изгнания из бытового обихода, мне кажется нельзя. В то же время важно учитывать, что конфликты, видимо, всегда сопровождали «диалог». Автор приводит позицию одного из, как бы сейчас сказали, лидеров общественного мнения, крупного кумыкского религиозного деятеля и поэта конца XIX – начала XX в. Ибрагима из Эндирея, который «критиковал “плохие адаты, оставшиеся нам от отцов и дедов”» [Гусейнов 2023: 85]. Исходя из этого, вышеприведенное авторское заключение, на мой взгляд, нуждается в уточнении.

В завершение отмечу, что монографию Ю.М. Гусейнова рассматриваю как значительный и весомый исследовательский вклад в познание весьма актуальной научной проблемы. Работа расширяет, углубляет и детализирует наши знания по сформулированной проблеме. Отныне мы гораздо лучше представляем основные пути и механизмы эволюции нормативных систем адата и шариата в социальной динамике последнего более чем двухвекового этапа исторического развития кумыкского народа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Гусейнов 2023 – Гусейнов Ю.М. Адат и шариат в быту у кумыков в XIX-XXI вв. – Махачкала: Дагестанский государственный университет народного хозяйства, 2023. – 400 с.

REFERENCES

GUSEJNOV YU.M. *Adat i shariat v by`tu u kumy`kov v XIX-XXI vv.* [Adat and Sharia in the everyday life of the Kumyks in the 19th-21st centuries]. – Maxachkala: Dagestan-skij gosudarstvenny`j universitet narodnogo khozyajstva, 2023. – 400 p. (In Russ.).

Информация о рецензенте

Ю.Д. Анчабадзе – доктор исторических наук.

Information about the reviewer

Yu.D. Anchabadze – a doctor of Sciences (History).

Рецензия поступила в редакцию 01.11.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The review was submitted 01.11.2025; accepted for publication 30.12.2025.

Наши авторы

Абдуллабекова Умсалимат Багаутдиновна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела лексикологии и лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия.

E-mail: irma-uma@mail.ru

Аликаев Рашид Султанович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой и романской филологии социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: ralikaev@mail.ru

Анчабадзе Юрий Дмитриевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом Кавказа Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум, Абхазия.

E-mail: anchabadze@list.ru

Апажева Елена Хасановна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: yelena.apazheva@mail.ru

Апажева Светлана Султановна – кандидат философских наук, доцент кафедры организации работы с молодежью социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: svetlana.apageva@mail.ru

Атабиева Асият Даутовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru

Бекулова Жаннет Сейитовна – преподаватель русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В.М. Кокова», Нальчик, Россия.

E-mail: bekulova2019@bk.ru

Бербекова Марина Хасанбиевна – кандидат исторических наук, заместитель директора института права экономики и финансов ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: yucatan_line@mail.ru

Боров Аслан Хажисмелович – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: aslan-borov@mail.ru

Гедуев Анзор Уматиевич – аспирант ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: anzor.geduyev@mail.ru

Губжокова Нуриет Карпушевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», Майкоп, Россия.

E-mail: gubzhockova.nuriet2015@yandex.ru

Гугова Марина Хабасовна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия; заведующая кафедрой истории России и кавказоведения ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: gugowa@mail.ru

Гуртуев Расул Салихович – кандидат исторических наук, инженер-исследователь Управления научных исследований и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: rasul.gurtuev@mail.ru

Гусейнов Юсуп Магомедович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук; профессор кафедры Дагестанского государственного университета народного хозяйства, Махачкала, Россия.

E-mail: g.usup@mail.ru

Гучева Анджела Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: anggucheva@mail.ru

Дзамихов Касболат Фицевич – доктор исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: kbigi@mail.ru

Дышеков Мурат Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права института права экономики и финансов ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: dugur1@mail.ru

Жанситов Осман Асланович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия; старший научный сотрудник Научно-инновационного центра «Экспертные системы источниковедения и историографии» Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

E-mail: osman.zhansitov@yandex.ru

Жерештиев Анзор Адальбиевич – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права института права, экономики и финансов ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: anzorzhereshtiev@mail.ru

Захохова Мадина Руслановна – кандидат экономических наук, доцент кафедры организации работы с молодежью социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: madia_rz@mail.ru

Исмаилова Алмаз Мусаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», Махачкала, Россия.

E-mail: almaz.ismailova@mail.ru

Кадимов Руслан Гаджимурадович – доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова», Махачкала, Россия.

E-mail: ruslankadimov@mail.ru

Кажарова Инна Анатольевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: barsello@rambler.ru

Кимов Рашад Султанович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: rashad.kimov@yandex.ru

Кожев Заурбек Анзорович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором Средневековой и Новой истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: zaurbek_k@mail.ru

Кузьминов Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и кавказоведения ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: petrakis_hist@bk.ru

Кумыкова Дина Мухарбиевна – кандидат филологических наук, доцент, ученый секретарь, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: dina07-09@mail.ru

Кусаева Залина Константиновна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора и литературы Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева – филиала Владикавказского научного центра Российской академии наук, Владикавказ, Россия.

E-mail: kusaevaz@mail.ru

Лакунова Диана Руслановна – младший научный сотрудник отдела Кавказа Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: anzva86@gmail.com

Максимов Михаил Александрович – старший преподаватель кафедры английского языка № 6 Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия.

E-mail: maximovmgimo@gmail.com

Махов Инал Расулович – ассистент кафедры организации работы с молодежью, аналитик Центра поддержки студенческих объединений, молодежных программ и проектов, лаборант-исследователь Управления научных исследований и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: petrakis_hist@bk.ru

Нальчикова Елена Аниуаровна – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: elenalchik@yandex.ru

Скрипкин Роман Дмитриевич – ассистент кафедры истории России и кавказоведения ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: roman.skripkin97@mail

Слепцов Александр Сергеевич – аспирант Европейского университета в г. Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: a.sleptsov@eu.spb.ru

Сомгурова Марьяна Асланова – аспирант ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: zhiletezheva1991@gmail.com

Сулаберидзе Юрий Семенович – кандидат исторических наук, приглашенный профессор Института кавказоведения Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили, Тбилиси, Грузия.

E-mail: iuri.sulaberidze@mail.ru

Татаров Азамат Амурович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: traveller9090@mail.ru

Тверитинов Игорь Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора историко-культурного наследия лаборатории этносоциальных исследований Федерального исследовательского центра «Субтропический научный центр Российской академии наук», Сочи, Россия.

E-mail: iatveritinov@yandex.ru

Толгуров Тахир Зейтунович – доктор филологических наук, заведующий научно-инновационным центром «Интеллектуальные филологические системы» ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: kangaur64@yandex.ru

Тумаков Денис Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России, доцент кафедры новейшей отечественной истории исторического факультета Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова, Ярославль, Россия.
E-mail: denistumakov@yandex.ru

Узденова Фатима Таулановна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: uzdenova_kbigi@mail.ru

Хавжокова Людмила Борисовна – доктор филологических наук, заведующая сектором кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Ханбалаева Сабина Низамиевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия.
E-mail: sabinamgimo@mail.ru

Ханинова Римма Михайловна – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом фольклора и литературы ФГБУН «Калмыцкий научный центр Российской академии наук», Элиста, Россия.
E-mail: khaninova@bk.ru

Хатухова Лаура Владимировна – ассистент кафедры английского языка ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: laura.khatukhova@yandex.ru

Челпанова Диана Дмитриевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социологии ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук», Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: chelpanova@ssc-ras.ru

Чочиев Георгий Витальевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева – филиала Владикавказского научного центра Российской академии наук, Владикавказ, Россия.
E-mail: georg-choch@yandex.ru

Швайба Надежда Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: shvaiba@sfedu.ru

Яхутль Юрий Асланбиевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия.
E-mail: a075ca@yandex.ru

Электронный журнал
«Кавказология»
Caucasology

№ 4 / 2025

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4

Подписано к изданию:
30.12.2025 г.